

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
САМУИЛА СМАЙЛЬСА
—
ТОМЪ ВТОРОЙ

Исходящий из

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

САМУИЛА СМАЙЛЬСА

1862

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦИЕЮ

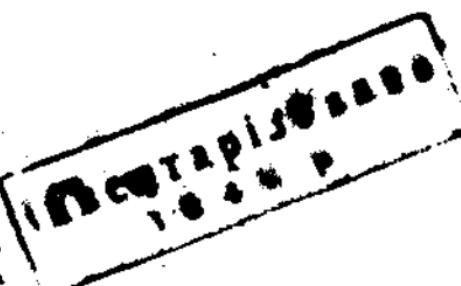
М. Н. НИКОЛЬСКАГО

Съ биографіей и портретомъ Сам. Смайльса.

ТОМЪ ВТОРОЙ

250 р.

150 р.

И З Д А Н И Е

поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.

1903

РЕВІРЕЙ

1982 р.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

Дозволено цензурою. Спб., 11 сентября 1903 г. Редакторъ П. М. Ольхинъ.

ГЛАВА I.

САМОДЪЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЛИЧНАЯ.

Духъ самодѣятельности.—Люди и учрежденія.—Прогрессъ и падение націй.—Правительство — выраженіе начала индивидуальности въ народѣ. — Истинная свобода основывается на характерѣ.—Энергическая самодѣятельность составляетъ выпуклую черту англійского характера. — Величайшіе дѣятели происходятъ изъ низшихъ классовъ общества. — Польза біографіи. — Развитіе индивидуальности въ англичанахъ.—Школа практической жизни.—Мнѣніе Гёте, Візе, Раудю объ англійскомъ характерѣ.—Проявленіе энергіи въ низшихъ классахъ народа. — Цирюльники. — Шекспиръ. — Поденщики.—Ткачи.—Башмачники.—Портные.—Открытие геолога Родерикомъ Мурчисономъ. — Средніе классы.—Ньютонъ и Адамсъ Ричардъ Оуэнъ.—Личный трудъ—условіе успѣха.—Богатые классы народа. — Ученые: Бэконъ, Бойль, Кавендишъ, Россъ. — Государственные люди: Пиль, Брумъ, Бульверъ, Литтонъ, Диразли. — Новѣйшіе образчики труда и самопожертвованія.—Примѣры самодѣятельности, взятые изъ русской жизни. — Спранскій.—Патріархъ Никонъ.

«На Бога надѣйся, а самъ не плошай»—вотъ истинная пословица, заключающая въ немногихъ словахъ выводъ изъ огромнаго числа жизненныхъ опытовъ. По отношенію къ отдельной личности, духъ самодѣятельности служить основаниемъ всякаго дѣйствительнаго развитія, а въ приложеніи къ жизни массъ составляетъ настоящій источникъ национальной бодрости и силы. Внѣшнее пособіе часто только разслабляетъ, тогда какъ помошь, основанная на внутренней

силъ, непремѣнно укрѣпляетъ человѣка. Это объясняется тѣмъ, что посторонняя поддержка до нѣкоторой степени устраниетъ у дѣйствующаго лица побудительную причину и необходимость дѣйствовать для собственной пользы, а когда люди подчинены чужому руководству и вообще постороннему преобладанію, тогда непремѣнно они дѣлаются сравнительно безпомощными.

Дѣйствительной помощи не могутъ дать людямъ никакія учрежденія, какъ-бы они хороши ни были. Быть-можеть, самое большое, что они могутъ сдѣлать, заключается въ предоставлении людямъ свободы развитія и возможности самимъ улучшать свое личное положеніе. Между тѣмъ, люди всегда были склонны къ той мысли, что ихъ довольство и счастіе могутъ быть въ большей степени обеспечены учрежденіями, чѣмъ собственнымъ образомъ дѣйствій. Такое ложное мнѣніе было причиной преувеличенія значенія законодательства, какъ двигателя общественного прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, составлять какую-нибудь миллионную часть законодательной единицы, посредствомъ подачи голоса въ пользу одного, двухъ людей, — разъ въ теченіе трехъ или пяти лѣтъ, — такая обязанность, даже при самомъ добросовѣстномъ исполненіи, можетъ произвести лишь незначительное вліяніе на жизнь и характеръ каждого отдельного человѣка, который призывается къ этому. Сверхъ того, съ каждымъ днемъ больше и больше проникаетъ въ общественное сознаніе та истина, что обязанности правительства скорѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя, — что оно должно лишь указывать предѣлы для частной дѣятельности, а не само дѣйствовать; короче, правительству остается только защита, — защита жизни, свободы и собственности. Поэтому-то главныя «реформы» послѣднихъ 50 лѣтъ въ Англіи состояли преимущественно въ отменѣ обязательной силы прежнихъ узаконеній и въ окончательномъ ихъ уничтоженіи, потому что нѣть такого закона, который-бы могъ празднаго человѣка сдѣлать трудолюби-

вымъ, расточительного бережливымъ, развратного воздержнымъ, хотя каждый можетъ пріобрѣсти эти качества съ помощью свободного употребленія собственныхъ способностей. Опытъ доказалъ, что достоинство и сила государства гораздо меньше зависятъ отъ формы его учрежденій, чѣмъ отъ личныхъ свойствъ составляющихъ его людей, потому что нація есть не что иное, какъ собраніе отдельныхъ личностей, и задачу цивилизаціи составляетъ вопросъ объ ихъ усовершенствованіи.

Прогрессъ народный выражается въ суммѣ трудолюбія, энергіи и честности отдельныхъ лицъ, а національный упадокъ есть слѣдствіе ихъ лѣности, себѧлюбія и пороковъ. Тѣ явленія, которыя мы обыкновенно порицаемъ, называя ихъ великими общественными язвами, оказываются большою частію результатомъ нашей собственной неправильной жизни, и сколько бы мы ни дѣлали попытокъ уничтожить ихъ средствами закона, эти бѣдствія все-таки появятся опять, съ новою силою, въ какой-нибудь другой формѣ, если только самыя условія нашей жизни и характера не будутъ радикально измѣнены къ лучшему. Если допустить такой взглядъ, то прямымъ его слѣдствіемъ будетъ то, что высшія задачи патріотизма и филантропіи достигаются не столько перемѣною законовъ и преобразованіемъ учрежденій, сколько побужденіемъ людей къ самоусовершенствованію путемъ ихъ собственной свободной и независимой дѣятельности.

Правительство каждой націи есть только воплощеніе составляющихъ ее личностей. Если оно, по идеямъ и стремленіямъ, оказывается выше своего народа, то неизбѣжно будетъ понижено до уровня массы, а если отстаетъ отъ нея, то также будетъ наконецъ двинуто впередъ. Поестественному ходу вещей, общій характеръ націи также неизбежно найдетъ свое отраженіе въ ея правительствахъ и законѣ, какъ вода всегда сама собою принимаетъ на поверхности горизонтальное положеніе. Благородная нація

будетъ управляема честно, а испорченная и невѣжественная наоборотъ. Свобода каждого народа зависитъ сколько отъ политического, столько же и отъ нравственного характера его; она является результатомъ способности къ дѣйствію, энергіи и самостоятельности частныхъ лицъ.

Способъ вѣшняго управлениія человѣкомъ имѣть сравнительно малую важность: все зависитъ отъ умѣнья человѣка управлять самимъ собой. Въ дѣйствительности, рабомъ можно назвать не того, кто терпитъ чужой деспотизмъ, какъ ни велико это зло само по себѣ, но того, кто не въ силахъ сладить съ собственнымъ невѣжествомъ, себялюбіемъ и порочными наклонностями. Въ разныхъ странахъ были, а можетъ-быть найдутся и теперь, такъ-называемые патріоты, которые считаютъ великою заслугою для дѣла свободы убийство тирана, забывая, что обыкновенно тиранъ не что другое, какъ добросовѣстный представитель тѣхъ миллионовъ народа, надъ которыми онъ царствуетъ. Но націи, которая проникнуты духомъ рабства, не получать свободы вслѣдствіе простой перемѣны ихъ властелиновъ или преобразованія существующихъ учрежденій, — и пока будетъ преобладать то роковое заблужденіе, что свобода зависитъ отъ правительства, — до того времени всѣ подобные реформы, какой бы цѣной онѣ ни были совершены, будутъ имѣть столь же мало практическихъ и прочныхъ результатовъ, какъ перемѣна фигуръ въ фантасмагорії. Прочная основа свободы должна заключаться въ характерѣ частныхъ лицъ; въ этомъ одномъ должно искать также и вѣрную гарантію общественной безопасности и национального прогресса. Вотъ что составляетъ дѣйствительную силу англійской свободы. Англичане знаютъ, что они свободны не только потому, что живутъ подъ защитой тѣхъ свободныхъ учрежденій, которые привиты были съ такою заботливостью, но и потому, что каждый членъ общества, въ большей или меньшей степени, проникнутъ понятіемъ о свободѣ; поэтому они ревностно охраняютъ свою свободу

и не только примѣняютъ ее къ слову, но постоянно выражаютъ въ своей жизни и энергическихъ дѣлахъ, достойныхъ лично свободныхъ людей.

Такого положенія Англія достигла путемъ умственнаго и физическаго труда многихъ поколѣній, — труда, при которомъ шла въ дѣло дѣятельность даже самыхъ малозначительныхъ лицъ: все было устремлено къ достижению одной цѣли. Трудолюбивые и терпѣливые люди всѣхъ сословий — агрономы и инженеры, разнаго рода изобрѣтатели, механики и земледѣльцы, торговцы, поэты, мыслители и государственные люди, — всѣ работали вмѣстѣ, одно поколѣніе продолжало труды другого, содѣйствуя выработкѣ общаго характера страны и установляя ея благосостояніе на прочныхъ основаніяхъ.

Этотъ рядъ достойныхъ дѣятелей, пionеровъ цивилизаціи, создалъ порядокъ изъ хаоса, существовавшаго въ промышленности, наука и искусство. Воспользовавшись, такимъ образомъ, плодами трудовъ своихъ предковъ, завѣщанными отъ нихъ въ наслѣдство, современное поколѣніе вмѣстѣ съ тѣмъ приняло на себя обязанность передать это наслѣдство своимъ преемникамъ не только въ неповрежденномъ, но даже въ улучшенномъ видѣ.

Этотъ духъ самодѣятельности, пріучающей надѣяться только на собственные силы и проявляющейся въ энергическихъ дѣйствіяхъ частныхъ лицъ, былъ всегда отличительной чертой характера англичанъ и можетъ служить истинной мѣрой ихъ национального могущества. У нихъ всегда былъ рядъ личностей, отличавшихся отъ другихъ, высоко выдававшихся надъ массой и обладавшихъуважениемъ общества; тѣмъ не менѣе, успѣхомъ своимъ англійскій народъ обязанъ также и толпамъ незначительныхъ и незвѣданныхъ дѣятелей. Такъ, въ исторіи какой-нибудь замѣчательной войны упоминаются обыкновенно только имена генераловъ, хотя побѣды большую частію одерживались личною храбростью солдатъ. Жизнь также можно

примѣнить къ такой «солдатской битвѣ», потому что въ числѣ величайшихъ дѣятелей всегда были люди изъ простого званія. Для насъ осталась неизвѣстною жизнь многихъ людей, которые однако-жъ оказывали столь же сильное вліяніе на цивилизацію и прогрессъ, какъ и наиболѣе счастливые изъ великихъ личностей, имена которыхъ сохранены въ біографіяхъ. На благосостояніе страны, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, имѣтъ весомѣшнное вліяніе даже самый скромный человѣкъ, который подаетъ окружающимъ примѣръ трудолюбія, воздержности и безукоризненной правдивости своихъ жизненныхъ стремленій, потому что его жизнь и характеръ безсознательно проходятъ въ жизнь другихъ и распространяютъ хороший примѣръ на будущее время.

За всѣмъ тѣмъ, біографіи людей великихъ, а въ особенности полезныхъ, въ высшей степени поучительны и благотворны, какъ помошь, руководство и возбужденіе для людей обыкновенныхъ. Нѣкоторыя изъ лучшихъ между такими личностями почти подобны евангельскимъ проповѣдникамъ, подобны потому, что получали хорошей жизни, возвышенными помыслами и энергической дѣятельности для своего и общественного блага. Британскія біографіи усѣяны, «какъ яркими крушинками золота», славными примѣрами могущества принципа довѣренности къ своимъ силамъ,—примѣрами терпѣливаго стремленія къ цѣли, непрерывной дѣятельности и стойкой честности. Качества эти выразились въ формировкѣ истинно честного и мужественнаго характера. Британскія біографіи разсказываютъ общепонятнымъ языкомъ о тѣхъ средствахъ, какія доступны каждому для самоусовершенствованія; при чтеніи ихъ, ясно видно, какъ успешно самоуваженіе и довѣренность къ собственнымъ силамъ даютъ возможность людямъ, даже самаго скромнаго общественного положенія, доставить себѣ трудомъ хорошую репутацію и почетный достатокъ.

Чужестранные наблюдатели обратили внимание на силь-

ную индивидуальность англичанина и необыкновенную личную энергию его, составляющую одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ всего народа,—энергию, которая не расплывается въ учрежденияхъ, но вездѣ удерживаетъ совершенную свободу мысли, слова и дѣйствія. «Que j'aime la hardiesse anglaise! que j'aime les gens qui disent ce qu'ils pensent!»—таково было выразительное восклицаніе Вольтера. Это-то сильное развитіе начала личности дѣлаетъ англичанина свободнымъ, поддерживаетъ его свободу и совершенно разъясняетъ всѣ отправленія общественного организма. Посредствомъ энергіи отдельныхъ сильныхъ личностей образуется много живыхъ центровъ дѣятельности, вокругъ которыхъ группируются и собираются другія энергическія лица; такимъ образомъ, все общество оживляется, и, въ важныхъ случаяхъ, этимъ обеспечивается могучая энергическая дѣятельность цѣлой націи.

Воть эта энергія индивидуальной жизни и примѣръ, дѣйствующій повсемѣстно въ обществѣ, и составляютъ самое лучшее практическое воспитаніе англичанъ. Въ сравненіи съ нимъ, всѣ школы, академіи и гимназіи даютъ только самыя первыя начала развитія. Гораздо выше въ практичишѣ для жизни то воспитаніе, которое ежедневнодается у насъ дома, на улицахъ, за прилавками, въ мастерскихъ, за ткацкимъ станкомъ и плугомъ, въ конторахъ и на фабрикахъ, и вообще во всѣхъ центрахъ общественной дѣятельности. Такое воспитаніе дѣлаетъ англичанина способнымъ къ работѣ и даетъ ему возможность вмѣсть съ тѣмъ сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ. Это окончательное обученіе, заключающее въ себѣ выработку членовъ общества, Шиллеръ назвалъ «воспитаніемъ рода человѣческаго». Этотъ родъ воспитанія нельзя изучить по книгамъ или усвоить себѣ какою-бы то ни было степенью обыкновенныхъ научныхъ занятій. Оно состоитъ въ дѣятельности, умѣніи управлять собою, въ наблюденіи за своими поступками,—во всемъ, что можетъ выработать настоящ-

шаго человека и сдѣлать его способнымъ къ хорошему исполненію обязанностей и дѣлъ, встречающихся въ жизни. Бэкона, своимъ обычнымъ тяжеловѣснымъ слогомъ, замѣчаетъ, что «науки не учатъ тому, какъ ихъ примѣнить; это составляетъ совершенно особое умѣніе, стоящее виѣхъ и выше ихъ: оно приобрѣтается наблюденіемъ», — замѣчаніе, совершенно справедливое какъ по отношенію къ дѣйствительной жизни, такъ и въ особенности въ приложеніи къ умственному развитію, потому что наблюденіе показало намъ ту истину, что человѣкъ гораздо лучше можетъ усовершенствоваться работой, чѣмъ чтеніемъ, что къ обновленію человѣческаго рода скорѣе можетъ служить жизнь, дѣятельность и личныя свойства людей, нежели литература, ученье и бiографіи знаменитостей.

Гете, разговаривая однажды въ Веймарѣ съ Экерманомъ, сказалъ: «хотя это очень странно, но должно признаться, что англичане, повидимому, имѣютъ большія преимущества передъ многими другими народностями. Не знаю, какая причина этого: самое-ли происхожденіе ихъ, климатъ, почва, или то здравое воспитаніе, которое имъ дается. Здесь, въ Веймарѣ, мы видимъ только меньшинство, и конечно, меньшинство безъ особо тщательного выбора, но при всемъ томъ какіе это славные люди! Семнадцатилѣтніе юноши на чужбинѣ и все-таки нисколько не чувствуютъ себя здѣсь чужими: напротивъ, они появляются и держать себя въ обществѣ такъ уверенно и спокойно, какъ будто-бы они вездѣ были хозяевами и какъ будто-бы имъ принадлежаль цѣлый свѣтъ». — «Но все-таки, — возразилъ Экерманъ, — по этой одной причинѣ я не могу допустить, чтобы англійскіе джентльмены въ Веймарѣ были болѣе образованы и обладали лучшею нравственностью, чѣмъ наши молодые люди». — «Не въ томъ дѣло, — сказалъ Гете: — превосходство ихъ заключается не въ этомъ, а также не въ происхожденіи и не въ богатствѣ, а въ томъ, что у нихъ достаетъ мужества быть тѣмъ, чѣмъ природа ихъ создала. Въ нихъ

пъть недоконченности: они *моди* въ полномъ смыслѣ слова;— иногда они же бывають и круглыми дураками, это правда, но даже въ этомъ послѣднемъ положеніи человѣкъ все таки составляетъ что-нибудь и имѣть свое значеніе». Такимъ образомъ, въ глазахъ Гете, англичане въ значительной степени удовлетворяли тому условію, какое поставлено было Лессингомъ для желающихъ сдѣлаться людьми въ полномъ смыслѣ слова: «Размышляйте, какъ хотите, хотя даже невѣрно, но размышляйте сами».

Другой иностранный писатель, нѣмецъ Визе, сравнивая англійскую и нѣмецкую системы воспитанія, изъ которыхъ одна больше старается образовать характеръ, другая стремится къ развитію умственному, замѣтилъ, что англійскіе біографы знаменитыхъ людей придаютъ гораздо большие значения энергическому стремленію къ цѣли, терпѣнію, мужеству, настойчивости и самообладанію, чѣмъ научному рвению или прилежанію къ ученью въ юности; короче, по его наблюденію, англичане даютъ преимущество вездѣ индивидуальному элементу и ставятъ характеръ гораздо выше ума. Такое замѣчаніе и вѣрно само по себѣ, и обильно важными выводами: оно указываетъ на основную черту англійской національной силы, которая составляетъ плодъ начала индивидуальности въ мысли, характерѣ и дѣятельности.

Приведемъ еще мнѣніе известнаго французскаго писателя Рандю о томъ, что составляетъ существенное достоинство англійской системы. По его мнѣнію, система эта наиболѣшимъ образомъ устраиваетъ соціальное существованіе, потому что, формируя къ лучшему быть частныхъ лицъ, она продолжаетъ вмѣсть съ тѣмъ традиціонную жизнь цѣлої націи; онъ думаетъ, что англичане такимъ образомъ совмѣщаютъ, непонятныемъ для иностранцевъ способомъ, здравое проявленіе личной свободы съ общимъ послушаніемъ установленнымъ властямъ, энергическую дѣятельность частныхъ лицъ, не терпящую никакихъ стѣсненій.

ній, съ единообразнымъ подчиненiemъ всѣхъ національному долгу. Французскія учрежденія производятъ только солдатъ и чиновниковъ, тогда какъ англійскія, даруя полную свободу всѣмъ, безъ различія пола, и признавая за каждымъ право воспитывать самого себя, приготовляютъ гражданъ, способныхъ и къ практической дѣятельности вообще, и къ важнымъ обязанностямъ домашнимъ и семейнымъ; и хотя англійскія школы и гимназіи, подобно французскимъ и нѣмецкимъ, производятъ иногда случайные образчики умовъ, получившихъ сильное развитіе, но, вообще, національная система воспитанія англичанъ доставляетъ огромное число такихъ людей, которые, по словамъ Рандю, являются міру двѣ добродѣтели могучей расы: упорство въ достижениіи цѣли и несокрушимое самообладаніе.

Эта-то личная свобода и энергическая дѣятельность, такъ искренно признанная наблюдательными иностранцами, и составляетъ дѣйствительно плодотворную причину англійской національной зрѣлости, потому что духъ свободного дѣйствія не ограничивается какимъ-нибудь однимъ сословиемъ, но проникаетъ всѣ классы и всѣ сословія англійского общества и даже, быть можетъ, всего сильнѣе проявляется въ низшихъ слояхъ народа.

Люди, знаменитые въ областяхъ науки, литературы и искусства,—великие проповѣдники великихъ мыслей,—выходили безразлично изъ англійскихъ фермъ и съ шотландскихъ холмовъ, изъ мастерскихъ и изъ рудниковъ, изъ-за наковални кузнеца и со скамейки ветошника. Примѣры этого такъ многочисленны, что затруднительно сдѣлать изъ нихъ выборъ, сообразный съ объемомъ обыкновенной книги. Припомнимъ, напримѣръ, тотъ замѣчательный фактъ, что изъ мастерской цирюльника вышли: Ричардъ Аркрайтъ, изобрѣтатель прядильной машины и съватъ великобританскихъ хлопчатобумажныхъ мануфактуръ, лордъ Тентерденъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ судей, и Тернеръ, одинъ изъ ландшафтныхъ живописцевъ.

Достовѣрно неизвѣстно, кто былъ Шекспиръ, но несомнѣнно то, что онъ происходилъ изъ людей низшаго общественнаго положенія. Отѣць его былъ мясникъ и скотоводъ; полагаютъ, что самъ Шекспиръ былъ въ молодости чесальщикомъ, тогда какъ, по мнѣнію другихъ, онъ былъ привратникомъ въ школѣ, а потомъ писцомъ у нотаріуса. Казалось, онъ «не былъ отдѣльнымъ лицомъ, но воплощеніемъ всего человѣческаго рода». Любой морской писатель, по точности морскихъ фразъ въ пьесахъ Шекспира, заключить, что онъ былъ морякомъ; духовная особа, изъ несомнѣнныхъ доказательствъ въ его сочиненіяхъ, сдѣлаетъ выводъ, что онъ былъ причетникомъ, а извѣстный знатокъ лошадей будетъ настаивать, что Шекспиръ былъ лошадиный барышникъ. Извѣстно, что Шекспиръ былъ актеръ и въ теченіе своей жизни «игралъ много ролей», собирая свои удивительные запасы свѣдѣній на обширномъ полѣ опыта и наблюденія. Во всякомъ случаѣ, онъ внимательно учился и усердно работалъ; сочиненія его и до сихъ поръ оказываютъ могущественное вліяніе на складъ англійскаго характера.

Изъ низшаго класса обыкновенныхъ англійскихъ работниковъ вышли: инженеръ Бриндлей, мореплаватель Куки и поэтъ Бернесъ. Каменщики могутъ похвастаться Беномъ Джонсономъ, который работалъ при постройкѣ Lincoln's Inn (училище правовѣдѣнія) съ лопаткой въ рукѣ и съ книгой въ карманѣ, инженерами Эдвартсомъ и Тельфордомъ, геологомъ Гуго Миллеромъ и наконецъ писателемъ-скульпторомъ, Алленомъ Кунингамомъ.

Въ числѣ знаменитыхъ плотниковъ мы находимъ имена архитектора Иниго Джонса, Гаррисона, изобрѣтателя хронометра, физіолога Джона Гентера, живописцевъ Ромнея и Опія, оріенталиста профессора Ли и скульптора Джона Джибсона.

Изъ ткачей произошли: математикъ Симпсонъ, скульпторъ Бэкопъ, два Мильнера, Адамъ Уокеръ, Джонъ Фор-

стеръ, орнитологъ Уильсонъ, знаменитый путешественникъ-миссионеръ, докторъ Ливингстонъ и поэтъ Танагильтъ. Между башмачниками находимъ адмирала Шовеля, ученаго Стерджена, занимавшагося электричествомъ, писателя Самуила Дрю, Джиффорда, издателя журнала «Quarterly Review», поэта Блюмфильда и миссионера Кери,— а другой трудолюбивый миссионеръ, Моррисонъ, занимался производствомъ сапожныхъ колодокъ. Также въ послѣднее время получилъ извѣстность хороший натуралистъ, сапожникъ въ Банфѣ, Томасъ Эвардсъ; онъ жилъ своей работой, а до суги посвящалъ изученію различныхъ отраслей естественныхъ наукъ, и труды егоувѣнчались открытиемъ новаго рода раковидныхъ животныхъ, названного по его имени.

Портные также не остались назади: этимъ ремесломъ занимался живописецъ Джаксонъ, пока не достигъ зрѣлаго возраста; но еще замѣчательнѣе то, что къ числу портныхъ принадлежалъ одинъ изъ храбрѣшихъ британскихъ моряковъ, адмираль Гобсонъ; онъ былъ въ ученьѣ у портного близъ Бончерча, на островѣ Уайтѣ, когда однажды по селу ихъ пронеслась вѣсть, что около ихъ острова плыветъ военная эскадра. Онъ выскочилъ изъ-за верстака и побѣжалъ съ товарищами на берегъ взглянуть на такое удивительное зрѣлище. Въ маленькомъ портномъ вдругъ явилось сильное желаніе быть морякомъ; вскочивъ въ лодку, онъ отплылъ къ эскадрѣ, высадился на адмиральский корабль и былъ принятъ волонтеромъ. Спустя много лѣтъ, онъ воротился, осыпанный почестями, въ свою родную деревню и спокойно поселился въ томъ самомъ домикѣ, гдѣ жилъ, когда былъ въ ученьѣ у портного.

Кардиналь Уольсей, Деъ, Акенсайдъ и Киркъ Уайтъ были сыновьями мясниковъ, Боніантъ—мѣдникомъ, а Йозефъ Ланкастеръ—корзинщикомъ. Въ числѣ великихъ людей, имена которыхъ связаны съ изобрѣтеніемъ паровой машины, мы находимъ Ньюкомена, Уатта и Стеффенсона; изъ нихъ первый былъ кузнецомъ, второй занимался вы-

дѣлкою математическихъ инструментовъ, а третій исправлялъ должность кочегара. Проповѣдникъ Гентинденъ занимался сначала перевозкою угля, а Бевикъ, изобрѣтатель рѣзыбы на деревѣ, былъ углекопомъ, Додслей былъ лакеемъ, а Голькрафтъ — конюхомъ. Знаменитый мореплаватель Баффинъ вступилъ на свое поприще въ качествѣ мачтоваго слуги, а адмиралъ Шовель — кають-юнги. Гершель игралъ на гобое въ военномъ оркестрѣ. Фарадей, сынъ бѣднаго кузнеца, былъ въ ранней молодости ученикомъ у переплетчика и работалъ тамъ до 22 года, а потомъ сдѣлался знаменитымъ философомъ, превосходящимъ даже своего учителя, Гемфри Дэви, въ искусство ясно излагать самые трудные и темные пункты естественныхъ наукъ.

Недавно Родерикъ Мурчисонъ открылъ въ Серсо, на дальнемъ сѣверѣ Шотландіи, хорошаго геолога, въ лицѣ тамошняго хлѣбопека, Роберта Дика. Когда Мурчисонъ посетилъ его пекарню, Дикъ изобразилъ ему, съ помощью муки на столѣ, географическое очертаніе и геологическія явленія графства, въ которомъ онъ жилъ, указавъ притомъ несовершенства существующихъ картъ, замѣченныя имъ при путешествіяхъ по странѣ въ свободное время. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ Мурчисонъ узналъ, что стоящая передъ нимъ скромная личность была не только хорошимъ хлѣбопекомъ и геологомъ, но еще и первокласснымъ ботаникомъ. «Я пекарь,—говорилъ директоръ Географическаго Общества,—къ величайшему моему стыду, что этотъ пекарь имѣлъ гораздо больше ботаническихъ свѣдѣній, чѣмъ я, и въ его коллекціи не доставало только какихъ-нибудь 20 или 30 породъ цвѣтковъ». Нѣкоторые были ему подарены, другие куплены имъ, но большая часть была собрана его трудами на родинѣ, въ графствѣ Кэнснесъ,—всѣ образчики были уложены въ самомъ лучшемъ порядкѣ и снабжены своими научными именами.

Славу Англіи составляетъ то, что въ ней много подобныхъ людей; они не всѣ равнозначимы, это правда, но

всѣ одинаково проникнуты благороднымъ довѣріемъ къ своимъ сплѣтствамъ. Такие люди представляютъ примѣры радостной, честной дѣятельности и энергическихъ усилий, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать возможно большее съ помощью незначительныхъ средствъ и при обыкновенной обстановкѣ, не исключающей возможности разныхъ случайностей, представляющихся каждому человѣку, который только хочетъ ими пользоваться. Явленія природы равнѣ открыты крестьянину, ремесленнику и философу, и по общимъ свойствамъ человѣческой природы, такія различно-поставленныя лица одинаково могутъ сдѣлать правильное употребленіе изъ этихъ явленій для достижениія самаго лучшаго результата, къ какому только они способны. Такимъ образомъ, истинные труженики, занимаясь даже самыми скромными ремеслами, въ состояніи принести несомнѣнную пользу обществу.

Въ англійскомъ народѣ примѣры людей, возвысившихся посредствомъ неутомимаго трудолюбія и энергіи отъ самыхъ низшихъ степеней до высокаго положенія и полезнаго значенія въ обществѣ, такъ многочисленны, что давно уже перестали быть исключеніями. При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ болѣе замѣчательныхъ примѣровъ, можно почти придти къ выводу, что ранняя борьба съ неблагородными обстоятельствами и съ трудностями всякаго рода составляетъ не обходимое условіе прочнаго развитія. Англійская палата общинъ всегда заключала въ себѣ значительное число такихъ людей, которые могутъ служить прекрасными образцами трудолюбиваго духа британскаго народа,— и къ чести этого законодательнаго собранія, подобные люди всегда пользовались въ немъ должнымъ почетомъ. Когда Госпль Бревертонъ, членъ за Сальфордъ, во время преній, съ неподдельнымъ пасосомъ перечислялъ труды и лишнія, какія онъ выносилъ еще мальчикомъ на хлопчатобумажной мануфактурѣ, и упомянулъ, что тогда ему пришла на умъ решимость, при первой же возможности, попытаться улуч-

шить быть этого класса, Джемс Грагамъ немедленно объявиль, посреди рукоплесканій собранія, что ему до того не было извѣстно скромное происхожденіе Бревертона, но что онъ всегда будеть гордиться при мысли, что человѣкъ, вышедшии изъ такого положенія, можетъ сидѣть бокъ-обокъ, на одинаковыхъ правахъ, съ наслѣдственнымъ дворянствомъ страны.

Есть и теперь такие члены палаты общинъ, которые въ свои воспоминанія о прошломъ могутъ вставить слово: «когда я былъ въ ученьѣ у ткача»; а еще больше тамъ людей, вышедшихъ изъ равно скромнаго званія. Но, быть можетъ, интереснѣе всего исторія трудностей, какія встрѣтиль и мужественно преодолѣль членъ парламента за Сундерландъ и извѣстный арматоръ Линдсей. Исторію эту рассказалъ онъ самъ веймутскимъ избирателямъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ отвѣтъ на нападки своихъ политическихъ противниковъ. Ему пришлось пробивать себѣ дорогу въ свѣтъ 14-лѣтнимъ сиротой. Изъ Глазго онъ отправился въ Ливерпуль съ 4 шиллингами и малымъ количествомъ мелкой монеты въ карманѣ. Онъ былъ такъ бѣденъ, что капитанъ парохода, на которомъ ему слѣдовалоѣхать, сжалился надъ нимъ и предложилъ ему проѣхать бесплатно, съ тѣмъ только, чтобъ онъ занялся уборкой угля въ сараѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ и такимъ образомъ заплатилъ за проѣздъ. Кочегаръ далъ ему часть своего незатѣйливаго обѣда, и самъ Линдсей вспоминалъ, что онъ никогда не обѣдалъ съ такимъ наслажденіемъ, потому что этотъ обѣдъ былъ имъ заработанъ. Въ Ливерпуль, до пріисканія занятія, Линдсею пришлось пробыть 7 недѣль; онъ жилъ въ сарайахъ, пробавляясь своими $4\frac{1}{2}$ шиллингами, пока наконецъ не нашелъ себѣ пріюта на кораблѣ, принадлежавшемъ вестъ-индскому купцу. Онъ поступилъ туда мальчикомъ, а на 19 году получилъ уже управление кораблемъ. 23 лѣтъ онъ оставилъ морскую дѣятельность и поселился на твердой землѣ; быстрымъ достижениемъ благосостоянія

онъ обязанъ своей неутомимой дѣятельности, постоянному труду и непрѣбному послушанію извѣстному правилу: дѣлать другимъ то, чего желаемъ себѣ.

Та же самая характеристическая черта, черта энергической дѣятельности, проявляется и между другими классами англійского общества. Изъ среднихъ классовъ народа постоянно выходили дѣятели въ разныхъ направленихъ,— въ науки, торговлѣ и искусствѣ,—значительно увеличивая такимъ образомъ рабочую силу страны. Величайший дѣятель въ англійской философіи, Исаакъ Ньютона, былъ сынъ незначительного помѣщика, владѣльца и арендатора маленькаго имѣнія въ Ланкашѣре, приносившаго дохода около 30 фунтовъ въ годъ. Знаменитый астрономъ Адамъ, открывшій Нептуна, принадлежалъ къ тому же самому классу; его отецъ былъ бѣдный фермеръ въ одной изъ самыхъ холодныхъ мѣстностей Дартмура,—области, въ которой, при всей скучности почвы, природа однако-жъ, какъ видно, въ состояніи производить самыхъ знаменитыхъ людей. Ричардъ Оуэнъ, котораго можно сравнить съ Ньютономъ въ области естественныхъ наукъ, началь общественную жизнь въ качествѣ гардемарина и, сравнительно, поздно выступившій на поприще научныхъ трудовъ, столь прославившее его впослѣствій. Онъ положилъ начало своимъ познаніямъ въ то время, когда былъ приглашенъ составлять каталогъ въ великолѣпномъ музѣ царства животныхъ, составленномъ трудами Джона Гентера,— дѣло, которымъ онъ занимался не менѣе 10 лѣтъ.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ личное возвышение покупалось цѣнно упорного труда; превосходство, какого бы ни было рода, вообще недоступно лѣпости. Благосостояніе добывается только неутомимымъ стараніемъ, направленнымъ къ саморазвитію, къ образованію умственному и вообще ко всякой дѣятельности. Даже люди, рожденные въ высокомъ общественномъ положеніи и обладающіе достаткомъ, достигаютъ сами лично прочной репутациіи только

посредствомъ энегрическаго труда, такъ какъ въ наслѣдство можно получить лишь вещественное имущество, а никакъ не знанія и не умъ. Богатый человѣкъ можетъ нанять кого-нибудь для исполненія его дѣла, вмѣсто него самого, но относительно мысли, саморазвитія, невозможна никакая замѣна собственной дѣятельности. Дѣйствительно, то правило, что возможное совершенство въ какомъ бы ни было родѣ достигается исключительно трудомъ, одинаково приложимо какъ къ богачамъ, такъ и къ людямъ въ родѣ Дрью и Джиффорда, единственной школой которыхъ была лавка старьевщика, или Гуго Миллера, который свою юность провелъ въ каменоломнѣ.

Умственное развитіе, результатъ соединенія познаній съ опытностью, достигается человѣкомъ не иначе, какъ посредствомъ его собственной свободной дѣятельности; безъ нея напрасно ждать успѣха: это значило бы надѣяться на жатву тамъ, где ничего не сѣяли.

Очевидно, что богатство и вообще легкій жизненный путь вовсе не нужны для высшаго развитія человѣка; въ противномъ случаѣ человѣчество не было бы постоянно во многомъ обязано такимъ людямъ, которые произошли изъ самаго низшаго общественнаго положенія. Спокойная и роскошная жизнь не направить людей къ труду, не столкнетъ ихъ съ различными препятствіями и не пробудить въ нихъ того сознанія силы, которое такъ необходимо для энегрической и успешной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, пока бѣдность не соединена съ какимъ-либо особымъ несчастіемъ, до тѣхъ поръ, посредствомъ усиленной дѣятельности, человѣкъ можетъ обратить ее даже въ источникъ благополучія, потому что она возбуждаетъ къ такой борьбѣ съ препятствіями, въ которой хотя некоторые и покупаютъ спокойствіе цѣною нравственной порчи, но тѣ, которые обладаютъ здравымъ смысломъ и сильнымъ духомъ, находятъ въ той же борьбѣ силу, самоувѣренность и победу. Бэконъ говоритъ: «повидимому, люди не

понимают истинной ценности своего богатства и собственной внутренней силы; первому они приписывают большие значения, чёмъ оно действительно имѣетъ, а послѣдней гораздо менѣе». Довѣріе къ своимъ силамъ научить человѣка, что жить должно только на счетъ собственныхъ трудовъ и что слѣдуетъ благородно пользоваться вѣренными намъ благами. Богатство представляеть такой громадный соблазнъ возможностью жить въ довольствѣ и относиться снисходительно къ своимъ слабостямъ (къ этому, впрочемъ, люди склонны по самой своей натурѣ), что величайшая честь принадлежитъ тѣмъ, кто хотя и рожденъ въ довольствѣ, но все-таки принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ своего поколѣнія,—тѣмъ, кто, «презирая жизненный утѣхи, живеть трудолюбиво». Къ чести богатыхъ классовъ англійского народа, ихъ нельзя обвинить въ праздности, потому что они принимаютъ должное участіе въ дѣятельности общества и берутъ на себя даже большую, чѣмъ слѣдуетъ, долю постигающихъ его невзгодъ; въ болѣе мирныхъ занятіяхъ, трудахъ научныхъ и философскихъ, богатые классы англійского общества также произвели нѣсколько знаменитыхъ личностей. Таковы, напримѣрь, великия имена Бэкона, отца новой философіи, Уорчестера, Бойля, Кавендиша, Тальбота и Росса. Послѣдній можетъ быть названъ величайшимъ механикомъ изъ числа первыхъ, и если-бы не родился пэромъ, то, вѣроятно, достигъ бы знаменитости своими изобрѣтеніями. Россъ такъ хорошо зналъ кузнечное дѣло, что однъ мануфактуристъ, не зная, кто онъ такой, упрашивалъ его принять на себя главный надзоръ въ огромной мастерской. Знаменитый телескопъ Росса, его собственной выдѣлки, можетъ быть, безъ сомнѣнія, названъ самымъ необыкновеннымъ изъ известныхъ намъ инструментовъ этого рода.

Но наиболѣе энергичные дѣятели между англійскимъ высшимъ классомъ встрѣчаются преимущественно въ областяхъ политики и литературы. На этихъ поприщахъ, какъ

и на всѣхъ другихъ, успѣха можно достигнуть только по-средствомъ труда, навыка и ученья; и какой-нибудь знаменитый министръ или предводитель парламентской партіи долженъ непремѣнно принадлежать къ числу самыхъ усердныхъ тружениковъ. Таковы Пальмерстонъ и Дерби, Россель и Дизраэли, Гладстонъ и Бульверъ. Эти люди, во время дѣятельной парламентской сессіи, работали двойную пропорцію, т.-е. почти день и ночь.

Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ между такими дѣятелями новѣйшаго времени былъ, безъ сомнѣнія, покойный Робертъ Пиль. Онъ въ высшей степени владѣлъ способностью къ продолжительному умственному труду и не щадилъ себя. Всѧ его дѣятельность представляетъ замѣчательный примѣръ того, чего можетъ достигнуть человѣкъ, обладающій способностями сравнительно-умѣренными, по-средствомъ постоянного усердія и неутомимыхъ занятій. Въ теченіе 40 лѣтъ, которыя онъ провелъ въ парламентѣ, его труды были изумительны: какъ человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный, онъ доводилъ до конца каждое дѣло, за которое принимался. Всѣ его рѣчи носятъ на себѣ слѣды самаго заботливаго изученія всего, что было сказано или написано объ извѣстномъ предметѣ. Онъ сильно работалъ надъ своимъ усовершенствованіемъ и не жалѣлъ никакихъ усилий, чтобы примѣниться, какъ слѣдуетъ, къ способностямъ своихъ слушателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ большою проницательностью, настойчивою въ стремлѣніи къ цѣли и способностью непоколебимо направлять извѣстное дѣйствіе къ желанному результату. Онъ превосходилъ многихъ въ томъ отношеніи, что его принципы съ теченіемъ времени все расширялись и развивались; возрастъ, вмѣсто того, чтобы суживать его воззрѣнія, придавалъ имъ только больше зрености и мягкости. До самого послѣдняго времени онъ былъ готовъ къ восприятію новыхъ взглядовъ, и хотя многие считали его излишне-осторожнымъ, но за всѣмъ тѣмъ онъ никогда не

позволялъ себѣ впадать въ то безразборчивое преклоненіе предъ прошлымъ, которое парализуетъ многіе умы, подобнымъ образомъ воспитанные, и дѣлаетъ старость такихъ людей лишь достойною сожалѣнія.

Неутомимая дѣятельность лорда Брума, другого знаменитаго государственного дѣятеля, вошла почти въ пословицу. Его труды на пользу общества продолжались болѣе 60 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ дѣйствовалъ на многихъ поприщахъ,—законодательномъ, политическомъ, литературномъ, научномъ,—и вездѣ достигалъ высокой степени совершенства. Какимъ образомъ онъ успѣвалъ въ этомъ,—такой вопросъ для многихъ оставался тайной. Однажды, когда Самуила Ромилы просили привѣтствовать на себя какую-то новую обязанность, сверхъ лежавшихъ уже на немъ другихъ занятій, онъ отказался по неимѣнію времени и посовѣтовалъ обратиться къ Бруму, «у котораго, кажется, есть время для всего». Весь секретъ заключался въ томъ, что Брумъ, владѣя желѣзнымъ тѣлосложеніемъ, не проводилъ ни минуты безъ занятія. Когда онъ достигъ такого возраста, въ которомъ люди большую частью уже удаляются отъ свѣта, чтобы насладиться трудно доставшимся отдыхомъ и, можетъ-быть, чтобы продремать остальное время жизни въ спокойномъ кресльѣ, Брумъ предпринялъ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій, требующихъ усиленныхъ занятій, и результаты своихъ работъ представилъ на разсмотрѣніе самыхъ ученыхъ собраній, какія только были въ Парижѣ и Лондонѣ. Въ то же время онъ выпустилъ въ свѣтъ свои превосходные очерки «ученыхъ и литераторовъ въ царствованіе Георга III» и принималъ обыкновенное участіе въ законодательной дѣятельности и въ политическихъ преніяхъ Палаты лордовъ. Понятіе о степени его занятій можетъ дать то обстоятельство, что Сидней Смитъ совѣтовалъ ему однажды ограничиться только тѣмъ количествомъ работы, какое могутъ исполнить трое людей. Но такъ велика была привязанность Брума къ труду,—привязанность, обратив-

шаяся уже давно въ привычку,—что для него, казалось, была недостаточна самая высшая степень прилежанія, и его желаніе достигнуть возможнаго совершенства доходило до такой степени, что, по мнѣнію многихъ, если бы обезнѣнностью Брума, обусловливаемою общественнымъ положеніемъ, была, напримѣрь, чистка сапогъ, то онъ не былъ бы спокоенъ до того времени, пока не сдѣлался бы, даже и въ этой области труда, лучшимъ работникомъ въ Англіи.

Другой неутомимый труженикъ изъ того же класса общества — Бульверъ Литтонъ. Немногіе писатели сдѣлали больше или достигали большей степени совершенства на столь различныхъ поприщахъ: на поприщахъ романиста, поэта, драматурга, историка, публициста, оратора и государственного человѣка. Онъ пробивалъ себѣ дорогу шагъ за шагомъ, презирая легко-дающійся путь и слѣдя только одушевлявшему его стремленію къ совершенству. Дѣятельность Бульвера тѣмъ больше заслуживаетъ полной похвалы, что она была совершенно добровольною. Охота, стрѣльба, веселая жизнь, — посѣщеніе оперы, клубовъ, наслажденіе разнообразіемъ Лондона, утренніе визиты, парламентская болтовня въ теченіе «сезона», а затѣмъ сельская жизнь, со своимъ изобиліемъ питаніемъ и съ различными деревенскими развлечenіями, заграничное путешествіе, — въ Парижъ, Вѣну, Римъ, — все это въ высшей степени привлекательно для человѣка богатаго и любящаго удовольствія, но уже никакъ не можетъ расположить его къ постоянной, успѣчной работе, какова-бы она ни была. Но всѣ эти удовольствія, столь доступныя людямъ его положенія, Бульверъ отвергнулъ, рѣшившись избрать поприще литературное. Какъ у Байрона, первое произведеніе Бульвера было поэтическое и потерпѣло неудачу, второе—романъ—также не имѣло успѣха. Человѣкъ менѣе рѣшительный бросилъ бы литературу, но Бульверъ, обладавшій отвагой и упорствомъ, продолжалъ работать, рѣшившись достигнуть успѣха. Онъ трудился неутомимо, очень много читалъ и отъ пора-

женія мужественно перешель къ торжеству. За неудачнымъ романомъ «Фальклэндъ», чрезъ годъ послѣдовалъ «Пельгамъ», и затѣмъ описание больше чѣмъ 30-лѣтней литературной жизни Бульвера было-бы лишь разсказомъ о цѣломъ рядѣ его успѣховъ.

Дизраэли представляетъ подобный же примѣръ силы, какую имѣть трудолюбіе и прилежаніе при достижениіи почетнаго общественнаго положенія. Подобно Бульверу, онъ сначала избралъ себѣ литературиую дѣятельность и достигъ въ ней успѣха, пройдя чрезъ цѣлый рядъ неудачъ. Первое появленіе его въ Палатѣ общинъ, въ качествѣ оратора, сопровождалось также неудачей. Хотя по виѣшней отделькѣ рѣчъ его и была искусственно-спокойна, но все-таки каждую фразу ея встрѣчали громкимъ смѣхомъ. Если бы «Гамлета» стали играть какъ комедію, то это было-бы ничто въ сравненіи съ такимъ полнымъ фiasco, какое потерпѣлъ ораторъ. Но Дизраэли закончилъ свою рѣчь словами, которыми заключали въ себѣ пророчество. Оскорблѣнnyй смѣхомъ, съ которымъ принято было слушателями его изысканное краснорѣчіе, онъ вскричалъ: «Въ разнородныхъ дѣлахъ я начинай по нѣсколько разъ и всегда, наконецъ, достигаю успѣха. Теперь я кончу свою рѣчь, но придетъ время, когда вы будете все-таки меня слушать». Время, дѣйствительно, пришло, и быстрый успѣхъ, какой Дизраэли получиль, наконецъ, въ томъ-же собраніи, представляетъ самое поразительное доказательство того, сколько энергіи и рѣшимости имъ было употреблено, потому что этотъ государственный человѣкъ пріобрѣлъ себѣ настоящее свое положеніе лишь съ помощью терпѣливаго труда. Онъ не удалился съ уныніемъ въ какое-нибудь захолустье предаваться печали и сѣтованію, какъ дѣлаютъ многіе молодые люди послѣ первой неудачи, но бодро приступилъ къ дѣлу. Онъ заботливо изучалъ и свои ошибки, и характеръ своихъ слушателей, усердно практиковался въ ораторскомъ искусствѣ и съ большимъ стараніемъ усвоивалъ себѣ не-

обходимыя парламентскія познанія. Онъ терпѣливо доби-
рался до успѣха и, наконецъ, достигъ его, хотя и медленно,
и тогда Палата уже смылась вмѣстѣ съ нимъ, а не надъ
нимъ. Воспоминаніе о его первой неудачѣ загладилось, и,
по общему признанію, Дизраэли былъ, наконецъ, постав-
ленъ на ряду съ самыми совершенными, сильными парла-
ментскими бойцами.

Какъ ни блестательны приведенные нами примѣры силь-
наго развитія начала личности, но число ихъ, даже между
людьми, находящимися еще въ живыхъ, могло бы быть
значительно увеличено. Хотя одинъ изъ самыхъ замѣча-
тельныхъ англійскихъ писателей оплакивалъ упадокъ той
силы личнаго характера, которая составляла славу англій-
ской націи, но, если не ошибаемся, никогда еще до сихъ
поръ не представлялось такъ мало основанія для подобныхъ
жалобъ, какъ теперь. Никогда внезапное несчастіе не обна-
руживало въ такомъ яркомъ свѣтѣ личное мужество, тер-
пѣніе и энергию народа, какъ послѣднее возмущеніе въ
Индіи, — и, однако-жъ, это возмущеніе послужило только
средствомъ къ проявленію довѣренности къ своимъ силамъ
и геройскаго духа англійской націи.

Равно блестящія доказательства личной силы англійского
характера можно найти и въ болѣе мирныхъ и научныхъ
примѣрахъ. Такъ можно указать на Ливингстона, геройски
переносящаго въ пустынѣ южной Африки свою миссію хри-
стіанской цивилизациі; Лейярда, который работалъ не-
сколько лѣтъ надъ откапываніемъ Вавилонскихъ древно-
стей; Раулинсона, занятаго разборомъ клинообразныхъ
надписей; Брука, заводящаго ядро европейскихъ предпria-
тий и колонизаціи между разбойничими племенами Индій-
скаго океана; на Франклина, Макъ-Клюра, Коллинсона,
Макъ-Клинтона и другихъ, которые пролагали себѣ путь
чрезъ льды, мракъ, непогоду, для разрѣшенія вопроса о
сѣверо-западномъ проходѣ. Подвиги выше этихъ, по про-
являвшимся въ нихъ свойствамъ,—личной смѣлости, само-

отверженію, энергіи и геройству, — едва-ли представлять какое-бы то ни было время.

Обращаясь къ исторіи русскаго общества, мы находимъ, что люди энергичные и сильные волей появлялись въ немъ сравнительно рѣже, чѣмъ въ англійскомъ. Причина этого заключается въ общемъ ходѣ исторіи Россіи, въ такомъ складѣ обстоятельствъ, который не благопріятствовалъ развитію ни общественной, ни личной самодѣятельности. Тѣмъ больше должно цѣнить тѣ отдельные примѣры людей, одаренныхъ твердою волею и проложившихъ себѣ дорогу собственнымъ трудомъ, какіе встречаются отъ-времени-до времени въ русской жизни.

Къ числу подобныхъ людей, принесшихъ Россіи своею жизнью и дѣлами несомнѣнную пользу, принадлежитъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Его административная дѣятельность слишкомъ известна, чтобы нужно было вдаваться въ большія подробности. Мы постараемся прослѣдить жизнь этого знаменитаго государственного мужа преимущественно по отношенію къ занимающимъ насть чертамъ характера, упомянемъ въ короткихъ словахъ о его законодательныхъ трудахъ и заключимъ посильной общей характеристикой Сперанскаго, какъ человѣка, не умалчивая и о его слабыхъ сторонахъ.

Сперанскій родился въ 1772 году; онъ былъ сынъ сельскаго священника Владімірской губерніи. Ребенокъ очень слабаго положенія, Миша рано выучился грамотѣ и проявилъ необыкновенную охоту къ чтенію. Это желаніе мальчика, конечно, обратилось сначала на книги церковныя, какъ оно и было естественно при окружавшей его обстановкѣ. Шестилѣтній мальчикъ обыкновенно читалъ въ церкви Апостолъ. Первоначальная понятія ребенка развивались подъ непосредственнымъ руководствомъ дѣда, слѣпого старика, человѣка строгихъ правилъ. Семи лѣтъ, Миша уже былъ отправленъ учиться въ Владімірскую семинарію и поелился сначала у дяди, а потомъ у своей двоюродной се-

стры. Въ семинаріи Сперанскій учился хорошо, чѣмъ обязанъ, безъ сомнѣнія, собственному усердію, такъ какъ система семинарскаго преподаванія даже и нынѣ известна своею неудовлетворительностью, а тѣмъ болѣе была дурна въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ доказательство того, что въ основаніи успѣхахъ Сперанскаго лежали разумныя причины, а не простое заучиваніе напузусть, біографъ его приводитъ то обстоятельство, что въ низшихъ классахъ мальчикъ еще не показывалъ особыхъ успѣховъ, такъ какъ ученье основано тамъ только на памяти, а началъ отличаться особенно со средины семинарскаго курса, когда потребовалось участіе въ ученыи собственнаго размышленія. Во время каникулъ Сперанскій также доставалъ откуда-нибудь или привозилъ съ собою въ село книги и съ величайшимъ усердіемъ читалъ, дѣлая выписки мѣстъ, показавшихся ему особенно любопытными и полезными, а также и собственные замѣтки по поводу прочитанного; съ такими занятіями онъ удалялся обыкновено на чердакъ, чтобы никто не мѣшиалъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ, по наступленіи класснаго времени, возвращался опять въ семинарію. Любознательность мальчика получила еще больше пищи для себя, когда, сдѣланый велѣнникомъ ректора семинаріи, онъ получилъ доступъ въ его бібліотеку.

Отличительною чертою Сперанскаго уже въ этотъ ранній периодъ жизни, кромѣ постояннаго трудолюбія, является необыкновенная быстрота и смѣтливость, а также вкрадчивость, умѣніе вравиться властямъ (что составляло темное пятно на полезной жизни Сперанскаго и въ послѣдующее время). Впрочемъ, молодой человѣкъ обладалъ и чувствомъ собственнаго достоинства, что доказывается слѣдующей чертой: сдѣланный пѣвчимъ, онъ въ праздники Рождества и Пасхи обыкновенно ходилъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками, пѣть по частнымъ домамъ, но при этомъ всегда останавливался у дверей, не входя въ комнаты, и не принималъ участія въ общей денежной выручкѣ пѣвчихъ.

Въ 1790 году, 18-лѣтній Сперанскій (фамилію эту, онъ, по обычаю, получиль уже въ семинаріи, отецъ и дѣдъ его фамиліи вовсе не имѣли), какъ лучшій воспитанникъ, отправленъ быль въ Петербургъ, на казенный счетъ, во вновь учрежденную при Александро-Невскомъ монастырѣ главную семинарію.

Въ Петербургѣ онъ продолжалъ стоять по успѣхамъ выше товарищѣй. Молодой человѣкъ особенно любилъ изучать математику, говоря, что она занимается только достовѣрными, безспорными выкладками, а въ наукахъ словесныхъ и философскихъ всегда есть что-нибудь сомнительное, спорное. Отличаясь хорошими нравственными качествами, молодой Сперанскій не участвовалъ въ кутежахъ товарищѣй; увлекшись сначала карточной игрой, за которой семинаристы нерѣдко проводили половину ночей, онъ вскорѣ побѣдилъ это увлеченіе непреклонной силой воли и, несмотря ни на просьбы, ни на насмѣшки товарищѣй, не бралъ уже больше картъ въ руки. Онъ пользовался уважениемъ своихъ сверстниковъ и, кроме того, своимъ проповѣдями (лучшіе семинаристы должны были произносить въ монастырѣ проповѣди) обратилъ на себя вниманіе тогдашняго митрополита, который, по окончаніи Сперанскимъ курса ученья, оставилъ юношу въ Петербургѣ для преподаванія математики въ главной семинаріи.

Отклонивъ предложеніе поступить въ монахи, Сперанскій тѣмъ усерднѣе занимался преподаваніемъ по нѣсколькимъ предметамъ и самъ успешно продолжалъ развивать свои умственные силы. Онъ пользовался разными иностранными учебниками, читаль сочиненія знаменитыхъ ученыхъ, критически изучалъ философскія системы и весьма легкимъ, по тому времени, языкомъ написалъ цѣлое сочиненіе подъ названіемъ «Правила высшаго краснорѣчія», которое, однако-жъ, не было напечатано при жизни автора. Жалованье получалъ Сперанскій вообще скудное, хотя лучшее изъ всѣхъ окладовъ, какіе назначались на избранной

имъ службѣ, живя очень аккуратно, онъ могъ все-таки иногда бывать и въ театрѣ, платя за мѣста 25 копѣекъ мѣдью.

Въ этомъ родѣ службы Сперанского дальше идти было уже нельзя, Случайно доставь себѣ частныхъ занятій, онъ проложилъ дорогу къ новому роду дѣятельности. Его рекомендовали въ домашніе секретари къ князю Куракину, одному изъ вельможъ того времени. Сперанскій получилъ это мѣсто не иначе, какъ выдержавъ испытаніе. Куракинъ пригласилъ его къ себѣ и около часа времени разсказывалъ содержаніе одиннадцати писемъ, которыя вужно было къ слѣдующему утру написать къ разнымъ лицамъ. Сперанскій къ 6 часамъ утра слѣдующаго дня приготовилъ ихъ всѣ. Куракинъ остался очень доволенъ и этой быстротой и мастерскимъ изложеніемъ самыхъ писемъ; слѣдствіемъ этого было то, что Сперанскій, не оставляя занятій по семинаріи, перебѣхалъ въ домъ вельможи и сдѣлался его домашнимъ секретаремъ для русской переписки, но, несмотря на приглашеніе князя, уклонялся отъ его общества, занимаясь, вѣнѣ служебныхъ дѣлъ, составленіемъ частныхъ бумагъ по дѣламъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, которыхъ онъ видалъ у Куракина.

Дѣла Сперанскаго, уже и теперь очень хорошія, пошлище лучше, когда, съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, Куракинъ, пожалованный въ сенаторы, назначенъ былъ генераль-прокуроромъ. Сперанскій сейчасъ же испросилъ увольненіе изъ духовнаго званія, поступилъ на службу въ канцелярію нового генераль-прокурора и, пользуясь его расположениемъ, получалъ награды одну за другой. Такъ какъ эти служебныя повышенія происходили изъ указанного нами источника, безъ особыхъ заслугъ и труда со стороны Сперанскаго, то мы и не считаемъ нужнымъ упоминать о нихъ въ какой-бы то ни было мѣрѣ. Но скоро обстоятельства значительно измѣнились: Куракинъ былъ уволенъ, а Сперанскому пришлось работать

послѣдовательно съ нѣсколькими генераль-прокурорами. Онъ работалъ неутомимо, такъ что писцы не успѣвали переписывать его докладовъ; при этомъ изложеніе его бумагъ было образцовое, и кромѣ того, Сперанскій имѣлъ способность сразу усвоивать себѣ каждый сложный предметъ, такъ что его дѣлопроизводство шло блестящимъ образомъ и онъ постоянно былъ на хорошемъ счету по службѣ. Справедливость требуетъ сказать, что Сперанскій приобрѣталь расположение начальства не только трудами, но и свойственнаю ему вкрадчивостью, умѣньемъ примѣняться къ каждому характеру. Бiографъ его разсказываетъ, что и онъ, однако-жъ, не всегда терпѣливо сносилъ вспышки и непріятности со стороны начальства; но, вѣроятно, явнаго неудовольствiя на это со стороны Сперанскаго не было, потому что онъ въ должности экспедитора канцелярии продолжалъ получать награды, выходившiя изъ общаго уровня. Какъ человѣкъ умный, онъ часто видѣлъ ничтожество людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, и, смѣясь надъ ними заочно, все-таки листилъ въ глаза. Это—чертата журнала, но она объясняется обстоятельствами и честолюбiемъ Сперанскаго, употреблявшаго всѣ силы, чтобы выйтись впередъ и стать выше общей чиновной среды.

Къ этому времени относится краткiй эпизодъ супружеской жизни Сперанскаго, который, женившись на англичанкѣ, усвоилъ себѣ и въ домашнемъ быту нѣкоторые англiйскiе обычай. Женившись жены до истеченiя года брачной жизни, онъ старался заглушить свое горе успленными служебными занятiями, такъ какъ, сверхъ прежней должности, былъ назначенъ еще правителемъ канцелярии Комиссiи о снабженiи столицы продовольствiемъ.

Въ началѣ царствованiя Александра I, служебная карьера Сперанскаго вачала опредѣляться точнѣ. Въ мартѣ 1801 года ему удалось получить назначенiе при докладчикѣ у Государя, Трошчинскомъ, съ званiемъ статсь-секретаря. Въ томъ-же году ему поручено было заниматься составле-

ніемъ манифестовъ, указовъ и другихъ государственныхъ бумагъ, а между тѣмъ умный и проницательный молодой человѣкъ (Сперанскому было тогда около 30 лѣтъ) знакомился съ важными государственными вопросами и, по своей всегдашней привычкѣ, изучалъ видимыхъ ему государственныхъ дѣятелей.

Такъ какъ имя Сперанского уже известно было въ служебномъ мірѣ, въ смыслѣ опытного и искуснаго дѣльца, то нѣть ничего удивительнаго, что дѣятельность его все болѣе и болѣе расширялась. Во вновь образованномъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, при которомъ Сперанскій уже состоялъ, онъ способствовалъ изданию многихъ весьма полезныхъ постановленій, какъ, напримѣръ, учрежденію особаго класса сельскихъ обывателей—свободныхъ хлѣбопашцевъ; учрежденію вольнаго добыванія соли и свободнаго промысла этимъ продуктомъ; изданию новаго управлениія медицинскою частью и т. п. Вскорѣ Сперанскому поручено было составленіе плана общаго образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи, а затѣмъ представился случай ему и лично докладывать дѣла Государю. Съ этого времени началось сближеніе императора Александра I съ Сперанскимъ, который, неутомимо работая, создавалъ проекты за проектами, обращавшіеся въ законы по разнымъ частямъ управлениія, и, наконецъ, даже работалъ надъ проектомъ общей государственной реформы, предполагавшейся въ началѣ царствованія Александра I, въ духѣ, согласномъ со введенными уже отдѣльными частями управлениія, какъ то: съ основною мыслью учрежденія министерствъ и Государственнаго совѣта. Изъ первыхъ, болѣе мелкихъ, но и болѣе плодотворныхъ работъ Сперанскаго упомянемъ о некоторыхъ преобразованіяхъ въ духовныхъ училищахъ и обѣ улучшениіи содержанія духовенства, въ чёмъ Сперанскій, самъ происходившій изъ духовнаго званія, принималъ дѣятельное участіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ большие Сперанскій приобрѣталъ довѣріе Государя; сопро-

вождалъ его въ Эрфуртъ, гдѣ происходило свиданіе съ Наполеономъ; въ Борго—на открытие финляндскаго сейма, при чмъ даровитый труженикъ, въ теченіе одного дня, успѣлъ исправить и изготавить къ утвержденію проектъ устройства финляндскаго сената, въ приемной Государя, среди шума и разговоровъ. Сдѣланній канцлеромъ финляндскаго университета, онъ старался содѣствовать возможному увеличенію средствъ для просвѣщенія бѣдныхъ студентовъ, посредствомъ обогащенія библиотеки и кабинетовъ и умноженія предметовъ преподаванія. Замѣчательны еще два дѣйствія Сперанскаго, вслѣдшаго, между тѣмъ, почти въ неограниченную милость Государя: однимъ указомъ вельно было придворныя званія камергеровъ и камеръюнкеровъ считать простыми отличіями, не приносящими существенныхъ служебныхъ преимуществъ, т.-е. чиновъ, такъ что лица знатнаго происхожденія уже должны были начинать службу по общему порядку, тогда какъ прежде, получивъ эти званія, они, безъ дѣйствительной службы, могли получать высшіе чины, а съ ними прямо и важныя мѣста. Другимъ указомъ повелѣвалось—въ чины коллежскаго ассесора и статскаго советника производить не иначе, какъ по свидѣтельству объ успѣшномъ окончаніи курса наукъ или по выдержаніи установленнаго экзамена; этимъ Сперанскій хотѣлъ побудить русскихъ людей къ образованію, такъ какъ во вновь открытая тогда учебныя заведенія поступало учащихся вообще мало, а охотниковъ до чиновъ, сдѣлавшихся простыми титулами, было много. Польза перваго изъ этихъ нововведеній очевидна, а второе, при всѣхъ своихъ хорошихъ побужденіяхъ, не выдерживаетъ критики, потому что примѣнялось безъ разбора къ людямъ, уже не молодымъ, состоявшимъ на службѣ. Понятно, что и аристократія и чиновный міръ возненавидѣли Сперанскаго.

Достигнувъ въ это время высшей степени своего значенія, Сперанскій получилъ отъ Государя порученіе составить, какъ мы уже сказали, планъ новаго государствен-

наго управления. Онъ принялъся, по обыкновенію, съ жаромъ за дѣло, требовавшее основательной юридической и экономической подготовки. Представивъ Государю въ самое короткое время проектъ гражданскаго уложенія, Сперанскій работалъ и надъ реформою финансовою. Это трудное, само-по-себѣ, дѣло было для него еще гораздо труднѣе, вслѣдствіе малаго знакомства съ наукой государственного хозяйства. Чтобы помочь этому затрудненію, Сперанскій тутъ же сталъ читать сочиненія иностраннаго экономиста, основанныя на теоріи Адама Смита, и первый постарался провести ихъ у насъ въ дѣйствительную жизнь въ новомъ планѣ устройства финансової, изготавленномъ въ томъ же году. Но проекты эти не получили полнаго осуществленія, по причинѣ своей малой практическости. Въ отношеніи гражданскаго кодекса это сознавалъ и самъ Сперанскій, составившій впослѣдствіи сводъ прежде изданыхъ законовъ, что и было необходимо. По плану же Сперанскаго устроенъ Государственный совѣтъ и преобразованы министерства: эти учрежденія остаются и до сихъ поръ почти въ томъ же самомъ видѣ. Не распространяясь объ этихъ послѣднихъ реформахъ, которыя должны были быть важнѣйшими, а ограничились неполнымъ примѣненіемъ, давшимъ не совсѣмъ опредѣленный характеръ самымъ учрежденіямъ, мы замѣтимъ, что, даже въ случаѣ совершенного осуществленія плановъ даровитаго государственного секретаря, реформа, судя по общему характеру его дѣятельности, едва ли была бы вполнѣ удовлетворительна, такъ какъ Сперанскій извѣстенъ былъ своею приверженностью къ существовавшимъ тогда французскимъ порядкамъ, которые даже въ то время вовсе не составляли образца, заслуживающаго подражанія, и въ этомъ отношеніи заслуга Сперанскаго по реформѣ, лишенной всякой самостоятельности, была-бы вовсе не такъ важна, какъ она можетъ показаться съ первого взгляда. Но какъ притомъ планы Сперанскаго даже и не осуществились, то намѣренія его

совершенно теряютъ для насть практическое значеніе, сохранивъ важность лишь въ смыслѣ указанія на его необыкновенную дѣятельность, проворство и аккуратность въ занятіяхъ,—качества, пригодныя вообще для подражанія. Дѣятельность Сперанскаго въ это время, дѣйствительно, была поразительна: составляя всѣ важнѣйшия государственные бумаги, работая по 18 часовъ въ сутки, онъ не переставалъ быть въ высшей степени точнымъ и въ частныхъ дѣлахъ,—назначивъ свиданіе кому-нибудь, онъ никогда не заставлялъ ждать ни минуты. Самъ исправляя и передѣливая каждый день тетради проектовъ новыхъ законовъ, онъ аккуратно каждое утро занимался определеннымъ количествомъ перевода на русскій языкъ книги: «О подражаніи Христу». Сперанскій не былъ спокоенъ, пока не исполнялъ въ точности задуманного, работу начиналъ каждый день въ 6 часовъ утра и отъ сильнаго напряженія силь часто не могъ ничего есть, не принявъ сперва лѣкарства.

Теперь Сперанскій уже значительно улучшилъ свое материальное положеніе, но жить все-таки скромно и уединенно, потому что былъ заваленъ дѣлами, а частью и по нежеланію втиратися въ кругъ аристократіи, которая смотрѣла на него, какъ на выскочку. Свое время онъ дѣлилъ между служебными занятіями и домашнимъ кружкомъ близкихъ знакомыхъ, постоянно помогалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ роднымъ, оставшимся въ деревнѣ, отцу, матери и замужней сестрѣ, а также всегда питалъ признательность къ своей воспитательницѣ, Смирновой.

Между тѣмъ, въ судьбѣ Сперанскаго готовилась перемѣна. Его реформы выставлялись недоброжелателями государства какъ человѣка въ черномъ свѣтѣ. Приближалась война съ Наполеономъ, а Сперанскій извѣстенъ былъ, какъ мы сказали, за пламенного поклонника французскихъ порядковъ. Ему стали приписывать измѣну такъ упорно, что молва обѣ этомъ распространилась даже въ народѣ. Такимъ образомъ для мало винкающей въ дѣла массы общества

имя Сперанского соединено было съ понятіемъ о предательствѣ французамъ; аристократія и чиновничество ненавидѣли его уже прежде за направленныя противъ нихъ реформы (о которыхъ мы уже упоминали). Ненавистники Сперанского стали на него наговаривать Государю: падѣніе любимца было неизбѣжно. Гроза разразилась 17 марта 1812 г., Сперанскій былъ сосланъ на житѣе въ Нижній-Новгородъ, чѣмъ и начинается уже совершенно новая эпоха его жизни.

Нѣть сомнѣнія, что Сперанскій не былъ виновенъ во только въ измѣнѣ русскому дѣлу въ предстоящей войнѣ съ Наполеономъ, но и въ тѣхъ измѣнѣ-дальнovidныхъ и честолюбивыхъ замыслахъ относительно порядка государственного управления, которые, конечно, будучи соединены съ его именемъ, дали поводъ недоброжелателямъ Сперанскаго лишить его довѣрія Государа. Но въ той всеобщей нелюбви, какою было окружено имя Сперанскаго, не видно признака несамостоятельности его реформъ, составленныхъ по иноземному плану,—реформъ, которыя обнимали собою исключительно учрежденія, а не народъ, для кото-раго дѣлались эти учрежденія; устраивались министерства и Государственный совѣтъ, а миллионы народа оставались въ крѣпостномъ состояніи. Вообще этотъ періодъ дѣятельности Сперанскаго, хотя самъ по себѣ и блестящій, не имѣтъ, однако-же, такихъ правъ на уваженіе, какъ позднѣйшія его законодательные работы или административные труды по управлению Сибирскимъ краемъ. Какъ-бы то и было, но на Сперанскаго смотрѣли какъ на измѣнника: нѣсколько неблагоразумныхъ, по тогдашимъ обстоятельствамъ, словъ, сказанныхъ имъ въ Нижнемъ; истолкованныхъ, безъ сомнѣнія, превратно, послужили поводомъ къ ссылкѣ, его уже какъ «вреднаго человѣка», въ Пермь, подъ карауломъ. Семейство его, слѣдя за нимъ изъ Петербурга, терпѣло отъ народа жестокія оскорблѣнія; самого Сперанскаго въ Перми уличные мальчишки сначала встрѣчали

криками: «измѣнникъ! Молва эта въ умахъ народа казалась тѣмъ болѣе вѣроятною, что Сперанскій, занимая важнѣйшій въ государствѣ постъ,—будучи самимъ близкимъ къ Государю изъ должностныхъ лицъ, потерпѣлъ такой ударъ, безъ гласного приговора, безъ опубликованія вины своей, простымъ полицейскимъ распоряженіемъ.

Сперанскій, однако-жъ, не упалъ духомъ, хотя жизнь въ Перми, особенно сначала, должна была казаться ему очень грустною. Положеніе его, дѣйствительно, было почти бѣдственное. Встрѣчая въ мѣстномъ обществѣ видимое презрѣніе или недоброжелательство, соединенное со страхомъ, часто нуждаясь даже и въ денежныхъ средствахъ,—видя невозможность вполнѣ оградить себя отъ оскорблений и спасти отъ крайняго стѣсненія, безъ одолженій отъ частныхъ лицъ,—Сперанскій рѣшился обратиться къ Государю съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, какимъ прѣисленіямъ подвергался отъ грубаго обращенія полиціи, которая окружала его «досмотромъ, мало различнымъ отъ содержанія подъ карауломъ». Слѣдствіемъ этого письма было подтвержденіе губернатору не выходить за предѣлы царскихъ повелѣній относительно Сперанскаго, и вмѣсть съ тѣмъ послѣдовало назначеніе послѣднему содержанія по 6,000 р. асс. въ годъ. Эти извѣстія сейчасъ же перемѣнили отношенія къ Сперанскому пермскихъ жителей: прежде изгнанику никто даже не отдалъ сдѣланыхъ по прїездѣ визитовъ, а теперь всѣ наперерывъ стали приглашать его къ себѣ и оказывать ему уваженіе. Во время ссылки въ Пермь, Сперанскій много занимался чтенiemъ, и, по разсказу очевидца, никогда не отступалъ отъ назначеннаго имъ самимъ порядка препровожденія времени, говоря: «я рожденъ съ самою лѣнивою натурою, но побѣдить ее твердымъ выполненіемъ своихъ правилъ». Такъ однажды въ дурную погоду ему очень не хотѣлось идти гулять въ назначенный часъ, онъ долго колебался, но, наконецъ, отправился, сказавъ: «пѣтъ, надобно быть твердымъ въ своихъ

разплахъ». При дальнѣйшемъ пребываніи своеемъ въ Перми, о получении, однако-жъ, извѣстій объ оказанныхъ ему帮忙віяхъ, Сперанскій оставилъ многія изъ своихъ люби-ыхъ привычекъ,—пересталъ употреблять кофе, вино, та-акъ,—все, что считалъ роскошью. Нужда въ деньгахъ оходила до того, что онъ закладывалъ свои кресты и браль зaimы у слугъ своихъ.

По назначеніи пенсіи Сперанскому и послѣ указа гу-ернатору о болѣе легкомъ присмотрѣ за изгнаниникомъ, положеніе его, какъ мы сказали, сдѣлалось уже гораздо учше. Но, не останавливаясь на этомъ, Сперанскій сильно селаль возстановить свою честь въ глазахъ Государя и бщественного мнѣнія; съ этою цѣлью онъ опять писаль Государю, но какъ политическія дѣла, занимавшія въ о время вниманіе Александра I, еще не кончились и къ ому же враги Сперанскаго также еще не упускали слу-ая вредить ему, то письмо осталось безъ отвѣта. По кончаніи войны съ Наполеономъ, Сперанскій опять пи-аль Государю, поздравляя съ удачнымъ исходомъ ея: те-ерь ему позволено было перѣѣхать на жительство въ соб-твенную деревню, Великополье, Новгородской губерніи, о также въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, и быть амъ подъ присмотромъ губернского начальства, которое бязывалось имѣть свѣдѣнія о знакомствахъ и объ образѣ жизни изгнаника.

Здѣсь Сперанскій вполнѣ посвятилъ себя воспитанію до-ери, стараясь развивать ее не путемъ обыкновенаго препо-даванія уроковъ, но больше чтеніемъ и разговорами. Кромѣ воей дочери, Сперанскій долго занимался съ гостившою у его дочерью г-жи Вейкардъ, знакомой его покойной жены, прошелъ съ нею полный курсъ закона Божія по люте-анску исповѣданію съ такимъ успѣхомъ, что пасторъ былъ удивленъ ея познаніями, когда она явилась на кон-фirmaцію. Самъ Сперанскій продолжалъ изученіе англій-каго языка, которому началъ учиться еще прежде, у

жены своей,— и сталъ заниматься сверхъ того еврейскимъ, съ помощью Библіи. Кроме того, онъ много читалъ, и какъ только во время чтенія у него въ головѣ зарождалась какая-нибудь мысль, сейчасъ же принимался развивать ее на письмѣ: такимъ образомъ часто выходили цѣлые разсужденія по предметамъ юридическимъ, философскимъ и богословскимъ. Вмѣстѣ съ этими занятіями, Сперанскій заботился и о своихъ крестьянахъ: бесѣдовалъ съ ними, училъ жить между собою въ мирѣ и согласіи, помогать имъ лѣкарствами во время болѣзни, бездѣнежно давать бѣднымъ крестьянамъ скотъ и лошадей и платить жалованье дворовымъ людямъ, что въ то время было рѣдкостью. Но энергическая натура изгнанника не удовлетворялась этою спокойною жизнью, да и къ тому же имя его все еще не было освобождено отъ лежавшаго на немъ пятна. Чтобы избавиться отъ безчестія, Сперанскій рѣшился на такой поступокъ, за который многіе его порицаютъ, но который, тѣмъ не менѣе, представлялся ему тогда единственнымъ средствомъ къ дозволенію возстановить на дѣлѣ свое добroe имя. Въ 70 верстахъ отъ Великополья, въ которомъ жилъ Сперанскій, находилось село Грузино, принадлежавшее графу Аракчееву, который въ то время былъ могущественнымъ временщикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно неопулярнымъ и нелюбимымъ во всей Россіи человѣкомъ, особенно за свою систему военныхъ поселеній. Сперанскій,ѣздя въ Грузино, впдалился тамъ съ Аракчеевымъ, а потомъ написалъ два письма — одно къ Государю, съ просьбою о милостивомъ вниманіи къ своей участіи, другое — къ Аракчееву, съ просьбою или нарядить надъ нимъ судь, или дозволить вновь вступить на службу и тѣмъ доказать правоту свою. Результатомъ этихъ писемъ было назначеніе Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу. Замѣчательно, что въ указѣ по этому предмету сказано, что по внимательному и строгому разсмотрѣніи его дѣла не оказалось «убѣдительныхъ причинъ и подозрѣній», но прѣездъ въ Пензу

тербургъ все еще не былъ ему дозволенъ,—такъ что и это назначение, хотя показывало, что довѣріе Государя начинало возвращаться къ Сперанскому, но для послѣдняго было все-таки чѣмъ-то въ родѣ почетной ссылки.

Въ Пензѣ онъ былъ встрѣченъ прекрасно, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать: онъ туда пріѣхалъ уже начальникомъ. Но кромѣ этого хорошаго приема, который можно отнести скорѣе къ его должности, чѣмъ къ нему самому, нельзя оставить безъ вниманія того, что въ Пензѣ хорошо принялъ недавняго «пѣмѣнника» и низшій классъ народа, въ которомъ тогда раепространился слухъ, что Сперанскій первый подалъ Государю проектъ освобожденія крѣпостныхъ людей, за что и былъ оклеветанъ врагами.

Новый губернаторъ, по своему обыкновенію, ревностно принялъся за дѣло и произвелъ благопріятное впечатлѣніе въ губерніи своею строгостію и беспристрастіемъ, которыя проявлялись какъ въ дѣлахъ между помѣщиками и крестьянами, такъ и вообще; постоянно обращалъ вниманіе на арестантовъ, даже самъ писалъ всѣ сколько-нибудь важныя бумаги, — впрочемъ, это происходило по недостатку способныхъ чиновниковъ. При этомъ, какъ и прежде, Сперанскій не оставлялъ и домашнихъ занятій — еврейскимъ языкомъ и нѣмецкимъ, который сталъ изучать опять съ помощью Библіи и словарей.

Кромѣ того, изъ Пензы Сперанскій, репутація которого уже теперь снова поднялась, вель постоянно переписку съ министрами, давая имъ свое мнѣніе по важнымъ государственнымъ вопросамъ. При этомъ онъ все-таки просилъ о дозвolenіи перемѣститься на службу въ Петербургъ, или хотя бы только побывать въ столицѣ, чтобы заявить о себѣ, что онъ уже «не ссылочный»; рѣшился просить отпуска для устройства домашнихъ дѣлъ, настойчиво старалась добиться своей цѣли. Но цѣль эта еще разъ была отсрочена, хотя и почетнымъ для Сперанского образомъ: онъ былъ назначенъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Вир-

чемъ, и тутъ Сперанскій обязанъ быть ходатайству Аракчеева.

Новое назначеніе бывшаго любимца казалось знакомъ еще большаго къ нему довѣрія Государя, потому что, по существу своему, имѣло весьма важное значеніе. Такая обширная страна, какъ Сибирь, въ то время почти разоренная злоупотребленіями своихъ ближайшихъ властей, крайне нуждалась въ энергическомъ правителѣ, въ человѣкѣ честномъ, который-бы могъ искоренить лихонимство и несправедливости мѣстной администраціи. Въ собственно ручномъ письмѣ Государя къ Сперанскому, присланномъ съ этимъ назначеніемъ, оно указывалось именно, какъ лучшій способъ изгладить въ умахъ народа воспоминаніе о прежней ссылкѣ Сперанскаго; прежніе навѣты враговъ его прямо названы клеветой, а вмѣсть съ тѣмъ говорилось, что по окончаніи занятій по устройству и управлению Сибирскаго края, чрезъ годъ или полтора, съ новымъ проектомъ этого управления, онъ навсегда уже будетъ призванъ въ Петербургъ. Притомъ Государь поручилъ увѣрить Сперанскаго, что, назначеніе это произвело хорошее дѣйствіе на публику, которая и не знала о его просьбѣ объ отпускѣ. Такимъ образомъ, опасенія Сперанскаго и съ этой стороны были устранины и ему оставалось только отправляться въ Иркутскъ.

По прїездѣ въ Сибирь, генераль-губернатору прежде всего пришлось разбирать жалобы на притѣсненія и волюнтия несправедливости прежней администраціи. Жалобъ было много, большую часть должностныхъ лицъ нужно было, по мнѣнію Сперанскаго, смѣнить, но онъ затруднился недостаткомъ способныхъ чиновниковъ для замѣщенія сменяемыхъ. Хорошимъ доказательствомъ, какое поняніе о мѣстной администраціи составили крестьяне, можетъ служить то, что въ Красноярскомъ уѣздѣ они приготовили уже жалобу на своего исправника, но потомъ отложили это намѣреніе, какъ рассказывали крестьяне самому Спе-

ранскому, изъ опасенія, что новый будетъ еще хуже прежнаго, да и притомъ же «этотъ ужъ сытъ, другой пріѣдетъ голодный», говорили они. Сперанскій дѣятельно принялъ раскрывать и прослѣдовать злоупотребленія и ревизовать общий порядокъ управлениія. Въ видѣ отдыха онъ читалъ исторію древней и новой литературы Шлегеля и написалъ на нее нѣсколько своихъ замѣчаній. Между тѣмъ онъ работалъ и по составленію проекта нового устройства края, согласно съ новеллѣніемъ, даннымъ ему Государемъ. Для этой цѣли онъ самъ лично знакомился съ Сибирью, всматривался въ образъ жизни тамошнихъ инородцевъ — бурята; въ Кяхтѣ изыскивалъ способы провести сухопутную дорогу около озера Байкала; вели переговоры съ Китаємъ относительно точного обозначенія границы. Наблюдая самъ за жизнью страны и выкакая въ ея свойства, Сперанскій внесъ результаты этого и въ свои проекты. Изъ нихъ упомянемъ, между прочимъ, обѣ одномъ, показывающемъ то чувство справедливости, которое руководило Сперанскимъ при составленіи его проектовъ: по уставу о ссыльныхъ, дѣтяхъ этихъ несчастныхъ дано было право вступать въ свободныя городскія и сельскія состоянія, тогда какъ до того времени они должны были нести участь, одинаковую со своими отдами. Изъ другихъ мѣръ Сперанского по улучшенію быта вѣренного ему края упомянемъ обѣ учрежденія въ Иркутской школы взаимнаго обучения, о покровительствѣ экспедиціи барона Врангеля, отправлявшейся для обзора сѣверо-восточныхъ береговъ Сибири, — даже обѣ усилияхъ его къ соединенію тамошняго общества въ еженедѣльныя собранія. «Здѣшніе жители, — писалъ Сперанскій дочери, — едва вѣрятъ, что могутъ безъ спроса и дозволенія собираться танцевать или ничего не дѣлать». Такъ они были запуганы прежней администрацией. При всемъ томъ, въ свободное время генералъ-губернаторъ продолжалъ слѣдить за новостями литературы, читалъ Клопштока, продолжалъ изучать нѣмецкій языкъ и

самъ приготовлялъ къ университету молодого Вейкарда, сына давнишняго дружественаго Сперанскому семейства.

Время шло, и мысль о возвращеніи въ Петербургъ опять стала тревожить Сперанского. Оканчивая изслѣдованія злоупотребленій и составленіе проектовъ новаго устройства Сибири, онъ настойчиво, убѣдительно просилъ о дозволеніи перѣѣхать въ Петербургъ, приводя въ доказательство своего тяжелаго положенія то, что онъ поссорился съ мѣстными чиновниками постояннымъ преслѣдованіемъ ихъ проступковъ. Мысль о возвращеніи въ Петербургъ такъ сильно волновала Сперанского, что даже приняла у него болѣзньное проявленіе, сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ тоски по родинѣ. Убѣдительныя просыбы Сперанского, наконецъ, подействовали: послѣ долгаго ожиданія и отсрочки ему дано было разрѣшеніе прїѣхать въ столицу съ сибирскими дѣлами въ мартѣ 1821 года. Сперанскій, конечно, съ величайшою радостью отправился и увидѣлъ давно желаѣмый Петербургъ ровно чрезъ девять лѣтъ послѣ внезапной высылки его изъ этого города.

Теперь для бывшаго изгнанника начался опять новый періодъ, который хотя сначала нѣсколько и разочаровалъ его въ давно питаемыхъ надеждахъ, но, наконецъ, уже при новомъ царствованіи, привелъ его къ такому дѣлу, которое, дѣйствительно, составляетъ славу его жизни и останется неразрывно связано съ его именемъ.

Первымъ дѣломъ Сперанского, по прїездѣ въ Петербургъ, были отчеты по управлению Сибири, по ревизіи тамошняго управления, а потомъ начались занятія по составленіемъ имъ проектамъ о новомъ устройствѣ края. Увидѣвшись съ Государемъ, Сперанскій получилъ много наградъ; комитетъ, вновь составленный для сибирскихъ дѣлъ, безусловно одобрилъ все, сдѣланное имъ: прежняя сибирская администрація, большую частію, подверглась удаленію и даже отданѣ подъ судъ. Проекты Сперанского по устройству края, также чрезвычайные комитетомъ, были утверждены Государемъ;

даже по указанию его были назначены и новые сибирские генераль-губернаторы, такъ какъ съ этого времени Сибирь раздѣлена была уже на два генераль-губернаторства, а комитетъ, по мысли Сперанского, обращенъ въ постоянное учрежденіе, подъ названіемъ Сибирскаго, для завѣдыванія и на будущее время дѣлами по устройству края.

По окончаніи сибирскихъ дѣлъ, Сперанскому, который былъ уже членомъ Государственного совѣта, поручено было разсматривать и докладывать Государю труды комиссіи по составленію законовъ. Но, за неимѣніемъ полнаго свода ихъ, оказывалось невозможнымъ утвердить эти законы, такъ что работы ограничивались чтеніемъ самыхъ проектовъ, замѣчаніями на нихъ Сперанского и разсужденіями совѣта; исправленные такимъ образомъ проекты законовъ, за несогласіемъ самого Сперанского, признававшаго ихъ неудовлетворительными въ цѣломъ составѣ, откладывались, и на этомъ пока остановилось все дѣло.

Теперь положеніе недавняго изгнанника было хотя и почетно, — онъ жилъ въ Петербургѣ, какъ давно самъ желалъ, — но все-таки уже далеко было не то, что прежде. Личные доклады Сперанского у Государя становились все рѣже и рѣже, да и прежнее значеніе онъ уже потерялъ окончательно: изъ важнѣйшихъ его трудовъ ничто не получало утвержденія иначе, какъ по совѣщаніи съ Аракчеевымъ, и наконецъ охлажденіе Государя къ прежнему любимцу сдѣлалось очевиднымъ; надежды Сперанского, если только онъ могъ еще сохранять ихъ послѣ продолжительнаго изгнанія, оказались призрачными: онъ низошелъ въ число обыкновенныхъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, безъ всякаго особаго назначенія. Если за нѣсколько лѣтъ прежде, будучи въ изгнаніи, сначала позорномъ, по томъ, хотя и почетномъ, но все-таки же вдали отъ двора, и когда притомъ репутація его офиціально не была восстановлена, — если онъ въ то время искалъ милости всесильнаго Аракчеева, то это было, хотя неизвинительно съ

строго-моральной точки зрењія, но, по крайней мѣрѣ, объяснялось его непріятнымъ положеніемъ; теперь же Сперанскій, уже возвращенный въ Петербургъ и обеспеченный материально, также написалъ, въ угожденіе Аракчееву, брошюру «О военныхъ поселеніяхъ», въ которой старался защитить это ненавистное для народа учрежденіе. Такой поступокъ былъ наказанъ самой своею безплодностью: въ царствованіе Александра I авторъ брошюры не могъ болѣе выдвинуться.

Пользуясь теперь болышею свободою отъ занятій, Сперанскій уже не чуждался общества, даже самъ сближался съ нимъ и, какъ человѣкъ хорошо образованный, имѣлъ блестящій успѣхъ въ свѣтѣ. Тогда же онъ задумалъ написать свою автобіографію, чтобы окончательно очистить себя, въ общественномъ мнѣніи, отъ прежнихъ подозрѣній по-дробнымъ изложеніемъ своихъ проектовъ и финансовыхъ операций.

По вступленіи на престолъ Императора Николая, для дѣятельности Сперанского открылось новое поприще. Онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ второго отдѣленія Императорской канцеляріи, образованного вместо комиссіи законовъ, которая закрыта по причинѣ крайней безуспѣшности ея дѣйствій и медленности хода работъ, а эти недостатки зависѣли отъ неудовлетворительности состава самой комиссіи. Необходимо было пересмотрѣть и согласить между собою разпородные, часто даже взаимно противорѣчащіе, прежніе указы и устранить возможность ябеды и лихоимства, сильно распространившихся въ пріисутственныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе такой неопредѣленности въ законахъ. Сперанскій въ то время былъ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ исправно выполнить это назначение. Однако-жъ, несмотря на высокое мнѣніе, какое Императоръ Николай имѣлъ о дарованіяхъ, прежняго любимца Александра I, предубѣжденіе Государя противъ его (предполагаемыхъ) политическихъ идей было такъ сильно, что

ему даже не было дано официального титула главноуправляющего вторымъ отдѣленіемъ, отвѣтственность за дѣла котораго лежала на статсь-секретарѣ Балугъянскомъ. Впрочемъ, впослѣдствіи Государь сталъ оказывать Сперанскому болѣе довѣрія.

Прежде составленія свода дѣйствующихъ законовъ, который бы служилъ непосредственнымъ руководствомъ при решеніи дѣль, Сперанскій совершенно основательно занялся изготавленіемъ простого послѣдовательного сборника, полнаго собранія всѣхъ законовъ, изъ котораго уже дѣлялись извлеченія постановленій, сохранившихъ свою силу, для внесенія ихъ въ систематический сводъ. Работа была громадная. Сперанскій набралъ себѣ помощниковъ между университетскими профессорами и вообще людьми, кончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, распредѣлилъ между ними работу, а самъ начерталъ программу ея и помогалъ своимъ личнымъ руководствомъ; изготовленный тетради законовъ повѣрялъ и исправлялъ самъ, не пропуская ни одной строки, каждую оконченную часть немедленно представлялъ Государю, съ которымъ вмѣстѣ еще разъ проходилъ ее и, если нужно было, перерабатывалъ. При этихъ трудахъ, Сперанскій, между прочимъ, для сбереженія мѣста и для большей четкости, велѣлъ въ типографіи второго отдѣленія печатать маленькую букву *т* по виду прописной Т—только въ уменьшенномъ размѣрѣ; это нововведеніе осталось и потомъ и скоро вошло во всеобщее употребленіе. Наконецъ, въ январѣ 1833 г. приготовлено было 56 томовъ Полнаго Собрания Законовъ и 15 томовъ Свода ихъ. Эта обширная работа вся совершина подъ руководствомъ Сперанского.

Но этотъ замѣчательный законовѣдъ понималъ, что желаніе Государя—прочно установить въ Россіи правосудіе—не можетъ осуществиться исключительно путемъ законодательнымъ,—путемъ изданія сборника законовъ. Для пополненія другой стороны этого дѣла,—образованія дѣль-

ныхъ юристовъ, Сперанскій, съ разрѣшенія Государя, постарался помѣстить нѣсколькихъ молодыхъ людей въ С.-Петербургскій университетъ для слушанія юридическихъ лекцій, при чмъ студенты и практически упражнялись въ дѣлопроизводствѣ, а послѣ окончанія курса посланы были за границу для усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ. Сперанскій, будучи за границей, самъ освѣдомлялся объ успѣхахъ ихъ.

Подъ конецъ жизни, неутомимый труженикъ, уже осыпанный наградами Государя, началъ составлять для учебнаго руководства сочиненіе, имѣвшее цѣлью представить вкратцѣ полный очеркъ вновь составленного свода, подъ названіемъ «Руководство къ познанію законовъ», но смерть автора остановила это произведеніе на 8-й главѣ. Напечатанное даже въ такомъ видѣ, оно все-таки заслужило полное одобреніе и публики и специалистовъ.

Съ приближеніемъ старости, страдая уже отъ болѣзней, Сперанскій постоянно оставался вѣренъ привыктымъ правиламъ—соблюдать возможно большую точность и аккуратность въ занятіяхъ и вообще въ образѣ жизни: работая упорно и энергически большую часть дня въ своемъ кабинетѣ, онъ лишь немногое время удѣлялъ семейству, своей дочери или гостямъ, сокращая постепенно даже и свои знакомства, потому что средства не позволяли ему поддерживать ихъ.

Зная, что умѣренность въ пищѣ и въ образѣ жизни и движение поддерживаютъ силы, Сперанскій постоянно, даже въ дурную погоду, прогулывался и никогда не ужиналъ; человѣкъ въ высшей степени дѣятельный, онъ имѣлъ странность постоянно упрекать себя въ лѣности. Отправившись лѣчиться на морскія воды въ Одессу, онъ заезжалъ по дорогѣ въ свое имѣніе Буромку и тамъ предавался, по собственнымъ словамъ, праздности. «Вѣроятно, я такъ поглупѣю,—писалъ онъ въ это время дочери,—что тебѣ трудно будетъ понимать меня». Несмотря на эти ожиданія и на

мнимую свою праздность, онъ тамъ же, во время отдыха, написалъ разсужденіе подъ названіемъ «Определеніе закона», не бывшее, впрочемъ, въ печати.

Межу тѣмъ болѣзнь знаменитаго труженика усилилась. Не обращая на нее вниманія, онъ продолжалъ заниматься разсмотрѣніемъ служебныхъ дѣлъ, по должности предсѣдателя департамента законовъ. На просьбу дочери оставить эту работу до окончательного выздоровленія, онъ отвѣчалъ: «долгъ прежде всего»—и самъ все-таки продолжалъ работать, хотя былъ уже такъ слабъ, что, по словамъ дочери, «послѣ каждыхъ десяти написанныхъ строкъ, голова его опускалась на грудь и глаза на нѣсколько минутъ смыкались».

Опасность болѣзненнаго положенія Сперанскій увеличилъ своей привычкой къ аккуратности: будучи еще очень слабъ, онъ отправился, по обыкновенію, гулять; это случилось въ дурную погоду, и тогда онъ окончательно простудился; новая болѣзнь была уже смертельна.

Въ февралѣ 1839 г. Сперанскій скончался, и не задолго предъ тѣмъ былъ возведенъ въ графское достопочтество. Его смерть показала вполнѣ, какое громадное значеніе приобрѣлъ этотъ знаменитый государственный человѣкъ. Императоръ Николай, который сначала былъ предубѣжденъ противъ Сперанского, считая его за политического фантазера и человѣка неспокойнаго, какъ мы уже упоминали, вслѣдствіи перемѣнилъ свое мнѣніе о немъ, приписывая этотъ взглядъ исключительно наговорамъ клеветниковъ, которые, вообще, въ то и другое царствованіе старались повредить Сперанскому; впрочемъ, въ послѣдній періодъ жизни его, дѣятельность этого человѣка была такого рода, что трудно уже было найти поводъ къ какимъ-нибудь зловреднымъ замысламъ. Николай I, получивъ извѣстіе о смерти Сперанского, такъ, между прочимъ, сказалъ о немъ: «Я нашелъ въ немъ самогоѣрнаго слугу съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностью, съ неуставашею ни-

когда дѣятельностью. Другого Сперанского мнѣ уже не найти; да и кѣмъ я попытаюсь замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту?»

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы постарались изложить дѣятельность знаменитаго государственного человѣка со всею полнотою, какая только возможна по объему книги. Упоминая о его великихъ достоинствахъ, мы не умалчивали и о его слабостяхъ и даже темныхъ сторонахъ. Такъ какъ главная наша цѣль все-таки состоитъ не столько въ биографической полнотѣ подробнотей, сколько въ освѣщеніи тѣхъ изъ нихъ, которыхъ служить примѣромъ для общей идеи книги (безъ ущерба, конечно, для исторической истины), то полагаемъ, что изложеніемъ главныхъ только признаковъ дѣятельности Сперанского мы сохранимъ, въ глазахъ читателей, значеніе этого замѣчательнаго человѣка. Сперанскій, безспорно, былъ натура очень талантливая,— безспорно и то, что не во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни онъ употреблялъ свои дарованія на полезныя дѣла; допустимъ, наконецъ, что его можно обвинить въ лести передъ такимъ человѣкомъ, какъ Аракчеевъ, и вообще, въ излишнемъ угожденіи сильнымъ міра сего— но все это большую частію было въ самый несчастный періодъ его жизни, когда, несправедливо очерненный въ глазахъ Государя, не съ должнымъ основаніемъ пренебрегаемый общественнымъ мнѣніемъ, Сперанскій не видѣлъ иного выхода изъ своего положенія, да и окружающіе примѣръ въ нашемъ обществѣ, особенно въ служебномъ кругу, говоря вообще, не такого свойства, чтобы могли внушать человѣку уваженіе къ самому себѣ, хотя это, конечно, и не должно никому служить полнымъ оправданіемъ въ излишней гибкости.

Какъ бы то ни было, Сперанскій, какъ государственный дѣятель, принесъ Россіи огромную пользу кодификацией ея законовъ, важными административными реформами и многими неутомимыми трудами въ разныхъ служебныхъ

сферахъ; какъ отдельный человѣческій характеръ, онъ представляетъ собою явленіе замѣчательное, возвысившись изъ положенія скромнаго сельскаго семинариста до степени могущественнаго министра великой державы; а своею энергическою дѣятельностью, точностью въ занятіяхъ, неутомимыми трудами и аккуратностью во всякомъ рода дѣлахъ, также удивительнымъ присутствиемъ духа при всѣхъ превратностяхъ судьбы (девизъ его *«in adversis sperat»*), — Сперанскій является образцомъ, вполнѣ заслуживающимъ подражанія, и знаменитымъ въ хроникѣ русской «самодѣятельности».

Другой замѣчательный русскій дѣятель, также вышедший изъ среды народа, также достигшій высшей ступени величія и также низвергнутый врагами, но гораздо болѣе Сперанскаго внушающій къ себѣ сочувствія, — патріархъ Никонъ. Полную аналогію между этими двумя личностями провести, конечно, было бы трудно; но все-таки сходство между ними, хотя болѣе значительное только по отношенію къ вѣшнему ходу событий, не лишено и внутренняго основанія: такъ оба они были одарены умомъ, энергией и честолюбіемъ, оба неутомимо трудились въ той сфере дѣятельности, къ которой были призваны; только низвергнутый Сперанскій, несмотря на свою невинность, не внушаетъ къ себѣ сочувствія и, еслибъ не позднѣйшіе его законодательные труды, имя его уже, быть можетъ, предано-бы было забвению; тогда какъ суровая личность Никона во все время его страданій привлекаетъ къ себѣ уваженіе, которое не уничтожается даже и вѣкотными его опрометчивыми поступками. Сперанскій почитался въ свое время реформаторомъ, на Никона до сихъ поръ раскольники наши смотрятъ, какъ на вреднаго нововводителя, хотя проекты государственныхъ реформъ первого, какъ плодъ кабинетныхъ, заимствованныхъ соображеній, мало имѣютъ значенія; тогда какъ Никонъ, самъ строгій оберегатель церковныхъ преданій, обличавшій даже своихъ про-

тивниковъ въ отступленихъ отъ чистоты православія, исправлять, однако-жъ, церковныя книги на самыхъ разумныхъ основаніяхъ, уничтожая, во имя здраваго смысла, нѣкоторыя нелѣпныя выраженія, введенныя въ нихъ малознающими прежними исправителями. Наконецъ, Никонъ, несмотря на свою суровость и запальчивость, былъ любимъ народа; Сперанскаго, даже во время наибольшаго величія его не терпѣли, хотя у него не было недостатка въ гибкости характера и въ знаніи людей. Полной аналогіи между этими двумя личностями препятствуетъ и различіе времени, въ которое они жили, и, въ особенности, крайнее несходство въ нравственныхъ качествахъ. Но, несмотря на то, въ общемъ ходѣ исторіи русской, и туть и другой занимаютъ высокое мѣсто, какъ люди, во всякомъ случаѣ выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ.

Патріархъ Никонъ въ мірскомъ званіи назывался Никита. Онъ былъ сынъ нижегородского крестьянина Минина. Въ дѣтствѣ еще Никита лишился матери и вѣкоторое время воспитывался у постороннихъ лицъ; онъ скоро выучился читать, и хотя, поселившись опять у отца, не могъ продолжать ученья и началъ было даже забывать и прежнее, но природная любознательность выручила мальчика. Удовлетворить ей въ отцовскомъ домѣ, конечно, было нельзя, исходь этому стремленію молодого ума въ то время (въ началѣ XVII вѣка) и при такой обстановкѣ, былъ одинъ—поступить въ какой-нибудь монастырь. Никита такъ и сдѣлалъ; онъ отправился въ сосьдній монастырь, читаль тамъ церковныя книги и, по свидѣтельствамъ его біографовъ, получиль наклонность къ духовному званію. Быть можетъ, это было и такъ; однако-жъ, едва-ли не съ большою вѣроятностью такая наклонность въ молодомъ человѣкѣ объясняется узкостью окружавшаго его быта, который не могъ удовлетворять порывамъ его сильной натуры, и желаніямъ, хотя бы даже и безсознательнымъ, создать себѣ какую-нибудь новую жизнь, новое поле для дѣятель-

ности, какая только была возможна; при такихъ условияхъ, молодыя силы юноши устремились на единственное болѣе доступное поприще, и крѣпнувшій умъ обратился къ религіознымъ предметамъ.

Однако-жъ отецъ вызвалъ его къ себѣ; по смерти старика, Никита женился и въ скромъ времени дѣйствительно принялъ духовный санъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ провинціальныхъ приходахъ, онъ перешелъ священникомъ въ Москву, прожилъ десять лѣтъ въ супружеской жизни и потомъ, по взаимному согласію, разошелся съ женой: оба поступили въ монашество. Въ этомъ званіи Никонъ сначала жилъ въ одномъ монастырѣ, на крайнемъ сѣверѣ, близъ Соловецкаго острова, но и тутъ уже сказался пылкій характеръ новаго монаха: произошло неудовольствие, и онъ долженъ былъ перейти въ другой монастырь, где вскорѣ его избрали игуменомъ. Эта власть, хотя и скромная, все-таки давала возможность честолюбивымъ наклонностямъ Никона найти себѣ удовлетвореніе. Пріѣзжая для нуждъ монастыря въ Москву, онъ имѣлъ случай видѣться въ 1646 г. съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, которому умный, краснорѣчивый и строгій игуменъ такъ понравился, что царь перевелъ его въ Москву архимандритомъ. Само собою разумѣется, что тутъ Никонъ еще больше прежняго имѣлъ возможность видаться съ царемъ, который любилъ слушать его бесѣды. Никонъ пользовался частыми свиданіями съ государемъ и для того, чтобы просить за разныхъ сиротъ, вдовъ или людей, несправедливо обиженныхъ. Такія ходатайства предъ добродушнымъ Алексѣемъ Михайловичемъ, большую частью, имѣли успѣхъ, и даже, кромѣ того, царь поручилъ Никону разматривать просьбы, подававшіяся прямо на царское имя; такимъ образомъ, молва о новомъ государевомъ любимцѣ скоро разнеслась по всей Москвѣ, привлекая къ нему уваженіе и любовь народа, но возбуждая также и зависть бояръ. Чрезъ три года Никонъ былъ едѣланъ новгородскимъ митрополитомъ, и

тутъ-то его административные способности и дѣятельная натура выказались въ достаточномъ объемѣ. Уже при самомъ назначеніи, новый митрополитъ получилъ власть, гораздо обширнѣе обыкновенной. Царь предоставилъ ему право имѣть надзоръ надъ дѣйствіями гражданскихъ сановниковъ. Никонъ могъ входить въ разбирательство дѣлъ тюремныхъ,—разсматривать, не содержались ли въ заключеніи невинные, и даже освобождать ихъ, если бы такие нашлись. Конечно, эти права можно объяснить и даже оправдать только тѣмъ, что царь лично зналъ Никона и въ умѣ и честности его былъ вполнѣ увѣренъ; въ рукахъ другого человѣка такая власть могла бы послужить источникомъ величайшихъ золь и несправедливостей; распоряженія гражданскихъ начальствъ также были бы связаны до послѣдней степени, и при всей религіозности царя, онъ долженъ былъ бы отказаться отъ такого намѣренія. Но Никонъ, кажется, рожденъ былъ скорѣе администраторомъ, чѣмъ монахомъ. Изъ его свѣтскихъ дѣлъ въ Новгородѣ замѣчательно усмиреніе бунта мѣстныхъ жителей, которые, въ раздраженіи противъ воеводы, князя Хилкова, хотѣли его убить. Никонъ спасъ жизнь воеводѣ, хотя при этомъ самъ подвергался опасности и даже потерпѣлъ побои отъ мятежниковъ. При всемъ томъ, онъ и тамъ былъ любимъ народомъ; во время голода, Никонъ каждый день кормилъ по нѣсколько сотъ человѣкъ, и кромѣ того, вообще заботился о призрѣніи нищихъ и сиротъ; самъ посыпалъ тюрьмы, богадѣльни, строго разбирая, съ должныемъ ли основавшемъ находились тамъ обитатели ихъ. Съ государемъ Никонъ поддерживалъ постоянныя сношенія, каждый годъ Ѵездалъ въ Москву и, наконецъ, въ 1652 году, въ знакъ особаго довѣрія, былъ назначенъ присутствовать при перенесеніи въ столицу мощей Филиппа митрополита. Уже въ то время, знаяще Никона бояре говорили, что худо быть подъ властью у новгородскаго владыки. Вспыльчивый характеръ его уже и тогда давалъ себя чувствовать.

Междудъ тѣмъ, въ томъ же году умеръ патріархъ Іосифъ, и Никонъ возведенъ былъ на его мѣсто.

По вступлениіи въ высшій духовный санъ, новый патріархъ прежде всего обратилъ самое строгое вниманіе на состояніе подчиненнаго ему духовенства: еще въ Новгородѣ онъ сдѣлалъ измѣненія во вѣшности иѣкоторыхъ обычаевъ при богослуженіи, стараясь придать ему большее благолѣпіе, и хотя такія нововведенія не нравились тогдашнему патріарху Іосифу, но они удержались и до позднѣйшихъ временъ, такъ какъ, не заключая въ себѣ ничего несогласнаго съ церковными постановленіями, клонились только къ уничтоженію безпорядка при богослуженіи и внушали больше уваженія къ духовенству со стороны мѣрянъ, посредствомъ наблюденія за хорошимъ поведеніемъ священно-и церковно-служителей, противъ которыхъ, въ случаѣ развратной жизни, принимались строгія мѣры. Затѣмъ энергическій Никонъ обратилъ вниманіе и на положеніе церковныхъ книгъ, исправленіе которыхъ, какъ дѣло самой настоятельной необходимости, вслѣдствіе неточной редакціи самого текста, предпринято было уже давно. Къ несчастію, оно попало въ руки людей мало-знающихъ, которые, подъ видомъ исправленія, внесли въ книги еще больше ошибокъ и искаженій. Убѣдившись, что книги испорчены такими поправками, Никонъ въ 1654 году созвалъ соборъ для обсужденія мѣръ, какія слѣдовало принять по этому предмету; на этомъ соборѣ поправленныя въ послѣднее время книги были осуждены; вѣльно приступить къ новымъ исправленіямъ, а пока руководствоваться старыми священными книгами и также греческими. Хотя Никонъ, стоявшій выше мелочного поклоненія буквѣ, и не очень преслѣдовалъ искажителей, но тѣ все-таки сильно упорствовали въ своихъ толкованіяхъ, и главные изъ нихъ, уже за непослушаніе, были сосланы. Это породило еще одинъ изъ враждебныхъ Никону элементовъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и положило основаніе отдѣленію отъ

господствующей церкви такъ называемыхъ раскольни-
ковъ.

Межу тѣмъ, патріархъ возвысился до самой высшей степени, какая только возможна въ Россїи подданному. Дружба его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ усилилась особенно въ то время, когда Никонъ охранять царское семейство отъ морового повѣтря, за отѣзломъ самого царя въ польскій походъ. Вѣроятно, въ изъявленіе особой признательности своему другу, Алексѣй Михайловичъ предоставилъ патріарху право именоваться «великимъ государемъ». Это былъ шагъ, не вполнѣ благоразумный; при извѣстномъ гордомъ и энергическомъ характерѣ Никона, который и безъ того чувствовалъ себя выше всѣхъ окружающихъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, за исключеніемъ, конечно, самого государя. Но еще неблагоразумиѣ со стороны Никона было принять и носить этотъ титулъ, которымъ до того времени пользовался только одинъ патріархъ Филаретъ, въ качествѣ отца царя Михаила Феодоровича оказывавшій весьма сильное вліяніе на дѣла государственные.

Во время отсутствія царя, Никонъ, оставаясь полновластнымъ властелиномъ государства, быть можетъ, не удержался въ должностныхъ границахъ: энергическая умная натура его, какъ бы рожденная для власти, почувствовала себя въ своей сферѣ, а сознаніе своей способности къ управлению внушало Никону излишнее довѣріе къ своимъ силамъ и, конечно, также излишнее пренебреженіе къ окружающимъ. Съ возвращеніемъ царя въ Москву, вынужденный оставить государственные дѣла, Никонъ встрѣтилъ и его, можетъ быть, съ меньшимъ почтеніемъ, чѣмъ прежде; а съ другой стороны и Алексѣю Михайловичу враги патріарха, пользуясь разлукой друзей, не упускали случая внушать, что Никонъ пользуется въ народѣ такимъ значеніемъ, какого не имѣть самъ царь; титулъ «великаго государя» пришелся тутъ очень кстати, какъ болѣе ясное и рѣзкое средство возбужденія подозрѣній цара.

Это и было поводомъ къ охлажденію между Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ: несмотря на всѣ позднѣйшія побудительныя причины вражды царя къ патріарху, какія выставлялись наружу, несмотря на всѣ обвиненія, какія впослѣдствіи взводились на Никона, главной пружиной столкновенія оставался споръ о власти; подобный споръ, конечно, только и возможенъ былъ при такомъ мягкосердечномъ и добромъ царѣ, какъ Алексѣй Михайловичъ, и при такомъ энергическомъ и умномъ подданномъ, каковъ былъ Никонъ. Споръ о первенствѣ былъ даже еще глубже простого притязанія на власть двухъ отдѣльныхъ личностей,—тутъ боролись за власть два различныхъ начала—свѣтская власть съ властью духовной. Въ Россіи церковный авторитетъ всегда подчинялся государственному: этому способствовало, съ самаго основанія русской державы, отсутствие единоличной высшей особы въ церковной іерархіи—патріарха. Учрежденіе русскаго патріархата было политической ошибкой, слѣдствія которой, при первомъ же удобномъ случаѣ, не замедлили выказаться: и не будь Никонъ побѣженъ въ борбѣ съ царемъ, быть можетъ, и судьбы, и направленіе верховной власти въ Россіи приняли бы иной оборотъ. Петръ Великій, съ свойственною ему проницательностью, понялъ опасность и видоизмѣнилъ высшее духовное управление—изъ единоличнаго въ коллегіальное. Возможность антагонизма между свѣтской и духовной властью миновалаась. Смотря съ этой точки зрѣнія на дѣло патріарха Никона,—соображая значеніе этого события въ общемъ ходѣ исторіи Россіи,—нельзя не сказать, что исходъ борьбы былъ благодѣтенъ для государства,—въ своихъ конечныхъ результатахъ. Лишнее было бы доказывать, что государственная власть не можетъ и не должна допускать о бокъ съ собою, или даже выше себя, могучаго соперника, который основываетъ свое значеніе именно на своемъ несъемномъ происхожденіи, который, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не чуждъ даже желанія

выставить себя источникомъ и раздавателемъ свѣтской власти. Такимъ образомъ, та сторона, которую защищалъ Никонъ, осуждена уже и исторіей,—но все это, повторяемъ, уясняется только при взглядѣ на дѣло въ значеніи чисто-историческомъ, общемъ, при чемъ ближайшія условія, подъ которыми складывались взаимныя отношенія извѣстныхъ людей, склаживаются сами собою; совсѣмъ другое выходить, если стать на мѣсто самихъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы, войти въ ихъ относительное положеніе и проникнуться духомъ ихъ времени. Тутъ Никонъ, этотъ выходецъ изъ народа, дошедший чуть не до самодержавства надъ всей Россіей, этотъ гордый, энергическій и умный человѣкъ, этотъ смѣлый реформаторъ, презирающій невѣжество массы, гдѣ оноказалось возстающимъ на него (какъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ), и вмѣсть съ тѣмъ любимецъ этой самой массы, которая видѣла его кровное родство съ собою, которая провожала отѣзжающаго изъ Москвы и впавшаго въ немилость патріарха громкимъ плачомъ, несмотря на извѣстную прежде его суровость и недоступность, этотъ развѣнчанный владыка и смиренный заточникъ—есть одно изъ наиболѣе заслуживающихъ сочувствія лицъ, какихъ мы только встрѣчаемъ въ русской исторіи. Личный характеръ Никона намъ рисуютъ, однako-жъ, въ непривлекательномъ свѣтѣ: это былъ, говорятъ, человѣкъ высокомѣрный, суровый, запальчивый, дерзкій,—но не забудемъ, что эта вспыльчивость, доходившая иногда до неприличныхъ рѣчей, всегда была возвуждена тѣмъ, что казалось Никону несправедливымъ и противъ чего онъ боролся; къ тому же, его честолюбивая, энергическая натура просила болѣе обширного поприща для своей дѣятельности, а его устранили, ему стали показывать ведовѣrie, немилость, противъ него строили козни, научили царя враждовать къ нему; ему дѣлали даже невыносимыя оскорблѣнія (такъ бояринъ Стрѣшневъ выучилъ собаку благословлять по-патріаршески и далъ ей кличу Никонъ), ему дѣлали

униженія, какихъ-бы не вынесъ даже и менѣе гордый человѣкъ: вызвавъ изъ Воскресенского монастыря въ Москву на патріаршескую должность, отступились отъ него, выгнали обратно, когда онъ стоялъ уже среди церкви и занималъ свое мѣсто. Наконецъ, въ довершеніе всего, сквозь всѣ строгости, Никонъ видѣлъ, что его все-таки боялись: чѣмъ иначе объяснить данный ему приказъ пріѣхать на судъ въ Москву ночью не рапыше двухъ и не позже трехъ часовъ, или чѣмъ объяснить, что торжественное развѣнченіе бывшаго патріарха происходило въ маленькой церкви, при за-пертыхъ дверяхъ, а не въ Успенскомъ соборѣ, не всенародно, какъ этого требовалъ самъ Никонъ? Немудрено, что онъ ненавидѣлъ и презиралъ своихъ утѣснителей—бояръ и главнаго врага своего, греческаго скитальца—митрополита Панція Лигаріда. А если недоброжелатели патріарха боялись его частыхъ встречъ и сближеній съ народомъ, во время хода дѣла,—не значитъ ли это, что они чувствовали себя противъ него неправыми.

Таково наше мнѣніе о дѣлѣ патріарха Никона и о значеніи его личности въ этомъ дѣлѣ: это была борьба гиганта съ пигмеями; послѣдніе, наконецъ, одолѣли (больше своею численностью) и, конечно, постарались сдѣлать безвреднымъ своего врага, сокрушить его. Дѣйствительно, Никонъ въ заточеніи былъ уже только тѣнью прежняго Никона-патріарха.

Мы, однако-жъ, сдѣлали большое отступленіе и, повидимому, не исполнили своей обязанности; вмѣсто передачи фактовъ Никонова дѣла въ послѣдовательномъ порядкѣ, мы занялись, по возможности, общимъ освѣщеніемъ этой характеристической личности и указаніемъ на главное значеніе дѣла. Это сдѣлано потому, что всѣ мелочныя фазы борьбы, всѣ ничтожные, но иногда по своимъ послѣствіямъ важные случаи вѣ всегда даютъ замѣтить въ себѣ вѣрное отраженіе личности Никона. Значеніе борьбы выясняется только при общемъ обзорѣ обстоятельствъ дѣла. Предста-

вивъ бѣглый взглядъ на свойство участія въ немъ Никона, мы передадимъ теперь и фактическую сторону сколько возможно короче.

Мы сказали, что, по возвращеніи съ похода Алексія Михайловича, между нимъ и Никономъ существовали уже натянутыя отношенія. Они еще ухудшились по слѣдующему обстоятельству: лѣтомъ 1658 года, во время царскаго обѣда по случаю прїѣзда грузинскаго царевича Теймураза (на этотъ обѣдь Никонъ, противъ обыкновенія, приглашенъ не былъ), окольничій, расчищавшій дорогу въ народѣ, палкой ударили въ толпѣ патріаршаго боярина, даже когда уже тотъ сказалъ свое званіе,—и велѣль потомъ боярину не слишкомъ чваниться. Никонъ принялъ это за обиду себѣ, какъ оно и было въ дѣйствительности, и жаловался царю. Царь обѣщалъ разобрать дѣло, но не разбралъ. Немилость продолжала выказываться и дальше: Алексій Михайловичъ,—человѣкъ очень религіозный, пересталъ бывать при патріаршой службѣ даже въ большиe праздники, и наконецъ посланный его, князь Ромодановскій, прямо объявилъ Никону гнѣвъ царя за то, что патріархъ имѣнуетъ великимъ государемъ, хотя это дѣжалось по царскому же пожалованію. Гордый Никонъ хотѣлъ сохранить свое достоинство, не просилъ объясненія, не зная за собой никакой вины, а переставъ именоваться великимъ государемъ, задумалъ сложить съ себя и патріаршій санъ. Этотъ шагъ, конечно, былъ слишкомъ рѣзокъ и положилъ начало всѣмъ послѣдующимъ распрамъ; но самая эта рѣзкость доказываетъ, что Никонъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ искренняго порыва, вовсе не разыгрывая комедіи и не стараясь оставаться въ патріаршествѣ иначе, какъ съ прежнею честью. Его, однако-жъ, удерживали не очень сильно и притомъ не лично самъ царь, а черезъ посланныхъ. Никонъ произнесъ отреченіе и уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь, объявивъ, что оставилъ патріаршество не вслѣдствіе какого-нибудь гнѣва или гоненія, а самъ собою,

желая отдыха, и что благословляетъ того, кто будетъ избранъ на его мѣсто, но хотѣль сохранить свой санъ и независимость въ духовныхъ дѣлахъ своихъ монастырей отъ нового церковнаго владыки. Это было очень естественно: Никонъ не разъличалъ себя, какъ недостойнаго (да и могъ-ли онъ это сдѣлать?), а просто оставилъ свою каѳедру, сохраняя, какъ само собою разумѣется, прежнее званіе. Однако-же, изъ-за этого возникъ вопросъ — имѣть ли право Никонъ, послѣ отреченія, удерживать название патріарха? Враги его давали, конечно, отрицательный отвѣтъ, хотя прямого и точнаго изъясненія относительно этого въ каноническихъ правилахъ не было. Между тѣмъ, они же дѣйствовали раздражительно и на царя, который, по своему добруму характеру, бытъ-бы не прочь и опять подружиться съ патріархомъ. Сношенія между обѣими сторонами завязывались; недоброжелатели Никона старались вызвать его на колкости въ письмахъ къ царю и, къ со-жалѣнію, успѣвали въ этомъ; прямодушный патріархъ не сдерживалъ своихъ рѣчей въ предѣлахъ умѣренности, — и это, конечно, еще больше отдало примиреніе, пока наконецъ оно не сдѣлалось уже и совсѣмъ невозможнымъ. Для опредѣленія правъ Никона на его санъ и прочаго, созвали соборъ, который сначала призналъ его подлежащимъ лишенію архіерейскаго званія, а потомъ, повинувшись мнѣнію тогдашняго знаменитаго ученаго, Епифанія Славенецкаго, отозвался о Никонѣ съ честію и опредѣлилъ избрать новаго патріарха. Никонъ, впрочемъ, ставилъ непремѣннымъ условіемъ такого избранія собственное участіе, потому что, при своей жизни, все-таки не признавалъ за русскими первоосвятителями права распоряжаться патріаршимъ престоломъ и судить дѣйствія патріарха. Казалось-бы, что тогда всему этому удобно было-бы и кончиться, но между тѣмъ вышло иначе: опредѣленіе этого собора осталось безъ дѣйствія, и въ то самое время прїѣхалъ странствующій греческій митрополитъ Пантелеймонъ Лигаридъ. Это былъ иска-

тель денежныхъ выгодъ, и потому принималъ всегда сторону того, кого считалъ болѣе сильнымъ, а отъ Алексѣя Михайловича, сверхъ того, могъ ожидать себѣ богатыхъ подарковъ и пожертвованій на оскудѣвшія греческія церкви. Понятно, что онъ употребилъ всѣ усилия, чтобы испортить дѣло Никона. И дѣйствительно, съ этого времени оно привело дурной оборотъ для патріарха. Враги послѣдняго воспользовались первыми же неосторожными словами его при спорѣ за землю съ соѣдними владельцемъ Бабарыкинъмъ (Никонъ на него жаловался, но удовлетворенія не получилъ) и донесли царю, будто бы Никонъ проклялъ его вмѣсть съ царицею и со всѣмъ семействомъ. Дѣло начало принимать уже направление весьма неблагопріятное и даже опасное для бывшаго патріарха. Назначили слѣдствіе, и главнымъ слѣдователемъ былъ Пантелей; онъ, вмѣсть съ другими царскими посланными, отправился къ Никону въ монастырь дѣлать допросъ; при этомъ тѣ, кому нужно было, не безъ основанія разсчитывали, что пылкій патріархъ встрѣтить неожиданныхъ гостей неласково и въ разговорѣ не удержится отъ бранныхъ словъ, которыя потомъ могутъ послужить еще къ большему обвиненію его предъ государемъ. Такъ и случилось: крупныя слова были сказаны съ той и съ другой стороны. Царь и патріархъ еще больше раздражились другъ противъ друга. Тогда Пантелей предложилъ Алексѣю Михайловичу послать граматы къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ за совѣтомъ ихъ по обвиненіямъ противъ Никона. Это средство слѣдовало-бы испытать уже давно, но и теперь время еще не было упущенено, если-бы все дѣло сдѣлано было какъ слѣдуетъ, безъ всякихъ темныхъ сторонъ. Къ несчастію, эти темные стороны существовали: во-первыхъ, самыя письма патріархамъ съ вопросами написаны были какъ-бы не по отношенію къ личности Никона, а вообще, что только запутывало дѣло, во-вторыхъ—самое важное — посломъ при доставленіи граматъ избрали человѣка весьма сомнительного поведенія,—дьякона

Мелетія, пріятеля Паисія. Отвѣты онъ принесъ удовлетворительные, т.-е. такие, которые говорили противъ Никона; но дѣло въ томъ, что возникали подозрѣнія, весьма спильные, въ подлинности подписей патріарховъ. Очевидно, добродушнаго Алексѣя Михайловича кругомъ обманывали. Отъ іерусалимскаго патріарха даже получено было особое письмо, гдѣ сказъ, говоря прямо о Никонѣ, советовалъ царю примириться съ нимъ. Сомнѣнія царя были возбуждены, и онъ рѣшился звать восточныхъ патріарховъ прѣѣхать лично въ Россію для суда надъ Никономъ, дѣло которого продолжалось уже семь лѣтъ, а преемника ему все еще не было избрано. Самъ Никонъ, между тѣмъ, продолжалъ по-прежнему жить въ своемъ монастырѣ и въ это время отношения между нимъ и царемъ какъ будто начинали принимать опять благопріятный характеръ, хотя Никонъ, вѣрный себѣ, не заискивалъ и не думалъ жертвовать своимъ достоинствомъ для возврата сана. Тогда произошло несчастное, загадочное обстоятельство, глубоко оскорбившее патріарха и положившее конецъ возможности усѣйшаго исхода попыткѣ къ примиренію. Одинъ изъ немногихъ расположенныхъ къ Никону бояръ, Зюзинъ, написалъ патріарху письмо, въ которомъ уведомилъ его, что царь радъ быль-бы его возвращенію и только самъ не хочетъ сдѣлать первый решительнаго шага, чтобы не унизить царскаго достоинства, и что если Никонъ добровольно вернется въ Москву, вступитъ снова на патріаршество, то царь помирится съ нимъ и все будетъ кончено. Нельзя упрекать Никона за то, что онъ согласился побѣхать въ Москву. Зюзина онъ зналъ за хорошаго человѣка, который притомъ и не осмѣлился-бы принять на себя тяжкую ответственность въ случаѣ вымышенія царскихъ словъ; къ тому же, семилѣтнее одиночество, конечно, не могло нравиться дѣятельной натурѣ Никона, а какъ и патріаршій престолъ до сихъ поръ еще не былъ занятъ, то неудивительно, что бывшій патріархъ скоро поддался надеждѣ покончить все разомъ и

возстановить миръ, полагаясь на тайныя увѣренія боярина, которые казались ему тѣмъ болѣе вѣроятными, что незадолго до того царь оказывалъ ему милостивое вниманіе въ ласковыхъ письмахъ и т. п. Вышло, однако-жъ, иначе. Никонъ прїѣхалъ въ Москву и прямо прошелъ въ соборъ на патріаршеское мѣсто; посланные царя спрашивали его: зачѣмъ онъ явился? Въ письмѣ Зюзина это было преду-смотрѣно и патріарху указывалось, что должно отвѣтить на такие вопросы. Никонъ такъ и сдѣлалъ, все думая, что его въ самомъ дѣлѣ звали. Но дальнѣйшее суровое приказа-заніе—ѣхать обратно—раскрыло глаза ему. Онъ увидѣлъ себя жертвою или обмана, или недоразумѣнія и, конечно, уѣхалъ въ свой монастырь. Можно себѣ представить, каково было это вынести гордой душѣ Никона, который въ этомъ случаѣ былъ никаколько не виноватъ. Теперь дѣлу уже невозможно было дать миролюбивый исходъ; Никонъ увидѣлъ ясно, въ какомъ положеніи его дѣло и чего ему должно ожидать. Окончательный его условія обѣ оставленіи патріаршескаго званія не были приняты во вниманіе, по-сланное имъ письмо къ константинопольскому патріарху, съ изложеніемъ своего дѣла и съ оправданіями, перехватили и поставили потомъ ему въ числѣ главныхъ обвиненій, какъ оскорбительное для царя. Изъ восточныхъ патріар-ховъ два, отъ которыхъ можно было еще ожидать болѣе безпристрастнаго сужденія, не прїѣхали, другіе два,—але-ксандрийскій и антіохійскій, хотя и имѣли полномочіе отъ первыхъ, но дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ противъ Ни-кона съ самаго начала такъ называемаго суда, который, впрочемъ, мало заслуживалъ этого названія, потому что не было ни порядка, ни системы въ обвиненіяхъ; видно было только желаніе найти предлогъ къ осужденію бывшаго патріарха во что-бы то ни стало. Никонъ, однако-жъ, упорно защищался и мѣтко опровергалъ своихъ противниковъ, даже самъ произносилъ противъ нихъ обвиненія. Нѣть на- добности разсказывать о засѣданіяхъ самаго суда и отѣхъ

обвиненіяхъ, какія взводились на Никона; разсказъ этого долженъ быть уже очень подробнѣ, если-бы онъ былъ нами включенъ сюда. Мы скажемъ только, что Никонъ былъ обвиненъ и въ неуваженіи къ царю, и въ неисполненіи своихъ обязанностей, и въ искаженіи церковныхъ книгъ (хотя впослѣдствіи его же исправленія были при-няты); приговоръ произнесли: патріарха лишили его сана и всѣхъ другихъ достоинствъ, назвали его простымъ монахомъ Никономъ и сослали на житѣе въ дальний монастырь.

Такимъ образомъ достигнута была цѣль враговъ вели-каго русскаго человѣка — частію бояръ, частію инозем-цевъ—грековъ; народъ съ плачерь провожалъ своего лю-бимаго пастыря; самъ государь, какъ можно догадываться, жалѣль о немъ. Больше Никонъ не поднялся, и хотя при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ свобода была ему возвращена, но онъ не воспользовался ею: онъ умеръ на пути въ свой Воскресенскій монастырь.

Недостатки характера Никона искупаются частію его страданіями, частію заслугами, оказанными имъ церкви и Россіи, по отношенію къ исправленію церковныхъ книгъ и вообще по улучшенію вѣреннаго ему духовенства, а энер-гической, дѣятельной и честной образъ этого сына на-рода—заслуживаетъ полнаго уваженія отъ каждого русскаго.

ГЛАВА II.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ, ИЗОБРѢТАЕЛИ И ПРОИЗВОДИТЕЛИ.

Промышленный духъ англійской націи. — Трудъ — самая лучшая школа. — Изобрѣтенія дѣлались большею частію людьми рабочими.—Изобрѣтеніе паровой машины.—Джемсъ Уаттъ.—Основаніе хлопчатобумажныхъ мануфактуръ.—Ричардъ Аркрайтъ.—Матью Бультонъ. — Семейство Пилей въ южномъ Ланкаширѣ.—Робертъ Пиль.—Набиваніе коленкора.—Первый баронетъ Пиль.—Скромное начало дѣятельности его, какъ фабриканта.—Дальнѣйшій успѣхъ.—Веджвудъ, основатель Стаффордширскаго производства: его труды, энергія и удача. — Гербертъ Митонъ.—Фультонъ, Стефенсонъ.—

Примѣры изъ русской жизни: Кулибинъ, Волосковъ.

Замѣчательную черту англійского народа составляетъ его промышленный духъ; онъ рѣзко выдается во всей прежней исторіи англичанъ, но также характеризуетъ ихъ и теперь. Этотъ-таки духъ, проявляемый англійскими обществами, положилъ основаніе промышленному величію всего государства и содѣствовалъ развитію этого величія, какъ въ самой метрополіи, такъ и въ колоніяхъ. Такое сильное поступательное движеніе націи было по преимуществу результатомъ свободной промышленной дѣятельности частныхъ лицъ и находилось въ прямомъ отношеніи къ количествомъ умственныхъ и физическихъ силъ, занятыхъ обработкою почвы, производствомъ полезныхъ предметовъ, изобрѣтеніемъ инструментовъ и машинъ, произведеній

искусства или сочиненіемъ книгъ. Тотъ же духъ дѣятельной промышленности, который былъ жизненнымъ началомъ націи, служилъ ей оть-времени-до-времени предохранительнымъ средствомъ и пособіемъ противъ несчастныхъ послѣствій ошибокъ, находящихся въ англійскомъ законодательствѣ, и несовершенствъ конституції страны.

Промышленный путь, по которому нація неуклонно слѣдовала, представилъ также доказательства степени ея развитія. Какъ для каждого отдельного лица усердное занятіе дѣломъ можетъ служить лучшей школой, такъ это отношеніе къ избранному дѣлу производить хорошее влияніе и на цѣлое государство. Честная дѣятельность, доставляя наслажденіе, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исполненіе долга; безъ нея прогрессъ совершенно невозможенъ. Человѣкъ праздный оставляетъ столь же мало слѣдовъ своего существованія, какъ пѣна на водѣ или дымъ въ воздухѣ; тогда какъ люди дѣятельные оказываютъ своимъ характеромъ влияніе не только на свое поколѣніе, но и на послѣдующія. Трудъ служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ энергіи человѣка, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасную школу человѣческой мудрости. Жизнь простого ремесленника вовсе не несомнѣна съ высокимъ умственнымъ развитіемъ. Гуго Миллеръ, которого евва ли кто превзойдетъ гь знанію хорошихъ и дурныхъ сторонъ участія рабочаго, засвидѣтельствовалъ, какъ результатъ своей опыта, что работа, даже самая трудная, полна наслажденія и представляетъ занимающимся ею людямъ много материаловъ для самоусовершенствованія. По его мнѣнію, честный трудъ есть лучшій изъ наставниковъ, и школа труда — самая лучшая изъ школъ, такая, въ которой сообщается учащимся способность приносить пользу, а кромѣ того, они пріучаются къ духу независимости и пріобрѣтаютъ привычку къ настойчивымъ занятіямъ. Гуго Миллеръ даже думалъ, что занятіе механикой, упражнения наблюдательныя способности, вслѣдствіе ежедневнаго обращенія съ види-

мыми и практическими предметами и пріобрѣтаемой отъ этого жизненной опытности, дѣлаетъ человѣка способнѣе пробизать себѣ жизненный путь и болѣе благопріятствуетъ настоящему человѣческому развитію, нежели то воспитаніе, какое доставляется вскімъ другимъ званіемъ.

Рядъ великихъ именъ, о которыхъ мы вкратцѣ упоминали, именъ людей, прошедшіхъ изъ промышленныхъ классовъ и достигшихъ извѣстности на различныхъ поприщахъ — въ наукѣ, торговлѣ, литературѣ и искусствахъ, показываетъ, что трудности, представляемыя бѣдностью и тяжестью работы, во всякомъ случаѣ можно преодолѣть. Что же касается до великихъ открытій и изобрѣтеній, доставившихъ націи столь много силы и богатства, то неѣ сомнѣнія, что большою частью ихъ мы обязаны людямъ самого низшаго званія. Если выдѣлить то, что такие люди сдѣлали въ этой особенной отрасли дѣятельности, то окажется, что другимъ оставалось довершить очень немногое. Имена многихъ изобрѣтателей, вполнѣ заслуживающихъ похвалу, забыты; остались въ памяти только самыя знаменитыя личности, составившія эпоху въ исторіи изобрѣтеній, подобно тѣмъ, воспоминаніе о которыхъ тѣсно связано съ развитіемъ гигантской силы паровой машины. Между тѣмъ были сотни талантливыхъ, но безвѣстныхъ работниковъ, которые отъ-времени-до-времени дѣлали существенные улучшенія въ этой дивной машинѣ и значительно содѣствовали увеличенію ея силы и расширенію ея практической пользы. Упомянемъ также о многочисленныхъ изобрѣтеніяхъ меньшей важности, въ родѣ, напримѣръ, карманныхъ часовъ; каждое такое изобрѣтеніе само по себѣ имѣть значеніе; но исторія происхожденія его совершенно потеряна; и хотя мы воспользовались обширнымъ наслѣдствомъ, завѣщаннымъ намъ этими изобрѣтателями, но большою частью до сихъ порь не знаемъ даже именъ ихъ.

Хотя изобрѣтеніе паровой машины, — этого царя машинъ, какъ дѣйствующей рабочей силы, принадлежить

относительно новѣйшей эпохѣ, но мысль объ этомъ появилась уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Подобно другимъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, и это подвигалось впередъ шагъ-за-шагомъ; каждый человѣкъ передавалъ плоды своихъ трудовъ, иногда казавшіеся безполезными, своимъ преемникамъ, которые, принявъ ихъ, въ свою очередь, двигали дѣло на нѣсколько ступеней впередъ: хранители великой идеи понимали другъ друга даже чрезъ цѣнко-лѣтія. Идея, которую проповѣдывалъ еще Геронъ Александрийскій, никогда не была совершенно оставлена, но, подобно пшеничному зерну, спрятанному въ руѣ египетской мумії, пустила ростки и, наконецъ, при свѣтѣ новѣйшаго знанія, получила сильное развитіе. Изобрѣтеніе паровой машины не имѣло, однако-жъ, никакого значенія до того времени, пока не вышло изъ области теоріи и не было приложено къ дѣлу практическою механикою; въ самомъ дѣлѣ, какую возвышенную исторію о терпѣлихъ, трудолюбивыхъ изслѣдованіяхъ, о побѣжденныхъ загрудненіяхъ могъ-бы разсказать этотъ чудный инструментъ, составляющій самъ по себѣ памятникъ могущества человѣческаго довѣрія къ собственнымъ силамъ.

Въ числѣ дѣятелей, сгруппированныхъ около этого знаменитаго изобрѣтенія, мы находимъ одного, который возвышается надъ всѣми—старательного, терпѣливаго, неутомимаго Джемса Уатта, мастера математическихъ инструментовъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ людей. Всякий предметъ, обратившій на себя вниманіе Уатта въ продолженіе его занятій, немедленно подвергался изученію; исторія жизни этого замѣчательнаго человѣка показываетъ (хотя это уже и такъ известно изъ опыта), что наиболѣшіхъ результатовъ достигаетъ не тотъ человѣкъ, который обладаетъ большими естественными силами и способностями, но тотъ, кто прилагаетъ къ дѣлу свои природныя способности старательно и съ заботливымъ умѣньемъ, а такое умѣнье приобрѣтается только посред-

ствомъ труда, прилежанія и опыта. Многіе, во времія дѣятельности Уатта, знали гораздо больше его, но никто такъ усердно, какъ онъ, не старался, чтобъ всѣ свои знанія направить къ полезнымъ, практическимъ цѣлямъ. Сверхъ всего этого, онъ былъ въ высшей степени настойчивъ въ доведеніи начатаго дѣла до конца. Онъ заботливо совершенствовался въ той привычкѣ быть постоянно внимательнымъ, отъ которой главнымъ образомъ зависятъ всѣ рабочія умственныя силы. Эджвортъ также поддерживалъ то мнѣніе, что многія умственныя различія, находимыя нами въ людяхъ, скорѣе зависятъ отъ болѣе или менѣе раннаго приготовленія ума къ этой *причинѣ вниманія*, нежели отъ какого-нибудь значительного неравенства въ способностяхъ данныхыхъ личностей.

Будучи еще ребенкомъ, Уаттъ въ своихъ игрушкахъ находилъ предметъ для ученья: квадранты (четверти круга), разбросанные около плотничьей мастерской его отца, позволили юношу къ изученію оптики и астрономіи; худое здоровье побудило его проникнуть въ тайны физиологии, а уединенные прогулки по странѣ послужили поводомъ Уатту къ занятію ботаникой, исторіей и древностями. Занимаясь выдѣлкою математическихъ инструментовъ, онъ получилъ однажды заказъ сдѣлать органъ, и хотя не владѣлъ музыкальнымъ слухомъ, но все-таки предпринялъ изученіе законовъ гармоніи и успѣшно сдѣлалъ инструментъ. Такимъ же образомъ, когда маленькая модель Ньюкоменовой паровой машины, принадлежавшая Глазговскому университету, попала въ его руки для починки, онъ немедленно стала изучать все, что было тогда известно о теплотѣ, испареніи и сгущеніи, усердно занимаясь въ то же время механикой и строительной наукой, и результатъ всего этого онъ, наконецъ, выразилъ въ постройкѣ сгустительного паровика.

Въ теченіе 10 лѣтъ онъ продолжалъ работы по своему изобрѣтенію; ему приходилось довольствоваться часто не-

върою надеждою, получать ободрение лишь отъ самаго незначительного числа друзей, но вмѣстѣ съ тѣмъ бороться съ различными трудностями и зарабатывать своимъ ремесломъ только самое скучное пропитаніе. Даже когда уже онъ сдѣлалъ свою машину годною для практическаго употребленія, то все-таки устраненіе препятствій казалось дальше, чѣмъ когда-нибудь: онъ не могъ найти ни одного капиталиста, который-бы согласился присоединиться къ нему въ его великомъ предпріятіи и помочь довести дѣло до успешнаго практическаго результата. Уаттъ продолжалъ между тѣмъ зарабатывать хлѣбъ для своего семейства выдѣлкою на продажу астрономическихъ препаратовъ, выдѣлкою и починкою скрипокъ, флейтъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ; кроме того, занимался съемкою на планѣ дорогъ, смотрѣль за сооруженіемъ каналовъ и вообще не пропускалъ никакого дѣла, представлявшаго возможность честнаго заработка. Наконецъ, Уатту удалось найти подходящаго товарища въ другомъ знаменитомъ промышленномъ дѣятель, Маттью Бультонѣ изъ Бирмингама; это былъ человѣкъ свѣдущій, энергичный и дальновидный; онъ усердно принялъся за задуманное предпріятие, т.-е. за введеніе сгустительной машины во всеобщее употребленіе въ смыслѣ рабочей силы,—и успѣхъ ихъ обоихъ—теперь уже дѣло истории.

Рядъ знаменитыхъ механиковъ по временамъ придавалъ паровой машинѣ новую силу, и съ помощью многочисленныхъ перемѣнъ сдѣлалъ ее приложимою почти ко всѣмъ потребностямъ мануфактурнаго производства, такъ, напр., ее приспособили къ тому, чтобы приводить въ дѣйствие разные механизмы, двигать корабли, молоть хлѣбъ, печатать книги, чеканить монету, ковать, строгать и точить желѣзо; короче,—исполнять каждый видъ механическаго труда, при которомъ нужна сила. Одно изъ самыхъ полезныхъ приложений паровой силы было сдѣлано другимъ корнваллійскимъ рудокопомъ, Тревитиковъ, и усовершен-

ствовано машинистомъ Стефенсономъ: это было изобрѣтѣніе локомотива желѣзной дороги, который произвелъ соціальныя перемѣны громадной важности,—изобрѣтеніе, которое, по отношенію къ своему вліянію на человѣческій прогрессъ и цивилизацію, имѣло еще большее значеніе, чѣмъ сгустительная машина Уатта. Большия подробности о знаменитомъ изобрѣтателѣ паровоза будутъ приведены ниже. Какъ бы то ни было, но эти послѣдовательные успѣхи не были плодомъ гениальности какого-нибудь одного человѣка, но слѣдствіемъ непрерывной дѣятельности и изобрѣтательности многихъ поколѣній. Слова, сказанныя Стефенсономъ о своемъ открытии, на митингѣ инженеровъ въ Ньюкаслѣ, прилагаются почти ко всякому другому капитальному изобрѣтенію. «Оно обязано своимъ происхожденіемъ,—сказалъ онъ,—не одному какому-нибудь человѣку, но соединеннымъ усилиями многихъ инженеръ-механиковъ».

Одинъ изъ первыхъ великихъ результатовъ изобрѣтенія Уатта, передавшаго почти безграничную власть въ распоряженіе производительныхъ классовъ, было основаніе великобританской хлопчатобумажной промышленности. Человѣкъ, воспоминаніе о которомъ тѣсно связано съ основаніемъ этой великой отрасли труда, былъ, неоспоримо, Ричардъ Аркрайтъ, практическая энергія и проницательность которого замѣчательны, быть можетъ, еще болѣе его механическихъ изобрѣтеній, хотя въ самостоятельности ихъ вѣкъ, которое время сомнѣвались, такъ-же какъ было и съ открытиями Уатта и Стефенсона. Но Аркрайтъ стоитъ въ такихъ же отношеніяхъ къ прядильной машинѣ, какъ Уаттъ къ паровой и Стефенсонъ—къ локомотиву. Онъ собралъ всѣ извѣстные въ то время, хотя и отрывочные, свѣдѣнія и факты въ области прядильного производства, и на основаніи этихъ данныхъ, уже по собственному плану, составилъ новое производство. Хотя еще за 30 лѣтъ до Аркрайта, Льонсъ Поль, изъ Бирмингама, досталъ себѣ привилегію на изобрѣтеніе прядильной машины, дѣйствовавшей по-

средствомъ вала, но самый инструментъ въ своихъ деталяхъ былъ такъ далекъ отъ совершенства, что не могъ быть удобно приложенъ къ дѣлу, и поэтому изобрѣтеніе успеха не имѣло. Другой малоизвѣстный механикъ, Томасъ Гайсъ, говорить, также изобрѣть прядильную машину и станокъ, дѣйствующій водою, но по тѣмъ же причинамъ безуспѣшно. Когда извѣстное изобрѣтеніе неминуемо вызывается самимъ положеніемъ промышленности, то одна и та же мысль появляется одновременно во многихъ умахъ; такъ было съ паровой машиной, предохранительной лампой, электрическимъ телеграфомъ и съ многими другими изобрѣтеніями. Многіе талантливые умы работаютъ надъ извѣстнымъ открытиемъ до тѣхъ поръ, пока не явится какой-нибудь преобладающій умъ, умъ строго практическаго человѣка; онъ выступаетъ впередъ, немедленно принимается за ихъ идею, удачно примѣняетъ къ дѣлу главный принципъ открытия — и дѣло сдѣлано. Само собою разумѣется, что это возбуждаетъ громкіе протесты со стороны всѣхъ, сдѣлавшихъ меньшія открытия по тому же предмету, и поэтому-то людямъ, подобнымъ Уатту, Стефенсону, Аркрайту, такъ часто приходится защищать свои права и репутацію удачныхъ изобрѣтателей.

Ричардъ Аркрайтъ, подобно большей части англійскихъ великихъ механиковъ, выпелъ изъ вицшаго класса народа. Онъ родился въ Престонѣ, въ 1732 г., отъ бѣдныхъ родителей и къ тому же былъ младшимъ изъ 13 дѣтей. Въ школѣ онъ никогда не былъ; единственное воспитаніе, которое онъ получилъ, было имъ самимъ дано себѣ; до конца жизни онъ съ трудомъ могъ писать.

Въ дѣствѣ Аркрайтъ былъ отданъ въ ученье къ цирюльнику и, научившись его ремеслу, въ 1760 г. принялъся за дѣло въ Болтонѣ; помѣстилъ свою мастерскую въ низкомъ погребѣ, на которомъ сдѣлалъ надпись: «Приходите бриться къ подземному цирюльнику — это стоитъ всего одинъ пенни». Вследствіе этого, другіе цирюльники были

оставлены посѣтителями, и владѣльцы этихъ заведеній ока-
зались вынужденными понизить цѣну за бритье до уровня-
установленного Аркрайтомъ; тогда онъ, желая дать ходъ
своему занятію, объявилъ, что будетъ «чисто брить за
полпенни». Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ свой по-
гребъ и сдѣлался странствующимъ продавцомъ волосъ.
Тогда носили парики, и это было важною частью цирюль-
ническихъ занятій. По дорогѣ онъ скучалъ волосы, а потому
обыкновенно сдаваль ихъ напрокатъ на ланкаширскихъ
ярмаркахъ, посѣщаемыхъ молодыми женщинами съ цѣлью
поддержанія красоты своихъ косъ; и, кажется, въ подоб-
ныхъ сдѣлкахъ Аркрайтъ всегда дѣйствовалъ успѣшно. Онъ
также довольно много торговалъ химической краской для
волосъ, и ловкимъ употребленіемъ ея ему удалось усилить
сбыть этого предмета. Имѣя склонность къ механикѣ, онъ
посвящалъ значительную часть своихъ досуговъ составле-
нію моделей машинъ, и, подобно многимъ самоучкамъ,
пытался изобрѣсти регретиум mobile. Этими опытами
Аркрайтъ занимался такъ усердно, что сталъ даже прене-
брегать своимъ постояннымъ ремесломъ, потерялъ скоплен-
ный торговлею маленький капиталецъ и дошелъ до крайней
бѣдности. Жена его,—тогда онъ уже былъ женатъ,—небла-
госклонно смотрѣла на то, что, по ея мнѣнію, было на-
прасною тратою времени и денегъ, и однажды, въ минуту
гнева, разбила всѣ его модели, надѣясь такимъ образомъ
уничтожить причину семейныхъ несчастій. Но Аркрайтъ
былъ упрямый энтузиастъ: такимъ поступкомъ жены онъ
былъ раздраженъ въ высшей степени,—никогда не могъ
ей простить и вслѣдствіе того разошелся съ ней.

Шутешствуя по странѣ, Аркрайтъ познакомился съ
уаррингтонскимъ часовымъ мастеромъ Кേемъ, который по-
могъ ему соорудить нѣкоторыя части механизма задуман-
наго регретиум mobile. Полагаютъ, что Кей прежде всего
и сообщилъ ему основную мысль производства пряжи по-
средствомъ цилиндрическаго станка. Когда эта мысль разъ-

усвоена была его умомъ, тогда онъ самъ уже продолжалъ доходить до того способа, которымъ ее нужно было привести въ исполненіе, потому что Кэй обѣ этомъ ему ничего не могъ сказать. Теперь Аркрайтъ уже совсѣмъ оставилъ свое занятіе сбираніемъ волосъ и посвятилъ всѣ свои силы усовершенствованію машины, модель которой, построенную Кэемъ, по его указанію, онъ помѣстилъ въ приемной комнатѣ Престонской гимназіи. Какъ гражданинъ города, онъ имѣлъ голосъ на выборахъ, но бѣдность его была такъ велика и состояніе его костюма такъ плачевно, что нѣсколько лицъ по подпискѣ собрали сумму, необходимую, чтобы дать возможность Аркрайту прилично явиться въ избирательную комнату. Но выставка его машины въ такомъ городѣ, где множество рабочаго люда жило исключительно ручными издѣліями, была опаснымъ опытомъ; отъ-времени-до-времени слышался уже зловѣщій ропотъ, а сверхъ того была у всѣхъ еще въ свѣжей памяти участіе Харгревовой придильной машины, разбитой на куски чернью въ Блэкбернѣ; и Аркрайтъ благоразумно рѣшился уложить свою модель и отправиться въ болѣе безопасную мѣстность. Онъ пошелъ въ Ноттингамъ, где обратился къ мѣстнымъ банкирамъ съ просьбою о денежнай помощи; вслѣдствіе этого, торговый домъ Райтъ согласился ссудить ему необходимую сумму съ условіемъ участія въ выгодахъ предприятия. Но какъ машина не могла быть изготовлена такъ скоро, какъ хотѣли эти банкиры, то они предложили Аркрайту обратиться къ фирмѣ Стреттъ и Нидъ, первый изъ членовъ которой былъ известенъ какъ талантливый изобрѣтатель и имѣлъ привилегію на чулочную машину. Стреттъ сейчасъ же понялъ важность изобрѣтенія и вошелъ въ товарищество съ Аркрайтомъ, путь котораго теперь наконецъ очистился. Привилегія была выдана на имя «Ричарда Аркрайта, изъ Ноттингама, часоваго мастера»; замѣчательно, что она дана въ 1769 г., т.-е. въ томъ же году, когда и Уаттъ выхлопоталъ себѣ патентъ на паро-

зую машину. Первая хлопчатобумажная фабрика была основана въ Ноттингемѣ,—на ней дѣйствовали еще лошадиные силы; вскорѣ затѣмъ была выстроена и другая, въ гораздо большемъ размѣрѣ, въ Кромфордѣ, въ графстве Дерби; здѣсь механизмъ приводился въ движеніе уже водою, съ помощью колеса, и поэтому прядильная машина стала называться водянымъ станкомъ.

За всѣмъ тѣмъ, работы Аркрайта были, говоря относительно, только начальомъ. Ему еще предстояло усовершенствовать всѣ мелкія рабочія части своей машины. Въ его рукахъ находился такой предметъ, который требовалъ постоянныхъ измѣненій и улучшеній, а ихъ должно было продолжать до тѣхъ поръ, пока машина не сдѣлалась совершенно практичною и пригодною къ употребленію. Но успѣхъ былъ достигнутъ только долгимъ и тяжкимъ трудомъ: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ предпріятіе не удавалось и было крайне невыгодно, поглощая огромныя суммы безъ всякаго результата. Когда успѣхъ началъ дѣлаться болѣе вѣрнымъ, тогда ланкаширскіе фабrikанты намѣревались уничтожить привилегію Аркрайта, такъ-же какъ корнwallійскіе рудокопы хотѣли лишить Бультона и Уатта выгодъ отъ изобрѣтенной ими паровой машины. Аркрайта объявили даже врагомъ рабочихъ, и выстроенная имъ фабрика близъ Хорлея была разрушена толпой въ присутствіи полиціи и сильнаго воинаго отряда. Жители Ланкашира не хотѣли покупать его произведенія, хотя по всеобщему признанію они были самыми лучшими на рынке. Затѣмъ они отказались платить за употребленіе его машинъ и соединились, чтобы заглушить его голосъ въ случаѣ жалобы суду. Къ величайшему огорченію всѣхъ здравомыслящихъ людей, Аркрайтова привилегія была отмѣнена. Но даже и при пораженіи онъ не потерялъ мужества; вскорѣ основаны были имъ обширныя фабрики въ другихъ частяхъ Ланкашира, въ графствахъ Дерби и въ Нью-Ланаркѣ, въ Шотландіи. По прекращеніи товарищества со Стреттомъ, кромфордскія

фабрики также перешли въ его руки и тогда количество и качество его произведеній были таковы, что въ короткое время онъ получиль полное вліяніе на ходъ этого промысла: даже цѣны назначаль онъ и онъ же управляль большою частю операций другихъ прядильщиковъ.

Аркрайтъ обладалъ удивительною энергию, усердіемъ и прилежаніемъ; короче, былъ въ полномъ смыслѣ слова работникомъ. Одно время онъ былъ совершенно углубленъ въ тяжелые и непрерывные труды по устройству и управлению своихъ многочисленныхъ фабрикъ: тогда онъ занимался отъ 4 часовъ утра до 9 часовъ вечера. 50-ти лѣть отъ роду, онъ началъ учиться англійской грамматикѣ и старался усовершенствоваться въ умѣньи правильно писать. Бѣзилъ онъ, чтобы сберечь время, всегда во всю прыть, на четырехъ лошадяхъ. Во всякомъ случаѣ, Аркрайтъ былъ основателемъ въ Англіи новѣйшей системы мануфактуръ, а эта отрасль промышленности, нѣть никакого сомнѣнія, указала источникъ огромныхъ богатствъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для всей націи.

Не всякий изобрѣтатель, какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ, можетъ быть названъ, подобно Аркрайту, вождемъ промышленного движения. Многіе люди, знаменитые въ этомъ отношеніи, оказались все-таки сравнительно безсильными въ управлениі дѣломъ, которое требуетъ обладанія различными качествами: способностью организовать трудъ огромнаго числа людей, быстротою дѣйствія въ непредвидѣнныхъ случаяхъ и предусмотрительнымъ обращеніемъ съ практическими обстоятельствами жизни. Такъ Уаттъ не любилъ столкновеній съ разными классами людей, между тѣмъ какъ это неизбѣжно при управлениі какой-нибудь обширной промышленной операцией. Онъ самъ высказывалъ, что скорѣе готовъ стать предъ заряженной пушкой, чѣмъ составить отчетъ или заключить какуюнибудь торговую сдѣлку, и весьма вѣроятно, что какъ-бы ни было велико его изобрѣтеніе, онъ не извлекъ бы изъ него ни-

какой денежной выгода и не сумѣль-бы защитить его отъ неоднократныхъ нападокъ, какія дѣлались его завистливыми собратьями въ Корнуэллѣ, Лондонѣ и Ланкашире, еслибъ ему не посчастливилось, въ самую рѣшительную минуту своего поприща, встрѣтиться съ знаменитымъ Матью Бультономъ—«отцомъ Бирмингама».

Бультонъ обладалъ совершенно другими свойствами, чѣмъ Уаттъ, но былъ въ своемъ родѣ также человѣкъ даровитый. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ крупныхъ мануфактуристовъ, теперь столь многочисленныхъ въ сѣверныхъ и среднихъ графствахъ. Первоначальная дѣятельность Бультона была очень скромна: онъ занимался выдѣлкою пуговицъ въ Бирмингамѣ. На немъ, какъ и на всякомъ другомъ, подтвердилась пословица, что «не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто». Отъ природы Бультонъ былъ одаренъ прекрасными способностями, которыя онъ развилъ сколько могъ. Обладая основательнымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ и любя сейчасъ-же приводить въ исполненіе тѣ дѣйствія, которыя одобрилъ его разсудокъ, онъ былъ способенъ къ высшей дѣятельности. Онъ очень рѣдко ошибался, потому что всѣ его различныя предоріятія, какъ ни казались смѣлы, однако-жъ, всегда были руководимы благоразуміемъ. Бультонъ былъ не такой человѣкъ, чтобы вбивать клинъ въ дерево широкимъ концомъ впередъ, потому что обладалъ удивительнымъ тактомъ, еще болѣе усовершенствованымъ опытностью и дававшимъ ему возможность безошибочно решить, когда и какъ нужно дѣйствовать. Онъ самъ оказывалъ дѣятельное влияніе на свой промыселъ, старался подвинуть его впередъ, и разумѣется, никогда не допускалъ, чтобы самому приходилось договарять его.

Въ свои ежедневные работы Бультонъ внесъ личную честность и правдивость, — качества, дѣлающія честь каждому человѣку во всякомъ жизненномъ положеніи. И хотя онъ впослѣдствіи, какъ плодъ своихъ трудовъ, пріобрѣлъ

богатство, но можно сказать положительно, что въ нажитыхъ имъ деньгахъ не было ни одного шиллинга, пріобрѣтеннаго безчестнымъ путемъ.

Съ качествами дѣлового человѣка, Бультонъ соединялъ въ себѣ высокое научное образованіе, покровительствовавъ искусствамъ и внимательно слѣдилъ за литературой; но главною цѣлью и заботой его жизни было введеніе въ практическое употребленіе въ Англіи паровой машины Уатта, какъ большей рабочей силы. Онь съ гордостью сказалъ Босвеллю, при посѣщеніи послѣднимъ его заведенія: «Сэръ, я продаю здѣсь то, что всѣ хотятъ имѣть — власть». «У него работало,—рассказываетъ Босвелль,—до 700 человѣкъ; онъ былъ похожъ на какого-нибудь предводителя отдельнаго племени, и дѣйствительно, казалось, былъ отцомъ подвластныхъ ему людей». Бультонъ былъ настоящимъ главою и вождемъ промышленности. Каждый шагъ во всемъ его поприщѣ былъ добытъ честнымъ трудомъ и мужественными усилиями. Подобные люди не могутъ страдать отъ зависти; напротивъ, за ними слѣдуютъ вездѣ хвалы, благодарность и благословенія. Когда онь умеръ, то за гробомъ шли всѣ его рабочіе, и едва-ли кто изъ нихъ не пласалъ.

Во всѣхъ другихъ большихъ отрасляхъ британской промышленности встречаются подобные же примѣры энергическихъ дѣятелей, которые доставили огромныя выгоды той мѣстности, въ которой трудились, и значительно увеличили силу и благосостояніе цѣлаго общества.

Изъ числа ихъ мы ограничимся только однимъ семействомъ, которое пріобрѣло особую знаменитость и въ политической исторіи Англіи: мы говоримъ о семействѣ Пиль, изъ южнаго Ланкашира.

Основатель этого семейства былъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія незначительнымъ землевладѣльцемъ; имѣль ферму близъ Блэкберна, изъ которой онъ впослѣдствіи переселился на жительство въ этотъ городъ. Робертъ Пиль

съ лѣтами видѣлъ постоянно увеличеніе и такъ же большого семейства, но земля около Блакберна была бесплодна, и ему казалось, что земледѣльческіе труды не представляютъ особенно утѣшительныхъ надеждъ на вознагражденіе. Въ этомъ городѣ давно уже была домашняя фабрикація, производившая полотняныя ткани и бумажныя основы, которые изготавливались какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Тогда былъ обычай, — еще до введенія системы мануфактуръ, — что трудолюбивые фермеры съ семействами, въ свободное отъ полевыхъ занятій время, занимались дома ткацтвомъ; сообразно этому и Робертъ Пиль началъ свои домашнія занятія съ выѣлки миткаля. Всѣдствіе честности въ работѣ, бережливости и усердія къ труду, его промыселъ пошелъ успѣшно. По всегдашней своей предпріимчивости, онъ одинъ изъ первыхъ ввелъ въ употребленіе валъ для чесанія шерсти, тогда только-что изобрѣтенный. Но всѣ усилия Пиля были направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы начать набиватъ коленкоръ, — искусство тогда почти неизвѣстное, — и въ теченіе нѣкотораго времени онъ производилъ рядъ опытовъ съ цѣлью дѣлать это съ помошью механизма. Опыты тайно производились въ его собственномъ домѣ надъ коленкоромъ, нарочно для этой цѣли выглаженнымъ одной изъ женщинъ, принадлежавшихъ къ семейству Пиля. Въ то время въ подобныхъ домахъ былъ обычай употреблять за обѣдомъ оловянныя блюда. Когда на одномъ изъ блюдъ начертили образецъ фигуры набивки, — Пиль поразила мысль, что обратную сторону отпечатка можно свести съ блюда и набить на коленкоръ красками. Въ хижинѣ, близъ фермы, жила женщина, у которой была катальная машина; Пиль отправился къ этой женщинѣ, положилъ въ машину блюдо, покрытое въ той части, где была фигура, растерпой краской, а сверху накрылъ коленкоромъ, — и на немъ вышло удовлетворительное изображеніе. Таково, говорить, происхожденіе набивки коленкора посредствомъ вала. Робертъ

Пиль вскорѣ усовершенствовалъ эту операцио; первый образчикъ, сдѣланный имъ, изображалъ листъ петрушки, а потому это растеніе и до сихъ поръ называется въ окрестностяхъ Блэкберна «Пилева петрушка». Способъ набивки коленкора, съ помощью деревянного цилиндра съ выпуклостями или рѣзнымъ мѣднымъ цилиндромъ, былъ впослѣдствіи доведенъ до совершенства однимъ изъ его сыновей, главою фирмы «Пиль и Ко». Побуждаемый его успѣхомъ, Робертъ Пиль вскорѣ оставилъ ферму, и, переселившись въ Бруксайдъ, деревню въ 2 миляхъ отъ Блэкберна, предался исключительно занятію набойкою. Тамъ, съ помощью своихъ сыновей, столь же энергическихъ, какъ онъ самъ, Пиль успешно продолжалъ свое занятіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; а когда молодые люди достигли зрѣлого возраста, — дѣло раздѣлилось на нѣсколько фирмъ Пилей, изъ которыхъ каждая сдѣлалась центромъ промышленного движения и доставляла прибыльныя занятія огромному числу людей.

Изъ всего того, что известно о характерѣ первого Роберта Пilla, не носящаго титула, можно заключить, что это былъ человѣкъ замѣчательный, остроумный, проницательный и дальновидный. Но о немъ очень мало осталось сиѣдѣній, а что известно, то дошло по преданію, такъ какъ и дѣти тѣхъ лицъ, которыхъ его знали, почти все умерли. Не о подобныхъ людяхъ вспоминаютъ обыкновенно въ книгахъ. Литература скорѣе запомнить тѣхъ, «кто хорошо говоритъ», чѣмъ тѣхъ, кто хорошо дѣйствуетъ. Люди, занимающіеся сочиненіемъ театральныхъ пьесъ или стихотворныхъ поэмъ, непремѣнно будутъ внесены въ бiографіи, а тѣ, которые создаютъ новую отрасль промышленности или даютъ общественной дѣятельности другое направленіе, посредствомъ какого-нибудь изобрѣтенія или усовершенствованія, — такія лица забываются скоро. Но какъ-бы то ни было, дѣянія подобныхъ людей переживаются ихъ самими и благодѣтельный примѣръ, подаваемый ими, воспро-

изводится въ дѣятельности и характерѣ ихъ преемниковъ.

Сэръ Робертъ Пиль, второй мануфактурристъ этого имени и первый баронетъ, наследовалъ отъ отца его предпримчивость, вмѣстѣ съ промысломъ и состояніемъ. Его положеніе было лучше положенія обыкновеннаго рабочаго: отецъ его, полагая основаніе будущему благосостоянію семейства, самъ все еще долженъ былъ бороться съ затрудненіями, происходившими отъ недостаточности капитала, но для будущаго баронета этого неудобства не было. Бу-дучи 20 лѣтъ отъ роду, Робертъ уже рѣшился начать свои занятія по набивкѣ бумажныхъ матерій на свой счетъ. Его двадцати, Джемсъ Гэвортъ и Вильямъ Ятсъ изъ Блэкберна присоединились къ нему въ этомъ предпріятіи; главная доля въ капиталѣ принадлежала этому послѣднему, а Робертъ Пиль, хотя и былъ еще очень молодъ, но помогалъ ходу дѣла своими практическими знаніями; обѣ этомъ Пиль справедливо говорили, что у него на плечахъ юноши находятся голова человѣка зрелага. Компаньоны купили за сравнительно-малую цѣну старую, развалившуюся мельницу, съ прилегающими къ ней полями, близъ незначительного тогда городка Бэри; поставили нѣсколько деревянныхъ сараевъ, — и фирма начала свои дѣйствія очень скромнымъ путемъ въ 1770 г., а чрезъ нѣсколько лѣтъ, кромѣ набивки бумаги, занялась и прядильнымъ мастерствомъ.

Дѣятельность Пilla, Ятса и К° была все время очень плодотворна и доставляла компаньонамъ постоянныя выгоды. Самъ сэръ Робертъ Пиль былъ душою фирмы: съ огромной энергией и трудолюбиемъ онъ соединялъ большую опытность и первоклассныя коммерческія способности, а этихъ качествъ недоставало многимъ изъ первыхъ бумагопрядильщиковъ. Онъ былъ человѣкъ желѣзного характера и трудился неутомимо. Короче, для набивной промышленности Пиль оказался тѣмъ же, чѣмъ Аркрайтъ для прядильнаго дѣла, и успѣхъ его былъ столь же великъ. Добро-

качество издѣлій фирмы обеспечивала вѣрность сбыта и репутація ея стояла очень высоко въ Ланкаширѣ. Кроме первоначального заведенія близъ Бери, товарищество открыло подобный же обширныя работы пососѣдству, въ Ирвельѣ и Рохѣ, и къ чести компаньоновъ должно сказать, что, заботясь объ успѣхѣ и поддержкѣ своихъ мануфактуръ, они вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми мѣрами старались улучшить и положеніе своихъ рабочихъ, которые въ работе не нуждались никогда, даже въ самое неблагопріятное время. Сэръ Робертъ Пиль быстро оцѣнивалъ достоинство всѣхъ изобрѣтеній и усовершенствованій, въ доказательство чего можно указать на то, какъ скоро онъ ввелъ въ дѣйствіе усовершенствованіе въ набивкѣ коленкора, называемое «*стрѣчная работа*». Это дѣжалось накладываніемъ тѣста на тѣ части ткани, которая при набивкѣ нужно было оставлять бѣлыми. Изобрѣтеніе это было сдѣлано однимъ лондонскимъ путешественникомъ и продано Пилю за незначительную сумму. Нуженъ былъ опытъ одного или двухъ лѣтъ, чтобы усовершенствовать всю систему и сдѣлать ее практически полезною; но ея прекрасное дѣйствіе и необыкновенная точность очерка, какой удалось достигнуть на образцѣ, сразу поставили заведеніе въ Бери во главѣ всѣхъ набивныхъ фабрикъ той мѣстности. Другіе члены того же семейства Пила завели особья фирмы въ разныхъ мѣстахъ, направляемыя подобнымъ же образомъ; такія заведенія принесли огромную выгоду владельцамъ, подавая примѣръ нормального хода хлопчатобумажнаго дѣла и приготовляя для будущаго многихъ изъ самыхъ лучшихъ набойщиковъ и мануфактурристовъ Ланкашира.

Другимъ замѣчательнымъ примѣромъ и доказательствомъ того важнаго значенія, какое для развитія страны имѣютъ энергія и трудолюбіе населяющихъ ее людей, можетъ служить Джошуа Веджвудъ, основатель горшечнаго мастерства въ Стаффордшире. Отецъ его былъ бѣдный горшечникъ,

едва выручавшій своимъ промысломъ столько, сколько нужно для пропитанія. Оставшись по смерти отца только 11 лѣтъ отъ роду, Джошуа уже началъ работать при гончарномъ станкѣ своего старшаго брата. Мальчикъ не получилъ никакого школьнаго воспитанія, и всѣмъ развитіемъ, приобрѣтеннымъ впослѣдствіи, обязанъ самому себѣ. Въ то время, когда Веджвудъ началъ работать за гончарнымъ станкомъ, фаянсовыхъ фабрикъ въ Англіи еще почти не было; издѣлій ихъ было не достаточно для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, и большое количество произведеній этого рода привозилось изъ Голландіи. Для богачей фарфоръ привозился изъ Китая и продавался по весьма дорогой цѣнѣ. Фарфора, который бы не боялся царапинъ, еще и вовсе не выдѣльвалось. Гончарныя издѣлія стаффордширской выдѣлки были очень грубы и разносились на продажу, большею частію, самими работниками или ихъ семействами, а также обыкновенными разносчиками, странствующими съ товаромъ на спинахъ.

Еще во время работы съ братомъ Веджвудъ подвергся осѣ, которая тогда считалась самой ужасной болѣзнью; онъ сильно заболѣлъ, слѣды чего особенно отразились въ лѣвой ногѣ, которую онъ вынужденъ былъ ампутировать и вслѣдствіе этого оставилъ работу при гончарномъ станкѣ. Чрезъ нѣкоторое время мы находимъ Веджвуда уже въ Стокѣ, въ компаніи съ такимъ же бѣднякомъ, какъ овъ самъ, по имени Гаррисономъ; затѣмъ онъ еще входилъ въ компанію съ нѣсколькими рабочими, но безъ большого успѣха, такъ что, наконецъ, вернулся въ Борслемъ, где принялъ продолжать выработку издѣлій по своему вкусу. Онъ работалъ старательно, съ немногими лишь помощниками, и постепенно богатѣлъ. Онъ тщательно старался изслѣдоввать всѣ явленія въ избранномъ имъ родѣ дѣятельности, и очень внимательно наблюдалъ за ними; въ числѣ такихъ явленій встрѣтилось одно, имѣвшее большое значеніе, — въ именно, что земля, содержащая кремнеземъ, бу-

дучи до обжиганія черною, перемѣняетъ цвѣтъ и дѣлается совершенно бѣлою, когда пройдетъ чрезъ горнило. Это явленіе повело къ мысли смѣшать кремнеземъ съ краснымъ порошкомъ глиняной посуды: увидѣли, что смѣсь при обжиганіи дѣлалась бѣлою. Оставалось покрыть этотъ составъ пластинкою прозрачной глазури, чтобы получить одно изъ важныхъ произведеній гончарного дѣла—англійскій фаянсъ, которому предстояло достигнуть огромной торговой цѣнности и приносить обширную пользу.

Между тѣмъ Веджвудъ сталъ въ большомъ размѣрѣ выдѣлывать бѣлую каменную посуду, а затѣмъ светло-кофейную, которая пріобрѣла потомъ большую извѣстность. Онъ пристрастился къ гончарному дѣлу, съ любовью занимался его усовершенствованіемъ и ни на минуту не упускалъ его изъ виду. Впрочемъ, онъ и вообще къ каждому дѣлу, взятыму на себя, прилагалъ всѣ усилия и работалъ, одушевляемый рѣшимостью достигнуть успѣха. Такъ Веджвудъ занялся потомъ кропотливыми химическими изслѣдованіями и съ увеличеніемъ средствъ не щадилъ ни трудовъ, ни денегъ для своего усовершенствованія въ этомъ отношеніи. Онъ искалъ общества людей, обладающихъ познаніями въ области науки и искусства, и отъ всѣхъ ихъ умѣль заимствовать для себя что-нибудь важное въ этомъ отношеніи. Даже по пріобрѣтеніи себѣ уже нѣкотораго достатка, онъ продолжалъ улучшать свою фабрикацію, пока, наконецъ, его примѣръ, распространяясь по всѣмъ направлениямъ, не возбудилъ дѣятельности цѣлаго округа, и значительная отрасль британской промышленности была установлена на прочныхъ основаніяхъ. Въ достижениіи цѣлей Веджвуда ему содѣйствовали съ большою готовностью люди, имѣвшіе всѣ и влияніе въ обществѣ. Вслѣдствіе удачнаго исполненія работы, заказанной ему королевой Шарлоттой, даны были Веджвуду для образца великолѣпные фарфоровые сервизы, снимки съ которыхъ выполнены были имъ очень успешно и вызвали всеобщее удивленіе. Талантливые ра-

бочіе Веджвуда сдѣлали даже очень удачныя и изящныя копіи съ нѣкоторыхъ образчиковъ древняго искусства, переданныхъ для этой цѣли ихъ хозяину сэромъ Уильямомъ Гамильтономъ.

Для большаго успѣха своего дѣла, Веджвудъ пускалъ въ ходъ и химическій тигль, и ученость антикварія, и искусство артиста; отъ Флаксмана онъ получилъ огромное количество рисунковъ для своего фаянса и фарфора и, приложивъ ихъ къ своей фабрикаціи, обратилъ въ орудіе распространенія въ народѣ классическаго искусства. Съ помощью тщательнаго опыта и изученія, Веджвуду удалось открыть вновь способъ покрывать живописью фаянсовыя и фарфоровыя вазы и тому подобные предметы,—искусство, извѣстное древнимъ этрускамъ, но утраченное со временемъ Плинія. Онъ и самъ заплатилъ дань наукѣ, изобрѣти цирометръ; сверхъ того, неутомимо содѣствовалъ всякой мѣрѣ, клонившійся къ общественной пользѣ: такъ, постройка Трентскаго канала, закончившаго водяное сообщеніе между восточною и западною сторонами полуострова, была главнымъ образомъ результатомъ его трудовъ, соединенныхъ съ искусствомъ инженера Бриандлея. Репутація, пріобрѣтенная имъ, была такова, что его борслемскія и особенно эгруссія издѣлія привлекали къ себѣ самыхъ знаменитыхъ посѣтителей со всѣхъ концовъ Европы.

Результатъ трудовъ Веджвуда былъ тотъ, что гончарное производство, которое онъ засталъ въ самомъ жалкомъ положеніи, сдѣжалось однимъ изъ главныхъ предметовъ англійской промышленности; вместо того, чтобы привозить изъ-за границы издѣлія этого рода, для собственнаго употребленія, англичане снабжаютъ теперь фаянсомъ въ большомъ количествѣ чужія страны, несмотря даже на огромные запретительныя пошлины, наложенные на продукты англійского производства. Спустя около 30 лѣтъ послѣ начала своихъ операций, въ 1785 г. Веджвудъ представилъ парламенту отчетъ о своей фабрикації, изъ котораго ока-

зывалось, что въ єго случайнаго доставленія работы, какъ было сначала, незначительному числу неудовлетворительныхъ и дурно вознагражденныхъ работниковъ,—тогда числилось уже около 20,000 людей, добывающихъ себѣ пропитаніе исключительно съ фаянсовой мануфактуры, не считая огромнаго числа тѣхъ, которые находили себѣ занятіе въ каменоугольныхъ копяхъ и въ комиссіонномъ торгѣ по морю и по суше,—не считая даже и того благодѣтельнаго примѣра, какимъ это производство служило для возбужденія промышленности вообще въ различныхъ концахъ страны. Несмотря на такие значительные успѣхи, Беджвудъ полагалъ, что самая фабрикація фаянса находится еще въ младенческомъ положеніи, и что всѣ сдѣланыя имъ улучшенія имѣли только самое слабое значеніе въ сравненіи съ тѣмъ, чего можно было вообще достигнуть посредствомъ постояннаго труда и увеличенія образованности мануфактурристовъ, особенно при помощи естественныхъ удобствъ и политическихъ преимуществъ, какими пользуется Великобританія. Таковое мнѣніе вполнѣ подтвердилось тѣми успѣхами, какихъ съ того времени удалось достигнуть въ этой важной отрасли промышленности.

Этимъ успѣхомъ и дальнѣйшимъ своимъ распространениемъ фаянсовое производство обязано Герберту Минтону, который принялъ эту фабрикацію на той степени, на какую поставилъ ее Беджвудъ, и продолжалъ его дѣло. Минтонъ не столько замѣчателенъ по образованію, или какъ экономистъ и изобрѣтатель, сколько по неистощимой дѣятельности и неутомимой энергіи, употребленной имъ для основанія колоссальнаго производства — такой фабрики, на которой занимались до 1,500 опытныхъ рабочихъ. Онь обладалъ яснымъ умомъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, рѣдкою наблюдательною способностью и большимъ терпѣніемъ; сверхъ того у него была такая горделивая любовь къ своему дѣлу, безъ которой едва ли можетъ многое принести

пользы дѣлу даже усердіе и усидчивость въ занятіи имъ. Подобно Веджвуду, Минтонъ пользовался помощью первоклассныхъ артистовъ: живописцевъ на глазури, скульпторъ, рисовальщиковъ цвѣтовъ и фігуръ и не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы достать самыхъ лучшихъ рабочихъ, и англійскихъ и заграничныхъ. Онъ подвергалъ ближайшему разбору и внимательному наблюденію таланты тѣхъ лицъ, которыхъ у него работали; и действительно достойныхъ поощрялъ особымъ покровительствомъ и наградами. Вслѣдствіе этого, изящныя издѣлія, которыхъ прежде были лишь исключительнымъ явлениемъ, сдѣлались предметомъ обыкновенного спроса и сбыта; а истинно артистическая произведенія, для которыхъ рисунки изготовлены были лучшими художниками, сдѣлались доступны людямъ небогатымъ. Достоинство издѣлій, приготовлявшихся на его фабрикахъ, вошло въ пословицу. Не менѣе замѣчательно и то, что Минтонъ, безъ всякой посторонней помощи, единственно посредствомъ собственной пріимчивости и энергіи и конечно па свой страхъ, былъ въ состояніи успѣшно конкурировать съ французскими Севрскими мануфактурами, основанными соединенными средствами большого числа талантливыхъ людей и получавшими почти неограниченныя субсидіи отъ правительства. На Парижской выставкѣ 1855 года многія издѣлія Минтона даже превосходили соответствующія произведенія французской выдѣлки. Въ усовершенствованіи различныхъ отраслей своей промышленности Минтону пришлось встрѣтить много затрудненій и перенести много неудачъ, но онъ преодолѣлъ ихъ всѣ съ истинно-англійскою энергию и рѣшимостью и, наконецъ, значительно превзошелъ даже лучшія изъ древнихъ издѣлій подобного рода. Подобно Веджвуду, онъ возвышалъ общественный вкусъ, вводиль въ народное употребленіе прекрасныя произведенія искусства, а основаніемъ новыхъ отраслей промышленности, и преимущественно собственною энергию и способностями,

онъ честнымъ образомъ пріобрѣть право на название великаго національнаго благодѣтеля.

Подобныхъ людей можно съ полнымъ основанiemъ поимѣстить въ число героевъ Англіи. Дѣйствительно, ихъ терпѣливало самоувѣренность посреди различныхъ испытаний и затрудненій, ихъ мужество и настойчивость въ преслѣдованіи благородныхъ стремленій и цѣлей не менѣе выказываютъ своего рода геройство, чѣмъ храбрость и самоотверженіе солдатъ и моряковъ, которыхъ обязанность и гордость заключается лишь въ защитѣ того, что эти доблестные промышленные дѣятели пріобрѣли неутомимыми трудами.

Рядъ знаменитыхъ изобрѣтателей, доставившихъ своими трудами огромную пользу не только одной своей странѣ, но и всему человѣчеству, былъ-бы не полонъ, если-бы мы не включили въ него Роберта Фультона. Этому американцу мы обязаны открытиемъ парохода, который сдѣлся такимъ могучимъ орудіемъ и въ дѣлѣ цивилизаціи, и въ дѣлѣ материальнаго благосостоянія образованныхъ націй.

Фультонъ родился въ 1765 г., въ Пенсильвaniи, отъ весьма бѣдныхъ родителей, и потому, конечно, въ дѣтствѣ могъ получить только самое скучное образованіе, тѣмъ болѣе, что въ младенчествѣ еще лишился отца. Научившись читать и писать, Фультонъ, на 13 году отъ роду, поступилъ въ ученье къ ювелиру, но къ этому занятію онъ не имѣлъ особой охоты; полюбивъ еще съ дѣтства живопись и механику, молодой Робертъ и теперь все свободное время посвящалъ этимъ трудамъ, особенно усердно занимаясь живописью. Въ этомъ искуствѣ онъ сдѣлалъ такие быстрые успѣхи, что чрезъ 5 лѣтъ уже исключительно началъ заниматься рисованіемъ и устроилъ себѣ для этого особую мастерскую. Въ 1780 г., по совѣту одного изъ своихъ друзей, давшаго Фультону рекомендательное письмо къ извѣстному тогда англійскому живописцу Уэсту, молодой художникъ отправился въ Лондонъ, сошелся тамъ

съ Уэстомъ и въ теченіе семи лѣтъ продолжалъ прилежно заниматься живописью, но, каконецъ, не вполнѣ довольный результатами своихъ трудовъ, рѣшился посвятить себя вполнѣ механикѣ, къ которой давно уже чувствовалъ въ себѣ способности. Изучивъ практическую сторону этого дѣла въ нѣкоторыхъ большихъ мануфактурныхъ городахъ Англіи, Фультонъ въ 1789 г. познакомился съ своимъ землякомъ, американцемъ Ремзеемъ, который уже давно работалъ надъ изобрѣтеніемъ такого механизма, посредствомъ которого корабли могли бы двигаться по водѣ съ помощью пара. Фультонъ ревностно принялъся помочь товарищу, предложивъ Ремзею исправить нѣкоторые недостатки его системы. Общіе планы Фультона и Ремзея относительно этого предпріятія остановлены были смертью послѣдняго. Фультонъ, однако-жъ, не бросилъ дѣла и только на нѣкоторое время вынужденъ былъ прервать его, потому что не имѣлъ средствъ и связей; хотя попытки его къ практическому осуществленію своихъ плановъ и были безуспѣшны, но одна оставленная рукопись, относящаяся къ 1793 году, показываетъ, что Фультонъ тогда уже составилъ себѣ твердое убѣженіе въ пользу употребленія пара при плаваніи. Въ 1794 г., занявшиясь, по порученію англійскаго правительства, проведеніемъ новыхъ каналовъ, Фультонъ усовершенствовалъ самый способъ ихъ проведения и устроилъ нѣсколько водопроводовъ. Свои соображенія относительно лучшаго способа проведения каналовъ онъ изложилъ въ особой брошюрѣ, но она не могла доставить его планамъ практическаго приложенія и не привлекла къ нимъ общественнаго сочувствія, какъ надѣялся было Фультонъ. Дѣломъ этимъ онъ продолжалъ заниматься въ слѣдующемъ году, сдѣлавшиясь гражданскимъ инженеромъ; изобрѣтенный имъ способъ получилъ, наконецъ, успѣшное примѣненіе, но для своего изобрѣтателя мало принесъ осязательныхъ результатовъ.

Недовольный такимъ положеніемъ дѣль и не теряя изъ

виду своей главной цѣли — введенія въ употребленіе си-
стемы пароходства, чего не могъ добиться въ Англіи, Фультонъ, по приглашенію американскаго посланника при
французской республикѣ, отправился во Францію и, живя
въ Парижѣ, продолжалъ заниматься механикой, математи-
кой, физикой, химіей и иностраннными языками, а также
написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ замѣчательны
изданныя въ 1797 году его письма «о свободѣ торговли и
вародномъ образованіи». Постоянно читая, занимаясь и
знакомясь съ учеными, Фультонъ старался всѣми мѣрами
возвысить уровень своихъ познаній, такъ какъ образованіе,
полученное имъ въ дѣтствѣ, было, какъ мы уже упоми-
нали, весьма недостаточно. Сверхъ того, движимый патріо-
тизмомъ, а можетъ быть и неудовольствиемъ противъ бри-
танской націи, онъ изобрѣлъ систему подводныхъ напа-
деній, орудіями которой были водолазное судно и подвод-
ные снаряды для взрыва судовъ. Съ просьбою объ испы-
таніи этого изобрѣтенія Фультонъ обратился къ первому
консулу Бонапарту и получилъ нужные деньги на соору-
женіе своего судна, которое было окончено 1800 г. Рѣ-
шительный опытъ, вслѣдствіе различныхъ неудачъ, заме-
дилися и былъ съ успѣхомъ произведенъ только въ 1801
году въ Парижѣ. Водолазное судно Фультона, который
самъ сидѣлъ въ немъ съ однимъ матросомъ, превосходно
ныряло подъ водою, показываясь наверхъ только на зна-
чительномъ разстояніи отъ мѣста погруженія и притомъ
въ самое короткое время. Произведенные въ томъ же году
опыты въ Брѣстѣ были еще болѣе успешны: однажды
Фультонъ въ своемъ суднѣ вынырнулъ въ 5 миляхъ отъ
того мѣста, где погрузился, пробывъ подъ водою 4 часа.
Такъ какъ его пробы удавались все-таки не каждый разъ,
и какъ для нихъ онъ часто просилъ французское прави-
тельство о пособіи, то первый консулъ, не вѣря въ сбы-
точность изобрѣтеній Фультона, отказался помогать ему
изъ средствъ государства.

Такимъ образомъ, дѣла Фультона стали принимать дурной оборотъ; недовольный прежде Англію, онъ и во Франціи находилъ уже мало сочувствія, а любимую свою мысль о паровомъ плаваніи долженъ былъ пока и совсѣмъ оставить, за совершеннымъ неимѣніемъ средствъ въ осуществленію ея. Стѣсненному обстоятельствами механику оставалось только возвратиться въ отечество. Рѣшимость его отправиться въ Америку остановлена была только убѣжденіями американского посланника, Ливингстона, который обѣщалъ Фультону свою помощь въ осуществленіи его мысли о пароходномъ плаванії.

Усердно принявшись за прежнее свое предпріятіе, Фультонъ уже чрезъ годъ изготавилъ для опыта небольшой мѣдный пароходъ, на которомъ и производилъ свою пробу на Сенѣ. Ободренный успѣхомъ этого опыта, ревностный труженикъ въ началѣ 1803 года соорудилъ большое паровое судно, на успѣшномъ испытаніи котораго основывалъ всѣ свои надежды. Между-тѣмъ, имъ суждено было и на этотъ разъ лопнуть: ночью, наканунѣ испытанія, пароходъ потонулъ, и самый корпусъ его, по извлечениіи изъ воды, оказался совершенно разбитымъ. Это было дѣло многочисленныхъ враговъ и недоброжелателей знаменитаго механика, которому, послѣ всѣхъ трудовъ при устройствѣ новаго судна, предстояло теперь сооружать новое. Фультонъ, однако-жъ, и тутъ не упалъ духомъ, а, опровергнувъ увѣренія своихъ недруговъ, будто-бы пароходъ потонулъ отъ тяжести своей машины, несоразмѣрной съ величиной самаго судна, къ лѣту того же года выстроилъ уже новый пароходъ, который въ августѣ 1803 г. съ полнымъ успѣхомъ поплылъ въ первый разъ по Сенѣ, въ глазахъ многочисленной публики. Казалось бы, что при такомъ успѣшномъ началѣ, при несомнѣнной пользѣ новаго изобрѣтенія, не могло уже быть ни малѣйшаго замедленія въ правительственномъ признаніи и содѣйствіи успѣхамъ доблестнаго труженика. Но Наполеонъ, занятый тогда войнами,

отказалъ Фультону даже въ просьбѣ его о серьеzномъ испытаніи парохода академію наукъ съ ученою цѣлью, несмотря на то, что механикъ, взамѣнъ правительственной помощи, предлагалъ свое изобрѣтеніе къ пособію ползamtъ Франціи. Фультону оставалось лишь обратиться къ тому, что слѣдовало сдѣлать прежде, — къ сообщенію о своемъ изобрѣтеніи правительству Соединенныхъ Штатовъ. Предложеніе услугъ Фультона, сообщенное законодательному собранию штата Нью-Йоркъ, имѣло послѣдствіемъ дарование изобрѣтателю (вмѣстѣ съ дѣятельнымъ его помощникомъ, Ливингстономъ) исключительного права на 20-лѣтннее пароходное плаваніе по водамъ піата, подъ условіемъ снараженія одного парохода въ теченіе каждыхъ двухъ лѣтъ. Ливингстонъ и Фультонъ немедленно распорядились заказомъ паровой машины у знаменитыхъ англійскихъ механиковъ Бультона и Уатта. Работы производились въ Глазго, и Фультонъ самъ отправился въ Англію, частію для наблюденія за ходомъ ихъ, частію по тайному приглашенію англійского правительства, которое за успѣхъ изобрѣтеній обѣщало ему награду, если оно будетъ обращено въ исключительную пользу Англіи. Дѣйствительная же цѣль государственныхъ людей этой страны состояла въ томъ, чтобы, завладѣвъ секретомъ Фультона, помѣшать ему обратить свои изобрѣтенія во вредъ Англіи, чрезъ посредство Франціи и Америки. Фультонъ, повѣривъ сначала искренности англійскихъ предложеній, принялся за работу, построилъ машины для взрыва, также водолазное судно, и все это опять согласился подвергнуть опыту. Вскорѣ, однако-жъ, онъ долженъ былъ убѣдиться въ совершенномъ недоброжелательствѣ англичанъ. Водолазное судно его было признано неудобнымъ, а подводные машины для взрыва хотя и оказались успешно дѣйствующими при опыте, который былъ произведенъ въ присутствіи первого министра Питта, но все-таки англійское правительство не согласилось оказать Фультону какое-либо содѣйствіе къ распространенію его

изобрѣтенія. Оно предлагало только купить его снарядъ, съ тѣмъ, чтобы самъ механикъ навсегда отказался отъ всякаго пользованія имъ. На это Фультонъ, конечно, согласиться не могъ, тѣмъ болѣе, что наступало время исполнить свои обязательства въ отношеніи къ отечеству. Это было для Фультона тѣмъ пріятіе, что тутъ дѣло шло уже о самомъ любимомъ его изобрѣтеніи—пароходѣ. Когда паровая машина, заказанная Уатту, была кончена, тогда Фультону не было болѣе никакой надобности оставаться въ Англіи, и въ 1806 г. онъ возвратился въ Нью-Йоркъ.

Прежде чѣмъ приняться за продолженіе работъ относительно парохода, Фультонъ сообщилъ американскимъ властямъ объ изобрѣтенныхъ имъ подводныхъ снарядахъ, которые въ послѣднее время были еще болѣе усовершенствованы механикомъ. Американское правительство, которому, при возникавшихъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Англіею, эти открытия были какъ нельзя болѣе кстати, оказалось Фультону денежное пособіе и на дальнѣйшія механическія работы выдало ему 25,000 франковъ.

Теперь механику, обеспеченному въ материальномъ отношеніи, предстояло исключительно работать надъ устройствомъ парохода, который, по заключенному съ правительствомъ условію, онъ обязался представить конгрессу. Занятія ревностнаго труженикашли успѣшно, и 11 августа 1807 г. первый пароходъ былъ спущенъ на воду. Тѣмъ не менѣе Фультону и тутъ приходилось бороться съ большими препятствіями. Содѣйствіе отъ правительства было получено, но въ такой странѣ, какъ Соединенные Штаты, это еще недостаточно или даже совершенно маловажно. Нужно было, чтобы самый народъ отнесся благосклонно къ предпріятію своего соотечественника, иначе всѣ его труды были бы тщетны. Сначала и въ этомъ отношеніи Фультону не счастливились: недовѣріе къ его изобрѣтенію со стороны общественного мнѣнія было такъ сильно, что даже изъ такихъ предпріимчивыхъ людей, каковы американцы,

не нашлось никого желающихъ вступить въ компаньоны съ Фультономъ и Ливингстономъ, когда имъ недостало денегъ, данныхъ правительствомъ. Первый пароходъ, называвшийся Клермонтомъ, въ народѣ стали называть Folly-Fulton, т. е. «Фультоново дурачество». Фультонъ понималъ, что его репутація можетъ быть спасена только удачю первого опыта, который и происходилъ, какъ мы упоминали, 11 августа 1807 г., при огромномъ стечениі народа. Стоявшія на берегу толпы заранѣе были увѣрены въ неудачѣ и потому встрѣтили Фультона хохотомъ и свистомъ, который, однако-жъ, превратился въ восторженные крики, когда толпа увидѣла быструя и плавныхъ движенія парохода. Чрезъ нѣсколько дней, Ливингстонъ и Фультонъ объявили о первомъ правильномъ рейсѣ «Клермента» изъ Нью-Йорка въ Альбани для открытія между этими городами постояннаго пароходнаго сообщенія. Желающихъ предпринять это путешествіе, однако-жъ, не оказалось: такъ сильно вкоренилось даже въ смысленомъ и практическомъ американскомъ народѣ нелѣпое предубѣжденіе противъ удивительной машины, несмотря на то, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ она, на глазахъ у всѣхъ, съ блестящимъ успѣхомъ выдержала первый опытъ. Изъ Нью-Йорка Фультонъ долженъ былъ уѣхать одинъ на новомъ пароходѣ, а въ Альбани нашелся также одинъ только смѣлый пассажиръ, рискнувшій доѣхать до Нью-Йорка. Это былъ *первый* пассажирскій пароходный рейсъ, осуществившій, наконецъ, завѣтныя мечты неутомимаго механика. Когда такимъ образомъ начало было сдѣлано, дальнѣйшіе шаги уже представляли сравнительно мало трудностей. Американское общество скоро увидѣло громадную практическую пользу Фультонова изобрѣтенія, и чрезъ нѣсколько лѣтъ пароходы уже ходили по всѣмъ главнымъ американскімъ рѣкамъ. Такимъ образомъ, этотъ важный, двигатель просвѣщенія и благосостоянія народнаго, отвергнутый сначала старымъ свѣтомъ, всецѣло принадлежитъ новому, какъ по происхо-

жденію своего изобрѣтателя, такъ и по мѣсту первого настоящаго появленія на свѣтѣ.

Не задолго до смерти, Робертъ Фультонъ занялся сооруженіемъ огромнаго парохода-фрегата, называвшагося «Фультонъ 1-й». Этотъ пароходъ построили преимущественно съ военными цѣлями, а впослѣдствіи и все пароходное изобрѣтеніе, которое должно бы способствовать развитію мирныхъ сношеній между народами, получило огромныя и важныя приложенія къ военному дѣлу. Начатый по плану Фультона въ 1814 г., этотъ пароходъ, во время сильныхъ холодовъ въ ту зиму, замерзъ на Гудзоновой рѣкѣ, и самъ изобрѣтатель его получилъ при этомъ сильную простуду, которая въ началѣ 1815 г. свела его въ могилу, такъ что «Фультонъ 1-й» былъ оконченъ послѣ смерти самого механика. Знаменитый изобрѣтатель, трудившійся всю жизнь надъ осуществленіемъ своей любимой идеи, для которой преодолѣть столько препятствій, умеръ почти въ бѣдности. Но смерть его доказала, какое сочувствие и уваженіе къ себѣ заслужилъ этотъ честный труженикъ. Похороны его были печалью всего Нью-Йорка, — все населеніе города заявило свое уваженіе къ этому простому гражданину, не занимавшему никакихъ общественныхъ должностей, не прославившему себя при жизни какими-нибудь громкими успѣхами: единственный успѣхъ Фультона достался ему путемъ тяжелаго труда, энергіи и настойчивости, которая не останавливались ни предъ какими препятствіями. Фультонъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ высокихъ и наиболѣе заслуживающихъ подражанія примѣровъ самодѣятельности.

Всѣдѣ за Фультономъ, очень умѣсто будетъ указать на знаменитаго Стефенсона, изобрѣтателя желѣзныхъ дорогъ и паровозовъ, тѣмъ болѣе, что оба эти дѣятеля, проиходя изъ одного и того же англо-саксонскаго племени, хотя и различныхъ націй, прославились изобрѣтеніями аналогическими и свою жизнью совершенно подхо-

дять подъ то общее начало, которое проводится въ этой книгѣ.

Георгъ Стефенсонъ родился въ 1781 году, въ съверной Англіи, близъ Ньюкасла; отецъ его былъ кочегаромъ при водяномъ насосѣ въ одной изъ каменоугольныхъ копей, находившихся недалекъ. Родители Георга, люди очень честные, были такъ бѣдны, что не могли дать своимъ шестерымъ дѣтямъ никакого образованія, не могли даже отдать ихъ въ деревенскую школу. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, дѣти уже должны были трудиться, дѣлать что могъ, чтобы помогать отцу зарабатывать хлѣбъ. Такимъ образомъ, Георгъ, видя вокругъ себя трудъ и бережливость, самъ пріучался усвоивать себѣ эти качества. Семи лѣтъ отъ рода онъ уже пасъ чужихъ коровъ, по найму, за 2 пенса (6 коп.) въ день, выѣлывая въ то же время маленькия водяные мельницы или складывая крошечные насосы, похожіе, по его мнѣнію, на тотъ, около котораго работалъ его отецъ; къ этимъ насосамъ онъ придѣльвалъ маленькия трубы изъ пустыхъ внутри травъ и стеблей. Сдѣлавшись немного старше, Георгъ сталъ уже работать въ рудокопіѣ, занимаясь сортировкою и перевозкою каменного угля съ мѣста на мѣсто, а когда ему минуло 14 лѣтъ, сдѣланъ былъ вторымъ помощникомъ своего отца въ рудокопіѣ. По достижениіи молодымъ Стефенсономъ 19 лѣтъ, ему порученъ былъ уже главный надзоръ за машиной для выкачиванія воды: это занятіе требовало большой опытности и осторожности, но Георгъ и тутъ дѣйствовалъ безукоризненно. Недостатокъ опыта, свойственный молодымъ лѣтамъ, замѣнялся у Стефенсона тщательностью, съ которой онъ дѣйствовалъ не только въ рабочее время, но и въ свободные часы и въ праздники, изучая по частямъ устройство машины, стараясь найти въ ней недостатки и пріискавая средства къ усовершенствованію механизма. Не умѣя ни читать, ни писать, молодой Стефенсонъ видѣлъ однаждо-жъ всю пользу образованія и по-

стоянно сберегалъ часть своего заработка, съ цѣлью употребить его на ѿтотъ предметъ; наконецъ, услышавъ однажды, какъ читали въ газетахъ о паровой машинѣ, изобрѣтенной Уаттомъ и Бультономъ, Георгъ рѣшился немедленно выучиться читать, для чего и стала аккуратно посѣщатьсосѣднюю деревенскую школу, а на слѣдующій годъ перешелъ въ другое училище, гдѣ, кромѣ чтенія и письма, оказалъ большиe успѣхи въ ариѳметикѣ, не переставая въ то же время наблюдать за машиной. Такъ какъ получаемаго на рудокопнѣ заработка было недостаточно для покрытия всѣхъ расходовъ, особенно по ученью, то Георгъ выучился еще чинить обувь и такимъ образомъ, не нуждаясь въ работѣ, постоянно имѣть деньги.

Женившись, Стефенсонъ сталъ работать еще больше,— теперь онъ уже самъ шилъ сапоги, былъ закройщикомъ и даже случайно выучился поправлять часы, будучи вынужденъ однажды заняться починкою своихъ собственныхъ, чтобы не тратить понапрасну денегъ на уплату часовому мастеру.

Въ 1804 г. Стефенсону предложено было мѣсто директора паровыхъ машинъ въ Монтроѣ, въ Шотландіи, но онъ пробылъ тамъ не долго, хотя успѣль уже сдѣлать важныя улучшенія въ Шотландскихъ рудокопняхъ. Возвратясь на родину и будучи уже вдовцомъ, Стефенсонъ сталъ усиленно работать для поддержки старого отца, который на рудокопнѣ ослѣпъ, и маленькаго сына Роберта, впослѣдствіи знаменитаго англійскаго механика. Между тѣмъ, времена для рабочаго класса народа настутили тяжелыя: работы были въ упадкѣ, вслѣдствіе войны между Англіей и Франціей, и Стефенсонъ, заплатившій за наемъ мѣсто себя рекрута въ милицію посѣднія деньги, хотѣль уже уѣхать въ Америку, но благоразуміе удержано его и онъ съ величайшимъ рвениемъ снова принялъся за работу, занимаясь днемъ и ночью самыми разнообразными трудами, чтобы накопить возможно-большую сумму на образованіе сына.

Наконецъ случай доставилъ Стефенсону возможность выказать свои способности и знанія. При рудокопныхъ работахъ, начатыхъ одной компанией, вырыть былъ глубокій подземный колодезь, и при немъ должна была дѣйствовать вновь привезенная паровая машина для вычерпыванія воды. Машину эту никакъ ни могли привести въ движение, а между тѣмъ вода угрожала затопить работы. Стефенсонъ вызвался исправить машину. Предложеніе его было принято только потому, что дѣло уже считали потеряннымъ, однако-жъ онъ, взявшись за машину, разобралъ ее по частямъ и въ теченіе семи дней поправилъ механизмъ, а затѣмъ вычерпалъ всю воду изъ колодца. Этотъ успѣхъ доставилъ Стефенсону хорошее мѣсто, и въ скоромъ времени онъ былъ сдѣланъ инженеромъ рудокопни. Теперь онъ могъ посвящать уже значительную часть своего времени наукамъ. Сынъ его, Робертъ, воспитываясь въ Ньюкастлѣ, присыпалъ отцу достававшіяся ему книги по части химіи или механики и въ свободное время самъ занимался съ отцомъ науками.

Будучи еще простымъ рудокопомъ, Стефенсонъ часто размышлялъ о примѣненіи паровой машины къ желѣзной дорогѣ. Въ то время въ Англіи многіе уже пріискивали средства для замѣны лошадей, чтобы дешевле и скорѣе перевозить каменный уголь изъ рудокопни до мѣста нагрузки. Придумали деревянные и чугунные рельсы для болѣе удобного проѣзда телѣгъ съ углемъ, запряженныхъ лошадьми. Но этого уже было недостаточно. Тогда стали дѣлать попытки приложить силу пара къ совершенію путешествій на водѣ и на сушѣ, но такие опыты были болѣе или менѣе неудачны. Стефенсонъ также принялъ за это дѣло, соображая попытки прежнихъ паровозовъ, рисовалъ чертежи и наконецъ, съ помощью лишь самыхъ грубыхъ слесарныхъ инструментовъ, при участіи нѣсколькихъ рабочихъ, самъ соорудилъ первый паровозъ, въ 1814 г. Опытъ нового изобрѣтенія былъ блестителенъ. Но этотъ паровозъ

шель не скорѣе лошади и, кроме того, не могъ возить большихъ тяжестей; паръ изъ него выходилъ въ цилинды съ ужаснымъ шумомъ. Стефенсону пришла мысль выпустить паръ въ трубу, и новый паровозъ, построенный имъ такимъ образомъ въ слѣдующемъ году, далъ отличный результатъ.

Между тѣмъ, въ Лондонѣ еще мало обращали вниманія на паровозъ Стефенсона: дороги съ рельсами строились съ утвержденія парламента, но при этомъ предполагалось движение «людьми, лошадьми или какимъ-бы то ни было другимъ способомъ». Наконецъ, въ 1823 г. Стефенсону удалось выхлопотать желѣзную дорогу съ паровозами (отъ Дарлингтона до Стоктова), и самъ изобрѣтатель получилъ званіе главнаго инженера этой дороги. Тутъ Стефенсонъ, неограничиваемый ничѣмъ, сталъ дѣятельно работать, замѣнилъ чугунные рельсы желѣзными и увеличилъ силу машины проведеніемъ изъ печки изогнутой трубы въ котель, а потомъ уже въ большую трубу: такимъ образомъ огонь разомъ нагрѣвалъ большую массу воды и обращалъ ее въ пары.

Успѣхъ первой желѣзной дороги, устроенной Стефенсономъ, повлекъ за собою предложеніе Стефенсону провести другую — отъ Ливерпуля до Манчестера; тутъ знаменитому механику пришлось преодолѣть еще больше препятствій, уже чисто-внѣшнихъ. Фермеры и крестьяне, услыхавъ гдѣ-то, что новая дорога отнимаетъ у нихъ всю зароботную плату, стали смотрѣть на Стефенсона какъ на своего врага, не давали мѣрять у себя землю, чрезъ которую долженъ былъ пройти желѣзный путь, и даже хотѣли забросать механика каменьями. Стефенсонъ долженъ былъ снамать на планъ мѣстность ночью, при лунномъ свѣтѣ, при чемъ, конечно, вкрадались значительныя ошибки, возбуждившія, при разсмотрѣніи проекта, споры и противорѣчія. Стефенсону приходилось бороться съ недоброжелательствомъ, подчиняться многимъ стѣснительнымъ условіямъ.

ямъ, но онъ все таки не отступить отъ своего предпріятія.

Нужно было провести дорогу чрезъ торфяное болото, по которому люди не отважились и пѣшкомъ проходить, но Стевенсонъ построилъ подъ рельсами что-то въ родѣ широкаго плата изъ бревенъ, моха и зелени; ширина этого плата находила довольно опоры въ вязкой почѣ, и Стевенсонъ могъ утвердить на немъ тяжесть катящагося поѣзда. Въ 1829 г. объявлено было состояніе скорости бѣга нѣсколькихъ паровозовъ... Стевенсонъ, съ помощью своего сына, дѣятельно изыскивалъ средства придать большие силы своему паровозу. Работая неутомимо, оба Стевенсона соорудили новый паровозъ «Ракета», прежде другихъ, и по быстротѣ бѣга (35 миль въ часъ) ихъ произведеніе выиграло призъ.

Въ теченіе долгаго времени послѣ этого, когда всѣ уже поняли пользу желѣзныхъ дорогъ, Георгъ Стевенсонъ то самъ сооружалъ новые дороги, то помогалъ другимъ своими совѣтами и руководствомъ. Онъ хотѣлъ уже удалиться на покой, предоставивъ своему сыну заниматься на избранномъ ими обоими поприщѣ, но къ знаменитому механику со всѣхъ сторонъ обращались за совѣтами и указаніями. Въ 1835 г. его два раза вызывали въ Бельгію для осмотра строившихся тогда въ этой странѣ желѣзныхъ дорогъ. Ему предлагали мѣсто въ парламентѣ и титулъ баронета, но онъ отказался, желая называться просто Стевенсономъ.

Тайна успѣховъ этого замѣчательнаго рабочаго-инженера заключается въ его всегдашней вѣрности своимъ отличительнымъ качествамъ—порядку, дѣятельности, аккуратности. Придерживалась англійской пословицы «время — деньги», Стевенсонъ былъ неутомимъ: ему случалось проводить цѣлые ночи въ экипажѣ, а днемъ, безъ малѣйшаго признака усталости, онъ принимался за работу. Стевенсонъ не былъ корыстолюбивъ и никогда не принималъ

участія въ спекуляціяхъ по проведенію желѣзныхъ дорогъ; человѣкъ добрый и честный, онъ заслужилъ любовь и уваженіе всѣхъ знатившихъ его. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ мирныхъ сельскихъ занятіяхъ и въ дѣланіи добра окружающимъ; умеръ въ 1848 году.

Изобрѣтеніе Стевенсона увѣковѣчило его память, но, кромѣ того, для насъ эта личность имѣть значеніе человѣка дѣятельного, скромнаго, честнаго, трудолюбиваго, настойчиваго въ стремленіи къ цѣли, словомъ, заключающаго въ себѣ всѣ качества, служащія признакомъ господства въ человѣкѣ начала «самодѣятельности». Этому началу Стевенсонъ остался вѣренъ всю свою жизнь.

Какъ достойный уваженія примѣръ подобныхъ же качествъ въ исторіи русскаго общества, мы можемъ привести извѣстнаго механика-самоучку Кулибина. Этотъ образецъ замѣчательнъ еще и потому, что посредствомъ своего природнаго ума, соединеннаго, какъ мы сказали, съ трудолюбивымъ терпѣніемъ, безъ всякой иной помощи, лишенный самъ образования и видя вокругъ себя лишь совершенный недостатокъ въ средствахъ къ нему, труженикъ этотъ сумѣлъ все-таки стать выше своего времени, вырваться изъ того тѣснаго круга, къ которому принадлежалъ, и, что самое главное, принести несомнѣнную пользу русскому обществу своимъ изобрѣтеніямъ въ механикѣ, которыя имѣли въ свое время большое значеніе, хотя, по обстоятельствамъ, и лишены были прочнаго практическаго примѣненія.

Кулибинъ, сынъ нижегородскаго мѣщанина, родился въ 1735 г. и получилъ все свое образованіе подъ руководствомъ мѣстнаго приходскаго дьячка. Образованіе это заключалось въ обученіи мальчика читать, писать и считать. Въ дальнѣйшемъ книжномъ воспитаніи, по мнѣнію старика-отца Кулибина, надобности не предвидѣлось. Предназначая сына, подобно себѣ, къ занятію торговлею, старикъ ходилъ, подъ своимъ руководствомъ, ириучить юношу къ

этому дѣлу и сообщить ему известную ловкость и навыкъ въ этомъ отношеніи. Но такое вынужденное занятіе, какъ всегда бываетъ съ натурами, стоящими выше общаго уровня, мало шло впрокъ молодому Кулибину. Любимымъ его занятіемъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ было вырываніе изъ дерева разныхъ вещицъ, игрушекъ, устройство маленькихъ ручныхъ мельницъ и т. п. Обращая вниманіе преимущественно на это, даже въ то время, когда сидѣль въ лавкѣ, молодой человѣкъ, само собою разумѣется, мало дѣлалъ успѣховъ въ торговомъ дѣлѣ, что часто вызывало неудовольствіе, брань и даже побои со стороны его отца; но эти средства не помогали. Изъ дѣтскихъ работъ Кулибина нужно упомянуть обѣ одной, сдѣланной удачно и принесшей дѣйствительную пользу въ домѣ: это была плотина, которую онъ сдѣлалъ на ручью для проведения воды въ прудъ при домѣ своего отца, выпустивъ въ то же время стоячую воду черезъ шлюзъ; такимъ образомъ вода въ прудѣ сдѣлалась проточною.

Скоро однако-жъ молодой Кулибинъ понялъ, что съ одной выдѣлкой ручныхъ вещицъ и тому подобными занятіями далеко не уйти. Одно обстоятельство окончательно навело его на мысль о необходимости научнаго развитія для успѣховъ въ любимомъ его дѣлѣ. Видя часто часы на соседней соборной колокольнѣ, на которыхъ, кромѣ обыкновеннаго циферблата, означалось еще движеніе небесныхъ сѣбѣсть, а внутри играла музыка, Кулибинъ употреблялъ всѣ усилия, чтобы постигнуть ихъ механизмъ, — но старанія его, конечно, были безуспѣшны, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ наукой, а также и по недостатку должностнаго практическаго ученья часовому искусству. Послѣ этого случая онъ ревностно принялъся за чтеніе; но и тутъ не имѣлъ успѣха, потому что, при незнаніи иностранныхъ языковъ, ему было доступно только самое ограниченное или почти ничтожное число книгъ, какія были изданы и какія можно было достать по части механики на русскомъ

изыкѣ. Онъ пытался проложить себѣ дорогу къ знанію механизма часовъ практическимъ путемъ: увидѣвъ у сосѣда часы съ деревянными колесами, Кулибинъ досталъ ихъ себѣ и сталъ дѣлать подражаніе имъ, работая безъ всякихъ инструментовъ, однимъ ножемъ. Результатъ этого легко было предвидѣть: когда всѣ части часовъ были готовы, вырѣзанный ножемъ колеса не пошли, потому что, при мелкости часового механизма, не имѣя подъ рукою нужныхъ инструментовъ, Кулибинъ, конечно, не могъ соблюсти надлежащую круглоту колесъ и равномѣрность въ нихъ зубцовъ, что составляетъ необходимое условіе въ подобныхъ механическихъ приборахъ, гдѣ, какъ известно, малѣйшая ошибка въ вычисленіи оборотовъ какого-нибудь незначительного съ виду колеса влечетъ за собою невѣрность дѣйствія и даже остановку хода цѣлаго механизма. Потерпѣвъ, такимъ образомъ, сначала двѣ неудачи, Кулибинъ, однако-жъ, не упалъ духомъ и не отказался отъ надежды изучить желаемое: этой-то энергіи и силѣ воли онъ и обязалъ своимъ дальнѣйшими успѣхами.

Между тѣмъ, нашему механику, по порученію нижегородскаго купечества, случилось отправиться въ Москву, въ качествѣ ходатая по одному тяжѣбному дѣлу. Порученіе это, данное молодому человѣку за его честность, способности и грамотность (что тогда было рѣдкостью), послужило на пользу задуманному Кулибиннымъ дѣлу. Въ Москвѣ ему удалось присмотрѣться къ часовому мастерству, и Кулибинъ скоро понялъ устройство механизма стѣнныхъ часовъ. Тамъ же онъ пріобрѣлъ старый токарный станокъ и испорченную машину для рѣзанія колесъ.

Съ этими инструментами, по возвращеніи въ Нижній-Новгородъ, молодой человѣкъ уже съ большою увѣренностью могъ приняться за работу. Первые сдѣланыя имъ часы были деревянные; несмотря на много предложенныхъ ему заказовъ жителями Нижнаго, между которыми скоро разнесся слухъ о новомъ механикѣ, Кулибинъ не

принималъ ихъ, а стать выдѣлывать мѣдные часы, вырѣзывая изъ дерева образцы, по которымъ отдавалъ дѣлать нужные предметы изъ металла. На вырученныя отъ продажи этихъ издѣлій деньги Кулибинъ купилъ карманные часы, ознакомился и съ ихъ устройствомъ, затѣмъ пріобрѣль новые инструменты, запасся нужными материалами и стала уже смѣло брать отъ всѣхъ въ почивку старые часы и дѣлать новые по этимъ образчикамъ.

Первый шагъ не удовлетворилъ Кулибина. Понявъ обыкновенное устройство часоваго механизма, онъ задумалъ сдѣлать часы особенного устройства, которые бы могли обратить на себя общее вниманіе. Чертежъ такихъ часовъ былъ уже составленъ механикомъ, но для самой работы недоставало ни времени, ни денегъ, потому что Кулибинъ озабоченъ былъ тогда содержаніемъ своего семейства и потому долженъ былъ тогда брать заказы.

Ему оказалъ помощь въ этомъ отношеніи черноярскій купецъ Костроминъ, жившій тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ и знавшій способности и честность Кулибина. Принявшиясь за задуманную работу, механикъ долженъ былъ преодолѣть громадные труды, чтобы сдѣлать всѣ нужные для нея инструменты; для этого онъ самъ работалъ, какъ столяръ, слесарь, лѣпщикъ и литейщикъ, и такимъ образомъ къ 1766 г. принадлежности часовъ были уже сдѣланы. Но въ это время Кулибинъ отвлекся отъ своего труда изученіемъ телескопа и электрической машины, которые были привезены въ Нижній и въ высшей степени возбудили вниманіе молодого механика. При изученіи устройства этихъ инструментовъ, ему пришлось ознакомиться и съ научными основаніями механизма ихъ. Кулибинъ самъ вздумалъ сдѣлать такія-же машины, хотя для этого ему пришлось преодолѣть очень много трудностей, которыхъ иногда и его даже приводили въ отчаяніе, такъ какъ свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя изъ книгъ, онъ долженъ былъ повѣрять на опытѣ и часто терпѣть при этомъ неудачи. Наконецъ, Кулибинъ

успѣшно окончилъ электрическую машину (первую въ Россіи), самъ отлилъ и отполировалъ для нея стекло,— кромѣ того, сдѣлалъ двѣ зрительныя трубы, телескопъ и микроскопъ, и тогда уже стала продолжать свою прежнюю работу—часы. Это произведеніе неутомимаго труженика имѣло видъ яйца; кромѣ обыкновенного циферблата, въ часахъ находились еще механическія подвижныя фигуры, напоминавшія Воскресеніе Христа, и играла музыка. Часы эти состояли изъ 1,000 отдѣльныхъ частицъ, группированныхъ по мѣстамъ искусствомъ самоучки-механика.

Описываемые нами часы, устройство которыхъ, еще до окончанія работы, объяснено было Кулибинъ императрицѣ Екатеринѣ II, при проѣздѣ ея въ 1763 г. чрезъ Нижній-Новгородъ, представлены были въ Петербургъ и въ 1769 г., вмѣстѣ съ электрической машиной, телескопомъ и микроскопомъ, отосланы для храненія въ кунсткамеру, а самъ механикъ, причисленный къ петербургской академіи, получилъ въ свое завѣдываніе находившуюся при ней механическую мастерскую, и, кромѣ того, былъ хорошо награжденъ и обезпеченъ въ материальномъ отношеніи.

Новой своей дѣятельности Кулибинъ предался, по-обыкновенію, съ жаромъ; усердно работалъ самъ разные механическіе и математическіе инструменты, и достигъ того, что и въ академической мастерской не только исправно починивали старые инструменты, но стали успѣшно заниматься и выѣлкой новыхъ. Сверхъ того, онъ изобрѣлъ много новыхъ машинъ и сдѣлалъ важныя открытія въ механикѣ.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ его изобрѣтеній былъ дугообразный мостъ, изъ одного свода, безъ свай, который предполагалось утвердить обоими концами на берегахъ рѣки. За лучшее устройство такого моста лондонскою академіею объявлена была премія. Кулибинъ, задумавъ устроить его по заданному англичанами образцу, приго-

тавилъ рисунки и маленький образчикъ моста и испросилъ разрѣшеніе, съ выдачею денежнаго пособія, на устройство большой модели такого моста, длиною въ 14 сажень, при чёмъ назначено было, въ видѣ пробы прочности моста, положить на него тяжесть въ 5,500 пудовъ. Кулибинъ дѣлалъ самъ не только вычислениія по устройству своего сооруженія, но и большую часть самой грубой работы, что подавало поводъ къ насмѣшкамъ надъ нимъ со стороны академиковъ, которые, состоя большою частию изъ немцевъ, вообще не любили русскаго механика-бородача и называли его плотникомъ. Вычислениія, однако-жъ, оказались вѣрными и проба прочности моста дала блестящіе результаты. Несмотря на сомнѣнія въ успѣхѣ со стороны окружавшихъ Кулибина, основанныя преимущественно на неудачѣ двухъ, предшествовавшихъ Кулибинскому, подобныхъ-же мостовъ, проектированныхъ иностранцами, ни одна часть модели никакъ не пошатнулась, хотя груза было положено больше назначенаго и, кроме того, на мосту находились еще люди. Такимъ образомъ, сооруженная модель, съ положеннымъ на нее грузомъ, оставалась въ прежнемъ положеніи нѣсколько недѣль, безъ малѣйшаго поврежденія; одно это уже несомнѣнно доказывало математическую точность вычисленій, на основаніи которыхъ она была построена. Тогда только заслуга Кулибина была, наконецъ, признана и удостовѣрена академиками. Притомъ модель была сделана такъ, что въ случаѣ исправленія каждой ея части могла быть вынута отдельно, безъ ущерба для цѣлаго. Такихъ деревянныхъ частей въ модели было 12,000 и, сверхъ того, 50,000 желѣзныхъ винтовъ и скобокъ. Несмотря на громадный трудъ, употребленный на эту модель, несмотря на полный успѣхъ ея, Кулибинъ не требовалъ отъ англичанъ преміи, назначенной за рѣшеніе задачи, — и, что важнѣе, модель не была превращена въ дѣйствительный мостъ, хотя это и было признано возможнымъ и хотя и самъ Кулибинъ, для большей прочности

предполагавшагося по этому образцу моста чрезъ Неву, тогда-же предлагалъ построить его изъ желѣза. Конечно, причиною этого было непринятіе на себя въ дѣлѣ Кулибина почина правительствомъ, а также и равнодушіе къ новому изобрѣтенію со стороны русской публики, которая интересовалась моделью моста только временно, какъ но-востью.

Не останавливаясь на другихъ болѣе мелкихъ работахъ Кулибина, частію добровольныхъ, частію вынужденныхъ его положеніемъ, — но во всякомъ случаѣ не представлявшихъ особаго значенія, — упомянемъ еще о нѣсколькихъ трудахъ его, заслуживающихъ, особенно по отношенію къ тому времени, главнаго вниманія.

Видя съ молодыхъ лѣтъ неудобства и величайшія трудности въ судовой работе по Волгѣ, Кулибинъ изобрѣль водоходное судно, которое могло двигаться съ грузомъ, и безъ всякой посторонней помощи, противъ теченія. Эта работа неутомимаго механика также подвергнута была испытанію на Невѣ, въ бурную погоду, и еще разъ подтвердила хорошую репутацію обѣ искусствъ самоучки. Впрочемъ, и этотъ трудъ, которымъ Кулибинъ, доказавъ возможность движения кораблей противъ вѣтра и теченія, предупредилъ въ нѣкоторомъ смыслѣ Фультона и сталъ уже рѣшительно выше уровня техническихъ знаній своего времени, — и этотъ трудъ остался безъ дальнѣйшихъ практическихъ послѣдствій, и даже неизвѣстна судьба самой машины, построенной Кулибиннымъ. Еще должно упомянуть о сдѣланной имъ телѣжкѣ-самокатѣ, устроенной для спѣшнія двухъ человѣкъ, третiemу нужно было встать сзади въ придѣланное къ пружинамъ подобіе башмаковъ и поднимать попе-ремѣнно то ту, то другую ногу. Кулибинъ не далъ хода этому открытию, потому что узналъ о подобной-же машинѣ, сдѣланной за границею.

Кулибинъ, по порученію Екатерины II, приступилъ было къ введенію въ Россіи телеграфовъ, но смерть импе-

ратрицы остановила это предпріятіе въ самомъ началѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратившись въ Нижній-Новгородъ, по увольненіи отъ службы при академіи за преклонность лѣтъ, неутомимый труженикъ прі愈加лся за устройство новой водоходной машины, и въ теченіе трехъ лѣтъ, несмотря ни на какую погоду, постоянно находился на Волгѣ при постройкѣ этой машины. Участь послѣдняго изобрѣтенія нашего механика очень ярко характеризуетъ тѣ препятствія, съ какими приходилось бороться Кулибану и которая еще до сихъ поръ часто тормозятъ каждое новое предпріятіе, выходящее изъ рутинной колеи. При испытаніи нового судна, въ 1804 г., оказалось, что оно шло съ грузомъ противъ теченія, хотя его же силою, со скоростью до 410 саж. въ часъ. Выгоды отъ распространенія подобныхъ водоходныхъ судовъ были очевидны и тогда-же признаны всѣми присутствовавшими при пробѣ. Объ изобрѣтеніи Кулибина представлено было правительству; самъ механикъ въ 1806 г. обращался съ просьбою только объ уплатѣ расходовъ, понесенныхъ на постройку судна, описывая вмѣстѣ съ тѣмъ всю пользу, какую можно ожидать отъ такихъ судовъ. Изобрѣтеніе Кулибина передано было на разсмотрѣніе департамента водяныхъ сообщеній и противъ новой машины дѣлалось много возраженій, доказывавшихъ ея неудобства; но всѣ эти возраженія Кулибинъ опровергнулъ. Переписка объ этой машинѣ въ присутственныхъ мѣстахъ продолжалась 3 года и тогда только самая машина съ чертежами и описаниемъ сдана была подъ прісмотръ нижегородской ратуши, при чемъ Кулибину возвращены издержаныя по этому предмету деньги и его объясненія противъ сдѣланныхъ возраженій признаны достаточными. При всемъ томъ, практическаго результата это изобрѣтеніе знаменитаго механика опять не имѣло. Хотя машина и была одобрена правительствомъ, но введеніе ея въ употребленіе зависѣло уже отъ купечества, которое, не обращая вниманія на пользу нового изобрѣтенія, придер-

живалось старого порядка въ судоходствѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что водоходное судно Кулибина было продано съ публичнаго торга и приобрѣтено за дешевую цѣну какимъ-то охотникомъ—на дрова. Кулибинъ не потерялъ присутствія духа и отъ этой неудачи. Живя уже на родинѣ, удрученный преклонными лѣтами, онъ обдумывалъ планъ постояннаго желѣзного моста чрезъ Неву, который предполагалось устроить изъ трехъ желѣзныхъ арокъ, на каменныхъ устояхъ съ ледорѣзами, а для прохода мачтовыхъ судовъ — провести вдоль береговъ каналы. На возраженія инженера Бетанкура, считавшаго невозможнымъ устройство каменныхъ быковъ, по причинѣ чрезвычайной быстроты теченія Невы и глубины ея, Кулибинъ тогда-же отвѣчалъ изобрѣтеніемъ новаго простого средства вбивать сваи и быки въ почву безъ особыхъ затрудненій. У него уже сдѣланъ былъ и чертежъ предполагаемаго моста, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ нужныхъ работъ, но и этому дѣлу Кулибинъ также не успѣлъ дать ходу.

Въ старости, имѣя уже 80 лѣтъ отъ роду, Кулибинъ перенесъ нѣсколько несчастій: — сгорѣли его два дома, и старикъ съ семействомъ долженъ былъ переносить большія лишенія и неудобства во вновь заведенномъ жилищѣ, потому только, что не хотѣлъ стѣснять собою бывшаго ученика своего, Петерикова, у котораго временно поселился послѣ пожара. Незадолго до смерти, уже одолѣваемый болѣзнями, будучи не въ силахъ вставать съ постели, Кулибинъ неутомимо продолжалъ, даже лежа, заниматься вычислѣніями и чертежами.

Сдѣлавъ много полезныхъ и важныхъ изобрѣтеній, хотя, — по особымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, частію, вообще, свойственнымъ русскому обществу, — эти изобрѣтенія и не получили практическаго примѣненія, Кулибинъ не избѣгъ заблужденія, свойственнаго многимъ сильнымъ умамъ, — желанія изобрѣсть машину вѣчнаго движенія. Ясно критикуя несообразности въ проектахъ та-

кого репетиции mobile у другихъ, онъ тѣмъ не менѣе не оставлялъ этой идеи самъ, неутомимо работалъ, не жалѣя издержекъ и стараясь держать свое занятіе втайне отъ постороннихъ, во избѣженіе разныхъ толковъ и сомнѣй. Кулибину не удалось однако-жъ, — какъ, вѣроятно, и никому не удастся, — осуществить эту идею, хотя предъ смертью онъ и говорилъ, что уже нашелъ способъ, разрѣшающій все сомнѣнія. Въ 1818 г. этотъ честный труженикъ и хороший гражданинъ умеръ, оставивъ семейство въ бѣдности.

Свою известностью и заслуженнымъ себѣ добрымъ именемъ Кулибинъ обязанъ, кроме природныхъ способностей, еще неутомимому труду и сильной волѣ. Въ этомъ человѣкѣ начало самодѣятельности выказалось блестящимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ собою замѣчательный примѣръ въ исторіи русскаго общества. Постоянныя неудачи изобрѣтеній Кулибина въ практической жизни зависѣли не отъ свойства самихъ этихъ изобрѣтеній, а отъ условій, не зависящихъ отъ воли отдельнаго лица, отъ цѣлаго склада тогдашняго общества. Кулибинъ уже потому заслуживаетъ всеобщую благодарность, что на избранномъ поприщѣ сдѣлалъ все, что могъ.

Другой подобный-же примѣръ русскаго самоучки-техника, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ и менѣе известный, мы находимъ въ ржевскомъ купцѣ Волосковѣ, который жилъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, и слѣдовательно былъ современникомъ Кулибина.

Отецъ Волоскова былъ часовой мастеръ и пріучилъ къ этому-же ремеслу обоихъ своихъ сыновей съ малыхъ лѣтъ. Извѣдь особенно усердно занимался часовымъ мастерствомъ старшій, Терентій, который не ограничивался однимъ механическимъ подражаніемъ отцу въ флангіи часовъ, но внимательно разбиралъ и разсматривалъ всѣ пружины и колеса. Первыми опытами молодого Волоскова были часы глиняные, потомъ деревянные; затѣмъ, совершенствуясь больше и больше, онъ перешелъ уже и къ вы-

дѣлъ обыкновенныхъ механическихъ снарядовъ этого рода. Заслуга Волоскова состоить тутъ собственно въ томъ, что своими успѣхами онъ преимущественно или даже исключительно обязанъ своему труду и терпѣнію: получивъ отъ отца только главныя свѣдѣнія объ устройствѣ часоваго механизма, онъ не имѣлъ предъ глазами никакихъ иностранныхъ образцовъ высокаго достоинства:—отдѣлку и изящество своимъ произведеніямъ (конечно, насколько это было возможно для того времени) онъ уже придалъ самъ, неутомимо преодолѣвая всѣ неудачи при работѣ. Книжнаго ученія у Волоскова не могло быть основательнаго, хотя впослѣдствіи онъ умѣлъ уже читать и, улучшивъ свое материальное положеніе, даже съ увлеченіемъ занимался чтеніемъ книгъ, относящихся къ избранному имъ искусству. Но до этого еще было далеко. Стариkъ-отецъ старался больше всего пріучить дѣтей къ ремесленнымъ и торговымъ занятіямъ; самъ онъ торговалъ карминомъ. По смерти отца, Терентій Волосковъ раздѣлился съ братомъ и, имѣя скучные средства къ жизни, рѣшился исключительно посвятить себя торговлѣ, оставивъ на время свои любимыя занятія механикой.

Торгую, по примѣру отца, карминомъ и баканомъ, Волосковъ и тутъ не остался человѣкомъ, исключительно занятымъ барышами. Онъ задумалъ усовершенствовать свой товаръ; занимаясь иногда въ шутку, еще при жизни отца, составленіемъ растворовъ кармина и бакана, Волосковъ пытался улучшить ихъ, дѣлалъ самъ новые составы и соединялъ ихъ съ прежними; при малыхъ научныхъ свѣдѣніяхъ самоучки-химика дѣло сначала шло неудачно, но, наконецъ, усилия трудолюбиваго Волоскова превозмогли всѣ препятствія: карминъ, баканъ и румяны, выдѣлываемые имъ, достигли такого высокаго, по своему времени, совершенства, что образцы ихъ вывозились даже за границу.

Стараясь улучшить предметы своей торговли, Волосковъ занимался, какъ мы сказали, смѣшиваніемъ различныхъ

химическихъ составовъ, и такимъ образомъ нечаянно открылъ способъ дѣлать карминъ темно-пурпурового цвѣта, признанный впослѣдствіи очень годнымъ для окрашиванія различныхъ церковныхъ одеждъ и тому подобныхъ тканей.

Эти химическіе опыты и усовершенствованія доставили Волоскову возможность жить, уже не стыдясь въ средстахъ существованія, и онъ тотчасъ-же сталъ обращать все свободное время на прежнее занятіе — механику. Теперь онъ уже не ограничивался одною выдѣлкою часовъ, но старался пріобрѣсть научные основанія для своихъ механическихъ работъ. Разумѣется, при бѣдности вообще тогдашней русской литературы, желаніе это не много находило пищи для своего удовлетворенія,—да и кромѣ того, ржевскій купецъ не могъ достать себѣ всѣ книги по этой части, какія тогда выходили въ столицѣ. Волосковъ старался читать все, что возможно было достать и что ему казалось сколько-нибудь относящимся не только къ механикѣ, но и вообще къ ручнымъ техническимъ производствамъ. На чтеніе онъ употреблялъ большую часть ночи и даже, выходитъ днемъ куда-нибудь изъ дома, всегда бралъ съ собою книгу. Эти занятія имѣли вліяніе и на практическія работы Волоскова. Въ отношеніи часового мастерства, онъ не довольствовался уже прежними образцами, а задумалъ, подобно Кулибину, сдѣлать такие часы, которые, кромѣ обыкновенного суточного времени, показывали бы числа мѣсяца, движение солнца, виды луны и т. п. Мысль объ этомъ, очевидно, появилась подъ вліяніемъ чтенія научныхъ произведеній, соединенного съ привычкою наблюдать явленія природы, къ чему Волосковъ пріучился еще съ дѣтства, живя въ домѣ отца своего, близко къ природѣ.

Задуманные механикомъ часы требовали и продолжительнаго времени и значительныхъ приготовительныхъ работъ; Волосковъ однако-жъ не отступилъ предъ всеми трудностями, самъ сдѣлалъ всѣ деревянныя, мѣдныя и сталь-

пныя вещи, какія нужны были для часоваго механизма, и чрезъ нѣсколько лѣтъ огромные часы были окончены.

Рассказываютъ, что въ этихъ часахъ былъ механизмъ, который заставлялъ стрѣлку, безъ всякой помощи, въ теченіе трехъ лѣтъ, показывать числа, мѣсяцы и годы, между высокосными, т. е. что въ механизмѣ было такое колесо, которое обращалось около своей оси одинъ разъ въ теченіе четырехъ лѣтъ; кромѣ того, на нихъ показывалось видимое движение солнца и фазы луны,— чего первоначально и желалъ самъ мастеръ.

Чтеніе книгъ, а можетъ быть и природный умъ, внушили Волоскову желаніе заниматься астрономическими наблюденіями, хотя, конечно, самыми безыскусственными. Онъ самъ сдѣлалъ себѣ зрителныя трубы и сквозь нихъ рассматривалъ луну и солнце, отчего подъ старость даже почти лишился зрѣнія.

Говоря о трудахъ Волоскова, нельзя не упомянуть и того, что онъ, подобно Кулибину, старался изобрѣсть *regretum mobile*: само-собою разумѣется, что попытки добиться «вѣчнаго движения» остались безуспѣшными.

Послѣдніе годы Волоскова, по свидѣтельству знавшихъ его, отравлены были тою мыслью, что труды его не получили признанія отъ лицъ, власть имѣющихъ, и что, слѣдовательно, лишены были практическаго примѣненія. Тогда, конечно, и значеніе самого Волоскова было бы для насъ опредѣленіе: качество его трудовъ, о которыхъ мы судимъ теперь только по предположенію, какъ о трудахъ механика-самоучки, тогда было бы поставлено вѣдь всякаго сомнѣнія.

Но даже и при той малой известности, какая досталась на долю Волоскова, и при тѣхъ сравнительно скучныхъ свѣдѣніяхъ, какія мы имѣемъ о немъ,—для насъ довольно уже того, что въ немъ мы нашли еще одного трудолюбиваго и даровитаго человѣка, примѣръ котораго, въ ряду другихъ, весьма важенъ для дѣла самодѣятельности.

Волосковъ былъ человѣкъ очень религіозный и даже не лишенный богословскихъ познаній. Въ довольно большой его библіотекѣ, состоявшей преимущественно изъ сочиненій по части механики, химіи, астрономіи и т. п., видное мѣсто занимали и духовныя книги. Волосковъ даже самъ писалъ противъ раскола; будучи самъ въ молодости въ числѣ приверженцевъ его, онъ потомъ обратился къ православію и всю жизнь оставался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей православнаго ученія. Самую важную сторону религіозности Волоскова составляло то, что она у него переходила въ жизнь; религіозный въ душѣ, онъ такимъ образомъ отзывался о спорахъ и преніяхъ по этому предмету: «перестанемъ спорить о четырехконечномъ и осьмиконечномъ крестѣ; будемъ служить Богу, вѣрѣ и ближнимъ любовью и дѣлами». Такимъ образомъ онъ и поступалъ: ведя жизнь тихую, примѣрную, Волосковъ всегда помогалъ бѣднымъ и нуждающимся, сколько могъ, смотря по положенію своихъ дѣлъ. Характеръ этого почтенного русскаго гражданина, его трудолюбіе, настойчивость въ работахъ по избранному предмету, терпѣніе и любовь къ ближнимъ—заслуживаютъ полнаго подражанія и заставляютъ относиться съ уваженіемъ къ жизни такого дѣятельного и доброго человѣка.

Говоря вообще, самоучки-механики въ Россіи появлялись нерѣдко, и въ настоящее время можно указать на нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣр—на Зарубина, изобрѣтателя планиметра, Замыслова, Захарова, Баршова и другихъ. Мы ограничились двумя примѣрами изъ прежніяго времени, такъ какъ пріобрѣсти извѣстность своими трудами тогда было труднѣе, чѣмъ теперь, и потому такие примѣры заслуживаютъ сравнительно большаго вниманія.

Замѣчательно, что подобные самоучки, лишенные средствъ къ книжному образованію, являлись въ Россіи преимущественно по части ручныхъ техническихъ производствъ. По другимъ родамъ труда ихъ значительно меньше

или почти и вовсе нѣтъ. Не показываетъ ли это самымъ очевиднымъ образомъ, что русскій умъ болѣе склоненъ къ усовершенствованію въ области физическихъ наукъ, основанныхъ на изученіи окружающей природы и имѣющихъ своимъ главнымъ предметомъ улучшеніе нашего материальнаго быта? Наши самоучки-механики постоянно стремились къ самостоятельнымъ изобрѣтеніямъ въ этой области: правда, изобрѣтенія эти большую частію были мелки, но должно вспомнить, что они и дѣлались большую частію безъ всякой научной подготовки, и, следовательно, ихъ нельзя критиковать строго. Выводъ изъ этого тотъ, что въ Россіи необходимо распространять техническія знанія въ возможно большей степени,—и тогда въ ней явятся свои Уатты и Фультоны.

ГЛАВА III.

УСЕРДІЕ И СТОЙКОСТЬ ВЪ РАБОТѢ, КАКЪ НЕОБХОДИМЫЯ УСЛОВІЯ УСПѢХА.

Счастіе стонть на сторонѣ трудолюбиваго.—Геній есть терпѣніе.—Ньютона и Кеплеръ.—Труды знаменитыхъ людей.—Постоянство усилій въ стремлениі къ цѣли.—Метода развитія памяти Роберта Пиля въ Дрейтонскомъ приходѣ.—Легкость пріобрѣтается навыкомъ.—Ясное настроеніе духа.—Надежда, какъ важный элементъ въ характерѣ.—Миссіонеръ Кери.—Анекдотъ о докторѣ Юнгѣ и Одюбонѣ.—Карлейль и его рукопись «Исторіи Французской революціи».—Проявленіе стойкости въ труде при открытияхъ, сдѣланыхъ въ иніевійскихъ памятникахъ Раулинсономъ и Лайардомъ.—Труды Вальтера-Скотта.—Самуилъ Дрюо.—Юсифъ Юмъ.—Бернаръ Палисси.—Поэтъ-крестьянинъ Слѣпушинъ.

Самая высокія жизненные цѣли достигаются на практикѣ простыми средствами, употребленіемъ въ дѣло обыкновенныхъ человѣческихъ способностей. Повседневная жизнь, со своими неизбѣжными заботами, нуждами и обязанностями, представляетъ много благочріятныхъ случаевъ къ пріобрѣтенію самой лучшей опыtnости; даже избитые, повидимому, жизненные пути представляютъ человѣку, дѣйствительно желающему работать, обширное поприще для труда и самоусовершенствованія.

Ближайшій путь, ведущій къ благосостоянію человѣчества, лежитъ нераздѣльно отъ извѣстной дороги усерднаго труда; и тѣ дѣятѣли, которые по этому послѣднему пути

идуть съ большою стойкостью и работаютъ, какъ слѣдуетъ, непремѣнно будуть пользоваться и наибольшимъ успѣхомъ.

Фортуну обыкновенно называютъ слѣпою,—но она не такъ слѣпа, какъ мы сами. Каждому, кто будетъ всматриваться въ практическую жизнь, станетъ ясно, что счастіе по большей части бываетъ на сторонѣ человѣка трудолюбиваго, какъ волны и вѣтеръ бываютъ на сторонѣ лучшихъ пловцовъ. Успѣхъ слѣдуетъ за каждымъ честнымъ трудомъ; бываютъ, конечно, случаи излишняго поклоненія такому успѣху,—поклоненія, которое доходитъ почти иногда до обожанія,—но нѣтъ сомнѣнія, что все-таки во всякой благородной попыткѣ такое уваженіе вполнѣ заслужено, тѣмъ болѣе, что для достиженія успѣха вообще совсѣмъ не требуются какія-нибудь необыкновенные качества. Большею частію, вѣтъ такія качества могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ—здравому смыслу и постоянству въ трудахъ. При такихъ условіяхъ геніальность дѣлается не необходима, между тѣмъ какъ безъ нихъ геній, какъ бы онъ высокъ ни былъ, обойтись не можетъ. Между великими людьми были такие, которые очень мало вѣрили въ силу генія и въ основу своихъ дѣйствій ставили простое благородство и трудолюбіе, какъ и вѣтъ обыкновенные люди. Нѣкоторые даже говорили, что геній—не болѣе, какъ напряженный здравый смыслъ, что это—не что иное, какъ способность трудиться. Бюффонъ говорилъ, что геній—есть терпѣніе. Ньютона былъ неоспоримо умъ очень высокаго разряда; но за всѣмъ тѣмъ, на вопросъ, какимъ образомъ онъ дошелъ до своихъ необыкновенныхъ открытій, знаменитый ученый скромно отвѣчалъ: «Посредствомъ постояннаго обдумыванія ихъ». Въ другой разъ онъ такимъ образомъ описалъ свою методу занятій: «Я постоянно держу въ головѣ известный предметъ и жду, пока первые проблемы правильного сужденія о немъ перейдутъ мало-помалу въ ровный, яркій свѣтъ». Ньютона, какъ всякий другой, достигъ знаменитости только постоянными неутоми-

мыми трудами. Даже отдыхъ его состоялъ лишь въ разнообразіи, въ замѣнѣ одного предмета другимъ. Онь самъ сказаль доктору Бентлею: «Если я и оказалъ обществу какую-нибудь услугу, то этимъ обязанъ исключительно труду и терпѣливому размышленію». Такъ другой великий философъ, Кеплеръ, говоря о своихъ занятіяхъ и объ успѣхѣ ихъ, сказаль, какъ у Виргилія: *Fama mobilitate viget, vires acquirit eundo*, такъ было и со мной: прилежное размышленіе о данномъ предметѣ возбуждало еще болѣе работу мысли, пока наконецъ я не обращалъ на этотъ предметъ всѣхъ моихъ умственныхъ силъ».

Необыкновенные плодотворные результаты, какихъ достигали люди съ помощью стойкаго, усерднаго труда, привели многихъ знаменитыхъ людей къ сомнѣнію, дѣйственно-ли гений составляеть такое исключительное дарованіе, какъ это вообще предполагаютъ. Такъ Вольтеръ думалъ, что человѣка геніального отъ обыкновенного раздѣлять лишь самая незначительная черта. Беккарія былъ даже такого мнѣнія, что всеѣ могутъ быть поэтами и ораторами, а Рейнольдсъ — что каждый можетъ сдѣлаться живописцемъ и скульпторомъ. Если бы это было дѣйственно-такъ, то не слишкомъ былъ бы далекъ отъ истины тотъ англичанинъ, который по смерти Кановы спросилъ у его брата, че намѣренъ-ли онъ «продолжать его занятіе». Локкъ, Гельвецій и Дидро вѣрили, что всеѣ люди имѣютъ одинаковую возможность сдѣлаться геніями, и что все, совершенное нѣсколькими лицами подъ вліяніемъ основныхъ законовъ мышленія, должно быть доступно также и всѣмъ другимъ, которые, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, приложатъ свои труды къ подобной цѣли. Тѣмъ не менѣе, хотя и можно допустить въполномъ объемѣ тѣ удивительные результаты, какіе достигаются трудомъ, хотя можно признать, какъ несомнѣнныи фактъ, то, что наиболѣе знаменитые по своей геніальности люди постоянно были выѣстъ съ тѣмъ и самыми неутомимыми тружениками,—но все-

таки очевидно, что безъ природныхъ умственныхъ дарованій никакой трудъ, какъ-бы хорошо онъ ни былъ приложенъ къ дѣлу, никогда не выработаетъ Шекспира, Ньютона, Бетховена и Микель-Анджело.

Дальтонъ, знаменитый химикъ, всегда отрицалъ мнѣніе о своей «гениальности», приписывая все то, что совершилъ, только своему трудолюбію и накопленію запаса знаній. Дѣйствительно—изъ самаго бѣлага обзора великихъ людей уже видно, что наиболѣе знаменитые изобрѣтатели, артисты, мыслители и вообще дѣятели всякаго рода въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ успѣхами неутомимому и постоянному занятію. Это были люди, которые все обратили въ золото, даже самое время. По мнѣнію Дизраэли старшаго, секретъ всякаго успѣха состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлаться господиномъ извѣстнаго предмета, а такого господства можно достигнуть только непрерывнымъ, усерднымъ изученiemъ его. Поэтому-то, случается, что тѣ люди, которые болѣе всего оказали заслугъ миру, были не столько людьми гениальными, въ строгомъ смыслѣ слова, сколько обладавшими сильными умственными способностями, при неутомимой дѣятельности, постоянствѣ и довѣріи къ своимъ силамъ; такие люди не столько имѣли блестящія качества отъ природы, сколько старательно занимались своимъ дѣломъ, какое бы оно ни было. Люди, хотя и даровитые, но вѣтрены, — при недостаткѣ постоянства въ занятіяхъ отстаютъ на поприщѣ жизни отъ прилежныхъ, а иногда даже и отъ тупыхъ. Итальянская пословица говоритъ: «che va piano va longano e va lontano» — т.-е. «тише будешь, дальше будешь».

Поэтому, всего болѣе нужно заботиться каждому о выработкѣ у себя способности къ труду. Когда это будетъ сдѣлано, тогда дальнийшій путь уже сравнительно легокъ. Нужно снова и снова приниматься за извѣстное дѣло; работа, по мѣрѣ занятія ею, дѣлается легче и легче. Безъ этой настойчивости въ дѣлѣ, нельзя научиться даже самому

эстому искусству, и, наоборотъ, съ помощью той же на-
йчивости и силы воли, какихъ трудностей нельзя не пре-
одолѣть! Знаменитый сэръ Робертъ Пиль только посред-
ствомъ раннихъ занятій и постояннаго упражненія раз-
вилъ тѣ замѣчательныя дарованія, которыя доставили ему
изменитость въ британскомъ парламентѣ. Когда онъ былъ
еще ребенкомъ, то отецъ уже пріучалъ его говорить безъ
иготовленія: именно, онъ заставилъ его повторять на-
мьтъ столько изъ воскресной проповѣди, сколько толь-
ко могъ запомнить. Сначала дѣло подвигалось съ болынимъ
удомъ, но вслѣдствіе постоянной работы надъ собою,
вынуждающей быть внимательнымъ до того укрѣпилась въ
мальчикѣ, что онъ наконецъ былъ въ состояніи повторить
проповѣдь почти слово-въ-слово. Когда впослѣдствіи ему
приходилось въ парламентѣ опровергать аргументы своихъ
политическихъ противниковъ, — искусство, въ которомъ у
ни было соперниковъ, — то немногимъ могло прийти
в голову, что проявлявшаяся у него въ такихъ случаяхъ
обыкновенная сила памяти была первоначально развита
подъ руководствомъ его отца въ приходской церкви Дрей-
она.

Изумительно, какихъ послѣдствій можно достигнуть съ
помощью постоянного труда, въ самыхъ повидимому не-
важныхъ предметахъ, такъ, напр., игра на скрипкѣ состав-
ляетъ обыкновенное искусство, но какого продолжительного
труднаго навыка она требуетъ! Джардини, на вопросъ
томъ, сколько времени потребуется для изученія этого
искусства, сказалъ, что для этого нужно употреблять по
2 часовъ ежедневно въ теченіе 20 лѣтъ. Трудъ, говорить
ранцузы, fait l'ours danser. Танцовщица должна упот-
ребить цѣлые годы неутомимаго труда на усовершенство-
ваніе въ своеемъ безплодномъ занятіи, прежде чѣмъ по-
редствомъ его она найдетъ возможность достигнуть из-
вестности. Когда Тальони приготовлялась къ своему вечер-
нему появлению предъ публикой, то ей часто приходилось,

послѣ тяжелаго двухъ-часового урока у своего отца, падать въ изнеможеніи и приходить въ чувство только чрезъ долгій промежутокъ времени, съ помощью возбудительныхъ средствъ. Такой цѣной покупалась ея вечерняя легкость движений и гибкость членовъ. Если такие страшные труды употреблялись на приготовленіе къ этому «артистическому» поприщу, но тѣмъ болѣе стыда тому, кто избралъ себѣ полезныя занятія и не прилагаетъ къ нимъ труда, не стремится усовершенствоваться. Менѣе половины подобнаго старанія, приложенного къ саморазвитию или самоусовершенствованію, какого-бы рода оно ни было, обеспечило-бы вѣрный успѣхъ въ достижениіи цѣли.

Какъ-бы то ни было, но успѣхъ, даже самый легкій, достигается, вообще говоря, медленно. До большихъ и громкихъ послѣдствій нашей дѣятельности нельзя дойти разомъ: мы должны довольствоваться и тѣмъ, если подвигаемся на нашемъ жизненномъ пути шагъ за шагомъ. По словамъ де-Местра, «величайшій секретъ успѣха въ достижениіи цѣли заключается въ умѣнїи ждать». Прежде, чѣмъ жать что-нибудь, мы должны посѣять, и этой жатвы часто приходится ожидать долго, довольствуясь между тѣмъ терпѣливой надеждой на будущее: часто бываетъ, что самымъ лучшимъ плодомъ оказывается тотъ, который зреетъ медленнѣе всѣхъ прочихъ. По восточной пословицѣ, «время и терпѣніе обращаютъ листъ шелковичного дерева въ самый шелкъ».

Но чтобы умѣть ждать терпѣливо, мы должны работать съ веселымъ духомъ. Ясность, спокойствіе душевное—превосходное качество для рабочаго человѣка; оно сообщаетъ жизненность нашему характеру. Какъ, по выражению какого-то епископа, «нравъ составляетъ $\frac{9}{10}$ въ христіанствѣ», такъ веселое расположение духа и усердіе въ работе составляютъ девять десятыхъ всей практической мудрости. Эти качества служатъ залогомъ усиѣшной дѣятельности и ручательствомъ за будущее благосостояніе чело-

вѣка, обладающаго ими: быть можетъ, величайшее удовольствие въ жизни состоять въ свободномъ, бодромъ, сознательномъ дѣйствии, а уже отъ него, по большей части, зависятъ энергія, смѣлость и другія качества, возвышающія человѣка.

Люди, работающіе на пользу общества, должны трудинься долго и терпѣливо, часто даже не ободряемыя скорымъ вознагражденіемъ и не имѣя въ виду непосредственныхъ результатовъ своей дѣятельности. Сѣмена, которыя они сѣютъ, часто лежать подъ снѣгомъ, и до наступленія весны земледѣльцу ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только ждать. Не каждому общественному дѣятелю удается, подобно Роуланду Гиллю, увидѣть при жизни плоды своей великой идеи. Адамъ Смитъ послѣдѣлъ сѣмью великаго соціального улучшенія въ томъ темномъ старомъ зданіи Гласговскаго университета, гдѣ онъ работалъ надъ свомъ «Богатствомъ народовъ», а между тѣмъ прошло 70 лѣтъ прежде, чѣмъ его трудъ принесъ прочные плоды, да и теперь они не все созрѣли.

Ничто не можетъ вознаградить человѣка за потерю надежды; такая утрата имѣеть огромное влияніе на человѣческій характеръ. «Какъ я могу работать, какъ могу быть счастливъ,—сказалъ великий, но несчастный мыслитель,—если я потерялъ всякую надежду?» Надежда подобна солнцу, которое, когда мы идемъ лицомъ къ нему, бросаетъ тѣнь уже позади насъ. Миссіонеръ Кэри былъ однинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и мужественныхъ дѣятелей—и все это потому, что никогда не терялъ надежды. Во времена пребыванія его въ Индіи, вербѣко случалось, что работавшіе въ теченіе дня три писца утомлялись, а самъ онъ все-таки отдыхалъ только при перемѣнѣ своей работы. Кэри былъ сынъ баптизмчника; товарищами его въ трудахъ по миссіонерскимъ обязанностямъ были Уардъ и Маршменъ,—дѣти плотника и ткача. Ихъ трудами была воздвигнута въ Серампурѣ великолѣпная гимназія, основано 16 прекрас-

ныхъ мѣстечекъ, переведена библія на 16 языковъ и положены начала благодѣтельной нравственной реформы въ британской Индії. О той настойчивости, какую Кэри вообще проявлялъ въ достижениі разъ задуманной цѣли, рассказываютъ характеристической анекдотъ, относящіяся еще къ годамъ его дѣтства. Взираясь однажды на дерево, онъ посколькулся, упалъ и сломалъ себѣ ногу. Послѣ болѣзни, продолжавшейся нѣсколько недѣль, какъ только онъ былъ въ силахъ выходить гулять безъ посторонней поддержки, первымъ дѣломъ его было взлѣсть на то-же самое дерево. Вотъ это-то непоколебимое мужество и было необходимо Кэри для его многотрудной миссіонерской дѣятельности, которую онъ и выполнялъ съ благородною рѣшимостью.

У знаменитаго философа, доктора Юнга, было правило, что «каждый человѣкъ можетъ дѣлать то, что сдѣлалъ другой», и самъ Юнгъ никогда не отступалъ передъ трудностями въ томъ дѣлѣ, за которое взялся. О немъ рассказываютъ, что при первомъ же опыте верховойѣзды, Юнгъ, Бѣхавшій въ компаніи, вздумалъ подражать своему спутнику, отличному наезднику, который на всемъ скаку перескоchилъ высокій барьеръ. Попытка Юнга кончилась однакожъ тѣмъ, что онъ былъ сброшенъ лошадью съ сѣдла. Не говоря ни слова, онъ опять сѣлъ на лошадь, повторилъ прежнюю попытку, и хотя такъ-же безуспѣшно, но уже на этотъ разъ удержался на сѣдлѣ, прицѣпившись къ шеѣ лошади. Наконецъ, въ третій разъ ему удалось перепрыгнуть барьеръ.

Не менѣе интересенъ разсказъ объ Одюбонѣ, знаменитомъ американскомъ орнитологѣ, сообщенный имъ самимъ: «Несчастіе,—говорить онъ,—которое постигло 200 моихъ подлинныхъ рисунковъ, почти остановило все мои орнитологическія изслѣдованія. Я рассказалъ о немъ, чтобы показать, какую силу даетъ энтузіазмъ,—потому что другимъ именемъ я не могу назвать мое упорство,—въ преодолѣніи самыхъ, повидимому, ужасныхъ трудностей. Я оставилъ

деревню Гендерсонъ, въ Кентукки, на берегахъ Огіо, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ, и направился въ Філадельфію, гдѣ намѣренъ былъ продолжать свои занятія. Передъ отѣзломъ я осмотрѣлъ рисунки, осторожно уложилъ ихъ въ деревянный ящикъ и поручилъ присмотру родственника, которому вмѣнено было въ обязанность смотрѣть, чтобы рисунки не потеряли никакого поврежденія. Мое отсутствіе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; по возвращеніи и необходимомъ отдыхѣ съ дороги, въ теченіе нѣсколькихъ дней, я освѣдомился о ящикѣ, заключавшемъ въ себѣ мое сокровище. Принесли ящикъ; читатель можетъ себѣ представить, что я почувствовалъ, увидѣвъ, что пара норвежскихъ крысъ совсѣмъ завладѣла имъ и расплодила многочисленное семейство между изгрызенными листами бумаги, которые, еще незадолго до этого, носили на себѣ изображенія тысячи обитателей воздуха! Это несчастіе произвело по мнѣ такое сильное раздраженіе, что оно непремѣнно должно было отзваться на моей нервной системѣ. Я не спалъ нѣсколько ночей, а дни проводилъ какъ-бы въ забытьи; это продолжалось до того времени, пока я наконецъ вновь не овладѣлъ своими физическими силами, благодаря крѣпости тѣлосложенія; тогда я взялъ свое ружье, записную книжку, карандаши и отправился въ лѣсъ такимъ же веселымъ, какъ будто-бы ничего и не случилось. Я радовался, что могу теперь сдѣлать рисунки лучше прежнихъ,—и, до истеченія 3 лѣтъ послѣ разсказанного несчастія, мой портфель былъ снова наполненъ».

Нѣть надобности повторять здѣсь известный несчастный случай съ бумагами Ньютона, на которыхъ его собака опрокинула зажженную свѣчу и такимъ образомъ въ минуту уничтожила вычисленія—плоды огромныхъ трудовъ и многолетнихъ занятій: достаточно сказать только то, что эта утрата бумагъ серьезно повредила здоровью знаменитаго ученаго и заставила даже опасаться за его разсудокъ. Подобный же случай былъ съ первымъ томомъ «Французской

революції» Карлейля. Рукопись эта послана была авторомъ къ его знакомому для просмотра. По какому-то несчастному случаю, ее оставили и забыли на полу въ гостиной. Прошло нѣсколько недѣль, и историкъ послалъ за своею рукописью, которую уже нужно было отдавать въ печать. Пошли розыски, и оказалось, что служанка, найдя на полу связку, по ея мнѣнію, ненужныхъ бумагъ, употребила ихъ на растопку печей. Легко вообразить изумленіе и отчаяніе Карлейля. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ только вновь написать книгу; онъ рѣшился на этотъ трудъ и исполнилъ его. У него не оставалось никакой программы сочиненія: пришлось припомнить факты, мысли и выраженія, давно уже забытые. Писать книгу въ первый разъ было дѣломъ истиннаго удовольствія, а пересочинять ее же вновь — такое невыносимое занятіе, какое только можно себѣ представить. Однако-жъ, Карлейль и при этихъ обстоятельствахъ усердно принялъся за работу и окончилъ этотъ томъ, что служить примѣромъ такой рѣшительности въ достижениіи цѣли, какая рѣдко встречается. Вообще, жизнь людей, знаменитыхъ по изобрѣтеніямъ или открытиямъ, представляеть много примѣровъ того же непреодолимаго постоянства въ изученіи извѣстнаго предмета. Стефенсонъ, обращаясь къ молодымъ людямъ, всегда даваль имъ свой лучшій советъ: «дѣлайте, какъ я дѣлалъ — старайтесь». Онъ работалъ надъ усовершенствованіемъ локомотива около 15 лѣтъ, прежде чмъ достигъ рѣшительного торжества своего изобрѣтенія. Уаттъ, въ продолженіе 30 лѣтъ, занимался сгустительной машиной и только послѣ того уже придалъ ей настоящій видъ. Столь же поразительные примѣры подобной настойчивости въ достижениіи задуманнаго можно найти въ каждой другой отрасли науки, искусства и промышленности. Быть можетъ, одинъ изъ самыхъ интересныхъ примѣровъ такого рода соединенъ съ разрѣшимъ ниневійскихъ памятниковъ, что повело къ открытию коническихъ или клинообразныхъ письменъ, ко-

орыми сделаны были надписи на тѣхъ памятникахъ, — письменъ, утраченныхъ для свѣта уже со времени завоеванія Персіи македонянами.

Нѣкто Раулинсонъ, служившій въ Ость-Индской компаніи, находясь въ Керманшахѣ, въ Персіи, замѣтилъ любопытныя клинообразныя надписи на старинныхъ памятникахъ въ окрестностяхъ, — такія древнія, что всякие исторические слѣды ихъ были потеряны. Между списанными имъ надписями, одна была сделана на знаменитой скалѣ Бегистунѣ — утесѣ, который поднимается отвѣсно на высоту до 1,700 футовъ надъ уровнемъ моря, и въ нижней части которого находятся надписи на разстоянії 300 футовъ, на трехъ языкахъ: персидскомъ, скифскомъ и ассирийскомъ. Путемъ сравненія извѣстнаго съ неизвѣстнымъ, языковъ живыхъ съ мертвыми, Раулинсону удалось пріобрѣсть нѣкоторыя свѣдѣнія о клинообразныхъ письменахъ и даже составить ихъ азбуку. Онъ послалъ снимки, сделанные съ надписей, въ свое отечество для разбора; но оказалось, что не было ни одного профессора въ учебныхъ заведеніяхъ, который-бы зналъ что-нибудь о клинообразной письменности. Снимки эти попались въ руки бывшаго ость-индскаго клерка, окромнаго, неизвѣстнаго человѣка, по имени Норриса, который занимался изученіемъ этого предмета; свѣдѣнія Норриса были такъ основательны, что онъ, не видавши никогда утеса Бегистунѣ, выразилъ мнѣніе, что Раулинсонъ не совсѣмъ вѣрно списалъ затруднившую всѣхъ надпись. Раулинсонъ, который все еще оставался на прежнемъ мѣстѣ, сравнилъ свой снимокъ съ оригинальною надписью и нашелъ, что Норрисъ былъ правъ; посредствомъ дальнѣйшаго сравненія и тщательнаго изученія, наука о клинообразныхъ письменахъ такимъ образомъ значительно двинулась впередъ. Но чтобы извлечь пользу изъ знаній этихъ двухъ самоучекъ, чтобы доставить имъ материалъ для упражненія въ ихъ искусствѣ, нуженъ былъ еще третій дѣятель. Такой дѣятель явился въ лицѣ Лайарда, бывшаго клерка у лондонскаго

прокурора. Трудно было бы въ этихъ трехъ лицахъ предполагать людей, открывшихъ забытый языкъ и откопавшихъ древнюю исторію Вавилона, но однако-жъ это было такъ. Лайардъ былъ 22-лѣтнимъ юношой, когда, путешествуя по Востоку, вздумалъ пробраться по ту сторону Евфрата. Въ сопровожденіи только одного спутника, не имѣя другой помощи, кромѣ своего оружія, или, что еще лучше, кромѣ присутствія духа, обходительности и рыцарскаго вида, онъ благополучно прошелъ среди племенъ, находившихся въ кровопролитной войнѣ другъ съ другомъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ, со средствами сравнительно незначительными, съ помощью лишь напряженного и упорнаго труда, рѣшительной силы воли и почти невѣроятнаго терпѣнія, поддерживаемый вездѣ своимъ энтузіазмомъ къ открытиямъ и изслѣдованіямъ, Лайардъ успѣлъ открыть столько историческихъ сокровищъ, сколько прежде навѣрно не удавалось никогда собрать трудами одного человѣка. При разборѣ этихъ драгоценныхъ остатковъ древности, потомъ помѣщенныхъ въ британскомъ музѣѣ, найдено было столько любопытныхъ сказаний о событияхъ, случившихся три тысячи лѣтъ назадъ, что на нихъ установился совершенно новый взглядъ; а исторія открытия этихъ замѣчательныхъ произведеній, разсказанная самимъ Лайардомъ, въ его «Памятникахъ Ниневіи», будетъ всегда однимъ изъ самыхъ трогательныхъ и простыхъ воспоминаній о сильной индивидуальной предоріимчивости, дѣятельности и энергіи.

Область литературы представляетъ многочисленные примеры подобныхъ же качествъ, и съ этой точки зрѣнія едва-ли чья-нибудь дѣятельность поучительнѣе дѣятельности Вальтера-Скотта. Его удивительныя рабочія способности развились въ адвокатской конторѣ, гдѣ много лѣтъ онъ трудился въ качествѣ простого переписчика. Эти сухія занятія, въ теченіе цѣлаго дня, дѣлали для него тѣмъ пріятнѣе вечеръ, который уже былъ въ его распоряженіи и посвящался исключительно чтенію и ученью. Вальтеръ-

Скоттъ самъ приписывалъ этому сухому конторскому порядку усвоенный имъ навыкъ къ усидчивому, хладнокровному занятію, — навыкъ, которого часто не достаетъ у обыкновенныхъ литераторовъ. Въ теченіе послѣдующей жизни Вальтеръ-Скоттъ гордился тѣмъ, что онъ дѣловой человѣкъ, и утверждалъ, вопреки, по его выраженію, бреднямъ риѳмачей, что гениальность вовсе не обусловливается отвращеніемъ или презрѣніемъ къ обыкновеннымъ житейскимъ обязанностямъ. Напротивъ, онъ былъ того мнѣнія, что для развитія умственныхъ способностей весьма полезно посвящать ежедневно нѣсколько времени механическимъ занятіямъ. Когда онъ былъ клеркомъ въ єдинбургскомъ судѣ, то, по необходимости, занимался своими литературными дѣлами преимущественно предъ завтракомъ; а въ теченіе цѣлаго дня исполнялъ въ судѣ обыкновенные обязанности, состоявшія въ свидѣтельствованіи разного рода актовъ и документовъ. По словамъ Локгардта, «одну изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей Вальтера-Скотта составляетъ то, что даже въ теченіе самого дѣятельнаго периода своей литературной карьеры ему приходилось постоянно посвящать большое количество времени, по крайней мѣрѣ, половину каждого года, добросовѣстному исполненію обязанностей своей официальной профессіи». Онъ принялъ за правило, что должно жить собственно этимъ занятіемъ, а не литературой. «Я рѣшилъ, — говорилъ онъ, — что литература должна быть моимъ жезломъ, а не костылемъ и постараюсь, чтобы мои литературные доходы, каковы бы они ни были, никогда не понадобились для покрытия текущихъ издержекъ».

Одной изъ постоянныхъ привычекъ Вальтера-Скотта была пунктуальность, — иначе, впрочемъ, ему не было бы возможности справиться съ огромнымъ количествомъ текущихъ письменныхъ занятій. Онъ принялъ за правило отвѣтить на каждое полученное имъ письмо въ тотъ-же день, исключая тѣхъ случаевъ, въ которыхъ требовались справки

или необходимо было обдумать отвѣтъ. Онъ обыкновенно вставалъ въ 5 часовъ утра, при огнѣ,—медленно брался и одѣвался, и въ 6 часовъ уже садился за свою конторку, разложивъ передъ собою въ величайшемъ порядкѣ всѣ свои бумаги, а справочные книги разставлялъ на полу; около книгъ уже постоянно лежали его любимый песь. Такимъ образомъ, когда все семейство собиралось къ завтраку, между 9 и 10 часами, у него было сдѣлано довольно для начала рабочаго дня. Но при такомъ старательномъ и неутомимомъ трудолюбіи, владѣя огромными свѣдѣніями, результатомъ многолѣтней, терпѣливої работы, Скоттъ всегда отзывался съ величайшею скромностью о своихъ способностяхъ. «Въ теченіе всей моей дѣятельности,—сказалъ онъ однажды, — мнѣ приходилось терпѣть много затрудненій и препятствій, вслѣдствіе моего собственнаго невѣжества».

Таково проявленіе истиннаго ума и скромности: чѣмъ больше человѣкъ дѣйствительно знаетъ, тѣмъ менѣе у него высокомѣрія. Человѣкъ, получившій поверхностныя свѣдѣнія о многомъ, но не знающій ничего, какъ слѣдуетъ, будетъ гордиться своими мнимыми дарованіями; но мудрецъ смиренno сознается, что «знаетъ только то, что ничего не знаетъ», или, — подобно Ньютону, — что занимался лишь собирашеніемъ раковинъ на берегу, тогда какъ цѣлый океанъ знанія остается предъ нимъ еще неизслѣдованнымъ.

Изъ многихъ другихъ примѣровъ рѣшительности и настойчивости въ занятіяхъ, укажемъ на Самуила Дрю, одного изъ замѣчательныхъ лицъ между второстепенными литературными дѣятелями. Отецъ его, неутомимый труженикъ, былъ священникомъ въ приходѣ Сентъ-Отельскомъ въ Корнуэллѣ. Какъ ни былъ онъ бѣденъ, однако-жъ отдалъ своихъ двухъ сыновей въ дешевую школу, находившуюся пососѣдству. Старшій изъ нихъ съ радостью занимался ученьемъ и дѣлалъ въ наукахъ большиe успѣхи, но младшій, Самуиль, отличался величайшею ту-

ностию и лѣнностью. Почти всѣми успѣхами въ членіи и письмѣ, какіе удалось ему пріобрѣсть въ молодыхъ лѣтахъ, онъ былъ обязанъ преимущественно своей матери. Около 8 лѣтъ отъ роду его стали пріучать къ механической работе: промывая олово въ рудникѣ, онъ зарабатывалъ по три полупенса въ день. Послѣ смерти матери мальчику пришлось расти безъ всякаго присмотра: отецъ его, по званію мѣстнаго священника, былъ такъ занятъ своими обязанностями, что не имѣлъ времени обратить вниманія на воспитаніе собственныхъ дѣтей. 10-ти лѣтъ мальчикъ поступилъ въ ученье къ башмачнику, гдѣ ему пришлось перенести много труда и лишній. Ребенку часто приходило на мысль убѣжать и сдѣлаться разбойникомъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ: лѣнность въ немъ увеличивалась съ лѣтами. Въ покражахъ изъ фруктовыхъ садовъ онъ всегда игралъ главную роль; становясь старше, онъ находилъ величайшее удовольствіе въ воровствѣ или въ контрабандѣ. 17-ти лѣтъ, до окончанія своего ученія, Дрью убѣжалъ съ 16-ти-пенсовою монетою въ карманѣ, намѣреваясь поступить на какой-нибудь военный корабль; но нѣсколько ночей, проведенныхъ въ открытомъ полѣ, охладили его горячность, и, пройдя соѣдній городъ, онъ опять поступилъ въ ученье къ другому башмачному мастеру. Во время пребыванія его тамъ, братъ Самуила, разыскивавшій его, нашелъ бѣглеца и взялъ его домой, гдѣ онъ нѣкоторое время долженъ былъ заниматься обычными работами на маленькой фермѣ и возить почту между Сентъ-Олемъ и Бодменомъ.

Вскорѣ Дрью переселился въ окрестности Плимута для занятія прежнимъ башмачнымъ ремесломъ, хотя не пренебрегалъ и другими, болѣе легкими занятіями; такъ, напримѣръ, въ Коузандѣ онъ выигралъ призъ въ игрѣ въ палки, въ которой вообще считался знатокомъ. Въ это время онъ едва не лишился жизни въ одномъ изъ своихъ контрабандистскихъ похожденій, въ которыхъ еще продолжалъ при-

нимать ревностное участіе, побуждаемый отчасти страстью къ приключеніямъ, отчасти надеждою на денежныя выгоды, такъ какъ постоянный его заработка не превышалъ 8 шиллинговъ въ недѣлю.

Такое начало обѣщало мало хорошаго, и за вѣмъ тѣмъ, этотъ самый Дрью, — мальчикъ, казалось, испорченный, умѣвшій заниматься только башмачнымъ ремесломъ, игрою въ палки и контрабандой, — переломилъ всѣ дурныя наклонности своей юности и пріобрѣлъ знаменитость, какъ служитель Евангелия и писатель полезныхъ книгъ. Обычная его энергія, къ счастію, когда не было еще поздно, избрала себѣ благотворное направление и сдѣлала Самуила Дрью столь же превосходнымъ на поприщѣ пользы, какъ прежде онъ стоялъ впереди на дорогѣ зла. Отецъ, послѣ несчастнаго приключения съ юношой, взялъ его обратно въ Сентъ-Отель и пріискалъ ему опять поденную работу у башмачника. Быть можетъ, недавнее избавленіе отъ смерти дало уму молодого человѣка толчекъ въ серьезную сторону; какъ-бы то ни было, но въ скромъ времени онъ сдѣлался членомъ въ обществѣ веслайскихъ методистовъ. Смерть его брата, случившаяся тогда же, усилила это серьезное направление, и съ этихъ поръ Самуиль сдѣлался другимъ человѣкомъ. Онъ, прежде всего, занялся своимъ воспитаніемъ, потому что почти совсѣмъ уже забылъ читать и писать, и даже послѣ семилѣтняго ученья друзья Дрью сравнивали выводимыя имъ буквы со слѣдами, какіе могъ бы оставить на бумагѣ паукъ, предварительно погруженный въ чернила. Дрью самъ говорилъ впослѣдствіи о своемъ положеніи въ описываемое нами время: «Чѣмъ больше я читалъ, тѣмъ больше видѣлъ свое невѣжество и тѣмъ сильнѣе дѣлалось у меня желаніе преодолѣть его. Каждая свободная минута употреблялась на чтеніе той или другой книги. Но какъ мнѣ надо было зарабатывать себѣ пропитаніе своимъ ремесломъ, и на чтеніе оставалось мало времени, то, чтобы хотя сколько-нибудь помочь этому

горю, я обыкновенно за обѣдомъ клалъ книгу передъ со-
бою и за каждымъ купаньемъ успѣвалъ прочесть 5 или
6 страницъ». Чтение «Опыта о разумѣ» Локка впервые
дало метафизическое направление уму Дрю. «Эта книга
вывела меня изъ отѣпенія,— говорилъ онъ,— и придала
рѣшимость отказаться отъ тѣхъ узкихъ воззрѣній, кото-
рыхъ я до того времени придерживался».

Дрю началъ заниматься башмачнымъ мастерствомъ на
свой счетъ, хотя весь его капиталъ заключался только въ
14 шиллингахъ; такъ какъ перемѣна къ лучшему въ нрав-
ственныхъ свойствахъ молодого человѣка сдѣлалась уже
извѣстною и проявилась на дѣлѣ, то соседъ его, мельникъ,
добровольно предложилъ ему денегъ взаймы на обзаведеніе,
и съ помощью усиленнаго труда, увѣнчавшагося успѣхомъ,
долгъ къ концу года былъ уплачень. Дрю вступилъ въ
новую жизнь съ твердымъ намѣреніемъ «не быть болѣе
обязаннымъ никому ни въ чемъ» и держался этого пра-
вила, несмотря ни на какія липшевія. Часто случалось ему
ложиться спать, ничего не ъѣши, для того чтобъ не войти
въ долги. Цѣлью его честолюбія было достигнуть незави-
симости посредствомъ труда и строгой бережливости, — и
въ этомъ онъ постепенному успѣхъ. Занимаясь неутомимо
своей работой, онъ старался, по возможности, продолжать
и умственное образованіе, изучая даже астрономію, исто-
рию и метафизику. Къ занятію этой послѣдней наукой его
 побуждало особенно то, что въ ней менѣе требовалось
книгъ для пріобрѣтенія познанія, чѣмъ въ другихъ предме-
тахъ. «Это былъ тернистый путь, — говорилъ Дрю, — но
какъ я уже рѣшился вступить на него, то и долженъ быть
идти дальше». Сверхъ занятій башмачнымъ мастерствомъ
и метафизикой, Дрю принялъ на себя обязанности мѣст-
наго священника и школьнаго учителя; его кипучая дѣя-
тельность обратилась вскорѣ и на политику, и онъ очень
ревностно принялъ участіе въ мѣстныхъ преніяхъ по этому
поводу. Мѣстные дипломаты приходили къ нему въ ма-

стерскую потолковать о политикѣ, и онъ отправлялся къ нимъ для той-же цѣли. Время, потерянное такимъ образомъ днемъ, онъ долженъ былъ вознаграждать, работалъ усиленно до полуночи. Однако-жъ, Дрю вскорѣ опомнился, бросилъ бесплодные толки о политикѣ, усердно принялъся за работу и по-прежнему старался о саморазвитіи въ свободныя минуты; но никогда не допускалъ, чтобы эти послѣднія занятія сколько-нибудь мѣшали его ремеслу, несмотря на то, что для нихъ часто приходилось удѣлять время, назначенное для отдыха. Женившись, Дрю намѣревался было переселиться въ Америку, но раздумалъ и остался, продолжая прежнюю работу. Литературные наклонности его выразились, прежде всего, въ поэтическомъ направленіи, и изъ нѣкоторыхъ сохранившихся отрывковъ видно, что позднѣйшія размышленія Дрю о бессмертіи души произошли изъ этихъ первыхъ плодовъ его музы. Мѣстомъ его занятій была кухня, гдѣ онъ импровизировалъ себѣ письменный столъ и писаль посреди крика и возни дѣтей. Началомъ настоящей литературной дѣятельности Дрю, по собственнымъ его словамъ, была брошюра, заключавшая въ себѣ опроверженіе «Вѣка разума» Пена, — сочиненіе, которое только-что тогда вышло въ свѣтъ и возбуждало большой интересъ въ молодыхъ читателяхъ. Всльдѣ затѣмъ, брошюры его по разнымъ предметамъ стали быстро появляться одна за другую, а чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ написалъ свой замѣчательный «Опытъ о бессмертіи души человѣческой», — сочиненіе, выдержавшее много изданій и до сихъ поръ еще не совсѣмъ потерявшее значеніе. Дрю никакъ не возгордился такимъ успѣхомъ, и долгое время не могъ усвоить себѣ взглянуть на литературную дѣятельность, какъ на исключительную профессію, которая бы давала средства къ жизни. Главной заботой его было обеспечить себѣ честный заработокъ отъ своего постоянного ремесла, а пускаться въ «лотерею литературныхъ успѣховъ», какъ онъ выражался, сльдовало.

только въ остатъное затѣмъ свободное время. Дѣю продолжалъ дѣятельно работать на литературномъ поприщѣ, участвуя въ изданіяхъ Веслайскаго общества и собирая историческія свѣдѣнія о своей родинѣ, Корнваллисѣ, вмѣстѣ съ многими другими занятіями подобнаго рода. О самомъ себѣ онъ справедливо сказалъ: «Родившись въ одномъ изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества, я всю жизнь старался доставить своему семейству уважаемое положеніе, посредствомъ честнаго труда, бережливости и самого строгаго наблюденія за своими нравственными качествами».

Знаменитый Іосифъ Юмъ шелъ по другому пути, но такъ-же сознательно и неутомимо работалъ. Это былъ человѣкъ, хотя и съ умѣренными дарованіями, но въ высшей степени трудолюбивый и безукоризненно честный. Девизомъ его жизни было постоянство въ работе — и онъ дѣствовалъ сообразно съ этимъ. Въ дѣствѣ онъ лашился отца; мать его открыла небольшую лавочку въ Монтрозѣ и сильно трудилась для пропитанія и поддержанія своего семейства. Іосифъ былъ отданъ въ ученье къ лѣкарю, для приготовленія къ медицинской профессіи. Получивъ дипломъ, онъ совершилъ нѣсколько путешествій въ Индію, въ качествѣ корабельнаго доктора, а потомъ былъ принятъ на службу Ост-Індской компаніи; занималъ тамъ разныя должности, и послѣ десятилѣтняго непрерывнаго труда, возвратился въ Англію, съ значительнымъ достаткомъ; и однимъ изъ первыхъ его дѣствій было — обеспечить членовъ своего семейства.

Но не въ характерѣ Юма было наслаждаться въ праздности плодами своихъ трудовъ; работа и вообще какія-нибудь занятія, казалось, были необходимымъ условіемъ его комфорта и счастія. Чтобы лучше ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ своего отечества и съ бытъ народа, онъ посѣтилъ каждый городъ соединенного королевства, сколько-нибудь известный по промышленному развитію; потомъ путешествовалъ за границей, собирая

запасъ свободній о народахъ и государствахъ. По возвращеніи въ Англію, Юмъ въ 1812 г. былъ избранъ въ парламентскіе депутаты и въ этомъ званіи, съ небольшими промежутками, пробылъ около 34 лѣтъ. Первая его знаменитая рѣчь была о народномъ воспитаніи, — и затѣмъ, въ теченіе всей своей долгой почетной парламентской дѣятельности, Юмъ не переставалъ принимать самое ревностное участіе какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ вопросахъ, касающихся улучшенія народнаго быта, — въ вопросахъ обѣ уголовной реформѣ, сберегательныхъ кассахъ, свободной торговлѣ, въ вопросахъ экономическихъ и хозяйственныхъ, въ расширеніи избирательныхъ правъ и тому подобныхъ мѣрахъ, движенію которыхъ онъ неутомимо содѣйствовалъ. Вообще, къ каждому дѣлу, за которое Юмъ брался, онъ прилагалъ всю свою энергию. Онъ не отличался красноречиемъ, но каждое его слово было словомъ человѣка честнаго, правдиваго и добросовѣстнаго. Несмотря на многія насмѣшки и даже пораженія, которыя Юму случалось выносить въ томъ-же парламентѣ, влияніе этого человѣка на окружающихъ было велико, и многія важныя финансовые мѣры были приняты единственно благодаря его усиліямъ. Количество ежедневной его работы доходило иногда до необыкновенныхъ размѣровъ. Вставая въ 6 часовъ, онъ писалъ сначала письма и приготовлялъ бумаги для парламентскаго засѣданія; потомъ принималъ разныхъ дѣловыхъ лицъ, иногда человѣкъ до 20 въ теченіе одного утра; не пропускалъ почти ни одного засѣданія парламента, до какого бы поздняго часа ни продолжались пренія. Короче, дѣятельность, подобная дѣятельности Юма, продолжавшаяся, при многихъ администраціяхъ, въ теченіе долгаго периода времени, — непрерывно недѣля за недѣлей и годъ за годомъ, — дѣятельность, въ которой, несмотря на парламентскія пораженія, несмотря на разныя непріятности и насмѣшки, онъ все-таки не унывалъ ни отъ какой неудачи, оставался постоянно спокойнымъ, никогда-не ослабляя на-

своей єнергії, ни своїх надеждь, и, наконецт, увидѣль, что большая часть предложенныхъ имъ мѣръ принята съ одобреніемъ,—такая дѣятельность, по всей справедливости, можетъ считаться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явлений въ исторіи стойкости человѣческаго характера.

Говоря о стойкости въ труде, какъ о необходимомъ условіи успѣха, мы считаемъ умѣстнымъ разскажать здѣсь жизнь еще одного неутомимаго дѣятеля въ области промышленности, который съ изумительною твердостью боролся съ трудностями, почти невѣроятными, и все-таки успѣль создать во Франціи новое направленіе въ дѣлѣ горшечного мастерства: человѣкъ этотъ былъ Бернаръ Палисси. Мы не помѣстили его въ главѣ о промышленныхъ дѣятеляхъ потому, что для насъ важенъ не столько самій успѣхъ его производства, имѣющій болѣе мѣстное французское значеніе, сколько тотъ путь, который привелъ Палисси къ этому успѣху,—путь неутомимаго труда и стойкости въ избранномъ дѣлѣ.

Бернаръ Палисси родился около 1510 г., въ маленькой деревушкѣ между рѣками Ло и Дордонь, и отъ своего отца, бѣднаго стекольщика, не получилъ ни малѣйшаго школьнаго воспитанія. «У меня не было,—говорилъ онъ самъ,— другой книги, кроме одной, доступной всѣмъ и каждому, т.-е. неба и земли».

Однако-жъ, кроме ремесла своего отца, онъ научился еще рисовать на стеклѣ, а позже — читать и писать. Во-семнадцати лѣтъ отъ роду, видя, что ремесло стекольщика идетъ плохо, Палисси, съ котомкой за плечами, оставилъ домъ отеческій и отправился искать счастія. По пути, онъ частію занимался своимъ мастерствомъ, когда находилъ работу, частію, при случай, употреблялъ свободное время на землемѣрныя занятія. Направившись къ сѣверу, онъ жилъ болѣе или менѣе долго въ разныхъ мѣстахъ, то во Франціи, то во Фландрии или въ сѣверной Германіи.

По истеченіи 10 лѣтъ такой жизни, Палисси женился

и поселился въ маленькомъ городкѣ Сентъ, занимаясь, по-прежнему, рисованиемъ на стеклѣ и землемѣриемъ. Съ увеличениемъ семейства Палисси, доходы, однако-жъ, не увеличивались; крайне нуждаясь въ работѣ, Палисси чувствовалъ себя способнымъ на болѣе значительный трудъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ занимался, и эта-то мысль, безъ сомнѣнія, и побудила его обратить вниманіе на искусство, однородное съ его ремесломъ, — искусство разрисовывать глиняную посуду. Но этому занятію онъ долженъ былъ выучиться безъ руководителя, безъ всякой посторонней помощи, и притомъ учиться съ самаго начала, такъ какъ онъ даже не видаль никогда, какъ обжигаютъ горшки. У него не было ничего, кромѣ большого запаса надежды, жажды къ знанію и безпредѣльной настойчивости въ стремлении къ желаемой цѣли.

Первую мысль о новомъ занятіи Палисси получилъ, увидѣвъ одну изящную чашу итальянского фаянса. Столь незначительное, повидимому, обстоятельство, безъ сомнѣнія, не обратило бы на сѣбя вниманія никого другого, ни даже самого Палисси въ обыкновенное время, но какъ онъ тогда именно думалъ о перемѣнѣ профессіи, то видъ чаши былъ для него лучомъ свѣта, воспламенившимъ въ немъ непреодолимое желаніе подражать этому предмету своего восторженного удивленія и рѣшимость узнать составъ эмали, ко торою была покрыта чаша. Будь Палисси одинокимъ, онъ отправился бы въ Италію, чтобы тамъ добиться раскрытия желаемаго секрета, но связанный семейными узами, онъ рѣшился ощупью доискаться до того способа производства, который нетерпѣливо желалъ открыть.

Сначала Палисси могъ только предаваться догадкамъ о тѣхъ веществахъ, какія входили въ составъ эмали, и долженъ былъ дѣлать всякаго рода опыты, чтобы удостовѣриться, какія въ самомъ дѣлѣ были эти вещества. Доставь себѣ всѣ тѣ субстанціи, какія, по его мнѣнію, должны были входить въ этотъ составъ, онъ купилъ нѣсколько

обыкновенныхъ глиняныхъ горшковъ, разломать ихъ на части и, обмазавъ всѣ эти куски различными веществами, которыхъ самъ приготовилъ, подвергнуть ихъ дѣйствію жара въ пачечно устроенной для того печкѣ. Попытки его, однако-жъ, были безуспѣшны: весь результатъ ихъ заключался въ большомъ количествѣ разбитыхъ горшковъ и въ значительной потерѣ дровъ, химическихъ веществъ, времени и труда.

Жена Бернара Палисси съ трудомъ, однако-жъ, мирилась съ такимъ расходованіемъ нужныхъ на пищу и одежду ея дѣтамъ денегъ на покупку горшковъ, пріобрѣтаемыхъ, казалось, только для того, чтобы быть разбитыми въ куски. Но Палисси, твердо рѣшившись добиться тайны состава земли, продолжалъ свои опыты по цѣлымъ мѣсяцамъ, по цѣлымъ годамъ. Недовольный первою печью, онъ построилъ другую въѣ дома. Тамъ онъ опять жегъ дрова, губиль другіе материалы и другіе горшки и истратилъ столько времени и денегъ, что пришелъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, въ самое бѣдственное положеніе.

Въ промежуткахъ между своими различными опытами, онъ занимался, когда могъ, своей прежней работой, рисовать на стеклѣ, писать портреты, межевать землю, но доходы со всего этого были очень незначительны. Наконецъ, такъ какъ цѣна дровъ была для него слишкомъ высока, то Палисси долженъ былъ отказаться отъ производства опытовъ въ своей собственной печкѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ покупать старые бракованные горшки, ломать ихъ, по-прежнему, на 300 или 400 кусковъ и покрывать различными химическими составами; только, не будучи въ состояніи обжигать ихъ дома, онъ носилъ эти куски на фабрику, находившуюся въ $2\frac{1}{2}$ миляхъ отъ его жилища, и тамъ отдавалъ обжигать въ обыкновенной печкѣ. Несмотря на свой личный присмотръ за процессомъ обжиганія, онъ и на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу. Раздосадованный, но все-таки непоколебимый, Палисси немедленно рѣшился «начать все снова».

Между тѣмъ, землемѣрныя работы оторвали его на нѣкоторое время отъ производства этихъ опытовъ. Вслѣдствіе реформы соляной пошлины, нужно было снять на планъ соляные болота въ окрестностяхъ Сента. Палисси, занимаясь этой работой въ теченіе нѣкотораго времени, получилъ хорошее вознагражденіе; но лишь - только онъ окончилъ ее, какъ сейчасъ-же принялъся, съ большою ревностью, тѣмъ когда-либо, за свои поиски секрета выдѣлки эмали. Онъ началъ съ того, что разбилъ три дюжины новыхъ глиняныхъ горшковъ, покрылъ эти куски различными химическими растворами и отнесъ для обжиганія въсосѣдній стеклянныи заводъ. На этотъ разъ блеснула ему лучъ надежды: болѣе сильный огонь на этомъ заводѣ расплавилъ и соединилъ съ землею нѣкоторая изъ намазанныхъ на обломки веществъ; но все-таки Палисси не нашелъ и слѣда бѣлой эмали.

Еще два года онъ продолжалъ свои опыты и изслѣдовалъ безъ видимаго результата, — и издержавъ, къ концу этого времени, весь свой заработокъ отъ съемки на планъ болота, онъ снова очутился въ бѣдности. Тогда Палисси рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку и, конечно, разбилъ для этого болѣе, чѣмъ когда-нибудь, число горшковъ. Покрывъ различными составами около 300 этихъ кусковъ, онъ послалъ ихъ на стеклянныи заводъ, куда вслѣдъ затѣмъ отправился и самъ. Въ теченіе четырехчасового обжиганія онъ не переставалъ наблюдать за этимъ процессомъ. Наконецъ, печь была открыта: только на одномъ изъ 300 обломковъ намазанное вещество расплавилось, и когда затвердѣло въ холодномъ воздухѣ, то сдѣлалось бѣлымъ и гладкимъ. Этотъ обломокъ, дѣйствительно, былъ покрытъ эмалью, по словамъ Палисси, «необыкновенно красиво». Конечно, она должна была ему показаться прекрасною, послѣ такого продолжительного и тягостнаго ожиданія. Палисси сейчасъ же побѣжалъ показать драгоценный обломокъ женѣ, чувствуя себя, какъ онъ самъ говорилъ, «со-

вершенно новымъ человѣкомъ». При всемъ томъ, цѣль его трудовъ еще не была достигнута; частный успѣхъ этого опыта имѣть пока своимъ слѣдствіемъ только то, что вовлекъ Палисси въ цѣлый рядъ новыхъ опытовъ и неудачъ.

Чтобы свободно и вмѣстѣ съ тѣмъ въ секретѣ работать надъ усовершенствованіемъ своего изобрѣтенія, которое Палисси считалъ уже близкимъ къ практическому результату, онъ рѣшился построить себѣ одному, близъ дома, стеклянную печь, и собственными руками немедленно принялъся за работу, замѣняя собою и каменщика, и плотника, и все остальное. Чрезъ 7 или 8 мѣсяцевъ печь была построена и готова къ употребленію. Въ теченіе этого времени, Палисси изготавливалъ нѣкоторое число глиняныхъ муравленыхъ сосудовъ, на которые оставалось только навести эмаль. Послѣ легкаго приготовительного обжиганія, онъ покрылъ ихъ своимъ составомъ и поставилъ снова въ печь для окончательного опыта. Въ это послѣднее время, несмотря на совершенное почти истощеніе своихъ средствъ, Палисси собралъ значительный запасъ дровъ, который считалъ достаточнымъ для этого рѣшительного опыта. Наконецъ, въ печи зажгла пламя и начали операцио. Палисси ни на минуту не упускалъ изъ виду печь; такимъ образомъ, прошелъ цѣлый день, а потомъ ночь, — обжиганіе продолжалось, Палисси бодрствовалъ, но эмаль не дѣлалась. Прошелъ и второй день: Палисси, внимательно слѣдя за ходомъ обжиганія, оставался безъ сна около печи. Такимъ образомъ, этотъ неутомимый человѣкъ бодрствовалъ и работалъ, несмотря на паденіе своихъ надеждъ, въ теченіе шести дней и шести ночей,—но эмаль ~~все-таки~~ не образовалась. Тогда ему пришло на мысль, что неудача, быть можетъ, происходила отъ качества употребляемыхъ въ дѣло матеріаловъ, что ихъ соединеніе могло быть неполнымъ, и такимъ образомъ, онъ принялъся растирать и соединять свѣжіе матеріалы для нового опыта. Такъ прошли двѣ или три недѣли, но такъ какъ прежніе горшки, сдѣлан-

ные самими Палисси, отъ долгаго обжиганія совершенно испортились, а на покупку новыхъ у него не было денегъ, то оставалось одно средство — занять. Хотя жена Палисси и соседи обвиняли его въ глупой тратѣ своихъ средствъ на бесплодные опыты, но онъ все-таки пользовался репутацией честнаго человѣка, и потому безъ затрудненія нашелъ сумму, нужную для покупки дровъ и другихъ горшковъ для нового опыта. Это была уже послѣдняя, отчаянная попытка. Палисси развелъ ужасный огонь, но, несмотря на сильный жаръ, эмаль не образовывалась, и даже оказывался недостатокъ въ топливе. Стараясь поддержать до конца этотъ адскій огонь, Палисси увидѣлъ около себя садовый палисадникъ изъ сухого дерева, которое вообще горитъ прекрасно. Подобная жертва въ сравненіи съ важностью опыта, успѣхъ котораго, быть-можетъ, зависѣлъ отъ нѣсколькихъ новыхъ полѣнъ, ничего не значила въ глазахъ Палисси. Палисадъ былъ разломанъ и брошенъ въ огонь, но и это не помогло; эмали все еще не было видно. Тогда Палисси, среди крика и спуганныхъ жены и дѣтей, которыхъ, действительно, на этотъ разъ подумали, что онъ сошелъ съ ума, бросилъ въ печь, для поддержки тамъ огня, разломанныя части столовъ и стульевъ. Но не помогло и то; тогда изъ дома послышались удары топора и стукъ изломанныхъ досокъ на полу, и вскорѣ эти разрублленныя доски послѣдовали въ огонь за мебелью. Жена и дѣти Палисси на этотъ разъ бросились вонъ изъ дому и въ отчаяніи кричали, что онъ совершенно помѣшался и хочетъ сжечь свой домъ изъ-за обжиганія горшковъ. Между тѣмъ, Палисси былъ совершенно измученъ усталостью, беспокойствомъ, бессонными ночами и лишениемъ пищи. Сверхъ того, онъ вошелъ въ долги и, казалось, находился на краю гибели. Однако-жъ, вышло противное: послѣдняя вспышка пламени образовала эмаль. Грубые темные глиняные суды, вынутые изъ печи и остывшіе на воздухѣ, оказались превратившимися въ прекрасный бѣлый фаянсъ. Съ

этого времени Палисси могъ уже терпѣливо переносить упреки, оскорблениія и презрѣніе.

Первымъ дѣломъ для Палисси, послѣ разсказаннаго происшествія, было — нанять работника, горшечника, для выдѣлки горшковъ по тѣмъ образцамъ, какіе онъ самъ ему доставлялъ, а самъ, между тѣмъ, началь лѣпить изъ глины медальоны, которые предполагалъ покрыть эмалью. Затрудненіе состояло въ томъ, что Палисси и его семейству нечѣмъ было жить, пока его посуда не будетъ изготовлена для продажи. Къ счастію, въ городѣ нашелся еще человѣкъ, который вѣрилъ, если не въ здравый смыслъ, то въ честность Палисси. Этотъ человѣкъ, трактирщикъ, согласился давать ему квартиру и пропитаніе въ теченіе шести мѣсяцевъ, необходимыхъ для окончанія начатыхъ работъ. Не имѣя чѣмъ заплатить нанятому горшечнику и не находя уже болѣе въ своемъ домѣ ничего, что можно было обратить для этой цѣли, Палисси осталось только лишить себя чего-нибудь необходимаго. Онъ отдалъ нѣсколько вещей изъ своего плаща работнику и такимъ образомъ обеспечилъ себѣ его услуги.

Палисси построилъ усовершенствованную печь; но, къ несчастію, употребилъ въ нее отчасти кремень, который, при достаточномъ накаливаніи печки, треснулъ и раскололся, усыпавъ мелкими кусочками обжигавшіеся въ печи сосуды. Хотя эмаль вышла и хорошо, но все-таки печь Палисси была совершенно испорчена и полгода работы потеряны. При всемъ томъ, онъ могъ бы найти покупателей для своего испорченного фаянса, но Палисси не хотѣлъ его продавать, въ томъ убѣжденіи, что продажею по низкой цѣнѣ дурно удавшихся венцей онъ запятнать бы свою честь. Онъ разбилъ на мелкія части всю приготовленную посуду. Дойдя до такого результата своихъ опытовъ, Палисси казался совершенно убитымъ и готовъ былъ предаться меланхоліи и отчаянію. Семейство и сосѣди упрекали его въ беззачности и стыдили за глупое увлеченіе.

Палисси, худой и тощий, какъ скелетъ, одѣтый въ ложмотыя, въ глубинѣ души все еще надѣялся. Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ быть на нѣкоторое время оставить свои опыты и возвратиться къ прежнимъ занятіямъ, чтобы прокормить семейство. Прилежно проработавъ цѣлый годъ, чтобы поставить на ноги свое семейство и возстановить свой кредитъ и репутацію между сосѣдями, Палисси принялъся опять за свое любимое дѣло. Наконецъ, онъ восторжествовалъ надъ величайшими трудностями и преодолѣлъ самыя горькія неудачи, хотя противъ этихъ постоянно возрождавшихся затрудненій онъ боролся уже въ теченіе 8 лѣтъ; но для усовершенствованія своего изобрѣтенія ему пришлось употребить другія восемь лѣтъ самого упорного труда. Лишь посредствомъ многочисленныхъ опытовъ онъ прорѣлъ навыкъ работать съ ловкостью и съ довѣріемъ къ себѣ самому; всѣми своими практическими познаніями Палисси обязанъ лишь многочисленнымъ неудачамъ. Изъ каждого случая онъ извлекалъ какое-нибудь свѣдѣніе о свойствахъ эмали, о ковкости глины и объ искусствѣ топить печи. Наконецъ, послѣ 16-лѣтняго напряженного труда, въ которомъ ему, безъ всякой помощи, пришлось все изучать съ самаго начала, Палисси почувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы сдѣлаться горшечникомъ, и имѣя уже съ этихъ поръ достаточное количество своихъ произведеній, годныхъ для продажи, Палисси увидѣлъ, наконецъ, свое семейство въ довольствіи. Самъ же онъ не думалъ объ отдыхѣ и не считалъ достаточнымъ то, что уже было сдѣлано. Шагъ за шагомъ, онъ переходилъ отъ одного усовершенствованія къ другому, стараясь, сколько было возможно, улучшить свое изобрѣтеніе. Образцы для своихъ работъ Палисси бралъ изъ природы и воспроизводилъ ихъ такими успѣхомъ, что Бюффонъ сказалъ о немъ: «Только одна природа могла произвести такого великаго натуралиста».

Большая часть его работъ, принадлежащихъ нынѣ къ

драгоценными произведениями искусства, состоять преимущественно изъ изображений съ натуры, сдѣланныхъ съ изумительною точностью, дикихъ животныхъ, ящерицъ и растеній, которыхъ онъ изучалъ въ деревнѣ, въ окрестности города Сента, и съ величайшимъ вкусомъ помѣстилъ въ украшениія, какія дѣлались на блюдахъ и вазахъ.

Придерживаясь въ дѣлѣ религіи мнѣній, несогласныхъ съ убѣжденіями большинства, и свободно и откровенно выражая ихъ, Палисси подвергся подозрѣнію во враждѣ къ религії, къ семейству и къ собственности. Живя во времена насилия и нетерпимости, онъ былъ обвиненъ формально; служители правосудія проникли въ его домъ и предоставили мастерскую художника на жертву невѣжественной и фанатической толпѣ, которая истребила и разграбила его драгоценный фаянсъ, а самого Палисси отвели въ Бордо, гдѣ онъ былъ заключенъ въ тюрьму, въ которой долженъ былъ ожидать своей очереди идти на костеръ или на эшафотъ. Къ счастію для Палисси, могущественный вельможа, коннетабль Монморансі, вступился за него и спасъ ему жизнь. Впрочемъ, защита эта основывалась не на сочувствіи къ убѣжденіямъ Палисси, но лишь на необходимости его искусства. Дѣйствительно, Палисси былъ единственный художникъ, могшій выдѣлать эмальированные кирпичи, которыми коннетабль хотѣлъ выложить поль въ залахъ своего великолѣпного дворца. Королевскимъ декретомъ, по ходатайству коннетабля, Палисси былъ назначенъ состоящимъ при королѣ и коннетаблемъ. Вследствіе этого декрета, Палисси былъ освобожденъ отъ юрисдикціи бордоскаго суда. Получивъ свободу и возвратившись въ Сентъ, Палисси не нашелъ тамъ ничего, кроме опустѣлаго и разграбленного дома, раскрытої настежь мастерской и разрушенной фабрики. Тогда, окончательно оставивъ этотъ городъ, онъ отправился въ Парижъ, гдѣ его ожидали работы отъ коннетабля и королевы-матери.

Палисси занялся преимущественно продолженіемъ ра-

боть на своей фаянсовой фабрикѣ, въ чёмъ ему помогали два сына; но этимъ занятіемъ онъ не ограничивался: въ послѣдніе годы своей жизни, Палисси, кромѣ того, написалъ и издалъ нѣсколько сочиненій о горшечномъ искусствѣ, для предостереженія своихъ соотечественниковъ отъ ошибокъ въ этомъ отношеніи и вообще для наученія желающихъ. Онъ писалъ также о земледѣліи, о фортификації, о естественной исторіи, и по этому послѣднему предмету читалъ даже лекціи. Но постоянная вражда Палисси къ послѣдователямъ астрологіи, алхіміи, колдовства и другихъ бредней создала ему много враговъ, которые снова обвинили его въ ереси. Палисси былъ опять арестованъ, пять лѣтъ содержался въ Бастилии и тамъ умеръ въ 1589 году, 80 лѣтъ отъ роду. Такъ окончилась жизнь и такъ былъ вознагражденъ изобрѣтатель эмальированного фаянса, сообщившій такое важное открытие французской промышленности, вслѣдствіе котораго она получила новые силы.

Изъ числа русскихъ людей, можно бы было указать на нѣсколькихъ, которые единственно своей энергией и трудолюбию обязаны успѣхомъ въ избранномъ дѣлѣ. Но такъ какъ люди эти замѣчательны и въ другихъ отношеніяхъ, то обѣихъ будетъ упомянуто въ слѣдующихъ главахъ; теперь же мы укажемъ только на свѣтлую, энергическую личность писателя первой половины нынѣшняго столѣтія, крестьянина Слѣпушкина.

Родившись въ крѣпостномъ состояніи, Слѣпушкинъ остался послѣ отца еще мальчикомъ; онъ былъ наученъ грамотѣ и съ дѣтства отличался острымъ умомъ, любилъ говорить разныя шутки и прибаутки, любилъ читать, и уже на 6 году отъ рожденія показывалъ охоту къ рисованію, чертилъ избушки, лошадей, птицъ, употребляя вместо красокъ сокъ изъ ягодъ черники и малины.

Послѣ смерти отца, Слѣпушкинъ отданъ былъ къ какому-то московскому лавочнику, но и тамъ оставался недолго; на 15 году его отвезли въ имѣніе помѣщицы для

работъ на мельницѣ: тутъ ему приходилось трудиться очень много, а вознагражденіе получать незначительное. Однажды Слѣпушкину даже захватило шестернею колеса лѣвую руку, когда онъ хотѣлъ помочь ходу машины, и онъ едва не лишился жизни, спасшись только тѣмъ, что колесо во-время успѣли остановить.

Женившись, Слѣпушкинъ сильно почувствовалъ тяжесть бѣдности: кроме мірской подати, нужно было платить оброкъ господамъ, такъ что часто приходилось сидѣть почти безъ хлѣба. Но отличительными чертами характера Слѣпушкина были рѣшительность, смѣлость, присутствіе духа, и онъ въ 1803 г. отправился искать счастья въ Петербургъ. На оставшіяся отъ дороги деньги онъ купилъ пол-пуда грушъ, выпросилъ у земляка лотокъ (на покупку его денегъ не доставало) и пошелъ продавать свой товаръ по улицамъ. Посредствомъ смѣтливости и бережливости, Слѣпушкинъ чрезъ нѣсколько времени успѣлъ скопить небольшія деньги, на которыхъ открылъ лавочку, сначала у Невскаго монастыря, а послѣ въ нѣмецкой Новосаратовской колоніи, противъ Рыбацкой слободы. Свою постоянную честностью Слѣпушкинъ привлекъ къ себѣ въ лавку не только жителей нѣмецкой слободы (въ которой его лавка была единственную), но и изъ противоположной Рыбацкой деревни, такъ какъ покупатели всегда были увѣрены, что найдутъ у него товаръ хороший и по скончайшей цѣнѣ. Живя посреди трудолюбивой нѣмецкой колоніи, Слѣпушкинъ,— вообще человѣкъ наблюдательный,— не могъ не замѣтить разительной противоположности, даже во вѣнчанемъ видѣ, этой колоніи съ сосѣднею Рыбадкою. Въ оставленныхъ Слѣпушкинымъ засїскахъ, онъ, разматривая бытъ колонистовъ, замѣчаетъ, что они усердно занимаются земле-дѣліемъ, и хвалитъ ихъ заботливость объ общемъ благо-состояніи; хорошие результаты онъ совершенно справедливо приписываетъ существующей между колонистами круговой помощи, не дозволяющей нищетѣ разъ закрасться въ

селеніе. Онъ же говоритъ, что людей вредныхъ тамъ счи-
тала стараются исправить увѣщаніями, а когда увѣщанія
не подѣйствуютъ, тогда при цѣломъ мірскомъ собраніи от-
нимаютъ у нарушителей порядка домъ, землю и хозяйство
и исключаютъ изъ своего общества, а къ малолѣтнимъ дѣ-
тамъ такихъ людей выбираютъ попечителей и опекуновъ,
которые, по достижениіи этими наслѣдниками совершенно-
лѣтія, отдаютъ имъ отчетъ въ управлениіи имуществою.
Здравый смыслъ подсказалъ Слѣпушкину, не получившему
никакого научнаго развитія, что «если бы наши крестьяне
послѣдовали этому примѣру, то у насъ не было бы столько
нищихъ съ сумою».

Успѣшно продолжая свою торговлю, Слѣпушкинъ умѣлъ
пріобрѣсти иѣ себѣ полное довѣріе отъ жителей цѣлаго
околотка. Въ ненастное лѣто 1806 года дѣла у Слѣпушкина
пошли хуже, потому что нѣкоторые колонисты, не полу-
чивъ хорошаго урожая, не могли уплатить Слѣпушкину
своихъ долговъ; ему даже не на что было купить товару.
Тогда какой-то незнакомецъ, постоянно ходившій въ лавку
Слѣпушкина, предложилъ ему однажды взять на сбереже-
ніе 700 рублей, которые позволилъ тратить и на себя, въ
случаѣ надобности. Такимъ образомъ, Слѣпушкинъ полу-
чилъ возможность купить себѣ товаръ, а осенью, получивъ
уплату отъ своихъ должниковъ, самъ отдать деньги, взя-
тыя у незнакомца. Этотъ случай показываетъ, какое доброе
имя составилъ себѣ Слѣпушкинъ у окрестныхъ жителей.

Такъ какъ жена и тесть Слѣпушкина были раскольники,
то и самъ онъ, увлеченный ихъ примѣромъ, перешелъ въ
расколъ, но скоро увидѣлъ свое заблужденіе и не только
самъ оставилъ его, но склонилъ своихъ родныхъ и еще до
60 другихъ раскольниковъ. Овдовѣвъ, Слѣпушкинъ женился
во второй разъ на дочери крестьянина Рыбацкой слободы,
куда и перешелъ жить. Колонисты, разставаясь съ нимъ
съ большою печалью, выдали ему атtestатъ о его честности
и безкорыстіи.

Кромѣ своихъ постоянныхъ торговыхъ занятій, Слѣпушкинъ занимался въ свободное время сочиненіемъ стиховъ и живописью. Литература доставила ему известность, обратила на него вниманіе царской фамиліи и многихъ значительныхъ лицъ того времени и литераторовъ, а Россійская Академія въ 1826 году наградила Слѣпушкина, за пользу русской словесности, золотою медалью.

Собранными по подпискѣ деньгами, чрезъ содѣйствіе княгини Юсуповой, Слѣпушкинъ откупился и отъ крѣпостного состоянія.

При всемъ томъ, похвалы, какія Слѣпушкинъ отовсюду слышалъ, не отвлекли его отъ постоянныхъ занятій, также и не измѣнили его характера. Всегда прямодушный и честный, Слѣпушкинъ постоянно готовъ былъ помочь другимъ. Имѣя должниковъ,—самъ человѣкъ небогатый, онъ совѣстился вынуждать у неисправныхъ уплату долга, потому что по опыту зналъ тяжелое положеніе бѣдняка. Недоброжелатели Слѣпушкина, когда они и бывали, нерѣдко оставляли злобу противъ него, видя его неизмѣнную честность. Такъ одинъ крестьянинъ, штавшій ненависть къ Слѣпушкину, подвергся однажды мірскому суду. Слѣпушкинъ, которому пришлось быть въ числѣ людей, разбиравшихъ дѣло, призналъ своего врага невиннымъ. Казалось бы, что тутъ нѣть ничего необыкновеннаго, — что поступать по своему убѣждѣнію—долгъ каждого честнаго человѣка, но все-таки этотъ поступокъ такъ подействовалъ на крестьянина, что онъ сейчасъ же раскаялся въ своей злобѣ къ Слѣпушкину и съ того времени сдѣлался его искреннимъ другомъ.

Стихотворенія Слѣпушкина, большую частію, имѣютъ предметомъ сельскую жизнь. Главная мысль ихъ состоить въ томъ, что первое основаніе благосостоянія крестьянина — трудъ, безъ которого для него невозможно счастіе. Мы прибавимъ, что эта мысль справедлива не только по отношенію къ крестьянамъ, но и ко всѣмъ людямъ, въ какомъ-

бы общественномъ положеніи они ни находились. Слѣпуш-
кинъ самъ служитъ прекраснымъ примѣромъ энергического
труда и честности, достойныхъ подражанія каждого изъ
насъ.

ГЛАВА IV.

ВНѢШНЯЯ ПОМОЩЬ И СЛУЧАЙ. НАУЧНЫЯ ЗАНЯТІЯ.

Ничто великое не создается случайно. — Открытия Ньютона. — Докторъ Юнгъ. — Разумное наблюдение. — Галилей. — Обстоятельства, подавшія поводъ къ изобрѣтеніямъ Броуна, Уатта и Брюнеля. — Философія въ мелочахъ. — Франклінъ и Гальвани. — Открытие паровой силы. — Благопріятныя обстоятельства должны или улучшать, или создавать. — Скромныя орудія великихъ дѣятелей. — Примѣръ Вальтеръ-Скотта. — Пристлей. — Дэви. — Фарадей. — Кювье. — Труды Дальтона. — Боррітъ. — Бентамъ. — Сочиненія, основанныя на наблюденіи. — Джонъ Гентеръ; его терпѣливоѣ изученіе мелочей. — Гарвей. — Дженнеръ. — Чарльзъ Белль. — Маршаль Галь. — Вильямъ Гершель. — Геологи Смитъ и Гуго Миллеръ. — Родерикъ Мурчисонъ. — Ломоносовъ. — Посошковъ.

Случай имѣть вообще весьма мало значенія для человѣка при достижениіи имъ какой-нибудь важной цѣли. Хотя того, что мы обыкновенно называемъ «удачей», и можно бываетъ иногда достигнуть невѣрнымъ путемъ риска, но все-таки наилучшимъ способомъ для успешнаго стремленія къ цѣли остается одно лишь трудолюбіе. Говорить, что пейзажистъ Уильсонъ, дописавъ одну изъ своихъ картинъ, отошелъ отъ нея на некоторое разстояніе съ кистью въ руки; осмотрѣвши внимательно свою работу, онъ стремительно бросился къ картинѣ и нѣсколькими смѣлыми штрихами придалъ ей окончательную блестящую отблѣку. Но

Говорятъ, что живописецъ Пуссенъ поставилъ себѣ за правило — «дѣлать хорошо всякое дѣло, за которое только признано нужнымъ взяться». Однажды другъ художника, маркизъ Виньоль де-Марвиль, спросилъ его, какимъ образомъ пріобрѣлъ онъ столь громадную известность между итальянскими живописцами? Пуссенъ отвѣчалъ: «Я пріобрѣлъ ее потому, что въ теченіе моей дѣятельности не пренебрѣгалъ никакими мелочами».

Хотя и говорятъ, что многія открытия сдѣланы были случайно, но если прослѣдить внимательно ихъ происхожденіе, то всегда можно убѣдиться, что случай тутъ мало имѣть значенія. Большею же частію то, что называется дѣломъ случая,

должно назвать плодомъ человѣческаго умѣнія извлечь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, пользу изъ даннаго положенія вещей. Часто приводятъ въ доказательство случайности открытій тотъ ничтожный поводъ, который навелъ Ньютона на мысль о законѣ тяготѣнія, т.-е. паденіе яблока къ его ногамъ. Но умъ Ньютона, въ продолженіе многихъ лѣтъ, уже былъ занятъ работой надъ изслѣдованіемъ закона тяготѣнія, а обстоятельство паденія яблока послужило только подтвержденіемъ его взгляда, понятнымъ съ первого раза, конечно, только для такого ума, какимъ обладалъ Ньютонъ. Шодобнымъ образомъ разноцвѣтные мыльные пузыри, надутые простой табачной трубкой, — предметъ, который для невнимательной массы всегда казался пустяками, — внушили доктору Юнгу мысль, которая повела его къ открытию преломленія лучей свѣта. Полагаютъ обыкновенно, что великие ученые собираютъ только важные факты, но этому противорѣчить то, что люди, подобные Ньютону и Юнгу, часто допекивались значеніемъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ явлений. Величие такихъ людей и состоить преимущественно въ мудромъ толкованіи этихъ явлений. Различіе между людьми состоить главнымъ образомъ въ различіи ихъ наблюдательныхъ способностей. Гдѣ обыкновенный, не вникающій въ явленія природы, зрителъ ничего не видитъ, тамъ человѣкъ наблюдательный вдумывается въ самая незначительныя, повидимому, черты представляющагося предмета, взвѣшиваетъ ихъ, сравниваетъ и успѣваетъ уловить скрытую, основную идею цѣлаго. До Галилея многіе видали висящую горю съ размѣренными ударами, но все-таки никто, кроме него, не постигъ всей важности этого явленія. Одинъ изъ сторожей въ Пизанскомъ соборѣ, наполнивъ лампаду масломъ, повѣсила ее; она начала качаться туда и сюда, а у Галилея, тогда 18-лѣтняго юноши, внимательно наблюдавшаго это движение, явилась мысль приложить его къ измѣрѣнію времени. Пятьдесятъ лѣтъ внимательного изученія предмета и по-

стоянныхъ трудовъ истекли прежде, нежели Галилей усовершенствовалъ свой маятникъ, — изобрѣтеніе, важность котораго для измѣренія времени и для астрономическихъ исчислений не нуждается въ доказательствахъ. Такимъ же образомъ, однажды Галилей узналъ, что нѣмецкій оптикъ Липерштейнъ поднесъ графу Морицу Нассаускому инструментъ, посредствомъ котораго отдаленные предметы казались близкими къ смотрящему; немедленно ученый обратилъ на это извѣстіе самое серьезное вниманіе, результатомъ котораго было изобрѣтеніе телескопа, открывшаго путь къ важнымъ астрономическимъ изслѣдованіямъ. Подобные открытія, само собою разумѣется, не могли быть сдѣланы невнимательнымъ наблюдателемъ или пассивнымъ слушателемъ.

Капитанъ Самуилъ Броунъ занимался изученіемъ искусства постройки мостовъ, имѣя намѣреніе построить возможно дешевый и вмѣсть съ тѣмъ хороший мостъ чрезъ р. Твидъ, близъ которой жилъ. Гуляя однажды въ осеннее утро по своему саду, Броунъ замѣтилъ паутину, протянутую черезъ дорожку, по которой онъ шелъ. Въ эту же минуту ему пришла въ голову мысль, что подобнымъ же способомъ можно построить мостъ на желѣзныхъ дѣпахъ, и результатомъ такой догадки было изобрѣтеніе его извѣстнаго висячаго моста. Строитель туннеля подъ Темзой, Изамбертъ Брюнель, взялъ первый урокъ въ своемъ дѣлѣ посредствомъ наблюденія за червякомъ, сверлившимъ дерево своею хорошо вооруженной головой; работу это насѣкомое дѣлало то въ одномъ направленіи, то въ другомъ, продолжая ее до тѣхъ поръ, пока входъ не былъ готовъ, а затѣмъ смазывало крышу и стѣны отверстія какою-то жидкостью. Прилагая эту работу къ своему проекту въ болѣе обширномъ размѣрѣ, Брюнель успѣшно окончилъ свое великое предпріятіе.

Только осмысленному взгляду внимательного наблюдателя возможно бывать понять важное значение, скрываю-

щееся иногда въ самыхъ простыхъ явленияхъ. Нѣть такого явленія въ жизни, повидимому, самого ничтожнаго, которое, по внимательномъ разсмотрѣніи, не могло бы такъ или иначе принести пользу. Кто бы могъ подумать, что знаменитые мѣловые утесы Альбиона были сооружены крошечными насѣкомыми, доступными нашимъ глазамъ только съ помощью микроскопа,—насѣкомыми одного разряда съ тѣми, которые усыпили море коралловыми островами! При видѣ такихъ громадныхъ результатовъ, добытыхъ изъ цѣлаго ряда безконечно малыхъ операций, кто же рѣшился еще заявлять сомнѣніе въ важномъ значеніи явленій, известныхъ у насъ подъ именемъ мелочей.

Непрерывныя наблюденія подобныхъ мелкихъ фактовъ составляютъ необходимое условіе успѣха въ какомъ бы то ни было ремеслѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, — короче, во всякомъ житейскомъ дѣлѣ. Эти-то незначительныя явленія, тщательно собираемыя и рассматриваемыя учеными, постепенно растутъ при переходѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и наконецъ изъ нихъ создается одно величественное цѣлое. Многіе изъ этихъ мелкихъ фактовъ съ первого взгляда кажутся не имѣющими значенія, и только разматривая ихъ внимательнѣе, мы убеждаемся въ той несомнѣнной пользѣ, какую можно изъ нихъ извлечь. Прошло двадцать столѣтій прежде, чѣмъ изобрѣтенный Аполлоніемъ Петреускимъ коническая сѣченія положены были въ основаніе астрономіи — науки, безъ которой современный мореплаватель не могъ бы пролагать себѣ путь чрезъ незнакомыя моря, въ той увѣренности, что всегда безошибочно найдетъ дорогу къ желаемой гавани, благодаря вѣрнымъ указаніямъ, начертаннымъ на небѣ, но сдѣлавшимся понятными только при помощи астрономіи. Когда Франклинъ открылъ тождество молний съ электричествомъ, то сначала былъ осмѣянъ; вмѣсто ближайшаго разбора дѣла, все говорили: «Къ чѣму это?» На такой вопросъ ученый обыкновенно отвѣчали другимъ вопросомъ: «Какая можетъ быть

польза отъ ребенка? Та, что изъ него будетъ человѣкъ!» Когда Гальвани увидѣлъ, что нога лягушки приходитъ въ движение отъ прикосновенія нѣкоторыхъ металловъ, то онъ едва ли предполагалъ, что такое ничтожное открытие поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ, а между тѣмъ отсюда возникла мысль объ электрическомъ телеграфѣ, соединяющемъ разныя страны,—и, конечно, не много уже остается ожидать до того времени, когда телеграфная проволока опояшетъ весь земной шаръ. Такъ, маленькие кусочки кампей и ископаемыхъ, извлеченные изъ земли и получившие должное значеніе, положили основаніе геологии и рудокопному дѣлу — занятіямъ, на которыхъ употребляются нынѣ большиe денежные капиталы и съ которыхъ получаетъ доходъ огромное количество рабочихъ рукъ. Подобно этому, гигантскія машины, которыми прорывается земля, производятся работы на заводахъ и фабрикахъ и приводятся въ движение пароходы и локомотивы, зависятъ отъ такого незначительного агента, какъ маленькая капли согрѣтой воды, называемой паромъ, сила которого замѣняетъ миллионы лошадей, разсѣкаетъ волны и борется съ ураганами. Эта же сила разрывала землю и была причиной многихъ почти необъяснимыхъ катастрофъ, — изверженій вулкановъ и землетрясений, которыхъ имѣли такое важное значеніе въ исторіи земного шара.

Говорятъ, что маркизъ Уорчестеръ въ первый разъ случайно обратилъ вниманіе на силу пара по поводу того, что на его глазахъ плотно прикрытая крышка на сосудѣ, наполненномъ горячей водой, стала подниматься. Онъ издалъ въ свѣтъ свои наблюденія надъ этой силой, а Сэвери, Ньюкоменъ и другие прилагали ее къ практическимъ цѣлямъ и, наконецъ, привели въ то положеніе, въ какомъ засталъ это дѣло Уаттъ, которому пришлось чинить машину Ньюкомена, принадлежавшую Гласговскому университету. Это обстоятельство подало Уатту поводъ къ усовершенствованію ея; онъ не замедлилъ воспользоваться та-

кимъ благопріятнымъ слукаемъ и надъ улучшениемъ этой паровой машины работалъ всю жизнь. Люди, рѣшившіеся проложить себѣ дорогу, всегда найдутъ то, что называется благопріятнымъ слукаемъ; если же случай этотъ не представляется скоро, то они сами его изыскиваютъ. Нужда чаше, чѣмъ таланты, производила изобрѣтенія; самая плодотворная школа — безъ сомнѣнія, школа труда. Многіе превосходные дѣятели не пренебрегали никакимъ орудіемъ для работы, но не это орудіе дѣлало ихъ искусными, а они сами себя дѣлали такими посредствомъ собственного усерднаго труда. Въ самомъ дѣль, вошло даже въ пословицу, что на худого работника нѣть хорошаго инструмента. Фергюсонъ изобрѣлъ превосходную вещь,— деревянные часы, весьма вѣрные, — съ помощью обыкновеннаго перочиннаго ножа; казалось-бы, это доступно всякому, но не всякий человѣкъ — Фергюсонъ.

Такимъ-же образомъ, миска съ водой и два термометра были единственными снарядами, съ помощью которыхъ докторъ Блекъ открылъ скрытую теплоту; а призма, увеличительное стекло и кусокъ папки дали возможность Ньютону открыть составъ свѣта и происхожденіе красокъ. Одинъ знаменитый иностранный ученый, явившись однажды къ известному физику, доктору Вульстену, просясь показать ему лабораторію, въ которой наука была обогащена столь многими важными открытиями; Вульстенъ ввелъ его въ свой маленький рабочій кабинетъ и, указывая на разложенные на столѣ инструменты — нѣсколько часовыхъ стеколъ, реактивную бумагу, маленькие вѣсы и паяльную трубку, сказалъ: «Вотъ вся моя лабораторія». Стотардъ, занимаясь изысканіемъ законовъ смѣшенія красокъ, внимательно изучалъ крылья бабочекъ; онъ часто говорилъ, что никто не можетъ себѣ представить, какъ много овъ обязанъ этимъ крошечнымъ насѣкомымъ. Живописцу Уильки, вместо кисти и полотна, инструментомъ для рисованія служила въдѣтствѣ только обожженная палка,

сь помощью которой мальчикъ и рисовалъ на дверяхъ сельского амбара. Бевикъ упражнялся въ живописи на стѣнахъ своего деревенского дома, которыя онъ разрисовалъ мыломъ, а Вениаминъ Уэстъ выдѣлывалъ свои первыя кисти изъ кошачьихъ хвостовъ. Франклинъ въ молодыхъ лѣтахъ первѣдко разряжалъ громовую тучу посредствомъ бумажнаго змѣя, сдѣланнаго изъ двухъ накресть сложенныхъ палокъ съ привязанной къ нимъ шелковой косынкой. Уаттъ сдѣлалъ первую модель своей струнительной машины изъ маленькаго старого насоса, предназначеннаго для вспрыскиванія артерій передъ анатомированіемъ. Джиффордъ, работая у старьевщика, рѣшилъ свою первую математическую задачу на обрывкахъ кожи, которую онъ для этого самъ приготовилъ и разгладилъ; астрономъ Риттенгаузенъ въ первый разъ сдѣлалъ вычисление о предстоящемъ затменіи солнца на рукояткѣ своего плуга.

Поводомъ къ самоусовершенствованію можетъ служить каждое обстоятельство, каждый случай: нужно только, чтобы люди были въ состояніи немедленно извлекать изъ нихъ пользу. Образцомъ этого можетъ служить Вальтеръ-Скоттъ, о дѣятельности которого мы упоминали въ предыдущей главѣ; этотъ человѣкъ умѣлъ обращать всякия обстоятельства и каждое дѣло на пользу своему развитію въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Такъ, напримѣръ, при исполненіи обязанностей писца, ему въ первый разъ случилось быть въ горной Шотландіи, чѣмъ онъ и воспользовался, чтобы свести дружбу съ оставшимися еще въ живыхъ героями 1745 г., которые послужили материаломъ для созданія большаго числа дѣйствующихъ лицъ въ его произведеніяхъ. Позже, находясь на службѣ въedinбургской легкой кавалеріи, онъ былъ случайно ушибленъ лошадью и нѣсколько дней не выходилъ изъ дома; но, какъ заклятый врагъ праздности, употребилъ и это время на умственныя занятія: результатомъ ихъ было созданіе въ теченіе трехъ дней первыхъ строфъ «Пѣсни послѣдняго менестрѣ-

ля»—поэмы, составлявшей первое большое произведение знаменитаго романиста.

Когда герцогъ Аргайлъ спросилъ Эдмунда Стона, какимъ образомъ онъ, бѣдный садовникъ, былъ въ состояніи прочесть на латинскомъ языке «Principia» Ньютона, Стонъ отвѣчалъ: «Каждому человѣку необходимо знать только двадцать четыре буквы азбуки, чтобы быть въ состояніи выучиться всему другому, чему ни пожелаетъ». Остальное сдѣлаютъ приложеніе, настойчивость въ труде и дѣятельное стараніе улучшить благопріятныя обстоятельства для самоусовершенствованія.

Докторъ Пристлей, извѣстный ученый, открывшій многіе газы и основавшій новый отдѣлъ науки — воздушную хімію, обратилъ вниманіе на этотъ предметъ случайно, благодаря тому обстоятельству, что ему пришлось жить по сосѣдству съ большой пивоварней. Будучи вообще внимательнымъ наблюдателемъ, онъ замѣтилъ, во время посѣщенія пивоварни, явленіе, которое показалось ему страннымъ: зажженная спичка гасли въ газѣ, который поднимался надъ бродившимъ напиткомъ. Тогда Пристлею было уже сорокъ лѣтъ, и онъ не имѣлъ ви малѣйшихъ познаній въ хімії; несмотря на то, заинтересованный этимъ явленіемъ, онъ ревностно занялся чтеніемъ книгъ по части хіміи, изъ которыхъ, однако-жъ, могъ извлечь немногого свѣдѣній, потому что и вообще до тѣхъ поръ не многое было извѣстно въ этой отрасли знанія. Тогда Пристлей началъ дѣлать опыты, изобрѣть свой собственный аппаратъ, хотя, разумѣется, самой незатѣйливой отдѣлки. Интересные результаты его первыхъ опытовъ повели къ другимъ, которые въ рукахъ ученаго вскорѣ дали начало наукѣ пневматической хіміи. Около того же времени, въ далекой шведской деревушкѣ, надъ той-же наукой трудился Шиль; онъ также открылъ нѣсколько новыхъ газовъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ лучшихъ аппаратовъ, кроме нѣсколькихъ аптекарскихъ склянокъ и свиныхъ пузырей.

Извѣстный физикъ, сэръ Гемфри Дэви, будучи еще аптекарскимъ ученикомъ, производилъ свои первые опыты съ помощью самыхъ грубыхъ орудій, которыя даже были импровизованы имъ самимъ изъ различныхъ матеріаловъ, попадавшихся ему на глаза. Горшки и кастрюли изъ кухни, склянки и сосуды изъ аптеки его хозяина, — все шло въ дѣло. Случилось, что у мыса Ландсэнда потерпѣлъ крушение французскій корабль; изъ пассажировъ его, однако-жъ, спасся медикъ съ ящикомъ инструментовъ, въ числѣ которыхъ былъ старомодный клистирный аппаратъ; этотъ предметъ былъ подаренъ докторомъ молодому аптекарскому ученику, съ которымъ ему пришлось познакомиться. Дэви принялъ трубку съ восторгомъ и немедленно сдѣлалъ изъ нея часть изобрѣтеннаго имъ самимъ пневматического аппарата, а потомъ употреблялъ въ качествѣ воздушного насоса въ одинъ изъ своихъ опыта о свойствахъ и происхожденіи жара. Дэви хорошо характеризуетъ слова, внесенные имъ еще 20-ти лѣтъ отъ роду въ записную книжку, въ то время, когда онъ занимался въ лабораторіи въ Бристолѣ: «Я не могу разсчитывать ни на поддержку богатства, ни на дарованія, ни на преимущества рожденія, потому что ничего этого у меня нѣтъ, — но въ силу уже одного того факта, что я существую, позволительно надѣяться, что буду столь же полезенъ людямъ вообще и моимъ друзьямъ въ особенности, какъ если бы я былъ одаренъ всѣми этими преимуществами». Дэви обладалъ способностью устремить всѣ свои умственныя силы на практическое изслѣдованіе данного предмета во всѣхъ его видахъ; а такой человѣкъ, съ помощью одного трудолюбія и терпѣливаго размышленія, неизменно достигнетъ самыхъ блестящихъ результатовъ. По словамъ Кольриджа, «въ умѣ Дэви были энергія и эластичность, дававшія ему возможность мгновенно схватывать и анализировать каждый вопросъ, быстро выводя изъ него всѣ естественные послѣдствія. Каждый предметъ въ умѣ Дэви получалъ жизненность».

Професоръ Фарадей, преемникъ Дэви въ наукѣ, произвель свои первые опыты надъ электричествомъ съ помощью старой бутылки, а самъ въ то время еще работалъ у переплетчика. Замѣтально, что Фарадей впервые обратился къ изученію химіи, прослушавъ одну изъ лекцій Дэви по этому предмету. Одинъ членъ королевскаго института, въ которомъ читались эти лекціи, придя въ мастерскую, где Фарадей занимался переплетаніемъ книгъ, нашелъ его внимательно разсматривающимъ главу «объ электричествѣ» въ энциклопедіи, поставивъ въ его руки для переплета. Замѣтивъ изъ разспросовъ, что молодой человѣкъ интересовался подобными предметами, посѣтитель помогъ ему поступить въ королевскій институтъ, где Фарадей прослушалъ курсъ, читанный Дэви. Онъ записывалъ лекціи и по-томъ показалъ ихъ самому профессору, который призналъ вѣрность лекцій въ отношеніи научнаго изложенія и удивился, узнавъ о скромномъ общественномъ положеніи составителя ихъ. Тогда Фарадей выразилъ ему свое желаніе продолжать научныя занятія химіей, и хотя Дэви сначала пытался отклонить молодого человѣка отъ такого намѣренія—не предвидя, конечно, въ немъ дѣйствительнаго призванія къ наукѣ, но Фарадей такъ настаивалъ, что, наконецъ, былъ принять окончательно въ институтъ; такимъ образомъ, знаменитый ученикъ аптекаря случайно передалъ свою ученую мантю достойному и равно знаменитому ученику переплетчика.

Кювье, еще юношей, гуляя однажды по песку близъ Фикевиля, въ Нормандіи, замѣтилъ лежащій на берегу моллюскъ. Привлеченный такимъ интереснымъ предметомъ, онъ взялъ его домой, чтобы разобрать и разсмотреть ближе: это послужило поводомъ къ изученію моллюсковъ, что, въ свою очередь, повело къ дальнѣйшимъ занятіямъ, поставившимъ Кювье въ числѣ величайшихъ естествоиспытателей.

Приведенными примѣрами мы старались показать, что не случай помогаетъ человѣку сдѣлаться настоящимъ че-

ловѣкомъ, но, какъ мы уже много разъ повторили, неизмѣнное трудолюбіе и настойчивость въ стремлениіи къ опредѣленной цѣли. Человѣкъ, одушевляемый этимъ стремлениемъ, дѣлается внимательнымъ къ самыемъ мелкимъ обстоятельствамъ, встрѣчающимся въ жизни, и умѣеть извлекать изъ нихъ пользу. Слабые, беспечные и невнимательные люди, при самой лучшей обстановкѣ, остаются равнодушны, не находя въ окружающемъ никакого значенія.

Но если мы будемъ улучать даже небольшіе промежутки свободного времени и пользоваться ими для возможно большаго самоусовершенствованія, то и тогда уже можно достигнуть удивительныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, въ жизни ученаго Дальтона трудъ обратился въ привычку. Daltonъ началъ трудиться съ дѣтства: будучи только двѣнадцати лѣтъ отъ роду, онъ зимою посѣщалъ деревенскую школу, а лѣтомъ работалъ на фермѣ своего отца. Получивъ воспитаніе квакера, онъ, однако-жъ, позволялъ себѣ иногда возбуждать у себя и у товарищей ревность къ ученью, держа съ ними пари объ успѣхѣ; такимъ образомъ, однажды, при удовлетворительномъ решеніи задачи, онъ выигралъ столько, что могъ купить себѣ на зиму запасъ свѣчей для новыхъ занятій. Продолжая всю жизнь неутомимо трудиться, онъ работалъ надъeteorологическими наблюденіями даже за день или за два до смерти; такихъ наблюденій, въ теченіе ученой дѣятельности Daltonа, было имъ сдѣлано и записано болѣе 200,000.

Обладая настойчивымъ желаніемъ заниматься, человѣкъ можетъ даже въ незначительное время достигнуть весьма важныхъ результатовъ. Если онъ будетъ ежедневно только одинъ часъ отрывать отъ пустяковъ и употреблять съ пользою, то уже и это дастъ ему возможность, даже при обыкновенныхъ способностяхъ, значительно подвинуться впередъ на пути къ настоящему знанію. Такимъ способомъ,

въ теченіе 10 лѣтъ нѣвѣждъ можетъ преобразоваться въ человѣка, обладающаго достаточными свѣдѣніями. Мы не должны допускать, чтобы время проходило, не принося плодовъ, какъ бы они ни проявлялись: въ видѣ ли занятія чѣмъ-нибудь, заслуживающимъ изученія, или въ видѣ развитія извѣстнаго доброго начала, или же усиленія хорошей привычки. Докторъ Мезонъ Гудъ переводилъ Лукреція, сидя въ каретѣ, въ то время, когда посѣщалъ своихъ пациентовъ. Точно также докторъ Дарвинъ почти всѣ сочиненія писалъ, разѣзжая въ своей маленькой колясочкѣ. Гэль писалъ свои «Размышленія» во время путешествій. Докторъ Берни изучалъ французскій и итальянскій языки во время поѣздокъ верхомъ на свои музыкальные уроки. Трудясь всю жизнь, подобно чернорабочему, Боррітъ изучилъ восемнадцать древнихъ и двадцать два европейскихъ языка, и утверждалъ, что не потерялъ ни одной такъ-называемой «свободной минуты». Въ то же время этотъ человѣкъ былъ до крайности скроменъ и въ подвигѣ своемъ не видѣлъ ничего особеннаго. Госпожа Жанлисъ написала много прелестныхъ страницъ въ то время, когда ожидала прихода принцессы на урокъ. Іеремія Бентамъ считалъ величайшій несчастіемъ потерять минуту времени, говоря, что дни человѣка сочтены, и что отдохать должно только ночью. Ньютона измѣнялъ пятнадцать разъ свою «Хронологію», пока не остался удовлетворенъ ею, а Гиббонъ свои мемуары передѣлывалъ девять разъ. Гэль въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ законовѣдѣніе, занимаясь по семнадцати часовъ въ сутки, а для отдыха читалъ философію и математику. Юмъ писалъ тринадцать часовъ въ сутки свою исторію Англіи. Монтескье, разсуждая объ одной части своихъ сочиненій съ пріятелемъ, сказалъ: «Вы прочтете все въ нѣсколько часовъ, между тѣмъ, я посѣдѣлъ за этой работой». Многіе знаменитые люди имѣли привычку записывать встрѣчающіяся явленія или внезапно приходившія имъ въ голову мысли: такъ лордъ Бэконъ носилъ всегда

при себѣ тетрадь съ замѣтками. Замѣчательнымъ примѣромъ трудолюбія можетъ служить знаменитый Джонъ Гентеръ, который до 20 лѣтъ почти ничему не учился и которому искусство читать и писать досталось не легко. Онъ долго и много работалъ въ Гласго и превзошелъ вслѣдствіи въ познаніяхъ своего брата Вильяма, профессора анатоміи, не столько посредствомъ природныхъ способностей, сколько своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ англійскихъ ученыхъ, посвятившихъ себя прилежному изученію сравнительной анатоміи. Записки его содержали двадцать тысячъ замѣтокъ, надъ которыми десять лѣтъ работалъ знаменитый профессоръ Оуэнъ. Гентеръ былъ лѣкаремъ въ госпиталѣ Св. Георгія и главнымъ медикомъ въ арміи, читалъ лекціи студентамъ и наблюдалъ за основанной имъ школой практической анатоміи въ своемъ собственномъ домѣ, находя вмѣстѣ съ тѣмъ досугъ и для произведенія опытовъ надъ животными и для сочиненія многихъ важныхъ ученыхъ статей. Онъ спалъ только пять часовъ въ сутки. Но, какъ истинный труженикъ, Гентеръ считалъ для себя лучшей наградой — чувство сознанія исполненного долга. Другой подобный дѣятель былъ Гарвей. Восемь лѣтъ у него прошло въ изслѣдованіи и трудахъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился издать въ свѣтъ свою теорію кровообращенія. Минѣнія Гарвея были осмѣяны, его обвиняли въ недостаткѣ уваженія къ признаннымъ авторитетамъ и даже въ подрывѣ самыхъ основацій нравственности и религії; вслѣдствіе того, небольшая практика его была потеряна и всеѣ друзья оставили Гарвея; только черезъ двадцать пять лѣтъ справедливость его взгляда была признана. Еще больше затрудненій встрѣтилъ докторъ Дженнеръ въ распространеніи убѣжденія о необходимости оспопрививанія, — даже его ученые товарищи смыслились надъ нимъ, — до тѣхъ поръ, пока онъ не издалъ сочиненія, въ которомъ подробнѣ писывался способъ оспопрививанія и приведены были

двадцать три примѣра успешнаго лѣченія. Дженнеръ двадцать лѣтъ работалъ для этой идеи, и увѣренность въ спра-ведливости ея была въ немъ такъ сильна, что онъ приви-валъ оспу своему сыну три раза. Между тѣмъ, въ публикѣ его открытие встрѣчено было сначала съ равнодушіемъ, а потомъ съ сильной враждой. Дженнеръ отправился было въ Лондонъ, чтобы ознакомить своихъ собратій по профессії съ самой процедурой оспопрививанія и съ его успешными результатами, но не могъ склонить ни одного доктора сдѣлать опытъ этого и, послѣ безполезнаго пребыванія въ столицѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, долженъ былъ возвра-титься въ свою деревню. Онъ былъ даже выставленъ въ карикатурахъ за постыку «оскотоподобить» человѣческій образъ посредствомъ внесенія въ его органы зараженной коровьей матеріи. Съ каѳедръ оспопрививавіе было про-возглашаемо «дѣломъ дьявола». Вмѣстѣ съ тѣмъ доказы-валось, что у дѣтей, которымъ была привита оспа, вскорѣ начинали расти рога, выраженіе лица постепенно перемѣ-нялось, принимая видъ бычачьей морды, и самый голосъ превращался въ мычаніе. Какъ бы то ни было, но оспопрививаніе все-таки было фактомъ, истинность котораго можно было повѣрить каждому, и потому, несмотря на сильную оппозицію, довѣrie къ нему постепенно распро-странялось. Двѣ знатныя дамы, леди Дюси и графиня Бер-клий,—къ чести ихъ должно сказать,—первыя имѣли смѣ-лость привить оспу своимъ дѣтямъ, и предразсудки вре-мени разомъ были уничтожены. Медицинское сословіе также мало-по-малу склонялось въ пользу открытія, и были даже таکія личности, которые пытались лишить Дженнера чести самаго изобрѣтенія оспопрививанія, потому что важ-ность его уже всѣми начала сознаваться. Наконецъ, пра-вое дѣло истиннаго виновника открытія восторжествовало, и онъ былъ осыпанъ заслуженными почестями и награ-дами. Но Дженнеръ былъ такъ же скроменъ въ счастії, какъ прежде, живя въ смиренной долѣ: на предложеніе

переселаться въ Лондонъ, гдѣ предстояла перспектива огромной практики, онъ отвѣчалъ отказомъ. За то онъ имѣлъ удовольствіе еще при жизни знать, что его открытие введенено въ практическое употребленіе во всемъ цивилизованномъ мірѣ, а по смерти Дженнера, титулъ благодѣтеля рода человѣческаго, признанный повсемѣстно, былъ самой лучшей наградой за его труды. Кювье сказалъ, что «если бы оспопрививаніе было единственнымъ изобрѣтеніемъ нашей эпохи, то и одного его было бы уже достаточно, чтобы прославить ее навсегда».

Не менѣе терпѣнія, рѣшимости и трудолюбія проявилъ Чарльзъ Белль въ своихъ научныхъ трудахъ, слѣдствіемъ которыхъ были важныя открытия, относящіяся къ нервной системѣ. До него о первыхъ отправленіяхъ господствовали понятія самая смутныя, и вообще эта отрасль науки была почти въ томъ же положеніи, какъ три тысячи лѣтъ назадъ, во время Демокрита и Анаксагора. Но Белль въ цѣломъ рядѣ сочиненій, изданіе которыхъ въ свѣтъ началось съ 1821 г., усвоилъ себѣ новый оригинальный взглядъ на предметъ,—взглядъ, основанный на длинной цѣли тщательныхъ, точныхъ и постоянныхъ опытовъ. Заботливо возстановляя слѣды развитія нервной системы отъ самыхъ низшихъ разрядовъ животнаго царства до человѣка, — вершины этого царства, Белль раскрылъ весь ходъ такого развитія, по собственнымъ словамъ, «такъ ясно, какъ будто бы оно было написано на нашемъ отечественномъ языкѣ». Его великое открытие состояло въ томъ фактѣ, что спинные нервы имѣютъ двоякое назначеніе и исходить изъ спинного мозга двумя вѣтвями: одна служить проводникомъ желаній, а другая—ощущеній. На разработку всего этого предмета Белль посвятилъ около 40 лѣтъ. Ему пришлось испытать участъ, однаковую съ Гарвеемъ и Дженнеромъ: когда насмѣшки и противодѣйствіе, встрѣтившія его открытия, были уничтожены, и истина сдѣлалась очевидною, тогда и въ Англіи, и за границей раздались много-

численные голоса, предъявлявшіе претензію на первенство въ этомъ открытии. Подобно тѣмъ двумъ ученымъ, Белль также потерялъ практику, вслѣдствіе изданія своихъ драгоценныхъ записокъ, и рѣшился, послѣ каждого шага въ своемъ открытии, работать сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, чтобы сохранить свою репутацію специалиста. Великія заслуги Белля были, наконецъ, совершенно признаны, и самъ Кювье, находясь уже на смертномъ одрѣ и замѣтивъ, какъ обезобразилось и стинулось на одну сторону его лицо, указалъ на это всѣмъ присутствующимъ, какъ на доказательство вѣрности теоріи Белля.

Ревностнымъ дѣятелемъ въ той же самой области науки былъ докторъ Маршаль Галль. Онъ былъ сынъ ноттингамскаго фабриканта, которому такъ много обязаны вся мануфактурная промышленность этого графства за изобрѣтеніе новаго способа бѣлевія съ помощью хлора, вслѣдствіе чего вся эта процедура, требовавшая прежде многихъ недѣль, оканчивалась въ нѣсколько часовъ.

Четвертый сынъ Роберта Галля былъ знаменитый врачъ и физіологъ, Маршаль Галль, имя которого потомство поставитъ на ряду съ Гарвеемъ, Гонтеромъ, Дженнеромъ и Беллемъ. Въ продолженіе всей своей долгой и полезной жизни, онъ самымъ заботливымъ и мелочнымъ образомъ наблюдалъ встрѣчающіяся явленія: ни одно изъ нихъ, какъ бы оно съ виду ни было незначительно, не ускользало отъ его вниманія. Его важное открытие діастальтической нервной системы, поставившее имя Галля высоко въ научномъ мірѣ, обязано своимъ происхожденіемъ чрезвычайно простому обстоятельству. При изслѣдованіи кровообращенія, облегчающаго дыханіе, въ тритонѣ, разрѣзанное животное лежало на столѣ: отдѣливъ хвостъ его и случайно уколовъ вѣйшнюю оболочку, Галль замѣтилъ, что оно сильно дрожало и изгибалось въ различныхъ формахъ. Но онъ не трогалъ ни мускуловъ, ни мускульныхъ нервовъ; какого же рода могли быть эти движения? Подобный явленія, въ-

роятно, замѣчались и прежде, но Маршаль Галль первый ревностно принялъ за изслѣдование причинъ ихъ. Вниманіе его къ предмету изученія было почти безпрерывное; полагаютъ, что въ теченіе жизни онъ посвятилъ не менѣе 25,000 часовъ на производство опытовъ по этому явленію и для химическаго изслѣдованія его. Между тѣмъ, трудно поверить, что записка, въ которой Маршаль Галль изложилъ свое открытие, была сначала отвергнута королевскимъ обществомъ и принята только спустя 17 лѣтъ, когда справедливость доказательствъ Галля была признана, какъ отечественными, такъ и заграничными учеными. Характеръ Маршала Галля,—столь прекрасный и благородный, мужественный и стойкий при всѣхъ затрудненіяхъ, постоянно правдивый,—представлять образецъ, достойный размышиленія и изученія.

Еще замѣчательный примѣръ силы характера, хотя совершенно въ другой области науки, представляетъ жизнь Вилльяма Гершеля. Отецъ его былъ бѣдный нѣмецкій музыкантъ, предназначавшій своихъ четырехъ сыновей къ тому же самому занятію. Вилльямъ пріѣхалъ въ Лондонъ искать счастья и поступилъ въ военный оркестръ. Полкъ, въ которомъ онъ служилъ, стоялъ въ Донкастерѣ, где въ первый разъ докторъ Миллеръ услышалъ удивительную игру Гершеля на скрипкѣ. Миллеръ вступилъ съ нимъ въ разговоръ и такъ былъ имъ очарованъ, что предложилъ Гершелю оставить военный оркестръ и поселиться на время въ его домѣ. Гершель воспользовался приглашеніемъ и въ свободное отъ музыкальныхъ занятій время прилежно читалъ, имѣя подъ руками библиотеку Миллера. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто органиста въ церкви и преподавателя музыки и въ то же время началъ безъ помощи учителя заниматься математическими науками. При кочующей жизни артиста ему приходилось играть и въ церкви, и въ бальнай залѣ. Однажды какое-то астрономическое открытие пробудило въ немъ страшное желаніе ближе познакомиться

сь этою наукою; онъ занялъ у пріятеля небольшой телескопъ и, конечно, желалъ пріобрѣсть себѣ подобный же инструментъ, но денежные средства бѣднаго артиста были такъ ничтожны, а телескопы такъ дороги, что онъ не въ состояніи былъ его купить. Тогда Гершель задумалъ самъ сдѣлать такой телескопъ, посредствомъ котораго могъ бы наблюдать движение планетъ. Послѣ тяжкаго и упорного труда онъ сработалъ пяти-фунтовый рефлекторъ, но для достиженія такого успѣха ему пришлось сдѣлать не менѣе двухсотъ зрительныхъ трубокъ. Онъ долго занимался астрономіей и результаты своихъ наблюдений представилъ въ королевское астрономическое общество. По волѣ Георга III, Гершель былъ назначенъ королевскимъ астрономомъ и это почетное мѣсто сохранилъ во всю жизнь. Такъ бѣдный музыкантъ трудолюбіемъ и любознательностью достигъ почета, которымъ онъ впрочемъ никогда не гордился, и былъ столь же скроменъ, какъ въ то время, когда игралъ въ полковомъ оркестрѣ. Едва ли найдется другой примѣръ подобнаго благороднаго и терпѣливатаго трудолюбія, побѣдившаго всѣ препятствія.

Дѣятельность Вильяма Смита, отца англійской геологіи, хотя быть можетъ и не такъ извѣстна, но не менѣе поучительна, какъ примѣръ терпѣнія, трудолюбія и искусства пользоваться благопріятными обстоятельствами. Онъ родился въ 1769 г. и еще въ дѣтствѣ потерялъ отца, который былъ фермеромъ въ Черчилль, въ Оксфордскомъ графстве.

Воспитаніе получено было молодымъ Смитомъ въ деревенской школѣ очень скучное, да и къ тому мѣшала привычка мальчика къ праздношатанію и частую лѣноту. Мать его вторично вышла замужъ, и ребенокъ отданъ былъ на попеченіе дяди, также Фермера, который его и воспиталъ. Хотя дядѣ вовсе не нравилась склонность мальчика бродить по окрестностямъ и собирать разнаго рода камни и тому подобныхъ рѣдкости, какія можно было найти по

сосѣству, но, все-таки онъ даль возможность Смиту купить необходимыя книги для обученія первымъ началамъ геометріи и межеванія земель, потому что юноша предназначался къ должности землемѣра. Уже въ молодыхъ лѣтахъ отличительною чертою Смита была необыкновенная точность въ наблюденіи: что онъ видѣлъ ясно разъ, того уже не забывалъ никогда. Онъ началъ рисовать, пытался даже раскрашивать свои рисунки и упражнялся въ искусстве межеванія и съемки земли на планъ, но безъ систематического обучения этимъ занятіямъ; тѣмъ не менѣе, стараясь развиваться исключительно своими силами, молодой человѣкъ вскорѣ сдѣлалъ уже такие успѣхи, что приглашенъ былъ помочь местному землемѣру, человѣку со способностями и также самоучкѣ, который былъ занятъ обширными съемочными работами по сосѣству. Это дало возможность Вильяму Смиту пріобрѣсти значительную опытность въ межевомъ дѣлѣ и въ продолженіе занятій ставило его въ необходимость постоянноѣѣздить по Оксфордскому и сосѣднимъ съ нимъ графствамъ. Однимъ изъ первыхъ предметовъ, попавшихся ему на глаза въ тѣхъ земляхъ, которая онъ снималъ или чрезъ которыхъ проѣзжалъ, и подавшихъ поводъ къ серьезному размышленію, было расположеніе разныхъ родовъ и слоевъ почвы, а въ особенности положеніе красной глины въ отношеніи къ известняку и верхнимъ каменнымъ пластамъ. Планы различныхъ угольныхъ копей, какіе ему приходилось дѣлать въ теченіе своей землемѣрной дѣятельности въ 1792 и 1793 годахъ, дали ему возможность пріобрѣсть еще большую опытность, — и уже въ этотъ періодъ ранней молодости, будучи только 23 лѣтъ отъ роду, онъ, кажется, замышлялъ составить модель слоевъ земли. Въ это время были въ ходу предположенія о новыхъ каналахъ, и Смитъ, обладавшій проницательностью во всемъ, касавшемся его дѣла, началъ приготавляться къ занятіямъ относительно черченія устройства каналовъ. Во время работъ по нивелировкѣ почвы

для предположенного канала въ Глостерскомъ графствѣ, ему пришла въ голову мысль обь общемъ законѣ, относящемся къ расположению земныхъ слоевъ въ этомъ округѣ. Онъ понялъ, что слои, лежащіе сверхъ пластовъ каменного угля, расположены не горизонтально, но наклонно въ одномъ направленіи, именно къ востоку, имѣя сходство, только въ большомъ объемѣ, «съ обыкновеннымъ видомъ положенныхъ одинъ на другой кусковъ хлѣба съ масломъ». Правильность этой теоріи онъ вскорѣ подтвердилъ при операциіи инвентилировки, произведенной имъ въ двухъ параллельныхъ долинахъ, при чмъ оказалось, что слои глины, известняка и плитняка или оолита поникаются въ направленіи къ востоку и опускаются даже ниже уровня, уступая мѣсто слѣдующимъ слоямъ, по порядку. Вслѣдъ за тѣмъ, ему представилась возможность доказать справедливость своихъ взглядовъ въ болѣе широкомъ объемѣ, такъ какъ онъ получилъ назначеніе вникнуть лично въ управление каналами Англіи и Валліса. Въ продолженіе всего путешествія отъ Бата до Ньюкестля на Тайнѣ и на обратномъ пути чрезъ Шропширъ и Валлісъ, наблюдательность Смита постоянно находила себѣ пищу. Онъ быстро замѣчалъ общій видъ и строеніе той мѣстности, чрезъ которую проѣзжалъ со своими спутниками, сберегая результаты своихъ наблюденій для будущаго употребленія въ дѣло. Его геологическое зрѣніе было такъ изощreno, что, хотя дорога, по которой ему пришлось проѣзжать въ почтовой коляскѣ отъ Іорка до Ньюкестля, была на разстоянії отъ 5 до 15 миль отъ мѣловыхъ и оолитовыхъ холмовъ на востокѣ, однако-же онъ уже зналъ эти свойства ихъ, при помощи очертаній и относительного положенія холмовъ, а также и изъ того обстоятельства, что они расположены были на поверхности рядами, между тѣмъ какъ известнякъ и «красная почва» только мѣстами встрѣчались по дорогѣ. Вотъ главнѣйшиe результаты наблюденій Смита. Онъ замѣтилъ, что каменистые массы въ западныхъ частяхъ

Англія вообще наклонны къ востоку и юго-востоку; что красный песчаникъ и мергель, лежащіе выше угольныхъ пластовъ, находятся ниже глины и известняка, которые въ свою очередь лежать подъ слоями песка, желтаго известняка и глины, образующихъ нагорную равнину Коттсвольдскихъ холмовъ, и наконецъ эти послѣдніе пласти проходятъ подъ огромными мѣловыми залежами, занимающими восточная части Англіи. Сверхъ того, онъ замѣтилъ, что въ каждомъ слоѣ глины, песку и известняка находится особый, исключительно ему принадлежащий, видъ ископаемыхъ. Сообразя всѣ эти явленія, Смитъ пришелъ къ выводу, до тѣхъ порь неслыханному, что различные виды залежей морскихъ животныхъ, находящихся въ этихъ многочисленныхъ пластиахъ, соответствуютъ и различнымъ видамъ морского дна, и что каждый слой глины, песку, мѣла и камня обозначалъ отдѣльную эпоху въ истории земного шара.

Эта идея такъ твердо укоренилась въ его умѣ, что ею были заняты и мысли, и разговоры Смита. Открытие его действительно было велико, хотя до того времени онъ былъ человѣкъ, совершенно неизвѣстный въ ученомъ мірѣ. Онъ задумалъ приготовить карту земныхъ слоевъ Англіи, но вѣкоторое время не могъ приступить къ выполнению ея, потому что все внимание его посвѣщено было работами по Сомерсетширскому каналу, которыми онъ занимался около шести лѣтъ. За всѣмъ тѣмъ, Смитъ не ослабѣвалъ въ своей обычной наблюдательности и пріобрѣлъ такую опытность въ распознаваніи строенія земныхъ слоевъ въ своемъ окружѣ и такъ искусно умѣлъ опредѣлять положеніе извѣстнаго слоя по наружнымъ признакамъ, что часто къ нему обращались за совѣтомъ относительно осуженія обширныхъ пространствъ земли; въ этомъ отношеніи, при помощи своихъ геологическихъ свѣдѣній, онъ оказывалъ особенно большие успѣхи и пріобрѣлъ блестящую репутацію.

Однажды, осматривая коллекцію ископаемыхъ у Самуила

Ричардсона, въ Батѣ, Смитъ удивилъ своего друга, внезапно смышавъ всю коллекцію и быстро расположивъ ископаемые въ томъ порядкѣ, какъ имъ слѣдовало быть по слоямъ. «Эти взяты изъ голубого известняка, эти — изъ верхнаго слоя песка и плитняка, тѣ изъ валильной глины, а тѣ изъ батскаго строевого камня», — такъ опредѣлялъ ихъ Смитъ. Новый свѣтъ былъ пролить этими словами на воззрѣнія Ричардсона, и онъ вскорѣ призналъ справедливость теоріи Смита. Но тогдашихъ геологовъ нелегко было убѣдить, — и такъ уже они едва выносили самую мысль, чтобы какой-нибудь неизвѣстный межевщикъ осмѣлился учить ихъ геологической наукѣ. Вилльямъ Смитъ какъ бы обладалъ особою способностью — проникать умственнымъ зрѣніемъ подъ земную кору; для него были, казалось, открыты всѣ фибрь земли и весь ея скелетъ; вся земная организація была имъ какъ бы угадана. Познанія Смита относительно расположенія земныхъ слоевъ въ окрестностяхъ Бата были такъ основательны, что однажды онъ продиктовалъ Ричардсону различные слои въ послѣдовательно-исходящемъ порядкѣ, числомъ 33, начиная съ мѣла и дойдя до угля, подъ которыми слои еще не были тогда опредѣлены, какъ слѣдуетъ. Къ этому онъ прибавилъ списокъ болѣе замѣчательныхъ ископаемыхъ, накопившихся въ разныхъ слояхъ почвы. Все это было напечатано и издано въ свѣтѣ въ 1801 г.

Смитъ рѣшился сдѣлать чертежи слоевъ въ округахъ, лежащихъ отъ Бата довольно далеко, — далеко настолько, на сколько ему было можно достигнуть. По цѣлымъ годамъ онъ путешествовалъ въ разныхъ направленіяхъ, то верхомъ на лошади, то пѣшкомъ, то на верху почтовой кареты; часто приходилось ему вознаграждать, во время ночного путешествія, время, потерянное днемъ, въ отношеніи его обыкновенныхъ текущихъ занятій. Когда обязанности самой профессіи заставляли его куда-нибудь отлучиться изъ постояннаго мѣстопребыванія для надзора за

работами по орошению или осушению почвы или т. п., то Смитъ обыкновенно отправлялся верхомъ на лошади и при этомъ нерѣдко сворачивалъ съ дороги для наблюденія геологическихъ особенностей той мѣстности, чрезъ которую проѣзжалъ.

Въ теченіе вѣсесолькихъ лѣтъ, Смитъ такимъ образомъ путешествовалъ по разнымъ краямъ Англіи и Ирландіи, проѣзжая ежегодно болѣе десяти тысячъ миль, и между тѣмъ, во время такого постоянного и многотрудного странствованія онъ задумалъ выпустить въ свѣтъ свои обширные геологическія изслѣдованія, на которыхъ онъ справедливо смотрѣлъ какъ на новую науку. При этомъ онъ не пренебрегалъ никакимъ наблюденіемъ, какъ бы оно ни было, повидимому, ничтожно, и не упускалъ ни малѣйшей возможности собрать какія-нибудь свѣжія данныя. Несмотря на бодрую, неутомимую дѣятельность Смита, различныя обстоятельства долго не позволяли ему издать задуманную «Карту земныхъ слоевъ Англіи и Валліса», и уже не ранѣе 1814 г. онъ нашелъ возможность, при помоши нѣкоторыхъ друзей, выпустить въ свѣтъ плоды своего 20-лѣтняго безпрерывнаго труда. Чтобы успѣшно продолжать свои изслѣдованія и собрать необходимый для этой цѣли запасъ фактовъ и наблюденій, Смиту пришлось употребить въ теченіе этого времени всѣ доходы, доставленные ему официальной профессіей: для посѣщенія различныхъ отдаленныхъ частей острова, онъ даже былъ вынужденъ продать свое маленькое имѣніе. Принявъ участіе въ каменноломныхъ скелуляціяхъ близъ Бата, онъ потерпѣлъ убытокъ, вслѣдствіе котораго долженъ былъ продать свою драгоценную геологическую коллекцію (купленную Британскимъ музеемъ), всѣ принадлежности къ ней и библіотеку, сохранивъ только бумаги, планы и разные снимки, какъ бесполезные для всякаго другого. Эти потери и несчастія Смитъ перенесъ съ замѣчательною твердостью, продолжая, даже при такихъ обстоятельствахъ, свои по-

стоянныя занятія съ полнымъ присутствіемъ духа и неутомимымъ терпѣніемъ. Послѣдніе годы его жизни были посвящены различнымъ инженернымъ и межевымъ занятіямъ на съверѣ Англіи.

Трудно пріискать слова для достаточной похвалы той геологической карты Англіи, которою мы обязаны стараніямъ этого ревностнаго дѣятеля науки. Вотъ отзывъ о ней, помѣщенный въ «Saturday Review» 1858 г. однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: «Это произведение должно признать столь превосходнымъ по основной мысли и столь безукоризненнымъ по вѣшней отдаѣтъ, что оно несомнѣнно служило главнымъ основаніемъ при изготавленіи позднѣйшихъ геологическихъ картъ не только британскихъ острововъ, но и остальныхъ частей свѣта, гдѣ бы такія карты ни дѣлались. Если сравнить человѣку, знакомому съ дѣломъ, новѣйшія издѣлія подобнаго рода съ картой Смита (находящейся въ помѣщеніи геологического общества), старой, потертой отъ времени, то она ничего не потеряетъ отъ такого сравненія, такъ какъ главнѣйшее дополненіе къ ея выводамъ, сдѣланное Мурчisonомъ и Седжвикомъ, заключается только въ изслѣдованіи внутренняго строенія силурійскихъ скалъ Валлиса и съверной Англіи». Впрочемъ, талантъ оксфордширскаго межевщика былъ должнымъ образомъ призванъ и вознагражденъ еще при его жизни. Въ 1831 г. лондонское геологическое общество прислало ему Вульстанову медаль «за великія открытия въ области англійской геологии, а особенно за то, что онъ первый указалъ на тождество земныхъ слоевъ и, по находящимся въ нихъ ископаемымъ, опредѣлилъ ихъ послѣдовательный порядокъ». Вилльямъ Смитъ, путемъ усерднаго труда, пріобрѣлъ себѣ извѣстность, столь-же прочную, какъ и сама наука, которую онъ такъ сильно любилъ. По словамъ вышеприведенного писателя, «пока не будетъ разъяснено, какъ и почему образовались послѣдовательныя формы жизни, до того времени трудно предположить воз-

можность другого открытия въ области геологии,—открытия, равнаго по своей важности тому, какимъ мы обязаны уму Вильяма Смита.

Къ такому же разряду людей привадлежалъ Гуго Миллеръ, человѣкъ съ сильно развитою способностью наблюденія, съ самыми скромными привычками, посвятившій всю жизнь геологическимъ изслѣдованіямъ. Его книга, подъ названіемъ «Школа и наставники», чрезвычайно интересна и въ то же время поучительна. Это—исторія истинно благородного и независимаго ума, развившагося несмотря на неблагопріятныя обстоятельства въ жизни, какія встрѣчаются большинству людей. Книга эта въ особенности поучительна для бѣдныхъ людей, возбуждая ихъ къ самообразованію. Вся жизнь Миллера можетъ служить примѣръ самодѣятельности, дающимъ почетное право на уваженіе. Отецъ его погибъ на морѣ, и Миллеръ ребенкомъ остался на рукахъ матери. Лучшими его наставниками были: мальчики, съ которыми онъ игралъ, люди, между которыми онъ работалъ, и друзья и родные, съ которыми онъ жилъ. Онъ читалъ много, безъ разбора, и занимствовалъ, кроме того, свои познанія отъ плотниковъ, рыбаковъ, старухъ и разныхъ ремесленниковъ. Еще ребенкомъ онъ заинтересовался геологіей, раскалывая камни отцовскимъ огромнымъ молоткомъ и собирая образчики гранита, порфира и слюды. Впослѣдствіи онъ работалъ въ каменоломнѣ, которая была его лучшей школой, потому что пробудила въ немъ сильнѣйшее желаніе изучать геологію. Брускъ темнокраснаго камня и простая глина навели молодого каменщика на глубокое размышленіе. Тамъ, где другой ничего не видѣлъ занимательнаго, Миллеръ подмѣчалъ аналогію, различія и особенности въ попадавшихся на глаза явленіяхъ. Его умъ и зрѣніе были постоянно заготовлены. Онъ всегда былъ серьезенъ, внимателенъ, настойчивъ въ занятіи, и эти-то качества помогли ему широкому умственному развитію.

Любопытство Миллера всегда возбуждалось и поддер-

живалось рѣдкими органическими остатками, въ особенности старинными, вымершими видами рыбъ, папоротника и аммонитовъ, которые ему случалось находить размытыми водою гдѣ-нибудь на берегу или открывать ударами своего молотка. Онъ никогда не упускалъ изъ виду этотъ предметъ, а постепенно увеличивая свой запасъ наблюдений; сличая разныя геологическія формациі, и наконецъ, много лѣтъ спустя, издалъ въ свѣтъ свое въ высшей степени интересное сочиненіе о старомъ красномъ песчаникѣ; это сочиненіе, сразу упрочившее за нимъ репутацію ученаго геолога, было плодомъ многолѣтнихъ терпѣливыхъ наблюдений и изслѣдованій. Онъ самъ скромно говорить въ своей автобіографіи: «единственная услуга, на которую я могу предъявлять права въ области науки, заключается въ терпѣливомъ изслѣдованіи; это заслуга такого рода, что каждый желающій можетъ соперничать со мной и даже превзойти меня; эта-то скромная способность терпѣнія, при должномъ направленіи, можетъ дать больше возможности къ усовершенствованію и развитію извѣстной идеи, чѣмъ даже самая гениальность».

Знаменитый англійскій геологъ Джонъ Броунъ былъ въ ранней молодости, подобно Миллеру, каменщикомъ. Сначала онъ отданъ былъ въ ученье этому ремеслу въ Кольчестерѣ, потомъ работалъ въ Норвичѣ, въ качествѣ поденщика, и наконецъ, въ томъ-же Кольчестерѣ, сталъ заниматься этимъ промысломъ, какъ хозяинъ, на собственный счетъ и съ помощью бережливости и труда составилъ себѣ независимое состояніе. Во время занятія этимъ ремесломъ, вниманіе Броуна было впервые обращено на раковины и ископаемыя; онъ сталъ собирать коллекцію ихъ, которая вслѣдствіи сдѣлалась одною изъ лучшихъ въ Англіи. Плодомъ его изслѣдованій по берегамъ Эссекскаго, Кентскаго и Суссекскаго графствъ было открытие нѣсколькихъ превосходныхъ скелетовъ слона и носорога, лучшіе изъ которыхъ подарены имъ Британскому музею. Въ послѣдніе

годы жизни онъ преимущественно занимался изучениемъ вида foraminifera въ мѣловыхъ пластахъ, относительно которыхъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ открытій. Жизнь Броуна была полезна, счастлива и заслуживала общее уваженіе.

Еще примѣръ знаменитаго дѣятеля изъ той же области знанія представляетъ сэръ Родерикъ Мурчisonъ. По словамъ автора статьи, помѣщенной о немъ, въ журналѣ «Quarterly Review», Мурчисонъ представляетъ рѣдкій примѣръ человѣка, который первые годы жизни провелъ въ званіи солдата, никогда не обращая вниманія на научные занятія, а потомъ, вмѣсто того, чтобы остаться сельскимъ джентльменомъ-охотникомъ, успѣлъ, при помощи природной умственной силы, соединенной съ неутомимымъ трудолюбіемъ и усердіемъ, составить себѣ научную репутацію, сколько обшираю, столько же и прочную. Онъ первый избралъ трудную и малоизслѣдованную область науки, много лѣтъ работалъ надъ разборомъ англійскихъ скалистыхъ формаций, классифицировалъ ихъ по группамъ, въ каждой изъ группъ опредѣлилъ ископаемыхъ, и вообще первый занялся двумя великими главами въ геологической исторіи міра, которые и должны поэтому всегда носить его имя. Сверхъ того, свѣдѣнія, такимъ образомъ приобрѣтенные, онъ приложилъ на болѣе обширномъ поприщѣ, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границей, — такъ что, по справедливости, можно сказать, онъ открылъ въ геологическомъ отношеніи обширныя страны, которые до того времени были «terrae incognitae». Къ этому должно прибавить, что сэръ Родерикъ Мурчисонъ не только геологъ, но, по своимъ неутомимымъ трудамъ въ разныхъ отрасляхъ знанія, достойно можетъ занять мѣсто въ ряду самыхъ совершенныхъ дѣятелей науки вообще.

Обращаясь къ русскому обществу, мы должны, въ отношеніи научной самодѣятельности, поставить на первомъ мѣстѣ знаменитаго русскаго ученаго и поэта, Михаила

Васильевича Ломоносова, который, принадлежа по рождению къ самому бѣдному классу общества, жива въ глухой сторонѣ, сумѣль, при помощи своей энергической натуры, проложить себѣ дорогу чрезъ всѣ физическія и нравственныя препятствія, какія могли встрѣтиться, особенно въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, и оставилъ по себѣ имя, которое каждый русскій можетъ вспомнить съ благодарностью и съ гордостью.

Ломоносовъ былъ сынъ рыбака, родился въ 1711 году, близъ Холмогоръ, въ Архангельской губерніи. Условія мѣстности и самій родъ занятій большинства тамошнихъ жителей, — рыболовство въ Бѣломъ морѣ, — требовали у нихъ отваги и предирпимчивости, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ много пищи для работы умственныхъ силъ. Въ числѣ со-сѣдей и знакомыхъ отца Ломоносова были грамотные крестьяне, и сама мать мальчика, дочь дьякона, старалась, можно предположить, развить въ сына охоту къ грамотѣ. Михайло былъ мальчикъ смысленный, бойкій; лѣтомъ и осенью онъ бѣздила съ отцомъ на рыбный промыселъ въ Бѣлое море, а въ свободное время, зимой, выучился у со-сѣда читать и писать. Черезъ два года ученья онъ уже такъ хорошо зналъ грамоту, что скоро и внятно читаль въ церкви псалтирь и молитвы и могъ рассказывать прочитанное, болѣею частію жизнеописанія святыхъ. Бѣдя съ отцомъ на промыслы, молодой Ломоносовъ научился любить природу, пріобрѣль навыкъ къ наблюдательности и, самое главное, привыкъ къ борьбѣ и къ сильнымъ физическимъ лишеніямъ, неизбѣжнымъ во время плаванія по океану; опытность эта способствовала раннему развитію твердости его характера, которая впослѣдствіи послужила главнымъ условиемъ его успѣховъ.

Но въ семействѣ молодой Ломоносовъ не только не видѣлъ поощренія свой любознательности, а, напротивъ, встрѣчалъ постоянныя препятствія въ занятіяхъ и даже притесненія. Мачиха Ломоносова, — по смерти матери мальчика,

отецъ его женился на другой,—какъ часто бываетъ, ненавидѣла своего пасынка, наговорила отцу его, что Михайло дѣломъ вовсе не занимается, а только сидитъ за книгами. Даже отъ товарищѣй мальчику приходилось переносить насмѣшки и побои за видимое превосходство надъ ними и за любовь къ ученью. Но никакія обиды и преслѣдованія не могли сдѣлать энергической натуры мальчика и не искоренили въ немъ страсти къ ученью. Онъ читалъ всякия книги, какія могъ достать; это были, конечно, большею частію, церковныя и даже ученено-религіозныя. Часто ему случалось вступать въ споры съ старообрядцами, которыхъ особенно много было въ двинскомъ краѣ. Эти противники реформъ Никона увлекали мальчика въ горячія пренія, и даже, на 13 году отъ роду, онъ сорвался въ расколъ безпоповщинскій, отрицавшій всѣ тогдашнія формы церковной и гражданской жизни. Но скоро юноша, читая постоянно Св. Писаніе, самъ обратился опять въ православіе, понявъ, по всей вѣроятности хотя частію, всю односторонность безпоповщинского ученія. Впрочемъ, по какимъ именно причинамъ совершилось это обращеніе, точныхъ свѣдѣній до насъ не сохранилось.

Страсть мальчика къ чтенію не могла удовлетворяться почти совсѣмъ, поэтому онъ очень обрадовался, когда успѣлъ выпросить у сосѣда своего Дудина три книги — псалтирь, грамматику и ариѳметику. Но и читать спокойно ему дома не позволяли. Мачиха стала преслѣдовать его такъ, что онъ для занятія чтеніемъ долженъ былъ уходить въ уединенные и пустыя мѣста, подвергаясь тамъ голоду и холоду. Скоро полученные отъ Дудина книги были выучены наизусть. Узнавъ, что дальние учиться можно только въ Москвѣ, Петербургѣ или Киевѣ, молодой Ломоносовъ рѣшился при первомъ же случаѣ бѣжать въ Москву. Петербургъ былъ имъ въ то время мало извѣстенъ, Киевъ — слишкомъ далекъ, а съ Москвой у холмогорскихъ торговцевъ были постоянныя сношенія. Между тѣмъ, мед-

житъ Ломоносову больше было нельзя, потому что отецъ, возбуждаемый мачихой, и такъ уже былъ сердить на него, за высказанное однажды желаніе идти въ Москву учиться, и хотѣлъ скорѣе женить сына.

Въ концѣ 1730 года Михайло Ломоносовъ оставилъ родину тайно отъ отца, остановился на нѣсколько времени по дорогѣ въ Сійскомъ монастырѣ, гдѣ исполнялъ должность псаломщика, а на пути оттуда присталъ къ шедшему въ Москву обозу съ рыбой. Обозный приказчикъ сначала не хотѣлъ брать его, но отослать назадъ одного было опасно, а притомъ же обозники согласились кормить Ломоносова изъ общей артели до прїезда въ Москву — отказать уже было нельзя. Молодой человѣкъ, вмѣсто платы за прокормъ, старался прислуживать артельщикамъ чѣмъ могъ. По прибытии, чрезъ 3 недѣли, въ Москву, Ломоносовъ первую ночь провелъ въ саняхъ того же обоза, а потомъ идти уже было совершенно некуда: знакомыхъ у него не было тамъ никого, денегъ съ самаго выхода изъ дому ни копѣйки. Тотъ-же приказчикъ при обозѣ предлагалъ Ломоносову отправиться домой, вмѣстѣ съ обозомъ, но молодой человѣкъ объявилъ, что лучше наймется куданибудь въ работники и какъ-нибудь постарается добиться до школы, а домой не пойдетъ. Съ такимъ энергическимъ характеромъ онъ, конечно, не пропалъ. Однѣ изъ земляковъ Ломоносова рекомендовали его своему знакомому монаху Занконоспасскаго монастыря. Тотъ, видя такую необыкновенную любовь юноши къ наукамъ, поговорилъ о немъ съ ректоромъ Занконоспасскаго училища, которое тогда называлось Славяно-греко-латинской академіею; и Ломоносовъ, послѣ испытанія въ своихъ познаніяхъ, принять былъ въ училище, назвавши себя сыномъ священника, потому что крестьянскихъ дѣтей туда не принимали.

Съ поступленіемъ въ академію, трудности не кончились, но Ломоносовъ съ величайшимъ терпѣніемъ преодолѣвалъ всѣ препятствія. Главнымъ изъ нихъ была бѣдность. По-

лучая на содержавіе только по алтыну въ день, онъ, по собственнымъ его словамъ, могъ откладывать на пропитаніе только денежку на хлѣбъ и денежку на квасъ, остальная шла на бумагу, на обувь, на учебныя пособія и на другія нужды. Пришлось выносить и насыпки отъ маленькихъ школьніковъ, которые дразнили Ломоносоватѣмъ, что онъ «болванъ и въ двадцать лѣтъ пришелъ во-латыши учиться». Пріѣзжавшіе по временамъ съ обозами земляки звали его домой, говоря, что отецъ очень хочетъ его увидѣть, что у отца дѣла пошли хорошо, что Михайло тамъ заживетъ въ довольствіи. Но молодой человѣкъ не соглашался на это и учился усерднѣе, чѣмъ когда-нибудь; не ограничиваясь одними уроками, онъ въ свободное время постоянно читалъ книги въ училищной библіотекѣ. Тамъ ему впервые случилось ознакомиться съ сочиненіями по естественнымъ наукамъ и математикѣ, которыхъ пробудили въ немъ сильное желаніе изучать эти науки, не преподававшіяся въ академіи. На одномъ изъ экзаменовъ, обратилъ на него вниманіе знаменитый проповѣдникъ Феофанъ Прокоповичъ и обѣщалъ Ломоносову свою защиту въ прикрытии невиннаго обмана о его происхожденіи. Въ Москвѣ Ломоносовъ научился латинскому языку, ознакомился съ римской литературой, священнымъ писаніемъ и твореніями святыхъ отцовъ. Желая научиться философіи, физикѣ и математикѣ, онъ испросилъ себѣ разрѣшеніе отправиться для этого въ Кіевъ, для слушанія этихъ наукъ въ тамошней академіи, но, видя тамъ одни только словопрепрія, онъ, ранѣе года, возвратился въ Москву, успѣвъ однако-жъ выучиться въ Кіевѣ польскому языку. Въ Занконоспасскомъ училищѣ Ломоносовъ еще съ большимъ, противъ прежняго, рвениемъ принялъся за ученье, но уже и тамъ скучно ему дѣжалось отъ недостатка научной пищи, которой онъ же-лалъ; наконецъ въ 1735 г. петербургская академія наукъ прислала требование доставить въ Петербургъ нѣсколько лучшихъ учениковъ для обученія физикѣ и математикѣ.

Ломоносовъ, конечно, пламенно желалъ воспользоваться этимъ приглашениемъ, и хотя встрѣчались иѣкоторыя затрудненія относительно его происхожденія, но, благодаря участію Феофана Прокоповича, онъ, въ числѣ другихъ 12 семинаристовъ, отправленъ былъ въ Петербургъ.

Пріѣхавъ туда, Ломоносовъ поступилъ въ гимназію, находившуюся при академіи наукъ, гдѣ, впрочемъ, ему пришлось учить все то, что онъ уже зналъ, кромѣ только физики и математики. Ученые тамъ не могло удовлетворить любознательнаго Ломоносова. Положеніе его было тѣмъ непріятнѣе, что училище при академіи наукъ было тогда въ самомъ жалкомъ видѣ: пріѣзжіе ученики терпѣли величайшія лишенія, назначенное содержаніе имъ выдавалось не все и не своевременно. Несмотря на это, Ломоносовъ здѣсь такъ усердно занимался, что академія включила его въ число трехъ лучшихъ воспитанниковъ, назначенныхъ къ отправленію въ Германію для усовершенствованія въ химії и металлургії слушаніемъ лекцій у знаменитаго нѣмецкаго профессора Вольфа. Имъ назначена была на дорогу особая денежная сумма, но выдача ея въ академіи замедлилась, такъ что Ломоносовъ могъ отправиться только осенью 1736 года.

Молодой ученый, съ товарищемъ своимъ Виноградовымъ, поѣхалъ въ Марбургъ, гдѣ и началъ слушать лекціи у Вольфа. Эти лекціи, нѣмецкі-систематическая и точные, придали болѣе правильный характеръ занятіямъ Ломоносова. Здѣсь онъ научился нѣмецкому и французскому языкамъ, изучалъ горное дѣло, занимался изслѣдованіемъ металловъ, цѣлый годъ провелъ на саксонскихъ мѣдныхъ рудникахъ, наблюдалъ на мѣстѣ горнозаводское производство; однимъ словомъ, работалъ неутомимо, хотя, конечно, сошедшись съ товарищами, увлекался иногда съ ними и въ кутежи.

Еще будучи въ Заиконоспасской академіи, Ломоносовъ принимался уже за стихотворные опыты, достоинство ко-

торыхъ, конечно, ниже всякой критики. За границей онъ узналъ германскую поэзію и плодомъ его стараній прімѣнить къ русскому языку правила стихосложенія была, написанная въ 1739 году, ода на взятіе Хотина русскими войсками. Онъ послалъ ее въ Петербургъ: тамъ еще впервые увидѣли подобные стихи на русскомъ языкѣ. Ода очень понравилась академіи и была представлена императрицѣ Аннѣ; по примѣру ея, весь дворъ сталъ восхищаться произведеніемъ новаго поэта, который, до возвращенія своего на родину, даже не зналъ ничего о пріемѣ, сдѣланномъ его одѣ.

Межу тѣмъ, положеніе самого поэта дѣжалось не очень веселымъ на чужбинѣ, отъ недостатка денежныхъ средствъ. Всѣ студенты, посланные за границу русской академіей, постоянно терпѣли большую нужду, вслѣдствіе неаккуратной высылки изъ академіи жалованья, хотя управляющій дѣлами академіи Шумахеръ получалъ деньги, для высылки студентамъ, впередъ за годъ. Положеніе Ломоносова было еще затруднительнѣе, чѣмъ другихъ его товарищей, потому что онъ женился на дочери нѣмца, у которого жилъ. Семейная жизнь, прежде всего, отозвалась на его аккуратности въ слушаніи лекцій, хотя собственно ученье Ломоносова отъ этого не пострадало, потому что послѣ онъ вознаграждалъ пропущенное удвоеннымъ приложениемъ. Съ рожденіемъ дочери, Ломоносовъ все больше и больше долженъ былъ входить въ долги, несмотря на крайнюю экономію, съ которой жило его семейство. Высланныхъ академію денегъ было недостаточно на уплату долговъ и на проѣздъ въ Россію; Ломоносову стала угрожать долговая тюрьма. Въ такомъ отчаянномъ положеніи онъ тайно ночью оставилъ Марбургъ, не простясь съ семействомъ и намѣреваясь свачала пробраться въ Голландію, а оттуда, съ помощью русскаго резидента, уѣхать въ Россію и тогда уже позаботиться о прїездѣ туда жены и дочери и обѣ окончательной расплатѣ съ долгами. Путешествовалъ онъ

пѣшкомъ, питаюсь по дорогѣ милостынею. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ на одномъ ночлегѣ въ Дюссельдорфѣ прусскіе вербовщики обманомъ сдѣлали его солдатомъ, пригласивъ Ломоносова раздѣлить съ ними ужинъ, а потомъ ночью пришли къ его каftану красный воротникъ и на слѣдующее утро увѣрли, что онъ согласился поступить въ солдаты. Ломоносовъ не потерялъ однако-жъ и тутъ присутствія духа и сталъ ревностно учиться военной дисциплинѣ, чтобы лучше обмануть бдительность своего начальства, намѣреваясь при первомъ же случаѣ уѣхать. Ему, дѣйствительно, удалось исполнить свое намѣреніе, хотя онъ едва успѣлъ избѣгнуть гнавшихся за нимъ солдатъ, перейдя въ глазахъ ихъ черезъ голландскую границу. Но и тутъ затрудненія еще не кончились: съ большими лишеніями добрался предпріимчивый путникъ до Амстердама, а потомъ до Гааги, гдѣ представилъ русскому посланнику, графу Головкіну, одобрительные свидѣтельства нѣмецкихъ профессоровъ объ оказанныхъ имъ за границей успѣхахъ въ ученьѣ. Съ помощью Головкина, Ломоносовъ отплылъ наконецъ въ 1741 году въ Россію, увѣдомивъ предварительно жену о своемъ положеніи.

Путешествіе за границу было все-таки очень полезно для развитія нашего ученаго. Въ научномъ отношеніи, преимущественно въ изученіи естественныхъ наукъ, для которыхъ онъ и былъ посланъ, Ломоносовъ сдѣлалъ большие успѣхи. Привыкнувъ еще въ Россіи къ наблюденіямъ надъ природою, онъ гораздо больше находилъ матеріала для нихъ въ Германіи и впослѣдствіи предложилъ новый взглядъ на строеніе земной коры и первый высказалъ мысль о дѣйствіи подземнаго огня на образованіе горныхъ породъ.

Въ отношеніи образования характера, Ломоносовъ, хотя и противъ желанія, также сдѣлалъ большие успѣхи за границей. Борьба съ различными физическими лишеніями сообщила его характеру твердость и нравственно закалила

Ломоносова, такъ что онъ прибылъ въ Россію уже хорошо подготовленный къ той борьбѣ,—хотя и совершенно иного рода—, которая его ожидала на родинѣ, или, точнѣе, въ академіи.

Возвратившись въ Петербургъ, Ломоносовъ засталъ уже нового президента академіи, совершенно ему неизвѣстнаго. Несмотря на представленные русскимъ ученымъ аттестаты отъ заграничныхъ ученыхъ объ отличныхъ успѣхахъ въ наукахъ, академики приняли молодого человѣка сухо, упрекая его въ своеvolіи, возвращеніи изъ Германіи безъ ихъ предварительного разрѣшенія; но какъ нужно же было чѣмъ-нибудь рѣшить, то вѣльши ему представить отчетъ о своемъ путешествіи. Тутъ Ломоносовъ имѣлъ возможность обнаружить всю глубину и разносторонность пріобрѣтенныхъ имъ познаній, такъ что отчетъ его, необыкновенною ясностью и точностью свѣдѣній, обратилъ на себя вниманіе даже нѣмцевъ-академиковъ.

Шумахеръ, управлявшій тогда почти неограниченно дѣлами академіи, назначилъ Ломоносова состоящимъ по переводной части и поручилъ ему составить описание минералогического кабинета, съ такимъ иничтожнымъ жалованьемъ, что онъ въ теченіе двухъ лѣтъ не могъ вывезти изъ-за границы свое семейство.

Ломоносовъ ревностно принялся за свои скромныя занятія, зная, что только трудомъ онъ могъ проложить себѣ дорогу для будущаго. Въ своей блестящей пробной лекціи о химіи, возбудившей любопытство довольно многочисленной публики, которая собралась посмотретьъ на первого русскаго ученаго, пріѣхавшаго изъ-за границы, Ломоносовъ, своими многосторонними свѣдѣніями и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, возбудилъ всеобщее одобрение и впервые познакомился съ молодымъ Шуваловымъ, который былъ впослѣдствіи его покровителемъ и другомъ. Послѣ этого, онъ былъ уже окончательно опредѣленъ на службу въ академію, хотя сначала только въ званіи адъ-

юлкта, съ назначениемъ вмѣстъ съ тѣмъ въ академическую гимназію учителемъ физики и химіи.

Несмотря на занятія реальными науками, составлявшими его специальность, Ломоносовъ не оставлялъ и поэтическихъ произведеній, посредствомъ которыхъ едѣлся, наконецъ, извѣстенъ императрицѣ Елизаветѣ. Но для того, чтобы достигнуть только возможности поднести Государынѣ оду, написанную по поводу ея вступленія на престолъ, Ломоносову пришлось много добиваться, много просить, и при всемъ томъ неизвѣстно, удалось ли бы ему это, если бы не знакомство съ Ив. Ив. Шуваловымъ, который окказалъ Ломоносову въ этомъ отношеніи свою помощь. Можетъ быть, некоторые въ такомъ усиленномъ искательствѣ Ломоносова и въ его обычай писать оды высокимъ особамъ найдутъ дѣйствіе предосудительное, унижающее человѣка. Если судить строго и смотрѣть притомъ съ современной точки зрѣнія, то надобно будетъ согласиться съ этимъ. Но Ломоносовъ жилъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда поэтовъ въ настоящемъ смыслѣ слова не было, также какъ не было и литературы: на то и на другое еще смотрѣли, какъ на забаву вѣкоторыхъ праздныхъ вельможъ. При томъ складѣ, какой имѣло тогда русское общество, и при томъ уровнѣ развитія, какимъ оно обладало, литературу могла вывести изъ увиженаго положенія еще не внутренняя сила, которой у нея тогда и не было, но сила вѣнчаная, покровительство людей могущественныхъ, совершенно необходимое до того, очень недалекаго впрочемъ уже времени, когда литература сама всталла на ноги. Но у Ломоносова была болѣе близкая причина искать покровительства, и надо сказать правду, при его положеніи, причина, не лишенная основательности. Съ семействомъ онъ все еще былъ разлученъ, по недостатку средствъ на высылку женѣхъ денегъ для проѣзда. Занятія его въ академіи шли неудовлетворительно, частію также по недостатку средствъ, частію вслѣдствіе интригъ противъ него другихъ академи-

новъ — нѣмцевъ и управлявшаго дѣлами академіи, также нѣмца, Шумахера. Впрочемъ, Ломоносовъ отчасти и самъ былъ виноватъ въ постоянныхъ спорахъ съ окружавшими. Злоупотребленія Шумахера, стѣснявшаго нашего ученаго въ доставленіи самыхъ простыхъ матеріаловъ для ученыхъ трудовъ и ставившаго ему на каждомъ шагу препятствія, раздражали Ломоносова, и онъ, по своей обыкновенной горячности, былъ неостороженъ въ выраженіяхъ, что, конечно, еще увеличивало число его враговъ. Печальное настроение Ломоносова усилилось вслѣдствіе дурныхъ вѣстей о старикѣ - отцѣ, котораго онъ все еще надѣялся увидѣть. Старый рыбакъ отправился въ море на ловлю и тамъ погибъ. Трупъ его нашли выброшеннымъ бурею на морской островъ.

Отъ своихъ вевзгодъ Ломоносовъ находилъ утѣшеніе въ стихотвореніяхъ, которыми продолжалъ заниматься въ свободное время; такимъ образомъ написалъ онъ вѣсколько оды, большую частію религіознаго характера. Между тѣмъ жена Ломоносова, остававшаяся все еще за границей въ бѣдственномъ положеніи, прислала ему наконецъ письмо, вслѣдствіе котораго Ломоносовъ немедленно выслалъ ей деньги на проѣздъ.

Съ возвращеніемъ семейства, Ломоносовъ сталъ спокойнѣе, находя отдыхъ послѣ заботъ и непріятностей въ академіи. Научные занятія его продолжались попрежнему ревностно: Ломоносовъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Рихманомъ, изслѣдовалъ свойства электричества, дѣлалъ опыты надъ электрической искрой, и при одномъ изъ такихъ опытовъ Рихманъ былъ убитъ молniей,—потому что, дотрогиваясь до желѣзного шеста, поставленного во время грозы на крыше, ученые желали вызвать искры разныхъ цветовъ, но не прияли предосторожности соединить шесть съ землею металлическою цѣпью, которая послужила бы громоотводомъ: электрический ударъ прошелъ чрезъ Рихмана и убилъ его на мѣстѣ, а Ломоносовъ спасся только

случайно тѣмъ, что на это время былъ вызванъ домой къ обѣду.

Интриги противъ Ломоносова все продолжались въ академіи: пружиною ихъ былъ Шумахерь, который, чтобы унизить Ломоносова, употребилъ всѣ старанія сдѣлать профессоромъ краснорѣчія въ академіи извѣстнаго плохого поэта и малоспособнаго человѣка—Тредыяковскаго.

Ломоносовъ, между тѣмъ, попрежнему оставался адъюнктомъ и только благодаря ходатайству своихъ постоянныхъ покровителей назначенъ былъ въ 1745 году профессоромъ физики и химіи. Здѣсь ему представилось уже болѣе обширное поприще для дѣятельности, и онъ усерднѣе прежнаго началъ заниматься избранными предметами, устроилъ при академіи химическую лабораторію, въ которой произвелъ много изслѣдований,—между прочимъ, надъ фарфоромъ. Увидѣвъ однажды у Воронцова мозаическую картину, составленную изъ двѣтныхъ стеколъ и каменьевъ, Ломоносовъ захотѣлъ самъ составить такую же картину и вообще ввести мозаическое искусство въ Россіи. Для этого онъ перечиталъ всѣ книги, какія случились около него по этому предмету, изучалъ способъ приготовленія разноцвѣтныхъ стеколъ и, наконецъ, самъ сталъ приготавлять ихъ, плавилъ и переливалъ металлы и стекло и скоро сдѣлалъ нѣсколько образцовъ мозаическихъ картинъ. Но эта сторона дѣла шла успешно потому, что вполнѣ зависѣла отъ труда и настойчивыхъ усилий самого ученаго: оставалась другая, формальная сторона — испрошеніе официальными путемъ средствъ для устройства мозаической фабрики. Поданная обѣ этомъ просьба въ Сенатъ, вѣроятно, не разрѣшилась бы скоро, если бы Ломоносовъ не обратился опять къ помощи Шувалова, чрезъ посредство котораго ученому выдана была на это производство привилегія и отпущены заимообразно деньги на устройство фабрики, первымъ капитальнымъ произведеніемъ которой было мозаическое изображеніе Петра Великаго. Ломоносовъ первый ввелъ это

искусство въ Россіи. Кромѣ того, онъ постоянно заботился объ извлечениіи пользы для своего отечества и изъ разныхъ другихъ источниковъ, а также о распространеніи въ Россіи возможно большаго просвѣщенія. Съ этими цѣлями, онъ нѣсколько разъ обращался къ правительству съ просьбами разнаго рода,—какъ, напримѣръ, чтобы велѣно было присыпать въ Петербургъ изъ разныхъ концовъ государства образцы различныхъ камней, глины, песку, вызываясь притомъ самъ разсматривать ихъ, промывать песокъ, чтобы быть въ состояніи опредѣлить, какие въ Россіи находятся металлы; постоянно высказывалъ мысль о необходимости для Россіи гимназій и университетовъ, содѣйствовалъ учрежденію въ 1755 г. первого университета Московскаго и предлагалъ не одинъ разъ проекты о преобразованіи самой академіи. Кромѣ своихъ обязательныхъ занятій по естественнымъ наукамъ, по которымъ онъ очень удовлетворительно для того времени объяснялъ причины теплоты, дождя, сѣверного сіянія, и высказалъ нѣкоторыя дѣльные геологическія предположенія, Ломоносовъ читалъ еще лекціи о русскомъ языкѣ, составлялъ русскую грамматику, и, наконецъ, по желанію Императрицы, ему же было поручено и составленіе русской исторіи, хотя это занятіе было ему не совсѣмъ пріятно, потому что отвлекло отъ определенного круга дѣятельности, для которого онъ уже употребилъ много труда и пысканій. Для исполненія всѣхъ занятій Ломоносову часто недоставало дня, — тогда онъ вознаграждалъ этотъ недостатокъ ночью.

Столкновенія и непріятности съ академиками продолжались: Ломоносовъ, какъ всегда, былъ горячъ и тѣмъ вооружалъ всѣхъ противъ себя. Но при этомъ мы считаемъ нужнымъ не пропустить одинъ его поступокъ, который оправдать уже нельзя горячностью и который составляетъ единственное довольно крупное пятно на хорошей репутаціи Ломоносова, какъ человѣка. На торжественномъ актѣ въ академіи, на который ожидали Императрицу, профес-

серь Миллеръ намѣревался прочитать рѣчь: «объ имени и началѣ россійскаго народа», въ которой говорилъ, между прочимъ, что основатели русскаго царства пришли изъ Скандинавіи. Рѣчь эта была передана на разсмотрѣніе общаго собранія академіи, и Ломоносовъ, который самъ хотѣлъ говорить на этомъ актѣ и, сверхъ того, считалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что Миллеръ назначался для публичнаго чтенія по предмету, которымъ онъ самъ занимался по особому порученію,—настояль, чтобы диссертациія Миллера, оскорблявшая будто бы народную славу Россіи, была устраниена. Вопросъ не въ томъ, дѣйствительно ли казалось Ломоносову обиднымъ для русскаго національнаго чувства происхожденіе отъ Скандинавовъ, — обиднаго тутъ нѣть ничего по здравому смыслу, въ которомъ у Ломоносова недостатка не было и который долженъ бы быть ему подсказать истину даже въ случаѣ дѣйствительнаго существованія такого предразсудка въ окружающихъ. Вѣрѣть предположить, что Ломоносовъ опасался, чтобы Миллеръ не затмилъ его и чтобы такимъ образомъ ему самому не оставаться въ тѣни. Какъ бы то ни было, Ломоносовъ самъ читалъ на этомъ актѣ похвальное слово Императрицѣ, обратившее на себя тогда всеобщее вниманіе.

Ломоносовъ продолжалъ заниматься и чисто-литературными трудами, началь поэму въ честь Петра Великаго и написалъ нѣсколько драматическихъ произведеній. За эти труды и стихотворенія онъ больше пріобрѣталъ и покровителей и враговъ; многие завидовали ему; Сумароковъ, писатель безъ таланта, но, за неимѣніемъ другихъ, занимавшій видное мѣсто съ тогдашней литературѣ, говорилъ, что Ломоносовъ подражаетъ ему, «обкрадываетъ» его трагедіи. Враги старались унизить труды Ломоносова и нападали на мозаическое искусство, которымъ онъ занимался; старались останавливать въ академическихъ собраніяхъ его предложения, неоспоримо дѣльные, какъ, напримеръ, о томъ, чтобы нѣкоторыя науки преподавались не

на латинскомъ, какъ было до тѣхъ поръ, а на рускомъ языке: предложеніе это было отвергнуто академиками, подъ тѣмъ предлогомъ, что русскій языкъ неспособенъ для выраженія мыслей объ ученыхъ предметахъ. Долго бы перечислять всѣ труды Ломоносова и попытки его къ распространенію въ рускомъ народѣ просвѣщенія не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности. До конца жизни Ломоносовъ неутомимо боролся за это дѣло со всѣми препятствіями, какія воздвигались окружавшими его иностранцами, дѣйствовавшими частію подъ прямымъ вліяніемъ недоброжелательства къ русскому ученому, частію раздражаемыи его неумѣреннымъ и рѣзкимъ характеромъ. Онъ оставилъ намъ цѣлый рядъ своихъ ученыхъ трудовъ, особенно по естественнымъ наукамъ, и много стихотвореній. По нашему мнѣнію, ученый Ломоносовъ стоитъ выше литератора: его физическая открытия опередили въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иностранцевъ, а плоды трудовъ надъ усовершенствованіемъ русского языка мы видимъ и теперь. Ломоносовъ умеръ въ 1765 г. отъ болѣзни, развившейся вслѣдствіе неумѣренного употребленія горячихъ напитковъ, а эта несчастная страсть была слѣдствіемъ его постояннаго раздраженія и утомленія отъ борьбы съ окружавшими его недоброжелателями. Императрица Екатерина II приняла личное участіе въ Ломоносовѣ и при ней положеніе его значительно улучшилось. Подъ конецъ жизни онъ былъ уже членомъ разныхъ иностраннныхъ ученыхъ обществъ.

Если Ломоносовъ, при внимательномъ обсужденіи его характера, и не вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ строгимъ требованіямъ, то мы можемъ объяснить это частію той обстановкой, которая его окружала, и временемъ, въ которое ему пришлось жить, частію его раздражительностью, которая, при живомъ характерѣ Ломоносова, особенно развилась въ немъ подъ вліяніемъ препятствій и затрудненій всякихъ рода, встрѣчавшихся въ его жизни на каждомъ шагу.

Притомъ же всѣ его недостатки блѣднѣютъ и исче-

заятъ предъ той пользою, какую онъ доставилъ Россіи и которой пріобрѣлъ право на всегдашнее уваженіе, какъ одинъ изъ лучшихъ, трудолюбивѣшихъ ея гражданъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ привести нѣсколько мыслей изъ письма Ломоносова къ Шувалову «о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа». Нѣкоторые взгляды, высказанные Ломоносовымъ въ этомъ письмѣ въ половинѣ XVIII столѣтія, могутъ быть употреблены съ пользою и обращены въ поученіе для иныхъ членовъ русскаго общества еще и теперь болѣе ста лѣтъ спустя. Такъ, напримѣръ, о невоздержаніи во время праздниковъ Ломоносовъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Легко разсудить можно, что, готовясь къ воздержанію великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и гоѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частые похороны доказываютъ это. Розговѣнныя подобно тому же. Какъ съ привязу спущенные собаки, какъ наполненная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ; тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежать безъ памяти отягченные обѣядѣніемъ и пьянствомъ, тамъ валяются обнаженные и утомленные недавніе постники. Между тѣмъ, бѣдный желудокъ, привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать тучныя и сальныя брашина въ сжатые и ослабѣвшіе проходы и, не имѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренные яденія по жиламъ посылаютъ; они спираются, пресѣкается теченіе крови и душа изъ тѣсноты тѣла прямо улетаетъ. Для увѣренія о семъ можно справиться по церковнымъ запискамъ, около котораго времени въ цѣломъ году у поповъ больше меду на кутью исходить. Неоспоримое есть дѣло, что неровное теченіе жизни и круто перемѣнное питаніе тѣла не только вредно человѣку, но и смертоносное, такъ что выше-

шсанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ праздниковлюбцевъ, самоубийцами почесть можно». «Ученъемъ вкорените всѣмъ въ мысли, что Богу пріятіе, когда имѣешь въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубійства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества; что обманщикъ, грабитель, неправосудный, издоимецъ, воръ и другими образами ближняго повредитель прощенія не сыщетъ, хотя бы вмѣсто обыкновенной пищи въ семь недѣль бѣлъ щепы, кирпичъ, мочала, глину и уголье, и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ, вмѣсто земныхъ поклоновъ». Вотъ еще замѣчанія Ломоносова о народномъ здравіи: «Для уничтоженія простыхъ безграмотныхъ мужиковъ и бабъ, которые лѣчать наугадъ, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслять, съ вороженiemъ и шептаніями, требуется по всѣмъ городамъ довольноное число докторовъ, лѣкарей и аптекъ, удовольствованныхъ лѣкарствами, хотя бы только по нашему климату пристойными, чего не токмо нѣть и сотовой доли, но и войско россійское не довольно снабжено медиками, такъ что лѣкаря не успѣваютъ перевязывать и раненыхъ, не только чтобы всякаго осмотрѣть, выспросить обстоятельства, дать лѣкарства и тѣмъ страждущихъ успо-коинть. Отъ такого непризрѣнія, многіе, коимъ бы ожить, умираютъ». Указывая на зло, Ломоносовъ предлагалъ и мѣры для его устраненія, говоря, что «нужно послать довольноное число учениковъ за гравицу, для изученія лѣкарской науки, и, увеличивъ число русскихъ университетовъ, дать имъ права производить достойныхъ въ доктора; медицинскому же управлению подтвердить накрѣпко, чтобы какъ въ аптекахъ, такъ и при лѣкаряхъ было довольноое число учениковъ русскихъ, которыхъ бы они въ опредѣленное время своему искусству обучали». «Стыдно и досадно слышать, что ученики русского народа, будучи по десяти т больше лѣть въ аптекахъ, почти никакихъ лѣкарствъ

составлять не умѣютъ», говорить Ломоносовъ и объясняетъ это тѣмъ, что «аптекари держать еще учениковъ нѣмецкихъ, а русскіе при решеткѣ и при угольѣ до старости доживаются и учениками умираютъ, а нѣмецкими всего государства не наполнить». Въ этомъ же письмѣ Ломоносовъ, въ числѣ причинъ, препятствующихъ увеличенію населенія, называетъ и браки между лицами слишкомъ неравныхъ лѣтъ. Сказавъ о существовавшемъ тогда въ деревняхъ обычай (кажется и теперь онъ еще не вездѣ вышелъ изъ употребленія) выдавать замужъ взрослыхъ и зрѣлыхъ девушки за молодыхъ, еще подростающихъ парней, ученый видитъ въ этомъ обычай, кроме препятствія увеличенію населенія, еще и вредное влияніе на народную нравственность. Затѣмъ онъ упоминаетъ въ такомъ же смыслѣ о бракахъ поневолѣ (что тогда было въ большомъ употребленіи, да и нынѣ не рѣдкость гдѣ-нибудь въ столицѣ), о бракахъ старииковъ съ молодыми девицами; неодобрительно отзыается о правилѣ не жениться и не выходить замужъ болѣе трехъ разъ и о постриженіи въ монахи вдовыхъ молодыхъ священниковъ и дьяконовъ. Еще говорить онъ, что «въ Россіи аптеками весьма скучно, и многие попы, не только деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцевъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, отчего бываетъ частая смерть новорожденныхъ». Въ концѣ письма Ломоносовъ высказываетъ предположеніе, что при этихъ мѣрахъ (приведенныхъ нами и еще некоторыхъ другихъ) населеніе Россіи могло бы ежегодно увеличиваться не менѣе какъ на полмилліона человѣкъ.

Большая часть изъ высказанныхъ Ломоносовымъ въ этомъ письмѣ замѣчаній и выкотороя предположенія могли бы быть съ пользою приложены и къ современному обществу, но, не имѣя надобности теперь входить въ подробное разсмотрѣніе этого предмета, мы ограничиваемся только указаніемъ, какъ Ломоносовъ заботился объ улучшенії

народной жизни, которую эналь близко въ годы своего дѣтства и первой юности. Этотъ человѣкъ посвятилъ всю свою жизнь сначала на свое просвѣщеніе, а потомъ на распространеніе образованія въ своемъ отечествѣ и все-таки еще не былъ доволенъ своими трудами, считалъ ихъ недостаточными. За нѣсколько дней до смерти онъ сказа-
зть: «Я на смерть взираю равнодушно, но сожалѣю о томъ, чего не успѣлъ совершить для пользы науки, для славы отечества и академіи нашей».

Ломоносовъ былъ человѣкъ вспыльчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный и веселый, любилъ ободрять всѣхъ, кто занимался науками, и не скучился на помощь бѣднымъ, или изъ собственныхъ средствъ, или стараясь исходатай-
ствовать для нихъ пособіе, если по обстоятельствамъ это было возможно; такъ, напр., онъ просилъ о вдовѣ и дѣ-
тяхъ несчастнаго Рихмана, который умеръ «прекрасною смертю, исполняя по своей профессіи должностъ», а между тѣмъ семейство этого профессора оставалось въ крайности. Ломоносовъ не забылъ и своихъ архангельскихъ родныхъ, пирожевъ иногда съ приходящими въ Петербургъ земля-
ками, которые привозили на продажу рыбу.

Вообще этотъ человѣкъ, вышедший изъ среды русскаго народа, своими неутомимыми и полезными трудами на пользу русского просвѣщенія, своею энергическою волею и настойчивыми усилиями къ собственному образованію, представляетъ, повторяемъ, первый и лучшій образецъ между знаменитыми дѣятельными людьми русскими и служить яркимъ доказательствомъ того, что если сила само-
дѣятельности еще не проявилась, какъ слѣдуетъ, между русскими людьми, такъ можетъ проявиться, несмотря ни на какія препятствія, была бы только охота взяться за дѣло.

Такого рода люди выходили изъ низшихъ классовъ рус-
скаго народа не только во время сравнительно новѣйшее,
хотя тогда они являются и чаще, чѣмъ прежде, — но и въ

эпохи значительно отдаленныя. Общепримѣръ такихъ людей изъ прежнихъ временъ служить Домоносовъ. Но еще раньше его жилъ другой знаменитый представитель крестьянства Петровскихъ временъ—Посошковъ. О жизни его дошло мало подробностей, сохранились только его сочиненія, къ которымъ мы потомъ и обратимся.

Посошковъ родился въ концѣ XVII столѣтія отъ крестьянина одного подмосковнаго селенія. О дѣтскихъ годахъ его ничего неизвѣстно: знаемъ только, что онъ выучился грамотѣ у дьячка и отличался любовью къ чтенію; но такъ какъ условия жизни требовали занятія какими-нибудь мастерствами, то Посошковъ выучился ружейному мастерству, водочному дѣлу и еще нѣсколькимъ, а постоянно занимался торговлею, которой поживалъ себѣ хорошее состояніе; купилъ землю въ разныхъ мѣстахъ и построилъ винокуренный заводъ. Записки Посошкова о разныхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, о новомъ устройствѣ некоторыхъ отечественныхъ дѣлъ навлекали на него много враговъ; на Посошкова часто дѣлали доносы и, вслѣдствіе ихъ, онъ не разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ; но, несмотря на это, онъ все-таки не унывалъ и продолжалъ писать свои проекты, основанные на многолѣтней опытности автора, который, бывая по торговымъ дѣламъ въ разныхъ городахъ и внимательно всматриваясь въ окружающую жизнь, хорошо зналъ Россію. Совѣты Посошкова отличаются здравымъ, практическимъ взглядомъ, въ нихъ видно близкое знакомство съ тогдашнимъ общественнымъ положеніемъ крестьянства и купечества, что особенно было важно въ ту эпоху, когда Петръ I пересаживалъ въ Россію иностранные порядки, не всегда притомъ соображаясь съ народнымъ духомъ. Такъ Посошковъ уже въ то время высказывалъ необходимость улучшения быта крестьянъ, окончательно закрѣплявшихся тогда за помѣщиками; онъ говорилъ: «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы». Посошковъ, живя съ народомъ и помня преданія о зем-

скихъ сборахъ, о земскихъ совѣтахъ, понималъ необходимость «народосовѣтія», земскаго строенія, т. е. народныхъ основъ въ государственномъ устройствѣ,—тогда какъ извѣстно, что именно въ то время послѣдніе слѣды этихъ земскихъ основъ были уничтожены. Крестьянинъ Посошковъ требовалъ уничтоженія препятствій въ свободѣ промышленности и торговли, между тѣмъ какъ тогдашняя администрація тщательно прививала къ Россіи ненужные и стѣснительные немецкіе порядки и формальности, отживавшіе свое время и на родинѣ. Такимъ образомъ, представитель народа, современный реформамъ Петра, прекрасно оцѣнивалъ ихъ въ то уже время, не увлекаясь на сторону защитниковъ старины, но и не находя особенно хорошими нововводимые порядки въ томъ видѣ, какъ они заводились. Если прибавить, что такие взглѣды выражались у него языкомъ смѣлымъ и начѣмъ не стѣсняющимся, то будетъ понятно, что онъ долженъ былъ нажить себѣ враговъ, которые выставляли его человѣкомъ беспокойнымъ и потому вреднымъ; Петръ, конечно, сумѣлъ бы оцѣнить настоящее значеніе мыслей Посошкова, но завистники не допускали его главнѣйшихъ сочиненій до государя. При всемъ томъ, Посошковъ, какъ мы сказали, изъ-за преслѣдованій не оставлялъ занятій тѣмъ, что считалъ полезнымъ для Россіи. Кроме теоретическихъ разсужденій (хотя и основанныхъ всегда на опыта), онъ старался при случаѣ оказывать отечеству помощь совершенно практическую: такъ при недостаткѣ пороха въ военное время, Посошковъ, зная, что для приготовленія пороха нужна сѣра, сталъ развѣдывать пластиы ея въ землѣ гдѣ-нибудь по близости къ мѣсту военныхъ дѣйствій, и дѣйствительно нашелъ въ Новгородской губерніи.

Посошковъ умеръ въ 1726 г. въ тюрьмѣ, гдѣ содержался уже нѣсколько времени, какъ колодникъ, въ окотвахъ; ненависть сильныхъ людей того времени преслѣдовала его особенно за книгу «О скучности и богатствѣ», въ

которой онъ рѣзко отзыается о порядкахъ и влиятельныхъ классахъ тогдашняго общества. Эта книга — самое известное и лучшее изъ сочиненій Посошкова; въ ней высказано много мыслей, еще и теперь далеко не лишенныхъ значенія. Но прежде, нежели обратимся къ ней, упомянемъ еще о наставлениі Посошкова сыну, отправленному въ 1708 г. за границу для образованія. Въ этомъ «отеческомъ завѣщательномъ поученіи» Посошковъ советуетъ своему сыну—изучить скорѣе иностранные языки «ради удобнаго полученія наукъ», советуетъ беречь время и руководствоваться въ жизни «правилами честнаго удержанія», т. е. бережливости и аккуратности; несмотря на то, что имѣя самъ, съ помощью тѣхъ-же правилъ, порядочное состояніе, онъ высыпалъ сыну деньги изобильно. Затѣмъ приведемъ нѣсколько выписокъ изъ знаменитаго сочиненія «О скудости и богатствѣ», какъ любопытное историческое указаніе на состояніе тогдашняго русскаго общества. «Подобаетъ пещися,—говорить Посошковъ,—и о всенародномъ обогащеніи, дабы всякие люди даромъ и напрасно ничего не тратили... но всѣ-бы по возможности увеличивали свое богатство. Не то царственное богатство, что въ царской казнѣ много лежащей казны, но то самое царственное богатство, ежели-бы весь народъ по мѣстностямъ своимъ богатъ былъ своимъ домашнимъ внутреннимъ богатствомъ». Послѣдняя мысль вполнѣ справедлива, но должно замѣтить и то, что обиліе въ казнѣ денегъ именно зависитъ отъ степени благосостоянія народа, такъ что, доводъ Посошкова не соответствуетъ заключенію. О духовныхъ лицахъ и ихъ обязанностяхъ Посошковъ разсуждаетъ такъ: «пресвитеру не токмо землю пахать, но торговать никакимъ не подобаетъ торговывать, дабы и отъ того помышленства церковной службѣ и паству духовной не чинилось, понеже они отъ мірскаго житія отѣлены суть на службу Божію, и потому ни о чёмъ иномъ, кроме службы церковной и паствы духовной, пещися имъ не подобаетъ». Для этого Посошковъ

находить нужнымъ, чтобы «прихожане отъ всякой своей пищи отдалилъ церковникамъ десятину или двадцатину, дабы таковыми порядкомъ они сыты были и безъ пашни».

Само собою разумѣется, что это послѣднее сужденіе несправедливо не только въ наше время, но даже и по отношенію къ той эпохѣ, когда жилъ Посошковъ. Не говоря уже о томъ, что честный мірской трудъ не только не несомнѣнѣйствуетъ въ обязанностями духовнаго лица, но внушиаетъ еще большее къ нему уваженіе, — подобный налогъ на мірянъ въ высшей степени несправедливъ и прямо повелѣбы къ раздраженію противъ духовенства.

О состояніи правосудія въ то время Посошковъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія, составляющія самое лучшее мѣсто въ его книгѣ; онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидить, а Божіей правды ви слѣда нѣть: всѣхъ свидѣтелей пишутъ заочно, а и попы и дьяконы пишутъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался и на словахъ не слыша, да руки къ обыскамъ прикладываютъ. Въ насть неправда весьма твердо вкоренилась: кто кого сможетъ, тотъ того и давить, а когдѣ люди ядовитые, то маломочныхъ въ конецъ разоряютъ, и отъ мала даже до велика всѣ стали быть поползновенны: овые ко взятиямъ, овые же, бояся сильныхъ лицъ, не боятся Бога и бѣдняковъ. Того ради во установлениіи правосудія вельми пристойно изслѣдоватъ многонароднымъ совѣтомъ. И къ сочиненію судебнай книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей и отъ гражданства, когдѣ въ судебныхъ и въ иныхъ дѣлахъ искусны, и отъ высокаго чина... и отъ иныхъ чиновъ, когдѣ нещеславны и т. д.; а не худо-бы выбрать и изъ крестьянъ, когдѣ въ старостахъ и въ сотеныхъ бывали и во всякихъ нуждахъ перебывали и въ разумѣ смысленные. И написавъ тѣ новосочиненные пункты, всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ при-

нужденіемъ, дабы въ томъ изложении какъ высокородивъ, такъ и низкородивъ... обиды бы и уг҃еніе отъ недознанія ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложениі не было. И если кто узрить какую неправостную статью, то бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что въ чей неправость и, ничего не опасался, подаль-бы ко исправленію той книги, понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели въ пномъ комъ, и того ради безъ многосостѣя и безъ вольнаго голоса никакъ невозможно». Эти сужденія о неправомъ судѣ писаны полтора вѣка тому назадъ, но они не лишены значенія и въ настоящее время, потому что Россія только нынѣ получила настоящій судъ, построенный на правыхъ основаніяхъ, какія только возможны при современномъ положеніи русского общества. А вотъ суждевія Просошкова о ниществѣ и о трудѣ: «Кои нашие хворы и увѣчны, и престарѣды, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходять здоровые... и тѣхъ... хватать въ городахъ и въ деревняхъ... въ приказную палату, а оттуда бы ихъ отсылать къ каковимъ дѣламъ государевымъ. А иные сами не промышляютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыни просить. И таковыми нищими, освидѣтельствовавъ, надлежитъ и наказаніе дать неоскудное, чтобы даромъ хлѣба не ъли. Во всѣхъ городахъ и селахъ, и деревняхъ каждый годъ сколько хлѣба съѣдаются такие тунеядцы. И такая великай погибель чинится вся отъ нерадѣнія; въ поборахъ за гривну изъ человѣка хотятъ душу вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ напрасно, того ни мало не смотрять, не внимаютъ тому, какъ-бы въ чемъ прокъ сдѣлать къ пополненію царственнаго и народнаго интереса и богатства... Кои для работы годны, то братъ ихъ на государево дѣло... чтобы безъ работъ никакой человѣкъ не былъ. Всѣмъ правительямъ надлежитъ смотрѣть, чтобы ничто никогда даромъ не пропадало, и никакіе-бы люди даромъ хлѣба не ъли, но всѣ-бы трудились и плодъ приносили».

Затѣмъ въ главахъ о купечествѣ, которымъ, по сло-

вамъ нашего мыслителя, «царство украшается», и крестьянствъ у Посошкова встречаются такія мысли: «И хорошо бы въ купечествѣ то учинить, чтобы всѣ другъ другу помогали и до нищеты никого не допускали. Если своими деньгами не могутъ кого оправить, то изъ сборных казны изъ ратуши давали-бы имъ изъ процента на промыселъ, дабы никто промышленный человѣкъ во убожество великое отъ какого своего упадка не входилъ. Не малый вредъ крестьянамъ чинится отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣть, и кто къ нимъ пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или безъ указа, да скажеть, что указъ у него есть, то тому и вѣрять, и оттого терпять излишнѣе убытки,—и въ поборахъ много съ нихъ берутъ излишнихъ денегъ. И ради охраненія отъ таковыхъ... не худо-бы крестьянъ и поневолить, чтобы они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дѣячкамъ или кому иному въ наученіе грамотъ читать и писать. Не худо-бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ. А и сіе весьма неправодѣлается, что помѣщики на крестьянъ своихъ налагають бремена, неудобно носимыя, и излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ. Лучше и помѣщикамъ расположение указанное, почему имъ съ крестьянъ учинить оброку и иного чего брать и по скольку дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и иного какого издѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить и себя прокормить безъ нужды. Въ народѣ нашемъ великое пьянство есть. Безмѣрное питіе ничего доброго не приносить, но токмо приносить ума нарушеніе и въ здравіи поврежденіе, пожитковъ лишеніе и безвременную смерть. А если кто непрестанно будетъ пить безъ воздержанія, то всего себя погубить; и того ради всячески надобно постараться, какъ-бы пьянства изъ народа поубавить». Взглядъ на помѣщиковъ, выраженный въ этихъ словахъ, состав-

ляетъ теперь уже достояніе исторіи, но замѣтки о пьянствѣ, о грамотности писаны какъ-бы современнымъ человѣкомъ и показываютъ въ крестьянинѣ-авторѣ глубокое пониманіе русскаго быта. Но, говоря объ обязательномъ обученіи у крестьянъ, онъ заботится и о богатствѣ ихъ, говоря: «крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудѣніе царственное». Для этого, кроме равномѣрнаго распределенія податей по зажиточности жителей, онъ находитъ нужнымъ не давать крестьянамъ «лежебочить», т. е. видѣть источникъ въ труда.

Заключимъ не лишеннымъ значенія взглядомъ Посошкова на кражу казеннаго интереса: «и сіе миъ весьма странно, что бурмистровъ и цѣловальниковъ, кои выбираются въ службу для сборовъ, ко кресту принуждаютъ и клятвами величими заклинаютъ, чтобы ни малому члену государеву не коснулся, а выбираютъ самыхъ бѣдняковъ, то какъ ему правду дѣлать, что если ему не украдь, то и хлѣба добѣть ему негдѣ. По моему мнѣнію, надлежитъ у крестнаго цѣлованія спросить сборщика, чѣмъ онъ у того дѣла будетъ питаться, можетъ ли онъ своимъ прокормиться. И буде скажеть, что прокормиться ему нечѣмъ, то опредѣлить ему достаточный кормъ, и буде кто, за определеннымъ питаніемъ, до сборныхъ денегъ коснется, то уже жестоко надлежитъ его наказать».

Обширныя выписки, приведенные нами изъ разныхъ мѣстъ книги Посошкова, показываютъ, какой ясный взглядъ имѣлъ этотъ простой русскій человѣкъ на различные причины домашнихъ неустройствъ. Эти взгляды человѣка XVII столѣтія сдѣлали бы честь многимъ людямъ даже нашего времени. За пространныя выписки читатели не постыгаютъ на насъ: въ нихъ отражается весь Посошковъ и дѣлается совершенно яснымъ его право на названіе замѣчательнаго русскаго дѣятеля, вышедшаго изъ среды крестьянства и вытерпѣвшаго на своемъ вѣку много бѣствий и горя, которыя основательно познакомили его съ русскою жизнью и сообщили его сочиненіямъ достопицство истины.

ГЛАВА V.

ТРУЖЕНИКИ ВЪ ОБЛАСТИ ИСКУССТВА.

Художники-труженики. — Увѣренность Рейнольдса въ пользу трудолюбія. — Микель-Анджело одинъ изъ неутомимыхъ тружениковъ. — Искусство есть трудъ. — Уильсонъ. — Раннее проявленіе артистическихъ способностей. — Навыкъ Гогарта къ работѣ и наслажденію. — Бенксъ. — Мельреди. — Колькинъ. — Судьба Флакемана. — Чентрей. — Уильки. — Тураеръ. — Лишенія, переносимыя артистами. — Мартенъ. — Пуджинъ. — Кемпъ. — Джибсонъ. — Сорбурнъ. — Ноэль Петонъ. — Шарпльсъ. — Трудолюбіе музыкантовъ. — Гайднъ, Бетховенъ, Бахъ, Майерберъ. — Джаконъ. — Представители русскаго искусства: Мартыновъ, Щепкинъ. — Скульпторъ Сѣряковъ. — Иконо-писецъ Ступинъ и его арзамасская школа живописи.

Джошуа Рейнольдсъ глубоко вѣрилъ въ трудолюбіе; онъ говорилъ: гений, талантъ безспорно принадлежать къ исключительнымъ способностямъ, даннымъ намъ природой, но все-таки, безъ разработки, способности эти могутъ захлебнуться. Тотъ, кто посвятилъ себя известному труду, искусству, наукѣ или другому какому-либо знанію, долженъ всецѣло проникнуться заданной идеей, продолжая непрерывно работать надъ ней. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что наиболѣе прославившіеся англійскіе артисты рождались и воспитывались при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни. Почти всѣ они сами себѣ пробили дорогу, побѣждая многочисленныя препятствія. Такъ Генсборо и Беконъ были сыновьями ткачей, Барри и Мекляйзъ — дѣти

рыбаковъ, Олай и Ромней, подобно Ивиго Джонсу, были плотниками. Весь былъ сынъ незначительного квакера въ Пенсильвани; Норткотъ былъ часовымъ мастеромъ, Джаксонъ—портнымъ, а Этти — типографщикомъ; Рейнольдсъ, Уильсонъ и Уильки были дѣти духовныхъ лицъ; Лауренсъ былъ сынъ трактирщика, а Турнеръ — сынъ цирюльника. Многіе изъ художниковъ начали свое артистическое по-прище самыми скромными образомъ. Бердъ разрисовывалъ чайные подносы, Мартенъ — экипажи, Райтъ и Джильпинъ—лодки. Чентрей былъ граверомъ и позолотчикомъ; Давидъ Коксъ, Стенфильдъ и Робертъ рисовали декорации.

Всѣ эти люди достигали извѣстности различными путями, но уже никакъ не случайно, а посредствомъ терпѣливаго изученія своего предмета. Хотя многіе изъ нихъ и нажила себѣ богатство, но само по себѣ оно не было ихъ цѣлью. Одна любовь къ пріобрѣтенію денегъ не могла бы поддержать артиста въ его огромныхъ трудахъ,—все удовольствіе для него заключается въ изслѣдованіяхъ и изученіи, а деньги здѣсь играютъ послѣднюю роль. Многіе благородно мыслящи художники болѣе предпочитали слѣдовать влечению своего гenia, чѣмъ угодждать публикѣ. Спаньюлетто, несмотря на возможность вести роскошную жизнь, не поддался ея растлѣвающему вліянію, а продолжалъ работать и жилъ почти въ бѣдности. Макель-Анджело говорилъ: «не скоро тотъ достигнетъ совершенства, кто работаетъ только для денегъ». Подобно Рейнольдсу, Макель-Анджело высоко цѣнилъ трудолюбіе и самъ былъ неутомимымъ труженикомъ. Привычки его были самыя умѣренныя: онъ довольствовался, для подкрѣпленія силъ во время работы небольшимъ кускомъ хлѣба и стаканомъ вина, а спать ложился не раздѣвалась, чтобы, не теряя времени, быть въ состоянія приняться вновь за работу, какъ только почувствуетъ себя отдохнувшимъ.

Тиціанъ тоже представляетъ собою примѣръ удивительной настойчивости въ трудахъ. Онъ восемь лѣтъ работалъ

надъ своимъ «Pietro Martire» и семь лѣтъ надъ картиной «Тайная вечеря». Все это показываетъ, что искусство никогда можно назвать тяжелой работой. Такъ Августъ Колькоттъ, прежде окончанія своей знаменитой картины «Рочестеръ», долженъ былъ набросать не менѣе сорока отдѣльныхъ эскизовъ. Подобное прилежное изученіе въ соединеніи съ природными способностями составляетъ главное условіе для усовершенствованія художника.

Талантъ выказывается обыкновенно очень рано. Ричардъ Уильсонъ еще ребенкомъ любилъ чертить на стѣнахъ отцовскаго дома обгорѣлой палкой фигуры людей и животныхъ. Прежде всего поразила Уильсона портретная живопись, а случай сдѣлалъ его замѣчательнымъ пейзажистомъ. Однажды въ Италии, приидя въ домъ Цукарелли по дѣламъ и не заставъ самого Цукарелли, онъ сталъ отъ скучки чертить представлявшую ему изъ окна ландшафтъ. Цукарелли, увидавъ нарисованную имъ картину, спросилъ, давно ли изучаетъ Уильсонъ живопись? Получивъ въ отвѣтъ, что Уильсонъ даже совсѣмъ не учился этому искусству, Цукарелли совѣтовалъ ему учиться, предсказывая блестящій успѣхъ. Уильсонъ не пренебрѣгъ этимъ соображеніемъ: началъ учиться, работалъ долго и упорно и наконецъ достигъ славы и репутаціи первого англійскаго пейзажиста. Рейнольдсъ постоянно получалъ отъ отца выговоры за страсть свою къ рисованію, для которой онъ забывалъ всѣ остальные уроки. Онъ предназначался къ званію аптекаря, но этому противилась его артистическая натура, и Рейнольдсъ сдѣлался художникомъ. Генсборо уѣхалъ изъ школы рисовать въ ближній лѣсъ и, имѣя только 12 лѣтъ отъ роду, уже былъ настоящимъ артистомъ. Это былъ проницательный, наблюдательный и усерднѣйшій труженикъ, такъ что никакая, даже малѣйшая, черта извѣстнаго предмета не ускользала отъ его внимательнаго взгляда. Эдуардъ Бердъ еще пятилѣтнимъ ребенкомъ чертилъ вездѣ фигуры, которые называли французскими и

англійскими солдатами. Отецъ его, желая поддержать въ немъ любовь къ рисованію, отдалъ его въ ученые къ рисовальщику подносовъ. Несмотря на эту неблестящую школу, онъ работалъ усердно, внимательно и, изучая свое любимое искусство, достигъ званія королевскаго академика. Гогартъ показывалъ большую лѣнность при обученіи грамотѣ, но за то очень усердно разрисовывалъ буквы азбуки. Отецъ отдалъ его въ ученые къ серебряныхъ дѣлъ мастеру, где Гогартъ выучился рисовать и гравировать вензеля и цифры на ложкахъ и вилкахъ. Выучившись чеканить серебро, онъ усвоилъ себѣ еще умѣніе вырезывать на мѣди геральдическіе знаки. Дома такія изображенія онъ переносилъ на бумагу, и впослѣдствіи, по этимъ рисункамъ, можно было съ точностью судить о характерахъ, обычаяхъ и образѣ мыслей того времени, въ которое онъ жилъ. Когда, побѣдивъ всѣ препятствія, Гогартъ достигъ известности, то и тогда остался вѣренъ своимъ скромнымъ привычкамъ, съ удовольствиемъ вспоминая о томъ времени, когда получалъ за свою работу одинъ шиллингъ и чувствовалъ себя обеспеченнымъ, подобно человѣку, имѣющему въ карманѣ тысячи.

«Трудолюбіе и настойчивость въ занятіи»—было основнымъ правиломъ для скульптора Бэнкса. Этого девиза онъ твердо придерживался, совѣтуя и другимъ слѣдовать своему принципу. Однажды пришелъ къ нему мальчикъ съ рисункомъ въ рукахъ и просилъ помѣстить его въ академію. Скульпторъ отвѣчалъ, что въ академію онъ опредѣлить его не можетъ, а рисунокъ общалъ посмотреть. «Погоди еще поступать въ академію,—сказалъ Бэнксъ,—постарайся лучше отдать свою работу и черезъ мѣсяцъ снова покажи мнѣ ее». Мальчикъ послушался, сталъ работать съ удвоеннымъ прилежаніемъ и въ концѣ того же мѣсяца вновь пришелъ къ художнику. Рисунокъ былъ уже гораздо лучше прежняго, но Бэнксъ велѣлъ ему поработать. Черезъ недѣлю мальчикъ пришелъ съ рисункомъ, уже значительно

усовершенствованнымъ. Мальчикъ этотъ былъ Мельреди, и совѣты скульптора не прошли даромъ.

Нолькинъ происходилъ изъ артистического семейства, но оставшись послѣ смерти отца въ молодыхъ лѣтахъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, долженъ былъ пробивать себѣ дорогу въ свѣтѣ шагъ за шагомъ. Онъ не владѣлъ большимъ школьнаго воспитаніемъ, читалъ посредственно, имѣлъ небольшія свѣдѣнія въ грамматикѣ, и однако-жъ сдѣлался хорошимъ, если только не великимъ, артистомъ. Нолькинъ былъ отданъ въ ученье къ какому-то бѣдному скульптору и, занимаясь рано утромъ и поздно вечеромъ своимъ любимымъ искусствомъ, днемъ же въ бытность на посыпкахъ и исполнять разныя порученія для домашнихъ и для прислуги своего хозяина. Совершенностюясь болѣе и болѣе въ избранномъ имъ искусстве, Нолькинъ рѣшился явиться соискателемъ на призъ, предложенный обществомъ поощренія искусствъ, и по два года сряду доставалъ себѣ этотъ призъ. Рѣшившись поѣхать въ Римъ, онъ предпринялъ это путешествіе самыи скромнымъ образомъ и прибылъ въ вѣчный городъ, не имѣя ни души знакомыхъ и только съ 20 гинеями въ карманѣ. Но Нолькинъ началъ ревностно трудиться; сначала удалось ему выручить 10 гиней за высѣченный изъ камня барельефъ, а на слѣдующій годъ онъ получилъ уже 50 гиней отъ общества поощренія искусствъ за мраморную группу. Гаррикъ и Стернъ заказывали Нолькину въ Римѣ свои бюсты, что принесло ему еще больше дохода, а главное—укрѣпило его репутацію; по возвращеніи въ Лондонъ, для открытия своей мастерской, онъ уже имѣлъ въ запасѣ небольшой капиталъ, — слѣдствіе привычки къ бережливости, усвоенной имъ еще во время прежней жизни, исполненной лишеній. Какъ артистъ, Нолькинъ усовершенствовалъ себя, на сколько было возможно, но гений онъ не былъ: біографы его говорятъ единогласно, что всѣ его успѣхи должно приписать только лишь неутомимому труду и постоянному старанію.

Человѣкомъ дѣйствительно геніальнымъ можно назвать Флаксмана, одного изъ величайшихъ артистовъ, какихъ когда-либо производила Англія. Такъ какъ этотъ человѣкъ обладалъ еще превосходными нравственными качествами, то жизнь его представляетъ много поучительнаго для людей всѣхъ сословій. Флаксманъ былъ сыномъ бѣднаго продавца гипсовыхъ слѣпковъ, ребенкомъ онъ былъ постоянно такого слабаго здоровья, что обыкновенно сидѣлъ позади лавки, обложенный подушками, и занимался рисованіемъ и чтеніемъ. Зацѣшій однажды въ лавку священникъ Маттьюзъ нашелъ, что мальчикъ былъ занятъ чтеніемъ Корнелія Непота, купленнаго его отцомъ за нѣсколько пенсовъ въ книжной лавкѣ. Маттьюзъ, поговоривъ съ мальчикомъ, сказалъ, что эту книгу ему читать не годится, и обѣщалъ принести другія. Съ этого времени возникъ между маленькимъ инвалидомъ и священникомъ обмѣнъ сношеній, превратившійся въ тѣсную дружбу. Маттьюзъ ознакомилъ мальчика съ Гомеромъ и «Донъ-Кихотомъ», въ которыхъ Флаксманъ и тогда, и впослѣдствіи постоянно находилъ наслажденіе. Онъ былъ пораженъ героизмомъ, которымъ вѣяла Иліада, и, видя къ тому же около себя на полкахъ лавки гипсовыхъ Аяксовъ и Ахиллесовъ, захотѣлъ нарисовать и воспроизвести въ поэтическихъ формахъ этихъ героевъ. Имѣя подъ рукой нужный материалъ, мальчикъ-энтузиастъ изнемогалъ въ попыткахъ осуществить въ видимыхъ образахъ дѣйствія Грековъ и Троянцевъ. Подобно всѣмъ юношескимъ произведеніямъ, первые опыты Флаксмана были очень незрѣлы. Гордый своимъ дѣтищемъ, отецъ его однажды показалъ ихъ скульптору Рубальяку, который сдѣлалъ имъ, однако-жъ, самый презрительный приемъ. Но мальчикъ, не унывая, продолжалъ терпѣливо трудиться за свои книги и рисунками. Онъ уже началъ пробовать свои молодыя силы въ искусстве лѣпить фигуры изъ гипса, воска и глины; нѣкоторыя изъ этихъ падѣлій сохранились и до сихъ поръ, конечно, не по причинѣ сво-

его достоинства, но какъ первыя вѣрныя попытки терпѣливо начинающаго генія. Будучи не въ силахъ ходить иначе, какъ на костыляхъ, молодой Флаксманъ не могъ отправиться вмѣстѣ съ отцомъ на празднество коронаціи Георга III и убѣдительно просилъ отца привезти ему одну изъ медалей, которая въ такихъ случаяхъ раздаются народу. По причинѣ большого стеченія публики, медали этой достать не удалось, но отецъ, не желая огорчить мальчика, привезъ ему, вмѣсто той медали, какую-то посеребренную пуговицу съ изображеніемъ лошади и всадника. Причина такого настоятельнаго желанія со стороны молодого Флаксмана была та, что онъ въ это время вообще любилъ дѣлать слѣпки съ тѣхъ печатей и медалей, которыя ему нравились.

По мѣрѣ улучшенія здоровья Флаксмана, занятія его подвигались впередъ. Въ домѣ Маттьюза мальчикъ ближе познакомился съ произведеніями Гомера и Мильтона, тамъ же началъ брать уроки греческаго и латинскаго языковъ, которыми продолжалъ усердно заниматься и дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣлалъ попытки кускомъ угля рисовать на бумагѣ тѣ предметы, которые почему-нибудь особенно поражали его воображеніе. Рисунки эти, конечно, были не особенно хороши, такъ что когда Флаксманъ показалъ сдѣланное имъ такимъ образомъ изображеніе глаза артисту Мортимеру, такъ тотъ, съ нѣсколько эффектированымъ изумленіемъ, спросилъ: «что это, устрица?» Оскорблennyй мальчикъ долгое время послѣ того уже не рѣшался показывать свои опыты настоящимъ художникамъ, которые бываютъ иногда слишкомъ строги въ отношеніи чужихъ произведеній. Наконецъ, при помоціи терпѣливаго труда, рисунки Флаксмана усовершенствовались настолько, что онъ даже получилъ заказъ сдѣлать нѣсколько героевъ Гомера. Первый заказъ—это великое событие въ жизни мальчика. Вообще, для медика—первый опытъ практики, для адвоката—первый защищаемый имъ процессъ, для госу-

дарственного человѣка — его первая рѣчь, для пѣвца — первое появленіе предъ публикой, для писателя — первая его книга столько же имѣютъ важности, какъ и для художника его первая серьезная работа, первое порученіе. Флаксманъ, конечно, ревностно принялъ за выполненіе заказанной работы и окончилъ ее съ большимъ успѣхомъ.

15 лѣтъ Флаксманъ поступилъ въ королевскую академію. Несмотря на свою склонность къ уединенію, онъ скоро получиль извѣстность между товарищами и подаваль большія надежды. Надежды эти не были обманчивы: на первомъ же году Флаксманъ получиль серебряную медаль и въ слѣдующій годъ явился кандидатомъ на золотую. Всѣ ожидали, что онъ ее получить, потому что онъ былъ первымъ и по способностямъ, и по прилежанію. Юноша употребилъ все стараніе и впослѣдствіи всегда утверждалъ, что дѣйствительно заслужилъ медаль, но все-таки ему не удалось получить ее. Медаль была присуждена другому студенту, о которомъ больше никогда ничего не было слышано. Эта неудача принесла однако-жъ пользу молодому Флаксману, такъ какъ и вообще рѣшительныя натуры не страшатся неудачъ, а еще скорѣе приобрѣтаютъ отъ нихъ новыя силы. «Погодите,— говорилъ Флаксманъ своему отцу,— придетъ время, когда академія будетъ гордиться моими работами». Дѣйствительно, онъ удвоилъ свои усилия, не щадиль трудовъ, неутомимо рисовалъ и лѣпилъ модели, и постоянно, хотя и не быстро, совершенствовался. Между тѣмъ отцу его угрожала бѣдность; продажа гипсовыхъ статуэтокъ приносила самый ничтожный доходъ, и молодой Флаксманъ съ великодушною рѣшимостью сократилъ свои рабочіе часы и удѣляль это время на помощь отцу въ его скромномъ промыслѣ. Онъ отложилъ Гомера, принялъ за каменщицью лопатку, и готовъ былъ посвятить себя самому скромному роду дѣятельности, чтобы только помочь семейству своего отца и облегчить его положеніе. Этой чернорабочей сторонѣ своего искусства Флаксманъ долженъ

быть долго учиться, но такое ученье принесло ему пользу. Оно знакомило его съ стойкостью въ труде и развило въ немъ духъ терпѣнія. Эта школа была хотя и сурова, но благотворна.

Къ счастію для молодого Флаксмана, извѣстный фабрикантъ Веджвудъ, узнавъ объ его умѣньѣ рисовать, пригласилъ его на свой заводъ разрисовывать фарфоръ и глиняную посуду. Казалось-бы, что такое занятіе не могло помочь артистическому развитію Флаксмана, но вышло на противъ. Художникъ долженъ усердно работать, хотя бы ему пришлось въ началѣ своего поприща рисовать на чайникахъ и чашкахъ. Предметы, постоянно находящіеся пе-редъ глазами народа, должны служить для него проводни-ками въ понятіяхъ объ искусствѣ.

До Веджвуда рисунки на посудѣ вообще были самые жалкіе; онъ первый постарался улучшить ихъ. Встрѣтивъ Флаксмана, онъ сказалъ ему: «Молодой человѣкъ, я слы-шалъ о вашемъ искусствѣ рисовать и чертить; принесите мнѣ нѣсколько образцовъ вашей работы, не вычурной, а простой, вѣрной и чистой отдельки; я—Веджвудъ, фарфоро-вый заводчикъ. Можеть быть, вы считаете это занятіе для себя унизительнымъ? Подумайте, я буду вамъ хорошо платить».—«О нѣть, сэръ,—возразилъ Флаксманъ,—эта ра-бота совершенно по мнѣ, только подождите нѣсколько дней, и я вамъ принесу образчикъ моихъ трудовъ, чтобы вы могли оцѣнить сами степень моего умѣнья».—«Хорошо, работайте, я нуждаюсь въ рисункахъ для разной посуды, но преимущественно для чайныхъ приборовъ. Мнѣ зака-занъ сервисъ для короля, подумайте объ этомъ, молодой человѣкъ: рисунки ваши увидитъ самъ король!»—«Сэръ, я сдѣлаю все, что могу, увѣряю васъ». Флаксманъ старался, сколько могъ, и приготовилъ нѣсколько моделей рисунковъ для разной посуды. Рисунки состояли преимущественно изъ маленькихъ группъ съ сюжетами изъ исторіи и изъ старинной литературы. Лучшиіе изъ нихъ сохранились и

до настоящаго времени, а нѣкоторые даже перенесены на мраморъ. Посвятивъ многіе годы этому занятію, Флаксманъ работалъ неутомимо по цѣлымъ днамъ, а читаль и чертиль только вечеромъ. Онъ былъ такъ бѣденъ, что лѣпилъ только изъ воску, — мраморъ былъ ему недоступенъ по цѣнѣ. Онъ сдѣлалъ въ то время только одну мраморную статую, и то по порученію. Наконецъ, въ 1782 году, онъ покинулъ отцовскій домъ, 27 лѣтъ отъ роду, завелъ свою маленькую студію и тогда же женился на Анне Денманъ, женщиною, обладавшой превосходными качествами. Флаксманъ надѣялся, что, женившись, еще усерднѣе будетъ работать, потому что жена его также любила поэзію и искусства, и въ то же время была страстью поклонницей его гenія. Вскорѣ послѣ своей женитьбы, Флаксманъ встрѣтился съ холостякомъ Рейнольдсомъ, который сказалъ ему: «Я слышалъ, что вы женились; если это правда, то вы теперь погибли для искусства». Флаксманъ, приди домой, сказалъ женѣ: «Анна, я теперь погибъ для искусства». «Какъ такъ, Джонъ? Что случилось съ тобою? и кто это сдѣлалъ?» «Это случилось въ церкви, и это сдѣлала со мною Анна Денманъ». Затѣмъ онъ рассказалъ ей о своей встречѣ съ Рейнольдсомъ, о его замѣчаніи и о томъ, что, по его словамъ, артистъ долженъ безраздѣльно посвятить себя всего искусству, работать день и ночь, и достигнуть названія художника можетъ не иначе, какъ изучивъ произведенія великихъ геніевъ въ Римѣ и Флоренціи—Рафаэля, Микель Анджело и другихъ. «Но ты,—сказала Анна,—ты будешь великимъ художникомъ и поѣтишь Римъ и Флоренцію». «Какимъ образомъ?»—возвратилъ Флаксманъ. «Мы будемъ работать и копить деньги на поѣздку, и пусть никто не смѣеть говорить, что Анна Денманъ погубила геній Джона Флаксмана»,—сказала мужественная женщина. И такъ было рѣшено между ними, что какъ только денежныя средства ихъ увеличатся, то они предпримутъ путешествіе въ Римъ. «Да, я поѣду въ Римъ, и ты, Анна, будешь со-

проводить меня; а Рейнольду скажу, что супружество не помеха на пути къ усовершенствованію». Терпѣливо и усердно начала работать эта любящая чета, имѣя цѣлью путешествіе въ Римъ. Ни одна минута и ни одинъ грошъ не тратились даромъ. Въ теченіе этого времени Флаксманъ выставилъ много работъ и пріобрѣлъ множество заказовъ. Всякій, кто только зналъ его, отдавалъ справедливость его честности, искренности и добродушію. Наконецъ, Флаксманъ и его жена достигли желанной цѣли и отправились въ Римъ. Тамъ снова принялись они трудиться и, подобно другимъ бѣднымъ художникамъ, снимали копіи съ антиковъ. Англійскіе путешественники посѣщали его студію и давали ему заказы. Тамъ онъ дѣлалъ свои превосходные слѣпки на сюжеты изъ Гомера и Данте, и цѣны на нихъ назначалъ самыя умѣренныя, а именно за каждый по пятнадцати шиллинговъ.

Обогативъ себя познаніями, Флаксманъ сталъ собираться въ Англію, но прежде чѣмъ онъ оставилъ Италію, академіи Флоренціи и Каррары признали его своимъ членомъ.. Молва о немъ проникла и въ Англію, такъ что, по возвращеніи изъ Италіи, онъ нашелъ прибыльныя занятія. Созданная имъ въ Римѣ статуя въ память лорда Мансфильда, вскорѣ послѣ его возвращенія, привезена была въ Англію и воздвигнута въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Не удивительно, что Бэнкъ, глядя на его произведенія, воскликнулъ: «Этотъ незамѣтный человѣкъ превзошелъ всѣхъ нась!» Когда гордые члены королевской академіи услышали о возвращеніи Флаксмана и увидѣли его статую Мансфильда, то поспѣшили включить его въ свое общество.

Королевская академія вообще охотно покровительствуетъ артистамъ, способнымъ и безъ нея достигнуть извѣстности; но никакъ не признаніе академіи, а лишь прилежное изученіе своего дѣла и удивительная устойчивость въ трудахъ развили гений Флаксмана и доставили ему громкую славу. Бѣдный мальчикъ, продавецъ гипсовыхъ фигуръ, сдѣлался

впослѣдствіи профессоромъ скульптуры въ королевской академіи. Мало найдется людей, болѣе достойныхъ этой почетной должности, потому что онъ не только училъ своему искусству, но сверхъ того и самъ по себѣ представлялъ рѣдкій примѣръ трудолюбія. Насмѣшливый Фузели называлъ его лекціи «проповѣдями преподобнаго Джона Флаксмана», такъ какъ самъ онъ былъ атеистъ, а Флаксманъ отличался своею религіозностью. Каждый, кто прочтеть его лекціи о скульптурѣ, признаетъ въ немъ артиста, глубоко изучившаго и понимающаго искусство. Статуи Флаксмана извѣстны во всей Англіи. Эти художественные произведенія украшаютъ многія англійскія церкви. Въ его статуяхъ воплощались идеи милосердія, самоотверженія, любви къ ближнему и великодушія. Послѣ долгой, мирной и счастливой жизни скончался старецъ Флаксманъ, переживъ многими годами свою преданную Анну, потеря которой была для него тяжкимъ ударомъ. Послѣ ея смерти онъ создалъ своего «Ахилла» и знаменитую статую «Архангель Михаилъ, побѣждающій бѣса».

Чентрей также упорно боролся съ различными препятствіями съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни. Отецъ его, бѣднякъ изъ Нортонъ, умеръ вскорѣ послѣ рожденія своего сына, мать снова вышла замужъ, и когда мальчикъ подросъ, заставляла его носить на спинѣ кувшины съ молокомъ на продажу въ ближайшій городъ. Такова была его первоначальная дѣятельность. Впослѣдствіи же онъ прославился на артистическомъ поприщѣ только силою своего ума и неутомимымъ трудолюбіемъ. Отчимъ помѣстилъ его въ лавочку бакалейщика въ Шеффільдѣ, чтобы пріучить юношу къ торговлѣ. Занятіе это было Чентрею крайне непріятно, и онъ сталъ упрашивать мать и отчима отдать его въ ученье къ одному ремесленнику, занимавшемуся рѣзьбой на деревѣ. Получивъ согласіе, онъ провелъ семь лѣтъ въ мастерской своего учителя. Работая день и ночь, молодой Чентрей выучился этому искусству и рѣшился

ѣхать въ Лондонъ для усовершенствованія. Надежды его сбылись: онъ поступалъ въ академію, изучилъ живопись и скульптуру и вслѣдствіи прославился созданиемъ головъ дьявола и Горна Тука. Эти бюсты доставили Центрею такую известность, что ему было поручено сдѣлать статую Георга III для Лондона.

Спустя нѣсколько лѣтъ, явилась его статуя — «Спящія дѣти», которая окончательно упрочила за нимъ славу, почетъ и богатство. Всѣмъ этимъ Центрей обязанъ своему необыкновенному терпѣнію, усердію и любви къ труду. Всегда осторожный, внимательный, Центрей имѣлъ самая скромныя привычки. Его великодушіе въ отношеніи къ со-братамъ-артистамъ было неистерпаемо, словомъ, Центрей былъ національный художникъ, и англичане смыло могутъ имъ гордиться. Состояніе свое онъ завѣщалъ королевской академіи для пособія бѣднымъ британскимъ артистамъ.

Подобный же неутомимый труженикъ былъ Давидъ Уильки, сынъ бѣднаго шотландца. Лѣнивый и беспечный школьникъ, онъ былъ, однако-же, прилежный рисовальщикъ, и писалъ углемъ вездѣ, гдѣ только можно было писать. Со временемъ онъ поступилъ въ Эдинбургскую академію, гдѣ получилъ двѣ преміи; но успѣхъ свой приписывалъ не таланту, а прилежному труду. Несмотря на множество заказовъ, Уильки долго былъ бѣденъ, потому что цѣны за свои картины назначали чичточные, а работалъ надъ ними слишкомъ долго. Подобно Рейнольдсу, его правиломъ было: работать, работать и работать! Онъ никогда не вмѣшивался въ разговоры художниковъ объ искусствѣ, и когда у него спрашивали о причинѣ такого молчанія, то постояннымъ отвѣтомъ его было: «Они очень много знаютъ, а я очень мало». И это говорилъ Уильки совершенно искренно. На первыя вырученныя имъ деньги онъ накупилъ подарковъ своимъ сестрамъ и матери. — Этти тоже обязанъ своею известностью единственно трудолюбію и прилежанію. Отецъ его былъ продавцомъ пряниковъ, а

мать — дочерью веревочного мастера. Женщина эта, не имѣя никакого понятія объ искусствѣ, отдала своего сына въ типографію, но ребенокъ рано почувствовалъ призваніе къ живописи. Къ счастію мальчика, одинъ изъ его родственниковъ, замѣтивъ это, далъ ему средства поступить въ королевскую академію. Товарищи считали его за тупого, но прилежнаго труженика и пророчали ему вѣ блестящую карьеру. Однако вышло иначе: съ помощью трудолюбія Этти побѣдилъ всѣ препятствія и впослѣдствіи прославился на артистическомъ поприщѣ.

Равно знаменитый пейзажистъ Турнеръ, сынъ цирюльника, получилъ первоначальные уроки живописи отъ Мельтона, у которого въ то же время учился Осма Джиртнъ, сходный по таланту съ Турнеромъ. Они горячо привязались другъ къ другу, и когда Джиртнъ, подававшій блестящія надежды, умеръ, Турнеръ былъ безутѣшенъ. Въ началѣ своей художнической дѣятельности, Турнеръ сильно нуждался въ деньгахъ и, чтобы приобрѣсть ихъ на самые необходимые расходы, работалъ день и ночь, исправлять рисунки товарищей и рисовалъ картинки для разныхъ дѣтскихъ книгъ и альманаховъ. Все это онъ работалъ добросовѣстно, старательно и достигъ такимъ образомъ совершенства въ живописи. Впрочемъ, талантъ Турнера не нуждается въ панегирикахъ; лучшимъ доказательствомъ его гениальности служатъ его труды, оставленные отечеству и утвердившие его славу.

Большинство артистовъ переносило нужду и лишенія; такъ Мартену не разъ приходилось изнемогать отъ голода въ то время, когда онъ писалъ свою первую большую картину. Но, несмотря на это страшное испытаніе, онъ работалъ съ неослабѣвающею энергию, а когда картина была готова и выставлена на судъ публики, тогда она доставила своему творцу знаменитость. Онъ доказалъ собою еще разъ, что гений въ соединеніи съ трудолюбиемъ — вѣрнейшій путь къ славѣ. Никакіе великколѣпные методы пре-

подаванія не въ состояніі образовать художника, если у него нѣтъ собственного желанія трудиться. Когда Пуджину пришлось примѣнить на практикѣ свои познанія въ архитектурѣ, то онъ увидѣлъ, что ничего не знаетъ, и что ему придется начать ученіе съ начала. Открытие это его не устрашило, и онъ принялъся работать какъ простой плотникъ. Его вниманіе привлекала въ особенности древняя архитектура, для изученія которой онъ предпринялъ путешествіе по континенту и воротился съ полнымъ портфелемъ рисунковъ. Такимъ образомъ продолжалъ онъ работать, твердо увѣренный въ успѣхѣ.

Примѣръ неутомимой дѣятельности и самообразованія представляетъ собою еще Георгъ Кемпъ, шотландскій архитекторъ. Онъ былъ сынъ бѣднаго пастуха, и въ ранней молодости помогалъ отцу въ его занятіяхъ. Понятно, что, при такомъ препровожденіи времени въ полѣ, ему и въ голову никогда не могла придти мысль объ искусстве; но однажды онъ былъ посланъ отцомъ въ Розленъ, где его поразилъ величественный видъ замка и церкви. Вѣроятно, что въ то время проснулось въ юношѣ призваніе къ архитектурному искусству, но, не умѣя объяснить себѣ этого, онъ сталъ умолять отца отдать его въ ученье къ столяру. Отецъ согласился и отпустилъ его въ сосѣднее село къ плотнику. Поработавъ тамъ недолго, молодой Кемпъ пѣшкомъ и съ котомкой за плечами отправился искать работы въ Галашайльзъ. Дорогой его обогнала карета, владѣлецъ которой, обративъ на него вниманіе, спросилъ, куда и затѣмъ онъ идетъ. Выслушавъ подробный разсказъ Кемпа, богатый джентльменъ предложилъ ему довезти его въ каретѣ до города. Джентльменъ этотъ былъ — Вальтеръ Скоттъ. Занимаясь своимъ ремесломъ въ Галашайльзѣ, Кемпъ, съ цѣлью изученія, часто посѣщалъ аббатства: Мельроузъ, Драйбургъ и Джедбургъ. Возбуждаемый постоянно любовью къ архитектурѣ, онъ прошелъ пѣшкомъ всю Шотландію, изучая на мѣстѣ каждое замѣчательное зданіе. По возвра-

щеніи въ Англію, онъ отсюда предпринялъ путешествіе далѣе на югъ, въ намѣреніи познакомиться съ памятниками Кентербери и Винчестера. Наконецъ, онъ предпринялъ путешествіе за границу: былъ во Франціи, которую онъ прошелъ отъ Бове до Парижа. Семейныя дѣла принудили Кемпа возвратиться въ отчество, гдѣ онъ снова продолжалъ неутомимо трудиться надъ изученіемъ своего любимаго искусства. Онъ много сдѣлалъ прекрасныхъ рисунковъ и плановъ и, наконецъ, получилъ за нихъ премію. Смерть застигла Кемпа слишкомъ рано, такъ что ему не пришлось даже увидѣть свои рисунки и проекты исполненными.

Въ числѣ артистовъ, пробившихъ себѣ дорогу изъ ничтожества къ славѣ, должно упомянуть о Джонѣ Джипсонѣ, сынѣ садовника. Еще въ дѣтствѣ любимымъ его занятіемъ постоянно было вырываніе фігуръ на деревѣ. Отецъ, замѣтивъ его наклонность, отправилъ его въ Ливерпуль въ ученье къ рѣзчику. Мальчикъ скоро выучился этому искусству, и многие образчики его работъ приводили въ восторгъ цѣнителей. Восемнадцати лѣтъ онъ сдѣлалъ прелестную небольшую восковую фигуру, изображающую «Время». Прилежно изучая скульптурное искусство, Джипсонъ посѣтилъ Лондонъ и Римъ; произведения его доставили ему европейскую известность. Робертъ Сорсбурнъ, подобно Джону Джипсону, родился отъ бѣднаго семейства. Отецъ его былъ башмачникъ. Какой-то покровитель, замѣтивъ артистическую способности Сорсбурна, далъ ему средства поступить въ Эдинбургскую академію. Впослѣдствіи онъ пріѣхалъ въ Лондонъ и получилъ покровительство герцога Буключа; но, конечно, не этому Сорсбурнъ обязанъ своимъ успѣхомъ, а единственно своему таланту, соединенному съ ревностнымъ изученіемъ искусства. Другой известный художникъ, по имени Ноель Петонъ, началъ свою артистическую дѣятельность разрисовываніемъ подносовъ и узоровъ для рукодѣлъ. Онъ, подобно Тирнеру,

не пренебрегалъ никакой работой, и еще юношой былъ приглашенъ рисовать картинки въ одномъ журналь. Такъ щель онъ впередъ шагъ за шагомъ и, наконецъ, выставилъ свою известную картину «Духъ религії», за которую по-лучилъ первую премію; впослѣдствіи же онъ прославился еще многими произведениями. Но самыи поразительныи прамѣромъ стойкости въ работѣ и трудолюбіи можетъ служить художникъ Джемсъ Шарплъсь, бывшій кузнецъ въ Блэкбернѣ. Шарплъсь долго помогалъ своему отцу въ его работахъ на литейномъ заводѣ, и лишь ничтожный случай помогъ обнаружить въ немъ страсть къ живописи. Однъ изъ мастеровъ на заводѣ часто заставлялъ его помогать себѣ при черченіи мѣломъ на полу рисунковъ различныхъ аппаратовъ; мальчика это такъ занимало, что, придя вечеромъ съ работы домой, онъ самъ начиналъ чертить на полу мѣломъ. За этимъ занятіемъ его засталъ однажды неизвѣстный человѣкъ, который, найди чертежи его весьма хорошими, посовѣтовалъ матери мальчика купить ему карандашъ и бумаги. Его старшій братъ, имѣвшій тоже склонность къ рисованію, подальъ мысль Джемсу копиро-вать съ литографіи. Онь воспользовался этимъ совѣтомъ, но приступить къ копированью рѣшительно не умѣлъ. Однако, Джемсъ не упалъ духомъ и мало-по-малу достигъ возможности срисовывать съ оригиналовъ. Семнадцати лѣтъ Шарплъсь началъ брать уроки рисованія въ «школѣ механиковъ», основанной однимъ любителемъ искусствъ и въ то же время цырюльникомъ, и школу эту три мѣсяца посѣщалъ онъ по одному разу въ недѣлю. Учитель посо-вѣтовалъ ему купить книгу Бурнета «Практическое руково-водство къ изученію рисованія»; но здѣсь встрѣтилось еще новое затрудненіе: Шарплъсь не умѣлъ читать. Препят-ствіе это, однако, его не устрашило, и онъ ревностно началь учиться читать и писать. Въ этомъ онъ скоро успѣлъ и снова стала ходить въ школу. Работая неутомимо, Шарплъсь сдѣлалъ большии успѣхи въ рисованіи, продол-

жая въ то же время ходить на работу въ плавильню, а большую часть ночи употреблялъ на копированіе картинъ. Снимая копію съ «Тайной вечери» Леонарда да Винчи, онъ просидѣлъ всю ночь. Наконецъ, ему вздумалось попробовать рисовать красками. Добывъ полотна и красокъ, принялся Шарпльсъ за дѣло, но работа эта ему совершенно не удалась, такъ какъ полотно было грубо и краски никакуда не годились. Въ другой разъ, онъ досталъ матеріалъ получше и старательно скопировалъ небольшую картину, которую продалъ за полкроны. О дальнѣйшемъ своемъ успѣхѣ самъ художникъ разсказываетъ слѣдующее:

«Нарисовавши нѣсколько пейзажей, я задумалъ написать «Кузницу». Долго я думалъ, какъ приступить къ исполненію этой мысли, и началъ набрасывать эскизы на бумагѣ. Мне хотѣлось изобразить простую мастерскую, подобную той, въ какой я занимался, съ нѣсколькими работниками. Здѣсь я увидѣлъ, что безъ знанія анатоміи не въ состояніи буду нарисовать фигуру человѣка. Къ счастью, братъ миѣ помогъ, доставъ книгу Флаксмана «Уроки анатоміи». На книгу эту я смотрѣлъ какъ на сокровище и посвящалъ всѣ свои свободные часы на изученіе этихъ уроковъ. Я постепенно усвоивъ себѣ правила рисованія и, наконецъ, могъ приступить къ своей картинѣ».

Посредствомъ усидчивыхъ занятій и постояннаго труда, Шарпльсъ пріобрѣлъ, наконецъ, необходимыя свѣдѣнія въ искусствѣ. Онъ написалъ портретъ своего отца, который обратилъ на себя общее вниманіе. Его хозяинъ по ремеслу заказалъ художнику свой семейный портретъ, который такъ ему понравился, что онъ заплатилъ Джемсу не только условленную плату, но еще сверхъ того прибавилъ тридцать шиллинговъ на сапоги. Послѣ этого Шарпльсъ оставилъ кузницу и посвятилъ себя живописи. Онъ нарисовалъ нѣсколько картинъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: «Голова Спасителя» и «Видъ бури». Впослѣдствіи онъ изучилъ еще искусство гравированія. Первую мысль

объ этомъ ему подалъ одинъ торговецъ картинами, кото-
рому Шарльсъ относилъ свои рисунки.

Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ самъ художникъ:
«Не имѣя понятія объ искуствѣ гравированія, я, однако-же,
рѣшился попробовать, и послѣ долгаго изученія, перепор-
тивъ предварительно много инструментовъ, достигъ, нако-
нецъ, желанной цѣли и получилъ даже премію за одну
гравюру. Все свободное время я посвящаю искусству,
такъ какъ имѣлъ еще другія занятія по инженернымъ ра-
ботамъ. Я былъ женатъ семь лѣтъ, и счастливѣйшими ча-
сами моей жизни были тѣ, когда я, окончивъ работу по
службѣ, сидѣлъ съ рѣзцомъ или карандашомъ въ рукахъ
и слушалъ чтеніе моей жены».

О картинахъ его писали съ болѣшою похвалою во многихъ журналахъ. Такимъ образомъ Джемсъ Шарльсъ представляетъ собою прекрасный примѣръ искренней любви къ труду.

Между художниками-музыкантами также найдется не-
мало истинныхъ тружениковъ. Такъ Гендель работалъ тер-
пѣливо и усердно, не теряя ни одной минуты, и въ теченіе
одного года написалъ 12 концертовъ, 2 ораторіи: «Сауль»
и «Израиль» и оперу «Юпитеръ въ Аргосѣ». Онъ много
перенесъ несчастій, но ни разу не упалъ духомъ и про-
должалъ трудиться съ возрастающей энергией. Его био-
графъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Гендель преодолѣлъ
всѣ трудности и написалъ столько, сколько могли бы на-
писать двѣнадцать человѣкъ». Гайднъ говорилъ: «Главное
дѣло заключается въ разработкѣ сюжета». «Работа,—го-
рилъ Моцартъ,—мое первое наслажденіе».

«Для человѣка съ талантомъ и любовью къ труду не
существуетъ преградъ,—сказалъ Бетховенъ. Когда Мо-
шельсъ переложилъ его хоръ изъ «Фиделіо» на фортепіано,
такъ написалъ внизу: «Съ помощью Божіею кончиль»; Бет-
ховенъ сейчасъ же подписалъ еще ниже: «Помогай самъ
себѣ, человѣкъ!» Себастіанъ Бахъ говорилъ о себѣ: «Я

быть трудолюбивъ, и вообще, кто приложенъ, тотъ достигнетъ успѣха». Безспорно, однако, что Бахъ имѣлъ непреодолимую страсть къ музыкѣ. Однажды старшій братъ его, желая испытать молодого Себастиана и вмѣстѣ съ тѣмъ дать его способностямъ другое направленіе, скжегъ всѣ его ноты; но этотъ поступокъ заставилъ только Баха съ болѣшею энергию приняться за свое любимое занятіе. О Мейерберѣ Бейль писалъ въ 1820 г.: «Этотъ человѣкъ одаренъ болѣшимъ талантомъ, но при всемъ томъ это не гений: онъ ведетъ уединенную жизнь и работаетъ по пятнадцати часовъ въ сутки». Прошли года, талантъ Мейербера развился и блестательно выразился въ операхъ: «Робертъ», «Гугеноты», «Пророкъ» и въ другихъ трудахъ, не уступающихъ величайшимъ произведеніямъ нашего времени.

Англія произвела весьма ограниченное число музыкантовъ; ея дѣятели трудятся на другомъ, болѣе практическомъ поприщѣ. Арнъ, скрипачъ, противъ желанія своего отца, посвятилъ себя музыкѣ и впослѣдствіи достигъ известности. Англія лишилась въ немъ юриста, которымъ хотѣлъ видѣть его отецъ, но пріобрѣла музыканта. Замѣчательна судьба Вильяма Джаксона, сочинителя ораторіи «Избавленіе израильтянъ». Онъ былъ сынъ машамскаго мельника, въ маленькомъ городкѣ Йоркширѣ. Все это семейство обладало музыкальными способностями: отецъ игралъ на флейтѣ и пѣлъ въ церковномъ хорѣ, а дѣдъ былъ звонаремъ. Для мальчика Джаксона также было большими удовольствіемъ звонить въ колокола каждое воскресное утро. Во время службы все вниманіе его привлекалъ органъ, возлѣ которого онъ становился, чтобы удобнѣе было разматривать весь механизмъ инструмента. Восьми лѣтъ онъ выучился играть на отцовской флейтѣ, сильно попорченной. Мать, сжалившись надъ нимъ, купила ему новую маленькую флейточку, а вскорѣ какой-то джентльменъ подарилъ ему и настоящій инструментъ. Уроки его въ школѣ шли такъ плохо, что учитель просилъ его родителей взять

лениваго мальчика обратно. Отецъ и мать отдали его въ другую школу. Въ мѣстечкѣ этомъ существовало общество любителей пѣнія. Джаксону удалось попасть въ это общество, и онъ сталъ учиться пѣть. Быстрые успѣхи его въ этомъ искусствѣ всѣхъ удивили, и онъ воротился домой, гордясь своими музыкальными познаніями. Дома онъ началъ учиться на старомъ отцовскомъ фортепіано и сильно желалъ пріобрѣсть небольшой ручной органъ, но такъ какъ денегъ у него на покупку инструмента не было, то онъ рѣшился сдѣлать его самъ. Послѣ многихъ неудачъ и тяжелаго труда, онъ сдѣлалъ органъ на удивленіе всѣмъ сосѣдамъ.

Въ то же время Джаксонъ не оставлялъ своихъ занятій на мельницѣ и въ полѣ, посвящая музыкѣ только свободные часы и большую часть ночи. Онъ написалъ множество духовныхъ пѣсень и, наконецъ, принялъся за свою ораторію, которая была издана въ теченіе 1844 и 1845 годовъ. Трудъ его былъ оцѣненъ по достоинству, и многія его сочиненія даются и вынѣ въ Кристальномъ и Букингемскомъ дворцахъ. Вотъ два примѣра англійскихъ художниковъ-музыкантовъ, проложившихъ себѣ путь къ известности, несмотря на множество затрудненій и на неблагоприятныя условія, окружавшія ихъ съ раннихъ лѣтъ.

Русское общество вообще не слишкомъ богато людьми, представляющими примѣры помощи самому себѣ и дѣятельности, основанной на собственныхъ силахъ, и потому каждая выдающаяся въ этомъ отношеніи личность уже въ высшей степени возбуждаетъ вниманіе и заслуживаетъ болѣе полнаго сочувствія, чѣмъ въ другомъ обществѣ, изобилующемъ подобными людьми. Говоря о представителяхъ труда въ искусствѣ, упомянемъ о русскомъ рѣзчикѣ Сѣряковѣ, который единственно своей любви къ искусству и своей дѣятельной натурѣ обязанъ известностью. Родившись въ помѣщичьей деревнѣ, Сѣряковъ не былъ обучаемъ, какъ слѣдуетъ, грамотѣ. Въ 1824 году, на седьмомъ году отъ

роду, мальчикъ привезенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ отецъ его торговалъ желѣзнымъ товаромъ, и сталъ пріучаться къ торговлѣ, хотя занятіе это не совсѣмъ ему нравилось. Въ свободное время молодой Сѣряковъ часто заходилъ въ лавки съ картинами и статуэтками, съ большою внимательностью разсматривалъ ихъ, и послѣ, по памяти, старался рисовать на клочкахъ бумаги то, что видѣлъ.

Первымъ опытомъ Сѣрякова въ искусствѣ былъ его собственный портретъ, вырѣзанный юношой на кускѣ слоновой кости, случайно найденномъ между старыми желѣзными вещами. Портретъ этотъ, сдѣянный однимъ перочиннымъ ножикомъ, замѣчательнъ по чистотѣ отдѣлки и правильности рисунка.

Но занятія искусствомъ не нравились родственникамъ Сѣрякова, въ глазахъ которыхъ все это было пустяки. Вынужденный работать тайно, молодой художникъ продолжалъ заниматься и торговымъ дѣломъ, чтобы не огорчить отца. Но и тутъ онъ не ограничился однѣми известными торговыми операциями, а выдѣльвалъ нѣкоторыя вещи самъ; особенно известны были его секретные замки. Слабая сторона молодого человѣка заключалась еще въ плохомъ знаніи грамоты. Впрочемъ, писать красиво и разборчиво онъ научился самъ, безъ всякой посторонней помощи, копируя прописи. Какой-то чиновникъ, увидѣвъ образцы его письма, замѣтилъ, что въ немъ много ошибокъ противъ правописанія, особенно относительно употребленія буквы Ё. Юноша не повѣрилъ ему на слово, а спросилъ у него, какъ пишутся нѣсколько взятыхъ на-удачу словъ, провѣряя въ то же время отвѣты по печатному, и только убѣдившись, что его собесѣдникъ ни разу не ошибся въ употребленіи затруднительныхъ буквъ, рѣшился научиться грамматикѣ. Усердно занявшись, онъ уже чрезъ нѣсколько недѣль сталъ писать правильно.

Между тѣмъ, все-таки любимая наклонность Сѣрякова не удовлетворялась: занятія искусствомъ мало подвигались

впередъ. Случилось ему разъ быть въ театрѣ, который произвелъ на молодого человѣка большое впечатлѣніе. Къ несчастію, отецъ Сѣрякова не любилъ этого искусства и долго сердился на сына за посѣщеніе театра. Это повело только къ тому, что молодой человѣкъ со своими товарищами нашелъ возможность бывать тамъ тайно, никѣмъ незамѣченъ, промышляясь около отверстія, въ которое опускается съ потолка люстра. Обыкновенно спектакль смотрѣли не весь, а, довольствуясь только нѣсколькими пьесами или дѣйствіями, спѣшили домой, чтобы не опоздать къ ужину, потому что отецъ Сѣрякова любилъ, чтобы къ этому времени въ его семействѣ всѣ уже собирались.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти отца, въ 1844 году, Сѣряковъ окончилъ свои торговыя дѣла, къ которымъ не чувствовалъ никакой склонности, и исключительно занялся искусствомъ, къ которому питалъ особенную привязанность,—искусствомъ ваянія. Будучи 25 лѣтъ отъ роду, Сѣряковъ хотѣлъ посѣщать классы академіи художествъ, для усовершенствованія въ избранномъ искусствѣ и для получения степени художника. Онъ представилъ въ академію для разсмотрѣнія свои работы, но ему сказали, что дѣятельность его трудовъ должна быть засвидѣтельствована какимъ-нибудь значительнымъ лицомъ, заслуживающимъ довѣрія, и что безъ этого онъ не можетъ ожидать ничего далѣе. Сѣряковъ много хлопоталъ, чтобы достать такое ручательство: былъ онъ у разныхъ чиновниковъ, заходилъ къ маклеру, ничего не могъ достигнуть и оставилъ свои старанія получить что-нибудь изъ академіи. Да и въ самомъ дѣлѣ, откуда было молодому человѣку достать удостовѣреніе въ дѣятельности его трудовъ? Не проще-ли было-бы самой академіи испытать его въ избранномъ родѣ искусства и тогда глазами знатоковъ убѣдиться, одѣ-ли тѣ же руки дѣлали новую работу и приготовленные заранѣе образцы? Сѣряковъ, однако-жъ, не смотря на неудачу въ академіи, не потерялъ энергіи и сталъ дѣятельно про-

должать свои занятія, пользуясь советами людей свѣдущихъ, и поставилъ себѣ образцомъ произведенія хорошихъ художниковъ. Въ то же время и общее развитіе Сѣрякова подвигалось: онъ прилежно читаль, входилъ въ сообщеніе съ людьми, извѣстными ученостью или талантами, и такимъ образомъ пополнялъ недостатокъ первоначального научнаго образованія.

Трудясь неутомимо, Сѣряковъ своими прекрасными работами изъ слоновой кости пріобрѣталь все большую и большую извѣстность и такимъ образомъ, помошью неуклоннаго стремленія къ однажды избранной цѣли, представилъ русскому обществу очень хороший примѣръ дѣятельнаго художника, собственнымъ трудомъ достигшаго извѣстности.

Въ кругу честныхъ личностей, усердныхъ тружениковъ въ избранной сферѣ и добросовѣстныхъ дѣятелей русскаго общества, мы должны упомянуть актера петербургской сцены Мартынова. Онъ замѣчательенъ, по нашему мнѣнію, не потому, что былъ геніальнымъ артистомъ: какъ геній, онъ подлежитъ уже иному обсужденію и можетъ съ честію занять видное мѣсто въ кругу людей геніальныхъ; здѣсь мы рассматриваемъ его только какъ дѣятельнаго человѣка, какъ труженика въ области искусства.

Отецъ Мартынова былъ управляющимъ имѣніемъ одного богатаго аристократическаго дома. Мальчикъ не получилъ никакого научнаго образованія; по протекціи той помѣщицы, у которой служилъ его отецъ, молодой Мартыновъ, хотя и съ большими затрудненіями, былъ опредѣленъ въ театральную школу, гдѣ на умственное развитіе воспитанниковъ вообще обращается мало вниманія, а тогда и вовсе не обращалось; даже драматическое искусство, которое все-таки могло бы способствовать этому развитію, было оставлено: занимались исключительно танцевальнымъ искусствомъ, въ которомъ Мартыновъ оказалъ большиe успѣхи. Конечно, эти успѣхи сами по себѣ, какъ и во-

обще все хореографическое искусство, оказались совершенно бесплодными, исключая развѣ только вѣкоторой гибкости въ мускулахъ и большой крѣпости въ тѣлѣ, пріобрѣтенней Мартыновымъ вслѣдствіе гимнастическихъ упражненій. Послѣ смерти балетмейстера Дидло, Мартыновъ три года еще занимался живописью декорацій, и только случайно, обративъ на себя вниманіе тогдашняго директора театровъ Гедеонова, сталъ играть на учебной драматической сценѣ. Поощряемый похвалами учителей, онъ рѣшился исключительно посвятить себя этому искусству, и въ 1832 г. съ большимъ успѣхомъ, хотя также случайно, вмѣсто заболѣвшаго главнаго актера, въ первый разъ дебютировалъ передъ публикой.

Театральные воспитанники, послѣ выпуска изъ училища, получаютъ обыкновенно очень незначительное содержаніе. Мартыновъ быль не счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи: живя на самое ничтожное жалованье, онъ еще долженъ былъ помогать своему большому семейству. Обстановка его въ это время была, конечно, самая бѣдная: жилъ онъ въ сырой комнатѣ; часто не на что было купить свѣчъ, и Мартыновъ долженъ былъ учить роли при лунномъ свѣтѣ; нечего и говорить о прислугѣ: Мартыновъ жилъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ школьныхъ товарищъ, и они поперемѣнно чистили одинъ другому сапоги. Самъ Мартыновъ разсказывалъ горестный случай, который былъ съ нимъ въ то время. Съ помощью величайшей бережливости, ему удалось сдѣлать себѣ новое платье. Разсчитывалъ явиться въ немъ на репетицію и заранѣе радуясь этому, Мартыновъ съ вечера развѣсили свое платье на стульяхъ и забылъ запереть на ночь окно, которое было въ нижнемъ этажѣ. Къ утру платья уже не было: его украли, и Мартыновъ долженъ былъ отказаться отъ удовольствія, которое готовиль себѣ такъ давно и съ такими лишеніями. Постоянная нужда заставляла его пользоваться всякимъ свободнымъ временемъ для новыхъ тру-

довъ, необходимыхъ для поддержанія семейства. Поэтому лѣтомъ, во время отдыха, онъ ёздилъ по провинціямъ и игралъ вездѣ съ большими успѣхомъ. Проведя молодость въ самой неблагопріятной обстановкѣ, Мартыновъ, конечно, не былъ въ то время свободенъ и отъ увлеченій, которыя впослѣдствіи губительно подѣйствовали на его здоровье.

Впослѣдствіи онъ сдѣлался хорошимъ семьяниномъ и всегда оставался добрымъ человѣкомъ. Обращаясь въ средѣ, гдѣ очень возможна конкуренція личныхъ честолюбій, Мартыновъ умѣль оставаться чистымъ, не заискивалъ у начальства, не завидовалъ товарищамъ и, что особенно замѣчательно и достойно уваженія, даже не былъ жаденъ до денегъ, мало заботился о своемъ материальномъ благосостояніи. Не имѣя никогда особаго излишка въ деньгахъ, онъ все таки помогалъ нуждающимся артистамъ, часто изъ послѣднихъ средствъ. Человѣкъ простой и честный, онъ скромно работалъ и совершенствовался на избранномъ поприщѣ и, даже предъ концомъ своей артистической карьеры, съ тревогою и беспокойствомъ каждый разъ приготовлялся къ новой роли. Значительнымъ содержаніемъ, какое Мартыновъ получалъ впослѣдствіи, онъ обязанъ не какому-нибудь покровительству или проискамъ, а исключительно своему труду, таланту и вниманію публики, несмотря на то, что, обремененный семействомъ, онъ нерѣдко терпѣлъ нужду. Всѣ знавшіе Мартынова отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ безукоризненномъ въ нравственномъ отношеніи. Онъ умеръ въ 1860 г., и весь Петербургъ провожалъ до кладбища геніального артиста и честнаго человѣка.

Говоря о трудахъ въ сферѣ артистической, мы вовсе не исключаемъ изъ избраннаго нами круга людей талантливыхъ и даже геніальныхъ; доказательствомъ этому слушать уже приведенный нами очеркъ личности Мартынова. Въ области искусства, больше чѣмъ гдѣ-нибудь, нуженъ

природный талантъ. Конечно, и тутъ не особенно даровитый, но умный, добросовѣстный художникъ можетъ имѣть свое значеніе, но уже впечатлѣніе, какое онъ произведетъ, не будетъ сильно: само по себѣ оно даже можетъ быть и хорошимъ, какимъ вообще бываетъ дѣйствіе умное, обдуманное; человѣкъ-художникъ такого рода будетъ достойнымъ уваженія труженикомъ вообще, но въ мірѣ искусства, гдѣ живость, увлекательность впечатлѣнія такъ важны въ отношеніи успѣшного примѣненія къ дѣйствительной жизни той мысли, какая приводится къ художественному изображенію, художникъ-труженикъ отступить на задній планъ передъ художникомъ геніальнымъ или даже талантливымъ.

Но тѣмъ больше должно цѣнить трудъ, когда онъ соединяется съ талантомъ, когда человѣкъ талантливый, не довольствуясь своими врожденными способностями, старается развить, усовершенствовать ихъ трудолюбиемъ. Если въ сферѣ искусства, особенно драматического, которое болѣе выпукило и болѣе сильно по производимому на массы вліянію, если въ этой сферѣ нерѣдко видимъ людей, которые обладаютъ большимъ талантомъ, но худо имъ пользуются, не работаютъ надъ собой, исполняютъ свое дѣло небрежно, надѣясь на силу своего таланта, и когда эта сила дѣйствительно выносить ихъ и производить впечатлѣніе на публику,—то тѣмъ большаго уваженія достоинъ артистъ геніальный и притомъ добросовѣстно трудящійся надъ своимъ искусствомъ, не пренебрегающій никакими мелочами для усовершенствованія себя; такой художникъ, кроме высокаго мѣста, какое онъ будетъ занимать въ ряду артистовъ, поставить себя на высшую степень достоинства и какъ человѣкъ.

Таковъ былъ извѣстный московскій актеръ Щепкинъ. Родившись въ концѣ прошедшаго столѣтія въ крѣпостномъ состояніи, онъ скончался въ 1864 г. на верху извѣстности, заслуженной не только артистическою дѣятельностью, какъ

это было съ Мартыновымъ, но и своимъ живымъ, острымъ умомъ, своимъ общимъ развитіемъ, приобрѣтеннымъ впослѣдствіи, въ теченіе жизни, и поставившимъ Щепкина въ среду наиболѣе образованныхъ литературныхъ кружковъ его времени.

Полной біографіи этого замѣчательнаго человѣка мы не имѣемъ: остались только его записки, обнимающія, впрочемъ, далеко не всѣ періоды его жизни, да воспоминанія различныхъ людей, знаящихъ Щепкина лично. Фактическихъ подробностей о его жизни поэтому нельзя требовать въ должной мѣрѣ; общій же очеркъ какъ ея, такъ и характера артиста, мы постараемся выяснить, насколько это возможно.

Михаиль Семеновичъ Щепкинъ родился въ 1788 г. въ Курской губерніи. Отецъ и мать его были крѣпостные графа Волькенштейна. На пятомъ году мальчика стали учить грамотѣ и къ шести годамъ онъ зналъ уже все, чemu тамъ учили: азбуку, часословъ и псалтирь. Знаніе это, какъ замѣчаетъ и самъ Щепкинъ въ своихъ запискахъ, было совершенно механическое и ограничивалось бѣглымъ чтеніемъ церковной печати, безъ особеннаго вниманія въ смыслъ выученного. Очевидно, что умственнаго развитія мальчика такое ученье не подвигнуло; кроме того, учитель, хотя самъ мало понималъ въ наукахъ и не могъ ничего объяснить ученику, наказывалъ Мишу, въ видѣ вразумленія, очень исправно. Дальнѣйшее ученье продолжалось у сосѣдняго священника, который самъ былъ не большого образования; впрочемъ у него Миша пробылъ очень недолгое время. Вскорѣ послѣ того, привезенный родителями въ главное имѣніе своего помѣщика, семилѣтній мальчикъ въ первый разъ видѣлъ спектакль, дававшійся въ домѣ графа Волькенштейна—оперу «Новое семейство». Это неизданное зрѣлище произвело на даровитаго ребенка большое впечатлѣніе. Вскорѣ Щепкинъ отданъ былъ въ народное училище городка Суджи и тамъ въ первый разъ

пришлось ему самому играть на домашнемъ театрѣ въ Сумароковской комедіи «Вздорщица». Первый опытъ прошелъ усѣйшно и за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ.

Междудѣмъ, ученье молодого Щепкина продолжалось, хотя больше съ наружной стороны: 14-ти лѣтъ отъ роду онъ привезенъ былъ въ Курскъ и отданъ въ тамошнее училище, гдѣ долженъ былъ изучать многіе предметы, но больше все на память. Это только и требовалось отъ учениковъ. Немудрено, что Щепкинъ, знаяшій до того времени сравнительно мало, скоро успѣлъ догнать своихъ товарищей въ успѣхахъ по всѣмъ наукамъ. Въ Курскѣ Щепкинъ уже часто могъ проводить свободное отъ ученья время въ театрѣ, который сдѣлялся для него лучшимъ удовольствіемъ.

Домашняя жизнь юноши была, однако-жъ, не совсѣмъ сладка: еще живя у отца, Щепкинъ привыкъ бояться его, но не любить, отецъ никогда не ласкалъ мальчика, показывая только одну строгость, а мать — наоборотъ. Самъ Щепкинъ въ своихъ запискахъ не одобряетъ такого способа воспитанія, который только отчуждаетъ дѣтей отъ отца и нисколько не служитъ къ развитію въ нихъ хорошихъ наклонностей, а скорѣе можетъ пріучить ихъ къ дурному.

Въ Курскѣ Щепкинъ,—не нужно забывать, что онъ находился въ крѣпостномъ состоянії,—былъ первымъ ученикомъ въ училищѣ, много занимался чтеніемъ, доставая себѣ книги у приказчика изъ книжной лавки, а дома обѣдалъ въ людской графа, съ кучерами и лакеями, и самое большее—съ дворецкими, при чемъ, конечно, на баловали пищей. Мальчикъ самъ зарабатывалъ деньги, переписывая для товарищѣ разныя записки, для актеровъ роли и т. п., и такимъ образомъ устранивалъ себѣ обѣдъ, нѣсколько лучше назначенаго. Впрочемъ, отецъ молодого Щепкина, управитель графскихъ имѣній, вскорѣ узналъ объ этомъ, и мальчика вѣдѣно было содержать прилично.

Въ 1805 г. Щепкину пришлось играть въ первый разъ на сценѣ частнаго театра въ Курскѣ, и этотъ дебютъ рѣшилъ его участь, заставивъ окончательно послѣдовать тому искусству, которое онъ считалъ уже своимъ призваніемъ. Играть онъ долженъ былъ случайно, по болѣзни одного изъ актеровъ; съ этого времени молодой человѣкъ уже часто сталъ появляться на сценѣ, замѣняя отсутствующихъ актеровъ, и всегда игралъ лучше ихъ. Исполненія роли самыя разнохарактерныя и не получивъ никакого предварительного обучения театральному искусству, Щепкинъ, конечно, не былъ вполнѣ свободенъ отъ обыкновенныхъ тогдашнихъ сценическихъ приемовъ; странно было бы и требовать противнаго отъ юноши, который своимъ доступомъ къ театру обязанъ единственно своему таланту. Правильное понятіе о сценическомъ искусствѣ Щепкинъ получилъ впервые въ 1810 г., увидавъ на одномъ любительскомъ спектаклѣ игру князя Мещерского, поразившую молодого человѣка своею простотою и естественностью. Съ тѣхъ порь онъ и самъ сталъ тщательно вдумываться въ каждую новую роль, не довольствуясь однимъ механическимъ изученіемъ ея; эту добросовѣстность онъ сохранилъ до самого конца своего артистического поприща, даже тогда, когда былъ очень старъ и слабъ. Случалось, что большой Щепкинъ, выйдя на сцену, такъ увлекался своею ролью, что по окончаніи спектакля чувствовалъ себя уже здоровымъ. Сценическому развитію Щепкина помогало и его обыкновенное трудолюбіе и упорство въ стремленіяхъ избранной цѣли. Пораженный необыкновенною простотою игры князя Мещерского, о которой мы упомянули, Щепкинъ захотѣлъ непремѣнно самъ достигнуть такого же совершенства. Онъ переписалъ и выучилъ эту пьесу въ однѣ сутки, но, начавши говорить роль, самъ видѣлъ, что выходить неестественно, несмотря на всѣ усиленія. Нѣсколько дней сряду Щепкинъ уходилъ въ рощу и тамъ повторялъ всю комедію одинъ, стараясь глубже вдуматься въ смыслъ

рѣчей дѣйствующихъ лицъ и говорить какъ можно естественнѣе. Долго трудился такимъ образомъ молодой артистъ, но простота въ игрѣ не давалась ему. Несмотря на то, Щепкинъ все-таки не упалъ духомъ: видя неудачу въ первыхъ своихъ попыткахъ, онъ рѣшился неутомимо добиваться естественности въ игрѣ своей при каждомъ случаѣ, и послѣ долговременныхъ усилий достигъ этого.

Прежде чѣмъ Щепкинъ упрочилъ свое положеніе, окончательно поступивъ на сцену, ему пришлось испытывать разныя другія обязанности и хорошо ознакомиться съ тогдашнимъ образомъ мыслей русскаго общества; это ему впослѣдствіи, при изученіи сценическихъ типовъ, очень пригодилось. Крѣпостной человѣкъ по рожденію, Щепкинъ хорошо зналъ этусть быть съ дѣтства; нѣкоторые успѣхи при замѣнѣ актеровъ на провинціальныхъ театрахъ сдѣлали его извѣстнымъ и сблизили съ купечествомъ и съ разнаго рода чиновными лицами. Наконецъ, быть дворянскій открывался наблюдательному взору молодого человѣка, когда ему случалось бывать при большихъ обѣдахъ и балахъ въ качествѣ офиціанта. Для этой должности Щепкина часто выпрашивали у господъ, по собственному его выраженію, «какъ ловкаго и умнаго малаго».

Любопытнымъ образчикомъ наблюдательности Щепкина, а также и характеристикой общества того времени служатъ многіе факты, разсказанные имъ въ запискахъ. Они показываютъ, какія грубыя, чудовищныя понятія поддерживались тогда даже въ обществѣ людей, принадлежавшихъ къ такимъ кружкамъ, которые считались передовыми и дѣйствительно, располагая большими средствами къ образованію, имѣли основаніе носить такое название.

Игравъ на нѣсколькихъ провинціальныхъ сценахъ, Щепкинъ совершенствовался все больше и больше. Путемъ къ этому для него служило какъ постоянно добросовѣстное исполненіе своихъ ролей, такъ и стремленіе играть безъ особенного поклоненія принятымъ тогда правиламъ теа-

трального искусства, ложность которыхъ Щепкинъ понималъ; онъ старался самъ обрабатывать свои роли, примѣня ихъ мысленно къ дѣйствительной жизни и достигая такимъ образомъ простоты и естественности въ игрѣ. Онъ самъ подмѣчалъ слабыя стороны актеровъ даже на такихъ сценахъ, которые въ то время славились, какъ, напримѣръ, на харьковской, о чмъ упоминается въ его запискахъ. Извѣстность Щепкина росла все больше и больше, и въ 1823 году онъ поступилъ на казенный театръ въ Москву. Съ этого времени ему открылась уже полная возможность исключительно посвятить себя избранному искусству, надъ которымъ Щепкинъ сталъ трудиться самымъ усерднымъ образомъ. Артистическое поприще его представляетъ рядъ успѣховъ, которымъ не помѣщала впослѣдствіи даже старость, когда, при необыкновенной тучности Щепкина, самый органъ его значительно ослабѣлъ.

Какъ человѣкъ, Щепкинъ заслуживаетъ полного уваженія и имѣетъ право на почетное мѣсто въ ряду лучшихъ русскихъ людей. Одаренный отъ природы, какъ мы сказали, наблюдательностью, и, кроме того, острымъ, свѣтлымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, онъ пополнилъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ недостатокъ образованія, полученнаго въ юности. Иностранныхъ языковъ онъ не зналъ, и потому для него нарочно дѣлали переводы и извлечения изъ замѣчательныхъ разборовъ той пьесы, какую онъ выбиралъ и считалъ капитальною; предъ исполненiemъ такой роли, чтобы лучше понимать ее, чтобы отчетливѣе уяснить себѣ характеръ избраннаго лица, Щепкинъ такимъ образомъ старался ознакомиться со всѣми отзывами, прежде появившимися о пьесѣ. Такая необыкновенная добросовѣстность въ игрѣ показываетъ, что создаваемыя артистомъ сценическія личности были произведеніемъ не одного только таланта, но вмѣстѣ съ тѣмъ и основательнаго изученія. Какъ высоко онъ цѣнилъ и понималъ свое искусство, доказывается еще и тѣмъ, что изъ своихъ сыновей Щеп-

кинь ни одного не пустилъ на сцену, не находя въ нихъ нужныхъ для этого, по его мнѣнію, условій. Знакомство съ лучшими драматическими произведеніями всего болѣе способствовало самообразованію Щепкина. Этому же помогалъ и избранный кружокъ людей, знаменитыхъ на по-прицахъ литературномъ и артистическомъ, въ который онъ вступилъ и созѣтами котораго умѣлъ пользоваться.

Будучи уже въ глубокой старости, Щепкинъ умѣлъ однако-жъ понимать духъ новаго времени, — видѣль, чѣмъ новый вѣкъ лучше стараго, и съ удовольствіемъ слѣдилъ за ходомъ реформъ послѣдняго времени; съ восторгомъ встрѣтилъ освобожденіе крестьянъ, и вообще преданъ былъ той мысли, что Россія идетъ и должна идти впередъ. Въ частной жизни Щепкинъ извѣстенъ былъ своею благотворительностью, основанною на здравомъ пониманіи людей. Всегда строго чтимый, онъ заслужилъ себѣ общее уваженіе и какъ артистъ, и какъ человѣкъ.

Рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ тружениковъ въ области искусства мы считаемъ удобнымъ заключить, упомянувъ еще объ одномъ художнике, который трудился всю свою жизнь и старался учить своему искусству и другихъ. Это — академикъ Ступинъ, основатель извѣстной арзамасской школы живописи.

Ступинъ родился въ 1776 году и на четвертомъ году отъ рода остался уже круглымъ спротою. Принаследжа самъ къ мѣщанскому званію, онъ воспитывался у одной арзамасской мѣщанки, которая приняла его къ себѣ вмѣсто сына.

Ученье Ступина похоже на ученье большей части нашихъ простыхъ людей, проложившихъ себѣ дорогу трудомъ. Пятилѣтнимъ мальчикомъ онъ, подъ руководствомъ мѣстного учителя, выучилъ всю азбуку; хотѣли тутъ же продолжать учить ребенка и часослову, но учитель назначилъ слишкомъ дорогую для бѣдныхъ людей плату, по 3 коп. асс. за страницу. Тогда Ступинъ былъ отданъ въ

ученье къ глухому пономарю, у которого занимался ученьемъ наизусть часослова. Обращеніе этого наставника со своими учениками было до такой степени жестоко,— брань, побои и розги употреблялись въ дѣло такъ щедро,— что уже посторонніе люди, узнавъ объ этомъ, внушали воспитательницѣ Ступина мысль взять мальчика отъ пономаря. Ребенка помѣстили къ прежнему учителю, у которого онъ въ короткое время выучился хорошо читать церковную печать; писать этотъ учитель самъ не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, и потому Ступинъ опять переселился къ пономарю, съ которымъ условились только, чтобы онъ хорошо обходился съ ученикомъ. Мальчикъ и тутъ оказалъ большиe успѣхи; въ это время ему минуло только семь лѣтъ и, несмотря на такой ранній возрастъ, Ступинъ тогда же взяты былъ отъ учителя, потому что, по мнѣнію воспитательницы, уже достаточно пріобрѣлъ познаній.

Три года послѣ того мальчикъ провелъ дома, безъ книжного ученья, хотя и чувствовалъ къ нему охоту. Для чтенія, — и то однѣхъ церковныхъ книгъ, — ему оставалось время только по вечерамъ; днемъ же малютка работалъ, что могъ — пѣлъ на клиросѣ, звонилъ на колокольнѣ, носиль дрова въ церковь и прислуживалъ тамъ, за что получалъ иногда вознагражденіе, а дома вязаль чулки. Заработанныхъ денегъ Ступинъ никогда не употреблялъ на лакомства, а сберегалъ ихъ и потомъ покупалъ себѣ необходимыя вещи или книги, стараясь не вводить въ лишніе расходы свою названную матъ.

Между тѣмъ нужно было дать ребенку опредѣленное занятіе: воспитательница Ступина, несмотря на нежеланіе его самого, вздумала пріучать его къ торговлѣ, и онъ цѣлый годъ долженъ былъ сидѣть въ ея мелочной лавкѣ. Это занятіе однако-жъ не соотвѣтствовало характеру Ступина особенно потому, что покупателей являлось мало и оставалось много свободнаго времени, которое мальчикъ не зналъ на что употребить, и потому сильно скучалъ. Отъ

скуки, десятилѣтній ребенокъ доставалъ себѣ духовныя книги и списывалъ ихъ въ тетрадки, а когда и это занятіе мало доставляло развлеченія, то чертилъ перомъ разныя фигуры,—головки животныхъ и т. п. Отъ этого безыскусственного способа рисованія Ступинъ получилъ охоту серьезно учиться искусству живописи. Уступивъ убѣдительнымъ просьbamъ мальчика, воспитательница согласилась, наконецъ, отдать 11-лѣтняго ребенка въ ученье къ сосѣднему мастеру-живописцу на три года. Учитель этотъ однако-жъ не обладалъ большими познаніями въ томъ искусства, которому учили, и, кроме того, былъ горькій пьяница: понятно, что Ступинъ немногому могъ у него научиться; взамѣнъ этого, онъ посѣщалъ иногда классы вновь открытаго тогда въ Арзамасѣ народнаго училища и такимъ образомъ нѣсколько дополнить крайнюю недостаточность своего прежняго ученья грамотѣ.

Кончивъ срокъ своихъ занятій у живописца, Ступинъ вернулся домой, хотя и мало опытный въ избранномъ искусстве, но дополнявшій недостатокъ умѣнія усерднымъ стараніемъ совершенствоваться дальше. Между тѣмъ нужно было и работать для добыванія средствъ къ жизни. Ступинъ принялъ поправлять старые портреты, иконы и даже писать новые; все это дѣгалось за самую незначительную плату. Вскорѣ онъ досталъ себѣ и постоянную работу — сдѣлался помощникомъ у городскаго дьякона, который въ то же время былъ иконописцемъ.

Обзаведясь семействомъ, 19-лѣтній Ступинъ продолжалъ усердно по-прежнему заниматься живописью. Но вскорѣ сестра молодого человѣка убѣдила его поступить на службу, въ чёмъ самъ художникъ чрезъ нѣсколько времени сильно раскаялся. Онъ и прежде не любилъ «приказныхъ», а самъ сдѣлавшись такимъ же, увидѣль, что его положеніе сдѣлалось хуже прежняго. Служебное начальство, узнавъ о родѣ постоянныхъ занятій Ступина, стало извлекать изъ этого пользу для себя: его начали заимствовать не столько

службою приказаною, сколько домашними работами у начальниковъ; онъ занимался золоченiemъ рамъ, малярнымъ дѣломъ и тому подобными работами, имѣвшими сами по себѣ мало общаго съ настоящею живописью. При этомъ Ступину часто приходилось переносить холодъ, голодъ и всякия непріятности. Была, впрочемъ, и тутъ хорошая сторона: живя въ Нижнемъ-Новгородѣ, Ступинъ ходилъ въ свободное время въ семинарию, гдѣ слушалъ преподаваніе; бывалъ на диспутахъ, на экзаменахъ, и такимъ образомъ, хотя и далеко изъ неудовлетворительного источника, все-таки имѣть возможность немного подвинуть впередъ свое образованіе.

Тяготясь своимъ положеніемъ, Ступинъ употреблялъ всѣ усилия, чтобы отѣлаться отъ него. Случай къ этому представился: Ступину было заказано образъ для поднесенія императору Павлу, при проѣздѣ его чрезъ Нижний. Выпросивъ съ большимъ трудомъ временное увольненіе для занятій этимъ заказомъ, художникъ успѣшно окончилъ свою работу, которая всѣмъ понравилась. Всѣдѣ затѣмъ, не-отступныя просьбы Ступина, чрезъ посредство разныхъ доброжелательныхъ людей, знавшихъ его способности, были уважены: его уволили отъ службы, и Ступинъ, совершенно довольный, возвратился въ Арзамасъ, гдѣ усерднѣе прежняго принялъ за свое любимое искусство. Съ этого времени онъ уже сталъ брать къ себѣ учениковъ, и работа двадцатилѣтняго мастера пошла успѣшно, доставляя ему прибыль. Но Ступинъ этимъ уже не довольствовался: теперь онъ сталъ стараться попасть въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ въ академію художествъ. Мысль эта такъ овладѣла имъ, что онъ рѣшился преодолѣть для этого всѣ препятствія, какія могли встрѣтиться.

Препятствія предстояли немаловажные. Кроме денегъ, которыхъ требовались на проѣздъ, Ступина удерживали еще слезы и просьбы его семейства, но онъ твердо держался за свое намѣреніе. О своемъ предорѣятіи онъ не рѣшился

сказывать никому, кромъ своихъ домашнихъ, потому что его сочли бы пустымъ вѣтрогономъ, бросающимъ жену и дѣтей. Ступинъ все-таки не унывалъ. За проѣздъ и про-
кормленіе свое по дорогѣ онъ, вмѣсто платы, написалъ
портреты отца и матери своего спутника-монаха. Такимъ
образомъ, первый шагъ былъ сдѣланъ благополучно. Въ
Петербургѣ Ступинъ поселился у одного бѣднаго родствен-
ника и сейчасъ же сталъ посѣщать классы академіи ху-
дожествъ; потомъ поступилъ въ ученики къ тогдашнему
профессору живописи Акимову, у котораго и стала жить.
Тамъ приходилось Ступину не совсѣмъ легко: при скуд-
номъ содержаніи, ученики Акимова должны были, кромъ
занятій рисованіемъ, работать въ профессорскомъ саду
надъ пересадкою деревьевъ, поливкою цвѣтовъ и т. п., и,
сверхъ того, помогать кухаркѣ своего учителя катать бѣлье
и носить его на Неву для стирки. Въ то же время Сту-
пинъ сблизился съ лучшими изъ тогдашихъ молодыхъ ху-
дожниковъ, Егоровымъ, который произвелъ на нашего жи-
вописца хорошее вліяніе какъ по отношенію къ его иску-
ству, такъ и вообще въ умственномъ развитіи.

Черезъ годъ по отѣзду Ступина изъ Арзамаса, семейство стало требовать его возвращенія туда, ссылаясь на то, что оно терпитъ большие недостатки, а мѣщанское общество, къ которому Ступинъ принадлежалъ, обязало его платить подушную водать за пять душъ на томъ основа-
ніи, что если онъ можетъ проживать въ Петербургѣ, от-
дѣльно отъ семейства, то, слѣдовательно, имѣть средства
и нести усиленная повинности. Тогда Ступинъ, получив-
шій уже за свои труды медаль, написалъ, по совѣту Аки-
мова, свою краткую автобіографію, которая чрезъ того же
Акимова была поднесена императрицѣ Елизавете Алексѣевнѣ. Въ художники приняли участіе, и онъ съ семействомъ въ 1802 г. освобожденъ былъ отъ податного со-
стоянія.

Возвратясь въ Арзамасъ, Ступинъ, при помощи приве-

зенныхъ изъ Петербурга въ большомъ числѣ учебно-художественныхъ пособій, полученныхъ изъ академіи, устроилъ свою школу лучше прежняго; вслѣдствіе этого, число учениковъ въ ней увеличилось и школа сдѣлалась единственнымъ предметомъ вниманія Ступина; въ ней преимущественно занимались иконописными работами. Нѣкоторые изъ учениковъ Ступина сдѣлали такие успѣхи въ рисовальномъ искусствѣ, что о нихъ извѣщена была академія художествъ, а о трудахъ самого Ступина доведено до свѣдѣнія императора Николая. Частныя лица также старались, по возможности, поддерживать арзамасскую школу: такъ, общество поощренія художниковъ, выразивъ Ступину свое сочувство, подарило ему собраніе эстамповъ, какъ пособіе для преподаванія, и хотѣло выкупить изъ крѣпостного состоянія одного изъ лучшихъ учениковъ школы; это послѣднее намѣреніе, однако-жъ, не состоялось, по несогласію помѣщика на выкупъ молодого человѣка, который вскорѣ послѣ того съ отчаянія застрѣлился. Ученики арзамасской школы принадлежали исключительно къ податному состоянію и значительное число ихъ было даже изъ крѣпостныхъ людей. Въ этомъ состоитъ главная часть пользы, принесенной Ступинской школою. Собственно въ художественномъ отношеніи, она, по отзывамъ очевидцевъ, не имѣла большого значенія, да и занимались въ ней по большей части, какъ мы сказали, писаніемъ иконъ; но какъ открытый путь для многихъ молодыхъ людей къ обученію, дававшему имъ возможность добывать себѣ хлѣбъ честнымъ образомъ, школа эта, далекая отъ большихъ претензій, заслуживаетъ полнаго уваженія. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто разбирать достоинства и недостатки Ступинской школы, независимо отъ личности ея основателя.

Самъ Ступинъ, сдѣланный уже академикомъ, продолжалъ ревностно заниматься школой. Въ это время постигло его нѣсколько семейныхъ несчастій: умерла жена художника, потомъ замужняя дочь; вдѣбовень произошелъ по-

жарь въ самомъ зданіи школы, которая превратилась въ пещель. Ступинъ потерпѣлъ большой убытокъ и поставленъ былъ въ самое затруднительное положеніе, но не потерялъ присутствія духа, твердо рѣшившись возстановить свою школу, въ чемъ и успѣлъ, при помощи академіи художествъ и другихъ лицъ, видѣвшихъ пользу, которую приносило это заведеніе.

Ступинъ не одинъ разъ Ѵздалъ въ Петербургъ съ отчетами о ходѣ школы и съ представлѣніями о лучшихъ изъ своихъ учениковъ, стараясь, между тѣмъ, всѣми мѣрами направить къ лучшему успѣхи заведенія, которому посвятилъ почти цѣлую жизнь.

Живя въ Аразамасѣ, Ступинъ исполнялъ и разныя мѣстные должности: служилъ по городскимъ выборамъ, былъ церковнымъ старостой; впрочемъ, отъ этой послѣдней должности его отставилъ мѣстный архіерей за то, что у Ступина въ школѣ находятся «идолы», — такъ онъ называлъ гипсовыя статуи.

Ступинъ былъ человѣкъ религіозный и притомъ практическій-умный. Владѣя самымъ ограниченнымъ научнымъ образованіемъ, онъ старался, по возможности, образовать себя въ теченіе жизни и очень жалѣлъ, когда вслѣдствіе недостатка развитія долженъ быть отказаться отъ болѣе глубокихъ работъ мысли. При всемъ томъ этотъ человѣкъ обладалъ прямымъ, свѣтлымъ взглядомъ на вещи. Подобно Щепкину, онъ не ставилъ себѣ за правило, какъ дѣлаютъ многие старики, постоянно восхвалять старину, но, напротивъ, самъ, достигнувъ глубокой старости, понималъ новое время и радовался успѣхамъ просвѣщенія. Любовь къ труду не оставляла его до смерти. Въ послѣднее время въ его школѣ учениковъ было уже немногого, но Ступинъ все-таки радовался, что поступаютъ еще новые ученики, говоря, что онъ желаетъ работы въ своей школѣ не для личныхъ выгодъ, но чтобы избѣжать праздности. Эти слова 84-лѣтаго старика достаточно характеризуютъ его трудолюбіе и

въ соединеніи съ полезными результатами его дѣятельности даютъ ему полное право на благодарное воспоминаніе русскаго общества.

Приведенными четырьмя образцами, по недостатку места, мы ограничиваемъ рядъ русскихъ художниковъ, пробившихъ себѣ дорогу трудомъ. Но въ дѣйствительности русская жизнь представляетъ еще не одинъ подобный примеръ. Таковъ художникъ Тропининъ, вышедший изъ крѣпостного состоянія и постояннымъ трудомъ усовершенствовавшій свой талантъ; таковы еще некоторые другія свѣтлые русскія натуры...

ГЛАВА VI.

ТРУДЪ И ДВОРЯНСТВО.

Источникъ англійскаго царства—промышленный классъ народа.—Смѣшаніе сословий.—Потомки первыи между механиками.—Лондонскіе купцы—также основатели пэрствъ.—Жизнь и труды Ричарда Фолея.—Дѣятельность Вильяма Фиппса, основателя фамиліи Норменби.—Вильямъ Петти.—Лордъ Ланедоунъ.—Стреттъ.—Пэрства, основанныя юристами.—Лордъ Лангдалъ.—Русское дворянство: Демидовъ.

Трудъ, въ рукахъ дѣятельнаго и умнаго человѣка, служитъ вѣрнымъ средствомъ успѣха во всѣхъ отношеніяхъ; онъ улучшаетъ и возвышаетъ человѣка, способствуетъ проявленію его личнаго характера и, вмѣсть съ тѣмъ, сильно побуждаетъ къ дѣятельности всѣхъ другихъ, окружающихъ его людей. Конечно, всѣ трудящіеся не могутъ въ одинаковой степени возвысить и улучшить свое положеніе, но все таки каждый, сообразно съ своими заслугами, пріобрѣтаетъ вообще очень много.

Мы уже упомянули о нѣкоторыхъ знаменитыхъ представителяхъ народа, достигшихъ высокаго положенія въ англійскомъ обществѣ, благодаря своимъ постояннымъ трудамъ; между англійскими парами также можно найти примѣры, не менѣе поучительные. Прачина крѣпости и жизненности англійской аристократіи состоитъ въ томъ, что она отъ времени до времени обновляла свои соки, вслѣдствіе смѣшанія съ различными промышленными силами:

граны—съ тѣми силами, которыя, по справедливости, могутъ быть названы «печенью, сердцемъ и мозгомъ Британіи». Подобно баснословному Антею, ряды англійской аристократіи подкрѣплялись и освѣжались частымъ соприкосновеніемъ съ родною почвою и свободнымъ смѣшаніемъ дворянскаго класса съ рабочимъ.

Большинство англійскихъ фамилій, выдающихся нынѣ или общаго уровня по той или другой причинѣ, нѣсколько столѣтій назадъ, тѣсно перемѣшивались между собою въ одномъ общемъ Тевтонскомъ племени, отъ которого всѣ произошли. Само собою разумѣется, что главныя отличительныя черты англійской расы,— трудолюбіе, энергія и духъ независимости—оставались всегда одинъ и тѣ же.

Но, кромѣ того, въ англійскомъ обществѣ значеніе отдельныхъ родовъ было непостоянно: новыя семейства заимствали мѣсто прежнихъ, которыхъ часто оѣдали въ низшии ряды народа. Всѣдѣствіе междуусобныхъ войнъ и возмущеній старое дворянство пало, и многіе изъ его членовъ сдѣлались фермерами, мѣканками, земледѣльцами, смѣшавшимися такимъ образомъ опять съ корнемъ той великой промышленной расы, изъ которой первоначально произошли. Такъ, напримѣръ, думаютъ, что прямымъ представителемъ Симона Монфортскаго, первого барона Англіи, можетъ считаться теперь одинъ сѣдельникъ. Когда Гуго Миллеръ былъ въ каменоломнѣ близъ Эдинбурга, то при служившій ему работникъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ претендентовъ на титулъ графа Крауфорда, и дѣйствительному утвержденію его права мѣшалъ только недостатокъ брачнаго свидѣтельства.

Большинство англійскихъ пэровъ, сравнительно, довольно новаго происхожденія, которымъ, сверхъ того, въ значительной степени обязано почтенній средѣ промышленныхъ классовъ. Встарину, энергическіе и предпріимчивые люди изъ коммерческаго и вообще богатаго класса лондонскихъ жителей часто дѣлались пэрами; такъ, напримѣръ,

родъ графовъ Корнуаллійскихъ основанъ купцомъ, графомъ Эссексъ—суконщикомъ; многія пэрства пріобрѣтены исключительно торговлей. Замѣчательны во многихъ отношеніяхъ основатели домовъ Фолей и Норменби; они достойны вниманія, въ особенности какъ яркіе образчики энергического характера.

Отецъ Ричарда Фолей, основателя этого дома, былъ небольшой помѣщикъ (уеоман), жившій въ окрестностяхъ Сторбриджа при Карлѣ I. Этотъ городъ былъ въ то время центромъ желѣзодѣлательного производства въ средней Англіи, и Ричардъ посвятилъ себя одной изъ отраслей этой промышленности—выдѣлкѣ гвоздей. Такимъ образомъ онъ былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ того громаднаго труда и потери времени, которые были неизбѣжными слѣдствиемъ топорной процедуры, принятой въ то время при этой фабрикаціи для раскалыванія желѣзныхъ стержней. Сторбриджскіе фабриканты гвоздей постепенно принуждены были сокращать размѣры своей фабрикаціи, вслѣдствіе значительного пониженія цѣнъ на ихъ произведенія отъ большого ввоза шведскихъ гвоздей. Сдѣлалось позѣстно, что эти послѣдніе могли продаваться относительно дешевле, вслѣдствіе употребленія раскалывающихъ машинъ, которыми, конечно, была отодвинута на задній планъ употреблявшаяся въ Англіи многотрудная процедура приготовленія желѣзныхъ стержней для гвоздей.

Ричардъ Фолей, убѣдившись въ этомъ, рѣшился научиться новому способу сверленія желѣза. Онъ внезапно скрылся изъ окрестностей Сторбриджа, и въ теченіе несколькилъ лѣтъ никто, даже собственное его семейство, не зналъ, куда онъ отправился: онъ не открылъ никому своего намѣренія, чтобы не встрѣтить неудачи въ задуманномъ дѣлѣ. Почти вовсе безъ денегъ, онъ отправился однажды въ Гуль, гдѣ нанялся на корабль, отходившій въ Швецію, и заработалъ на немъ свой проѣздъ. Единственная собственность, которой онъ тогда обладалъ, была

скрипка; по прибытии въ Швецію, игрою на этомъ инструментѣ онъ доставалъ себѣ деньги для перехода въ Деннеморскіе рудники, близъ Упсалы. Какъ превосходный музикантъ и веселый собесѣдникъ, онъ скоро сошелся съ рабочими по выдѣлкѣ желѣза. Такимъ образомъ, ему удалось получить доступъ ко всѣмъ частямъ мѣстнаго желѣзодорожнаго производства. Этимъ Фолей и воспользовался для ознакомленія себя съ механизмомъ сверленія желѣза и для обогащенія своего ума обильнымъ запасомъ наблюдений. Послѣ продолжительныхъ занятій въ этомъ родѣ, онъ такъ-же неожиданно исчезъ отъ своихъ друзей-рудокоповъ, какъ появился, и никто не зналъ куда именно.

По прибытии въ Англію, Фолей сообщилъ о свѣдѣніяхъ, добытыхъ имъ въ этомъ путешествіи, нѣсколькоимъ особенно близкимъ лицамъ въ Сторбриджѣ, которые вѣрили ему настолько, что согласились ссудить необходимую сумму для возведенія построекъ и сооруженія механизма для раскалыванія желѣза по новому способу. Но когда они принялись за дѣло, то, къ величайшей досадѣ и разочарованію всѣхъ, а особенно Ричарда Фолея, оказалось, что механизмъ не дѣйствуетъ; раскалыванье желѣзныхъ полосъ никакъ не удавалось. Фолей опять скрылся. Всѣ думали, что онъ ушелъ навсегда, и что причиной его добровольного изгнанія былъ стыдъ и досада на неудачный исходъ его предпріятія. Однако-же это было не такъ. Рѣшившись разъ открыть секретъ раскалыванья желѣза, Фолей хотѣлъ непремѣнно добиться этого. Онъ опять отправился въ Швецію, какъ прежде, со своей скрипкой, и прибылъ на тотъ-же желѣзный рудникъ, гдѣ былъ радушно принятъ старыми товарищами, рудокопами, которые, для большей гарантіи противъ нового бѣгства скрипача, помѣстили его на этотъ разъ въ самомъ дробильномъ заводѣ. Въ этомъ человѣкѣ было, повидимому, такое отсутствіе пониманія всего другого, кромѣ игры на скрипкѣ, что рудокопы не могли имѣть никакихъ подозрѣній насчетъ тай-

ныхъ намѣреній своего артиста, которому такимъ образомъ представилась возможность добиться давно-желанной дѣли. Тогда-то онъ началъ тщательно изучать всѣ машины, аппараты и ихъ примѣненіе и скоро открылъ причину своей неудачи. Онъ сдѣлалъ рисунки или снимки со всего механизма, какъ умѣлъ, потому что это былъ новый родъ искусства, до того времени совершенно ему неизвѣстный; затѣмъ, проживъ тамъ столько времени, сколько было нужно, чтобы удостовѣриться въ справедливости сдѣланныхъ наблюдений и чтобы запечатлѣть въ памяти всѣ подробности устройства машины, онъ опять оставилъ своихъ товаращѣй, достигъ шведскаго берега и отплылъ въ Англію. Человѣкъ съ такою силою воли не могъ не имѣть успѣха въ своемъ предпріятіи. Появившись снова среди своихъ удивленныхъ друзей, Фолей дополнить прежнее устройство своей машины, и на этотъ разъ опытъ былъ совершенно усъщенъ. Своимъ трудолюбіемъ и ловкостью онъ вскорѣ положилъ основаніе громадному богатству своего дома, ожививъ вмѣсть съ тѣмъ промышленность цѣлаго обширнаго округа. Въ продолженіе цѣлой жизни, онъ самъ имѣлъ главный надзоръ за своимъ ремесломъ, а также поддерживалъ и поощрялъ всѣ подобныя фабрики, возникавшія пососѣдству. Онъ основалъ школу въ Сторбриджѣ, отдавливъ вмѣсть съ тѣмъ на поддержку ея особую сумму, а сынъ его, Томасъ, на такихъ же началахъ учредилъ благотворительное заведеніе, существующее до настоящаго времени, для безвозмезднаго воспитанія бѣдныхъ дѣтей въ Ольдъ-Свинфорпѣ. Всѣ первые члены рода Фолеевъ были пуритане. Ричардъ Бэкстеръ говорить о Томасѣ Фолеѣ, шерифѣ Уорчестершира, что это былъ человѣкъ «такого безукоризненнаго и правдиваго образа жизни, что всѣ, когда-либо имѣвшіе съ нихъ дѣло, отзывались единогласно съ величайшей похвалой о его примѣрной честности». Это семейство было возведено въ дворянское достоинство при Карлѣ II.

Вильямъ Фиппсъ, основатель фамиліи Норменби, былъ въ своемъ родѣ также замѣтеленъ. Отецъ его былъ оружейнымъ мастеромъ въ Вульвичѣ, въ Мэнѣ, составлявшемъ часть англійскихъ колоній въ Америкѣ. Вильямъ родился въ 1651 г.; многочисленное семейство его отца, состоявшее изъ 26 дѣтей (изъ которыхъ сыновей было 21), не имѣло никакого состоянія, кромѣ бодраго духа и сильныхъ мускуловъ. Въ жилахъ мальчика, казалось, была доля датской крови моряковъ: спокойная жизнь пастуха, какую пришлось Вильяму вести въ юныхъ годахъ, вовсе ему не нравилась. Смѣлый и предпріимчивый отъ природы, онъ сильно желалъ сдѣлаться морякомъ и объѣхать цѣлый свѣтъ. Фиппсъ старался попасть на какой-нибудь корабль, но ему не удалось найти ни одного, и потому онъ поступилъ въ ученье къ корабельному мастеру, у которого основательно изучилъ избранную отрасль дѣятельности, а въ свободное время упражнялся въ чтеніи и письмѣ. Кончивъ свое ученье и переселившись въ Бостонъ, Фиппсъ женился на вдовѣ, имѣвшей нѣкоторое состояніе; тогда же завелъ на свой счетъ маленькую верфь, построилъ корабль и, отправившись на немъ въ море, усердно занимался перевозкою тяжестей въ теченіе 10 лѣтъ.

Однажды, проходя по извилистымъ улицамъ стараго Бостона, онъ случайно услыхалъ изъ разговора нѣсколькихъ матросовъ, что около Багамскихъ острововъ потерпѣлъ кораблекрушеніе испанскій корабль, и притомъ съ большимъ грузомъ драгоцѣнностей. Предпріимчивая натура Фиппса воспламенила ее: не теряя времени, онъ набралъ толпу такихъ же удальцовъ и поплылъ къ Багамскимъ островамъ.

Фиппсъ безъ труда нашелъ остатки корабля, даже удалось добыть и большую часть груза, но очень мало денегъ, такъ что онъ едва только могъ покрыть свои расходы на это предпріятіе. Однако-жъ и такой незначительный успѣхъ уже возвуждалъ еще болѣе его предпріимчивость, такъ что, когда Фиппсъ услышалъ о другомъ, гораздо

богаче нагруженномъ корабль, который погибъ близъ порта де-ла-Плата, у него сейчас же явилось твердое намѣреніе поднять обломки корабля или во всякомъ случаѣ воспользоваться сокровищами, какія тамъ находились.

Но какъ для подобнаго предпріятія, безъ сильной посторонней поддержки, Фиппсъ быль слишкомъ бѣденъ, то для этой цѣли онъ отправился въ Англію въ надеждѣ найти тамъ нужную помощь. Между тѣмъ молва о первомъ успѣшномъ предпріятіи уже предупредила его прибытіе. Фиппсъ обратился прямо къ правительству и, съ помощью настойчивыхъ, энергическихъ усилий, успѣль преодолѣть обычную инерцію офиціальныхъ умовъ. Карлъ II отдалъ въ его распоряженіе 18-пушечный корабль съ 95 людьми, поручивъ Фиппсу главное начальство надъ всей экспедиціей.

Такимъ образомъ Фиппсъ отправился на поиски затопленного испанского корабля и находившихся на немъ сокровищъ. Онъ благополучно достигъ береговъ Санъ-Доминго, но тутъ-то и начались величайшія затрудненія. Какъ найти корабль, потонувшій болѣе 50 лѣтъ назадъ,—тѣмъ болѣе, что обѣ этомъ событии до Фиппса доходили по преданію только неопределенные слухи! Предстояло дѣлать разслѣдованіе по пространному берегу и еще болѣе обширному океану, не имѣя ни малѣйшихъ слѣдовъ разбитаго судна. Но человѣкъ, взявшийся за это предпріятіе, былъ полонъ надеждъ и обладалъ твердою волей. Онъ заставилъ своихъ матросовъ работать надъ расчисткою дна, и въ течение нѣсколькихъ недѣль они доставали такимъ образомъ только морскую траву, валуны и кусочки камней. Непріятнѣе этого занятія не могло быть для моряковъ: между ними стали слышны ропотъ и неувольствіе на то, что командиръ завезъ ихъ вдали для такихъ глупыхъ занятій.

Ропотъ усиливался и перешелъ наконецъ въ открытый бунтъ. Толпа недовольныхъ бросилась однажды на шканцы и потребовала, чтобы путешествіе было оставлено. Но Фиппса запугать было не легко: онъ арестовалъ зачинщи-

ковъ, а прочихъ отослать обратно къ своему дѣлу. Нужно было стоять на якорь у какого-то маленькаго островка для починки корабля и, чтобы облегчить его, пришлось выгрузить на берегъ большую часть запасовъ. Такъ какъ число недовольныхъ въ командѣ увеличивалось, то между матросами, высадившимися на берегъ, возникъ новый заговоръ, цѣлью которого было завладѣть кораблемъ, выбросить Филлса за бортъ и начать крейсировать въ Южномъ океанѣ для грабежа испанскихъ судовъ. Для успѣха дѣла нужно было содѣйствіе главнаго корабельного плотника, и онъ дѣйствительно былъ посвященъ въ тайну заговора, но по долгу честнаго человѣка, предупредилъ Филлса объ угрожавшей ему опасности. Созвавъ къ себѣ людей, оставшихся еще вѣрными, Филлсъ зарядилъ корабельныя пушки, господствовавшія надъ берегомъ, и поднялъ мостъ, служившій сообщеніемъ между берегомъ и кораблемъ. Когда заговорщики показались, онъ окликнулъ ихъ и сказалъ, что откроетъ огонь, если они подойдутъ къ сѣйстнымъ припасамъ (которые оставались еще на берегу); толпа отступила, и Филлсъ перегрузилъ всѣ запасы на корабль подъ прикрытиемъ своихъ пушекъ. Заговорщики, испуганные перспективою оставленія на пустомъ островѣ, бросили ружья и стали умолять о позволеніи возвратиться къ своимъ обязанностямъ. Эта просьба была уважена, но вмѣстѣ съ тѣмъ и приваты мѣры противъ повторенія такихъ же непріятностей на будущее время. При первой возможности Филлсъ высадилъ всѣхъ недовольныхъ изъ своей команды и замѣнилъ ихъ другими людьми; но прежде возобновленія дѣятельныхъ поисковъ, онъ нашелъ необходимымъ отправиться въ Англію для починки корабля. Теперь онъ уже имѣлъ болѣе точныя свѣдѣнія о мѣстности, гдѣ погибли сокровища испанского корабля, и, несмотря на неудачи, которыхъ испыталъ при первыхъ розыскахъ, больше тѣмъ когда-нибудь быть увѣренъ въ рѣшительномъ успѣхѣ своего предпріятія.

По возвращении въ Лондонъ, Фицпсъ отдалъ отчетъ въ своемъ путешествіи адмиралтейству, и хотя получилъ отъ него одобрение, но всѣ попытки мореплавателя пріобрести въ свое распоряженіе еще одинъ королевскій корабль остались безуспѣшны. Въ это время на тронѣ былъ Яковъ II, правительство было шатко, и на проектъ Фицпса, конечно, не обратили должнаго вниманія. Онъ попытался затѣмъ собрать нужные средства по подпискѣ отъ частныхъ лицъ. Сначала онъ былъ осмѣянъ, но, наконецъ, благодаря своимъ настойчивымъ домогательствамъ, послѣ четырехлѣтняго докучанія сильнымъ міра сего, — времія, которое онъ прожилъ въ крайней бѣдности, — Фицпсъ добился желаемаго. Составилась компания изъ 20 паевъ, большую часть которыхъ взялъ сынъ генерала Монка, герцогъ Альбемарль, принявшій въ этомъ дѣлѣ живое участіе и поддерживавшій предпріятіе своими капиталами. Подобно Фолею, Фицпсъ во второмъ путешествіи былъ счастливѣе, чѣмъ въ первомъ. Когда корабль благополучно достигъ порта де-ла-Плата, находившагося въ сопѣдствїи съ той группой рифовъ, на которыхъ, какъ предполагали, произошло кораблекрушеніе, первою заботою Фицпса было построить крѣпкую лодку въ 10 или 12 весель. Говорять, что онъ же построилъ машину для разведки морского дна, похожую на нынѣшній водолазный колоколъ. О подобной машинѣ уже говорили тогда въ литературѣ, но какъ Фицпсъ былъ мало знакомъ съ литературой, то можно положительно сказать, что этотъ приборъ онъ вновь изобрѣлъ для собственнаго употребленія. Онъ также пригласилъ индійскихъ водолазовъ, известныхъ своею ловкостью въ ныряніи за жемчугомъ и вообще въ подводныхъ операцияхъ. Когда судно и лодка подошли къ рифу, люди Фицпса принялись за работу, погрузили "водолазный колоколъ и въ теченіе несколькиихъ недѣль безпрерывно занимались очисткою морского дна разными способами, но все-таки не представлялось даже никакой вѣроятности успѣха. Однако-жъ

Филпсъ сохранилъ мужество, продолжая надѣяться, почти вопреки очевидности. Наконецъ однажды матросъ, всматриваясь съ края лодки въ свѣтлую воду, замѣтилъ какое-то странное морское растеніе, выросшее, казалось, въ разщелинѣ утеса; онъ подозрѣвалъ индійца-водолаза и велѣлъ ему достать эту траву. Краснокожій, возвратившись съ травой, рассказалъ, что на томъ же самомъ мѣстѣ лежитъ нѣсколько корабельныхъ пушекъ. Такое извѣстіе сначала было принято съ недовѣрчивостью, но при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оно оказалось справедливымъ. Начались болѣе тщательные поиски, и вскорѣ тотъ же водолазъ вынырнулъ уже съ массивнымъ кускомъ серебра въ рукахъ. При всеобщей радости, произведенной такимъ открытиемъ, водолазныя работы пошли усиленіе, появилась большая готовность со стороны самихъ рабочихъ, и чрезъ нѣсколько дней достали на свѣтъ давно желаемое сокровище, всего до 300,000 фунт. стерл., съ которыми Филпсъ и отплылъ въ Европу. По его прибытии, нашлись люди, которые побуждали короля захватить и корабль Фицса, и грузъ его, подъ тѣмъ предлогомъ, что Филпсъ, испрашивая королевское разрѣшеніе на свое предпріятіе, не датъ точныхъ свѣдѣній относительно свойства его. Но король возразилъ, что Филпсъ былъ всегда извѣстенъ за честнаго человѣка, и онъ съ своими друзьями, какъ виновникъ всего предпріятія, долженъ воспользоваться и добытыми деньгами, хотя бы цифра ихъ была и вдвое больше противъ дѣйствительнаго количества. Такимъ образомъ на долю Филпса досталось до 20,000 ф. стерл. и кроме того онъ былъ осыпанъ почестями за энергию и честность, оказанную въ этомъ предпріятіи. Въ остальное время своей дѣятельности Филпсъ оказалъ большія услуги какъ метрополіи, такъ и колоніямъ въ экспедиціяхъ противъ французовъ и въ служебной дѣятельности по званію губернатора Массачусетса.

Въ теченіе всей послѣдующей жизни, управляя отдѣль-

ной провинцией и возведенный въ почетное достоинство, Фиппсъ не только не стыдился своего скромнаго происхождения, но еще гордился тѣмъ, что былъ нѣкогда простымъ корабельнымъ плотникомъ. Обремененный трудами службы общественной онъ нерѣдко говорилъ, что охотно бы вернулся опять къ своему топору. Свою безукоризненною правдивостью, патріотизмомъ и мужествомъ, Фиппсъ, основатель дома Норменби, оставилъ по себѣ хорошую память.

Человѣкъ съ подобной же энергией и также служившій въ свое время на пользу общества, былъ Вильямъ Петти, основатель фамиліи Лансдоунъ, родившійся въ 1624 г. въ Гампширѣ отъ бѣднаго суконщика. Въ дѣтствѣ онъ получилъ посредственное школьнное воспитаніе въ гимназіи своего родного городка Ромсея, а потомъ, для усовершенствованія своего образованія, поступилъ въ Канскій университетъ въ Нормандіи. Во время пребыванія тамъ, рѣшившись содержать себя самъ, безъ пособія отъ отца, онъ занялся разноскою торговлею, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ. По возвращеніи въ Англію, Петти добровольно поступилъ въ ученье къ корабельщику, который, случалось, «былъ его веревкою» за дурное зрѣніе. Не мудрено, что послѣ этого Петти получиль отвращеніе къ избранному роду занятій и посвятиль себя изученію медицины. Въ Парижѣ онъ сталъ заниматься практическими анатоміей, рисуя въ то же время чертежи для Гоббеса, который тогда писалъ свое разсужденіе о зреїніи. Въ это время Петти приходилось терпѣть такую бѣдность, что иногда 2 или 3 недѣли онъ питался исключительно орѣхами. Тогда онъ опять понемногу ~~сталъ~~ торговать и на заработанныя такимъ образомъ деньги могъ уже отправиться обратно въ Англію. Имѣя талантъ къ механикѣ, Петти изобрѣлъ копировальную машину, на которую получиль привилегію. Теоретическими изученіемъ химіи, физики и вообще точныхъ наукъ и практическими ихъ приложеніями онъ за-

шпался съ такимъ успѣхомъ, что пріобрѣлъ даже себѣ известность.

Въ компаніи съ нѣсколькими учеными, онъ составилъ проектъ общества для поддержанія науки, и первыя засѣданія этого общества были въ его домѣ. Въ Оксфордѣ Петти нѣкоторое время былъ помощникомъ тамошняго профессора анатоміи, который не могъ самъ заниматься вскрытиемъ труповъ, чувствуя къ этому дѣлу неподѣлимое отвращеніе. Въ 1652 г. труды Петти были награждены назначениемъ его докторомъ въ прландскую армію. Онъ оставался въ этомъ званіи долгое время, и при щедрыхъ раздачахъ конфискованныхъ земель пуританскимъ солдатамъ, замѣтивъ, что земли эти были обмежеваны очень неисправно, онъ, несмотря на многочисленные свои труды, рѣшился самъ приступить къ этому дѣлу. Занимая нѣсколько доходныхъ должностей, Петти былъ обвиненъ заинстриками въ подкупѣ, и потому удаленъ отъ своихъ занятій, что продолжалось до временъ реставраціи.

Петти вообще замѣченъ по своей неутомимой изобрѣтательской и организаторской дѣятельности въ области промышленности. Однимъ изъ его изобрѣтеній былъ корабль съ двойнымъ дномъ, который могъ плыть противъ вѣтра и противъ теченія. Онъ же написалъ сочиненіе о крашеніи, о выдѣлѣ суконной матеріи (*etoffe фаре*), по части морскихъ наукъ, политической ариѳметики и по многимъ другимъ предметамъ. Онъ основалъ желѣзодѣлательный заводъ, открылъ свинцовые рудники, сдѣлалъ первый опытъ ловли сардинокъ и торговли лѣсомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ время участвовать въ преніяхъ королевского общества наукъ, которому и вообще много помогаль. Онъ оставилъ большое состояніе своимъ сыновьямъ, старшій изъ которыхъ получилъ титулъ барона Шельбурна.

Другая фамилія, возвысившаяся въ общественномъ положеніи также благодаря торговлѣ и промышленнымъ открытиямъ, въ болѣе близкое къ намъ время, была фамилія

Стреттовъ, изъ Бельпера. Одинъ изъ членовъ ея, Джедейдайя Стреттъ, получилъ дворянское достоинство въ 1758 г. за изобрѣтеніе машины для выѣлки полосатыхъ чулокъ, чѣмъ и положено было основаніе большому состоянію, увеличившемуся еще при дальнѣйшихъ потомкахъ Стретта. Отецъ его былъ фермеръ, занимавшійся приготовленіемъ солода, и для воспитанія своихъ дѣтей сдѣлалъ очень мало; тѣмъ не менѣе они всеѣ были счастливы. Джедейдайя былъ второй сынъ; занимаясь фермерскими дѣлами въ Блэквеллѣ, онъ узналъ отъ брата своей жены — чулочника, хорошо знакомаго съ устройствомъ чулочного станка, — что было уже сдѣлано нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ къ выѣлкѣ на этомъ станкѣ полосатыхъ чулокъ. Будучи отъ природы талантливъ и имѣя свѣдѣнія въ механикѣ, онъ занялся изслѣдованіемъ дѣйствія чулочного станка и, употребивъ на это довольно времени, трудовъ и денегъ, успѣлъ наконецъ докончить свое изобрѣтеніе. Стреттъ завелъ, въ компаніи съ братомъ, чулочную фабрику въ Дерби, и дѣло пошло очень успѣшно. Потомъ, быстро оцѣнивъ значеніе изобрѣтеннй Аркрайтомъ прядильной машины, вступилъ съ нимъ въ сообщество, выхлопоталъ привилегію и завелъ обширную прядильную фабрику въ Кромфордѣ, въ графствѣ Дерби.

Кромѣ лицъ, вышедшихъ изъ среды мануфактурной и торговой, всего чаще дѣлались англійскими пэрами въ кругу людей дѣловыхъ тѣ, которые посвятили себя юридической профессіи. Такимъ путемъ образовалось не менѣе 70 англійскихъ лэрствъ. Другіе, по большей части, были сыновьями адвокатовъ, торговцевъ, священниковъ, купцовъ и вообще рабочихъ людей изъ средняго класса.

Изъ числа многихъ англійскихъ пэровъ, пробившихъ себѣ дорогу исключительно своими неутомимыми трудами, мы остановимся на лордѣ Лангдалѣ. Генрихѣ Бикерстеть, — таково было его первоначальное имя, — былъ сынъ лѣкаря въ городкѣ Киркби Лондсдэль, въ Вестморлендѣ, и сначала

самъ приготвлялся къ такой же профессії. Будучи студентомъ въ Эдинбургѣ, онъ отличался усердіемъ къ работе и рвениемъ, съ какимъ занимался изученіемъ медицины. Возвратившись на родину, онъ принялъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ своего отца, хотя не имѣлъ къ этому дѣлу никакой склонности и вообще не удовлетворялся скромною дѣятельностью въ предѣлахъ своего родного города. Тѣмъ не менѣе, продолжая неутомимо совершенствоваться, Бикерстетъ предался изученію высшихъ частей физіологии. По желанію юноши, отецъ согласился отправить его въ Кэмбриджъ, где молодой человѣкъ намѣревался получить ученую медицинскую степень, надѣясь найти себѣ практику въ столицѣ. Между тѣмъ, усиленныя занятія разстроили его здоровье, для восстановленія котораго Бикерстетъ принялъ предложеніе поступить къ лорду Оксфорду, въ качествѣ доктора на время путешествія. За границей онъ научился итальянскому языку и проникся большими уваженіемъ къ итальянской литературѣ; но все-таки не приобрѣлъ большей, противъ прежняго, любви къ медицинѣ; напротивъ, онъ рѣшился совсѣмъ ее оставить, хотя, по возвращеніи въ Кэмбриджъ, и получилъ степень. Тогда, не успѣвъ въ своеемъ намѣреніи поступить въ армію, Бикерстетъ рѣшился избрать поприще юридическое. Поступивъ студентомъ въ Inner Temple (школу правовѣданія), онъ такъ же ревностно сталъ заниматься правомъ, какъ прежде медициной. Въ письмѣ къ отцу онъ такъ описывалъ свою рѣшимость: «всѣ говорятъ мнѣ, что я достигну вѣрнаго успѣха, если буду только усердно трудиться, и хотя мнѣ еще не совсѣмъ ясно, какимъ именно образомъ это будетъ, но все-таки стараюсь вѣрить такимъ предсказаніямъ, сколько могу, и конечно уже для достиженія такой цѣли употреблю всѣ средства, какими только въ силахъ располагать». Двадцативосьми лѣтъ отъ роду, онъ выступилъ на адвокатское поприще; и тогда-то пришло молодому человѣку испытать настоящую борьбу съ жизнью.

Денежные средства Бикерстета истощились, и онъ жилъ только помошью, которую получалъ отъ своихъ друзей. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ учился и ждалъ болѣе благопріятнаго положенія дѣль; однако-жъ никакія выгодныя занятія не доставались молодому юристу. Борясь неутомимо съ различными затрудненіями, Бикерстеть, по возможности, отказывалъ себѣ въ отдыхѣ, въ платьѣ, даже въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ. По собственнымъ его словамъ, «онъ долженъ признаться, что самъ въ то время хорошенъко не зналъ, откуда у него достанетъ силы выдержать борьбу эту съ житейскими трудностями, пока не представятся благопріятныя обстоятельства и время, чтобы окончательно устроиться». Но послѣ такого трехлѣтняго безуспѣшнаго ожиданія оборота дѣль къ лучшему, Бикерстеть написалъ своимъ друзьямъ, что готовъ лучшебросить все дѣло и вернуться въ Кэмбриджъ, «гдѣ увѣренъ найти поддержку и даже нѣкоторую выгоду», чѣмъ еще далѣе быть для нихъ такимъ же временемъ. Однако-жъ маленькое денежное пособіе отъ домашнихъ друзей было ему еще разъ доставлено, и нашъ адвокатъ продолжалъ свои занятія, а между тѣмъ его дѣла, национецъ, начинали постепенно подвигаться. Имѣя случай оправдать довѣріе клиентовъ въ маленькихъ дѣлахъ, Бикерстеть сталъ получать на свои руки дѣла большей важности. Это былъ человѣкъ, никогда не упускавшій благопріятнаго положенія обстоятельствъ и не позволявшій ускользнуть отъ себя никакому пути къ самоусовершенствованію. Такая неутомимая дѣятельность вскорѣ стала оказывать должное вліяніе и на его материальную обстановку: чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ не только имѣлъ возможность обходиться безъ помощи отъ своихъ родныхъ, но былъ уже въ состояніи заплатить съ процентами всѣ прежніе долги. Такимъ образомъ, облака, застилавшія его жизненный горизонтъ, разсѣялись, и въ послѣдующей жизни Генрихъ Бикерстеть пріобрѣлъ и почетное положеніе въ обществѣ, и доста-

токъ, и прочную юридическую репутацію. Карьера его окончилась въ званії «Master of the Rolls» (т.-е. начальникъ государственного архива); кроме того, онъ былъ членомъ палаты лордовъ, съ титуломъ барона Лангдаля. Его жизнь представляетъ еще примѣръ той могучей силы, какую имѣютъ терпѣніе, усердіе къ дѣлу и сознательный трудъ въ образованіи характера каждого отдельного лица и въ учѣніи трудовъ его самимъ полнымъ успѣхомъ.

Вотъ немногіе образцы тѣхъ знаменитыхъ людей, которые достойнымъ образомъ проложили себѣ дорогу къ высокому положенію въ англійскомъ обществѣ и — каждый на своеемъ, свободно избранномъ поприщѣ — получили богатое вознагражденіе за свои честные и терпѣливыя труды.

Въ исторіи русскаго общества богатство и высокое положеніе также нерѣдко были наградою трудовъ и заслугъ на пользу государства со стороны людей самаго скромнаго званія. Такой взглядъ на почетныя достоинства особенно вошелъ въ употребленіе со временъ Петра Великаго, который, самъ трудясь неутомимо, всегда отдававъ преимущество заслугамъ предъ происхожденiemъ, и въ числѣ любимцевъ котораго были люди, поднявшіеся благодаря единственно своей усердной службѣ: такъ могущественный вельможа Меншиковъ былъ пирожниковъ; Лефортъ, Румянцевъ, до поступленія ко двору Петра, — жили также въ самой скромной долѣ. Такимъ образомъ высшее общественное положеніе въ Россіи вообще, а особенно со временъ Петра I, давалось волею верховной власти за усердную службу; такъ и дворянское званіе, по основной мысли своего учрежденія, всегда составляло лишь почетное проявленіе признанія правительствомъ пользы, такую известное лицо принесло Россіи: прежде на дворянахъ, въ силу самаго ихъ званія, лежала непремѣнная обязанность защищать отечество. Короче, дворянство въ Россіи было почетнымъ служилымъ сословіемъ, и только службою Государю и отечеству обусловливалось его значеніе. Очевидно, та-

кимъ образомъ, что съ этой точки зрењія должно смотрѣть и на тѣхъ представителей его, жизнь которыхъ можетъ послужить примѣромъ самодѣятельности.

Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ—графа Сперанскаго—мы уже привели читателямъ: этотъ человѣкъ достигъ знатности, и если не богатства, то достатка, съ помощью труда, и между людьми, достигшими почестей, примѣръ этого не единственный: но почетное положеніе не всегда достигалось такимъ путемъ: случалось, что трудъ сначала давалъ богатство, слѣдствиемъ котораго уже само собою являлось видное общественное положеніе. Прекрасный примѣръ этого можно найти въ жизни родоначальника извѣстныхъ богачей Демидовыхъ, крестьянина Тульской губерніи, Никиты Демидова. Молодость его относится къ первому времени царствованія Петра Великаго, т.-е. къ концу XVII вѣка. Двадцати лѣтъ отъ рода, онъ поступилъ въ работники къ кузнечу на тульскихъ заводахъ, получая плату алтынъ въ недѣлю. Весь свой заработокъ за первыя пять недѣль Никита отдалъ своей матери, сказавъ: «Вотъ тебѣ, матушка, за то, что ты меня кормила и поила!» Когда его стали перезывать въ другую мастерскую, обѣщая при томъ втрое большую плату, Демидовъ не согласился, а сказалъ о томъ своему хозяину, прибавивъ: «я не хочу забыть твоего хлѣба и соли: лучше ты самъ прибавь мнѣ что-нибудь». Видя способности и прилежаніе Никиты, кузнецъ согласился. Въ 1699 году, по присланному Петромъ Великимъ иностранному образцу, Демидовъ первый сдѣлалъ ядро и алебарду, а вскорѣ, заведя свою фабрику, сработалъ по иностраннымъ же образцамъ первыя русскія ружья. Такъ какъ въ то время начиналась война со Швецией, то издѣлія Демидова обратили на себя вниманіе Петра, который велѣлъ ему распространить свою фабрику, сказавъ, что самъ его не оставитъ. На полученные отъ Государя деньги Демидовъ построилъ въ Тулѣ большой жѣлѣзный заводъ и на немъ выдѣльвалъ для казны ружья и

другие военные снаряды, назначая за них цѣну дешевле обыкновенной. Пожертвование это онъ продолжалъ дѣлать во все время войны. За такія дѣла, конечно, онъ получалъ и хорошее вознагражденіе: ему были даны земли въ Сибири, съ правомъ приобрѣтать новыя покушию; также Демидовъ построилъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ и одинъ мѣдный въ нынѣшней Пермской губерніи. Дѣла Демидова пошли такъ хорошо, что впослѣдствіи онъ владѣлъ уже многими заводами въ разныхъ губерніяхъ и постоянно старался, устраивая свои дѣла, приносить вмѣстѣ съ тѣмъ пользу и государству; бралъ на себя казенные подряды, на выгодныхъ для казны условіяхъ, производилъ горные работы по добыванію гравита, порфира и мѣди въ рудникахъ нынѣшней Иркутской губерніи. Человѣкъ вообще простой и скромный, Никита Демидовъ, хотя и приобрѣлъ уже большое богатство своими издѣліями и работами на принадлежавшихъ ему заводахъ, во рѣшительности отказался отъ всѣхъ чиновъ и отлучій, предложенныхыхъ ему Петромъ Великимъ, и только едва принялъ дворянство. Этотъ Государь такъ цѣнилъ дѣятельность Демидова (которая въ то время, при переустройствѣ государства и при военныхъ обстоятельствахъ, действительно была очень полезна), что однажды сказалъ: «я счелъ бы себя счастливымъ, если бы имѣть пять, шесть или даже меньше такихъ людей, какъ Демидовъ». Петръ Великій, самъ человѣкъ характера энергического и дѣятельного, любилъ встрѣчать тѣ же качества и въ другихъ, и потому, какъ извѣстно, взялъ многихъ своихъ приближенныхъ изъ простого званія, о чёмъ мы упоминали. А дѣятельность Никиты Демидова, поднявшагося изъ бѣднаго крестьянина до богача-заводчика, была, сверхъ того, обращена на пользу молодого государства, чѣмъ объясняется и первоначальное его возвышение и нынѣшнее значеніе.

ГЛАВА VII.

ЭНЕРГІЯ И ХРАБРОСТЬ.

Энергичность составляетъ характеристическую черту тевтонскаго племени. — Причины силы характера. — Энергія въ стремлении къ цѣли. — Сила воли. — Мужественный трудъ. — Слова Ламене и Бекстона. — Гдѣ воля — тамъ и дорога. — Военные примѣры. — Миссионеры. — Генрихъ Мартинъ. — Джонъ Вильямсъ. — Давидъ Ливингстонъ. — Говардъ. — Деятельность Джонаса Ганвея. — Труды Гренвилля Шарпа. — Кларксонъ. — Фоуель Бекстонъ. — Линкольнъ, освободитель невольниковъ. — Проявленіе энергіи въ русскомъ обществѣ.

Считаемъ не лишнимъ привести одно знаменитое изреченіе, прекрасно характеризующее тевтонскую расу: «*Я не вѣрю ни въ идоловъ, ни въ демоновъ*», говорилъ одинъ изъ старинныхъ ея представителей, «а полагаю все добѣріе исключительно въ силу моей собственной души и тѣла». Древній шлемъ съ изображеніемъ заступа и съ девизомъ «или найду готовый путь, или самъ проложу его» былъ выраженіемъ той же самой смѣлой независимости и практическаго материализма, который до сихъ поръ отличаетъ потомковъ древнихъ Тевтоновъ. Характеристическимъ явленіемъ въ цѣлой скандинавской миѳологии, въ смыслѣ точнаго отраженія въ ней духа самого народа, былъ богъ съ молотомъ. Характеръ человѣческій виденъ въ мелочахъ, и даже изъ такого незначительного признака, какъ то, ст

какою ловкостью человѣкъ управляетъ молоткомъ, можно до нѣкоторой степени судить вообще объ энергичности этого человѣка. Такимъ образомъ одинъ знаменитый французъ въ немногихъ словахъ выразилъ характеристическія качества обитателей какого-то дальнаго округа Франціи, въ которомъ другъ его хотѣлъ поселиться и купить землю: «Остерегайтесь», сказалъ первый, «дѣлать тамъ покупку; мнѣ известны люди этой мѣстности; тамошніе мальчики, которые приходятъ сюда учиться, не крѣпко бываютъ молотомъ по наковалынѣ, у нихъ не достаетъ энергіи, и едави вы извлечете должные плоды отъ того капитала, который тамъ затратите». Слова эти заключаютъ въ себѣ превосходную, справедливую оцѣнку характера и показываютъ въ человѣкѣ, который ихъ произнесъ, тонкаго и умнаго наблюдателя; сверхъ того, они отлично поясняютъ ту истину, что одна только энергія частныхъ лицъ даетъ силу государству и сообщаетъ цѣну даже самой почвѣ, которую они обрабатываютъ. Такъ и говорить французская пословица: *«tant vaut l'homme, tant vaut sa terre»*, т.-е. «цѣнность земли пропорціональна достоинству человѣка, который ее обрабатываетъ».

Развитіе этого качества — дѣло огромной важности для человѣка, такъ какъ основаніемъ всякаго истиннаго величія характера можетъ служить только твердая рѣшимость въ достижениіи возвышенныхъ цѣлей. Одна лишь энергія характера даетъ человѣку возможность проложить себѣ путь чрезъ томительный трудъ и сухія подробности обыденной работы, и вообще въ каждомъ жизненномъ положеніи сообщаетъ ему силу двигаться впередъ. Съ помощью энергіи можно достигнуть даже большаго, чѣмъ гениальностью, и притомъ съ гораздо меньшими разочарованіями и опасностями. Для достижениія успѣха въ извѣстномъ предпріятіи не отолько нуженъ особенный талантъ, сколько опредѣленная рѣшимость — нужна не только способность достигнуть, но и желаніе упорно и энергически работать.

Поэтому силу воли можно назвать центральною способностью въ человѣкѣ,—можно сказать, что она-то и составляетъ настоящаго человѣка. Она даетъ направление каждому его дѣйствію и жизнь каждому его стремленію. На ней только можетъ основываться надежда, а надежда и составляетъ самый букетъ жизни. Даже Сирахъ говоритъ: «горе малодушному!» Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего лучше бодрости и присутствія духа: даже при неудачномъ исходѣ нашихъ усилий, мы въ такомъ случаѣ все-таки можемъ утѣшиться тою мыслью, что сдѣлали все отъ насъ зависѣвшее. Въ обыкновенной жизни нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ видѣть человѣка, побѣждающаго страданія терпѣніемъ, торжествующаго въ своемъ прямодушіи и даже съ оправданными ногами, съ изнеможенными членами, смѣло идущаго впередъ, опираясь на свое мужество.

Желаніе, пока оно остается только желаніемъ, не переходя въ дѣйствіе, можетъ породить въ молодыхъ умахъ только болѣзньное состояніе. Доброе намѣреніе, разъ зародившееся, нужно приводить въ исполненіе съ возможною скоростью, безъ всякихъ уклоненій съ прямого пути. На многихъ житейскихъ поприщахъ, трудъ, хотя-бы и утомительный, должно выполнять съ яснымъ расположениемъ духа, какъ необходимый жизненный долгъ. По словамъ Гуго Миллера, единственою школой, въ которой его учили какъ слѣдуетъ, была «та обширная школа жизни, гдѣ труды и лишенія были суровыми, но хорошиими наставниками». Кто позволяетъ ослабѣть своему прилежанію или уклоняется отъ работы подъ пустыми предлогами, тотъ находится на вѣрномъ пути къ окончательной неудачѣ. Пусть каждое дѣло предпринимается такъ, какъ будто-бы отъ исполненія его совершенно невозможно было уклониться, и это исполненіе будетъ совершаться быстро и весело. Карль IX Шведскій твердо вѣрилъ въ силу воли, хотя-бы даже она проявлялась въ мальчикѣ. Такимъ образомъ, когда его малолѣтнему сыну приходилось приниматься за

какое-нибудь трудное занятие, король, положивъ ему руку на голову, обыкновенно говорилъ: «Онъ сдѣлаетъ это! онъ непремѣнно сдѣлаетъ это!» Привычка къ усердной, продолжительной работѣ, какъ всякая другая привычка, чрезъ извѣстное время дѣлаетъ уже сравнительно легкою самую работу. Такимъ образомъ даже люди самого обыкновеннаго умственнаго уровня, владѣющіе весьма незначительными способностями, могутъ совершить многое, если безраздѣльно и неутомимо обратятъ сразу свои силы на извѣстное дѣло. Фоуелль Бекстонъ основывалъ всегда свои надежды на средствахъ обыкновенного рода, усиленныхъ лишь необыкновеннымъ прилежаніемъ, и приписывалъ весь свой успѣхъ въ жизни привычкѣ «всесѣло отдаваться въ извѣстное время одному опредѣленному дѣлу».

Все, что имѣеть дѣйствительную цѣну, можетъ быть достигнуто только при помощи мужественнаго труда. Люди бывають обязаны своимъ развитіемъ по преимуществу тому дѣятельному напряженію воли, готовой бороться со всеми препятствіями, которое мы называемъ усиліемъ: изумительно, до какой степени дѣлаются возможными, при такомъ положеніи дѣла, цѣли, повидимому, совершенно недостижимыя. Случается, что напряженное стремленіе къ чему-нибудь уже само превращаетъ возможность въ дѣйствительность, наши желанія часто дѣлаются только предвѣстиемъ того, что мы способны выполнить въ дѣйствительности,—въ этомъ должно искать объясненіе такъ-называемыхъ предчувствій. Напротивъ, умы колеблющіеся и боязливые находятъ извѣстное дѣло невозможнымъ потому больше, что имъ это такъ кажется. Рассказываютъ о молодомъ французскомъ офицерѣ, который, прохаживаясь у себя по комнатѣ, обыкновенно говорилъ: «Я буду маршаломъ Франціи и великимъ полководцемъ». Можно было бы сказать, что это сильное желаніе было предчувствіемъ успѣха, потому что этотъ человѣкъ сдѣлался дѣйствительно извѣстнымъ полководцемъ и умеръ французскимъ маршаломъ.

Писатель Уокеръ такъ много вѣрилъ въ силу воли, что, по его словамъ, онъ однажды рѣшился выздоровѣть и въ самомъ дѣлѣ сталъ здоровъ. Впрочемъ такое средство можетъ пригодиться только на разъ: какъ оно ни лучше многихъ рецептовъ, но универсальной силы, конечно, не имѣеть. Влияние душевныхъ силъ на тѣлесныя, безъ сомнѣнія, велико, но первыя могутъ напрягаться только до тѣхъ поръ, пока послѣднія совершенно не откажутся служить. Во время битвы арабовъ съ португальцами, предводитель первыхъ, Муджей Молюкъ, страдая неизличимою болѣзнью, измученный, поднялся однако-жъ въ самую критическую минуту со своихъ носилокъ, собралъ свою армию, повелъ ее къ побѣдѣ и вслѣдъ затѣмъ палъ отъ изнуренія и умеръ.

Только воля, энергія въ стремлениі къ цѣли даётъ человѣку возможность дѣлать что-нибудь или самому сдѣлаться тѣмъ, къ чему умъ его уже стремится. Извѣстенъ разсказъ о плотнике, который строгалъ судейскую скамью, взятую имъ для починки, съ большою тщательностю, чѣмъ обыкновенно; причину этого онъ объяснялъ желаніемъ сдѣлать ее болѣе удобной къ тому времени, «когда самъ будетъ на ней сидѣть». Замѣчательно то, что этотъ работникъ дѣйствительно сдѣлался впослѣдствіи судьей, и ему пришлось сидѣть на этой скамейкѣ.

Несмотря на различныя теоретическія сужденія относительно свободы воли, каждый отдельный человѣкъ признаетъ, что на практикѣ онъ свободенъ выбирать между добромъ и зломъ, что онъ не можетъ считать себя подобнымъ простой соломѣнкѣ, брошенной на воду и годной только для того, чтобы указывать направление потока, но что онъ самъ имѣть силу самостоятельного пловца, который способенъ дѣйствовать для себя самого, можетъ бороться съ волнами и имѣть свое собственное независимое направление. На нашихъ желаніяхъ не лежитъ какое-то абсолютное принужденіе; мы сознаемъ, что наши дѣйствія

не могут быть связаны какъ-бы какимъ-то колдовствомъ. Противоположнымъ суждениемъ было-бы парализовано всякое стремление къ улучшению. Вся житейская дѣятельность, съ правилами домашней жизни, соціальнымъ устройствомъ, публичными учрежденіями, исходить изъ того практическаго убѣжденія, что воля свободна. Безъ этого убѣжденія, гдѣ же была бы ответственность за свои дѣйствія, и какъ-бы могло имѣть значеніе всякое наставленіе, совѣтъ, проповѣдь, порицаніе и исправленіе? Къ чему бы было употреблять законы, если-бы всѣми не былъ признанъ тотъ несомнѣнныи фактъ, что люди оказываются или не оказываются этимъ законамъ новиновеніе, смотря по своей личной рѣшимости? Во всякое время жизни, совѣсть намъ громко объявляетъ, что воля наша свободна. Эта свобода воли, въ хорошую - ли или въ дурную сторону мы ее направляемъ, остается всегда съ нами неразрывно. Не привычки или склонности господствуютъ надъ нами, но мы надъ ними. Даже въ случаѣ уступокъ той или другой привычкѣ, совѣсть все-таки напоминаетъ намъ, что мы въ силахъ были-бы сопротивляться, и что если мы рѣшимся преодолѣть эту привычку, то для достиженія такой цѣли нужна доля энергіи, нисколько не превышающая той, какой мы вообще можемъ располагать.

Ламенне такимъ образомъ говорилъ одному веселому юношѣ: «вы теперь въ такомъ возрастѣ, въ которомъ должна сформироваться рѣшительность характера; немнogo позже — и вы уже очутитесь какъ-бы въ могильѣ, вырытой вами самими, лишенные всякой возможности откатить прочь могильные камни. Сила воли, скорѣе всякой другой способности, обращается у насъ въ привычку. Старайтесь-же, чтобы эта воля была у васъ сильна и рѣшительна, дайте твердое направленіе вашей жизни и не допускайте болѣе, чтобы на жизненномъ пути происходили колебанія въ разныя стороны, подобно тому, какъ засохшій листокъ повинуется каждому дуновенію вѣтра». Бекстопъ былъ твердо

убѣждаетъ, что молодой человѣкъ очень легко можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ захочетъ, если только поставить себѣ определенное решеніе относительно образа дѣйствій и будешь неуклонно придерживаться этого решения. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ сыновей онъ говорилъ: «ты теперь въ такихъ лѣтахъ, когда предстоитъ сдѣлать выборъ между хорошей и дурной дорогой. Теперь тебѣ должно или представить доказательства твердости въ слѣдовавшемъ принятыхъ правзлахъ и силы духа, или негрузиться въ праздность и усвоить себѣ привычки непостоянаго, опрометчиваго молодого человѣка, а если ты разъ попадешь въ такое состояніе, то нелегко уже будетъ изъ него выбраться. Я уверяю, что молодой человѣкъ почти навѣрно можетъ быть тѣмъ, чѣмъ захочетъ. Моя собственная жизнь служить подтвержденіемъ этому. Значительную долю моего счастія и положительно всѣмъ благосостояніемъ я обязанъ благодарственной перемѣнѣ, испытанной мною въ твои годы. Если же ты серьезно рѣшишься быть энергичнымъ и дѣятельнымъ, то вносядѣстіи, въ теченіе цѣлой жизни, будешь имѣть основаніе радоваться тому, что составилъ себѣ такое решеніе и дѣйствовалъ сообразно съ нимъ». Но какъ воля, разматриваемая независимо отъ ея направлений, можетъ быть насквозь только постоянствомъ, твердостью, настойчивостью, то очевидно, что все зависитъ отъ правильнаго направленія ея и хорошихъ побужденій, положенныхъ въ ея основаніе. Направленная къ чувственнымъ удовольствіямъ, сплившая воля дѣлается демономъ, и разсудокъ въ такомъ случаѣ будетъ ея покорнымъ рабомъ; но, направляемая къ добру, та-же твердая воля подобна проезжающему царю, и разумъ тогда дѣлается средствомъ къ улучшенію человѣческаго благосостоянія.

Есть довольно вѣриное старинное изреченіе: «гдѣ воля — тамъ и дорога». Человѣкъ, рѣшившись сдѣлать известное дѣло, часто уже сдѣлалъ этимъ актомъ своей воли уничтожаетъ всѣ преграды, стоящія на пути къ цѣли, и обезпе-

чиаетъ ея достиженіе. Имѣть увѣренность въ нашей способности въ дѣлу — это значитъ почти то же, что въ самомъ дѣлѣ обладать этой способностью; рѣшамость достигнуть цѣли часто имѣетъ значеніе, равносильное самому достижению, такъ что серьезная рѣшимость часто, казалось, имѣла въ себѣ свойства всемогущества.

Разительные примѣры этого и доказательства приведенныхъ положеній можно было найти въ военной истории Англіи и другихъ странъ; но, не останавливаясь на этомъ предметѣ, перейдемъ къ другимъ отраслямъ дѣятельности, болѣе мирнаго характера; онѣ показываютъ не менѣе примѣровъ энергіи и мужества, чѣмъ и военное дѣло. Такой возвышенный образецъ могучей энергической дѣятельности представляютъ вамъ Мартинъ, Кэри, Вильямъ, Ливингстонъ и многие другие люди, равно отличившіеся въ области безвѣтныхъ миссіонерскихъ трудовъ среди языческихъ племенъ Индіи, Африки и острововъ Тихаго океана.

Всѣ эти знаменитые миссіонеры вышли изъ низшихъ классовъ народа. Отецъ Генриха Мартина былъ сначала работникомъ въ Гвеннэпскомъ руднике въ Корнвалліи и только впослѣдствіи, благодаря постоянному и искусному труду, постепенно возвысился до званія клерка. Мальчикъ былъ посланъ въ ученье въ Труро, а потомъ въ Оксфордъ, где однако-жъ ему не удалось быть принятymъ. Въ Кембридже онъ имѣлъ большиe успѣха: начавъ заниматься съ усердіемъ и энергией, онъ вышелъ въ числѣ лучшихъ въ 1801 году. Онъ чувствовалъ въ себѣ способность достигнуть отличія во всякой области занятій, какую бы ни выбралъ, но, подъ влияніемъ слышанныхъ имъ проповѣдей, а также и некоторыхъ знакомствъ, Мартинъ рѣшился избрать для себя дѣятельность миссіонера, съ цѣлью проповѣдывать Евангеліе на дальнемъ Востокѣ. Въ 1805 г. онъ отплылъ въ Индію, подъ покровительствомъ миссіонерскаго общества, и сдѣлался проповѣдникомъ релагіи и цивилизаціи на этомъ обширномъ полѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ много

и усердно работалъ въ Индостанѣ надъ переводомъ Библии на персидскій, индійскій и арабскій языки, съ самыи незначительнымъ поощреніемъ, встрѣчая, напротивъ тогоже, нерѣдко сильное противодѣйствіе. Тогда Мартинъ отпра-вился въ Персію, но тамъ былъ пораженъ лихорадкою, которая такъ сломила его здоровье, что онъ былъ вынуж-денъ оставить свои обязанности и возвратиться въ отече-ство. Но еще до перехода границъ Малой Азіи, онъ былъ застигнутъ смертью въ 1812 г. въ Фокатѣ, на тридцать второмъ году отъ рожденія.

Подобную энергию и самопожертвованіе на томъ же са-момъ поприщѣ представляеть Джонъ Вильямъ. Въ дѣтствѣ онъ отличался хорошимъ здоровьемъ и былъ довольно ис-кусенъ въ томъ ремеслѣ, которымъ занимался, но вообще слышилъ тупымъ мальчикомъ. Онъ былъ отданъ въ ученье къ торговцу желѣзнымъ товаромъ и некоторое время по-казывалъ больше склонности къ разныи развлечениимъ въ кругу товарищей, чѣмъ къ занятію серьезнымъ дѣломъ. Однако-жъ, онъ развивалъ свою механическую ловкость, и часто, въ часы досуга, мальчика находили за работою у кузничного горна его хозяина, который наконецъ привыкъ употреблять Вильяма на работы, требующія особеннаго искусства и ловкости. Случайно слышанная имъ пропо-вѣдь дала уму молодого человѣка другое направление, и онъ сдѣлался учителемъ въ воскресной школѣ. Труды мис-сионеровъ обратили на себя его вниманіе на одномъ изъ религіозныхъ митинговъ, и Вильямъ рѣшился посвятить себя этому дѣлу. Его услуги были приняты лондонскимъ миссионерскимъ обществомъ, и хозяинъ позволилъ моло-дому Вильяму оставить свою лавку до истеченія срока найма. Мѣстомъ его трудовъ были острова Тихаго океана.

Работая своими руками и въ кузницѣ, и въ саду, и при постройкѣ кораблей, Вильямъ пытался, вмѣстѣ съ наставленіемъ островитянъ въ истинахъ религіи, пріучать ихъ и къ искусствамъ цивилизованной жизни; посреди та-

нихъ неутомимыхъ трудовъ нашъ миссионеръ былъ убитъ дикими на берегу Эрроманга; судя по заслугамъ, какія этотъ человѣкъ оказалъ религіи и цивилизаціи, можно безошибочно сказать, что едва-ли кто-нибудь больше его имѣть правъ на название мученика.

Но интереснѣе всѣхъ прочихъ дѣятельность доктора Ливингстона. Онъ самъ рассказалъ исторію своей жизни тѣмъ простымъ, безыскусственнымъ языкомъ, который прекрасно характеризуетъ самого разсказчика. Предки его были бѣдные, но честные шотландцы. Объ одномъ изъ нихъ, известномъ въ окрестности своею мудростью и благоразумiemъ, рассказываютъ, что на смертномъ одрѣ онъ обратился къ своимъ дѣтямъ съ такими словами, составленными единственное его завѣщаніе: «Въ теченіе моей жизни,—сказалъ онъ, я самымъ старательнымъ образомъ занимался разысканіемъ всѣхъ преданій, какія сохранились о нашемъ семействѣ, и никогда не могъ найти между своими предками ни одного, который-бы вель себя нечестно; поэтому, если кто-нибудь изъ васъ или вашихъ дѣтей уклонится отъ честнаго пути, то это будетъ не потому, чтобъ такія свойства были переданы ему по крови, напротивъ, онъ уже не будетъ принадлежать къ нашему семейству; и такъ, вотъ вамъ мое завѣщаніе: будьте честны». Десяти лѣтъ отъ рода Давидъ Ливингстонъ сталъ работать на хлопчатобумажной фабрикѣ близъ Гласго. Часть первыхъ заработанныхъ денегъ онъ употребилъ на покупку латинской грамматики и началъ учиться этому языку, занимаясь, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, только по ночамъ. Онъ сидѣлъ за уроками часовъ до 12 ночи или позже, пока наконецъ мать не послала его спать, такъ какъ въ 6 часовъ утра онъ уже долженъ былъ вставать и каждый день отправляться работать на фабрику. Такимъ образомъ Давидъ прошелъ всего Виргиля и Горация, читая въ то же время книги, какія ему попадались, за исключеніемъ романовъ, хотя особенно любилъ научные сочиненія и пу-

тешествія. Немногіе свободные часы, какие ему оставались отъ всѣхъ этихъ дѣлъ, Лавингстонъ посвящалъ занятію ботаникой, собирая въ окрестностяхъ растенія. Онъ не оставлялъ чтенія даже при стукѣ машинъ на фабрикѣ, ухитряясь помѣщать книгу на прядильный станокъ, за которымъ работалъ, такъ чтобы можно было схватывать изъ нея постепенно фразу за фразой. Подобнымъ способомъ терпѣливый фабричный мальчикъ пріобрѣлъ много полезныхъ свѣдѣній, и по мѣрѣ того, какъ онъ выросталъ, у него усиливалось желаніе сдѣлаться миссіонеромъ въ языческихъ странахъ. Съ такою цѣлью Лавингстонъ сталъ давать себѣ медицинское образованіе, чтобы быть возможно болѣе способнымъ къ выполненію задуманного имъ предпріятія. Поэтому онъ началъ самыи экономнымъ образомъ расходовать свои заработки и успѣль сберечь столько денегъ, сколько нужно было для существованія въ то время, пока онъ посвящалъ медицинскіе и греческіе уроки, а также и богословскія лекціи въ Гласго; это продолжалось нѣсколько зимъ, а остальное время каждого года молодой человѣкъ все-таки работалъ на бумагопрядильной фабрикѣ. Такимъ образомъ, все время своего ученья, онъ содержалъ себѣ тѣми деньгами, которыя пріобрѣталъ въ качествѣ фабричнаго рабочаго, и никогда не получалъ ни одного фартинга въ помошь изъ какого-нибудь другого источника. «Бросая взоръ на эту трудовую жизнь, — разсказываетъ самъ Лавингстонъ, — я могу только быть благодарнымъ, что она составила такую важную часть моего первоначального воспитанія, и если-бы было возможно, я охотно бы опять началь ту же скромную жизнь и прошелъ-бы вновь чрезъ всѣ прежнія испытанія». Наконецъ, Лавингстонъ, кончивъ свое медицинское образованіе и написавъ латинскую диссертацию, выдержалъ всѣ экзамены и былъ назначенъ лиценціатомъ въ медицинскомъ факультетѣ. Сперва онъ намѣревался отправиться въ Китай, но война, которую тогда вела Англія съ этой страной, помѣшила ему

привести въ исполненіе свою мысль; предложивъ затѣмъ свои услуги лондонскому миссионерскому обществу, Ливингстонъ былъ имъ посланъ въ Африку, куда прибылъ въ 1840 г. Онъ даже думалъ отправаться въ Индію на собственный счетъ; по его словамъ, непріятная сторона путешествія въ Африку на счетъ миссионерского общества заключалась въ томъ, что «человѣку, привыкшему работать самостоѧтельно, не совсѣмъ пріятно какимъ-бы то ни было образомъ ставить себя въ зависимость отъ другихъ». По прибытіи въ Африку, Ливингстонъ началъ усиленно работать. Онъ не могъ выносить даже мысли о томъ, чтобы вступаться въ труды другихъ, а отмежевалъ себѣ обширную сферу независимой дѣятельности, приготовляясь къ ней ручной работой въ плотничномъ и другихъ мастерствахъ, сверхъ занятій по его профессіи, что, — говорить онъ самъ, — «дѣлало меня такимъ истощеннымъ и неспособнымъ для вечерняго ученія, какъ никогда не бывало прежде на прядильной фабрикѣ». Живя у племени Бехуановъ, онъ рылъ каналы, строилъ дома, обрабатывалъ поля, разводилъ скотъ и, работая такимъ образомъ вмѣстѣ съ туземцами, въ то же время училъ ихъ. Сначала, возвращаясь съ нѣкоторыми изъ туземцевъ послѣ долгаго путешествія, онъ слышалъ такія замѣчанія ихъ о своей особѣ: «Онъ не силенъ,—говорили туземцы,—онъ очень слабъ и только кажется крѣпкимъ, потому что одѣвается въ эти мѣшки (панталоны); онъ скоро навѣрное изнурится». Это взволновало шотландскую кровь миссионера и заставило его въ теченіе нѣсколькихъ дней пренебрегать усталостью, чтобы только не давать туземцамъ случая замедлять быстроту ихъ обычного хода, такъ что наконецъ ему пришло слышать уже хорошее мѣнѣ о своихъ пѣшеходныхъ способностяхъ. Что Ливингстонъ дѣлалъ въ Африкѣ и какъ работалъ, все это можно видѣть изъ его собственнаго сочиненія «Путешествія миссионера», одной изъ самыхъ интересныхъ книгъ, какія когда-либо выходили въ

свѣтъ. Когда его паровая лодка, взятая Ливингстономъ съ собой въ Африку, потерпѣла значительные повреждения, онъ немедленно послалъ домой распоряженія о постройкѣ новой, цѣнной въ 2,000 фунтовъ стерлинговъ. Эту сумму миссионеръ велѣлъ взять изъ тѣхъ денегъ, которыя, по мѣрѣ получения доходовъ съ путешествія, откладывались для дѣтей Ливингтона. Посыпала инструкцію о новомъ назначеніи денегъ, онъ сказалъ: «дѣти сами себѣ должны приобрѣсти средства къ жизни»; эти слова и вообще весь разсказанный нами поступокъ прекрасно характеризуютъ личность знаменитаго путешественника-миссионера.

Жизнь Джона Говарда была также яркимъ примѣромъ могущества, заключающагося въ терпѣливомъ стремлениіи къ цѣли и въ постоянномъ труде. Его дѣятельность показываетъ, что даже физически-слабый человѣкъ можетъ преодолѣвать самыя сильныя препятствія въ стремлениіи къ той цѣли, какую указываетъ ему долгъ. Мысль обѣ улучшениіи положенія людей, заключенныхъ въ тюрьмахъ, занимала всѣ его помыслы и обратилась даже въ страсть, такъ что никакой трудъ, ни опасность, ни физическія страданія не могли отклонить Говарда отъ этой высокой цѣли. Не одаренный геніальностью и обладая даже лишь умѣреннымъ талантомъ, Говардъ имѣлъ однако-же чистое сердце и сильную волю; значительной доли успѣха онъ достигъ еще при своей жизни; но идеи, проводимыя имъ, не исчезли съ его смертью, а напротивъ продолжали и продолжаютъ до настоящаго времени оказывать могущественное вліяніе не только на законодательство Англіи, но и другихъ цивилизованныхъ странъ. Впрочемъ, жизнь Говарда такъ превосходно описана г. Диксономъ, что мы предпочитаемъ привести нѣсколько менѣе извѣстныхъ примѣровъ проявленія въ англійской націи той черты характера, которую мы теперь занимаемся.

Джонасъ Ганвей, — одинъ изъ такихъ примѣровъ, хотя и очень мало извѣстный, — славился въ свое время, будучи

купцомъ, безукоризненною правдивостью и духомъ истинаго патріота и філантропа. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ многихъ терпѣлихъ и стойкихъ людей, которые привели Англію къ настоящему ея положенію, — людей, энергически исполнившихъ то дѣло, къ которому были призваны, и по окончаніи его спокойно сходившихъ въ могилу. Онъ родился въ 1712 г. въ Портсмутѣ и въ дѣтствѣ потерялъ отца, который былъ магазиннымъ приставомъ въ адмиралтействѣ и лишился жизни по какому-то несчастному случаю. Мать мальчика съ дѣтьми отправилась въ Лондонъ, отдала ихъ тамъ въ школу и старалась, по возможности, дать имъ хорошее воспитаніе. Семнадцати лѣтъ, Джонасъ былъ отправленъ въ Лиссабонъ къ одному купцу, чтобы пріучаться къ торговому дѣлу, и тамъ своимъ постороннимъ вниманіемъ къ опредѣленнымъ занятіямъ, аккуратностью, строгою честностью и правдивостью заслужилъ уваженіе всѣхъ, кто его зналъ. По возвращеніи въ Лондонъ въ 1743 г., онъ принялъ предложеніе вступить въ товарищество въ одномъ значительномъ петербургскомъ торговомъ домѣ, занимавшемся обширными операциями по каспийской торговлѣ, которая тогда была еще въ младенчествѣ. Въ Россію Ганвей отправился съ цѣлью, по возможности, расширить торговые обороты, и вскорѣ послѣ прїезда счелъ нужнымъ посѣтить главнѣйшіе торговые пункты. Поэтому онъ пойхалъ въ Персію съ караваномъ, нагруженнымъ англійскими товарами на двадцати возахъ. Чрезъ 10 дней послѣ выѣзда изъ Петербурга, онъ достигъ Москвы, 7 дней спустя перебѣжалъ въ степная пространства, а еще чрезъ 8 дней прибылъ въ Царицынъ на Волгѣ. Оттуда отплылъ въ Астрахань и едва избѣгнулъ опасности при слѣдованіи внизъ по рѣкѣ, которая тогда была опустошаема шайками лодочныхъ разбойниковъ, жившихъ грабежомъ судовъ. Изъ Астраханіи Ганвей отправился въ Астрабадъ, на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, но только-что онъ успѣлъ выгрузить свои тюки, какъ тамъ

вспыхнуло возмущение, и все его товары были захвачены; хотя потом значительную часть ихъ онъ возвратилъ, но плоды цѣлаго предпріятія были почти потеряны. Быть даже заговоръ, чтобы схватить самого Ганвея съ его спутниками, но онъ заблаговременно выбрался въ море и, вынесши терпѣливо и мужественно большія опасности въ открытой лодкѣ, благополучно прибылъ въ Гилянъ. Спасеніе Ганвея отъ гибели при этомъ случай подало ему первую мысль о тѣхъ словахъ, которыхъ потомъ сдѣлались девизомъ его жизни: «никогда не отчаяваться». Проѣхавъ нѣсколько сотъ миль посреди враждебной толпы, онъ рѣшился оставить эту страну, а затраченные деньги возвратить продажею той части своего захваченного имущества, которую удалось ему получить обратно, и покупкою сырого шелка, что оказалось очень выгоднымъ предпріятіемъ. Послѣ того, въ теченіе 5 лѣтъ, Ганвей жилъ въ Петербургѣ, продолжая свои успешныя и прибыльныя торговые операциі.

Средства его, съ полученіемъ наслѣдства отъ одного изъ родственниковъ, увеличились настолько, что Ганвей могъ уже возвратиться въ Англію; оставивъ Россію, онъ въ 1750 г. прибылъ въ свое отечество послѣ 8-лѣтняго отсутствія. Цѣлью его возвращенія въ Англію было, по его собственнымъ словамъ, «поправить свое здоровье и дѣлать сколько возможно больше добра какъ себѣ, такъ и другимъ». Остальное время его жизни было посвящено дѣламъ благотворительнымъ и полезнымъ для окружавшихъ его людей. Ганвей жилъ скромно, для того чтобы быть въ состояніи большую долю своихъ доходовъ обращать на благотворительныя цѣли. Однимъ изъ первыхъ предметовъ, въ которыхъ Ганвею пришлось выказать свою дѣятельность на пользу общественную, было улучшеніе дорогъ въ Англіи. Лондонскія улицы были тогда въ самомъ несчастномъ положеніи — дурно вымощены, полны рыхтинъ и ямъ и вообще представляли въ высшей степени плачевное зрѣлище. Выѣски качались со скрипомъ наѣ тротуарами,

которые отбѣялись отъ проѣзжей части улицы рядомъ столбовъ; но промежутки между ними были такъ узки, что чрезъ нихъ можно было проходить только одному человѣку, а въ дождливую погоду потоки грязной воды падали на пассажировъ изъ желобовъ, проведенныхъ по обѣимъ сторонамъ улицы. Усердно принявши съ за это дѣло, Ганвей съ такою настойчивостью хлопоталъ объ улучшениахъ въ немъ, что наконецъ успѣлъ вызвать вниманіе законодательства. Обращенію на этотъ предметъ вниманія общества способствовала и несчастная случайность на одной изъ лондонскихъ улицъ съ спикеромъ палаты общинъ; дѣло объ исправленіи улицъ получило офиціальный ходъ, и съ того времени лондонскія улицы доставляютъ столицѣ столько же удобства, сколько же прежде поражали своимъ безобразіемъ.

Старинная и часто возобновлявшаяся молва о французскомъ нашествіи повторилась въ 1755 г.: въ Брестѣ собралась значительная эскадра съ большимъ числомъ войска, съ очевидною цѣлью сдѣлать высадку въ Англію. Ганвей употребилъ всѣ усиія, чтобы поддержать возможно лучше духъ англійскихъ моряковъ. Еще при королевѣ Аннѣ былъ изданъ парламентскій актъ, которымъ велѣно было каждому корабельщику съ 30-тоннымъ и выше кораблемъ брать одного или больше учениковъ изъ деревни, но такъ какъ этотъ актъ оставался безъ дѣйствія, то Ганвей попытался посредствомъ печати побудить корабельщиковъ, состоявшихъ въ морской купеческой службѣ, соблюдать изложенное распоряженіе; однако-же голосъ частнаго лица былъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ слабъ, чтобы быть слышаннымъ тамъ, где замѣшивался личный интересъ. Рѣшившись сдѣлать все, что могъ, для устраненія зла, Ганвей собралъ митингъ изъ купцовъ и судовладѣльцевъ при королевской биржѣ и предложилъ имъ образовать изъ среды себя общество для снаряженія какъ сухопутныхъ волонтеровъ, такъ и людей для службы на королевскихъ кораб-

ляхъ. Предложение это было принято съ восторгомъ: общество составилось, офицеры были назначены, и всѣми этими операциими управлялъ Ганвей. Слѣдствіемъ этого было образованіе въ 1756 г. особаго морскаго общества,— учрежденія, которое постоянно приносило англійской націи огромную и существенную пользу. Шесть лѣтъ спустя послѣ образованія этого общества, оно поставило и направило на морскую службу нѣсколько тысячи волонтеровъ и съ того времени до 600 бѣдныхъ мальчиковъ, по полученіи тщательнаго воспитанія и специальнаго приготовленія къ морскому дѣлу, поступаютъ на это поприще ежегодно, особенно на купеческіе корабли.

Остальную часть своихъ досуговъ Ганвей посвятилъ усовершенствованію или основанію вновь нѣкоторыхъ важныхъ общественныхъ англійскихъ учрежденій. Прежде всего онъ принялъ дѣятельное участіе въ воспитательномъ домѣ, основанномъ уже давно Томасомъ Корамомъ. Это заведеніе было открыто для приема младенцевъ въ 1742 — 49 г. Поддержка ему оказывалась очень щедро: не менѣе 10,000 ф. ст. было собрано въ пользу его съ музыкальныхъ сочиненій Генделя, который также подарилъ церкви этого дома свой органъ, а тамошнимъ надзирателямъ партитуру «Мессіи»; сверхъ того парламентъ ассигновалъ на это учрежденіе также 10,000 ф., и суммы, какія переданы были въ распоряженіе воспитательного дома, оказались столь значительными, что лица, завѣдывавшія имъ, рѣшили принимать всѣхъ дѣтей, не выше двухмѣсячнаго возраста, какія только будутъ къ нимъ приносимы. Эта всеобщая нѣжность къ несчастнымъ дѣтямъ была только модой и, подобно многимъ другимъ неосмысленнымъ чувствамъ, въ скоромъ времени стала грозить принести больше зла, чѣмъ добра, такъ что можно было бояться, что самая гуманная мѣра превратится въ своихъ результатахъ въ безчеловѣчную. Ганвей одинъ изъ первыхъ указалъ на это: онъ видѣлъ, что у нѣкоторыхъ родителей перспектива без-

денежного воспитанія и надзора за ихъ дѣтьми содѣйствовала распространенію разврата и вообще ослабляла естественные семейныя узы; поэтому, чтобы имѣть болѣе возможности противодѣйствовать злу, онъ купилъ себѣ должность правителя этого учрежденія. Ганвей принялъся за это дѣло, когда еще модная филантропія того времени была въполномъ ходу; но онъ неуклонно стремился къ своей цѣли, пока наконецъ не удалось привести благотворительность на надлежащую дорогу: время и опытъ показали, что онъ былъ правъ. Въ 1771 г. парламентъ прекратилъ выдачу субсидій, и съ того времени воспитательный домъ былъ предоставленъ поддержкѣ частной благотворительности, которой оказалось совершенно достаточно, а между тѣмъ приняты были мѣры, чтобы назначеніе этого учрежденія не употреблялось во зло. Большею частію стараніями Ганвея открыто было въ 1758 г. Магдалинское убѣжище, и мы имѣемъ основаніе думать, что это послѣднее обратило на путь добродѣтели многихъ бѣдныхъ женщинъ, которыхъ иначе сбились бы съ него окончательно. Ганвей обыкновенно приглашалъ къ себѣ тѣхъ женщинъ, на которыхъ оказывалась такимъ образомъ эта спасительная перемѣна, стараясь притомъ укрѣпить ихъ на хорошей дорогѣ, какъ наставленіями, такъ и наблюденіемъ за дальнѣйшимъ ихъ хорошимъ поведеніемъ.

Но самые тѣжкіе и продолжительные труды Ганвея были употреблены на пользу дѣтей бѣдныхъ прихожанъ. Подвиги Говарда по улучшенію положенія заключенныхъ въ тюрьмы равняются по достоинству дѣламъ Ганвея, имѣвшимъ цѣлью оказать поддержку этимъ беспомощнымъ, невиннымъ дѣтямъ несчастныхъ. Нищета и недостатокъ присмотра, окружавшіе бѣдныхъ созданій, и смертность, какая господствовала между ними, достигали положительно ужасныхъ размѣровъ; но для улучшенія быта этихъ несчастныхъ не было тогда въ модѣ такого же движенія, какъ относительно незаконныхъ дѣтей. На это-то дѣло и обра-

тить всю свою энергию Ганвей. Приявшись за него безъ всякой посторонней помощи, онъ рѣшился сначала лично удостовѣриться, въ какой мѣрѣ распространено это зло. Онъ занялся подробнымъ изслѣдованіемъ убогихъ, нездоровыхъ жилищъ бѣднѣшаго класса лондонскихъ жителей, посѣщалъ богадѣльни, больницы и въ каждомъ такомъ домѣ призрѣнія, какъ въ самой столицѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ, близко выткаль во всѣ мелочи управлениія. Сверхъ того, желая лично ознакомиться съ мѣрами, какія принимаются въ законодательствахъ иностраннѣхъ государствъ противъ подобнаго зла, Ганвей совершилъ путешествіе во Францію чрезъ Голландію, посѣщая на пути всѣ публичныя учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ и записывая то, что, по его мнѣнію, могло быть съ пользою примѣнено въ его отечествѣ. Такимъ образомъ Ганвей работалъ въ теченіе пяти лѣтъ; по возвращеніи въ Англію онъ по временному издавалъ въ свѣтъ результаты своихъ наблюдений; но отчеты его были такъ мрачны, что возбудили къ себѣ общее недовѣріе; сверхъ того, рѣшившись публично назвать имена всѣхъ тѣхъ лицъ, безъ разбора званія, на обязанности которыхъ лежало попеченіе за мѣстными бѣдными дѣтьми, и отъ небрежности которыхъ эти дѣти умирали,— Ганвей нажилъ себѣ много враговъ. Оказалось, напримѣръ, что въ одномъ пріютѣ изъ двадцати трехъ бѣдныхъ дѣтей, отданныхъ на попеченіе кормилицѣ, въ 1765 г., восемнадцать умерли, двое были отпущены и только трое остались въ живыхъ. Въ пріюте Сентъ-Андрѣю, въ томъ же году, изъ 76 дѣтей умерло 64. Въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ приходахъ, по истеченіи 12 мѣсяцевъ, не оставалось ни одного ребенка: всѣ умерли. Вездѣ, гдѣ приводимые Ганвеемъ факты оспаривались, онъ публиковалъ имена дѣтей, время ихъ рожденія и принятія, продолжительность всей жизни дѣтей и имена кормилицъ и нянекъ ихъ. Потомъ онъ совершилъ поѣздку по Англіи, чтобы сравнить смертность въ провинціальныхъ пріютахъ съ тѣмъ же яв-

лениемъ въ столицѣ, и вездѣ находились одинаковые печальные факты ужасающей смертности, происходящіе отъ чрезмѣрнаго скопленія народа, нечистаго воздуха и недостатка должнаго присмотра. Обнародованіе такихъ поражающихъ данныхъ, при известной честности человека, соправившаго ихъ, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія даже на самыхъ хладнокровныхъ людей; многіе благотворительные дома тогда же были преобразованы и улучшены. Въ 1761 г. Ганвею удалось добиться изданія парламентскаго акта, обязывавшаго каждый лондонскій приходъ вести ежегодный списокъ всѣмъ принятыхъ, отпущенныемъ и умершихъ дѣтей; самъ виновникъ этого акта заботился, чтобы такая мѣра приводилась повсемѣстно въ исполненіе; за правильностью этого онъ надзиралъ съ неутомимою бдительностью. Утромъ онъ ходилъ изъ одного приюта въ другой, а днемъ отъ одного члена парламента къ другому, ведя такимъ образомъ дѣло день за днемъ и годъ за годомъ, вынося иногда терпѣливо и рѣбый приемъ, отвѣчая на каждое возраженіе и примѣняясь, для успѣха своего дѣла, ко всякому нраву. Наконецъ, послѣ настойчивости, почти безпримѣрной, и послѣ почти десятилѣтнихъ трудовъ, Ганвей успѣль, принявъ притомъ всѣ расходы на себя, провести парламентскій актъ съ распоряженіемъ, чтобы въ приходахъ, где смертность велика, бѣдныя дѣти не воспитывались въ самыхъ приютахъ, но отсылались бы для вскормленія за нѣсколько миль отъ города, где до 6-лѣтняго возраста они должны были находиться подъ присмотромъ особыхъ попечителей, избираемыхъ на три года. Этотъ актъ между бѣдными людьми получилъ название «акта о сохраненіи дѣтей въ живыхъ», — и изъ сравненія послѣдующихъ за нимъ приходскихъ списковъ съ предшествовавшими оказывается, что жизнь нѣсколькихъ тысячъ дѣтей была сохранена, благодаря разсудительному вмѣшательству этого доброго и умнаго человѣка.

Какое-бы филантропическое предпріятіе ни осуществлялось въ Лондонѣ, можно было быть увѣреннымъ, что Джонасъ Ганвей въ немъ участвовалъ. Одинъ изъ первыхъ парламентскихъ актовъ о покровительствѣ мальчикамъ-трубоочистамъ обязанъ своимъ происхожденіемъ его вліянію. По поводу ужасныхъ пожаровъ въ Монреалѣ и въ Бриджтоунѣ, на Барбадосѣ, Ганвей своевременно собралъ подпиську о помощи погорѣвшимъ. Въ каждомъ спискѣ жертвователей непремѣнно появлялось имя Ганвея; безкорыстіе искренность его были признаны всѣми. Но его не допустили истратить все свое маленькое состояніе на пользу близкихъ. По заявленію пяти первыхъ лондонскихъ гражданъ обѣ услугахъ, безкорыстно оказанныхъ странѣ Ганвеемъ, онъ былъ назначенъ однимъ изъ комиссіонеровъ для снабженія флота скѣстными пропасами.

Въ числѣ мелочей между тѣми общественными неудобствами, противъ которыхъ возвышалъ голосъ Ганвея, былъ обычай дѣлать такъ называемые подарки прислугѣ отъ поѣтителей въ тѣхъ домахъ, где они бывали; слуги смотрѣли на это уже, какъ на свое право. Такимъ образомъ, напримѣръ, самому Ганвею однажды пришлось расплачиваться со слугами своего друга, у которого онъ обѣдалъ, по мѣрѣ того, какъ они приходили съ платьемъ: «Сэръ,—говорилъ одинъ,—вотъ ваше пальто»—шиллингъ; «ваша шляпа»—также шиллингъ,—«палка»—шиллингъ,—«зонтикъ»—шиллингъ; послѣдній наконецъ подалъ ему перчатки. «Нѣть, мой другъ—сказалъ ему Ганвей,—вы можете оставить у себя мои перчатки, они сами не стоятъ шиллинга». Этотъ нелѣпый обычай впослѣдствіи уничтожился подъ вліяніемъ насмѣшекъ, посыпавшихся на него.

Къ концу жизни Ганвея, здоровье его сдѣлалось очень слабо; и хотя, вслѣдствіе этого, онъ долженъ былъ отказаться отъ своей должности въ комиссариатѣ, но не могъ оставаться празднымъ и обратилъ свою дѣятельность на открытие воскресныхъ школъ, на улучшеніе участія бѣд-

ныхъ негровъ, многіе изъ которыхъ тогда блуждали по столицѣ безъ всякаго призрѣнія, и на облегченіе страданій нѣкоторыхъ неимущихъ и презираемыхъ классовъ общества. Несмотря на близкое знакомство съ бѣдностью во всѣхъ ея видахъ, Ганвей былъ человѣкомъ очень веселаго нрава и, только благодаря этому свойству, могъ, при своемъ слабомъ здоровье, вынести то громадное количество работы, какое всегда добровольно налагалъ на себя. Ганвей ничего такъ не боялся, какъ бездѣствія. При всей физической слабости онъ былъ предпримчивъ и неутомимъ; нравственное мужество, какимъ онъ обладалъ, можно встрѣтить далеко не у всѣхъ; такъ въ примѣръ этого, хотя нѣсколько и мелочной, можно привести то, что онъ первый рѣшился ходить по улицамъ Лондона съ дождевымъ зонтикомъ, распущеннымъ надъ головой. До того это считалось недорогимъ; однако-же Ганвей, слѣдя своему правилу постоянно въ теченіе 30 лѣтъ, увидѣль наконецъ, что обычай ходить подъ зонтикомъ вошелъ во всеобщее употребленіе.

Ганвей былъ человѣкъ безукоризненно честный и строго-правдивый, на слова его можно было всегда полагаться безусловно. Онъ имѣлъ вообще большое уваженіе, доходившее даже до почитанія, къ типу честнаго купца, и это было единственнымъ предметомъ, по которому Ганвей позволялъ себѣ вдаваться въ похвалы. Свои обязанности онъ исполнялъ со строгою безукоризненностью: поведеніе его, какъ купца, а потомъ и какъ поставщика сѣстрическихъ припасовъ для флота, было свободно отъ всякаго пятна. Само собою разумѣется, что никакой подарокъ отъ подрядчика, подъ какимъ-бы видомъ онъ ни былъ, никогда не принимался Ганвеемъ. Когда, будучи уже 74 лѣтъ отъ роду, Ганвей почувствовалъ, что силы его видимо ослабѣли, онъ приготовился къ смерти съ такимъ же душевнымъ спокойствіемъ, какъ будто-бы предстояло совершить обыкновенное путешествіе. Онъ покончилъ всѣ свои торговыя дѣла,

простился съ друзьями, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія и встрѣтилъ смерть въ религіозномъ настроеніи духа. Все имущество, оставленное имъ, не превышало двухсотъ фунтовъ стерлинговъ, но какъ родственниковъ у него не было, то Ганвей и раздѣлилъ эти деньги между разными бѣдняками и сиротами, которымъ онъ покровительствовалъ при жизни. Такова была достохвальная жизнь Джонаса Ганвея, насколько можно было ее передать въ короткихъ словахъ; ему, по всей справедливости, принадлежитъ имя честнаго, энергического труженика и брямодушнаго человѣка, какого когда-либо видѣть свѣтъ.

Жизнь и дѣятельность Гренвиля Шарпа представляеть другой блестящій примѣръ того-же могущества личной энергіи,—могущества, перешедшаго потомъ въ кружокъ благородныхъ бойцовъ за уничтоженіе рабства, между которыми выдаются имена Кларксона, Уильберфорса, Бекстона и Брума. Но, какъ всѣ эти люди ни велики въ своемъ дѣлѣ, Гренвиль Шарпъ все-таки былъ первымъ и даже, можетъ быть, величайшимъ изъ нихъ съ точки зрењія трудолюбія, энергіи и неустрашимости; свою серьезную жизнь онъ началъ ученикомъ у торговца полотняными товарами въ Тоуэръ Гиллѣ; но, по истеченіи срока ученья, оставилъ это занятіе и сдѣлался писцомъ въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ; въ этомъ-то скромномъ званіи онъ посвящалъ свои досуги изученію дѣла освобожденія негровъ. Шарпъ вообще, даже когда былъ еще ученикомъ, охотно бралъ на себя всякую работу, какъ-бы она ни была тяжела, лишь-бы только служила къ достижению полезной цѣли. Такимъ образомъ, вслѣдствіе частыхъ религіозныхъ разсужденій, во время пребыванія у торговца, съ однимъ товарищемъ унитаристомъ, который настаивалъ на томъ, что неточное пониманіе Гренвилемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писания происходитъ отъ незнанія греческаго языка, Шарпъ немедленно сталъ заниматься этимъ языкомъ въ свободное время и вскорѣ въ значительной сте-

иени усвоилъ его себѣ. Подобные же споры Шарпа съ другимъ товарищемъ, относительно толкованія пророчествъ, привели молодого человека къ изученію еврейскаго языка, несмотря на всѣ его трудности.

Но обстоятельство, давшее впослѣдствіи направлениe и характеръ главнѣйшимъ трудамъ его жизни, было слѣдствіемъ простого проявленія великодушія и мягкосердія Шарпа. Дѣло происходило такимъ образомъ. Брать Гренвіля, Вильямъ, который былъ докторомъ, давалъ бѣднымъ бесплатно медицинскую помощь; въ числѣ многихъ бѣдняковъ, обращавшихся къ нему за советами, былъ негръ, по имени Джонатанъ Стронгъ. Несчастный африканецъ подвергался такому жестокому обращенію со стороны своего господина, барбадосскаго адвоката, жившаго тогда въ Лондонѣ, что сдѣлался увѣчнымъ, почти слѣпымъ и совершенно лишился возможности работать. Господинъ его, смотря на больного негра, какъ на движимость, которая потеряла уже свою цѣну, а между тѣмъ можетъ вовлечь его только въ расходы, безчеловѣчно пустить его на произволъ судьбы въ лондонскихъ улицахъ. Этотъ бѣднякъ, мучимый болѣзнью, питался кое-какъ подаяніемъ, пока не встрѣтился съ Вильямомъ Шарпомъ, который подальше ему самъ первоначальную медицинскую помощь, а вслѣдъ затѣмъ помѣстилъ негра въ госпиталь св. Вареоломея, где тотъ вылечился. По выходѣ его изъ больницы, братья поддерживали негра, по возможности, но имъ не приходило въ голову, чтобы кто-нибудь могъ тогда предъявить право собственности на его личность. Имъ даже удалось достать Стровгу мѣсто у одного аптекаря, у котораго негръ пробылъ въ услугеніи два года; но однажды, ожидая свою госпожу съ наемной каретой, онъ былъ случайно узнанъ прежнимъ владельцемъ, барбадосскимъ адвокатомъ, который рѣшился предъявить свои права на невольника, приобрѣвшаго опять цѣнность по выздоровленіи. Рабовладѣлецъ, съ помощью двухъ чиновниковъ лордъ-мера, сква-

тиль Стронга, который, до отправления въ Вест-Индію, былъ запертъ въ тюрьму. Негръ, вспомнивъ въ заточеніи о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему нѣсколько лѣтъ назадъ Шарпомъ, написалъ къ нему письмо съ прошбою о помоши. Шарпъ забылъ имя Стронга, но все-таки навель справки; оказалось, что надзиратели тюрьмы скрываютъ существованіе у нихъ подъ присмотромъ человѣка, носящаго имя Стронга. Подозрѣнія Шарпа были возбуждены; онъ самъ немедленно отправился въ тюрьму и добился свиданія съ заключеннымъ. Узнавъ въ немъ знакомаго уже бѣднаго негра, попавшаго вновь въ неволю, Шарпъ, на свой собственный рискъ, распорядился, чтобы смотритель тюрьмы не отдавалъ Стронга ни по какому требованію, пока дѣло это не будетъ представлено лордъ-меру, къ которому Шарпъ немедленно отправился и успѣлъ добиться призыва въ судъ всѣхъ тѣхъ, кто схватилъ и заключилъ въ тюрьму Стронга, безъ законнаго на это права. При появлении предъ судомъ лорда-мера оказалось, что прежній владѣлецъ Стронга уже продалъ его новому, который предъявилъ суду актъ продажи и требовалъ негра, какъ свою собственность. Однако-же, какъ на Стронга не возводилось обвиненія ни въ какомъ преступленіи, и какъ лордъ-меръ не признавалъ себя въ правѣ обсуждать юридическій вопросъ о свободѣ или несвободѣ Стронга, то послѣдній былъ отпущенъ, и негръ вышелъ изъ суда вмѣстѣ со своимъ благодѣтелемъ, свободный отъ всякихъ преслѣдованій; но вслѣдъ затѣмъ новый его собственникъ немедленно далъ знать Шарпу, что начинаетъ противъ него формальный искъ, съ цѣлью возвратить себѣ невольника, котораго лишился. Такимъ образомъ, началось то продолжительное энергическое движеніе въ пользу несчастнаго негра, которое составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ англійской исторіи.

Въ то время (въ 1767 г.) личная свобода англичанъ хотя и пользовалась покровительствомъ по теоріи, но на

дѣлъ была подвержена важнымъ нарушеніямъ, повторявшимся почти каждый день. Насильный наборъ людей въ морскую службу былъ дѣломъ обыкновеннымъ, и сверхъ постоянныхъ вербовщиковъ для этой цѣли были правильные отряды, занимавшіеся похищеніемъ людей въ Лондонѣ и во всѣхъ большихъ городахъ королевства, для отправления на службу Остъ-Индской компаніи; а когда въ Индіи не было недостатка въ людяхъ, такъ захваченныхъ людей отсылали къ плантаторамъ въ американскія колоніи. О продажѣ негровъ-невольниковъ объявлялось публично въ лондонскихъ и ливерпульскихъ газетахъ; такъ, напримѣръ, въ апрѣль 1769 г., въ числѣ объявлений о продажѣ, въ одной газетѣ помѣщено было вмѣстѣ: «о жеребцѣ каштанового цвета», и «о крѣпкосложенномъ черномъ мальчикѣ хорошаго поведенія». Предлагались награды, какъ впослѣдствіи въ невольничихъ штатахъ Сѣверной Америки, за возвращеніе и поимку бѣглыхъ рабовъ и за привозъ ихъ на нѣкоторые опредѣленные корабли, стоявшіе на рѣкѣ. Можно привести много доказательствъ того, что открытое признаніе рабства вовсе не считалось дѣломъ постыднымъ; такъ, напримѣръ, въ газетѣ «Daily Advertiser», въ май 1768 г., объявлялось о наградѣ тому, кто поймаеть и приведеть бѣглого негритянского мальчика или доставить о немъ извѣстія по приложенному адресу. Въ ноябрѣ 1769 г. въ «Public Advertiser» помѣщено было такое объявление: «продается черная девочка, 11 лѣтъ отъ роду, которая очень ловка, изрядно шьетъ и превосходно говоритъ по-англійски, обладаетъ притомъ хорошимъ характеромъ»; затѣмъ слѣдовала адресъ продавца.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Гренвиль Шарпъ предался душой и тѣломъ своему великому предприятію. Будучи не болѣе, какъ писцомъ въ публичномъ мѣстѣ, безъ всякаго личнаго значенія, вооруженный только честными стремленіями и смѣлостью въ добромъ дѣлѣ, Шарпъ усѣѧлъ все-таки, въ конечномъ результатаѣ, решительно

отстоять личную свободу и утвердить въ общественномъ сознаніи, какъ фактъ, то, что до того было допускаемо только по теоріи, а именно, что невольникъ, ступившій на британскую почву, въ то же мгновеніе дѣлается свободнымъ.

До того времени положеніе невольниковъ въ Англіи было неопределено и двусмысленно. По судебнымъ дѣламъ, возникавшимъ обѣ этомъ предметѣ, постановливались рѣшенія колеблющіяся и несходныя, потому что не были основаны ни на какомъ прочномъ принципѣ. Хотя народное понятіе и было таково, что въ Англіи не можетъ находиться ни одинъ невольникъ, но были люди, даже въ числѣ знаменитыхъ законовѣдовъ, которые выражали противоположное мнѣніе. Такъ Йоркъ, генераль-атторней, и Тальботъ, генеральный солицторъ, въ 1729 году, согласно рѣшили, что невольникъ, прибывъ въ Англію, не дѣлается свободнымъ, что право, какое на него имѣеть собственникъ, никакъ не прекращается и не измѣняется, и что господинъ такого невольника можетъ законнымъ образомъ принудить его вернуться на плантацию.

Юристы, къ которымъ обращался Шарпъ за совѣтомъ по иску, предъявленному противъ него изъ-за Джонатана Стронга, вообще придерживались такого же взгляда, и самъ владѣлецъ Стронга говорилъ Шарпу, что мнѣніе это раздѣляется лордомъ, главнымъ судьей и всеми первоклассными адвокатами. Такого извѣстія было бы достаточно, чтобы отнять всякую надежду у человѣка, менѣе мужественного и решительного, чѣмъ Гренвиль Шарпъ; но него это только послужило къ возбужденію рѣшимости пытаться главнымъ образомъ на свои силы въ той жаркой борьбѣ, которая ему предстояла. «Покинутый, — говорилъ онъ самъ, — своими защитниками по профессіи, я вынужденъ былъ, по неизмѣнно правильной юридической помощи, сдѣлать безнадежную попытку защищаться самъ, хотя былъ совершенно незнакомъ ни съ юридической практи-

кой, ни съ основаниями права, потому что до тѣхъ поръ не раскрывалъ ни одной юридической книги (кромѣ, пожалуй, Библіи), а тутъ пришлось, хотя и противъ желанія, приняться за просмотръ указателей въ юридической библиотекѣ, недавно только пріобрѣтенной моимъ книгоиздателемъ».

Днемъ Шарпъ долженъ былъ употреблять все время на исполненіе офиціальныхъ обязанностей по службѣ, гдѣ онъ занималъ очень трудную должность. Своими новыми дѣлами онъ могъ заниматься только поздно ночью или рано утромъ, такъ что, по собственному признанію Шарпа, онъ самъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ невольника. Въ письмѣ къ другу, извиняясь за промедленіе въ отвѣтѣ, онъ говорилъ: «Я долженъ признаться, что не въ состояніи болѣе поддерживать ученую переписку. Тотъ небольшой промежутокъ времени, какой мнѣ удается урвать у сна ночью и рано утромъ, долженъ необходимо посвящаться изученію нѣкоторыхъ статей закона, не терпящему ни малѣйшей оторочки, а требующему между тѣмъ самыхъ прилежныхъ трудовъ и величайшей внимательности въ занятіи. Я не стѣснялся употреблять иногда на это же дѣло и воскресный досугъ, потому что мой трудъ дѣлается не изъ-заличныхъ выгодъ, но исключительно имѣть цѣлью добро и преображеніе несправедливости, посредствомъ указанія на нѣкоторые замѣтныя непрасильности на избитыхъ стезахъ закона; этой работой я ставлю себя въ такое положеніе, которое даетъ мнѣ возможность оказать немногія, хотя надѣюсь, дѣйствительныя услуги нѣкоторымъ лицамъ».

Въ силу такого рѣшенія, тогда уже окончательно сформировавшагося, Шарпъ посвящалъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, каждую свободную минуту, которую могъ располагать, внимательному изученію англійскихъ законовъ о личной свободѣ: для этого ему нужно было преодолѣть огромное количество сухихъ, отталкивающихъ сочиненій и, по мѣрѣ движенія занятій впередъ, дѣлать извлеченія изъ всѣхъ наи-

болѣе важныхъ парламентскихъ актовъ, судебныхъ рѣшений и мнѣній знаменитыхъ юристовъ. Въ этой скучной, медленной работе онъ не имѣлъ ни откуда ни указанія, ни помощи, ни совѣта. Шарпъ не могъ найти ни одного адвоката, мнѣніе которого было бы благопріятно его предпріятію. За всѣмъ тѣмъ результатъ его разысканій былъ сколько удовлетворителенъ для него самого, столько же поразилъ тогдашнихъ законовѣдовъ. «Слава Богу, — писалъ Шарпъ, — ни въ англійскомъ правѣ, ни въ статутахъ нѣтъ такого постановленія, посредствомъ котораго можно бы было оправдать обращеніе свободныхъ лицъ въ неволю; по крайней мѣрѣ, я такого не могъ найти». Шарпъ такимъ образомъ увидѣлъ ясное разрѣшеніе затрудненій, возникавшихъ прежде въ судахъ по дѣламъ о неграхъ. Онъ основалъ на этомъ все изслѣдованіе и убѣдился, что старинное положеніе — «невольникъ не можетъ дышать въ Англіи» — справедливо. Получивъ твердую точку опоры, Шарпъ уже не боялся ничего. Результатъ своихъ занятій онъ изложилъ въ сокращенной формѣ: вышло ясное, убѣдительное и энергическое сочиненіе, подъ названіемъ: «Несправедливость терпимости рабства въ Англіи»; безчи-сленныя коці съ него, сдѣланыя самимъ Шарпомъ, пущены были имъ въ обращеніе между замѣчательнѣйшими юристами того времени. Владѣльца Стронга, узнавъ, съ какимъ человѣкомъ имѣть дѣло, изобрѣталъ различные предлоги для замедленія иска противъ Шарпа, и наконецъ предложилъ сдѣлку, которая однако-жь была отвергнута. Между тѣмъ, обращеніе рукописей Шарпа въ судебнѣй и юридическомъ мѣрѣ продолжалось, пока наконецъ лица, придерживавшіяся мнѣнія, противнаго Стронгу, не были вынуждены отступиться отъ своего образа мыслей, и результатъ всего этого былъ тотъ, что истецъ долженъ былъ заплатить тройныя протори, чтобы только не продолжать свой искъ. Тогда сочиненію Шарпа было напечатано въ 1769 г.

Отстаивание правъ на свободу Джонатана Стронга естественно повело Шарпа къ изученію вообще предмета о торговлѣ неграми, и онъ обратился съ письмомъ къ архиепископу Кентерберійскому, прося могущественнаго содѣствія этого духовнаго сановника своему дѣлу; но, кажется, не получивъ отвѣта. Между тѣмъ, случались другіе при每一天ы похищенія негровъ въ Лондонѣ и отправленія ихъ въ Вестъ-Індію для продажи. По каждому подобному дѣлу, которое только удавалось Шарпу узнать, онъ немедленно начинавъ процессъ объ освобожденіи негра. Такъ, напримѣръ, жена одного африканца Гайласа была схвачена и отвезена въ Барбадосъ; Шарпъ, отъ имени Гайласа, началь формальный искъ противъ лица, увезшаго негритянку, и добился приговора, по которому жена Гайласа была возвращена въ Англію свободною. Умственные способности Шарпа были сильно возбуждены громадностью злоупотребленія, противъ которого онъ боролся; не имѣя до сихъ поръ никакихъ союзниковъ, онъ съ тревогой всматривался въ положеніе дѣль, чтобы, по возможности, предупредить распространеніе зла.

Въ 1770 г. случился другой насильственный захватъ негра, сопровождавшійся величайшими жестокостями, и Шарпъ сейчасъ же бросился по слѣдамъ похитителей. Африканецъ, по имени Льюисъ, темною ночью былъ схваченъ двумя лодочниками, нанятыми господиномъ, который предъявляя на негра право собственности; несчастнаго влекли по водѣ, потомъ подняли въ лодку, заперли тамъ, со связанными членами, поплыли внизъ по рѣкѣ и привезли негра на корабль, отправившійся въ Ямайку; а по прибытіи туда несчастнаго хотѣли продать какъ невольника. Крики бѣднаго негра привлекли вниманіе нѣкоторыхъ сосѣдей; въ домѣ, смежномъ съ тѣмъ, изъ котораго увезли негра, жила мистрисъ Бэнксъ, — мать знаменитаго впослѣдствіи Джозефа Бэнкса; на другое же утро добрая женщина отправилась прямо къ Гренвилю Шарпу, полу-

чившему уже известность своимъ заступничествомъ за негровъ, и уведомила его о случившемся несчастіи. Шарль немедленно досталъ приказаніе привести Томаса Льюиса обратно и послѣшилъ въ Гревезендъ, но, пріѣхавъ туда, не засталъ уже корабля, который, въ силу права habeas corpus, былъ задержанъ въ Спитгедѣ передъ самимъ отплытіемъ отъ береговъ Англіи. Невольника нашли привязаннымъ къ главной мачтѣ; онъ заливался слезами и бросаль унылые взоры на землю, съ которой его хотѣли разлучить; онъ былъ немедленно освобожденъ и привезенъ обратно въ Лондонъ, а виновникъ незаконнаго дѣйствія былъ призванъ въ судъ. Присутствіе духа, быстроту соображенія и дѣйствій, обнаруженныхъ Шарпомъ въ этомъ дѣлѣ, едва-ли что-нибудь могло превзойти, а между тѣмъ еще онъ себя обвинялъ въ медленности. Дѣло это было представлено къ главному судье, лорду Мансфильду, мнѣніе котораго вообще о правахъ негровъ уже прежде было известно, какъ совершиенно противное взгляду Гренвіля Шарпа. При этомъ случаѣ одинъ изъ адвокатовъ, защищавшихъ негра, держа въ рукахъ сочиненіе Шарпа, объявилъ предъ судомъ, что онъ готовъ поддерживать правило: «никто въ этой странѣ не можетъ быть на законномъ основаніи задержанъ, какъ невольникъ». Однако-жь лордъ Мансфильдъ уклонился отъ решительной постановки вопроса и отъ заявленія какого-бы ни было мнѣнія по юридическому вопросу о личной свободѣ негра, а отпустилъ Льюиса потому, что человѣкъ, называвшій себя владельцемъ его, не могъ доказать, чтобы Льюисъ былъ дѣйствительно его собственностью.

Такимъ образомъ, вопросъ о личной свободѣ негровъ въ Англіи оставался еще нерѣшеннымъ; но между тѣмъ Шарль продолжалъ свое дѣло освобожденія въ отдельныхъ слу-
чаяхъ, и благодаря его неутомимымъ трудамъ и быстротѣ дѣйствія, списокъ лицъ, избавленныхъ имъ, постоянно увеличивался. Наконецъ, представилось знаменитое дѣло Джемса

Соммерсета, — дѣло, которое, какъ говорили тогда, было избрано, по взаимному соглашенію Шарпа съ лордомъ Мансфильдомъ, чтобы дать наконецъ великому вопросу ясное юридическое разрѣшеніе. Соммерсетъ привезенъ былъ своимъ господиномъ въ Англію и тамъ оставленъ. Спустя не сколько времени, владѣлецъ Соммерсета старался схватить его и выслать въ Ямайку для продажи. Лордъ Мансфильдъ далъ понять Шарпу, что это дѣло, затрагивая всеобщій интересъ, непремѣнно обратить на себя вниманіе всѣхъ представителей юридического сословія. Шарпъ увидѣлъ, что ему придется въ этомъ дѣлѣ состязаться со всей силой, какая только можетъ быть противъ него выдвинута; но, несмотря на то, рѣшимость его не поколебалась. Къ счастію для Шарпа въ этой упорной борьбѣ, его прежніе труды уже начинали производить дѣйствіе: интересъ къ разсматриваемому вопросу возрастилъ, и многіе знаменитые юристы открыто объявили себя на сторонѣ защитника негровъ.

Дѣло личной свободы, поставленное на ставку, разсматривалось лордомъ Мансфильдомъ съ тремя другими судьями; въ основу сужденія положенъ былъ широкій принципъ того существеннаго конституціоннаго права, какое имѣть каждый англичанинъ на личную свободу, пока она не ограничена силой закона. Нѣтъ необходимости вдаваться здѣсь въ подробное разбирательство этого суда; разсмотрѣніе доказательствъ, служившихъ къ разясненію дѣла, производилось съ величайшою подробностью: зачастую дѣло откладывалось до другого раза; затѣмъ опять являлась какая-нибудь причина отсрочки; но наконецъ рѣшеніе произнесено было лордомъ Мансфильдомъ, въ могучемъ умѣ которого постепенно совершилась перемѣна, подъ влияніемъ аргументовъ адвоката, основанныхъ болѣею частію на сочиненіи Гренвіля Шарпа, — перемѣна, имѣвшая столь сильное значеніе, что знаменитый юристъ объявилъ весь судъ единодушнымъ по этому дѣлу, которое уже не было

надобности передавать на разсмотрѣніе 12 судей. Манс菲尔дъ объявилъ, что искъ о наложении рабства ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть поддержанъ, что право собственности на людей, составляющее предметъ такого иска, никогда не употреблялось въ Англіи и не было признаваемо ея законами, и что поэтому Джемсъ Соммерсетъ долженъ остаться свободнымъ. Добившись такого судебнаго рѣшенія, Гренвиль Шарпъ нанесъ смертельный ударъ торговлѣ неграми, производившейся до тѣхъ поръ открыто на улицахъ Лондона и Ливерпуля. Вмѣсть съ тѣмъ, онъ прочно установилъ то знаменитое правило, что каждый невольникъ, разъ вступивъ на англійскую почву, съ того же мгновенія дѣлается свободнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это великое рѣшеніе лорда Мансфильда обязано своимъ существованіемъ преимущественно твердой, неустранимой рѣшимости Шарпа довести дѣло отъ самаго начала до конца подъ своимъ наблюденіемъ.

Нѣтъ необходимости слѣдить далѣе за дѣятельностью Гренвилля Шарпа. Во всѣхъ полезныхъ предпріятіяхъ онъ продолжалъ работать неутомимо; онъ былъ двигателемъ при основаніи колоніи Сіерра-Леоне для призрѣнія освобожденныхъ негровъ; онъ же трудился надъ улучшеніемъ быта индійскихъ туземцевъ въ американскихъ колоніяхъ. Воодушевляемый любовью къ англійскому имени и къ конституціи, онъ стоялъ за расширеніе политическихъ правъ англійского народа и пытался достигнуть отмѣны насильственного набора на службу моряковъ. Въ этомъ послѣднемъ предпріятіи онъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны видной литературной личности того времени, доктора Джонсона, который презрительно отвергалъ всѣ аргументы скромнаго клерка, настойчиво поддерживая справедливость и умѣстность такого набора. Хотя Шарпъ и не могъ сейчасъ же отвѣтить на надменныя возраженія доктора, но чувствовалъ на своей сторонѣ справедливость и правду. «Самодовольная важность и надменные слова,—

говориль Шарпъ, — не могутъ измѣнить сущности дѣла. Я далеко не готовъ еще дать немедленный отвѣтъ на всѣ тонкіе доводы моего противника, такъ что легко могу быть осмѣянъ; но вовсе не убѣжденъ, чтобы эти доводы имѣлъ хотя какую-нибудь силу». Гренвиль выходилъ изъ того понятія, что британскій морякъ, какъ и африканскій негръ, имѣть полное право на покровительство закона, и что выборъ жизни моряка вовсе не уничтожаетъ его правъ и привилегій, какъ англичанина, — правъ, между которыми на первомъ мѣстѣ онъ ставилъ личную свободу. Шарпъ также старался, хотя и безуспѣшно, возстановить добroe согласіе между Англіею и ея американскими колоніями; когда братоубійственная война, по поводу американской революціи, возгорѣлась, то чувство правдивости такъ сильно заговорило въ Шарпѣ, что онъ не позволилъ себѣ быть въ какой бы то ни было степени прикосновеннымъ къ такому дѣлу и вышелъ въ отставку оть своей должности. Въ письмѣ къ г. Боддингтону, начальнику того вѣдомства, где Шарпъ служилъ, онъ говорилъ: «Я не могу вернуться къ отправленію моихъ служебныхъ обязанностей, пока продолжается кровопролитная война, начатая, по моему мнѣнію, несправедливо, противъ моихъ согражданъ, а между тѣмъ, отказавшись оть этого мѣста, я оставлю такое занятіе, которое, вслѣдствіе моего близкаго знакомства съ нимъ въ теченіе 18 лѣтъ и по непривычкѣ въ столь долгое время къ какому-бы ни было другому дѣлу, сдѣлалось единственной моей профессіей и средствомъ къ существованію». Тѣмъ не менѣе, онъ оставилъ службу. Многіе называли такой образъ дѣйствій нелѣпымъ, но въ Шарпѣ это было лишь логическимъ послѣдствиемъ строгихъ, добродѣтельныхъ, нравственныхъ началъ его характера.

Междудающими трудами Шарпа укажемъ на учрежденіе епископальной церкви, основаніе библейскаго общества и другіе, съ подобнымъ же характеромъ; но главнымъ предметомъ своей дѣятельности, до конца жизни,

Шарпъ ставилъ уничтоженіе рабства. Для движенія этого дѣла впередъ и для организаціи дѣйствій все болѣе и болѣе увеличивавшагося круга друзей его, было основано общество уничтоженія рабства, и тогда-то другіе дѣятели, воодушевляемые пріемомъ и энергию Шарпа, устремились на помочь ему. Его энергія перешла къ нимъ, и толь пыль самоопожертвованія, съ которымъ онъ такъ долго работалъ одинъ, сообщился наконецъ и самой націи. Духъ Шарпа перешелъ въ Кларксона, Уильберфорса, Брума, Бекстона, которые трудились, подобно Шарпу, съ такой же энергией и стойкостью въ стремленіи къ цѣли, пока наконецъ рабство не было отмѣнено на всемъ пространствѣ британскихъ владѣній. Хотя только-что названныя имена мы привыкли чаще соединять съ воспоминаніемъ о торжествѣ этого великаго дѣла, но главная заслуга въ немъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Гренвилю Шарпу, который принялъ за дѣло освобожденія, не встрѣчая ни откуда ни ободрѣнія, ни поддержки; взглядъ Шарпа на этотъ предметъ, уединяя его самого отъ прочихъ людей, былъ противоположенъ какъ мнѣніямъ знаменитыхъ тогдашнихъ законовѣдовъ, такъ и одному изъ самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ того времени. Предоставленный исключительно собственнымъ силамъ и принимая на себя всю отвѣтственность, онъ выдержалъ за сохраненіе конституції страны и за свободу британскихъ гражданъ самую достопамятную битву, какую только представляеть намъ новѣйшая исторія. Онъ зажегъ тотъ факель, которому суждено было воспламенить другіе умы, и держалъ его до тѣхъ поръ, пока свѣть отъ этого факела не сдѣлался совершенно яркимъ.

Еще прежде смерти Гренвеля Шарпа, вопросомъ о рабстве негровъ сталъ заниматься Кларксонъ, выбравшій этотъ предметъ даже темою гимназического сочиненія; избранный предметъ такъ сильно овладѣлъ умомъ Кларксона, что онъ не могъ отдѣлаться отъ него. Онъ перевелъ свое сочиненіе съ латинскаго языка на англійскій, дополнить

шовыми прибавлениями и издалъ въ свѣтъ. Тогда около Кларксона начали группироваться другіе подобные же труженики. Когда онъ узналъ о вновь образовавшемся обществѣ уничтоженія торговли неграми, то немедленно присоединился къ нему, жертвуя для успѣха этого дѣла всѣми другими своими ожиданіями и надеждами въ жизни. Привести въ парламентъ это дѣло взялся Уильберфорсъ, а Кларксону досталось собирать и приводить въ порядокъ огромную массу доказательствъ, представленныхъ въ поддержку предложенія объ уничтоженіи рабства. О необыкновенной стойкости, выказанной Кларксономъ въ этомъ дѣлѣ, можно привести любопытный разсказъ. Лица, поддерживаившія рабство, при защитѣ его, утверждали, что только те негры продавались въ рабство, которые взяты были въ пленъ на войнѣ; въ случаѣ же если они не были проданы, то оставлялись въ отечествѣ для болѣе ужасной участіи. Кларксонъ зналъ объ охотѣ за неграми, устраиваемой негроторговцами, но для доказательства этого не имѣлъ свидѣтелей. Гдѣ ихъ было найти? Случайно, одинъ господинъ, встрѣченный Кларксономъ во время путешествія, сообщилъ ему о молодомъ морякѣ, котораго разсказчикъ видѣлъ годъ тому назадъ и который принималъ дѣятельное участіе въ одной изъ такихъ экспедицій за неграми. Разсказывавшій не зналъ имени этого моряка и могъ описать его особу только неопределеными чертами. Онъ зналъ лишь, что этотъ морякъ находился на несвароженномъ военномъ кораблѣ, но не могъ указать, въ какомъ именно портѣ стоялъ этотъ корабль. Несмотря на такія отрывочные свѣдѣнія, Кларксонъ рѣшился представить моряка въ свидѣтели охоты за неграми. Для этой цѣли, онъ лично поѣхалъ весь портовые города, гдѣ можно было найти корабли въ томъ видѣ, какъ было описано, всходилъ на каждый корабль и осматривалъ его, но безуспѣшно, пока наконецъ въ самомъ послѣднемъ портѣ и на послѣднемъ кораблѣ, который осталось осмотрѣть, Кларксонъ

нашелъ того, кого отыскивалъ. Молодой человѣкъ действи-
тельно оказался однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ свидѣ-
телей противъ рабства.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Кларксонъ велъ переписку
по этому предмету болѣе, чѣмъ съ четырьмястами лицъ,
и объѣхалъ въ то же самое время болѣе 35,000 миль,
чтобы достать нужные доказательства. Наконецъ онъ былъ
ослабленъ и истощенъ болѣзнью,—результатомъ продолжи-
тельныхъ трудовъ; но все-таки оставилъ поле битвы про-
тивъ рабства не прежде, какъ тогда, когда уже собствен-
нымъ рвениемъ возбудилъ общее сочувствіе къ своему дѣлу
и настроилъ общественное мнѣніе въ пользу невольниковъ.

Послѣ многолѣтней продолжительной борьбы, торгъ, не-
грами былъ уничтоженъ, но предстоялъ еще другой вели-
кий подвигъ—уничтоженіе самого рабства на всемъ протя-
женіи британскихъ владѣній; и здѣсь также одержала по-
бѣду рѣшимость и энергія. Въ числѣ руководителей этого
дѣла особенно прославился Фоуелль Бекстонъ, занявшій въ
палатѣ общинъ мѣсто Уильберфорса. Въ дѣствїи Бекстона,
вообще тупой, несообщительный мальчикъ, уже отличался
сильною волею, которая прежде всего у него выказывалась
въ буйномъ нравѣ, склонности къ господству и сильномъ
упрямствѣ. Бекстонъ лишился отца еще ребенкомъ, но, къ
счастію, у него была умная мать, которая самымъ тща-
тельнымъ образомъ образовывала волю своего сына, прі-
учая мальчика къ послушанію, но развивая въ немъ,
вмѣсть съ тѣмъ, и привычку самостоятельно рѣшаться и
дѣйствовать въ такихъ предметахъ, которые безопасно
можно было предоставить его обсужденію. Мать Бекстона
понимала, что сильная воля, хорошо направленная и долж-
нымъ образомъ руководимая, составляетъ драгоцѣнное свой-
ство въ мужчинѣ, и поступала сообразно съ такимъ убѣж-
деніемъ. Когда окружавшія ее лица замѣчали, что маль-
чикъ своеволенъ, она обыкновенно говорила: «тутъ нечего
беспокоиться; онъ теперь своеволенъ, но вы увидите, что

въ результатѣ это выйдетъ хорошо». Въ школѣ Фоуелль учился мало и былъ вообще чѣмъ-то въ родѣ неуча и не-вѣжды. Пятнадцати лѣтъ онъ вернулся домой, большимъ, рослымъ, неуклюжимъ малымъ, показывавшимъ расположение только къ ъездѣ на лодкѣ, верхомъ, къ стрѣльбѣ, къ охотѣ, и проводившимъ время преимущественно въ обществѣ смотрителя за дичью; при всемъ томъ молодой Бекстонъ обладалъ добрымъ сердцемъ и былъ разумнымъ наблюдателемъ явлений, встречающихся въ природѣ и въ жизни, хотя почти не умѣлъ ни читать, ни писать. Бекстонъ имѣлъ въ себѣ хорошия задатки, но ему не доставало выработки, образованія и развитія. Въ этомъ періодѣ жизни, когда склонности Бекстона должны были избрать себѣ то или другое направленіе, онъ, къ счастію, познакомился съ семействомъ Герней, которое отличалось какъ прекрасными нравственными качествами, такъ и своимъ умственнымъ развитіемъ и высокою гуманностью. Это знакомство съ Гернейми, какъ говорилъ потомъ самъ Бекстонъ, дало опредѣленный колоритъ всей его жизни. Они возбудили и поддерживали въ немъ стремленіе къ саморазвитію, такъ что, когда онъ поступилъ въ Дублинскій университетъ и получилъ тамъ награды, то, по собственнымъ словамъ Бекстона, первымъ движениемъ его было «отослать имъ эти награды, которыхъ добыты только вслѣдствіе ихъ побужденій и поощреній, поставившихъ меня въ возможность приступить къ настоящимъ занятіямъ». Бекстонъ женился на одной изъ дочерей этого семейства и затѣмъ вступилъ на жизненное поприще приказчикомъ у своихъ родственниковъ Ганбери, лондонскихъ пивоваровъ. Его сила воли, которая такъ затрудняла обращеніе съ нимъ въ дѣствѣ, теперь образовала оборотную сторону его характера и сообщила ему неутомимость и энергию во всемъ, что онъ ни предпринималъ. На каждое такое дѣло онъ обращалъ совершенно искренно всѣ свои силы, и «гигантъ Бекстонъ», какъ его называли (онъ былъ въ вы-

шину), сдѣлался однѣмъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и практическихъ людей. «Я могъ часть варить пиво,— говорилъ самъ Бекстонъ,— потомъ слѣдующій часъ заниматься математикой, потомъ стрѣльбой,— и каждымъ дѣломъ я занимался съ полной готовностью». Въ каждомъ его дѣйствіи проявлялась непреодолимая энергія и рѣшительность. Сдѣлавшись компаньономъ въ промыслѣ своихъ хозяевъ, онъ съ величайшею тщательностью сталъ вести дѣла своей фирмы, вліяніе его проникало въ каждую отрасль того дѣла, которымъ онъ занимался; результатомъ этого было то, что пивоваренное производство его родственниковъ, съ того времени какъ Бекстонъ вступилъ въ ихъ компанію, пошло съ значительно большими успѣхами, чѣмъ прежде. Но при этомъ Бекстонъ не оставлялъ безъ вниманія и развитіе своихъ умственныхъ способностей, усердно занимаясь по вечерамъ изученіемъ и разборомъ Блэктона, Монтескье и различныхъ хорошихъ комментаріевъ на англійское право. При чтеніи онъ принялъ за правило: «никогда не оставлять книгу недочитанною», «не считать чтеніе книги оконченнымъ, пока совершенно не усвоено ея содержаніе» и «устремлять на изученіе известной науки всеи свои умственные силы».

Тридцати двухъ лѣтъ отъ рода Бекстонъ вступилъ въ парламентъ и сразу занялъ тамъ то вліятельное положеніе, на которое можетъ разсчитывать каждый честный, трудолюбивый и образованный человѣкъ, по поступленіи въ это, собраніе. Главный вопросъ, которому Бекстонъ посвятилъ свою дѣятельность, было полное освобожденіе невольниковъ въ бриганскихъ колоніяхъ. Сильное участіе, какое онъ почувствовалъ къ этому дѣлу, самъ Бекстонъ обыкновенно приписывалъ вліянію Присциллы Герней, женщины съ высоко развитыми способностями и съ весьма добродѣтельной душой. При своей смерти въ 1821 г., она взяла съ Бекстона обѣщаніе «сдѣлать дѣло негровъ цѣлью своей жизни». Бекстонъ никогда не забывалъ ея совѣта и дождался того

дня, когда, въ письмѣ къ другу, извѣщаю о свадьбѣ своей дочери, 1 августа 1834 г., онъ могъ прибавить: «въ британскихъ колоніяхъ нѣть болѣе ни одного невольника!»

Бекстонъ не былъ человѣкомъ гениальнымъ, даже не былъ дѣятелемъ, замѣчательнымъ по умственнымъ способностямъ, не прославился никакими изобрѣтеніями или открытиями, во преимущественно дѣйствовалъ съ полнымъ усердіемъ на избранномъ поприщѣ, и притомъ оказался рѣшительнымъ, энергическимъ человѣкомъ, привыкшимъ пдти всегда прямо къ цѣли. Характеръ Бекстона превосходно выражается въ его собственныхъ словахъ, которыя могутъ служить хорошимъ руководствомъ для молодыхъ людей: «Чѣмъ дольше я живу, — говорилъ онъ, — тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что главная причина различія между людьми вообще, слабыми и сильными, великими и ничего не знающими, заключается въ энергіи, въ несокрушимой рѣшительности стремиться къ избранной цѣли во что бы ни стало. Этимъ качествомъ можно добиться всего на свѣтѣ, что только находится въ предѣлахъ возможнаго, а безъ собственной энергіи, ни талантъ, ни благопріятная обстановка, ни случай, никогда не сформируютъ то двуногое животное, которое называется человѣкомъ».

Говоря о людяхъ, замѣчательныхъ своею энергіею, обращеннюю на пользу общества, мы должны остановиться на человѣкѣ, жизнь и дѣятельность котораго происходили еще ведавно, и который представляетъ собою примѣръ, вполнѣ достойный подражанія современниковъ и благодарности потомства.

Авраамъ Линкольнъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, возстановитель союза и освободитель негровъ, родился отъ бѣднаго земледѣльца въ 1809 году. Первая семья лѣть жизни мальчика прошли въ штатѣ Кентукки, гдѣ отецъ его былъ простымъ работникомъ и исутомимыми трудами поддерживалъ существованіе своего семейства. По неимѣнію въ то время постоянныхъ школьн

для бѣднаго класса народа въ этомъ краѣ, только-что вы-
ходившемъ изъ состоянія дикости, маленький Авраамъ
учился иѣсколько времени у сосѣда, который занимался
преподаваніемъ. Мальчикъ скоро выучился читать, но даль-
нѣйшее научное воспитаніе его должно было остановиться,
потому что отецъ Линкольна, ревностный квакеръ, не ла-
дилъ съ сосѣдними рабовладѣльцами-помѣщиками и при-
знавалъ не выгоднымъ работать тамъ, гдѣ трудъ цѣнился
очень дешево, по причинѣ множества невольничихъ рабо-
чихъ рукъ. Это побудило Линкольна перемѣнить мѣсто
жительства, и онъ рѣшился искать себѣ поселенія дальше
къ сѣверо-западу, въ малообитаемыхъ мѣстностяхъ. Въ
1816 году семейство Линкольна чрезъ дремучіе лѣса пере-
бралось въ отдаленный штатъ Индіану. По прибытии на
мѣсто, нужно было расчищать землю, потомъ рубить и
обтесывать деревья для постройки дома, и во всемъ этомъ
помогалъ отцу маленький Авраамъ съ топоромъ въ рукѣ.
Продолжать ученье ему здѣсь было уже некогда. Взамѣнъ
этого, занимаясь физическими трудомъ и живя постоянно
среди природы, молодой Линкольнъ пріобрѣталъ необыкно-
венную тѣлесную крѣпость, ходилъ на охоту и помогалъ
отцу въ его работахъ. Чрезъ два года послѣ поселенія се-
мейства Линкольна въ Индіанѣ, умерла мать мальчика,
который такимъ образомъ впервые испыталъ сильное горе.
Вскорѣ Авраамъ получилъ возможность продолжать по-вре-
менамъ заниматься чтеніемъ, и одною изъ первыхъ книгъ,
которая ему удалось достать и которая онъ читалъ съ
большимъ удовольствиемъ, были Эзоповы басни. Затѣмъ
онъ сталъ учиться писать и ариѳметикѣ, и оказывалъ та-
кіе быстрые успѣхи, занимаясь ревностно, что скоро пре-
взошелъ своего учителя, который съ полною добросовѣст-
ностью признался въ этомъ. Такъ какъ у лѣсныхъ обита-
телей часто недоставало бумаги, черниль и перьевъ, то
материаломъ для письма въ этихъ случаяхъ служилъ мѣль
или полуобугленная деревянная палочка, и вскорѣ маль-

чикъ умѣлъ уже не только написать свое имя, но и писать письма сосѣдямъ, что ему доставляло большое удовольствіе, по причинѣ сознанія своей пользы и даже необходимости для окружающихъ, которые часто обращались къ помощи маленькаго Авраама. Любознательность Линкольна мало находила для себя пищи, хотя и проявлялась при каждомъ удобномъ случаѣ. Онъ съ жадностью читалъ и перечитывалъ всѣ книги, какія только могъ достать. Біографъ Линкольна разсказываетъ слѣдующую подробность, показывающую, въ какой сильной степени была развита въ мальчикѣ какъ жажда къ знанію, такъ и честность. У сосѣдняго пастора Крауфорда онъ попросилъ прочесть «Жизнь Вашингтона», которая и была ему дана подъ условiemъ самой строгой бережливости. Авраамъ не разлучался съ книгой на работѣ въ полѣ и, чтобы всегда имѣть ее по близости, пряталъ въ дупло, въ той уверенности, что тамъ она лучше сохранится. Между тѣмъ, отъ сильного дождя, книга была совершенно промочена и испорчена. Несмотря на всѣ свои усилия, Линкольнъ не могъ исправить бѣду; заплатить было нечѣмъ, юноша отправился къ Крауфорду съ повинной головой и вызвался заработать стоимость книги; такимъ образомъ, онъ жаль хлѣбъ вмѣстѣ съ другими рабочими въ теченіе нѣсколькихъ дней, и затѣмъ уже получилъ книгу въ собственность. Другою характеристическою чертою Авраама было то, что онъ почти не принималъ участія въ играхъ своихъ товарищѣй, которые обращались къ нему только для разбирательства своихъ ссоръ, такъ что онъ прослылъ между ними «миротворцемъ». Далѣе, въ дѣтскомъ періодѣ жизни Линкольна мы уже не находимъ учебныхъ занятій, которыя ограничились и на новомъ мѣстѣ жительства рѣдкимъ посѣщеніемъ школы, основанной какимъ-то заїзжимъ учителемъ. Затѣмъ ему нужно было работать для поддержанія себя, а всѣ позднейшія свои свѣдѣнія онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, безъ всякой посторонней помощи, стараясь

при каждомъ удобномъ случаѣ заниматься своимъ умственнымъ развитиемъ.

Достигнувъ девятнадцати лѣтъ, молодой Линкольнъ принялъ предложеніе своего сосѣда, Питта, поступить въ работники на барку его, которая отправлялась по Миссисипи въ Новый Орлеанъ съ деревомъ и сѣстными припасами. Пришлось испытывать новую жизнь, полную трудностей, но вмѣсть съ тѣмъ веселую и свободовую. По дорогѣ на Линcolна и его товарищемъ нападали бѣглые негры, скрывавшіеся отъ жестокостей своихъ владѣльцевъ. Линкольнъ счастливо отбился отъ нихъ и, благополучно кончивъ свою первую большую работу на новомъ поприщѣ, возвратился на родину, гдѣ вѣсти объ удачномъ минувшемъ всѣхъ опасностей плаванія еще болѣе укрѣпили всеобщее довѣріе къ честному и дѣятельному характеру молодого человѣка.

Между тѣмъ отецъ его, по своимъ дѣламъ, долженъ былъ оставить и Индіану и переселиться еще далѣе къ западу, въ новый штатъ Иллинойсъ; Авраамъ, которому было тогда 21 годъ, дѣятельно помогалъ семейству устроиться на новомъ мѣстѣ; для постройки фермы онъ нарубилъ и обтесалъ нѣсколько тысячъ кольевъ, которымъ впослѣдствіи суждено было играть важную роль въ его жизни, при избраніи Линкольна въ кандидаты на президентство со стороны республиканской партіи. Въ первую же заму въ Иллинойсѣ выпалъ глубокій снѣгъ, покрывавшій землю на три фута вышины; сообщенія между отдельными поселками почти прекратились. Тогда молодой и сильный Авраамъ отправлялся изъ фермы въ ферму на лыжахъ, ходилъ на охоту, и такимъ образомъ доставлялъ и своему семейству, и сосѣдямъ все нужное, вслѣдствіе чего хорошая молва о немъ быстро распространялась по окрестности.

На слѣдующій годъ молодой Линкольнъ отправился уже въ сосѣдній городъ и тамъ работалъ, гдѣ что случалось. Получивъ тогда же еще заказъ доставить барку съ това-

рами въ Нью-Орлеанъ, Линкольнъ на пути былъ свидѣтелемъ многихъ возмутительныхъ сценъ варварскаго обращенія рабовладѣльцевъ съ неграми, и мысль объ этой язвѣ отечества запала глубоко въ душу молодого человѣка. Исправное исполненіе взятыхъ на себя порученій пріобрѣло Линкольну полную довѣренность со стороны торговца, который его нанималъ на барку, такъ что вскорѣ молодому Аврааму предложено было уже мѣсто приказчика въ городкѣ Нью-Салемъ; въ новомъ званіи, Линкольнъ продолжалъ обращать на себя вниманіе и привлекать покупателей въ лавку своею честностью и обходительностью, такъ что заслужилъ себѣ прозваніе «честнаго Авраама». При всемъ томъ, такія занятія были не по душѣ молодому Линкольну, который искалъ болѣе широкаго круга дѣятельности. Случай къ этому скоро представился, хотя самъ по себѣ былъ и не особенно значителенъ. Послѣдовало нападеніе на Иллинойсъ состѣннѣхъ индійскихъ племенъ: всеобщее довѣріе къ Линкольну въ Нью-Салемѣ выразилось тѣмъ, что въ ротъ волонтеровъ, куда поступилъ и онъ, его выбрали капитаномъ. Хотя въ дѣйствительномъ сраженіи ему не пришлось участвовать, но это назначеніе все-таки показало, какую общую любовь заслужилъ Линкольнъ между товарищами, какъ безукоризненно и мужественно исполнялъ онъ свою должностъ, вынося разныя лишенія и затрудненія.

По окончаніи похода, Линкольнъ, возвратившись еще разъ къ торговымъ занятіямъ, хотѣлъ дѣйствовать самостоитѣльно и потерпѣлъ неудачу, которая невыгодно отозвалась на его денежныхъ средствахъ. Тогда онъ рѣшился посвятить себя занятію правомъ, намѣреваясь сдѣлаться адвокатомъ. Но такъ какъ время изученія юридическихъ наукъ, несмотря на все прилежаніе Линкольна, не могло бы быть коротко, то ему нужно было все-таки пріискать другую работу для поддержанія своего существованія. Съ этой целью онъ принялъ предложеніе мѣстнаго земле-

мѣра относительно занятій межеваніемъ земли въ окрестностяхъ Нью-Салема, хотя и не имѣть нужныхъ для этого дѣла геометрическихъ свѣдѣній. Познанія эти, впрочемъ, при помощи желѣзного трудолюбія Линкольна, были пріобрѣтены; онъ запасся нужными инструментами и ревностно принялъся за занятіе, которое доставило ему хорошия выгоды, такъ какъ онъ всегда исполнялъ добросовѣстно каждое дѣло, за которое брался, а спросъ на землемѣровъ въ Иллинойсѣ въ то время былъ великъ. Конечно, занятія эти, кромѣ специальныхъ познаній и добросовѣстности, требовали еще и неутомимости, готовности выносить разнородныя лишенія: при странствованіи по полямъ и лѣсамъ, Линкольнъ однажды даже едва не утонулъ. Землемѣрныя занятія молодого человѣка кончались въ то самое время, когда его юридическая познавія подвинулись уже настолько, что онъ могъ выдержать экзамень для пріобрѣтенія званія адвоката. Это было въ 1836 году. Тогда Линкольнъ окончательно избралъ поприще для своей дѣятельности, до выступленія впослѣдствіи на политическую арену. Такимъ образомъ до двадцати-семи лѣтъ отъ роду онъ уже былъ дровосѣкомъ, рабочимъ на баркахъ, приказчикомъ въ лавкѣ, капитаномъ ополченія, землемѣромъ, на короткое время дѣлался почтмейстеромъ, и наконецъ сталъ юристомъ. Но для достиженія адвокатскаго званія ему пришлось вынести новые и сильные труды: по недостатку времени, употребляемаго днемъ на работу, составлявшую источникъ существованія Линкольна, онъ занимался изученіемъ законовѣдѣнія уже ночью, отрывая каждыя сутки нѣсколько часовъ отъ сна. Сверхъ того, огромныя трудности предстояли при самомъ изученіи американскихъ законовъ, которые, подобно англійскимъ, не сведены въ одинъ кодексъ, такъ что всѣ отдельные акты и узаконенія будущий адвокатъ долженъ быть изучать въ ихъ неразработанномъ видѣ. Но Линкольнъ обладалъ непреклонною волей и твердой рѣшимостью улучшить свое положеніе и успѣть

достигнуть своей цѣли. Подобный взглядъ на трудъ, какъ на преоблаающую силу, которая одна только даетъ значеніе каждому личному положенію, Линкольнъ сохранилъ во всю жизнь. Его образъ мыслей въ этомъ отношеніи хорошо характеризуется отвѣтомъ, даннымъ европейскому офицеру, который поступилъ на службу въ одинъ изъ американскихъ полковъ и на аудіенціи у президента Линкольна замѣтилъ ему, что «принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ». — «О, — отвѣчалъ ему Линкольнъ, — это не можетъ повредить вашей службѣ у насъ». Приведемъ еще выдержку изъ позднѣйшей рѣчи Линкольна, въ которой онъ излагаетъ свое мнѣніе, какимъ образомъ человѣкъ долженъ достигать самостоятельности. «Когда молодой человѣкъ достигаетъ такого возраста, въ который онъ уже выходитъ изъ-подъ опеки, и притомъ, вмѣсто капитала, имѣть только двѣ сильныя руки, данныя ему Богомъ, и ревностное желаніе трудиться, соединенное со свободой выбора самого труда, при неимѣніи ни заранѣе опредѣленнаго предмета занятій, ни земли, — тогда онъ долженъ искать случая достать работу по найму, который бы могъ хорошо вознаградить его за трудъ. Благодаря праву свободно выбирать себѣ предметъ труда, онъ можетъ работать усердно, жить умѣренно, и результатомъ этого, чрезъ годъ или два, явятся уже небольшія деньги. Тогда онъ покупаетъ землю, обзаводится хозяйствомъ, жениится, съ теченіемъ времени составляетъ себѣ капиталъ, и самъ уже ванимаетъ работниковъ, которые, въ свою очередь, такимъ же путемъ будутъ добиваться самостоятельности».

Этотъ путь, конечно, нельзя принимать буквально даже по отношенію къ американской жизни: даже въ этой странѣ свободной гражданской дѣятельности успѣхъ не всегда достигается безпрепятственно и въ короткое время; самъ Линкольнъ частію можетъ служить этому примѣромъ. Тамъ болѣе усложняются препятствія на этомъ пути въ примѣ-

ненія къ Старому Свѣту, хотя основной принципъ все-таки остается совершенно вѣренъ и особенно знаменателенъ въ словахъ Линкольна, который самъ служилъ ему прекраснымъ примѣненіемъ. Трудомъ Линкольнъ объяснялъ и решалъ тѣ общественные проблемы, которыхъ еще и въ наше время не окончательно разрѣшены практическі. Въ одномъ изъ своихъ президентскихъ посланій къ сѣверо-американскому конгрессу, онъ такимъ образомъ опредѣлялъ одинъ изъ важнейшихъ соціальныхъ вопросовъ, отношеніе между капиталомъ и трудомъ: «выше всего и впереди всего стоитъ трудъ, независимо отъ капитала: капиталъ есть не что иное, какъ плодъ труда, и никогда бы не существовалъ, если бы прежде него не было труда. Поэтому хотя капиталъ имѣетъ свои права, но трудъ стоитъ выше его и поэтому заслуживаетъ серьезнаго нашего вниманія».

Приписывая все значеніе человѣка его труду, и признавая, что человѣкъ недостоенъ пользоваться избыткомъ и благосостояніемъ, если оно не приобрѣтено честнымъ образомъ собственнымъ трудомъ его самого, Линкольнъ конечно не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому порядку вещей, при которомъ человѣческий трудъ дѣлается уже не средствомъ къ достижению самостоятельности, но простой механической силой, направленной на пользу другихъ людей, которые тѣмъ самымъ избавляются отъ необходимости трудиться. Изъ изложенного нами образа мыслей Линкольна уже виденъ взглядъ его на невольничество и понятны тѣ отношенія, въ какія онъ долженъ былъ стать къ этой извѣ великой американской республики. Отвращеніе его къ «домашнему учрежденію» усиливалось еще известными послѣдствіями невольничества, съ которыми Линкольнъ имѣть уже случай ознакомиться во время поездокъ по своей родинѣ въ молодыхъ лѣтахъ: это—возмутительные сцены жестокости при продажѣ «живыхъ рабочихъ силь» и самая гнусная безнравственность при распоряженіи человѣкомъ, какъ вѣцью.

Такимъ образомъ политические взгляды Линкольна на важнѣйшіе вопросы того времени уже установились, когда онъ въ концѣ 1834 г., еще до получения адвокатскаго званія, былъ избранъ въ члены законодательного собрания штата Иллинойсъ. Въ своемъ новомъ званіи онъ выказалъ большой ораторскій талантъ, сталъ на сторону передовой партии противъ невольничества; и, выбранный вновь въ 1838 и 1840 годахъ, по истеченіи прежнихъ сроковъ, сдѣлался вскорѣ предводителемъ своей партии и самою замѣчательною политическою личностью цѣлаго штата. Линкольнъ всѣми силами старался противодѣйствовать развитію «домашняго учрежденія», насколько это было возможно въ то время, безъ опасности для успѣха всего дѣла. Законодательное собраніе Иллинойса было все-таки слишкомъ тѣсно для его дѣятельности въ томъ смыслѣ, какъ желалъ Линкольнъ. Пріобрѣтенная имъ въ штатѣ популярность дала ему возможность быть избраннымъ въ 1846 году представителемъ Иллинойса въ Вашингтонскій конгрессъ, въ теченіе двухлѣтняго засѣданія въ которомъ Линкольнъ продолжалъ по-прежнему ратовать противъ невольничества, твердо держась, однако-жъ, на почвѣ законности, что заставило нѣкоторыхъ даже сомнѣваться въ искренности его вражды къ этому учрежденію; между тѣмъ разсмотрѣніе его свойствъ показываетъ, что этому чувству вражды мѣшало проявляться съ полною рѣзкостью только уваженіе къ законности и забота о величії общаго отечества, которому, въ случаѣ рѣшительныхъ мѣръ противниковъ рабства, постоянно угрожала междуусобная война, какъ это впослѣдствіи и случилось. Съ 1849 по 1854 годъ Линкольнъ, занятый воспитаніемъ своихъ дѣтей, удалялся отъ политической жизни, продолжая только адвокатскую дѣятельность.

На это поприще первоначально онъ выступилъ, какъ мы уже говорили, еще въ 1836 году, и хотя не получилъ другого юридического образования, кроме того, которое

самъ себѣ далъ, но вскорѣ пріобрѣлъ хорошую адвокатскую извѣстность въ Иллинойсѣ. Причина этого была та, что онъ съ необыкновенною проницательностью умѣлъ раскрывать неясность и запутанность въ каждомъ процессѣ, и, особенно сильный въ дѣлахъ защиты, сообщалъ талантливо-краснорѣчивымъ способомъ свое убѣжденіе и слушателямъ, которыхъ всегда умѣлъ заинтегровать и тронуть.

Талантъ Линкольна особенно выказался въ слѣдующемъ процессѣ, въ которомъ нашему адвокату пришлось не только защищать невинного, но и выполнять долгъ благодарности семейству, глава которого, по выходѣ молодого Линкольна изъ отеческаго дома, оказалъ ему большія услуги, принявъ къ себѣ молодого человѣка, пока тотъ еще не имѣлъ занятій. Старый Армстронгъ — таково было его имя— между тѣмъ умеръ, и единственной подпорой его вдовы остался ея старшій сынъ, который теперь и былъ обвиненъ въ убийствѣ. Обвиненіе было такъ опредѣленно и носило на себѣ такие признаки достовѣрности, что пріобрѣло себѣ совершенное довѣріе мѣстныхъ жителей. Самый фактъ преступленія состоялъ въ томъ, что одинъ юноша во время ночной сходки былъ лишенъ жизни въ возникшемъ спорѣ. Подъ вліяніемъ искусно направленнаго обвиненія, мѣстные жители припоминали разныя отдѣльные мелкие случаи изъ жизни молодого Армстронга, который вообще былъ мальчикъ довольно легкомысленный,— случаи, повидимому, подтверждавшіе его виновность. Раздраженіе населенія противъ предполагаемаго преступника возрасло до такой степени, что только тюрьма спасла его отъ народной ярости. Несчастный юноша впалъ въ состояніе совершенной безнадежности, и никто не сомнѣвался, что онъ будетъ осужденъ. Въ это время Линкольнъ въ письмѣ къ матери молодого человѣка вызвался разсмотрѣть дѣло ея сына и употребить все усилия къ спасенію его, если онъ окажется невиннымъ. Убѣдившись въ невинности Армстронга, Лин-

кольнъ, въ качествѣ его адвоката, прежде всего потребовавъ, чтобы дѣло было перенесено для обсужденія въ другой судебный округъ, гдѣ судь не могъ бы уже находиться подъ вліяніемъ всеобщаго предубѣжденія противъ обвиняемаго.

Въ своей защитительной рѣчи Линкольнъ прежде всего показалъ, что Армстронгъ, какъ видно изъ его прежней жизни, былъ существомъ хотя и необузданнаго характера, но вовсе не порочнымъ. Затѣмъ обнаружилъ, что между обвинителемъ и обвиненнымъ уже прежде были непріязненные отношенія. Наконецъ, обративъ вниманіе на время и мѣсто совершеннія преступленія, доказалъ сбивчивость объясненій свидѣтеля противъ молодого Армстронга. Свидѣтель этотъ, между прочимъ, сказалъ, что убийство совершено въ такой-то чась вечера и что самъ онъ, при свѣтѣ мѣсяца, видѣль, какъ обвиняемый нанесъ убитому смертельный ударъ. Линкольнъ опровергнулъ въ самомъ основаніи этотъ доводъ, доказавъ, что въ названный свидѣтель часъ мѣсяца еще не взошелъ. Ясная, убѣдительная рѣчь адвоката произвела уже дѣйствіе на слушателей. Тогда Линкольнъ съ такою силою стала обличать ложнаго свидѣтеля, разъясняя его недобросовѣстность, что тотъ, блѣдный, какъ смерть, долженъ быть удалиться изъ залы судебнаго заседанія. Обратившись, наконецъ, къ присяжнымъ, Линкольнъ со всею силою своего краснорѣчія представилъ имъ опасность осужденія невиннаго, напомнилъ имъ о собственныхъ ихъ дѣятяхъ и, когда солнце начало уже приближаться къ закату, кончилъ свою рѣчь восклицаніемъ: «Прежде чѣмъ это солнце закатится, лучи его сегодня должны освѣтить еще одного свободнаго человѣка!» Подсудимый, дѣйствительно, былъ объявленъ присяжными невиннымъ, и Линкольнъ могъ потомъ указать оправданному юношѣ и его матери на солнце со словами: «коно еще не сѣло, а ты уже свободентъ!»

Успѣхъ Линкольна въ адвокатской практикѣ все уве-

личивался, такъ что онъ, поправивъ свои средства, поселился на постоянное жительство въ Спрингфильдъ, главномъ городѣ штата Иллинойса, гдѣ и жилъ долгое время, пока не пришлось ему выступить на политическое по-прище. Пятнадцатимъ промежуткомъ отъ 1849 до 1854 года бывшій дровосекъ заключилъ свою адвокатскую дѣятельность и съ того времени не оставлялъ уже политической жизни до самой своей кончины.

Еще въ 1849 году рабовладѣльческая партія въ Союзѣ поднимала шумъ по поводу вступленія въ Союзъ новаго штата Калифорніи. До тѣхъ порь было 15 штатовъ свободныхъ и 15 невольничихъ. Калифорнія должна была дать перевѣсь той или другой партіи. Дѣло доходило почти до разрыва, но тогда еще успѣли уладить споръ взаимными уступками, которыя въ сущности однако-же больше приносили пользы югу. Калифорнія вступила въ Союзъ въ качествѣ свободного штата, но въ 1850 г. принять былъ законъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ даже изъ свободныхъ штатовъ, потомъ отмѣнена изстари установленная съверная граница рабства, и даже стараніями рабовладѣльческой партіи приняты карательныя мѣры за сочиненія противъ невольничества.

Видя такое усиленіе партіи рабства, друзья свободы, въ томъ числѣ и Линкольнъ, рѣшились энергичнѣе дѣйствовать противъ ненавистной имъ системы. При всемъ томъ Линкольнъ старался еще не отступать отъ конституціи. Чтобъ доставить торжество своей партіи, онъ жертвовалъ своимъ личнымъ честолюбiemъ, отказываясь вѣсколько разъ отъ почетныхъ назначеній, которыя выдвинули бы его впередъ скорѣ, но притомъ разъединили бы силы анти-невольнической партіи, чего Линкольнъ не допускалъ. Такъ въ 1854 г. онъ былъ кандидатомъ въ сенаторы, вмѣсть съ Трумболломъ, другимъ представителемъ либеральной партіи. Для усиленія ея, Линкольнъ самъ подалъ голосъ въ пользу Трумболла и убѣдилъ своихъ при-

верженцевъ сдѣлать то же. Потомъ онъ отказался отъ предложенія быть губернаторомъ въ Иллинойсѣ, чтобы не дать возможности усилиться своимъ политическимъ врагамъ. Наконецъ въ 1856 г. республиканская партія про-чила его, при новыхъ выборахъ, въ вице-президенты, но онъ отклонилъ и это предложеніе, подавъ самъ голосъ за представителя либеральной партіи Фремонта. Въ 1858 г. общее вниманіе приверженцевъ свободы негровъ въ цѣломъ союзѣ обратилось на Линкольна, по поводу борьбы его съ кандидатомъ рабовладѣльцевъ, Дугласомъ, за мѣсто сенатора въ конгрессѣ отъ штата Иллинойсъ. Оба соперникаѣдили по штату и произносили рѣчи съ изложениемъ своихъ принциповъ, назначали даже одинъ другому даспути передъ народомъ, на которыхъ побѣда оставалась на сто-ронѣ Линкольна, открыто объявившаго теперь себя пре-давнымъ дѣлу освобожденія. При подачѣ голосовъ, боль-шее число ихъ было подано за Линкольна, но они такъ распредѣлились по округамъ, что сенаторомъ сдѣлался все-таки Дугласъ. Для Линкольна это обстоятельство имѣло важность въ томъ отношеніи, что рѣчи его были прочи-таны всѣми; значеніе его, какъ вождя, было также по-нятто, и ближайшимъ результатомъ этого было то, что въ 1860 г. его предложили кандидатомъ въ президенты. Окон-чательное избраніе Линкольна въ кандидаты либеральной партіи произведено было удачнымъ напоминаніемъ народу о его прежней жизни и трудахъ въ качествѣ дровосѣка: два кола, украшенные цветами, съ надписью, гласившею, что они взяты изъ 3,000 кольевъ, обтесанныхъ Линколь-номъ, были показаны многочисленнымъ избирателямъ, и тогда же, при единодушномъ восторгѣ, Линкольнъ былъ провозглашенъ единственнымъ кандидатомъ либеральной партіи. Южные штаты такъ хорошо сознавали силу Лин-кольна, которую онъ почерпалъ изъ соединенія вражды къ невольничеству со строгою привязанностью къ законности и видимой умѣренности, что избраніе его въ президенты

Союза было сигналомъ къ объявленію рабовладѣльцамъ о выходѣ ихъ изъ Союза,—результатомъ чего, какъ известно, была ожесточенная четырехлѣтняя междоусобная война. Благотворнымъ слѣдствиемъ ея было, однако-же, то, что строго-легальный, но искренно-преданный дѣлу свободы Линкольнъ, пользуясь нарушеніемъ закона со стороны рабовладѣльцевъ, принялъ на себя починъ въ дѣлѣ уничтоженія невольничества на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Желая отклонить междоусобіе, Линкольнъ, при вступлении въ президентскую должность, обѣщалъ неприкословимость существующихъ правъ: онъ надѣялся примирительнымъ, но твердымъ образомъ дѣйствій достигнуть уступокъ со стороны юга, безъ употребленія насильственныхъ мѣръ, прѣбѣгать къ которымъ считалъ себя не въ правѣ, смотря на себя только какъ на исполнителя народной воли. Эти мирные его намѣренія встрѣчены были со стороны южныхъ штатовъ заявленіями вражды и ненависти,—носились даже тогда уже слухи о покушеніи на жизнь президента,—и въ четвертый годъ войны сѣверо-американскій конгрессъ узаконилъ отмѣну невольничества, какъ учрежденія, т. е. отмѣнилъ личную, юридическую зависимость негровъ отъ ихъ господъ.

Постепенного хода междоусобной войны, даже по отношенію къ личности Линcolна, мы описывать не будемъ: достаточно сказать, что во все время борьбы онъ оставался вѣренъ своимъ правиламъ: даже при значительныхъ неудачахъ сѣверныхъ войскъ онъ не падалъ духомъ, хотя дѣло сѣверныхъ штатовъ было дѣломъ всей жизни Линcolна; неутомимо продолжая давно задуманное дѣло освобожденія, онъ двигалъ его хотя постепенными, но вѣрными шагами къ желанному концу, безъ всякаго отступления при томъ отъ строгой законности; при побѣдѣ сѣверныхъ штатовъ онъ показалъ замѣчательную умѣренность къ побѣженнымъ, настаивая только на уничтоженіи раб-

ства и на вѣрности Союзу. Линкольнъ, несмотря на многочисленныя угрозы и обѣщанія убить его, не обнаруживъ ненависти къ врагамъ своимъ, а неуклонно продолжалъ трудиться надъ избраннымъ дѣломъ.

Извѣстно, что эти угрозы, къ несчастію, были приведены въ исполненіе. Освободитель миллионовъ, занятый устройствомъ возстановленнаго Союза, вскорѣ послѣ вторичнаго своего избрания въ президенты,—Линкольнъ былъ застрѣленъ подлымъ убийцею, актеромъ Бусомъ, въ театрѣ 14 апрѣля 1865 г., и на другой день скончался. Въ эту послѣднюю ночь, пока онъ лежалъ въ безпамятствѣ, жители Вашингтона, въ которомъ совершилось убийство, не спали: толпы народа окружали тотъ домъ, где находился раненый, съ тревожнымъ ожиданіемъ справляясь о положеніи честнаго человѣка.

По смерти его, весь Союзъ, т. е. всѣ пестинные граждане его, были погружены въ глубокую горесть. Но смерть Линкольна была потерей не только для американцевъ: практическія минуты для ихъ Союза уже прошли; первый и главный шагъ въ дѣлѣ уничтоженія рабства сдѣланъ, Союзъ возстановленъ; дальнѣйшее устройство возобновленной республики возложено уже на другого человѣка, который не замедлилъ показать на опыте, чего лишились въ Линкольнѣ его сограждане. Но смерть Линкольна, говоримъ мы, была потерей для всего свѣта, утратившаго въ немъ одного изъ лучшихъ людей, когда-либо существовавшихъ. Всегда простой и ласковый въ обращеніи, безукоризненно честный и въ частной и въ публичной дѣятельности, строгій приверженецъ законности, энергичный проповѣдникъ и воинъ свободы, ревностный труженикъ во всѣхъ званіяхъ—отъ дровосѣка до президента, — Линкольнъ, повидимому, никогда не отличался какими-либо особыми блестящими качествами; но онъ обладалъ однимъ качествомъ, заключающимъ въ себѣ всѣ прочія—энергическимъ и вѣрнымъ исполненіемъ своего долга въ отношеніи къ народу, къ государству и

къ частнымъ лицамъ. И за это-то основное свойство своей натуры скромный Линкольнъ долженъ быть призванъ однимъ изъ величайшихъ дѣятелей XIX столѣтія, подлежащихъ суду исторіи. Почтенное имя «старого Авраама» оставается образцомъ и для нашего, и для будущихъ поколѣній.

Что касается до проявленія энергіи въ русскомъ обществѣ, то уже по самому складу его и по малому развитію общественной жизни нельзѧ ожидать, чтобы примѣры этого качества могли быть часты. Русское общество, напротивъ, нерѣдко терпитъ упреки въ недостаткѣ энергіи, въ апатичности, которая будто-бы сдѣлалась кореннымъ свойствомъ русской патуры. Справедливѣе будетъ сказать, однако-жъ, что не природная лѣнность, но недостатокъ привычки къ дѣятельности служитъ причиной той апатичности, въ которой, позидимому, виновно русское общество. Въ рѣшительные минуты русскіе люди умѣли проявлять энергію, соотвѣтствующую обстоятельствамъ: такъ, Мининъ и Пожарскій въ 1612 году сгруппировали около себя народъ и способствовали изгнанію изъ Россіи непріятеля. То же самое было въ отечественную войну: энергія народная была возбуждена нашествіемъ французовъ и повела къ изгнанію ихъ изъ русской земли. Такимъ образомъ, мы видимъ, что это качество проявлялось въ народѣ при особыхъ обстоятельствахъ, во время какого-нибудь бѣствія общественаго: тогда одно общее чувство овладѣвало всей массой, такъ что отдѣльныя личности въ ней дѣлались незамѣтными. Напротивъ, тамъ, где успѣхъ дѣла зависѣлъ именно отъ энергіи отдѣльныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, въ различныхъ частныхъ предприятияхъ, рѣшеніяхъ, тамъ нерѣдко виденъ недостатокъ должной настойчивости въ доведеніи дѣла до конца: такъ, припомнимъ судьбу многочленныхъ обществъ трезвости, различныхъ компаний и т. п. Причина этого заключается, повторяемъ, единственно въ такомъ ходѣ исторической жизни народа, вслѣдствіе котораго

вообще частная личность въ Россіи не получила должнаго развитія, не имѣла повода выработать себѣ навыкъ къ энергической дѣятельности, а привыкнувъ въ дѣлахъ большей важности ожидать вчинанія отъ правительства, переносила ту же неподвижность и въ дѣла менѣе важныя, которыя уже исключительно должны зависѣть отъ личной энергической инициативы. Внесеніе въ русскую жизнь энергичности, силы воли, составляющей необходимое условіе успѣха во всякаго рода дѣятельности, обусловливается болѣе близкимъ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, чого прежде не было. Въ настоящее время видны задатки, которые обѣщаютъ лучшую будущность въ этомъ отношеніи. Развивающееся русское земство послужитъ разсадникомъ людей, заинтересованныхъ въ благѣ отечества не на словахъ только, не въ газетныхъ изліяніяхъ, но самимъ дѣломъ. Необходимость охранять интересы общества вызоветъ напряженіе воли въ этомъ направлениі, а привычка къ энергической дѣятельности въ земскомъ дѣлѣ повлечетъ за собою распространеніе этого качества въ частныхъ предприятияхъ и дальнѣйшее развитіе его въ русскихъ людяхъ путемъ воспитанія и опыта.

ГЛАВА VIII.

КАЧЕСТВА ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА.

Определение дѣлового человѣка по Газлитту.—Необходимыя качества дѣлового человѣка.—Геніальные люди и дѣльцы.—Шекспиръ, Чaucеръ, Спенсеръ, Мильтонъ, Куперъ, Скоттъ, Вордсвортъ, Рикардо, Гротъ, Милль.—Слова лорда Мальбурна.—Причины неудачъ.—Докторъ Джонсонъ.—Практичность необходима въ дѣлахъ.—Внимательность къ мелочамъ.—Точность, скорость, сбереженіе времени.—Джемсъ Фоксъ.—Методъ.—Энергія, тактъ.—Что такое рутинѣ?—Герцогъ Веллингтонъ.—Честность — лучшая политика.—Давидъ Берклей.—Ришаръ Ленуаръ.—Нѣсколько словъ о дѣловомъ человѣкѣ въ русскомъ обществѣ.

Газлиттъ, въ одномъ изъ своихъ очерковъ, изображаетъ дѣлового человѣка чѣмъ-то въ родѣ такого существа, которое какъ-бы приковано къ известному промыслу или профессіи; вся обязанность этого существа, по определенію Газлитта, состоять въ томъ, чтобы не уклоняться отъ избитой колеи, а просто предоставить дѣла ихъ обычному теченію. «Главное требование,—говорить онъ,—для успѣшнаго хода занятій дѣлового человѣка, заключается въ обузданіи воображенія и вообще всякихъ идей, кроме тѣхъ, какія внушаются понятіями обычая и интереса въ самомъ узкомъ ихъ смыслѣ». Но определеніе это въ высшей степени односторонне и ложно. Конечно, нельзя отрицать существованія ограниченныхъ дѣловыхъ людей, такъ-же какъ и вообще недалекихъ ученыхъ, литераторовъ и законода-

телей; но должно замѣтить, что въ числѣ первыхъ всегда найдутся люди со свѣтлымъ умомъ и со способностью дѣйствовать на самомъ широкомъ поприщѣ. Боркъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, сказалъ, что онъ зналъ государственныхъ людей и великихъ политиковъ, которые были прежде торговцами и разносчиками. Припомнить тѣ качества, какія нужны дѣловому человѣку, какъ, напримѣръ, ловкость, быстрота дѣйствій въ непредвидѣнныхъ случаяхъ, способность управлять ходомъ работъ большого числа людей, тактъ, знаніе человѣческой натуры, постоянное саморазвитіе и значительная опытность въ дѣлахъ практической жизни, — мы должны признать несомнѣннымъ, что школа практической дѣятельности вовсе не такъ узка, какъ думаютъ некоторые писатели.

Гельпсъ гораздо больше приближается къ истинѣ, говоря, что настоящіе дѣловые люди почти столь же рѣдки, какъ великие поэты или какъ святые и мученики. Въ самомъ дѣлѣ, ни къ какому другому роду дѣятельности, кроме этого, не можетъ быть съ большою справедливостью примѣнено известное выразительное изреченіе: «трудъ создаетъ человѣка».

Невѣжды увѣряютъ вообще, что геніальные люди неспособны къ практической дѣятельности. Въ примѣръ противаго мы можемъ привести Шекспира, который, успешно занимаясь управлѣніемъ театра, кажется, даже болѣе гордился своими практическими способностями въ этомъ отношеніи, чѣмъ успѣхами и славою драматического писателя. Казалось, онъ былъ совершенно равнодушенъ къ своей литературной репутаціи. Извѣстно, что онъ не пропускалъ къ изданію ни одной ничтожной піесы, предварительно не просмотрѣвъ ее, и покинувъ свои занятія по театру не прежде, какъ убѣдившись, что удаленіе его въ свой родной Стратфорть на Аvonъ не можетъ повредить дѣлу.

Чаусеръ съ ранней молодости былъ солдатомъ, а вслѣдствіи дѣятельнымъ начальникомъ таможни и инспекто-

ромъ надъ казенными землями и лѣсами. Спенсеръ выказалъ чрезвычайные способности въ званіи секретаря лорда, намѣстника Ирландіи. Исаакъ Ньютона былъ смотрителемъ монетнаго двора: въ 1694 году чеканили деньги подъ его личнымъ наблюдениемъ. Куперъ, Вордсвортъ и Вальтеръ-Скоттъ были великими писателями и въ то же время не пренебрегали простыми, обыденными занятіями. Давидъ Рикардо соединялъ въ себѣ качества глубокаго мыслителя и ученаго въ области политической экономіи, выѣсть съ обыкновенными способностями коммерческаго человѣка. Гротъ, историкъ Греціи, не что иное какъ лондонскій банкиръ. Джонъ Стюартъ Милль, знаменитый англійскій мыслитель, по возвращенію изъ Индіи, гдѣ онъ состоялъ на службѣ Остъ-Індской компаніи, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе своихъ сослуживцевъ не какъ ученый, а какъ добросовѣстный исполнитель тѣхъ обязанностей, какія на него возлагались официальнымъ положеніемъ. Существуетъ только одинъ вѣрнѣйшій путь къ достижению успѣха въ какихъ бы то ни было занятіяхъ — это путь труда. Человѣкъ, принимающійся за какое-нибудь дѣло, не долженъ разсчитывать на счастливый случай, но обязанъ полагаться единственно на свои силы. Лордъ Мельбурнъ говорилъ: «Молодой человѣкъ, пролагающій себѣ дорогу, не долженъ разсчитывать на постороннюю помощь: все зависитъ отъ него самого,—стоитъ только потрудиться». Болѣе полезно для человѣка достигнуть успѣха тяжкимъ путемъ труда, чѣмъ получить этотъ успѣхъ готовымъ посредствомъ какого-нибудь счастливаго стеченія обстоятельствъ. Такъ, одинъ знаменитый судья, на вопросъ, какимъ путемъ легче всего пріобрѣтается успѣхъ на поприщѣ адвокатуры, сказалъ: «Нѣкоторые достигаютъ успѣха посредствомъ талантовъ, другіе чрезъ высокія родственные связи, но большинство начинаетъ безъ гроша».

Въ Манчестерѣ сложилось въ обществѣ такого рода понятіе: успѣшаще всего идутъ дѣла у тѣхъ, кто начинаетъ

работать безъ всякаго состоянія, а кто принимается за известное дѣло, имѣя уже обеспеченіе, тотъ часто теряетъ все. Намъ случилось слышать объ одномъ даровитомъ архитекторѣ, который усовершенствовалъ свое развитіе продолжительнымъ ученіемъ и путешествіемъ въ классическихъ странахъ Востока и который все-таки вернулся на родину, чтобы начать практику своей профессіи. Онъ рѣшился начать гдѣ бы то ни было, лишь бы только заниматься, и поэтому взялъ на себя цѣла по сломкѣ зданій, — одну изъ самыхъ грубыхъ и наименѣе прибыльныхъ отраслей архитекторской дѣятельности. Слѣдя голосу здраваго смысла, онъ рѣшился исключительно работой прокладывать себѣ путь, и такимъ образомъ самъ шелъ впередъ. Въ одинъ жаркий юльскій день другъ архитектора нашелъ его сидящимъ верхомъ на крышѣ дома и ревностно занятымъ дѣломъ разрушенія. Протянувъ руки къ своему вспотѣвшему лицу, онъ вскричалъ: «Вотъ превосходное занятіе для человѣка, изѣздившаго всю Грецію!» Какъ бы то ни было, онъ дѣлалъ свое дѣло успешно, усердно занимаясь имъ, пока не поднялся на болѣе прибыльныя степени архитекторскихъ занятій: впослѣдствіи ему удалось достигнуть такимъ же путемъ и до высшаго шага въ своей профессіи. Нужда также можетъ считаться однимъ изъ самыхъ возбуждительныхъ средствъ къ трудолюбію, а въ особенности съ благоразумiemъ, усердiemъ къ труду и энергіей, она несомнѣнно ведетъ къ успѣху. Глядя на нужду съ этой точки зрѣнія, мы придемъ къ тому заключенію, что она есть источникъ прогресса для частныхъ лицъ и цивилизациіи для цѣлыхъ націй. Въ самомъ дѣлѣ, если бы человѣку все въ жизни удавалось безъ труда и борьбы, если бы все желанія его исполнялись, и все надежды осуществлялись немедленно, то жизнь могла бы ему скоро опротивѣть, и мечты потеряли бы всю свою прелесть. Рассказываютъ, что однажды маркизъ де-Синола спросилъ Горация Вере: отчего умеръ его братъ? Вере отвѣчалъ: «Сэръ, онъ умеръ

отъ скучи, отъ нечего дѣлать». — «О, да,—согласился Спинола,—этой причины достаточно, чтобы убить каждого изъ насъ».

Лѣнивый приписываетъ свои неудачи всему, исключая действительной причины ихъ, т.-е. своего собственного отвращенія къ труду; такой человѣкъ, принимая видъ угнетенной невинности, обыкновенно всѣхъ и каждого упрекаетъ въ своей бѣдности. Еще недавно какой-то господинъ издалъ книгу, въ которой описалъ всѣ свои неудачи въ различныхъ предпріятіяхъ, довольно наизнанку замѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не зналъ даже таблицы умноженія. Ламартинъ также не стѣснялся открыто признаться въ своемъ глубокомъ презрѣніи въ ариѳметикѣ, хотя, конечно, еслибы такое чувство въ немъ было менѣе сильно, то намъ не пришлось бы быть свидѣтелями того не совсѣмъ приличнаго зрѣлища, какъ почитатели знаменитаго поэта должны были собрать подпиську для поддержки его существованія.

«Бѣдность—глупость»,—говорятъ русскіе, и въ самомъ дѣлѣ, люди, жалующіеся на недостатки, большую частью сами бываютъ беспечны и нетрудолюбивы. Докторъ Джонсонъ говорилъ: «Всѣ жалобы на судьбу несправедливы; мы сами бываемъ причиной нашихъ несчастій; я не зналъ ни одного достойнаго человѣка, который бы обиженъ жизнью. Каждый человѣкъ имѣетъ свои индивидуальные способности, которыхъ онъ обязанъ разработать для того, чтобы внести свою, хотя самую малую, лепту въ общую сокровищницу труда».

Терпѣніе, прилежаніе, аккуратность—вотъ необходимыя качества для успѣшнаго веденія всякаго дѣла. Повидимому, это не важные достоинства, но они имѣютъ огромное значеніе по отношенію къ благосостоянію человѣка и къ пользѣ, которую онъ можетъ приносить обществу; тѣмъ болѣе, что вся наша жизнь состоитъ изъ мелочей, и люди, пренебрегающіе мелочами, неспособны ни на какое дѣло.

Рассказываютъ слѣдующій характеристическій анекдотъ

объ одномъ манчестерскомъ купцѣ, купившемъ богатое помѣстье у знатнаго лорда. «Принимая во владѣніе купленное мною у васъ имѣніе съ домомъ и со всѣмъ, въ немъ находящимся, — сказалъ онъ, — я не нахожу здѣсь одной шкатулки, значащейся въ описи». — «Да, это я приказалъ ее вынести, полагая, что вы не замѣтите отсутствія этой бездѣлки», — отвѣчалъ вельможа. «Милордъ, — возразилъ похутицъ, — еслибъ я не обращалъ вниманія на мелочи, то, конечно, не въ состояніи былъ бы теперь пріобрѣсть это ломѣстѣе, и, простите меня за смѣлость, если я скажу, что при большемъ вниманіи къ тѣмъ же мелочамъ, вы, можетъ быть, не принуждены бы были продать свое имѣніе». Приведенные нами примѣры великихъ тружениковъ въ различныхъ областяхъ промышленности, искусства и науки дѣлаютъ излишнимъ дальнѣйшія доказательства важности, какую имѣть во всякомъ жизненномъ положеніи настойчивое прилежаніе. Ежедневный опытъ показалъ, что неутомимое вниманіе къ мелочнымъ предметамъ лежитъ въ основаніи всякаго человѣческаго прогресса, и что прилежаніе, въ особенности, есть источникъ благополучія. Весьма важный предметъ и вѣрный знакъ хорошаго воспитанія человѣка составляетъ также аккуратность — въ наблюденіи, въ разговорѣ, въ дѣловыхъ оборотахъ. Каждая часть извѣстнаго дѣла должна быть сдѣлана хорошо; лучше исправно сдѣлать небольшую работу, нежели не отдать въ десять разъ большую. Мудрецъ говорить: «должно меныше останавливаться, чтобы скорѣе достигнуть конца».

Между тѣмъ на это въ высшей степени важное начество, — аккуратность, вообще слишкомъ мало обращаютъ вниманія. Одинъ знаменитый въ практической наукѣ человѣкъ замѣтилъ: «Удивительно, какъ мало я встрѣчалъ въ теченіе моей жизни такихъ людей, которые могутъ точно опредѣлять фактъ. Между тѣмъ въ серьезныхъ дѣлахъ тотъ или другой способъ вести даже какую-нибудь мелкую часть дѣла часто склоняетъ людей за или противъ васъ;

человѣкъ, даже добродѣтельный, даже обладающій способностями въ другихъ отношеніяхъ, но неаккуратный, не можетъ внушать къ себѣ довѣрія; его дѣло нужно пересматривать вновь, и онъ такимъ образомъ становится причиной безконечныхъ хлопотъ, огорченій и беспокойства».

Знаменитый Чарльзъ Дженсъ Фоксъ, занимая важную должность въ государствѣ, въ то же время старательно учился чистописанію, подобно простому школьніку. Методъ дѣйствія также составляетъ весьма существенное качество работы и даетъ возможность хорошо исполнить даже большое количество ея. Ричардъ Сесиль сказалъ: «Методъ подобенъ вещамъ, укладываляемымъ въ ящикъ; хороший укладчикъ сумѣетъ уложить вдвое болѣе, чѣмъ дурной». Онъ же говорилъ, что «кратчайшій путь къ тому, чтобы сдѣлать много дѣлъ, заключается въ совершенномъ окончаніи каждого изъ нихъ», и поэтому, онъ никогда не оставлялъ извѣстнаго занятія неоконченнымъ, съ тѣмъ чтобы въ болѣе свободное время опять возвратиться къ нему. Когда дѣло было спѣшное, то онъ предпочиталъ лучше жертвовать часами обѣда и вообще отдыха, чѣмъ упустить какую бы то ни было часть этого занятія. Скорость пріобрѣтается навыкомъ. Одинъ французскій министръ, равно замѣчательный и по скорости веденія своихъ дѣлъ, и по умѣнью постоянно слѣдить за удовольствіями,—на вопросъ, какимъ образомъ онъ успѣваетъ соединить эти два разнородные предмета,—отвѣчалъ: «Только потому, что никогда не откладываютъ до завтра того, что можно сдѣлать сегодня». Таково же было и правило лорда Брума. Къ несчастію, есть много людей, не слѣдующихъ этому правилу,—людей беспечныхъ и потому терпящихъ неудачу въ своихъ дѣлахъ. Подобные люди склонны, кромѣ того, полагаться на повѣренныхъ, которыми бывають иногда лица, вовсе не заслуживающія довѣрія. О важныхъ дѣлахъ человѣкъ долженъ всегда заботиться самъ. «Если вамъ нужно, чтобы дѣло ваше было сдѣлано, — говорить пословица, — сдѣлайте

его сами; если же вамъ этого не надо, то пошлите кого-нибудь другого». У одного лѣниваго господина было помѣстье, приносившее доходу около 500 фунтовъ въ годъ. Взявшись въ долги, онъ продалъ половину помѣстья, а остальное предоставилъ на 20 лѣтъ трудолюбивому фермеру. При концѣ срока фермеръ, прия для уплаты арендныхъ денегъ, спросилъ у владѣльца, не желаетъ ли онъ продать ферму. «Развѣ вы хотите ее купить?» — спросилъ тотъ въ изумлениі. — «Да, если мы сойдемся въ цѣнѣ». «Это въ высшей степени странно,—замѣтилъ помѣщикъ,—скажите мнѣ, пожалуйста, какъ это могло случиться, что я не могъ жить, владѣя вдвое большимъ количествомъ земли, за которую не платилъ никакой ренты, тогда какъ вы аккуратно уплачивали мнѣ за ферму 200 фунтовъ въ годъ и сверхъ того, по истечениіи немногихъ лѣтъ, уже въ состояніи купить ее». — «Причина очевидна, — возразилъ тотъ, — вы, лежа дома, пользовались своимъ имѣніемъ, я же вставалъ рано утромъ и заботился о дѣлѣ».

Вальтеръ-Скоттъ писалъ одному молодому человѣку, занимавшему видное положеніе въ свѣтѣ и просившему его совѣта: «Избѣгайте частаго свободнаго времени, трудитесь неутомимо, позволяйте себѣ отдыхъ только посмѣ работы. Если вы разъ допустите застой въ дѣлахъ, то вамъ уже несравненно тяжелѣе будетъ привести ихъ въ порядокъ». Дорожа временемъ, мы поймемъ всю важность трудолюбія. Одинъ итальянскій философъ называлъ время своимъ имуществомъ, которое однакожъ не приноситъ дохода безъ употребленій въ дѣло, а, получивъ полезное назначеніе, всегда съ избыткомъ вознаградитъ затраченный трудъ. Вообще замѣчено, что никогда люди не бывають такъ недовольны, какъ во время бездѣйствія. Такъ, одинъ старый капитанъ, какъ-только замѣчалъ въ своихъ матросахъ склонность къ пеполовиновенію и буйству, тотчасъ же приказывалъ сняться съ якоря.

Люди дѣловые говорятъ обыкновенно, что время—деньги, См. статью, Т. II. самодѣятельность.

но будетъ вѣрнѣе сказать, что оно цѣнѣе денегъ: если бы тѣ часы, которые мы теряемъ обыкновенно въ бездѣствіи, посвящались саморазвитію, то черезъ нѣсколько лѣтъ нѣвѣжда сдѣлался бы образованнымъ человѣкомъ и полезнымъ членомъ общества. Нельсонъ говорилъ: «Я обязанъ своимъ успѣхомъ тому, что не тратилъ даромъ ни одной четверти часа». Каждую утрату вообще можно вознаградить: потерю состоянія—новымъ трудомъ, потерю знаній—новымъ изученіемъ, потерю здоровья—воздержаніемъ и медицинскими пособіями, но потеря времени уже ничѣмъ незамѣнна.

Точность или аккуратность тоже великое достоинство. «Точность,—говорилъ Людовикъ XIV,—есть вѣжливость королей». Вообще, исправность — долгъ каждого человѣка, а для человѣка дѣлового это—необходимость. Ничто не внушаетъ такого сильнаго довѣрія къ человѣку, какъ его точность. Если мы дорожимъ своимъ временемъ, то также цѣнимъ его и у другихъ, и этимъ, конечно, доказываемъ свое уваженіе къ трудамъ ближняго. Основываясь на всѣхъ приведенныхъ доказательствахъ необходимости соблюдать исправность въ дѣлахъ, мы придемъ къ тому заключенію, что, кто попусту теряетъ время, тотъ ничего не достигнетъ. Когда секретарь Вашингтона, извиняясь въ опаздываніи, ссылался на то обстоятельство, что часы его отстаютъ, то получилъ слѣдующій короткій отвѣтъ: «если такъ, то вы должны купить другіе часы, или я долженъ буду взять другого секретаря».

Неисправный человѣкъ не только самъ ни въ чёмъ не успѣваетъ, но и мѣшаетъ всѣмъ другимъ, кто только съ нимъ имѣеть дѣло. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, какъ подобные люди регулярны только въ одномъ: они систематически опаздываютъ; являются къ вамъ именно въ то время, когда вы уже ушли, прѣѣжаютъ на желѣзную дорогу тогда, когда поѣздъ тронулся, и отсылаютъ свои письма въ то время, когда почта уже ушла. Отъ всей этой

неурядицы, конечно, страдаютъ тѣ лица, которые имѣютъ къ нимъ какія-либо отношенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, достойно удивленія, какъ много можетъ успѣть сдѣлать предпріимчивый и трудолюбивый человѣкъ! Вспомнимъ опять лорда Брума. Исполнняя обязанности по своей высокой должности президента палаты пэровъ и лорда-канцлера, онъ еще находилъ возможность участвовать въ восьми или десяти ассоціаціяхъ и всегда являлся первымъ на митингѣ.

Одно изъ важнѣйшихъ условій для успешнаго веденія дѣлъ — есть особый дѣловoy тактъ. Трудно рѣшить, слѣдуетъ ли отнести его къ природнымъ способностямъ или къ качествамъ, пріобрѣтаемымъ опытомъ и наблюдениемъ; но вѣрно то, что люди, обладающіе этою способностью, быстро схватываютъ сущность дѣла и извлекаютъ изъ него возможную пользу. Такіе люди освѣщаются трудомъ и служатъ двигателями общества и источникомъ прогресса. Навыкъ и практика — также хорошиe помощники въ нашихъ занятіяхъ, но одного навыка недостаточно: необходимо внимательно слѣдить и вдумываться въ каждое встрѣчающееся явленіе.

Изъ сказанного выходитъ, что главнымъ условиемъ успешнаго хода дѣла служить усидчивое вниманіе къ мелочнымъ подробностямъ его, — короче, къ тому, что обыкновенно называютъ рутиной. Съ этой точки зреянія, аккуратность, контроль надъ самимъ собою, пунктуальность, порядокъ, даже платежъ долговъ, — все будетъ рутиной. Безъ сомнѣнія, слѣпая, безтолковая рутина составляетъ препятствіе дѣлу, но мудрое уваженіе къ принятymъ правиламъ значительно облегчаетъ ходъ дѣла, потому что въ предпріятіяхъ общирныхъ оно одно только способно противодѣйствовать опрометчивости и неспособности отдельныхъ лицъ. Въ такихъ случаяхъ, гдѣ дѣло находится въ рукахъ одного лица, какъ, напримѣръ, въ предпріятіяхъ торговыхъ и промышленныхъ, должна быть большая быстрота въ дѣйствіи и менѣе надобности въ устраненіи

препятствий, потому что хозяинъ дѣла не долженъ совѣтovаться ни съ кѣмъ, кроме себя самого. Но гдѣ единоличный интересъ играетъ менѣе дѣятельную роль, и гдѣ огромная дѣловая машина — принадлежитъ ли она правительству или корпораціи—управляется наемщиками, тамъ порядокъ необходимо усложняется различными препятствіями: потому что, несмотря на честность огромнаго большинства людей, совершенно необходимо принимать мѣры противъ возможности плутовства со стороны наемныхъ рабочихъ.

Знаменитый герцогъ Веллингтонъ былъ превосходнымъ практикомъ, потому что обладалъ всѣми качествами дѣлового человѣка. Его точность въ дѣлахъ была необыкновенна,—вотъ почему, можетъ быть, онъ не проигралъ ни одного сраженія. Будучи еще субалтерн-офицеромъ и не имѣя въ виду шансовъ на повышеніе, онъ сталъ просить лорда Кемдена, намѣстника Ирландіи, опредѣлить его въ казначейство. Конечно, еслибъ просьба его была удовлетворена, то онъ былъ бы первостепеннымъ дѣльцомъ, какъ могъ бы быть первостепеннымъ купцомъ или заводчикомъ, еслибъ избралъ такую дѣятельность. Но судьба распорядилась иначе и хотѣла, чтобы Веллингтонъ сдѣлался однимъ изъ великихъ британскихъ полководцевъ.

Онъ началъ свою военную карьеру въ Голландіи, подъ начальствомъ герцога Іорского и генерала Уольмодена.

Эдѣсь онъ, среди несчастій и пораженій, убѣдался, до какой степени дурное управление и невниманіе къ дѣламъ развращаютъ нравы подчиненныхъ. Спустя десять лѣтъ, мы видимъ его уже полковникомъ, превосходно образовавшимъ свой полкъ, а еще немножко позже—губернаторомъ въ Индіи, въ столицѣ Мисоръ; 34-хъ лѣтъ онъ выигралъ огромное сраженіе съ 1,500 британскими солдатами и съ 5,000 сипаями противъ 20,000-й инфanterіи и 30,000 кавалеріи Маараттовъ. Такая блестящая побѣда не доказы-

ваетъ-ли его необыкновенное присутствіе духа, знаніе дѣла и хладнокровіе?!

Спустя нѣкоторое время, Веллингтону представился случай выказать свои административныя способности. Послѣ взятія Серингапатама, первой его заботой было вдовореніе строгаго порядка и дисциплины между своими солдатами, а потомъ, чтобы окончательно усмирить народъ, онъ распорядился возстановить продажу съѣстныхъ припасовъ, зная, что голодныхъ подчинить невозможно. Никакія затруднительныя обстоятельства не смущали Веллингтона: его находчивый и дѣятельный умъ всегда находилъ средство противустать бѣдствію или преодолѣть препятствія. Его неумолимая строгость спасала войско, а безкорыстная честность благотворно дѣйствовала на всѣхъ, имѣвшихъ къ нему дѣло. Онъ возвратился въ Англію съ блестящою репутацией и, послѣ смерти Джона Мура, былъ посланъ во главѣ новой экспедиціи въ Португалію. Тамъ, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, онъ продолжалъ мужественно бороться и выигралъ не одно сраженіе. Необыкновенная предусмотрительность Веллингтона повела къ тому, что англійское войско ни въ чемъ не терпѣло нужды; продовольствіе и одежда у солдатъ никогда не истощались. Онъ вдохнулъ въ армію такой могучій духъ, что она готова была идти въ огонь и въ воду. Замѣчательною чертою характера Веллингтона была его высокая честность. Послѣ испанской кампаніи, онъ возвращался въ Англію чрезъ Францію съ 40,000 испанцевъ, которые надѣялись поживиться грабежомъ, но онъ строго запретилъ всякое насилие, а нечестивыхъ отправилъ назадъ въ отчество. Вообще высоко безкорыстный, Веллингтонъ и въ частной жизни оставался такимъ же; въ примѣръ этого можно привести постоянное его правило—самымъ аккуратнымъ образомъ платить долги.

Что честность выгоднѣе всего—это уже старая истина, не требующая доказательствъ. Людямъ коммерческимъ это

качество необходимо въ такой же степени, какъ храбрость солдату и человѣколюбіе христіанину. Мы можемъ указать много примѣровъ удивительной честности между англійскими купцами, заслужившими всеобщее уваженіе и составившими огромное состояніе. Честный промышленникъ, кромѣ этого уваженія и почета, пріобрѣтаетъ еще и существенные выгоды. Баронъ Дюпень, говоря о честности англичанъ, способствующей ихъ повсемѣстному успѣху, справедливо замѣчаетъ: «При помощи обмана, хитрости или насилия возможенъ временный успѣхъ, но постоянный обусловливается только противоположными качествами. Не одни только смѣлость, знанія, дѣятельность давали преимущества англійскимъ купцамъ и промышленникамъ; гораздо большими условиѳмъ успѣха служила имъ мудрость, благоразумная экономія и въ особенности честность. Можно почти навѣрное сказать, что еслибы который-нибудь изъ англійскихъ торговцевъ утратилъ вышесказанныя качества, то быль бы отвергнутъ вездѣ и долженъ бы быль прекратить свои занятія».

Нигдѣ, быть можетъ, не нужна бываетъ честность такъ, какъ въ торговлѣ. Какъ солдатъ выказываетъ доблесть въ битвахъ, такъ купецъ можетъ выказать свою честность при коммерческихъ операціяхъ. Огромное значеніе, принадлежащее въ этомъ случаѣ честности, уясняется для настъ кредитомъ; весты дѣла приходится иногда людямъ, живущимъ въ разныхъ частяхъ свѣта; при этомъ они довѣряютъ другъ другу огромныя суммы, часто цѣлое состояніе: такое довѣріе, какъ говорить докторъ Чальмерсъ, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ уваженія одного человѣка къ другому.

Можно, конечно, пріобрѣсти иногда выгоду посредствомъ хитрости или обмана, но такой успѣхъ будетъ не проченъ, и источникъ его рано или поздно обнаружится. Мошенникъ, обманывающій настъ, вредить больше себѣ, чѣмъ намъ; онъ обманываетъ свою собственную совѣсть

и, наживши богатство нечестнымъ путемъ, не будетъ въ состоянія наслаждаться имъ вполнѣ. Безспорно, что вездѣ найдутся недобросовѣстные купцы, подрядчики и промышленники, составившіе себѣ богатство нечестнымъ путемъ, но за то такие люди лишены лучшаго сокровища—спокойной совѣсти. Конечно, мы часто видимъ, что человѣкъ высоко честный не наживаетъ состоянія быстро, подобно многимъ негодяямъ, но на его сторонѣ всегда будетъ почетъ, заслуженный не обманомъ и не хитростью. Честные люди всегда предпочтутъ богатству спокойную совѣсть, которая одна можетъ составить счастіе; и если человѣкъ съ высокими нравственными правилами будетъ энергически продолжать разъ начатое дѣло, то несомнѣнныи успѣхъ послужить ему наградой. Здѣсь не лишнее будетъ привести примѣръ высокой честности дѣлового человѣка. Во время своей коммерческой дѣятельности, Давидъ Берклей, внукъ извѣстнаго Роберта Берклия, выказалъ столько ума, честности и познаній, что къ нему не разъ обращались за совѣтомъ государственные люди. Этотъ человѣкъ былъ воплощенная справедливость и честность: при торговыхъ сдѣлкахъ для внушенія довѣрія было достаточно одного его слова. Когда Берклей оставилъ свои коммерческія дѣла, то посвятилъ всего себя на пользу ближнимъ. Онъ основалъ домъ трудолюбія и такимъ образомъ далъ возможность бѣднѣшимъ людямъ честно заработать себѣ кусокъ хлѣба. Получивъ наслѣдство въ Ямайкѣ, онъ освободилъ тамъ всѣхъ невольниковъ. О родныхъ своихъ Берклей заботился съ рѣдкою любовью, наблюдалъ за ними и наставлялъ ихъ во всѣхъ дѣлахъ. Мы увѣрены, что многие изъ извѣстныхъ въ настоящее время англійскихъ купцовъ гордятся руководствомъ Давида Берклия и не сомнѣваются въ великой пользѣ его совѣтовъ. Подобная высокая личность можетъ служить во всякое время примѣромъ для всѣхъ честныхъ дѣятелей.

Упоминемъ еще объ одномъ дѣловомъ человѣкѣ, замѣ-

чательномъ купцѣ и мануфактурѣ, Францискѣ Ришарѣ, который получилъ известность введеніемъ во Франціи фабрикаціи хлопчатобумажныхъ тканей. Это былъ одинъ изъ такихъ людей, которые, на какой бы ступени соціальной лестницы ни стояли, всегда приносятъ честь тому классу общества, къ которому принадлежать. Ришаръ родился въ 1765 г. отъ бѣдныхъ родителей — крестьянъ, фермеровъ маленькаго имѣнія въ Кальвадосѣ. Онъ показалъ ранніе признаки наклонности къ торговлѣ: будучи еще ребенкомъ, Ришаръ воспитывалъ у себя голубей на продажу; къ несчастію, вслѣдствіе запрещенія владѣльца той мѣстности заниматься этимъ дѣломъ, Ришаръ долженъ былъ продать всѣхъ своихъ голубей. На вырученныя за нихъ деньги, около 42 франковъ, онъ купилъ себѣ пару окованныхъ желѣзомъ башмаковъ, — тогда какъ прежде ходилъ только въ деревянныхъ, — а на оставшіяся стала воспитывать собакъ, чтобы ими также завести торговлю. Пріобрѣвъ такимъ образомъ небольшую сумму денегъ, онъ былъ уже въ состояніи прослыть однимъ изъ лучшихъ, по наружности, между всѣми дѣтьми, посѣдавшими деревенскую школу. Прилежно занимаясь, Ришаръ скоро выучился читать и писать и за это былъ избранъ сосѣдями вести списокъ скота, который продавался на мѣстномъ рынке. Возвращаясь однажды съ рынка вмѣстѣ съ отцомъ, который опьянѣлъ и едва не упалъ въ глубокій ручей, Ришаръ вытащилъ отца и тѣмъ спасъ ему жизнь. «Этотъ примѣрь, — говорилъ онъ самъ, — навсегда предохранилъ меня отъ пьянства». 18 лѣтъ, Ришаръ испросилъ у родителей позволеніе отправиться искать счастья. Денежные средства его были ничтожны, такъ какъ изъ сбереженныхъ молодымъ человѣкомъ 60 франковъ, хранившихся у отца, этотъ послѣдній могъ ему отдать только 12. Однако-жъ Ришаръ и съ этой маленькой суммой отправился въ Руань искать занятія. Сначала онъ былъ слугою у одного купца, но скоро оставилъ это мѣсто, потому что его господинъ хотѣлъ, что бы Ришаръ исполнялъ

обязанности лакея и становился за экипажем, — но отъ этого мальчикъ наотрезъ отказался. Потомъ Ришаръ служилъ еще нѣсколько времени въ ресторанѣ; скопивъ нѣсколько денегъ, онъ попалъ въ Парижъ, гдѣ также спачала служилъ въ качествѣ такъ-называемаго гарсона, до тѣхъ поръ, пока сбереженія его не дошли до суммы значительной — около 1.000 франк. Оставивъ тогда частную службу для торговли, Ришаръ сдѣлался разносчикомъ англійскаго канифаса, и такимъ образомъ, 23 лѣтъ отъ роду, составилъ себѣ довольно круглую сумму; вскорѣ, однако-жъ, вслѣдствіе нечестности тѣхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, — Ришаръ попалъ за долги въ тюрьму, и по выходѣ изъ нея ему пришлось начинать снова всѣ свои обороты, имѣя въ карманѣ только нѣсколько экю. Но онъ скоро возстановилъ свой кредитъ, заплатилъ всѣ долги и могъ успѣшнѣе прежняго вести дѣла.

Послѣдовательно расширяя свои операциіи въ различныхъ родахъ торговли, Ришаръ покупалъ и перепродаивъ брилліанты и другіе предметы роскоши для богачей; но изъ-за того не прекращалъ торговли предметами болѣе доступными и болѣе употребительными. Между этими послѣдними были хлопчатобумажныя ткани, распространенный имъ по всей Франціи. Въ это время Англія пользовалась почти полною монополіею фабрикаціи этихъ тканей — этой монополіей она была обязана частію своему обширному запасу первоначальныхъ материаловъ для нихъ, частію своимъ машинамъ и частію той силѣ, какую ея мануфактурсты извлекали изъ приложенія паровой машины къ промышленнымъ работамъ. Ришаръ вознамѣрился сдѣлать Францію участницей въ этихъ выгодахъ, посредствомъ распространенія въ ней выдѣлки бумажныхъ тканей. Предпринявъ самъ фабрикацію ихъ, Ришаръ безотлагательно принялъся за изученіе и самого способа ихъ производства. Въ этомъ ему оказывалъ дѣятельную помощь компаньонъ его, Ленуартъ, который сначала не питалъ

большого довѣрія къ успѣху предпріятія, но потомъ, увлеченій энержіей Ришара, совершенно вошелъ въ его виды.

Купивъ 100 фунтовъ хлопка, Ришаръ, съ помощью двухъ англійскихъ работниковъ, успѣль сдѣлать изъ него сначала волокна, а потомъ стала выдѣлывать выбойку. Нужно было еще сформировать рабочихъ для пряжи и тканья; Ришаръ, обратившій вниманіе на это обстоятельство, такъ удачно повелъ дѣло, что чрезъ 3 мѣсяца имѣть уже 20 прядильныхъ машинъ въ полномъ движеніи. Въ короткое время Ришаръ быль въ состояніи значительно расширить кругъ своихъ операций. За недостаткомъ помѣщенія, онъ просилъ правительство уступить ему монастырь le Bon-Secours, тогда оставленный. Такъ какъ разрешеніе на это замедлилось, то Ришаръ, во главѣ своихъ работниковъ, смѣло завладѣль старымъ монастыремъ, молчаливые своды которого вскорѣ огласились шумомъ его машинъ. Правительственный агентъ, которому дано было министромъ приказаніе очистить монастырь, былъ такъ пораженъ видомъ трудолюбивой дѣятельности и удивительного порядка, господствовавшаго въ мастерскихъ, что рѣшился возвратиться, не исполнивъ порученія. Наполеонъ, тогда первый консулъ, самъ осматривалъ фабрику въ зданіи Bon-Secours и не только оставилъ за рабочими обладаніе этимъ монастыремъ, но далъ еще другой, для образования новыхъ мастерскихъ.

Увеличивая постепенно свои операции и извлекая значительныи выгоды изъ производства, впервые распространеннаго во Франціи, компаниии завели многочисленныи фабрики въ различныхъ частяхъ страны, и произведенія фирмы Ришара Ленуара занимали уже видное мѣсто на первой промышленной выставкѣ въ 1805 г. По смерти Ленуара, Ришаръ продолжалъ общее дѣло съ прежнею энержіей. Во время континентальной системы онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы ввести въ Италии разведеніе и об-

работку хлопка. Безпрестаннымъ войны той эпохи ложились тяжкимъ бременемъ на Ришара, какъ и на всѣхъ другихъ французскихъ фабрикантовъ. Съ другой стороны, присоединеніе Голландіи къ Франціи было для него страшнымъ ударомъ, и счастіе, такъ долго улыбавшееся Ришару, мало-по-малу оставляло его обширныя предпріятія. Финансовыя затрудненія его все увеличивались, и все меньше и меньше оставалось ему возможности выпутаться изъ нихъ. Его работники, недостаткомъ материаловъ доведенные до вынужденной праздности, умирали съ голоду, и Ришарь тщетно пытался замѣнить хлопокъ льномъ. 1813 и 1814 годы доверили его разореніе. Съ этого времени, Ришарь, лишившись всего своего имущества, жилъ въ неизвѣстности, но сохранилъ при всѣхъ перемѣнахъ счастіяуважение тѣхъ, кто его зналъ. Если предпріятіе Ришара не принесло существенной выгода ему самому, то послужило, по крайней мѣрѣ, примѣромъ для другихъ. Мало-по-малу различные фабриканты стали возобновлять ту отрасль промышленности, которую Ришарь первый ввелъ во Франціи, и, при помощи благопріятныхъ обстоятельствъ, продолжали ее съ успѣхомъ. Извѣстно, что при открытии новаго бульвара, въ сосѣдствѣ съ которыми расположены были нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ заведеній знаменитаго промышленнаго дѣятеля, Наполеонъ III назвалъ этотъ бульваръ въ честь Ришара Ленуара, «который изъ простого работника сдѣлался однимъ изъ первыхъ мануфактуристовъ Франціи».

Что касается до русскаго общества, то въ немъ типъ дѣлового человѣка еще не выработался. Название «дѣлецъ» относилось до сихъ поръ только къ опытнымъ и искуснымъ чиновникамъ. Очевидно, что не въ такомъ смыслѣ должны быть дѣловые люди въ русскомъ обществѣ, такъ же какъ и не исключительно въ коммерческомъ отношеніи, что составляетъ главное достоинство у англичанъ. До сихъ поръ свѣтскіе классы образованнаго русскаго общества

состояли изъ дворянъ-помѣщиковъ, чиновниковъ и частію купцовъ. Къ нимъ примыкаль немногочисленный классъ людей, известныхъ подъ названіемъ разночинцевъ. Изъ поименованныхъ категорій первые или были совершенно обеспечены, такъ что быть дѣловыми людьми имъ не предстояло и падобности, или же сливались съ чиновниками, дѣловыя способности которыхъ направлялись исключительно на государственную службу. Купечество, за весьма небольшими изыктгами, ограничивалось специально торговыми оборотами. «Разночинцы», которые, при большой опредѣленности своего состава, именно могли бы служить ядромъ дѣловыхъ людей, были разрознены и не имѣли опредѣленного положенія; къ нимъ мы относимъ, между прочимъ, литераторовъ, художниковъ, артистовъ и т. п. Съ введеніемъ преобразованій текущаго царствованія,—люди «дѣловые», т.-е. занимающіеся полезными дѣлами для себя и для общества и вмѣстѣ съ тѣмъ строго независимые въ своей дѣятельности, живущіе исключительно своимъ трудомъ, и трудомъ же составляющіе себѣ положеніе въ обществѣ, не замедлять появиться. Главнымъ ядромъ ихъ, какъ можно догадываться, будутъ адвокаты. Съ теченіемъ времени, когда новые роды дѣятельности, призванные въ нашу жизнь послѣдними реформами, болѣе выяснятся, — къ адвокатскому сословію будутъ примыкать и другого рода люди, сгруппированные вмѣстѣ съ нимъ въ одинъ кружокъ — люди, занимающіеся свободными профессіями, поддерживающіе этимъ дѣломъ свое существованіе и, съ помощью изложенныхъ въ этой главѣ качествъ, составляющіе себѣ почетное и не вполнѣ до того времени ясное въ Россіи название «дѣловыхъ людей».

ГЛАВА IX

ДЕНЬГИ, ПРАВИЛЬНОЕ И НЕПРАВИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ИХЪ.

Правильное употребление денегъ — признакъ практической мудрости.—Экономія необходима для независимости.—Безпомощность беспечныхъ людей.—Значеніе бережливости, какъ вопроса общественного.—Слова Ричарда Кобдена и Джона Брайта.—Независимость доступна людямъ рабочимъ.—Высокія цѣли бережливости.—Совѣтъ, данный Френсису Горнеру его отцомъ.—Жизнь по средствамъ.—Люди расточительные.—Жизнь въ долгъ.—Должникъ—рабъ.—Долги Гейдона.—Фехте.—Джонсонъ о долгѣ.—Веллингтонъ о томъ же.—Вашингтонъ.—Первый шагъ.—Слишкомъ роскошная жизнь—англійской порокъ.—Приказъ Напіра своимъ офицерамъ въ Индіи. Сопротивленіе соблазнамъ.—Примѣръ Гуго Миллера.—Необходимость высокихъ жизненныхъ принциповъ.—Секретъ наживанія денегъ, выраженный въ пословицахъ.—Дѣятельность Томаса Райта.—Всякій честный трудъ полезенъ.—Знаменитый трубочистъ.—Простое «сколачиваніе» денегъ.—Страсть къ деньгамъ.—Успѣхъ въ свѣтѣ.—Преувеличеніе значенія денегъ.—Джозефъ Бревертонъ.—Люди, достойные уваженія; опредѣленіе этого качества.

Степень практическаго благоразумія человѣка опредѣляется тѣмъ, какъ онъ обращается съ деньгами, т.е. какимъ образомъ онъ ихъ наживаетъ, бережетъ и тратитъ. Хотя деньги не могутъ составлять главной цѣли человѣческой жизни, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки далеко не такой маловажный предметъ, къ которому можно бы было относиться съ философскимъ презрѣніемъ; деньгами боль-

шюю частью пріобрѣтаются средства къ физическому комфорту и къ соціальному благосостоянію; съ правильнымъ употреблениемъ денегъ тѣсно связаны нѣкоторыя изъ лучшихъ свойствъ человѣка, какъ, напримѣръ: великодушіе, честность, правосудіе, самопожертвованіе, а также практическія добродѣтели — бережливость и предусмотрительность. Съ другой стороны, противоположныя качества, — скучность, обманъ, несправедливость, эгоизмъ, — проявляются по большей части людьми, до излишества привязанными къ прибыли; а пороки, въ родѣ безпечности, расточительности, опрометчивости, оказываются преимущественно у тѣхъ, кто пренебрегаетъ и употребляетъ во зло дарованный ему средства; такъ что, по справедливому замѣчанію Генри Тейлора, «правильность въ пріобрѣтеніи денегъ, сбереженіе ихъ, способъ расходованія, ссуды, займа и завѣщанія можетъ почти безошибочно служить мѣркою достоинствъ человѣка вообще».

Комфортъ въ жизненной обстановкѣ составляетъ такое условіе, стремленіе къ которому со стороны каждого человѣка всѣми законными путями всегда можно оправдать. Комфортъ обеспечиваетъ человѣку обладаніе физическимъ довольствіемъ, необходимымъ для развитія высшихъ сторонъ человѣческой натуры. Сверхъ того, самое уваженіе, какое мы видимъ отъ окружающихъ, въ значительной степени зависитъ отъ умѣнья пользоваться обстоятельствами для честнаго улучшенія нашего положенія. Для пріобрѣтенія должнаго успѣха въ жизни, отъ людей требуется болѣе всего, чтобы они употребляли свои силы на дѣло самовоспитанія; усилия, направленные къ этой цѣли, возбуждаютъ въ человѣкѣ чувство самоуваженія, даютъ случай выказаться практическимъ способностямъ человѣка и развивають въ немъ терпѣніе, постоянство въ трудѣ и другія подобныя качества. Человѣкъ заботливый и предупредительный непремѣнно обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудительностью, потому что онъ живеть не только для настоящаго, но

благоразумно дѣлаетъ распоряженія и о будущемъ. Другое необходимое качество такого человѣка—сдержанность, т.-е. способность самообладанія, съ которой едва-ли что можетъ сравниться въ дѣлѣ выработки характера. Джонъ Стерлингъ справедливо замѣчаетъ, что «воспитаніе, даже самое неудовлетворительное, но сообщающее человѣку правила самообладанія, будетъ все-таки стоять выше самой лучшей воспитательной системы, если она, при обученіи всему другому, упускаетъ изъ виду это качество». Римляне совершенно правильно обозначили самообладаніе тѣмъ же словомъ, которое служило названіемъ храбрости (*virtus*), такъ какъ послѣдняя въ физическомъ отношеніи занимаетъ мѣсто, равное тому, какое принадлежитъ первому въ области нравственной: величайшая изъ всѣхъ добродѣтелей есть умѣніе одержать побѣду надъ самимъ собою.

Въ какомъ качествѣ болѣе всего нуждаются вообще непредусмотрительные классы народа, какъ не въ самообладаніи, т.-е. въ способности жертвовать малымъ настоящимъ наслажденіемъ для полученія значительного будущаго блага? Можно бы было ожидать, что тѣ люди, которые обременены тяжкимъ трудомъ, будутъ придавать большое значеніе деньгамъ, зарабатываемымъ этимъ трудомъ. Но привычка многихъ изъ нихъ быстро проживать свои заработки дѣлаетъ такихъ людей почти совершенно беспомощными и ставить въ полную зависимость отъ болѣе бережливыхъ. Есть также между нами не мало людей, которые, наслаждаясь достаточными средствами для спокойной и независимой жизни, часто оказываются тѣмъ не менѣе, при внезапномъ наступленіи дурныхъ обстоятельствъ, очень близкими къ настоящей бѣдности; вотъ гдѣ скрывается причина общественныхъ страданій и беспомощности. Лордъ Джонъ Россель сказалъ однажды депутатціи, посѣтившій его съ просьбою относительно налога, взимаемаго съ рабочихъ классовъ страны: «Вы можете быть увѣрены, что правительство никогда не осмѣлитсѧ

наложить на рабочие классы народа какой бы то ни было налогъ въ такомъ размѣрѣ, какъ они сами себя облагають уже однимъ чрезмѣрнымъ употребленіемъ опьяняющихъ напитковъ».

Изъ всѣхъ великихъ общественныхъ вопросовъ едва-ли есть какой-нибудь важнѣе этого, и едва-ли какая-либо реформа для трудащагося класса оказывается настоятельнѣе необходимости развивать въ рабочихъ духъ самообладанія. Но должно признаться, что «самообладаніе и самовспомоществованіе» въ англійскихъ городскихъ совѣтахъ—не что иное, какъ гласъ воющаго въ пустынѣ; есть поводъ къ опасенію, что нынѣшній патріотизмъ придаетъ лишь малое значеніе такимъ «неважнымъ» вещамъ, какъ индивидуальная бережливость и предусмотрительность, хотя только съ помощью этихъ «неважныхъ» качествъ можетъ быть упрочена врожденная независимость промышленныхъ классовъ. «Благоразуміе, бережливость и хорошее хозяйство,—говорилъ философъ-башмачникъ Самуиль Дрю, — вотъ самая лучшая орудія для поправленія обстоятельствъ во время невзгоды: орудія эти умѣщаются въ каждомъ жилищѣ, требуя для себя очень немного мѣста, но служить болѣе цѣлебными средствомъ отъ житейскихъ несчастій, чѣмъ какой бы то ни было билль о реформѣ въ парламентѣ». Сократъ сказалъ: «Пусть тотъ, кто хочетъ двинуть впередъ цѣлый свѣтъ, подвижется сначала самъ». Кроме того, вообще извѣстно, что гораздо легче преобразовать данное положеніе церкви или государства, чѣмъ измѣнить самую меньшую изъ собственныхъ дурныхъ привычекъ; въ подобныхъ случаяхъ, намъ кажется гораздо пріятнѣе, какъ оно и бываетъ въ дѣйствительности,—что бы начало показали наши сосѣди, а не мы сами.

«Тѣ люди, которые живутъ изо-дня-въ-день, всегда будутъ занимать въ обществѣ самое низшее мѣсто. Они неизбѣжно останутся беспомощными и беспомощными, постоянно будутъ въ зависимости, какъ отъ высшихъ классовъ, такъ и

отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ даннаго времени. Не имѣя сами уваженія къ себѣ, они, наѣрное, не пріобрѣтутъ его и отъ другихъ. Въ коммерческихъ кризисахъ подобные люди непремѣнно терпятъ ущербъ. Лишенные той силы, какую всегда даетъ извѣстный запасъ сбереженій, какъ бы онъ ни былъ малъ, они предстаиваютъ на произволъ каждого и, при нѣкоторомъ здравомысліи, не могутъ не опасаться и не трепетать за будущую возможную судьбу своихъ женъ и дѣтей. «Люди,— сказалъ Кобденъ одному рабочему,—всегда раздѣлялись на два разряда: бережливыхъ и расточительныхъ; одни сберегали, а другіе тратили. Возведеніе домовъ, мельницъ, мостовъ, кораблей и вообще всѣ великия дѣла, доставившія человѣку цивилизацію и счастье,—все это было произведено первыми, а тѣ, которые расточали свои средства, всегда находились въ подчиненіи у бережливыхъ. Таковъ былъ законъ природы и провидѣнія, и я былъ бы обманщикомъ, еслибы позволилъ себѣ обѣщать улучшеніе быта и движеніе впередъ людямъ безпечнымъ, легкомысленнымъ и празднымъ».

Такой же здравый совѣтъ данъ былъ Брайтомъ въ собраниі рабочихъ въ Рочдэлѣ въ 1847 году, когда знаменитый ораторъ, высказавъ сначала увѣренность, что «въ отношеніи честности нѣть никакого сомнѣнія въ равенствѣ всѣхъ классовъ», произнесъ слѣдующія слова: «я знаю только одинъ вѣрный путь для каждого отдельного человѣка или для группы людей,—путь, служацій къ поддержанію настоящаго положенія ихъ, если оно удовлетворительно, или къ улучшенію, если оно дурно, это—стараніе усвоить себѣ слѣдующія добродѣтели: трудолюбіе, умѣренность, бережливость и честность. Къ выходу изъ неудобнаго и неудовлетворительного положенія, въ какое бываютъ поставлены люди, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, нѣть другой дороги, кроме той, по которой многіе изъ нихъ постоянно подвигались впередъ и

достигали лучшаго. Что то именно сдѣлало, въ дѣйствительности даже создало средній классъ въ нашей странѣ, какъ не тѣ качества, о которыхъ я упомянулъ? Было время, когда, за исключеніемъ высшаго класса, едва-ли былъ какой-нибудь другой классъ народа въ Англіи, который бы находился въ положеніи, подобномъ нынѣшнему положенію рабочаго класса. Какъ это случилось, что сотни тысячъ людей средняго класса въ нашемъ отечествѣ имѣютъ воспитаніе, достатокъ и наслаждаются такою долею благосостоянія и независимости, къ какой наши предки вовсе не имѣли привычки? Посредствомъ примѣненія къ дѣлу тѣхъ же поименованныхъ мною добродѣтелей, и я того мнѣнія, что никогда прежде не было замѣтно такого увеличенія этихъ свойствъ, какъ видно нынѣ между огромною частью націи, составляющею средній классъ нашего общества. Говоря о среднемъ классѣ, я разумѣю тотъ разрядъ людей, который занимаетъ мѣсто между богатымъ привилегированнымъ классомъ и самыми бѣдными членами народа; и я бы не посовѣтовалъ никому обращать какое бы то ни было вниманіе на слова того писателя или оратора, который вѣдумалъ бы сказать, что все эти блага могутъ быть доставлены людямъ тѣмъ или другимъ классомъ общества, тѣмъ или другимъ закономъ, тѣмъ или другимъ правительствомъ. Я могу васъ увѣрить, на основаніи продолжительныхъ размышлений и многихъ наблюденій, что къ улучшенію быта рабочихъ классовъ нашего отечества вѣтъ другого пути, кроме того, который многими изъ нихъ уже избранъ и который состоитъ въ стараніи усвоить себѣ названныя мною качества и въ довѣріи къ собственнымъ силамъ».

Дѣйствительно, вѣтъ причины, которая бы служила препятствиемъ тому, чтобы средній уровень положенія англійскаго рабочаго не могъ сдѣлаться полезнымъ, почетнымъ, достойнымъ уваженія и счастливымъ. Все сословіе рабочихъ, съ незначительными исключеніями, могло бы сдѣл-

латься столь же бережливо и добродѣтельно, могло бы достичь такой же удовлетворительной степени обученія и хорошей материальной обстановки, какой достигли уже многія лица изъ среды того же самаго сословія. Что оказалось возможнымъ для нѣсколькихъ людей, то, безъ сомнѣнія, не должно представлять затрудненія и для всѣхъ вообще, а отъ употребленія одинаковыхъ средствъ должны получаться и одинаковые результаты. Въ каждомъ государствѣ есть разрядъ людей, живущихъ ежедневнымъ заработкомъ; такое явленіе, какъ и вообще назначеніе людей въ обществѣ, есть дѣло Провидѣнія; но если въ рабочемъ классѣ замѣтно отсутствіе бережливости, довольства, развитія и счастья, такъ это уже происходитъ исключительно отъ слабости, излишней снисходительности къ себѣ и испорченности самого человѣка. Здравый духъ самодѣятельности, зародившись въ средѣ рабочихъ, болѣе всякой другой мѣры будетъ способствовать возвышенню рабочаго класса и при томъ не въ ущербъ другимъ членамъ общества, но чрезъ одинаковое поднятіе всѣхъ къ возможно высокому уровню, — къ уровню религіи, разума и добродѣтели. «Вся нравственная философія,—говорить Монтенъ,— какъ нельзя лучше приложима и къ общественной, и къ частной жизни. Каждый человѣкъ въ себѣ самомъ уже носитъ совершенную форму общежитія».

Экономія съ исключительною цѣлью накопить деньги есть дѣло, не имѣющее особаго значенія; но та же экономія, употребляемая человѣкомъ, какъ средство добиться независимости, служитъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ прочной сформировки характера; если, наконецъ, при экономіи человѣкъ поставилъ себѣ задачею заботиться о тѣхъ, кто отъ него находится въ зависимости, тогда уже экономія пріобрѣтаетъ совершенно возвышенный характеръ и можетъ сдѣлаться проявленіемъ самодѣятельности въ одной изъ лучшихъ ея формъ. Отецъ Френсиса Горнера давалъ ему такого рода совѣтъ при вступлениі въ

жизнь: «нельзя достаточно нахвалить экономию, какъ не-
обходимое условіе спокойствія, но, кроме этого послѣдняго,
она годится во всѣхъ отношеніяхъ, и хотя люди недалекіе
пренебрегаютъ бережливостью, но для человѣка развитого
она весьма важна, потому что ведетъ къ независимости».

Каждый долженъ стараться жить по своимъ средствамъ.
Такая привычка составляетъ существенную черту честно-
сти; потому что, при неумѣнїи жить честно на собствен-
ный счетъ, человѣку придется уже безчестно жить на
счетъ кого-нибудь другого. Люди, беспечные относительно
своихъ расходовъ, обращающіе вниманіе исключительно
на собственное удовольствіе, не стесняясь никакими со-
ображеніями о спокойствіи другихъ, вообще узнаютъ дѣй-
ствительную цѣну деньгамъ тогда лишь, когда уже бы-
ваетъ слишкомъ поздно. Такія лица, отъ природы велико-
душныя, своею беспечностью часто доводятся впослѣдствій
до необходимости прибѣгать къ низкимъ поступкамъ. Они
тратятъ на пустяки свои деньги точно такъ-же, какъ и время;
строить планы о будущемъ, расходуютъ свои заработки
до получения ихъ и такимъ образомъ сами на себя взы-
зываютъ бремя различныхъ долговъ и обязательствъ, ока-
зывающихъ весьма важное влияніе на свободу и незави-
симость ихъ дѣйствій. Свободныя наличные деньги, кото-
рыя многими тратятся по меньшей мѣрѣ бесполезно, часто
могутъ составить начало будущаго состоянія и независи-
мости въ жизни. Такіе расточительные люди сами быва-
ютъ своими злѣйшими врагами, хотя обыкновенно и при-
мыкаютъ къ рядамъ тѣхъ, кто жалуется на «людскую не-
справедливость». Но если человѣкъ не хочетъ быть самъ
своимъ другомъ, какъ же можетъ онъ ожидать, чтобы дру-
гие ему желали добра? Порядочные люди и при умѣрен-
ныхъ средствахъ всегда имѣютъ возможность оставлять что-
нибудь для помощи своимъ ближнимъ, тогда какъ ихъ рас-
точительные и беззаботные сосѣди, тратящіе все, конечно,
никогда не найдутъ случая помочь кому бы то ни было.

Умственная ограниченность въ жизни и въ поступкахъ неизбѣжно ведетъ къ полной несостоительности. Самымъ лучшимъ образомъ дѣйствій вообще, подобно честности, оказываются великодушіе и щедрость.

Практическая жизнь представляетъ много примѣровъ блистательныхъ результатовъ, какихъ люди достигли съ помощью великодушнаго и честнаго образа дѣйствій. Какъ, по англійской пословицѣ, «пустой мѣшокъ не можетъ стоять прямо», такъ-же точно не имѣть свободы человѣкъ, попавшій въ долги. Въ этомъ положеніи онъ теряетъ уваженіе къ себѣ самому, приходитъ въ зависимость отъ своихъ кредиторовъ, и вообще связываетъ себя во многихъ отношеніяхъ, потому что не можетъ уже тогда ни быть самъ себѣ господиномъ, ни смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза. Находясь въ долгахъ, трудно уже сохранить честность; поэтому-то и говорятъ, что «ложь сидитъ на шеѣ у долга».

Должнику зачастую приходится приносить извиненія, передъ кредиторомъ за отсрочку уплаты взятыхъ въ долгъ денегъ; само собою разумѣется, что при такихъ случаяхъ не невозможна и ложь. Для человѣка, который руководствуется здравымъ разсудкомъ, не трудно избѣгнуть первого повода къ долгу; въ противномъ случаѣ за первымъ долгомъ скоро послѣдуетъ второй, и очень скоро несчастный заемщикъ запутывается такъ, что никакіе поздніе труды и усилия не освободятъ его. Первый шагъ по пути долговъ подобенъ первому шагу по пути лжи: онъ почти вынуждаетъ человѣка слѣдоватъ далѣе въ томъ же направленіи; одинъ долгъ влечетъ за собою другой, какъ одна ложь неизбѣжно сопровождается другою. Живописецъ Гейдонъ считалъ время своего несчастія съ того дня, когда въ первый разъ взялъ денегъ взаймы. Дневникъ его заключаетъ въ себѣ такое замѣчательное вступленіе: «Съ этихъ поръ въ моей жизни начинаются долги и обязательства, изъ которыхъ мнѣ никогда не удавалось, да и не

удастся выпутаться». Автобіографія его рисуетъ самыми мрачными красками то гнетущее влияніе, какое денежныя затрудненія производятъ на умъ, какъ они порождаютъ совершенную неспособность къ дѣлу и постоянно подвергаютъ человѣка униженію. Гейдонъ написалъ слѣдующій советъ юношѣ, вступавшему на службу во флотъ: «Не должно позволять себѣ никакого удовольствія, если для этого нужно одолжаться у другихъ. Никогда не берите денегъ взаймы: это унизительно. Я не говорю, чтобы вы никогда не давали ихъ въ зaimы: давать не слѣдуетъ лишь тогда, когда вслѣдствіе такой ссуды вы сами лишитесь возможности исполнять свои денежные обязательства; но, самое главное, никогда не должно брать деньги въ долгъ». Такъ и Фихте, будучи бѣднымъ студентомъ, всегда отказывался принимать даже подарки отъ своихъ родителей, которые были еще бѣднѣе его.

По мнѣнію доктора Джонса, преждевременный долгъ есть гибель. Его слова объ этомъ предметѣ весьма выразительны: «Не пріучайтесь,—говорилъ онъ,—смотреть на долгъ, только какъ на неудобство; долгъ — это несчастіе. Бѣдность устраиваетъ столько способовъ дѣлать добро и до такой степени лишаетъ человѣка силы для борьбы со зломъ какъ физическимъ, такъ и нравственнымъ, что ее слѣдуетъ избѣгать всѣми законными путями. Пусть же будетъ нашей первой заботой не быть ни у кого въ долгу. Рѣшимся не быть бѣдными, будемъ умѣрены въ расходахъ. Бѣдность — это великий врагъ человѣческаго благополучія: она разрушаетъ свободу, она же дѣлаетъ нѣкоторыя добрыя качества совершенно неприложимыми, а другія — чрезвычайно затруднительными къ приложенію. Напротивъ, бѣражливость можно назвать не только источникомъ спокойствія, но и поводомъ къ благотворительности. Тотъ, кто самъ нуждается въ помощи, конечно, не въ состояніи помочь другимъ; для того, чтобы дѣлать сбереженія, мы должны прежде что-нибудь имѣть сами».

На каждомъ человѣкѣ лежитъ обязанность внимательно наблюдать за ходомъ своихъ обстоятельствъ и вести строгую отчетность всѣмъ приходамъ и расходамъ въ денежныхъ дѣлахъ. Самое незначительное приложеніе ариѳметическихъ званий можетъ принести въ такомъ случаѣ большую пользу. Благоразуміе требуетъ, чтобы мы распланировали свой образъ жизни лучше нѣсколько ниже дѣйствительнаго уровня своихъ денежныхъ средствъ, чѣмъ выше. Но самаго лучшаго результата должно ожидать тогда, когда мы будемъ готовы ко всѣмъ случайностямъ. Джонъ Локкъ усердно созѣтывалъ выбирать именно этотъ путь: «Нѣть ничего приличнѣе для человѣка, — говорилъ онъ, — какъ имѣть постоянно передъ глазами положеніе своихъ дѣлъ, посредствомъ правильнаго хода отчетности о нихъ». Веллингтонъ вѣрь аккуратный и подробный счетъ всѣмъ получаемымъ и расходуемымъ деньгамъ. «Я поставилъ себѣ за правило, — говорилъ онъ, — самому расплачиваться по счетамъ, и совѣтуя каждому дѣлать то же самое; прежде такую уплату я обыкновенно поручалъ довѣреному слугѣ, но потерялъ охоту дѣлать такъ съ того времени, какъ въ одно утро, къ величайшему моему удивленію, мнѣ вручили требованіе долга за годъ или за два года времени. Оказалось, что слуга спекулировалъ моими деньгами, а счеты оставлялъ неуплаченными». Говоря о долгѣ вообще, Веллингтонъ замѣтилъ: «Онъ дѣлаетъ человѣка рабомъ. Я часто бывалъ знакомъ съ нуждой, но никогда не позволялъ себѣ входить въ долги. Вашингтонъ, такъ же какъ и Веллингтонъ, былъ очень точенъ во всѣхъ мелочахъ своихъ занятій; замѣчательно, что онъ не пренебрегалъ самыми незначительными расходами своего семейства, обращая на нихъ постоянно вниманіе, потому что рѣшился честно жить по средствамъ; этого правила онъ держался даже и тогда, когда былъ уже президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Адмиралъ Джервисъ, въ разсказѣ объ испытаніяхъ, какія ему пришлось перенести въ юно-

сти, такъ, между прочимъ, описываетъ свою рѣшимость раздѣлаться съ долгомъ. «Мой отецъ,—говорилъ онъ,—при маленькихъ средствахъ къ жизни, имѣть большое семейство. При разставаніи со мной, онъ далъ мнѣ двадцать фунтовъ,—это было все, что когда-либо я отъ него получила. Проведя довольно времени на морѣ, я попросила еще 20, но получила отказъ. Я былъ оскорблена этимъ и дала себѣ обѣщаніе (которое постоянно выполняла), никогда больше не посыпать записокъ съ просьбою о выдачѣ денегъ безъ увѣренности въ ихъ дѣйствительномъ полученіи. Я немедленно перемѣнила образъ жизни, оставилъ своихъ товарищей и стала жить одинъ, довольствуясь тѣмъ жалованьемъ, какое получалъ на корабль; самъ мылъ и чириль свое платье, сшиль пару панталонъ изъ тика, которыемъ была покрыта моя постель; успѣвъ сберечь такимъ образомъ количество денегъ, достаточное для очищенія моей чести, я уплатилъ свой долгъ, и съ того времени принимала мѣры, чтобы жить по средствамъ». Джервисъ въ теченіе шести лѣтъ переносилъ сильныя лишевія, но при всемъ томъ всегда сохранялъ свою честность, успѣшно занимался своимъ дѣломъ и, посредствомъ постоянныхъ заслугъ и трудовъ, постепенно добился высшаго морскаго званія. Самуилъ Дрю такъ описываетъ свой первый урокъ въ экономії: «еще мальчикомъ мнѣ какъ-то удалось достать нѣсколько пенсовъ, которые я всѣ издержалъ на покупку кошелекъ. Пустой кошелекъ долго потомъ напоминалъ мнѣ объ этой глупости, но самое воспоминаніе о моемъ поступкѣ было мнѣ очень полезно».

Хорошее начало—дѣло великой важности для молодыхъ людей, потому что въ началѣ жизни обыкновенно усваивается та система поступковъ, которая впослѣдствіи обращается уже въ привычку. Вслѣдствіе честнаго начала нашей дѣятельности, привычка поступать хорошо дѣлается столь же легко, какъ и привычка дѣлать дурно. «Хорошее начало—половина дѣла»,—говорятъ пословица; часто

случалось, что молодые люди, подававшие большія надежды, безвозвратно вредили себѣ первымъ ложнымъ шагомъ при началѣ жизни; тогда какъ другіе, съ меньшими способностями, имѣли удачу, благодаря первому хорошему шагу въ своей дѣятельности, который былъ поддержанъ и впослѣдствіи соотвѣтственными поступками. Хорошее начало въ нѣкоторой степени можетъ быть названо ручательствомъ, гарантіей въ благополучномъ исходѣ цѣлаго дѣла. Много бѣдныхъ людей живетъ кое-какъ, бѣдствуя и причиняя скорбь другимъ, между тѣмъ какъ эти же самые бѣдняки могли бы жить безбѣдно, если бы, вмѣсто того, чтобы довольствоваться только добрыми намѣрѣвіями, принадлись дѣйствительно за работу, и если бы въ свое время хорошо начали свою практическую жизнь.

Кромѣ того, многіе слишкомъ нетерпѣливы относительно результатовъ своего труда. Такіе люди не довольствуются тѣмъ дѣломъ, которое дѣлали ихъ отцы, но хотятъ лишь продолжать его на томъ мѣстѣ, где тѣ остановились; хотятъ пользоваться плодами работы, не работая сами; не ждутъ результатовъ труда и прилежанія, но предупреждаютъ ихъ достиженіе, позволяя себѣ слишкомъ ранній отдыхъ. Одна почтенная шотландская чета слѣдующимъ образомъ объясняла причину худого направленія своего сына: «Когда мы начали жить вмѣстѣ, мы работали сильно, довольствуясь сначала одной похлебкой и тому подобнымъ; постепенно, по мѣрѣ увеличенія средствъ, комфорть нашъ увеличивался такъ, что наконецъ мы могли уже обѣдать съ кускомъ жаркого, а иногда и дичи; но сынъ нашъ Джонъ началъ съ того, на чёмъ мы кончили,— онъ началъ прямо съ дичи». Подобные же примѣры можно найти и въ болѣе высокомъ положеніи жизни, чѣмъ состояніе этихъ бѣдныхъ супруговъ.

Юмы замѣтилъ однажды въ палатѣ депутатовъ, — хотя его слова были сопровождаемы смѣхомъ собранія, — что образъ жизни въ Англіи слишкомъ роскошенъ. Средніе

классы привыкли тратить на проживание всю свои доходы, а иногда даже и не ограничиваются ихъ цифрой, и это производить вообще весьма вредное влияние на дѣло общество. Проявляется общее желаніе воспитывать дѣтей людьми светскими: результатъ бываетъ тотъ, что молодые люди привыкаютъ къ изящнымъ нарядамъ, роскоши, удовольствиямъ, но никогда не могутъ сформировать себѣ прочныхъ задатковъ настоящаго человѣческаго характера.

Еще есть у людей страшное честолюбіе быть «приличными». Мы держимся за видимость слишкомъ часто даже въ ущербъ честности, и хотя мы не богаты, но считаемъ себя обязанными казаться такими. Мы должны быть «почтенными», хотя только и въ самомъ узкомъ смыслѣ,—въ смыслѣ обыкновенной выставки напоказъ. У насъ не достаетъ мужества идти терпѣливо впередъ по тому пути, на который мы поставлены — но все-таки мы считаемъ своею обязанностью стремиться къ какой-то модной жизни, къ которой намъ нравится считать себя призванными; само собою разумѣется, что это смѣшно, такъ какъ цѣль такого стремленія — одно лишь удовлетвореніе тщеславія того пустого моднаго свѣта, часть котораго мы составляемъ. За переднія мѣста въ этомъ соціальномъ амфитеатрѣ проходитъ постоянная борьба и взаимное стѣсненіе; въ такой свалкѣ всѣ честные, полныя самоотверженія намѣренія попираются ногами, и многія прекрасныя натуры неизбѣжно бываютъ задавлены до смерти. Нѣть надобности описывать, какая порча, какія бѣдствія и несостоятельность происходятъ отъ этого несчастнаго желанія осѣплять глаза другихъ блескомъ наружнаго светскаго успѣха. Зловредныя послѣдствія такой привычки проявляются въ тысячи способовъ: въ многочисленныхъ обманахъ, совершаемыхъ людьми, которые смыаютъ быть безчестными, но не смыаютъ казаться бѣдными, также въ сильныхъ ударахъ судьбы, при чѣмъ не столько возбуждаютъ состраданіе тѣ, на кого непосредственно обрушаются эти удары, сколько

сотни невинныхъ семействъ, часто увлекаемыя въ гибель вмѣстѣ съ первыми.

Чарльзъ Нэпиръ, оставляя Индию, въ строгихъ выраженияхъ заявилъ, въ своемъ послѣднемъ приказѣ къ индійской арміи, смѣлый и честный протестъ противъ слишкомъ «широкой» жизни многихъ молодыхъ офицеровъ, подвѣдомственныхъ ему, чрезъ что они вовлекались въ разные позорные обязательства. Въ этомъ приказѣ Нэпиръ сильно настаивалъ, что «честность неразлучна съ почтительностью объ истинномъ джентльменѣ», и что «пить даровое шампанское и пиво иѣздить на даровыхъ лошадяхъ,—значитъ быть обманщикомъ, а не джентльменомъ. Люди, которые жили не по средствамъ и часто призывались къ суду даже собственными слугами за долги, навлеченные своею беспорядочнou жизнью,—такие люди хотя и продолжаютъ быть по своей должности офицерами, но они уже не джентльмены». Привычка быть постоянно въ долгахъ, по мнѣнію главнокомандующаго, дѣлала офицеровъ нечувствительными къ обязанностямъ настоящихъ джентльменовъ. Мало того, что офицеръ способенъ сражаться: это можетъ сдѣлать всякий бульдогъ. Но держитъ ли человѣкъ ненарушимо свое слово, платить ли свои долги? Вотъ пункты чести, которые, по мнѣнію Нэпира, бросали свѣтъ на дѣятельность настоящаго солдата-джентльмена. Нэпиръ зналъ, что все британскіе офицеры, исполняя первую половину Баярдова девиза, могутъ быть названы—рыцарями «безъ страха», но онъ хотѣлъ, чтобы они были и «безъ упрека». За всѣмъ тѣмъ, есть однако-жъ, какъ въ Индіи, такъ и въ метрополіи, много храбрыхъ молодыхъ людей, которые готовы броситься во время битвы на проломъ посреди огня и совершить чудеса храбрости, а между тѣмъ не могутъ или не хотятъ вооружиться нравственнымъ мужествомъ, необходимымъ для сопротивленія какому-нибудь небольшому искушенію своихъ чувствъ. Они не могутъ отвѣтить отказомъ на призывъ къ удовольствію или къ са-

моуслажденію и скорѣе готовы идти на смерть, чѣмъ сдѣлаться смѣшными въ глазахъ своихъ товарищай.

Молодой человѣкъ на жизненномъ пути проходитъ неизбѣжно чрезъ длинный рядъ соблазновъ всякаго рода, и прямымъ слѣдствиемъ уступки такимъ искушеніямъ бываетъ нравственный упадокъ въ большей или меньшей степени. Для сопротивленія имъ необходима рѣшительность безъ всякихъ колебаній. Послѣ первой же уступки, дальнѣйшее сопротивленіе дѣлается уже слабѣе и слабѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣютъ и добрыя наклонности, тогда какъ нравственное противодѣйствіе соблазну съ первого же раза укрѣпляетъ силы человѣка на будущее время, а при повтореніи обращается въ привычку. Въ выработкѣ этихъ привычекъ въ молодыхъ лѣтахъ и заключается дѣйствительная сила сопротивленія дурнымъ влеченіямъ, потому что такія привычки, проявляясь въ тысячѣ разныхъ незначительныхъ житейскихъ дѣлъ, составлять такимъ образомъ преобладающій характеръ нравственного поведенія человѣка.

Гуго Миллеръ разсказываетъ, какъ проявленіемъ рѣшиимости онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ преодолѣлъ одно изъ самыхъ сильныхъ дурныхъ влечений, столь свойственныхъ трудовой жизни. На каменоломнѣ, гдѣ онъ работалъ, у товарищей его былъ обычай угощаться по-временамъ водкой; однажды и на его долю досталось два стакана, которые онъ осущилъ. Придя домой и открывъ свою любимую книгу — «Опыты» Бэкона, — Миллеръ почувствовалъ, что буквы прыгаютъ у него передъ глазами, и что разсудокъ уже болѣе ему не повинуется. «Состояніе, — говорить онъ самъ, — въ которое я себя поставилъ, было гадкое, — я сознавалъ это. По собственному произвольному дѣйствію, я на время спустился до болѣе низкаго умственаго уровня, чѣмъ тотъ, на который былъ поставленъ судьбою; и какъ ни было неблагопріятно для принятія какого-либо рѣшенія то состояніе опьянѣнія, въ которомъ я находился, тѣмъ не

мене я тутъ же рѣшился никогда болѣе не жертвовать наслажденіемъ обладанія умственными способностями гадкому обычаю пьянствовать и, съ Божію помощью, нашелъ въ себѣ силы устоять въ этой рѣшимости». Рѣшенія, подобные этому, составляютъ поворотные точки въ человѣческой жизни и кладутъ основаніе будущему характеру человека. Особенно необходимо быть постоянно насторожѣ, какъ молодымъ, такъ и зрѣлыхъ лѣтъ людямъ противъ той страсти, въ которой Гуго Миллеръ могъ бы погибнуть, еслибы онъ въ критическую минуту не собралъ всю свою нравственную силу для противодѣйствія ей. Это одно изъ самыхъ дурныхъ и бѣдственныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безумныхъ увлеченій, какія только встрѣчаются на пути молодого человека. Вальтеръ-Скоттъ обыкновенно говорилъ, что «изъ всѣхъ пороковъ — пьянство болѣе другихъ несовмѣстно съ величиемъ духа». Но этого мало: нужно прибавить, что оно несовмѣстно и съ бережливостью, благопристойностью, здоровьемъ и честною жизнью. Если человекъ не можетъ соблюдать умѣренность въ извѣстной склонности, то онъ долженъ вовсе отъ нея воздерживаться. Примѣръ доктора Джонсона въ этомъ случаѣ вовсе не исключение. «Сэръ,—сказалъ онъ въ разговорѣ о своихъ привычкахъ, — я могу совершенно отказаться отъ моей склонности, но никакъ не могу, слѣдя ей, быть умѣреннымъ». Для сильного и успешнаго противодѣйствія извѣстной порочной привычкѣ, мы не должны ограничиваться въ борьбѣ противъ нея только тѣми поступками, на какие указываетъ обыкновенное благоразуміе, хотя это и употребительно, и не довольствоваться однимъ механическимъ сопротивленіемъ, а постараться перенести его въ высшую область,—въ область мысли и сознательнаго дѣйствія; попытаться, вмѣстѣ съ перемѣною дурныхъ привычекъ, укрѣпить и очистить тѣ принципы, на которыхъ основана такая перемѣна. Для этого молодой человекъ долженъ изучать самого себя, наблюдать за каждымъ сво-

имъ шагомъ и сообразовать всѣ свои мысли и дѣйствія съ тѣми основными началами, которыя онъ рѣшился себѣ усвоить. Чѣмъ больше человѣкъ будетъ знать самого себя, тѣмъ онъ сдѣлается скромнѣе и, быть можетъ, тѣмъ менѣе будетъ полагаться на одну только случайную собственную силу въ дѣлѣ сопротивленія дурнымъ наклонностямъ. Но самую лучшую школу для борьбы съ жизнью проходитъ человѣкъ тогда, когда пріучается отказывать себѣ въ какихъ-нибудь ничтожныхъ текущихъ удовольствіяхъ для того, чтобы составить себѣ въ будущемъ прочное счастье. Эта вѣдь работы надъ самимъ собой—самый высокій въ дѣлѣ самовоспитанія.

Много было написано популярныхъ книгъ для обученія публики великому искусству и секрету наживать деньги; а между тѣмъ тутъ нѣть никакого секрета, какъ можно убѣдиться изъ многочисленныхъ пословицъ каждого народа; таковы, напримѣръ, слѣдующія: «заботься о копѣйкахъ, а рубли уже сами о себѣ позаботятся»; «соберечь копѣйку—все равно что выиграть ее»; «прилежаніе — мать удачи»; «безъ труда нѣть плода»; «міръ принадлежитъ тому, кто терпѣливъ и дѣятеленъ»; «поздно беречь, когда все растрочено»; «лучше ложиться спать безъ ужина, чѣмъ вставать кругомъ въ долгъ»; «у утреннихъ часовъ золото во рту» и т. п. Вотъ нѣсколько образчиковъ той философіи, которая, подъ видомъ пословицъ, воплощаетъ въ себѣ запасъ опыта многихъ поколѣній относительно лучшихъ способовъ успѣха въ свѣтѣ. Эти изреченія ходили уже въ народѣ задолго до изобрѣтенія книгъ и, какъ всѣ пословицы, были первымъ кодексомъ народной нравственности. Сверхъ того, они были выражениемъ духа своего времени, и ежедневный опытъ до сихъ поръ свидѣтельствуетъ объ ихъ точности, силѣ и основательности.

Трудъ и бережливость могутъ сдѣлать многое для доставленія независимаго положенія каждому человѣкѣ, обладающему обыкновенными рабочими способностями. Неза-

висимость доступна и простому рабочему, если онъ будетъ тщательно сберегать свои доходы и воздерживаться отъ бесполезной траты этихъ маленькихъ сбережений. Какъ ни ничтожна сама по себѣ каждая отдельная копейка, однако-жъ отъ правильного расходования и сбереженія такихъ копеекъ зависитъ часто спокойствіе нѣсколькихъ тысячъ семействъ. Если человѣкъ трудящійся допускаетъ своимъ небольшимъ заработкамъ, приобрѣтеннымъ тяжелымъ трудомъ, ускользать изъ своихъ рукъ то туда, то сюда, безъ всякой особой необходимости, то жизнь его будетъ очень мало отличаться отъ существованія ломовой лошади. Наоборотъ, если онъ изъ тѣхъ же копеекъ часть будетъ постоянно вносить въ какой-нибудь страховой фондъ или общество взаимнаго вспоможенія, другую часть — въ сберегательную кассу, а остальное передастъ своей женѣ для аккуратнаго расходования на нужды, какихъ требуетъ приличное поддержаніе и воспитаніе семейства, тогда онъ увидитъ, что внимательность къ мелочамъ щедро вознаграждается въ увеличеніи средствъ, возрастаніи домашнаго комфорта и въ значительномъ облегченіи отъ всякихъ опасеній за будущее. Если, сверхъ того, тотъ же труженикъ обладаетъ честолюбіемъ и душевною силою, — составляющею такой видъ богатства, который далеко превосходить всякое обыкновенное житейское имущество, — тогда онъ не только бываетъ въ состояніи помогать самъ себѣ, но еще дѣлается хорошимъ помощникомъ для своихъ соратій на жизненномъ пути. Это дѣло возможное даже для простого работника въ мастерской, чьему доказательствомъ можетъ служить дѣятельность Томаса Райта, жизнь которого представляется еще примѣръ могущества терпѣливої стойкости въ работѣ, а также служить образцомъ того сильнаго вліянія, какимъ обладаетъ даже самый скромный человѣкъ въ дѣлѣ привесенія пользы своимъ ближнимъ, если только самъ умѣеть пользоваться благопріятными обстоятельствами.

Едва-ли кому придетъ въ голову, что одно изъ самыхъ трудныхъ и почти невозможныхъ повидимому дѣлъ, исправленіе преступниковъ, было не только предпринято, но даже и исполнено человѣкомъ, который работалъ на литеиномъ заводѣ изъ-за понедѣльной платы. Такое дѣло совершилъ однако-жъ Томасъ Райтъ въ Манчестерѣ. Случайно его вниманіе было обращено на тѣ трудности, какія должны преодолѣвать освобожденные каторжники при возвращеніи къ честному труду. Съ тѣхъ порь умъ его былъ уже исключительно занятъ этимъ предметомъ, и испытаніе зла Райтъ поставилъ задачей своей жизни. Впрочемъ онъ не неглажировалъ своей постоянной работой, но добросовѣстно продолжалъ заниматься въ литеиной мастерской; хозяева Райта такъ цѣнили его способность къ работе, что онъ постепенно достигъ званія смотрителя всего заведенія. Вмѣсть съ тѣмъ, располагая сравнительно небольшими средствами, онъ должнымъ образомъ воспитывалъ свое большое семейство. Хотя Райтъ работалъ въ своей мастерской отъ 6 часовъ утра до 6 вечера, однако-жъ у него еще оставались минуты досуга, которыми онъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, особенно по воскресеньямъ; это время онъ употреблялъ на пользу осужденнымъ преступникамъ, составлявшимъ тогда классъ людей, еще болѣе всѣми пренебрегаемый, чѣмъ теперь. Но при хорошемъ употребленіи хотя бы даже небольшого количества времени, удѣляемаго изъ цѣлаго дня, есть возможность принести большую пользу: трудно поверить, что въ теченіе десяти лѣтъ этотъ человѣкъ, твердо преслѣдуя разъ избранную цѣль, успѣлъ избавить отъ гибели, отклонить отъ безчестной жизни не менѣе 300 преступниковъ. На него стали смотрѣть въ Манчестерѣ уже какъ на нравственнаго врача: даже въ такихъ безнадежныхъ случаяхъ, когда съ преступниками ничего не могъ сдѣлать ни священникъ, ни никто другой, Томасъ Райтъ часто имѣлъ усѣйхъ. Дѣлай, такимъ образомъ исцѣленныхъ, онъ воз-

вращалъ родителямъ, сыновей и дочерей, вступившихъ уже на путь гибели, приводилъ своими внушеніями опять къ домашнему очагу; многихъ возвращенныхъ на свободу каторжниковъ онъ умѣль пристраивать къ честнымъ и дѣятельнымъ занятіямъ. Дѣло было вовсе не легкое: оно требовало денегъ, времени, энергіи, благоразумія, а главное—твѣрдости характера, и, какъ результата всего этого, —смѣлости. Замѣчательнѣе всего то, что многимъ изъ этихъ несчастныхъ Райтъ помогъ изъ тѣхъ сравнительно малыхъ средствъ, какія ему удавалось зарабатывать въ своей мастерской. Все это онъ дѣлалъ изъ такого дохода, который не равнялся даже, въ теченіе всей его рабочей жизни, 100 фунтамъ въ годъ: и за всѣмъ тѣмъ, оказывая существенную помощь преступникамъ, обязанности къ которымъ не превышали выраженій той протости, какую каждый человѣкъ вообще долженъ проявлять къ своимъ ближнимъ, Райтъ еще поддерживалъ свое семейство со всѣмъ возможнымъ комфортомъ и, благодаря постоянной бережливости и аккуратности, могъ откладывать нѣкоторыя сбереженія на время старости. Каждую недѣлю онъ съ величайшою тщательностью распредѣлялъ свой заработокъ, назначая часть на необходимыя нужды пищи и одежды, часть школьному учителю, еще часть бѣднымъ и нуждающимся,—и всѣ эти разряды назначенія денегъ строго соблюдались. Такимъ-то путемъ этотъ скромный труженикъ неутомимо работалъ надъ своимъ великимъ дѣломъ, результатъ котораго мы вкратцѣ описали. Дѣятельность Райта, повторяемъ, представляетъ въ высшей степени замѣчательный и яркій примѣръ силы, какая заключается въ стремленіи человѣка къ определенной цѣли,—примѣръ могущества малыхъ средствъ, заботливо и внимательно употребляемыхъ въ дѣло, а всего болѣе, — того вліянія, какое энергический и возвышенный характеръ одного человѣка постоянно оказываетъ на жизнь и дѣятельность другихъ людей.

Каждый добросовѣстный трудъ не только не заключаетъ

въ себѣ ничего унизительного, но напротивъ приносить трудащемуся большую честь — будеть-ли этотъ трудъ со- стоять въ обработкѣ земли, или въ выдѣлкѣ инструментовъ, избереть-ли онъ себѣ мѣстомъ ткацкую фабрику, или тор- говый прилавокъ. «Не того слѣдуетъ стыдиться, кто имѣть какое-нибудь честное занятіе,—сказалъ Фуллеръ,—но того, кто никакого не имѣть». Епископъ Галль сказалъ, что «всякій трудъ, какъ умственный, такъ и физическій, всегда приятенъ». Люди, вышедши изъ скромнаго званія, не только не должны стыдиться своего происхожденія, но скорѣе мо- гутъ гордиться тѣмъ, что преодолѣли столько трудностей. Какой-нибудь подепщикъ, стоя на своихъ ногахъ, оказы- вается выше дворянина, лишенаго силъ держаться прямо и самостоятельно. Одинъ изъ сѣверо-американскихъ пре- зидентовъ, на вопросъ, какой у него щитъ, вспомнивъ, что онъ въ молодости былъ дровосѣкомъ, отвѣчалъ: «пара рукавовъ у рубашки». Извѣстный юристъ, лордъ Тентер- денъ, съ гордостью указалъ своему сыну ту лавку, въ которой когда-то бриль посѣтителей, получая за это по одному ценни. Одинъ французскій докторъ смеялся надъ происхожденіемъ Флешье, епископа вимскаго, который былъ въ молодости торговцемъ свѣчами; Флешье отвѣчалъ: «Если бы вы по рожденію принадлежали къ тому же классу, къ какому принадлежалъ я, то вы могли бы заниматься развѣ только выдѣлкою свѣчъ, а не продажею ихъ». Нѣ-которые малодушные люди, стыдясь своего происхожденія, тщательно стараются скрывать его, но самыя усиливъ, упо- требляемыя ими для этой цѣли, измѣняютъ имъ и выдаютъ ихъ тайну; такие люди напоминаютъ разсказъ объ одномъ красильщикѣ, которому достались деньги, честно зарабо- танныя чисткою трубѣ: стыдясь этого ремесла, онъ вы- строилъ себѣ домъ совсѣмъ безъ трубъ и выпускалъ весь дымъ въ свою красильню. Томасъ Бернардъ, одинъ изъ лучшихъ практическихъ филантроповъ своего времени, въ своемъ сочиненіи «объ улучшениіи быта бѣдныхъ», упоми-

съ уваженiemъ о трубочистѣ Давидѣ Портерѣ, чело-
умномъ и представляющемъ прекрасный примѣръ
прилежанія и труда. Въ дѣтскихъ лѣтахъ Портеръ
отданъ въ работу къ трубочисту; въ то время участь
иковъ, занимавшихся у этихъ ремесленниковъ лаза-
по трубамъ, немногимъ отличалась отъ настоящаго
ничества. Однако-жъ крѣпкій и энергический Пор-
теренесь всѣ невзгоды своего положенія. Восемнадцати
году, онъ началъ заниматься чисткою трубъ уже
по-своему имени. Когда этой работы было мало, Портеръ
стался другими дѣлами; такъ, лѣтомъ, во время жатвы,
работалъ на фермахъ въ Линкольншире, принося всегда
небольшой запасецъ денегъ, скопленныхъ этимъ
мъ. Но онъ не пренебрегалъ и своимъ умственнымъ
иемъ, и никогда не забывалъ испытаній, какія при-
я на долю бѣднаго ученика у трубочиста, — испы-
который всѣ онъ перенесъ самъ. Свободное время,
ему удавалось урвать у своего постоянного дѣла,
по посвящать сочиненію, задуманному имъ объ этомъ
тѣ; по напечатанію, онъ тщательно распространять
лигу между людьми вліятельными, стараясь, подобно
Шарпу, возбудить въ обществѣ движение съ цѣлью
изменить положеніе несчастныхъ работниковъ. Портеръ,
съ ствомъ бережливости, прилежанія и ревности къ из-
ному роду занятій, составилъ себѣ значительное со-
бѣ, улучшивъ вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе своихъ ра-
ботниковъ и мальчиковъ до степени, совершенно неизвѣст-
ной неупотребительной въ то время. На вопросъ Томаса
Года, какъ онъ достигъ успѣха въ своемъ дѣлѣ и со-
ѣ хорошее состояніе, Портеръ отвѣчалъ: «Этого дѣ-
ла потому, что никогда не имѣть ни празднаго вре-
ни свободныхъ денегъ». Въ этомъ состоялъ весь его
тѣ.

всѣмъ тѣмъ, нѣтъ ничего обыкновеннѣе между
и, какъ энергическое наживаніе денегъ, безъ всякой

другой высшей цѣли, иромъ простого ихъ накопленія. Человѣкъ, предающійся тѣломъ и душой такому занятію, почти безъ всякаго сомнѣнія разбогатѣть, тѣмъ болѣе, что для этого не требуется большого ума: расходуйте меньшую сумму противъ той, какую наживаете, прикладывайте рубль къ рублю, усердно копите и берегите,—и масса денегъ въ вашемъ распоряженіи будетъ постепенно увеличиваться. Джонъ Фостеръ приводить хороший примѣръ тѣхъ послѣдствій, до какихъ можно дойти въ дѣлѣ сбереженія денегъ такимъ образомъ дѣйствій. Одинъ молодой человѣкъ, растративъ различными дурными путями свое имѣніе, впалъ наконецъ въ величайшую бѣдность и пришелъ въ отчаяніе. Въ такомъ положеніи онъ выбѣжалъ однажды изъ своего дома съ намѣреніемъ лишить себя жизни, но, достигнувъ пригорка, съ которого можно было видѣть всѣ его помѣстія, остановился, сѣлъ, задумался на нѣкоторое время и всталъ уже съ твердою рѣшимостью возвратить ихъ въ свое владѣніе. Идя назадъ, онъ замѣтилъ возъ угля, опрокинутый на мостовую передъ своимъ домомъ, и нанялся сложить уголь обратно на возъ. Заработавъ такимъ образомъ нѣсколько пенсовъ, онъ потребовалъ въ видѣ награды, чтобы его накормили; просьба эта была исполнена, а заработанныя деньги отложены. Продолжая заниматься такой уличной работой, этотъ человѣкъ увеличивалъ свои заработки и сбереженія; накопивъ достаточно денегъ, онъ купилъ нѣсколько штукъ скота и перепродалъ ихъ съ прибылью. Съ неуклонною точностью, подобно времени, и съ жадностью, подобно смерти, онъ стремился къ приобрѣтенію денегъ; потомъ, постепенно расширяя кругъ своихъ занятій, онъ сдѣлался наконецъ богатъ и съ излишкомъ возвратилъ цѣнность своихъ прежнихъ имѣній,—но умеръ закоренѣлымъ скрягой. Человѣку съ болѣе возвышеннымъ духомъ то же самое рѣшеніе, которое пришло въ голову описанному нами субъекту, дало бы возможность сдѣлаться благодѣтелемъ какъ для другихъ, такъ

и для самого себя; а между тѣмъ въ приведенномъ примѣрѣ и самая жизнь, и цѣль ея вышли одинаково отвратительными.

Сбереженіе денегъ для самыхъ денегъ, безъ всякой другой цѣли, не можетъ быть названо дѣломъ хорошимъ, хотя бы деньги были заработаны и честно; но если онъ добываются игрой или спекуляціей, безъ труда, — тогда дѣло представляется еще въ худшемъ свѣтѣ. Заботиться о другихъ или о собственномъ комфорѣ и независимомъ положеніи въ старости — дѣло хорошее и въ высшей степени заслуживающее похвалы; но такъ-называемое сколачивание денегъ есть уже характеристическая черта человѣка ограниченного и скупого. Противъ развитія этой-то привычки къ неумѣренной бережливости благоразумный человѣкъ и долженъ остерегаться самымъ тщательнымъ образомъ: иначе то, что въ молодыхъ лѣтахъ было про-отой экономіей, въ старости можетъ превратиться въ скучность,—и простое исполненіе обязанности въ первомъ случаѣ сдѣлается порокомъ въ послѣднемъ. Эта страсть къ деньгамъ, но не самыя деньги, и составляетъ «корень зла», суживаетъ и ограничиваетъ человѣческую натуру и заграждаетъ человѣку путь къ великодушной жизни и дѣятельности. Поэтому Вальтеръ-Скоттъ заставляетъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ своихъ романахъ объявлять, «что число людей, погибающихъ физически отъ обиженного меча», — гораздо меньше числа тѣхъ, которые нравственно «гибнутъ изъ-за денегъ». Одно изъ дурныхъ слѣдствій слишкомъ исключительного занятія извѣстнымъ предметомъ заключается въ томъ, что это незамѣтно сообщаетъ человѣку жесткость. Такой дѣловой человѣкъ впадаетъ въ одну колею и часто за ней уже не видитъ вичего. Если онъ живеть только для себя самого, то привыкаетъ на всѣхъ другихъ людей обращать вниманіе лишь настолько, насколько они нужны для его цѣлей. Пропажа листка изъ дѣловой книги поражаетъ его, какъ потеря чего-то въ

высшей степени важного. Объ одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ англійскихъ дѣловыхъ людей,—человѣкѣ, къ тому же, совѣтливомъ и почтенномъ, который провелъ всю свою жизнь преимущественно въ копленіи денегъ, рассказываютъ, что онъ передъ смертью обратился къ своей любимой дочери и сказалъ ей торжественно: «Не ошибка ли это была?» Ему пришло на мысль, сколько добра дѣлаютъ люди, подобные ему, и сколько его онъ самъ могъ бы сдѣлать, еслибы, къ несчастью, не такъ поздно сознать свою ошибку, состоявшую въ исключительномъ обращеніи всѣхъ своихъ способностей на бесплодное коплевіе денегъ,—сознать ее уже тогда, когда долженъ былъ разстаться со своими богатствами, добываніе которыхъ было почти единственою цѣлью его жизни.

Успѣхъ въ свѣтѣ, измѣряемый количествомъ денегъ,—вещь, безъ сомнѣнія, очень привлекательная: люди вообще по самой природѣ своей болѣе или менѣе склонны поклоняться такому успѣху. Но хотя люди, одаренные стойкостью, проницательностью, ловкостью и мало привыкшіе къ излишней совѣтливости,—люди, которые всегда стерегутъ удобный для себя случай,—дѣйствительно «выигрываютъ» въ свѣтѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень возможно, что они не обладаютъ возвышеннымъ характеромъ и не имѣютъ ни частицы истиннаго величія. Тотъ, кто не признаетъ другой логики, кроме логики шиллинга, можетъ сдѣлаться человѣкомъ очень богатымъ и, несмотря на то, всегда останется въ высшей степени жалкимъ созданіемъ, потому что богатства не служатъ признакомъ нравственного достоинства; блескъ ихъ часто лишь бываетъ поводомъ къ обращенію всеобщаго вниманія на ничтожность ихъ обладателя, — какъ свѣтъ, издаваемый свѣтилкамъ, освѣщаетъ только непривлекательнаго вида наскѣкомое. «Въ нравственномъ отношеніи, — говоритъ Линчъ, — пенин иногда имѣеть больше вѣса, чѣмъ фунтъ, потому что служить болѣе вѣрнымъ доказательствомъ трудолюбія и твердости

характера. Деньги, которые являются свидѣтелемъ цѣлаго рида лѣтъ, полныхъ терпѣнія и изобрѣтательности и посвященныхъ дѣятельности честной и предпріимчивой,—дѣйствительно служать доказательствомъ «нравственныхъ достоинствъ» ихъ владѣльца. Но ни средства человѣка, ни его качества нельзя измѣрить количествомъ его денегъ. Если онъ имѣетъ и толстый кошелекъ, но сухое сердце,—обширная помѣстья, но ограниченный умъ,—къ чему же послужать его «средства»? — Что оставить ему всѣ такъ называемыя «достоинства»? Пусть человѣкъ будетъ тѣмъ, чѣмъ хочетъ: только умъ и сердце дѣлаютъ его богатымъ или бѣднымъ, несчастнымъ или счастливымъ; они могутъ больше сдѣлать въ этомъ отношеніи, чѣмъ любое большое состояніе».

Такое самопожертвованіе, допускаемое многими изъ-за любви къ деньгамъ, напоминаетъ примѣръ жадности обезьяны, этой карикатуры нашей породы. Въ Алжирѣ кабилы привязываютъ къ дереву зрѣлую тыкву и въ середину ея насыпаютъ рису. Въ тыквѣ оставляется отверстіе, только-что достаточное для помѣщенія лапы обезьяны. Животное приходитъ къ дереву ночью, вкладываетъ лапу въ отверстіе и схватываетъ свою добычу, но назадъ вытащить лапу уже не можетъ,—и въ такомъ положеніи остается до утра, когда его ловятъ въ самомъ жалкомъ видѣ, хотя и съ захваченной добычей. Мораль этого примѣра имѣть обширное приложеніе и къ человѣческой жизни.

Вообще нельзя не сказать, что значеніе денегъ люди склонны сильно преувеличивать. Величайшія дѣла, какія когда-либо совершались въ мірѣ, производились не людьми богатыми, не съ помощью подписныхъ листовъ, но такими лицами, которые располагали вообще очень незначительными денежными средствами. Христіанство было распространено на протяженіи половины земного шара людьми изъ самого бѣднаго класса общества; величайшіе мыслители, артисты — виновники значительныхъ изобрѣтений и

открытій — были большою частью люди съ весьма умѣренными средствами; многие изъ нихъ, если смотрѣть съ точки зрѣнія положенія ихъ въ обществѣ, даже весьма незначительно возвышались надъ положеніемъ обыкновенныхъ ремесленниковъ. Такъ и всегда будетъ. Богатство чаще бываетъ препятствиемъ, чѣмъ возбужденіемъ къ дѣйствію, и во многихъ случаяхъ приноситъ человѣку сколько счастія, столько же и несчастія. Молодому человѣку, получившему въ наслѣдство значительное состояніе, дальнейшая жизнь дѣлается уже слишкомъ легка, онъ скоро пресыщается ею, потому что ничего больше не остается желать. Не имѣя никакой цѣли для борьбы, для стараній, онъ начинаетъ находить, что излишекъ свободного времени сильно тяготить его; онъ находится въ нравственномъ и умственномъ усыплѣніи, и положеніе такого человѣка въ обществѣ часто оказывается не выше положенія полина, надъ которымъ морскія волны совершаютъ свой приливъ и отливъ.

Но здравомыслящий богачъ будетъ презирать праздность, какъ склонность, недостойную человѣка, и если только онъ подумаетъ о той ответственности, какая сопряжена съ обладаніемъ богатствомъ и вообще собственностью, то почувствуетъ еще большую охоту къ труду, чѣмъ человѣкъ бѣдный. Какъ бы то ни было, но должно признаться, что такое презрѣніе къ праздности не вошло въ вашу житейскую практику. Іосифъ Бревертона оставилъ прекрасное изреченіе, которое должно было начертать на его памятнике въ Манчестерѣ, — изреченіе совершенено справедливое относительно его самого: «Мое богатство состояло не въ томъ, что я много имѣлъ, но въ томъ, что въ маломъ нуждался». Изъ скромнаго положенія фабричнаго мальчика онъ поднялся до высокаго и полезнаго поста съ помощью простой честности, трудолюбія, аккуратности и самоотверженія. До самаго конца своей жизни, въ свободное отъ парламентскихъ занятій время, онъ исполнялъ свои пасторскія обязанности въ маленькой капелль въ Манчестерѣ,

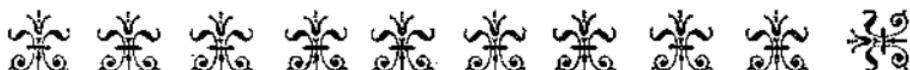
при которой состоялъ; вообще всегда тѣмъ, кто зналъ Бревертона въ частной жизни, было очевидно, что онъ не искалъ того, чтобы обращать на себя вниманіе людей или возбуждать ихъ похвалу, но заботился лишь о пріобрѣтеніи собственного сознанія въ добросовѣстномъ исполненіи каждодневныхъ жизненныхъ обязанностей, не исключая изъ нихъ и самыхъ ничтожныхъ.

Человѣкъ «достопріятнѣй уваженія», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, лишь тогда, когда добръ. Такіе люди всегда заслуживаютъ полнаго вниманія съ нашей стороны; если, конечно, достоинства ихъ не ограничиваются одною вышнѣстностью. Гораздо лучшимъ въ нравственномъ отношеніи и болѣе достойнымъ уваженія оказывается бѣдный, но хороший человѣкъ, чѣмъ богатый, но дурной; также человѣкъ молчаливый и простой лучше пріятнаго блестящаго хвастуна. Человѣкъ, получившій хорошее направленіе и развитіе, поставившій себѣ въ жизни полезную цѣль, какое бы общественное положеніе онъ самъ ни занималъ, имѣть гораздо болѣе значенія, чѣмъ какой-нибудь господинъ, стоящий въ уровень съ уваженіемъ свѣта. По нашему мнѣнію, высшая цѣль жизни заключается въ сформировкѣ мущественнаго характера и въ выработкѣ себѣ возможно лучшаго развитія, — какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеній, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ развитіе ума, совѣсти, сердца и духа. Въ этомъ состоить цѣль: все остальное должно разсматривать какъ средства. Сообразно съ этимъ, не ту жизнь слѣдуетъ считать самою удачною, въ которой человѣкъ наслаждается въ большомъ объемѣ удовольствіями, деньгами, властью, почестями или славой, а ту, въ которой онъ пріобрѣтаетъ болѣе всего цитиновыхъ человѣческихъ свойствъ и выполняетъ наибольшую сумму полезныхъ дѣлъ и лежащихъ на немъ обязанностей. Деньги сами по себѣ — сила, это правда; но умственное развитіе, высокій общественный духъ и нравственная добродѣтель представляютъ собою также силы, и

силы гораздо лучшаго свойства. «Пусть люди хлопочутъ о разныхъ пенсіяхъ,—писалъ лордъ Коллингвудъ къ своему другу, — я могу быть богатымъ и безъ денегъ, стараясь только возвышаться надъ всѣмъ дурнымъ. Услуги, какія мнѣ случается оказывать моему отечеству, не запятнаны какими-нибудь корыстными побужденіями». Въ другой разъ онъ говорилъ: «Для принятаго мною образа дѣйствій, я имѣю такія побудительныя причины, которыхъ не про-мѣняль бы на сотню пенсій».

Пріобрѣтеніе состоянія помогаетъ, безъ сомнѣнія, иѣ-которымъ людямъ, какъ говорится, «войти въ общество»; но, чтобы заслужить въ этомъ обществѣ уваженіе, должно обладать умственными способностями, хорошимъ нравомъ и умѣньемъ поставить себя какъ слѣдуетъ; въ противномъ случаѣ, на такихъ людей будутъ смотрѣть только какъ на богачей, и больше ничего. Есть и теперь люди «въ общес-твѣ» богатые, какъ Крезы, но не обращающіе на себя ничего вниманія и не возбуждающіе никакого уваженія. Почему? Потому что они похожи на мышки съ деньгами: все ихъ значеніе заключается въ денежномъ ящицѣ. Лю-дямъ, замѣтнымъ въ обществѣ, руководителямъ обществен-наго мнѣнія, вовсе нѣть необходимости быть богатыми; имъ слѣдуетъ только имѣть безукоризненный характеръ, практическую опытность и нравственное превосходство. Даже такой бѣднякъ, какъ Томасъ Райтъ, располагающій самыемъ малымъ количествомъ земныхъ благъ, сознавая, что его натура хорошо развита, что, пользуясь житей-скими выгодами, овъ не злоупотреблять ими, и что жизнь его употреблена самыемъ лучшимъ образомъ, по мѣрѣ его средствъ и способностей, — даже такой человѣкъ можетъ смотрѣть безъ малѣйшей зависти на любого господина, имѣющаго обыкновенный успѣхъ въ свѣтѣ, т.-е. обладаю-щаго мышками денегъ и десятинами земли.

ГЛАВА X.

САМОРАЗВИТИЕ.

Развитіе должно распространяться на всѣ стороны человѣческой природы.—Физическое развитіе.—Слова Мильтона.—Пренебрежение тѣлесными упражненіями—источникъ умственной и физической слабости.—Слова Годсона.—Пренебреженіе свободнымъ развитіемъ тѣлесныхъ органовъ.—Механическій трудъ.—Раннее физическое развитіе Ньютона.—Зависимость успѣшнаго хода занятій специалистовъ отъ вопроса о положеніи здоровья.—Адвокаты и законодатели.—Лорды Пальмерстонъ и Брумъ.—Здоровье Вальтеръ-Скотта.—Богословы: Барроу, Фуллеръ и Клеркъ.—Прилежное занятіе необходимо для саморазвитія.—Рѣшимость въ стремленіи къ цѣли.—Трудъ ведеть къ гениальности.—Сентъ-Леонардъ и Бульверъ Литтонъ.—Определенная цѣль въ ученьѣ.—Польза довѣрія къ собственнымъ силамъ.—Зло отъ недостатка этого довѣрія.—Общеизвѣстные пути къ знанію.—Необходимость труда.—Должно избѣгать нетерпѣнія.—Лучшее развитіе—саморазвитіе.—Докторъ Арнольдъ.—Знаніе и умъ.—«Знаніе есть сила», невѣжество—также сила.—Преувеличеніе важности книжного образования.—Книги не принадлежать къ числу лучшихъ наставниковъ.—Больше значенія имѣетъ дисциплина въ жизни и дѣйствіяхъ.—Наблюденіе за своими поступками.—Самоуваженіе.—Знаніе, какъ средство «выйти въ люди».—Слова Соути.—Совмѣстные экзамены въ Англіи; ихъ вѣроятный вредъ.—Пути саморазвитія отдѣльныхъ лицъ въ русскомъ обществѣ.—Примѣры такого саморазвитія: а) въ области литературы: Кольцовъ, Никитинъ, Полевой, Шевченко; б) въ области практической жизни: Морозовъ.

Самообразованіе заключается въ развитіи всѣхъ сторонъ человѣческой природы, какъ физической, такъ и духовной и умственной. Эти три главныя способности человѣка должны быть тщательно развиваемы для того, чтобы

были въ состояніи взаимно пополнять другъ друга. Если вы станете развивать только физическую сторону, то получите атлета или дикаря; если обратите исключительное вниманіе на нравственную силу, то воспитаете идеалиста, а если усилите развитіе однѣхъ умственныхъ способностей, то получите большого чудака или сумасшедшаго.

Вполнѣ развитымъ человѣкомъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, можетъ называться только тотъ, въ комъ одинаково выработаны все эти три стороны его натуры.

Древніе обращали весьма большое вниманіе на развитіе физическихъ силъ человѣка, поставивъ цѣлью своихъ воспитательныхъ системъ соединеніе въ молодыхъ людяхъ крѣпкаго духа съ здоровымъ тѣломъ. Греческіе преподаватели совѣтовали юношамъ учиться только тѣмъ наукамъ, которыми можно заниматься въ стоячемъ положеніи. Подобная же отчасти мысль выражена и въ старинной англійской пословицѣ, которая гласитъ слѣдующее: «Лѣтомъ—поле, зимой—науки». Мильтонъ въ своемъ сочиненіи о воспитаніи также проводить идею о необходимости развивать въ юношахъ какъ умственные, такъ и физическія силы, чтобы воспитать въ нихъ людей, способныхъ на всякаго рода борьбу.

Въ наше время занятія, развивающія только тѣлесныя силы, считаются унизительными, и все вниманіе при воспитаніи бываетъ исключительно обращено на развитіе умственныхъ способностей, въ ущербъ здоровью. Такимъ образомъ мозгъ усиленно работаетъ на счетъ прочихъ нашихъ членовъ, и развитіе физическихъ способностей находится въ обратномъ отношеніи къ умственнымъ. Поэтому, въ нашъ вѣкъ прогресса и встрѣчается такъ много людей съ больными желудками, съ безсильными руками и вообще съ дряблымъ организмомъ. Но не однѣ только физическія силы страдаютъ отъ такой неправильной системы. Самый умъ нацѣ развивается болѣзненно, возмужалость отдаляется, и силы нравственныя не крѣпнутъ, а слабѣ-

ють. Результатомъ такого пренебреженія къ физическому развитію являются: недовольство жизнью, скука, бездѣльствіе, мечтательность и вообще всѣ тѣ уродливыя явленія, которые называются въ Англіи байронизмомъ, въ Германіи вертериазмомъ, а въ сущности составляютъ только помѣху правильному теченію жизни. Можетъ быть, причиной такого преждевременного разочарованія въ жизни молодыхъ людей было именно пренебреженіе къ физическимъ упражненіямъ, сообщающимъ людямъ бодрость, ловкость и веселое расположение духа. То же самое наблюдалъ докторъ Чаннингъ въ Америкѣ, замѣчая, что молодые люди вырастаютъ вѣлыми, какъ бы больными. Лѣкарствомъ противъ такой несоответствующей юношескому возрасту немощи служить только постоянная дѣятельность тѣла и всевозможныя физическія упражненія. Даніель Мальтусъ, внимательно слѣдя за научными занятіями своего сына, въ то же время требовалъ, чтобы онъ участвовалъ въ разныхъ играхъ, развивающихъ умственную и физическую силу. Онь говорилъ ему: «Конечно, всякое познаніе въ наукѣ, въ искусствахъ или въ природѣ занимаетъ и укрѣпляетъ твой умъ, но также укрѣпляться должны и твои физические органы,— и поэтому я желалъ бы, чтобы ты обратилъ вниманіе на занятія, требующія тѣлесныхъ усилий, какъ напримѣръ, крикетъ; мнѣ пріятно видѣть тебя ловкимъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и я думаю, что тогда только можно вполнѣ наслаждаться какимъ-нибудь удовольствіемъ, когда все наше существо принимаетъ въ немъ участіе». Іеремія Тейлоръ говорилъ: «Избѣгайте праздности, какъ начала всѣхъ пороковъ, каждую минуту старайтесь употреблять съ пользой; лѣнивымъ умомъ незамѣтно, но быстро овладѣваютъ порочныя страсти, тогда какъ дѣятельный человѣкъ всего менѣе склоненъ къ чувственнымъ наслажденіямъ».

Во многихъ лучшихъ англійскихъ школахъ и университетахъ допущены различныя игры, требующія сильныхъ

движений; мѣра эта чрезвычайно разумна, и благодаря ей, мы видимъ въ Англіи такъ много здоровыхъ, мужественныхъ и сильныхъ людей. Герцогъ Веллингтонъ, смотря однажды на игры дѣтей въ Итонской школѣ, въ которой онъ провелъ свою юность, замѣтилъ: «Ватерлооское сраженіе было выиграно еще здѣсь!»

Въ современномъ воспитаніи никакъ не должно быть забыто развитіе мускуловъ, хотя, конечно, и не чрезмѣрное, потому что наша молодежь оставляетъ школу обыкновенно съ головою, наполненою латынью и другими ненужными въ жизни познаніями, и съ слабымъ тѣломъ. Наши молодые люди, можетъ быть, очень сильны въ грамматическихъ правилахъ, но способность къ наблюденію развита въ нихъ гораздо менѣе, чѣмъ у какого-нибудь плотника или кузнеца.

Нѣть сомнѣнія, что по мѣрѣ усовершенствованія педагогики, воспитатели поймутъ, наконецъ, что для каждого человѣка необходимо, какъ умственное образованіе, такъ и умѣніе вести обыкновенные дѣла; между тѣмъ какъ нынѣ часто встречаются такие ученые, которые дальше своей науки ничего не видятъ и вѣнѣ своей сферы никуда не годятся. Если бы при школахъ были заведены мастерскія, и дѣти, въ свободные отъ научныхъ занятій часы, точили, стругали, чертили что-нибудь, то эти мастерскія привнесли бы громадную пользу, знакомя молодыхъ людей съ производствомъ полезныхъ работъ и надѣляя ихъ ловкостью и силой. Но въ то же время не слѣдуетъ исключительно занимать молодежь изученіемъ различныхъ ремесль, такъ какъ умственное и нравственное образованіе должно стоять на первомъ планѣ, а физическія упражненія должны быть только вспомогательными средствами въ общей системѣ воспитанія. Исаакъ Ньютона еще въ дѣтствѣ пристрастился къ разнымъ механическимъ занятіямъ. Цѣлый день въ его комнатѣ раздавался стукъ молотка и шумъ пилы; ему доставляло удовольствіе выдѣлываніе маленькихъ мель-

ницъ, колясочекъ и разныхъ машинокъ, а когда онъ подросъ, то дарилъ пріятелямъ столики и шапочки своего издѣлія. Смитонъ, Уаттъ и Стеренсонъ также съ дѣтства интересовались знать употребленіе различныхъ инструментовъ; эта-то любознательность и была, конечно, причиной тѣхъ великихъ открытій, какія впослѣдствіи ими были совершены. Таково же было первоначальное воспитаніе великихъ изобрѣтателей и механиковъ, описанныхъ уже въ предыдущихъ главахъ; ихъ умъ и практическія способности были выработаны постояннымъ занятіемъ въ молодости ручнымъ трудомъ. Даже люди, бывшіе сначала ремесленниками, извлекали изъ своего знанія ремесль большую пользу впослѣдствіи, по переходѣ къ занятіямъ умственнымъ.

Борріть даже признавалъ тяжелый физическій трудъ необходимымъ для успешнаго хода умственныхъ занятій. Для укрѣпленія тѣла и освѣженія ума онъ бросалъ на время свои научныя занятія и шелъ работать въ кузницу. Подобный же взглядъ проводить Мильнесъ въ своей рѣчи, сказанной на митингѣ въ институтѣ механиковъ. Онъ говорить, что ревностный, аккуратный, хороший механическій трудъ всего лучше подготовляетъ человѣка къ труду умственному. Хороший работникъ имѣеть всѣ задатки быть хорошимъ ученымъ; далѣе онъ говоритъ, что всѣ замѣчательныя лица, возьмившияся изъ низшаго класса общества, вышли не изъ среды тѣхъ людей, которые работали мало, но именно изъ самыхъ трудолюбивыхъ, дѣятельныхъ и талантливыхъ личностей въ своихъ механическихъ занятіяхъ. Существуютъ однако два обстоятельства, препятствующія умственному развитію человѣка, — именно, съ одной стороны — трудъ не по силамъ, а съ другой — отсутствие труда. По мнѣнію оратора, для правильнаго хода умственного развитія не можетъ быть никакого ущерба отъ занятія человѣка чѣмъ-либо другимъ кромѣ постоянной его работы. Это равно справедливо и при взгляде на выс-

шие классы общества. Тѣ люди, которые въ своихъ частныхъ занятіяхъ выказывали особенную дѣятельность, отличались болѣе другихъ и въ гражданскомъ отношеніи приносили, говоря сравнительно, большую пользу своему отечеству.

Степень успѣха въ занятіяхъ даже специалистовъ какого-нибудь предмета немало зависитъ отъ ихъ организма и развитія физической силы. Такъ, хорошо развитая грудь можетъ быть признана почти столь же необходимую для адвоката или государственного человѣка, какъ и многосторонне-образованный умъ. Свободный доступъ воздуха въ легкія, содѣствующія болѣе полному крово обращенію, оказывается совершенно необходимымъ, потому что въ значительной степени обусловливаетъ здоровую дѣятельность мозга. Адвокатъ на пути къ своей профессіи долженъ привести много времени въ тѣсныхъ и душныхъ судахъ, а политическому дѣятелю приходится выносить усталость и сильное возбужденіе отъ продолжительныхъ преній въ палатѣ парламента, наполненной народомъ. Поэтому, адвокатъ и парламентскій боецъ должны въ своей дѣятельности выказать не малую физическую силу, какъ пассивную, такъ и активную, даже въ большемъ объемѣ, чѣмъ умственную; замѣчательное проявленіе этихъ способностей мы видѣли у Брума, Линдгурста, Кемпбелля, Шиля, Грамага и Пальмерстона, которые все обладали сильно-развитою грудью.

Лордъ Пальмерстонъ еще въ ранней молодости удивлялъ всѣхъ своею силою и ловкостью въ различныхъ играхъ, требующихъ тѣлесныхъ упражненій: никто не могъ его превзойти въ умѣньѣ грести, скакать и бѣгать, въ подобныхъ забавахъ онъ былъ всегда первымъ, какъ впослѣдствіи сдѣлался первымъ въ парламентѣ; и даже въ пре-клонныхъ лѣтахъ любилъ верховую Ѣзду и стрѣльбу, которыми посвящалъ немногіе часы отдыха. О громадной силѣ лорда Брума, о способности его къ неутомимому

труду, какъ о Геркулесѣ, сохранилось много разсказовъ. Объ немъ и о другихъ подобныхъ людяхъ справедливо было сказано въ «Times», что англійскія знаменитости славятся, какъ умственнымъ, такъ и физическимъ развитиемъ. Такъ какъ нравственные и умственные силы человѣка облечены извѣт въ физическую оболочку, то и вся совокупность нашихъ душевныхъ отправлений находитъ себѣ выраженіе въ тѣлесныхъ органахъ.

«Тѣло,—по словамъ Буртона,—есть *domicilium animae*, какъ бы домъ души, ея жилище и постоянное пребываніе; какъ факель даётъ болѣе яркій свѣтъ и болѣе пріятный запахъ, смотря по тому, изъ какого вещества онъ сдѣланъ, такъ и всѣ явленія нашего духа производятся лучше или хуже, смотря по дѣйствію физическихъ органовъ; и какъ вино приобрѣаетъ тотъ или другой вкусъ отъ бочки, въ которой его держать, такъ и душа получаетъ извѣстный нравственный оттѣнокъ отъ тѣла, въ которомъ она дѣйствуетъ».

Вальтеръ-Скоттъ, еще будучи студентомъ въ эдинбургскомъ университете, славился своей силой и крѣпкимъ здоровьемъ; онъ прокалывалъ копьемъ лососей въ Тайдѣ не хуже опытныхъ рыболововъ и могъ управлять дикою лошадью, какъ любой охотникъ; даже посвятивъ себя внословѣствіи литературнымъ трудамъ, онъ не оставлялъ склонности къ охотѣ: такъ, занимаясь поутру сочиненіемъ «Ваверлея», онъ послѣ полудни пускался въ лѣсъ за зайцами. Профессоръ Уильсонъ, владѣвшій атлетическимъ тѣлосложеніемъ, обнаруживалъ такую же ловкость въ дѣйствіи молоткомъ, какъ и въ своихъ ораторскихъ и поэтическихъ опытахъ. Бернесь въ юности отличался больше всего въ тѣлесныхъ упражненіяхъ: въ искусстве прыгать, скакать, бороться у него не было соперниковъ.

Нѣкоторыя изъ англійскихъ духовныхъ особъ въ моло-дыхъ лѣтахъ также славились физической силой.

Исаакъ Барроу еще въ школѣ былъ первымъ кулач-

нымъ бойцомъ и показалъ свое искусство на многихъ физиономияхъ своихъ товарищъ; Андрю Фуллеръ, работая на фермѣ, считался самымъ ловкимъ боксеромъ, а Адамъ Клеркъ, еще мальчикомъ, обладалъ замѣчательною силою, которая у него особенно проявлялась въ искусстве, съ какимъ онъ бросалъ огромнѣйшіе камни; можетъ быть, эта физическая крѣпость и составляла въ немъ секретъ той умственной спли, какую онъ проповѣдалъ внослѣдствіи.

Какъ ии необходимо поэтому прежде всего положить прочныя основы физического здоровья, но должно замѣтить, что для воспитанія молодого человѣка также весьма важно развитіе въ немъ навыка къ умственнымъ занятіямъ. Старое правило, учившее нась все преодолѣвать трудомъ, можетъ быть въ особенности примѣнено къ труду умственному. Путь къ образованію открыть для каждого желающаго трудиться, и вѣтъ такихъ препятствій, которыхъ человѣкъ, твердо рѣшившійся работать, не могъ бы устраниить или побѣдить. Приведемъ здѣсь кстати характеристическое выраженіе Чаттертона: «Богъ далъ людямъ длинныя руки, способный къ труду, чтобы они могли достать то, къ чему стремятся». Вообще въ наукахъ, какъ и во всякихъ другихъ занятіяхъ, энергія — великое дѣло. Вопреки извѣстной пословицѣ, мы должны ковать желѣзо не только тогда, когда оно горячо, но ковать и раньше, чтобы сдѣлать его горячимъ. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какъ много можетъ совершить въ дѣлѣ саморазвитія трудолюбивый и энергичный человѣкъ, умѣющій пользоваться обстоятельствами и не теряющій понапрасну ни одной свободной минуты, который такъ щедро расточаетъ лѣнивый. Такъ, напримѣръ, Фергюсонъ изучалъ астрономію по небеснымъ свѣтиламъ въ то время, когда занимался на полѣ свертываніемъ овечихъ кожъ. Стонъ учился математикѣ, работая поденно у садовника. Дрю занимался изученіемъ высшей философіи въ свободные промежутки времени, какіе у него оставались отъ починки старой обуви. Миллеръ занимался

геологіей послѣ цѣлаго дня работы въ каменоломнѣ. Такимъ образомъ, несмотря на всевозможныя неблагопріятныя условія, люди эти собственными силами достигли высокаго умственнаго развитія и приобрѣли почетную извѣстность. Джошуа Рейнольдсъ, какъ мы уже сказали выше, былъ до такой степени убѣжденъ въ могущество трудолюбія, что считалъ каждого человѣка способнымъ достигнуть возможнаго совершенства посредствомъ терпѣливаго и усидчиваго труда. Онъ утверждалъ, что неутомимая работа ведеть къ геніальности, и что для успѣховъ артиста нѣть предѣловъ, кроме тѣхъ, какие онъ самъ поставилъ своимъ трудомъ. Рейнольдсъ не признавалъ вдохновенія, онъ вѣрилъ только въ трудъ и въ основательное изученіе предмета. «Превосходство, — говорилъ онъ, — не дается человѣку иначе, какъ въ награду за работу. Если вы надѣлены большими талантами, — трудолюбіе усовершенствуетъ ихъ; если способности ваши не блестящи, — трудолюбіе разовьетъ ихъ и пополнитъ недостатки. Нѣть ничего невозможнаго для хорошо направленнаго труда, а безъ него ничего нельзя достигнуть». Фоуэль Бекстонъ, трудившійся на различныхъ поприщахъ, также вѣрилъ въ силу труда и имѣлъ скромность приписывать свой успѣхъ въ жизни только прилежной работе, говоря, что каждый человѣкъ могъ бы сдѣлать то же самое, занимаясь усидчиво. Онъ питалъ большое довѣріе къ обыкновеннымъ человѣческимъ способностямъ, усиленнымъ лишь необыкновеннымъ приложениемъ. Дѣйствительно, геній безъ труда — не что иное, какъ нѣмой оракуль; и не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе геніальные люди были постоянно въ числѣ самыхъ усердныхъ и неутомимыхъ тружениковъ, и главная характеристическая черта ихъ всегда состояла въ способности къ болѣе напряженной и успѣшной работѣ, нежели какая бываетъ замѣтна у другихъ людей.

Способность всецѣло отдаваться извѣстному дѣлу и аккуратность — вотъ два необходимыя условія для успѣши-

наго изученія какого бы то ни было предмета. Френсисъ Горнеръ, работая надъ развитіемъ своего ума и характера, придавалъ большую важность привычкѣ постоянно и усердно заниматься однимъ предметомъ, чтобы совершенно его себѣ усвоить. Онъ читалъ книги съ строгимъ выборомъ и твердо избѣгалъ «всего, сколько-нибудь похожаго на привычку и отрывочному чтенію». Достоинство познаній человѣка состоитъ не въ количествѣ, а въ качествѣ ихъ и въ томъ, насколько эти познанія могутъ быть примѣнены къ полезному дѣлу. Поэтому, немногочисленныя, но точные и вѣрныя свѣдѣнія въ практическомъ отношеніи не-сравненно полезнѣе разносторонняго материала, пріобрѣтаемаго поверхностнымъ чтеніемъ, которое только можетъ обнаружить все невѣжество человѣка, схватывающаго такимъ образомъ одни верхи знанія. Мы встрѣчаемъ очень много людей, прочитавшихъ громадное количество книгъ и изучавшихъ множество наукъ, но въ сущности все-таки ничего хорошо не знающихъ; подобные безтолковые читатели напоминаютъ собою особый родъ карманнаго ножа, который любить носить вѣкоторые; такой инструментъ, кроме обыкновеннаго ножа, заключаетъ въ себѣ еще ножницы, пилу, долото и штопоръ, но все это въ такомъ миниатюрномъ размѣрѣ, что на дѣлѣ оказывается совершенно бесполезнымъ. Правиломъ Игнатія Лойолы было: «лучше сдѣлать немногого да хорошо, чѣмъ много да какъ-нибудь». Взявши на себя слишкомъ большой трудъ, мы ослабляемъ только свои силы, замедляемъ ходъ самаго дѣла и пріобрѣтаемъ привычку работать уже не съ такою точностью, съ какою слѣдовало бы. Молодой человѣкъ, принимаясь за изученіе извѣстнаго предмета, не долженъ оставлять свои занятія до тѣхъ поръ, пока не обниметъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, иначе трудъ его будетъ неполонъ. Лордъ Сентъ-Леонардъ, описывая Фоузеллю Бекстону способъ своихъ занятій, говорилъ, что онъ никогда не принимался за новую работу, не окончивъ прежней; многіе изъ его то-

варищай по занятіямъ прочитывали въ день то, что онъ читалъ цѣлую недѣлю, но въ концѣ года, при подведеніи итоговъ познаніямъ, оказывалось, что познанія Леонардса все такъ-же свѣжи, какъ въ тотъ день, когда онъ ихъ пріобрѣлъ, а у его товарищай многое уже улетучилось изъ памяти. Бульверъ Литтонъ такъ объяснилъ то удивительное для многихъ обстоятельство, что, ведя дѣятельную жизнь, онъ успѣль однако-жъ написать большое количество сочиненій: «Мнѣ удалось сдѣлать такъ много именно потому, что я никогда не дѣлалъ многаго заразъ. Я положилъ себѣ за правило заниматься не болѣе 3 часовъ въ день, а во время парламентской сессіи и того иногда нельзя было удѣлять на занятія, но въ эти часы уже все мое вниманіе было устремлено на избранный предметъ».

Развитіе человѣка достигается не количествомъ его занятій и не числомъ прочитанныхъ книгъ, но примѣненіемъ занятій къ той цѣли, для которой они предприняты, со средоточеніемъ на извѣстномъ предметѣ въ данное время всѣхъ умственныхъ способностей и должнымъ регулированіемъ цѣлой системы умственныхъ отправлений.

Абернеси былъ даже такого мнѣнія, что въ его умѣ находится извѣстная граница насыщенія, такъ что когда онъ хотѣлъ вмѣстить въ свой умъ болѣе того, сколько толькъ могъ выдержать, то вслѣдствіе этого у него ускользала часть другихъ, ранѣе пріобрѣтенныхъ познаній. Говоря о занятіи медициною, Абернеси сказалъ слѣдующее: «если человѣкъ составилъ себѣ ясное понятіе о томъ, къ чему стремится, то онъ уже рѣдко ошибется въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли». Дѣйствительно полезнымъ знаніемъ можетъ быть только то, которое пріобрѣталось съ опредѣленнымъ, обдуманнымъ намѣреніемъ, и когда проводникомъ къ нему служилъ весь доступный человѣку въ данное время запасъ плодовъ наблюденія, размышенія и чтенія; изучить вполнѣ какую-нибудь отрасль знанія, мы уже несравненно легче дать ей и полезное примѣненіе.

Практическія свѣдѣнія должны быть нами усвоены, а не извлекаемы изъ книгъ только по мѣрѣ надобности; въ противномъ случаѣ, при различныхъ обстоятельствахъ жизни, когда потребуется дѣйствіе, мы не будемъ имѣть къ нему средствъ. Рѣшительность и быстрота такъ-же необходимы при самообразованіи, какъ и при всякомъ другомъ дѣлѣ. Развитія этихъ качествъ молодые люди могутъ достигнуть, привыкая полагаться только на свои собственные силы и имѣть въ ранней молодости сколько можно больше свободы дѣйствія. Чрезмѣрное успіе руководства и стѣсненія препятствуютъ развитію самодѣятельности въ молодыхъ людяхъ. Недостатокъ смѣлости также составляетъ, можетъ быть, еще болѣе сильное препятствіе къ усовершенствованію, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Истинная скромность вовсе не несовмѣстна съ должнымъ сознаніемъ человѣка своихъ собственныхъ достоинствъ и никогда не требуетъ отъ него отрицанія своихъ заслугъ.

Хотя, безъ сомнѣнія, много встрѣчается высокомѣрныхъ людей, приписывающихъ себѣ больше, чѣмъ сдѣлано ими въ дѣйствительности, но и недостатокъ смѣлости и довѣрія къ своимъ силамъ, а также, какъ слѣдствіе этого, медленность въ предпринимаемыхъ дѣлахъ сильно препятствуютъ человѣческому развитію. Докторъ Джонсонъ обыкновенно приписывалъ свой успѣхъ исключительно довѣрію къ собственнымъ способностямъ.

Очень часто случается, что причина незначительности успѣха заключается въ слабости самой попытки къ дѣлу; предприятіе намъ не удается иногда просто потому, что мы сами себѣ заслоняемъ свѣтъ, нужный для дѣла; часто оно могло бы быть уже окончено, если бы мы только на одинъ шагъ уклонились съ того пути, по которому идемъ; но этого-то шага мы и не рѣшаемся сдѣлать. Нерѣдко встрѣчаемъ мы лицъ, повидимому стремящихся къ самообразованію, но стремлению этому мѣшаетъ ихъ отвращеніе къ терпѣливому труду. «Недостатокъ терпѣнія въ работѣ со-

ставляетъ умственную болѣзнь нашего поколѣнія», — сказалъ докторъ Джонсонъ; это замѣчаніе остается совершенно вѣрнымъ и до сихъ поръ. При воспитаніи мы изобрѣтаемъ всѣ способы, чтобы менѣе работать. Стараясь, по возможности, быстро пройти всѣ науки, изучить иностранные языки «въ 12 уроковъ» или «безъ учителя», мы похожи на модную барыню, которая наняла себѣ учителя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы при занятіяхъ онъ не надѣдалъ ей разными глаголами и причастіями.

Въ занятіяхъ точными науками мы поступаемъ точно такимъ же образомъ: изучаемъ химию по коротенькому курсу лекцій съ прибавкою опыта. О такихъ поверхностныхъ познаніяхъ можно сказать развѣ только то, что если они и стоятъ выше положительного незнанія, то все-таки для приложения къ жизни оказываются совершенно негодными. Выходитъ на дѣлъ, что мы вовсе не учимся, а только забавляемся. Зло это растетъ и проявляется различными путями: наименьшее несчастіе, отъ него происходящее, состоить въ поверхностномъ развитіи человѣка; наибольшее — въ отвращеніи его отъ постоянного труда, а также въ пониженіи и ослабленіи умственного уровня. Если мы хотимъ дѣйствительно усовершенствовать свои умственные силы, то должны работать неутомимо, потому что трудъ служить единственной и неизбѣжной расплатой за каждое драгоценное знаніе. Мы должны работать энергически для избранной цѣли, терпѣливо ожидая результатъ своего труда. Бюффонъ всегда говорилъ, что гениальность заключается въ терпѣніи. Лучшая способность великихъ людей, по его мнѣнію, состоить въ умѣніи терпѣливо работать. Истинный прогрессъ идетъ медленно, и человѣкъ, работающій честно и добросовѣщенно, навѣрное дождется награды за свой трудъ. «Мужество и трудъ, — говорилъ Шарль, — уступили бы мѣсто отчаянію, и міръ остался бы непросвѣщеннымъ и неулучшеннымъ, если бы люди ограничивались только тѣмъ, что послѣ первого удара

рѣзца или заступа стали бы сравнивать количество сдѣланной уже работы съ общимъ объемомъ пирамиды, которую надо воздвигнуть, или съ величиной горы, которую предстоитъ срыть». Прилагая непрерывныя старанія къ дѣлу, которымъ занимаемся, мы понемногу, хотя, быть можетъ, сами того не замѣчая, будемъ подвигаться впередъ. Духъ труда, развиившись въ принятыхъ системахъ воспитанія, найдетъ мало-по-малу болѣе обширное поле для своего достойнаго и плодотворнаго примѣненія; а между тѣмъ мы все-таки должны работать надъ собой, потому что саморазвитіе человѣка не должно прекращаться никогда. «Заниматься,—говорить поэтъ Грей,—значитъ быть счастливымъ». «Лучше подвергнуться изнеможенію отъ труда, чѣмъ отупѣнію отъ бездѣствія»,—сказалъ епископъ Кумберландскій.

Нетерпѣливо желаніе скорѣе добиться результатовъ развитія служить признакомъ близорукости человѣка. Для удовлетворенія такого нетерпѣнія, развитіе должно было бы являться немедленно и притомъ въ осозательной формѣ. Люди съ подобнымъ складомъ характера похожи на маленькихъ дѣтей, сильно желающихъ, чтобы сѣмена, посаженные ими, скорѣе выросли: для этого дѣти откалываютъ изъ земли сѣмена и, вслѣдствіе того, конечно, убиваютъ ихъ растительную силу. Но благоразумные люди, когда садятъ и сѣютъ, должны умѣть ожидать результатовъ своихъ трудовъ съ терпѣніемъ и довѣріемъ,—довѣріемъ къ благодѣтельнымъ веснѣ, лѣту и осени, которые слѣдуютъ за временемъ посѣва. Эти люди должны бывать, всегда довольствоваться той надеждой, что дѣти ихъ воспользуются плодами ихъ трудовъ. Извѣстная басня Лафонтена подтверждаетъ эту мысль.

Самая высшая и лучшая система развитія человѣка заключается въ саморазвитіи. Образованіе, получаемое въ школахъ и вообще въ учебныхъ заведеніяхъ, даетъ только начало необходимаго развитія и имѣть значеніе лишь на-

столько, насколько пріучаетъ насть къ постоянному прилежанію и облегчаетъ самовоспитаніе по определенному плану и системѣ. Чтобы дать возможность уму свободно испытывать свои силы, необходимо даже въ самой законченной воспитательной системѣ оставлять пробѣлы, надѣ пополненіемъ которыхъ молодой умъ долженъ самостоятельно работать. Когда такимъ образомъ молодому человѣку самому предоставлено решить, что можно и чего нельзя дѣлать, тогда онъ много выиграетъ въ силѣ и дѣятельности, а выѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени устраниется зло, происходящее отъ привычки полагаться во всемъ на указанія другихъ. Часто самымъ лучшимъ воспитаніемъ бываетъ то, которое человѣкъ самъ себѣ даетъ, занимаясь текущими дѣлами практической жизни. Мысли заимствованныя, подобно вещамъ, положеннымъ въ пустой мѣшокъ, не принесутъ человѣку никакой пользы, пока онъ ихъ не переваритъ, не усвоитъ въ своемъ сознаніи и не дастъ себѣ о нихъ яснаго отчета. «Недостаточно, — говоритъ Джонъ Локкъ, — начинаться большими грузомъ свѣдѣній; пока мы ихъ не пережуемъ и не усвоимъ себѣ какъ слѣдуетъ, они не дадутъ намъ ни силы, ни питанія». Мысль, внушенную намъ другими, мы имѣемъ гораздо менѣе основаній считать своею, чѣмъ ту, которая приобрѣтена нашими собственными усердными и постоянными трудами. Познаніе, добытое этимъ послѣднимъ путемъ, дѣлается уже вполнѣ нашою собственностью, при чѣмъ совершенно обеспечена бываетъ живость и отчетливость впечатлѣнія; факты, приобрѣтенные этимъ путемъ, запечатлѣваются въ нашемъ умѣ съ такою прочностью, какой никогда не будуть иметь свѣдѣнія, сообщенные намъ другими людьми. Такой родъ самообразованія также способствуетъ проявленію скрывающихся въ насть силъ и въ особенности развиваетъ силу мышленія. Самостоятельное разрѣшеніе одного какого-нибудь вопроса помогаетъ успѣху и въ другихъ — и такимъ образомъ знаніе превращается уже въ постоянную

способность. Конечно, существеннымъ условиемъ успѣха остается собственный трудъ: безъ него не помогутъ намъ обойтись ни книги, ни ученье у постороннихъ лицъ, ни уроки, выученные наизусть въ большомъ количествѣ; короче, какія бы удобства ни были намъ предоставлены при изученіи данного предмета, собственный трудъ незамѣнимъ. Только рѣшившись внести такой элементъ въ систему саморазвитія, человѣкъ полагаетъ начало своему настоящему жизненному обученію, которое ставить ему опредѣленную цѣль, кладетъ яркую печать на его умъ и сильно способствуетъ образованію въ человѣка твердыхъ принциповъ и привычки къ дѣятельности.

Лучшіе преподаватели признали значеніе саморазвитія и важность возбужденія въ учащемся привычки пріобрѣтать свѣдѣнія посредствомъ постоянного приложенія къ дѣлу своихъ собственныхъ способностей. Такіе воспитатели находили больше силы въ пріученіи молодого человѣка къ дѣлу, чѣмъ въ простомъ наученіи его, и старались, чтобы сами воспитанники пріняли живое участіе въ ихъ дѣятельности, ставя такимъ образомъ дѣло преподаванія гораздо выше простого сообщенія мальчику разныхъ отрывочныхъ и мелочныхъ свѣдѣній. Въ такомъ духѣ работалъ извѣстный докторъ Арнольдъ; онъ старался пріучать своихъ воспитанниковъ полагаться на самихъ себя и самимъ развивать свои способности, а себѣ онъ предоставилъ только руководить имъ, направлять, ободрять и возбуждать къ труду. «Я гораздо охотнѣе послалъ бы мальчика, — говорилъ онъ, — на Вандименову землю, гдѣ онъ долженъ быть бы работать для собственного пропитанія, чѣмъ отправить его въ Оксфордъ, гдѣ онъ будетъ жить въ роскоши, безъ малѣйшаго желанія воспользоваться выгодами своего положенія». «Если есть что-нибудь на землѣ, дѣйствительно достойное удивленія, — замѣчалъ онъ при другомъ случаѣ, — такъ это именно проявленіе благословенія Божія на визкихъ отъ природы умственныхъ спо-

собностяхъ, при добросовѣтномъ и усердномъ ихъ развитіи». Однажды, обучая нѣсколько непонятливаго мальчика, онъ заговорилъ съ нимъ жестко; мальчикъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: «Зачѣмъ вы сердитесь, сэръ? Право, я дѣлаю все, что могу». Много лѣтъ спустя, Арнольдъ обыкновенно рассказывалъ объ этомъ своимъ дѣтямъ, прибавляя: «въ цѣлую жизнь я не испытывалъ того, что почувствовалъ въ эту минуту,—этого взгляда и этихъ словъ я не забывалъ никогда».

Обладаніе высокими природными умственными способностями можетъ быть поставлено человѣку въ заслугу лишь въ такой же степени, въ какой составляетъ заслугу получение въ наслѣдство большого богатства. Законное право на уваженіе даетъ человѣку только то употребленіе, какое онъ сдѣлаетъ изъ того и изъ другого. Большой за-пасъ свѣдѣній, приобрѣтенный безъ всякой опредѣленной цѣли, можетъ, конечно, служить источникомъ удовольствія для ихъ обладателя, но очень мало принесетъ пользы кому-нибудь другому. Для выработки человѣка недостаточно одного литературнаго образованія: можно прочитать много книгъ, познакомиться со многими науками и все-таки не владѣть никакимъ здравымъ умственнымъ развитіемъ; между тѣмъ, какъ есть люди, которые, хотя и не получили правильнаго школьнаго образованія, но постояннымъ упражненіемъ своихъ разсудочныхъ и наблюдательныхъ способностей пріобрѣли высокую умственную силу.

Нынѣ часто говорятъ, что «знаніе есть сила»; но не должно забывать, что силой же можно назвать и фанатизмъ, и деспотизмъ, и честолюбіе. Знаніе само по себѣ, не получившее хорошаго направленія, можетъ вредныхъ людей сдѣлать только еще болѣе опасными, а то общество, въ которомъ смотрѣли на знаніе даже при такихъ условіяхъ, какъ на высшее благо, обратится въ настоящій пандемоніумъ. Знаніе должно соединяться съ добротою и bla-

горазуміємъ и выражаться въ честномъ характерѣ, въ противномъ случаѣ оно — вуль. Песталоцци даже считалъ умственное воспитаніе само по себѣ вреднымъ, говоря, что корень всякаго знанія долженъ зародиться и получить соки на почвѣ воли, должнымъ образомъ управляемой религіей. Пріобрѣтеніе знаній можетъ, конечно, защитить человѣка отъ низкихъ преступленій въ жизни, но оно бессильно противъ эгоистическихъ пороковъ, свойственныхъ человѣку, пока онъ не укрѣпился въ здравыхъ принципахъ и хорошихъ привычкахъ. Поэтому-то мы такъ часто встрѣчаемъ въ жизни примѣры людей съ хорошимъ умомъ, но съ дурнымъ характеромъ,—людей, владѣющихъ школьнімъ образованіемъ, но почти лишенныхъ всякаго практическаго благоразумія, такъ что примѣръ ихъ можно приводить скорѣе въ предостереженіе, чѣмъ для подражанія.

Очень возможно, что мы нынѣ даже нѣсколько преувеличиваемъ важность книжного образованія. Мы склонны къ той мысли, что дѣлаемъ большиe успѣхи именно вслѣдствіе обладанія разными библіотеками, учеными обществами и музеями. За всѣмъ тѣмъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что всѣ эти удобства часто могутъ сдѣлаться скорѣе помѣшкай, чѣмъ пособіемъ для высшаго индивидуального саморазвитія. Обладаніе библіотекою или свободное пользованіе ею не болѣе можетъ служить поводомъ къ ученью, какъ обладаніе богатствомъ можетъ располагать къ щедрости. Хотя мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ въ своемъ распоряженіи большія удобства въ этомъ отношеніи, но все-таки теперь, какъ и прежде, остается справедливымъ то, что знаніе и мудрость доступны только тому человѣку, который идетъ къ нимъ тѣмъ же старымъ путемъ наблюденія, внимательности и усерднаго труда; набираніе же однихъ матеріаловъ для знанія — дѣло совершенно различное отъ самого знанія и благоразумія; этихъ послѣднихъ свойствъ можно достигнуть только болѣе возвышеннымъ родомъ образования, чѣмъ то, которое пріобрѣтается путемъ чтенія.

Громадное число книгъ, поглощаемое новѣйшими читателями, служить сколько для развитія, столько же и для простого развлечения, и самыи процессъ чтенія оставляетъ въ умѣ слѣды не прочиѣе того впечатлѣнія, какое получаетъ глазъ при разсматриваніи измѣняющихся фигуръ въ калейдоскопѣ. Чтеніе часто бываетъ простымъ пассивнымъ воспринятіемъ чужихъ мыслей, собственная же дѣятельность мозга во время этой процедуры или участвуетъ очень мало, или нисколько не возбуждается. Очень часто наше чтеніе оказывается только повторствомъ какому-то литературному эпикурейству или умственному опьяненію, служа минутнымъ возбудительнымъ средствомъ, безъ малѣйшаго вліянія какъ на улучшеніе или обогащеніе умственныхъ способностей, такъ и на выработку характера. Многіе услаждаются мечтой, что такимъ чтеніемъ они развивали свой умъ, тогда какъ они только скромнымъ образомъ убивали время; самый лучшій отзывъ, какой можно дать о подобномъ занятіи, тѣть, что оно удерживаетъ, во время самого процесса чтенія, отъ другихъ худшихъ дѣлъ. Когда къ Карлейлю обратился его знакомый молодой человѣкъ за совѣтомъ, какія книги должно читать, ученый написалъ ему слѣдующее: «Книги не составляютъ не только исключительного, но даже и главнаго средства для должнаго развитія человѣка. Учитесь добросовѣстно исполнять каждое дѣло, какое, въ настоящемъ вашемъ положеніи, будетъ на васъ возложено: вотъ ваша обязанность». Человѣкъ гораздо болѣе совершенствуется трудомъ, чѣмъ чтеніемъ. Теперь все болѣе и болѣе увеличивается число такихъ людей, которые благоразумно умѣють соединять двоякаго рода занятія: добросовѣстное исполненіе того, что входитъ въ данное время въ кругъ ихъ обязанностей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приготовленіе себя къ такому же выполненію другихъ болѣе обширныхъ дѣлъ въ будущемъ.

Не должно также забывать того, что опытность, почерпаемая изъ книгъ, хотя часто имѣеть большое значеніе, но

все-таки сохраняетъ характеръ ученья, тогда какъ опытъ действительной жизни надѣляетъ человѣка мудростью; не-большой запасъ этой послѣдней имѣеть гораздо больше цѣны, чѣмъ огромное количество первой. Болингброкъ справедливо сказалъ, что «ученіе, которое ни прямо, ни косвенно не дѣлаетъ насъ лучшими людьми и лучшими гражданами, есть, по меньшей мѣрѣ, особый замысловатый видъ праздности, а тѣ свѣдѣнія, которыя мы чрезъ него пріобрѣтаемъ,—не что иное, какъ невѣжество, принявшее на себя маску достоинства».

Вообще, хорошее чтеніе, какъ оно ни полезно и ни по-учителльно, но все-таки составляетъ только одинъ изъ способовъ умственнаго развитія и притомъ способъ, имѣющій гораздо менѣе вліянія въ дѣлѣ образованія характера, чѣмъ практическая опытность и добрый примѣръ. Въ Англіи, задолго до появленія читающей публики, уже были люди мудрые, доблестные и правдивые. *«Magna charta»* была охраняема лицами, которыя, вместо подписи своего имени, ставили знаки. Не умѣя прочитать тѣ буквы, которыми изображены были на бумагѣ принципы, утвержденные великимъ актомъ, эти люди сумѣли однако-жъ понять и оцѣнить самую сущность дѣла и твердо ее отстаивали. Такимъ образомъ, основа англійской свободы была положена людьми, хотя и безграмотными, но обладавшими высокимъ и твердымъ характеромъ. Должно вспомнить, что главная цель образованія заключается не въ одномъ только наби-ваніи нашего мозга чужими мыслями и не въ пассивномъ принятіи чужихъ впечатлѣній, но въ расширеніи нашего собственнаго умственнаго кругозора и въ доставленіи намъ возможности быть полезными и дѣятельными работниками въ той жизненной сферѣ, къ которой мы призваны. Многіе изъ самыхъ энергическихъ и полезныхъ дѣятелей были очень посредственными читателями. Бриндлей и Стефен-сонъ не учились читать и писать, пока не достигли зрѣлыхъ лѣтъ, а между тѣмъ совершили великия дѣла и оста-

вили по себѣ честную память. Джонъ Гентеръ выучился грамотѣ только двадцати лѣтъ отъ роду, хотя въ столярномъ искусствѣ онъ тогда уже былъ не хуже любого мастера. «Я никогда не занимался чтеніемъ,—сказалъ знаменитый физіологъ во время своей лекціи и затѣмъ, обращаясь къ слушателямъ и указывая на стоящіе передъ нимъ препараты, прибавилъ:—вотъ, чѣмъ вы должны заниматься, если хотите усовершенствоваться на избранномъ поприщѣ». Когда ему передали обвиненіе одного изъ современниковъ въ незнаніи мертвыхъ языковъ, Гентеръ возразилъ: «Я съ своей стороны могъ бы поучить его около мертваго тѣла тому, чего онъ не знаетъ ни на какомъ языкѣ, — ни на живомъ, ни на мертвомъ».

Достиженіе знанія заключается не въ количествѣ свѣдѣній, владѣемыхъ человѣкомъ, а въ той цѣли, къ которой онъ стремился при приобрѣтеніи этихъ свѣдѣній. Цѣль ученія состоить въ развитіи нашего разсудка и въ улучшении характера; оно должно дѣлать настъ лучше, счастливѣе и полезнѣе для окружающихъ, должно сообщать намъ благодушіе, энергію и успѣхъ въ достижениіи возвышенныхъ цѣлей жизни. Мы не должны довольствоваться чтеніемъ или размышеніемъ о томъ, чѣмъ другіе люди были и что они дѣлали, но сами должны выступать на самостоятельный путь мысли и дѣла. Нашимъ лучшимъ руководителемъ должна быть жизнь и главною охотою — забота о дѣятельности. Самый скромный и малоученый человѣкъ долженъ изопрѣть свое чувство долга и пріучать себя къ правильной и трудолюбивой жизни. Хотя таланты даруются человѣку отъ природы, однако-жъ путемъ тщательнаго самовоспитанія высокія качества могутъ быть приобрѣтены людьми, имѣющими самыя скромныя способности. Мы должны, по крайней мѣрѣ, дѣлать такъ, чтобы быть въ состояніи сказать, какъ сказалъ Рихтеръ: «Я старался усовершенствовать себя настолько, насколько это было въ моихъ силахъ; больше этого никто не въ правѣ отъ меня

требовать». Каждый человѣкъ обязанъ учиться руководить самого себя сообразно своимъ способностямъ и подъ собственnoю отвѣтственностью. Братъ за образецъ хорошія дѣла и добрый примѣръ другихъ людей можно, но все-таки должно полагаться только на собственные силы и вкладывать въ дѣло самовоспитанія собственное основаніе.

Самообученіе и надзоръ за своими поступками, какъ начало всякаго практическаго развитія, имѣютъ свой корень въ самоуваженіи. Здѣсь же источникъ надежды, этого спутника могущества и необходимаго условія успѣха; человѣкъ, не теряющій надежды ни при какихъ обстоятельствахъ, имѣеть въ себѣ какъ бы даръ дѣлать чудеса. Нужно, чтобы самый скудно-одаренный человѣкъ могъ сказать: «Поддерживать уваженіе къ себѣ, развивать себя—это мой настоящий жизненный долгъ. Составляя нераздѣльную и отвѣтственную часть великой общественной единицы, я тѣмъ самымъ принимаю на себя обязанность въ отношеніи къ обществу и его Творцу не уничтожать и не разрушать мое тѣло, умъ и всѣ инстинкты. Напротивъ, я долженъ, сколько достанетъ силъ, доставлять этимъ частямъ моей натуры высшую степень возможнаго совершенства. Не ограничиваясь однимъ подавленіемъ зла, я долженъ вызывать и развивать добрыя свойства моей натуры; а какъ я уважаю себя самого, то такъ-же обязанъ уваженіемъ и къ другимъ людямъ, которые, съ своей стороны, платятъ мнѣ въ этомъ взаимностью». Такимъ образомъ, между членами общества возникаетъ договоръ взаимнаго уваженія, правосудія и порядка, — договоръ, котораго юридическимъ выраженіемъ и гарантіей служитъ установленный въ государствѣ законъ.

Уваженіе къ самому себѣ можетъ быть названо лучшей одеждой, въ какую только можетъ облечься человѣкъ, и наиболѣе возвышеннымъ чувствомъ, какое можетъ воодушевлять человѣческий духъ. Одна изъ самыхъ мудрыхъ мыслей Пиѳагора та, въ которой онъ приказываетъ своему воспитаннику «имѣть почтеніе къ самому себѣ». Одушевляе-

мый этимъ высокимъ стремлениемъ, человѣкъ не осквернить своего тѣла чувственностью, а ума—нижкими помыслами. Самоуваженіе, перейдя въ повседневную жизнь, дѣлается источникомъ всѣхъ добродѣтелей—нравственной чистоты,держанности, цѣломудрія и религіозности. «Скромное и справедливое воздаяніе себѣ должна, — говорить Мильтонъ, — можетъ быть признано настоящимъ источникомъ всячаго достохвального и благородного дѣла». Думать о себѣ дурно —значить и самому терять уваженіе къ себѣ, и лишаться права на такое уваженіе со стороны другихъ, а потеря сего достополнства въ собственныхъ глазахъ влечетъ и соответственные этому поступки. Человѣкъ, пресмыкающейся къ клоакѣ грязныхъ мыслей, не можетъ, разумѣется, въ жизненной дѣятельности подняться на большую высоту. Чувствомъ самоуваженія поддерживается и освѣщающаяся жизнь даже самого смиренного и бѣдного человѣка. Нѣть ничего лучше, какъ видѣть человѣка бѣдного стоящимъ непоколебимо посреди всѣхъ искушеній и несоглашающимся, несмотря на всю стѣснительность своего положенія, унижиться до дурныхъ поступковъ.

Нѣть надобности настаивать на пользѣ знанія, какъ средства «выдвинуться» въ жизни; этому достаточно учить собственный интересъ каждого; вообще люди начинаютъ уже понимать, что саморазвитіе съ избыткомъ вознаграждаетъ затраченные на него время и трудъ. Во всякой житейской сферѣ умственное развитіе дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ примѣняться къ обстоятельствамъ, научаетъ его усовершенствованнымъ видамъ труда и вообще сообщаетъ человѣку большую ловкость и успѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣдѣствіе такого развитія люди, принадлежащіе къ числу умственныхъ и физическихъ рабочихъ, получать болѣе широкій взглядъ на предметъ своихъ занятій и почувствуютъ увеличеніе своихъ силъ,—сознаніе чего въ высшей степени пріятно для каждого человѣка. Сила самодѣятельности будетъ расти, и, по мѣрѣ увеличенія уваже-

нія человѣка къ самому себѣ, онъ будетъ болѣе огражденъ отъ соблазна потворствовать дурнымъ инстинктамъ. Вмѣсть съ тѣмъ общество и его дѣятельность получать новый интересъ для человѣка, симпатіи его расширяются, и онъ наконецъ придетъ къ убѣжденію, что для другихъ должно работать такъ же, какъ для самого себя.

Самообразованіе не должно однакожъ кончаться съ достижениемъ человѣкомъ знаменитости, подобно такой, какую получали описанные нами вкрадцѣ люди, пролагавшіе себѣ путь изъ низкаго общественнаго положенія. Большинство людей всегда, на какой бы степени просвѣщенія ни стояло, занимается обыкновенными промышленными дѣлами, и никакое образованіе не избавляетъ ихъ отъ обязанности постоянно трудиться на пользу общества. Мы можемъ возвысить достоинство труда, соединяя его съ благородными мыслями, сообщающими равную привлекательность, какъ высшему, такъ и назшему состоянію, потому что какъ бы ни былъ бѣдень и скроменъ человѣкъ, но великий мыслитель какъ нашего, такъ и другихъ временъ, всегда можетъ постыдить его убогое жилище и раздѣлить съ нимъ время. Такимъ образомъ, привычка къ избранному чтенію можетъ дѣлаться источникомъ величайшаго наслажденія и самоусовершенствованія человѣка и оказывать самое благодѣтельное влияніе на все содержаніе нашей жизни и характеръ. Если бы даже саморазвитіе не принесло намъ богатства, то, во всякомъ случаѣ, оно сообщитъ намъ повышенныя мысли. Рассказываютъ, что одинъ дворянинъ спросилъ однажды у ученаго презрительно: «Что вамъ пользы отъ всей вашей философіи?»—«Благодаря ей, я имѣю общество въ себѣ самомъ»,—отвѣчалъ философъ.

Многіе склонны впадать въ уныніе и терять мужество въ дѣлѣ саморазвитія потому только, что «удачъ» въ свѣтѣ не дается имъ такъ скоро, какъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы. Посадивъ жолуди, они думаютъ, что изъ нихъ сейчасъ-же выростетъ дубъ. Быть можетъ, и на самое знаніе

такие люди смотрять съ точки зреяія торговой выгода, и поэтому, само собою разумѣется, чувствуютъ себя обиженными, видя, что это не такъ легко пустить въ спекуляцію, какъ они думали. Тременгиръ въ одномъ изъ своихъ «отчетовъ о воспитаніи» (1840—41 гг.) разсказываетъ, что одинъ школьный учитель въ Норфолькѣ, видя, что число учениковъ въ его школѣ стало быстро уменьшаться, былъ естественно заинтересованъ причиною такого явленія и сталъ разузнавать причину его; на сдѣланные имъ по этому предмету разспросы, большинство родителей выставляло предлогомъ взятія своихъ дѣтей изъ училища то, что, по ихъ ожиданіямъ, ученье должно было сдѣлать ихъ дѣтей лучшими, чѣмъ прежде, «а между тѣмъ вышло, что оно не принесло никакого добра», и потому они берутъ дѣтей изъ школы и больше не намѣрены обременять себя заботами о ихъ воспитаніи. Такое же узкое понятіе о саморазвитіи преобладаетъ и въ другихъ классахъ народа и поддерживается ложными возврѣніями на жизнь, которая все еще болѣе или менѣе въ ходу въ современномъ обществѣ. Смотрѣть на самообразованіе, какъ на лучшій способъ выиграть въ свѣтѣ болѣе другихъ, или какъ на средство къ умственному развитію и забавѣ, а не какъ на силу, возвышающую характеръ и расширяющую дѣятельность духовныхъ способностей человѣческой натуры, — значитъ ставить его на самый низкій уровень. Безъ сомнѣнія, человѣку приносить большую честь желаніе работать надъ собственнымъ возвышеніемъ и надъ улучшеніемъ своего положенія въ обществѣ, но для этого не слѣдуетъ жертвовать собою. Дѣлать умъ работой тѣла — значитъ давать ему очень низкое назначеніе, а сокрушеніе о нашей несчастной участіи потому только, что не удалось достигнуть того успѣха въ жизни, который въ концѣ-концовъ зависитъ все-таки болѣе отъ привычки къ труду и отъ внимательности даже къ мелочамъ взятаго нами на себя дѣла — служить доказательствомъ узкаго ума и слишкомъ мрачнаго

взгляда на жизнь. О такомъ характерѣ нельзя сдѣлать лучшаго отзыва, чѣмъ тотъ, какой находится въ словахъ Роберта Соути, который такъ писалъ своему другу, спрашивавшему его совѣта по этому предмету: «Я охотно дамъ бы вамъ совѣтъ, если бы онъ могъ принести пользу, но, къ сожалѣнію, нельзя лѣчить того человѣка, который самъ хочетъ быть больнымъ. Добрый и умный человѣкъ можетъ иногда сердиться на людей или тревожиться за нихъ, но будьте увѣрены, что онъ никогда не будетъ недоволенъ обществомъ, если исполнитъ всѣ свои обязанности въ отношеніи къ нему. Если человѣкъ образованный, владѣя притомъ здоровьемъ, хорошими глазами, руками и располагая свободнымъ временемъ, не имѣть все-таки цѣли для своей дѣятельности, то остается только сказать, что всѣ эти дары ниспосланы такому лицу, которое ихъ не заслуживаетъ».

При этомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое придается ученымъ испытаниемъ на маленькихъ государственныхъ должностяхъ; весьма вѣроятно, что такое учрежденіе будетъ имѣть послѣдствіемъ увеличеніе числа недовольныхъ, не принеся соотвѣтствующей пользы общественной службѣ. Установленный для этого въ Англіи планъ похожъ на что-то въ родѣ государственной лотереи, въ которой выигрыши достаются тѣмъ, кто больше другихъ начиненъ званиеми. Не такъ давно, когда была надобность въ восьми молодыхъ людяхъ для занятія перепискою въ публичномъ учрежденіи, на испытаніе явилось не менѣе 700 человѣкъ: 8 выигравшихъ на 692 пустыхъ билета! Зрѣлаще въ высшей степени достойное сожалѣнія: столько образованныхъ молодыхъ людей добиваются скучной платы изъ-за привычки къ «приличному занятію государственной службой», когда есть столько другихъ путей, открытыхъ для каждого энергичнаго и дѣятельнаго человѣка, хотя и требующихъ труда и самопожертвованія. Джемсъ Клеркъ совершенно основательно назвалъ предварительную систему приготовленія къ испытанію,—систему, которой должны

подчиняться всѣ эти молодые люди, совершенно безнравственную и способную скорѣе развивать подлецовъ, чѣмъ порядочныхъ людей. Умъ этихъ людей до такой степени бываетъ обремененъ массою непереваренныхъ познаній, что для свободной дѣятельности мозга остается ужъ очень мало мѣста. Хотя такимъ путемъ и можно дойти до такихъ же громадныхъ размѣровъ развитія чиновничества, какихъ оно достигло въ Китай, но это будетъ произведено въ ущербъ той конституціонной энергіи и жизненности, которая такъ необходима для поддержанія крѣпкихъ силъ въ народѣ. Сверхъ того, учрежденіе такихъ экзаменовъ, по-видимому, имѣетъ основную цѣлью отвратить образованное юношество страны отъ пути обыкновенной промышленности и направить къ казенной дѣятельности, какъ главному предмету для ихъ трудовъ; но особенно нужно бояться того, противъ чего такъ краснорѣчиво предостерегалъ Монталамберъ: должно опасаться возбужденія и распространенія страсти къ хорошимъ окладамъ жалованья и правительственнымъ должностямъ, чѣмъ подрывается национальный духъ независимости, и вслѣдствіе чего въ некоторыхъ странахъ цѣлый народъ превращается въ толпу работѣнныхъ искателей доходныхъ мѣстъ.

Въ русскомъ обществѣ привычка пробивать себѣ дорогу съ помощью службы государственной была такъ сильна до послѣдняго времени, что получила даже ненормальное развитіе. Желаніе сдѣлаться чиновникомъ составляло, особенно во многихъ провинціальныхъ городахъ, весьма замѣтную черту мѣстной молодежи. Даже те, которые стояли выше по развитію,—люди, кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—все-таки шли въ канцелярскую службу; вслѣдствіе этого, въ печати уже высказывалось мнѣніе, что не будь этой службы съ ея легкими требованіями, большинство молодыхъ людей не нашло бы себѣ занятій. Такому явленію способствовало частію и мало-практическое воспитаніе въ русскихъ общихъ учебныхъ

заведеніяхъ, — такъ что если человѣкъ не посвящалъ себя педагогической дѣятельности или, пожалуй, медицинской, то ему дѣйствительно не оставалось почти ничего болѣе въ сферѣ гражданскихъ трудовъ, какъ поступать на казен-ную службу. Такому положенію дѣлъ содѣствовалъ, кроме того, недостатокъ самодѣятельности въ русскомъ обще-ствѣ, отсутствіе частной предпріимчивости и личной ини-ціативы, неимѣніе такихъ близкихъ сердцу каждого ин-тересовъ, которые могли бы привлекать къ себѣ земскія силы страны. При замкнутости и недвижимости общества, чиновничество было даже чуть-ли не прогрессивнымъ учрежденіемъ: вицъ-мундиръ (по крайней мѣрѣ, по теоріи, а нерѣдко и на практикѣ) уравнивалъ людей различныхъ общественныхъ положеній во всѣхъ отношеніяхъ, кроме служебнаго іерархического подчиненія. Основнымъ моти-вомъ чиновъ былъ трудъ и заслуга. Въ свое время это учрежденіе имѣло смыслъ, и съ этой точки зрѣнія служба казенная была однімъ изъ путей къ саморазвитію. Другіе подобные же пути были немногочисленны: болѣе употре-бительнымъ изъ нихъ было книжное образованіе, которое люди талантливые изъ вишаго класса народа давали себѣ, по мѣрѣ возможности, и такимъ образомъ или выходили изъ своей среды, или вступали съ нею въ борьбу, при чемъ нерѣдко изнемогали. Своими трудами и талантами они пролагали себѣ дорогу въ трудныхъ обстоятельствахъ, что, конечно, дѣлаетъ имъ честь и даетъ извѣстность ихъ имени, но въ общемъ результатѣ пользы приносить мало, или почти вовсе никакой. Силы, такимъ образомъ возбуж-денныя, гибнуть въ безплодной борьбѣ и отвлекаются отъ работы болѣе производительной,—работы, имѣющей цѣлью материальное благосостояніе, при которомъ только и воз-можно прочное развитіе. Есть еще люди, которые прежде всего стараются исполнять свой долгъ, обеспечить себя и свои семейства трудомъ, а между тѣмъ не упускаютъ случая увеличивать и свое умственное развитіе. Таковъ

Морозовъ, о которомъ мы упомянемъ ниже. Подобные люди, не отрываясь отъ своей среды, возвышаютъ ее (въ случаѣ успѣха), и когда все общество составится изъ такихъ личностей, тогда уже всѣмъ и каждому возможны будутъ и болѣе успешные шаги на пути саморазвитія умственнаго. Нынѣ же путь для саморазвитія русскихъ людей должны составлять: добросовѣстный трудъ на пользу свою и общественную, желаніе и твердая воля улучшить свое положеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ, по возможности, усовершенствованіе себя въ умственномъ отношеніи, путемъ практическаго направленнаго воспитанія. Одинъ изъ этихъ способовъ — общественная дѣятельность — только нынѣ начинается и отъ нея должно ждать, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи саморазвитія, самыхъ плодотворныхъ результатовъ, посредствомъ возбужденія частной энергичности въ дѣлахъ личнаго и общественнаго интереса. Считая нужнымъ привести нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе успешнаго саморазвитія русскихъ людей, остановимся сначала на литературномъ мірѣ, где подобные явленія повторялись не разъ, и укажемъ прежде всего на поэта Кольцова.

Кольцовъ родился въ 1809 году. Онъ былъ сынъ воронежскаго мышанина-прасола, т.-е. торговца, промышлявшаго доставкою барановъ на салотопенные заводы. Съ раннихъ лѣтъ, мальчика окружала обстановка двухъ противоположныхъ родовъ. Съ одной стороны на него производила сильное впечатлѣніе природа, къ которой онъ былъ близокъ съ самого дѣтства: лѣсы, степной просторъ, ясное небо его очаровывали и благотворно дѣйствовали на юную душу ребенка. Съ другой стороны, мѣстная среда была такова, что соприкосновеніе съ ней не обѣщало ничего хорошаго не только для умственнаго, но даже и для нравственнаго развитія мальчика, который видѣлъ вокругъ себя только торговыя, барышническія хлопоты и мелочное торгащество со всѣми его продѣлками, конечно, не всегда

безукоризненными въ нравственномъ отношеніи. Но, по утвержденію биографа Кольцова, къ его натурѣ «не приставала грязь, среди которой онъ родился». Воспитаніе ребенка было предоставлено одной природѣ, и, при такой обстановкѣ, этому можно только радоваться. И такъ уже та среда, въ которой жилъ Кольцовъ, сгубила его жизнь и мучила его постоянно. Что же бы вышло, еслибы она же (а кромѣ нея было некому) взялась его и воспитывать? Мальчикъ роѣсь безъ всякаго присмотра и, только благодаря своему крѣпкому сложенію, благополучно перенесъ нѣсколько несчастныхъ случаевъ, бывшихъ слѣдствіемъ обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей.

Все обученіе, какое получиль Кольцовъ въ дѣтствѣ, заключалось въ слѣдующемъ: на десятомъ году его начали учить грамотѣ одинъ воронежскій семинаристъ. Грамотѣ Кольцовъ выучился скоро, и его отдали въ уѣздное училище, но тамъ онъ пробылъ только около четырехъ мѣсяцевъ, а потому отецъ его, видя, что мальчикъ умѣеть уже читать и писать, счѣль излишнимъ продолжать книжное воспитаніе сына. Такимъ образомъ, десятилѣтній ребенокъ взяты былъ изъ второго класса училища, чтобы помочь отцу въ торговлѣ. Маленький Кольцовъ лѣтомъ отправлялся съ отцомъ въ степь, гдѣ пасся ихъ скотъ, а зимойѣздила съ приказчиками для покупки и продажи того же скота, такъ что здѣсь продолжалось вліяніе на Кольцова тѣхъ двухъ силъ, о которыхъ мы упомянули. Къ счастію для мальчика, его занимала только поэтическая сторона начавшейся жизни, и этой стороной было, конечно, близкое знакомство съ природой. Кольцовъ страстно полюбилъ степь, почлаги подъ открытымъ небомъ, поѣздки верхомъ за стадами и т. п. Подъ вліяніемъ этой любви, ему даже нравились занятія прасола, потому что они давали ему возможность почти цѣлое лѣто проводить въ степи. Конечно, была и оборотная сторона медали: случалось немалое время проводить подъ дождемъ, на вѣтру, выносить

осеннюю непогоду; къ тому же торговая дѣятельность, ко-
торою онъ занимался, способна была, по своему характеру,
оставить грязные слѣды на его душѣ; но Кольцовъ, увле-
ченный любовью къ природѣ, не обращалъ вниманія на
первое и дѣйствительно не замѣчалъ второго.

Кромѣ наслажденія природой, Кольцовъ, по выходѣ изъ
училища, началъ чувствовать все большую охоту къ чте-
нію. Это не было послѣдствиемъ особенныхъ успѣховъ его
въ ученьѣ: умѣя читать, онъ очень плохо писалъ и почти
не имѣлъ понятія о грамматикѣ. Чтенія требовала сама
пламенная, богатая воображеніемъ натура Кольцова; ко-
нечно, онъ началъ со сказокъ, на покупку которыхъ упо-
треблялъ деньги, даваемыя отцомъ на игрушки; читая Бову
Королевича и Ерслана Лазаревича, онъ чувствовалъ
охоту самъ написать что-нибудь подобное, но это осталось
тогда только дѣтскою мечтою, также какъ и желаніе са-
мому написать что-нибудь похожее на тѣ романы, къ чте-
нію которыхъ, какъ и слѣдовало ожидать, онъ перешелъ
отъ сказокъ. У одного своего товарища и ровесника, сына
богатаго купца, Кольцовъ заимствовалъ книгами и читалъ
очень много, хотя это чтеніе состояло изъ романовъ Авгу-
ста Лафонтена, арабскихъ сказокъ и т. п.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ безъ особен-
ной перемѣны въ занятіяхъ, а слѣдовательно и въ разви-
тіи молодого Кольцова. Случилось ему неначально купить
гдѣ-то стихотворенія Дмитріева. Кольцовъ, не имѣвшій до
того времени понятія о стихахъ, былъ пораженъ гармоніей
звуковъ, риѳмами, и ему показалось сначала, что стихи
нужно пѣть, а не читать, потому что онъ замѣтилъ сход-
ство стиховъ съ пѣснями. Обративъ вниманіе на внѣшнюю
сторону поэтическихъ произведеній, онъ, какъ и прежде,
желалъ самъ писать ихъ, а на 17 году отъ рода написалъ
первое стихотвореніе «Три видѣнія». Конечно, это произ-
веденіе начинающей музы вышло очень уродливо; будучи
по формѣ подражаніемъ Дмитріеву, оно еще не показывало

въ авторѣ признаковъ позднѣйшаго таланта, но было важно въ томъ отношеніи, что еще болѣе развило въ юношѣ охоту къ сочиненіямъ такого рода. Само собою разумѣется, что, при неимѣніи таланта, эта охота послужила бы безплоднымъ мученемъ для самого писателя, который, при малѣйшемъ отсутствіи такта и способности пониманія, сталъ бы мучить своими стихами какихъ-нибудь несчастныхъ слушателей, чemu было много примѣровъ, да, быть можетъ, есть еще и теперь, такъ что одна охота къ авторству еще не составляетъ хорошаго признака, если не соединена съ серьезнымъ желаніемъ усовершенствоваться и съ способностью понять во-время неспособность свою въ этомъ отношеніи, когда она дѣйствительно окажется.

Вскорѣ послѣ первого опыта Кольцовъ пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича и продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ во внѣшней отдѣлкѣ стиха. Счастливый случай столкнуль его съ мѣстнымъ воронежскимъ книгопродавцемъ, къ которому Кольцовъ обратилъ съ просябою сказать свое мнѣніе объ этихъ поэтическихъ попыткахъ. Этотъ добрый человѣкъ хотя, по недостаточности образованія, и не могъ какъ слѣдуетъ оцѣнить первыхъ опытовъ молодого Кольцова, но понялъ однакожъ, что они дурны и откровенно высказалъ это автору, которому тутъ же далъ, для обученія стихосложенію, книгу, подъ названіемъ: «Русская Просодія», и предложилъ ему брать читать изъ лавки безденежно. «Просодія», конечно, не могла много помочь развитію поэтическаго таланта юноши: она только болѣе ознакомила его съ внѣшностью стиха, которымъ Кольцовъ сталъ владѣть лучше прежняго. Да и тутъ онъ обязанъ не столько просодіи, сколько чтенію хорошихъ для того времени стихотвореній Жуковскаго, Пушкина, Дельвига, которыхъ онъ нашелъ у обязательнаго книгопродавца. Дозволеніемъ свободно читать Кольцовъ воспользовался, какъ и нужно было предполагать, неумѣренно: долгое время лишенный изо-

бильного чтенія, онъ теперь читалъ безъ разбора и хорошее, и дурное.

Но до семнадцати лѣтъ Кольцовъ, при всѣхъ этихъ условіяхъ, оставался только стихотворцемъ, т.-е. слагалъ риѳмованныя строки, почти безъ содержанія. Поэтому онъ сдѣлался подъ вліяніемъ любви, признанной его родными неравною и потому неудавшіейся. Неудача эта глубоко поразила Кольцова, но онъ долженъ былъ покориться горю и тогда-то сталъ находить свое утѣшеніе въ поэзіи, перечитывая любимыхъ поэтовъ и стараясь высказывать въ звукахъ волновавшія его чувства. Къ этому времени (около 1827 г.) должно отнести начало собственно поэтической дѣятельности Кольцова.

Поэтическому развитію его помогла и начавшаяся въ то время дружба его съ Серебрянскимъ, въ которомъ Кольцовъ нашелъ строгаго и знающаго критика своихъ произведеній и учителя во всѣхъ отношеніяхъ. Подъ вліяніемъ и по совѣтамъ Серебрянского Кольцовъ писалъ новыя стихотворенія и поправлялъ вѣкоторые изъ старыхъ, такъ что они теперь стали уже годиться для печати. Скоро, однако-жъ, Кольцову пришлось разстаться съ Серебрянскимъ, который уѣхалъ въ Москву для поступленія въ медико-хирургическую академію.

Между тѣмъ разладъ между окружавшею Кольцова дѣятельностью и поэтическимъ его настроеніемъ дѣлался все рѣзче и замѣтнѣе. Но онъ созналъ уже въ себѣ талантъ и для него преодолѣвать всѣ препятствія. Прасолъ-поэтъ, торговецъ скотомъ и саломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ, мечтавшій о любви, о природѣ, о жизни и смерти, испытывающій уже душевныя тревоги и сомнѣнія, — онъ не могъ не возбуждать недоброжелательства и даже насмѣшку со стороны окружающихъ; хотя молодой человѣкъ, занятый своими умственными трудами, еще не ощущалъ пока всей болѣзnenности разлада, тѣмъ болѣе, что въ существѣ предмета никакого разлада и не должно было быть:

занятіе самымъ грубымъ ремесломъ не должно и не можетъ мѣшать умственному и даже поэтическому развитію человѣка; мѣшаютъ этому послѣднему только тѣ предразсудки, которые окружаютъ каждое ремесленное и вообще ручное занятіе какою-то предполагаемою необходимостью мрака умственного и которые съ другой стороны стараются совершенно отѣлить интеллектуальные труды отъ трудовъ строго физическихъ, тогда какъ вся задача просвѣщенія состоитъ въ возможномъ соединеніи какъ самого труда умственного съ физическимъ, такъ и результатовъ этихъ видовъ труда—матеріального благосостоянія съ просвѣщеніемъ народа.

Междѣ тѣмъ, слухи о талантѣ Кольцова распространялись; стихотворенія его случайно протель и познакомился съ самимъ Кользовымъ бывшій еще тогда студентомъ Станкевичъ (впослѣдствіи человѣкъ, имѣвшій известность въ литературныхъ кругахъ своего времени). Когда въ 1831 г. Кольцовъ, по дѣламъ своего отца, пріѣхалъ въ Москву, Станкевичъ доставилъ ему нѣсколько знакомствъ, впослѣдствіи имѣвшихъ для него значеніе. Тогда же Кольцовъ въ первый разъ увидѣлъ нѣсколько своихъ стихотвореній въ печати, а въ 1835 г. Станкевичъ издалъ 18 лучшихъ произведеній Кольцова отдѣльной книжкой, обратившей на себя вниманіе тогдашняго литературного міра, который также особенно былъ пораженъ тѣмъ, что авторъ этихъ поэтическихъ опытовъ—простой мѣщанинъ-прасолъ.

Въ 1836 и 1838 гг. Кольцову опять пришлось быть по дѣламъ въ Москву и въ Петербургъ, гдѣ онъ и пробывъ довольно долго. Тамъ онъ постоянно приобрѣталь новые литературные знакомства и хотя вообще любилъ ихъ, но, помня всегда свое достоинство и обладая природнымъ тактомъ, не слишкомъ добивался чести быть представленнымъ литературнымъ знаменитостямъ того времени. Онъ видѣлъ, что немногіе только оказывали ему искреннее расположение: большинство смотрѣло на Кольцова, какъ на рѣд-

кость — какъ на самоучку, котораго нужно поощрять, которому можно покровительствовать — и только. Другіе не хотѣли признавать поэтическаго таланта въ прозаическомъ мѣщанинѣ. Взглядъ большей части людей того времени на поэта характеризуется интересною подробностью, приводимою Бѣлинскимъ въ его биографическомъ очеркѣ Кольцова. Одинъ очень извѣстный литераторъ не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова и, увидѣвъ въ немъ очень положительного человѣка, заключилъ, что у него не можетъ быть таланта: проявленіе того же предразсудка, о которомъ мы уже упоминали, и при томъ тѣмъ болѣе непростительное, что оказалось въ литераторѣ — человѣкѣ, который всегда предполагается развитѣе массы. Явленіе это, въ наше время сдѣлавшееся уже, къ счастію, воспоминаніемъ, однородно съ нѣкоторыми другими поклоненіями формѣ и съ неразумными соединеніями извѣстнаго рода дѣятельности съ опредѣленнымъ вышнимъ видомъ, которыя встречаются еще и теперь.

Въ Петербургѣ Кольцовъ познакомился и съ тогдашними свѣтилами русской литературы — Пушкинъмъ, Жуковскимъ и другими — и сохранилъ хорошѣ воспоминаніе о сдѣланномъ ими приемѣ. Оставаясь въ Петербургѣ и Москвѣ по дѣламъ довольно долго, онъ привыкъ уже къ этой жизни и полюбилъ ее; поэтическая дѣятельность его продолжалась въ это время очень успешно. Неудивительно, что, по возвращеніи въ Воронежъ, таможня жизнь и обстановка показалась ему скучною и однообразною. Грустное сознаніе одиночества онъ заглушалъ только чтеніемъ, а лѣтомъ — наслажденіемъ природою въ степи, которую, однако-жъ, онъ любилъ уже менѣе прежняго. Кольцовъ, самъ человѣкъ, далеко не лишенный практическости, теперь понялъ, что одно непосредственное общеніе съ природой, какъ оно ни благотворно для нашего развитія, все-таки недостаточно, — что необходимо также и общество людей, которые бы сколько-нибудь могли понимать человѣка, раз-

дѣлать его стремленія и помогать ему въ повседневной жизни. Тогда онъ ближе сталъ разматривать своихъ прежнихъ воронежскихъ знакомыхъ, даже вступать было съ ними въ споры, «хотѣть ихъ научить», по его собственнымъ словамъ, но навлекъ только на себя насмѣшки, и съ того времени оставилъ эти ненужные попытки, занявшиясь преимущественно своими торговыми дѣлами, которыхъ въ его отсутствіе пришли въ разстройство, и изливая только по-временамъ свои впечатлѣнія въ письмахъ къ пріятелю, сначала жившему въ Москвѣ, а потомъ переселившемуся въ Петербургъ (Кольцовъ былъ хорошо знакомъ съ Бѣлинскимъ, изъ стати котораго мы и заимствовали фактическую сторону нашего очерка). Кольцовъ жалуется въ это время на кучу непріятностей: «что день—то горе, что шагъ—то напасть», — говорить онъ. Цылкая натура Кольцова сначала возмущалась этими мелкими непріятностями и столкновеніями; но, подумавъ, онъ самъ сознается, «что на людей сердиться нельзя» и что «люди правы — они судятъ по-своему». Воронежъ опустѣлъ для поэта, и все-таки, несмотря на скучу, Кольцовъ усердно принялъся за торговля дѣла; отъ его умѣнія и ловкости зависѣла вся судьба оборотовъ его отца, потому что на его имя переведены были все отцовскіе долги, векселя и обязательства. Тутъ Кольцову пришлось окончательно войти въ близкія сношенія съ дѣйствительностью; онъ терпѣливо вѣль дѣла, несмотря на все свое отвращеніе къ мелкой торговлѣ, въ надеждѣ добиться лучшаго. Кольцовъ считалъ возможную торговлю только у крупныхъ купцовъ-капиталистовъ, потому что, по его мнѣнію, имъ не только необходимо, но и выгодно быть честными, а положеніе мелкаго торговца онъ считалъ потому отвратительнымъ, что оно слишкомъ неадекватно, что онъ всегда принужденъ кланяться, натягивать дѣла всѣми путями... Такой взглядъ, очевидно, преувеличенъ. Конечно, мелкій торговецъ находится въ большей зависимости отъ сильныхъ, но изъ того не слѣдуетъ

еще дѣлать выводъ о связи между этимъ явленіемъ и необходимымъ присутствіемъ или отсутствіемъ честности въ томъ или другомъ случаѣ: личные качества, какъ честность, зависятъ, прежде всего, отъ самихъ людей; окружающая же ихъ обстановка хотя вообще и оказываетъ сильное влияніе, но влияніе это не безусловно, а сверхъ того, неравенство жизненныхъ условій составляетъ силу не только въ отношеніи торговыхъ людей, но и вообще для каждого члена общества.

Занимаясь торговыми дѣлами и наблюдая за постройкою дома, Кольцовъ все надѣялся, по окончательномъ приведеніи дѣлъ въ порядокъ, сдать ихъ отцу, а самъ думалъ открыть въ новомъ домѣ книжную лавку. Но жить Кольцову приходилось не такъ. Изъ писемъ его въ это время видно, что онъ хлопоталъ по хозяйственнымъ и торговымъ дѣламъ съ утра до ночи; дѣла понемногу поправлялись; но Кольцовъ, хотя занятый ими сильно, все заботился, «чтобы не сдѣлаться вовсе человѣкомъ материальнымъ». Въ этихъ письмахъ отражается страстная, любящая и вмѣстѣ съ тѣмъ умная натура Кольцова. По поводу смерти своего друга, Серебрянского, онъ дѣлаетъ весьма мѣткое замѣченіе: «Да, внѣшнія обстоятельства могутъ подавить и великую душу человѣка, если они безпрерывно тяготять ее и когда противъ нихъ защиты нѣть».

Время шло, и Кольцовъ все дѣлался грустнѣе и грустнѣе. Въ 1840 году въ письмахъ его уже проглядываетъ почти отчаяніе. «Въ Воронежѣ долго мнѣ не сдѣлать,— пишетъ онъ, — тѣснѣнъ мой кругъ, грустенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ... Если я не перемѣнью себя, то скоро упаду; это неминуемо, какъ дважды два четыре». Дѣлались ему тогда предложения перебѣхать въ Петербургъ для занятій по книжной торговлѣ, но онъ не счелъ возможнымъ принять ихъ, да и не могъ выѣхать изъ Воронежа противъ воли отца, потому что былъ связанъ долгомъ въ 20,000 рублей по векселямъ, одѣланнѣмъ на его

имя. При всемъ томъ, Кольцовъ еще не падаль духомъ, утѣшай себя даже и въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ сознаніемъ исполненаго долга. «Буду жить, пока живется, — работать, пока работается,— писалъ онъ,— сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую сколько могу, буду биться до конца края, приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ меня средства, и когда послѣ этого упаду— мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и предъ самимъ собою я буду правъ». Горько было Кольцову и то, что въ Воронежѣ онъ не могъ уже такъ много и такъ свободно заниматься поэзіей, какъ прежде; па это и времени недоставало, и писательство навлекало на Кольцова, по его собственнымъ словамъ, одни оскорблѣнія.

Въ послѣдній разъ Кольцовъ былъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ 1840 году. По словамъ Бѣлинскаго, самая мысль о возвращеніи въ Воронежъ ужасала его. Дѣло, по которому онъѣздилъ, кончилось благополучно, и онъ подумывалъ остататься въ Петербургѣ навсегда, но этому мѣшалъ недостатокъ средствъ, а начинать опять съ мелкой торговли Кольцовъ не хотѣлъ, по всегдашнему своему предубѣжденію противъ нея, о которомъ мы уже упоминали.

По возвращеніи въ Воронежъ, Кольцовъ снова долженъ былъ заняться устройствомъ дѣль, которая въ его отсутствіе опять пришли въ упадокъ. Тогда онъ рѣшился, окончивъ эту работу, непремѣнно уѣхать въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что и отецъ тогда уже намѣревался прекратить торговлю скотомъ. Но тутъ уже постоянныя волненія, потрясенія и раздраженія стали отзываться на его здоровье. Болѣзнь Кольцова усиливалась отъ постоянныхъ домашнихъ непріятностей. Вновь посѣтившее его страстную натуру сердечное движеніе опять было разстроено нуждой, и тутъ болѣзнь Кольцова, организмъ которого былъ окончательно потрясенъ, проявилась съ новой силой. Несмотря на то, при малѣйшемъ облегченіи, онъ мужественно принимался за занятія, не оставляя надежды на лучшее время и даже

не терялъ веселости. Выздоровленіе его было непрочно: онъ не имѣлъ ни спокойствія, ни средствъ, нужныхъ для лѣченія: иногда ему было не только не на что купить лѣкарства, но даже не доставало денегъ на обѣдь и на ужинъ.

Нравственные мученія въ это время Кольцовъ терпѣлъ сильныя; мысль о перебѣздѣ въ Петербургъ не оставляла его; но для этого нужно было, во-первыхъ, окончательно выздоровѣть, а во-вторыхъ, рѣшиться на рискъ по отношенію къ средствамъ существованія. Родные на проѣздѣ ему не дали бы ни гроша. По прїездѣ въ Петербургъ, Кольцовъ не надѣялся, что будетъ въ силахъ зарабатывать себѣ пропитаніе, не вѣрилъ въ практическое значеніе своего поэтическаго таланта, въ приказчики идти не хотѣлъ. Съ другой стороны, и житѣе въ Воронежѣ ему предстояло плохое. Дома, какъ видно, на него смотрѣлъ очень косо, хотя онъ и утѣшалъ себя тѣмъ, что «со двора не сгонять», да надѣялся на помощь добрыхъ людей. Былъ еще способъ все уладить—жениться; но честный Кольцовъ не могъ этого себѣ позволить, зная, что придется подчиняться чужому выбору. «Это значитъ пожертвовать собой, сгубить женщину и себя»,—писалъ онъ. Выхода изъ его положенія, дѣйствительно, не было, кроме отѣзда въ Петербургъ. Здоровье и денежныя обстоятельства не позволяли ему сдѣлать этого. Кольцовъ умеръ въ октябрѣ 1842 года, на 34 году отъ рождения.

Этотъ талантливый человѣкъ погибъ жертвою денежныхъ недостатковъ и, главное, семейныхъ затрудненій. Талантъ его и природный умъ указывали Кольцову, какъ ничтожна та среда, въ которой онъ жилъ, какъ мелки тѣ отношенія и заботы, которыя опутывали его жизнь. Онъ пытался выбраться изъ этой тины, работая до упадка силъ и стараясь только исполнить свой долгъ. Онъ исполнилъ его, честность запрещала ему и вступать въ сдѣлки съ окружающими, подчиняться ихъ требованіямъ, и отправиться на рискованную дорогу предпріятій, которая, какъ ему казалось, безъ

прочного начального обезпеченія, также были подвержены, быть можетъ, необходимости униженія.

Въ этомъ послѣднемъ Кольцовъ былъ неправъ: ему слѣдовало, оставивъ всѣ воронежскія дѣла, покинувъ всю постылую ему среду, отправиться въ Петербургъ, гдѣ съ его талантомъ и энергией онъ не пропалъ бы и, само собою разумѣется, не прибѣгалъ бы, для поддержанія себя, ни къ какимъ унизительнымъ средствамъ. Кольцовъ не довольно вѣрилъ въ свои силы и въ свой талантъ — вотъ въ чёмъ, по нашему мнѣнію, заключается его главная ошибка, за которую онъ заплатилъ преждевременною смертью, а другая состоять въ томъ, что онъ самъ себѣ накликалъ недруговъ въ числѣ окружающихъ, не умѣль предохранить себя отъ столкновеній съ ними, излагая свои взгляды и выказывая умственное превосходство тамъ, гдѣ это вовсе было не нужно и гдѣ подобная пропаганда только ожесточала людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. При всемъ томъ Кольцовъ, по словамъ Бѣлинского, всегда умѣль сохранить свое достоинство, даже вращаясь въ такой сфере, гдѣ униженіе и низкопоклонство были дѣломъ обыкновеннымъ; но онъ висколько не тщеславился своимъ талантомъ. Понимая весь недостатокъ своего образованія, онъ постоянно мечталъ о томъ, чтобы покончить мелочную торговлю и на свободѣ, въ Петербургѣ, заняться ученьемъ. Обладая поэтическимъ талантомъ, Кольцовъ очень жалѣлъ, что не можетъ свободно владѣть прозаическимъ языкомъ, что не можетъ въ прозѣ написать что-нибудь. Бѣлинскій замѣчаетъ по этому поводу: «Люди мало цѣнятъ то, что дается имъ безъ труда, и видятъ верхъ совершенства въ томъ, что добывается потомъ и кровью». Въ этомъ свойствѣ, по нашему мнѣнію, видно указаніе природы, которая общимъ правиломъ для человѣка ставитъ трудъ; въ трудѣ же человѣкъ находить и лучшее для себя наслажденіе: добытое безъ труда теряетъ для насъ цѣну, потому что пріобрѣтается безъ удовольствія. Кольцовъ прославился своими превосход-

ными русскими пѣснами, большою частію безъ риѳмъ, съ которыми вообще плохо ладилъ. Мы не останавливаемся на его литературныхъ произведеніяхъ, такъ какъ собственно не они насъ интересуютъ, а сама натура поэта.

Заключимъ описание характера Кольцова слѣдующими словами Бѣлинскаго, который былъ близокъ съ поэтомъ и коротко зналъ его домашнія обстоятельства, хотя и описывалъ Кольцова слишкомъ уже поэтическими красками. «Въ дружбѣ онъ не зналъ расчета и эгоизма. Всегда готовый одолжить близкаго человѣка, онъ избѣгалъ всякаго случая самому одолжаться имъ: его пугала одна мысль внести расчетъ въ чистоту дружественныхъ отношеній. Разъ облизившись съ человѣкомъ, онъ умѣлъ быть преданнымъ безъ увѣреній и фразъ. Эта сила любви и привязанности больше всего и сгубила его. Кольцовъ никогда не дорожилъ особынно связями крови бѣзъ связи духа, и у него стало бы силь отвѣтить презрѣніемъ на подлость и предательство, порожденныя ограниченностью и невѣжествомъ. Но сила измѣнила ему, когда пришлось еще горько разочароваться въ самыхъ дорогихъ и нѣжныхъ отношеніяхъ»...

Короче, талантъ и жизнь Кольцова, а съ нимъ и одинъ изъ лѣчшихъ образцовъ самодѣятельности въ русскомъ обществѣ, замерли подъ гнетомъ невѣжественной и деспотической ближайшей обстановки, и это у насъ не рѣдкость.

Нѣсколько подобный Кольцову, хотя жившій и при гораздо болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, былъ известный русскій литераторъ и журналистъ, Николай Алексѣевичъ Полевой. Подробное описание жизни этой замѣчательной личности было бы тѣсно связано съ исторіей русской литературы двадцатыхъ, тридцатыхъ и даже частію сороковыхъ годовъ. Мы ограничимся только нѣсколькими словами о его характерѣ и развитіи, не входя въ ближайшій разборъ его литературной дѣятельности.

Родившись въ купеческомъ семействѣ въ концѣ XVIII-го столѣтія, Полевой самъ готовился быть купцомъ. Отецъ

его, хотя человѣкъ неглупый и не вовсе чуждый книгъ, былъ однако-же вполнѣ человѣкомъ стараго времени и, готовя сына къ торговлѣ, неблагосклонно смотрѣлъ на любовь его къ книжнымъ занятіямъ, видя въ нихъ для молодого человѣка только трату времени. Даровитый мальчикъ, дѣйствительно, съ раннихъ лѣтъ уже показывалъ необыкновенную любовь къ чтенію и даже, не достигнувъ 15 лѣтъ, принимался уже за сочиненія, материаломъ для которыхъ служило множество прочитанныхъ имъ книгъ. Правильнаго образованія ему получить не удалось. Занимаясь днемъ торговыми дѣлами, онъ только ночью могъ заниматься за ученіе и, по свидѣтельству Бѣлинскаго, не всегда даже могъ достать для этого свѣчу, потому что отецъ запретилъ ему сидѣть по ночамъ, а когда юноша доставалъ ее, то старательно закрывалъ всѣ щели своей комнаты, чтобы свѣть не въ урочное время не пошаль на глаза отцу. Постоянно занимаясь сочиненіемъ небольшихъ статеекъ и даже пробуя силы на драматическихъ произведеніяхъ, Полевой, во время проѣзда Императора Александра I чрезъ Курскъ въ 1817 г., написалъ и обѣ этомъ статью и послалъ ее въ издававшійся тогда въ Москвѣ журналъ «Русскій Вѣстникъ». Статья была напечатана съ его подписью и обратила на себя вниманіе курсаго общества. Двадцатилѣтняго автора похвалили и тогдашній курскій губернаторъ, что, конечно, понравилось старику-отцу Полевого, и теперь молодому человѣку предоставлена была уже полная свобода заниматься книгами. Здѣсь мы должны оговорить, что такія извѣстія о воспитаніи Н. Полевого, взятые изъ его собственныхъ словъ и подтверждаемыя Бѣлинскимъ, опровергаются однако-жъ братомъ его, К. Полевымъ, по увѣренію котораго отецъ вовсе не препятствовалъ желанію сына заниматься ученьемъ, и при послѣднемъ удомленіи томъ нами случай радовался только первому печатному усѣйку сына. Мы потому придерживаемся изложенныхъ свѣданій, изображающихъ Полевого почти самоучкой, что они

основаны на его собственныхъ словахъ, которымъ нельзя не вѣрить, такъ какъ Полевой; по отзыву всѣхъ знавшихъ его, былъ человѣкъ въ высшей степени правдивый. Онъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что отецъ, увлекалась разными коммерческими предпріятіями, сердился на него за чтеніе и жегъ иногда его книги, давая вмѣстѣ съ тѣмъ сыну дѣловыя торговыя порученія. Уже поздно онъ началъ учиться иностраннымъ языкамъ, при чёмъ какой-то богемецъ училъ его по-нѣмецки, а пьяный цирюльникъ-итальянецъ—по-французски; для усовершенствованія въ этомъ послѣднемъ языкѣ, Полевой, обладая превосходною памятью и не видя другихъ средствъ узнать его, выучилъ напасть французскій лексиконъ. Всѣ эти подробности показываютъ, что Н. Полевой обладалъ необыкновенною твердостью воли въ стремлениі къ знанію, которое поставилъ себѣ цѣлью. Его дѣятельная натура проявлялась и впослѣдствії. Только что выучась основательно русской грамматикѣ, онъ уже, съ помощью упорнаго труда и даровитости, окончательно пустился на литературное поприще, и около 30 лѣтъ отъ роду издавалъ журналъ, въ свое время лучшій въ Россіи. На журнальной аренѣ онъ также дѣйствовалъ умно и ловко и первый далъ журналу такую форму и содержаніе, которыя большою частію удержались и до настоящаго времени. Удачно наполняя свой «Московскій Телеграфъ» самыми свѣжими новостями того времени и держа его въ уровень съ состояніемъ тогдашней науки и образованія, Полевой увеличилъ въ русскомъ обществѣ число читателей, что, безъ сомнѣнія, составляетъ также заслугу съ его стороны. По обязанности журналиста, онъ долженъ былъ писать о многомъ и, несмотря на недостаточное свое образованіе, большою частію излагалъ предметъ живо и вѣрно: это объясняется тѣмъ, что, почерпая материалы для своихъ статей изъ многихъ источниковъ, которые онъ долженъ былъ прочитывать, Полевой всегда толково усвоивалъ себѣ прочитанное. Въ частной жизни онъ былъ человѣкъ доб-

рый, честный, всегда готовый на помочь другимъ, несмотря на многочисленное семейство, которымъ самъ былъ обремененъ. Послѣдніе годы его жизни, за которые многие упрекали Полевого, онъ, по той же причинѣ, вынужденъ былъ не оставлять своей литературной дѣятельности, хотя, подъ гнетомъ нужды, иногда и направлялъ ее на предметы, недостойные его таланта. Работалъ онъ неутомимо: кромѣ журнальныхъ занятій, всегда болѣе или менѣе спѣшныхъ, онъ писалъ почти по всемъ отраслямъ литературы (кромѣ, конечно, специальныхъ). Помогая, по добротѣ своей, всемъ своимъ роднымъ и даже вообще бѣднымъ людямъ, Полевой въ теченіе десятилѣтняго изданія «Телеграфа» не составилъ себѣ никакого состоянія и конецъ жизни провелъ уже въ бѣдности.

Не касаясь въ этомъ бѣгломъ очеркѣ подробной характеристики Полевого, мы скажемъ только, что какъ характеръ, неутомимый и дѣятельный, натура страстная, умная и настойчивая, человѣкъ добрый и честный,—онъ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній въ ряду *самодѣятельныхъ* русскихъ людей.

Вмѣстѣ съ Кольцовымъ и Полевымъ нельзя не упомянуть еще объ одномъ самоучкѣ-литераторѣ, который, какъ своими глубоко-симпатичными стихотвореніями, такъ и своею многотрудною, хотя и малозѣстною жизнью, заслуживаетъ полное наше сочувствіе.

О жизни Никитина известно очень мало фактическихъ подробностей. Происходя изъ небогатаго воронежскаго мѣщанского семейства, онъ учился въ семинаріи и, угнетаемый бѣдностью, не кончилъ курса. Отецъ его содержалъ постоянный дворъ, молодой Никитинъ прислуживалъ тутъ же, а потомъ самъ сталъ содержать такое же заведеніе. Несмотря на недостатокъ образованія, несмотря на крайне бѣдное положеніе, которое доходило почти до нищеты, Никитинъ мужественно переносилъ его и, съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ въ себѣ любовь къ чтенію и поэзіи, съ на-

слажденіемъ предавался поэтической дѣятельности, въ которой находилъ и забвеніе постоянного своего горя, и душевный отдыхъ отъ грязныхъ сторонъ окружающей среды, которую не терпѣла свѣтлая натура Никитина. Кроме стихотвореній, которыхъ въ первый разъ были напечатаны въ 1853 г., онъ старался и о самообразованіи, старался пополнить недостатокъ своего научнаго развитія, самъ учился французскому и нѣмецкому языкамъ. Сдѣлавшись самостоятельнымъ, Никитинъ и практическія свои занятія старался направить на лучшее дѣло. Онъ открылъ книжную лавку въ Воронежѣ и за книгопродавческій трудъ принялъ также ревностно, думая принести этимъ пользу обществу. Онъ и дѣйствительно приносилъ пользу: магазинъ его, хотя очень скучный, по причинѣ бѣдности своего владѣльца, содержался однако-жъ съ полною добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Понимая значеніе книжнаго образованія, Никитинъ открылъ тамъ же въ Воронежѣ библиотеку для чтенія и, не жалѣя послѣднихъ денегъ, вѣль сношенія съ Петербургомъ и Москвой для улучшенія провинціальной книжной торговли. Болѣзнь, нравственныя мученія и материальные недостатки изнуряли поэта: онъ, въ полномъ смыслѣ слова, сдѣлался жертвой обстоятельствъ. Мелкая житейская суета изъ-за куска хлѣба, а быть можетъ и нѣкоторыя непріятные стороны въ людяхъ, съ которыми онъ былъ связанъ частными отношеніями, подточили эту честную натуру. Въ стихотвореніяхъ Никитина отразились чувства грусти и горечи, терзавшія его жизнь. Онъ умеръ въ 1861 г., 37 лѣтъ отъ роду. Намъ нѣтъ надобности знать всѣ мелочи его обстановки. Никитинъ самъ превосходно охарактеризовалъ свою жизнь въ слѣдующихъ строкахъ:

Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая.
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла...

Междудъятелими русской литературы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и людьми, успѣвшими удачно выбраться изъ темнаго положенія своими трудами и способностями, почетное мѣсто принадлежитъ еще Т. Г. Шевченку, извѣстному поэту и художнику. Судьба этого почтенного человѣка, полная превратностей, при которыхъ онъ всегда оставался вѣренъ себѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Шевченко родился въ 1814 г., въ крѣпостномъ состояніи; матери онъ почти не помнилъ, а отца лишился на восьмомъ году отъ рожденія, оставшись съ маленькими сестрами и злой мачихой; понятно, что участіе мальчика при такихъ условіяхъ не могла быть легка. Мачиха ненавидѣла упрямаго и скрытнаго Тараса и прятѣсняла, какъ могла: мальчика сѣкли безпрестанно и за его собственныйя вины, и за чужія; особенно много приходилось ему терпѣть за сводныхъ братьевъ—дѣтей мачихи; они обижали его, а онъ, въ свою очередь, часто тузилъ ихъ. Наконецъ Тарасъ пріютился у приходскаго дьячка, у котораго исполняль всѣ домашнія работы и вмѣстѣ съ тѣмъ учился грамотѣ. Дьячекъ—покровитель Шевченка—былъ горькій пьяница и,—что очень обыкновенно при неограниченномъ произволѣ одного человѣка надъ другими,—жестоко обходился со своими учениками. Положеніе Тараса было особенно невыносимо, потому что онъ былъ сирота. «Предоставляю вашему воображенію представить»,—говорить самъ Шевченко въ своей автобіографіи, —«чего могъ требовать отъ меня дьячекъ и что я долженъ былъ исполнять съ рабской покорностью, не имѣя ни единаго существа въ мірѣ, которое заботилось бы, или могло заботиться о моемъ положеніи». Кромѣ постоянныхъ побоевъ, его тамъ еще морили голодомъ. Два года пробылъ маленький Тарасъ у этого дьячка и въ ученьѣ дошелъ уже до псалтыря, но наконецъ не могъ вынести и окончилъ такъ, какъ вообще оканчиваются выведенныя изъ терпѣнія беззащитные люди—мѣстью и бѣгствомъ. Ребенокъ, найдя однажды своего хозяина-дьячка мертвѣцки пья-

нымъ (что, впрочемъ, было явленіе вовсе нерѣдкое), высѣкъ его тѣми же розгами, которыми дьячекъ постоянно сѣкъ своихъ учениковъ, и убѣжалъ въ ближннее мысечко, гдѣ у дьякона-малыра три дня таскалъ на гору ведрами воду и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску. Видя, что и эта работа не по силамъ, мальчикъ ушелъ въ третье село опять дьячку, слышшему живописцемъ, и просилъ научить его этому искусству, твердо рѣшившись перенести все испытанія, какія придется вытерпѣть при ученьѣ; но и тамъ неудача ожидала Шевченка: дьячекъ осмотрѣлъ его и тутъ же объявилъ, что малый неспособенъ быть не только малыромъ, но даже портнымъ или бочаромъ.

Такимъ образомъ, мальчикъ долженъ былъ возвратиться въ свое родное село и хотѣлъ уже сдѣлаться ластухомъ, какъ его помѣщику понадобился мальчикъ-казачекъ, и Шевченко попалъ въ эту должность, но и то не сразу. Его барину потребовались разнаго рода дворовые люди, и Тараса, бывшаго въ числѣ ихъ, въ видѣ опыта сдѣлали поваренкомъ. Должно быть, дѣятельность его въ кухнѣ признана была неудовлетворительною: въ немъ съ дѣтства уже обнаруживалась страсть къ рисованію,—при всякомъ удобномъ случаѣ онъ пріобрѣталъ себѣ какую-нибудь лубочную картинку и принимался снимать съ нея копію, хотя за это терпѣлъ побои отъ повара. Барину онъ былъ показанъ «годнымъ на комнатнаго живописца», но, несмотря на то, его сдѣлали казачкомъ. Въ новомъ званіи любимая наклонность Тараса выражалась тѣмъ, что онъ, сопровождая барина въ разѣздахъ по разнымъ городамъ, попрежнему, доставалъ себѣ лубочные картинки и рисовалъ съ нихъ копіи, а дома, служа на побѣгушкахъ и сидя въ прихожей, украдкою тоже рисовалъ снимки съ картинъ, висѣвшихъ въ барскихъ комнатахъ. За такое занятіе ему часто доставалось отъ господъ. Шевченко самъ разсказываетъ, что однажды поздно вечеромъ панъ, возвратясь съ бала, нашелъ его рисующимъ со свѣчкой въ уединенной комнатѣ: слѣд-

ствіемъ этого было то, что маленькаго художника выдѣлали за уши и прибили, а на другой разъ выпороли. Въ это время онъ былъ отданъ въ комнатному живописцу въ Варшавѣ; поэтъ чайно съ одной швеей-полькой, онъ вспомнилъ мысли, какъ самъ онъ говорилъ, «отчего въ немъ быть крѣпакамъ, не быть такими же людьми свободныхъ сословій». Развиваясь умственное, онъ начиналъ понимать всю тяжесть своего положенія съ большою горечью, чѣмъ человѣкъ низшимъ умственнымъ уровнемъ. Восемнадцать Шевченко, отправленный, вслѣдъ за Петербургъ, по этапу, выѣхалъ съ прочими людьми (изъ предосторожности на случай) былъ опять въ учѣніе къ цеховому живописцу. Житье тутъ было не лучше прежняго самому Шевченку оно уже въ томъ отношеніи прискорѣе отраднѣе, что давало ему возможныя минуты убѣгать въ Лѣтній садъ и т. д. своему занятію на вольѣ: онъ рисовалъ съ тури, которая находится въ Лѣтнемъ саду, рисовать и портреты съ натуры; на это умелъ Шевченка смотрѣть благосклонно и, какъ шаго казачка ему понравились, то сталь сидѣть на собственную работу въ томъ же рисункѣ, расу снимать портреты со своихъ любовницъ, вспоминаясь доволенъ работою, вознаграждалъ художника.

Тогда Шевченко уже свѣль знакомство съ художниками, — между прочими, съ Сошинскимъ послѣ сдѣлался пріятелемъ его, — и чрезъ него попасть объ освобожденіи изъ крѣпостнаго состоянія, которое самъ талантъ нашего художника зависѣлъ отъ минутной прихоти одного землемѣра. Быстро подвигалось умственное развитие художника; войдя въ сношеніе съ людьми образованія,

воспринималъ въ себя ихъ вліяніе изъ разговоровъ, и кромъ того, съ жадностью читаль книги, какія доставалъ отъ нихъ и вообще какія только попадались ему подъ руку. Работал цѣлый день у хозяина-маяра надъ окраскою оконъ, половъ и даже заборовъ, ночью Шевченко забирался на чердакъ и читалъ неутомимо. Чтобы понять, какіе трудности ему нужно было преодолѣть для своего обученія, должно припомнить, что въ дѣтствѣ онъ почти не получитъ никакого образованія. Хлопоты обѣ освобожденіи его отъ крѣпостной зависимости долго были безуспѣшны, и художникъ уже начинай падать духомъ, но къ счастію въ немъ принялъ дѣятельное участіе поэтъ Жуковскій, который въ 1838 г. разыгралъ въ лотерею свой портретъ, нарочно для этой цѣли написанный Брюловымъ, и такимъ образомъ выкупилъ молодого человѣка у помѣщика. Послѣ этого Шевченко усердно привился за серьезныя занятія живописью подъ руководствомъ Брюлова, посѣщалъ классы академіи художествъ и въ 1844 г. получилъ званіе свободнаго художника.

Къ тому же времени относятся и первые литературно-поэтические опыты Шевченка. Вотъ какъ самъ поэтъ говоритъ о нихъ: «украинская строгая музъ долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоянныхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхой, она, спасибо, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ».

На этомъ кончается автобіографія Шевченка, изъ которой мы частію взяли приведенные подробности; до 1847 года онъ занимался живописью, но больше уже сталъ склоняться на сторону литературы, къ которой почувствовалъ сильное призваніе; въ это время онъ написалъ нѣсколько своихъ знаменитыхъ поэмъ, какъ «Гайдамаки» и другія.

Затѣмъ судьба поэта круто измѣняется; онъ былъ отправленъ въ ссылку солдатомъ—сначала въ Оренбургъ и

Орскую крѣпость, потомъ въ Новопетровское укрѣпленіе въ Киргизской степи. Десять лѣтъ провелъ Шевченко въ этомъ несчастномъ положеніи; скучная извѣстія сохранились объ этомъ бѣдственномъ періодѣ его жизни: все они, по преимуществу, сосредоточиваются въ его письмахъ къ друзьямъ и отчасти въ дневникѣ. Впрочемъ, если-бы даже и вполнѣ извѣстна была его жизнь за это время, то съ вѣнчайшей стороны она не могла ничего представить, кроме однообразныхъ, невеселыхъ занятій, свойственныхъ его положенію. Самъ Шевченко неохотно упоминаетъ объ этомъ періодѣ. Его силы подкѣпляла только надежда возвратиться когда-нибудь на родину и зажить тихою, счастливою семейною жизнью.

Пройдя чрезъ различныя испытанія, Шевченко не утратилъ чистоты и честности своего характера, остался такимъ же прямымъ и правдивымъ, какъ былъ прежде, и при томъ старался постоянно заниматься, чѣмъ могъ. Ему запрещено было писать стихи и рисовать: тогда онъ принялъ лѣпить изъ глины и алебастра различныя фигуры, — въ этомъ только и могла проявляться его дѣятельная натура; должно замѣтить, что прежде Шевченко не былъ знакомъ съ скульптурнымъ искусствомъ, онъ выучился ему по необходимости, какъ единственному свободному занятію, доступу къ которому былъ тогда для него возможенъ, по обстоятельствамъ.

Между тѣмъ здоровье поэта было сильно потрясено въ это время; въ 1857 г. онъ получилъ свободу, но уже не на долго: меныше, чѣмъ чрезъ четыре года Шевченка не стало; въ февралѣ 1861 г. онъ умеръ отъ сильной грудной болѣзни.

Послѣдніе годы онъ провелъ въ Петербургѣ, писалъ картины, — нѣкоторые изъ нихъ были на годичныхъ выставкахъ въ академіи художествъ, — а также занимался и литературой: его «Кобзарь», по отзыву людей, знакомыхъ съ малороссійской поэзіей, представляетъ сборникъ замѣчатель-

ныхъ поэтическихъ произведеній. Облака на «жизненномъ горизонте» Шевченка нѣсколько разошлись, онъ жилъ среди друзей, работалъ по своей волѣ,ѣздилъ въ 1859 г. въ свою родную Украину, видѣлся съ родными, съ которыми поддерживалъ переписку до самой смерти; но все это не могло уже изгладить тяжкихъ слѣдовъ бывалаго времени. Страдая отъ физическихъ немощей, Шевченко и душевно былъ уже не тотъ: тоска, горечь и недовольство жизнью овладѣли имъ. Родные его братья и сестры до 1860 г. оставались еще въ крѣпостномъ состояніи. Въ эти годы вся Россія тревожно ожидала великаго освобожденія крестьянъ; Шевченко имѣлъ причины ждать больше всѣхъ этого радостнаго событія: онъ выросъ въ крѣпостной неволѣ и на опытѣ зналъ всю «чудовищную несправедливость» рабства. Но поэту-художнику и суждено и нѣть было дождаться дня освобожденія: манифестъ 19 февраля 1861 г. опубликованъ былъ 5 марта, а Шевченко скончался 26 февраля. Наканунѣ смерти, въ день своихъ именинъ, мучаясь отъ тяжкой болѣзни, больной былъ утѣшенъ поздравленіями съ родиной. Нечего и говорить, какой громадный, единодушный взрывъ сочувствія къ честному художнику-поэту вызвала его смерть. Петербургъ помнить еще эти заявленія.

Главное значеніе Шевченка въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ состоитъ въ томъ, что этотъ поэтъ, происходя изъ крѣпостного званія, былъ представителемъ этого класса народа и какъ бы вѣстникомъ его освобожденія. Выросшій, какъ мы сказали, самъ среди невеселой обстановки, какую можно себѣ представить въ личной крѣпостной зависимости, Шевченко тѣмъ искреннѣе и усерднѣе преданъ былъ свободѣ, съ пламеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ ее и въ дни возвѣщенія этой свободы народу умеръ. Въ этомъ стремленіи состоитъ главный смыслъ его поэтической дѣятельности. Какъ человѣкъ, Шевченко также заслуживаетъ полнаго уваженія: основными чертами его характера были — честность непреклонная, доходившая до

упрямства, любовь къ людямъ, добросердечіе и дѣятельность неутомимая. Пылкій нравъ и блестящія умственныя способности дорисовываютъ эту почтенную личность.

До сихъ поръ мы приводили въ примѣръ саморазвитія въ русскомъ обществѣ лишь такихъ людей, которые хотя и дѣствовали на обыкновенныхъ житейскихъ поприщахъ, но главнымъ образомъ и собственнымъ развитіемъ и своею извѣстностью обязаны занятію книжными, литературными дѣлами.

Образцы другого рода развитія,—которое произошло путь скромной, неутомимой, немилитарной дѣятельности, къ сожалѣнію, еще очень рѣдки въ Россіи, а между тѣмъ ими-то, по-нашему мнѣнію, и должно утвердиться развитіе въ русскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, въ числѣ само-дѣятельныхъ русскихъ людей, считаемъ своею обязанностью упомянуть объ одномъ честномъ труженикѣ-юношѣ, который всю свою короткую жизнь боролся съ разнородными лишненіями и невзгодами, своими трудами содержалъ мать и сестру и, несмотря на то, заботился по мѣрѣ силъ о самовоспитаніи, «выучился многому безъ чужой помощи», по собственнымъ его словамъ, и составилъ даже свою автобіографію. Изъ этого безыскусственного сказанія мы и извлекаемъ главные черты жизни скромнаго труженика.

Морозовъ былъ писаремъ въ канцеляріи одного изъ русскихъ военныхъ вѣдомствъ. Но и до этой скромной доли, которою онъ довольствовался, ему нужно было дойти путемъ тяжкихъ трудовъ, рано разстроившихъ его здоровье. Онъ родился въ 1836 году и въ дѣтствѣ не получилъ никакого образованія. Съ малыхъ лѣтъ ему пришлось видѣть уже горе въ семье своей: отецъ его, по словамъ самого Морозова, «вахтеръ с.-петербургскихъ экипажныхъ магазиновъ»,— предавался пьянству, что еще усиливало и безъ того бѣдную обстановку семьи. Ребенокъ Морозовъ начинаялъ было учиться молитвамъ у своей старшей сестры, которая обучалась грамотѣ въ пріютѣ, но скоро и это пре-

кратилось, потому что она поступила въ мастерицы къ швей. Между тѣмъ отецъ его пилъ все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, былъ разжалованъ въ матросы и посланъ въ Свеаборгъ. Мать Морозова, трудившаяся, сколько могла, для поддержанія семейства, не рѣшилась слѣдоватъ за мужемъ, а предпочла, изъ любви къ дѣтямъ, остататься въ Петербургѣ, хотя самыми тяжкими трудами приходилось ей доставать имъ пропитаніе, а иногда еще нужно было посыпать деньги и мужу, который на новомъ мѣстѣ жительства кутиль попрежнему и, требуя денегъ, угрожалъ въ противномъ случаѣ не выдавать женѣ паспортъ и вытребовать ее съ семействомъ къ себѣ. Морозовъ, упоминая объ отцѣ, довольно вѣрно объясняетъ причину его безнравственной жизни, хотя и со своей точки зреянія. «Мнѣ кажется», — говорилъ онъ, — «что все зависитъ настѣ отъ воспитанія и общества — сопутниковъ жизни,—такъ и батюшка — сынъ простого крестьянина, потомъ товарищъ людей грубыхъ, своенравныхъ, — не могъ быть лучше, и потому не смѣю и не могу обвинять его». Едная женщина жила теперь съ дѣтьми въ углу на квартирѣ, лѣтомъ торговала, а зимой ходила работать поденщицей и занималась на бумажную фабрику, съ твердостью перенося нужду и показывая дѣтямъ примѣръ терпѣнія въ несчастіи. Морозовъ съ любовью упоминаетъ о ней. Мальчикъ между тѣмъ отданъ былъ въ пріютъ, гдѣ ученье,—само собою разумѣется, очень немногосложное,—ограничивалось первыми правилами чтенія и письма, закономъ Божіимъ, пріученіемъ считать на счетахъ и начальами ариѳметики съ таблицею умноженія. Это ученье продолжалось только годъ съ небольшимъ. Потомъ до 13 лѣтъ молодой Морозовъ пробылъ дома, при случай учился, но, по собственному его сознанію, мало и отрывочно. Но важно было то, что мальчика въ это время окружала строгая трудовая жизнь, способствовавшая, если не умственному, то нравственному его воспитанію: неутомимая труженица-мать, старшая сестра, усердно помогав-

шай ей въ содержаніи семейства и честно работавшая надь шитьемъ шляпокъ, наконецъ младшая— еще ребенокъ, но уже прилежно занимавшійся то азбукой, то чѣмъ придется; — вотъ бѣдная, но честная обстановка, которая, безъ сомнѣнія, благодѣтельнѣо подѣйствовала на юную душу Морозова; впрочемъ онъ въ это время продолжалъ развиваться и умственно, читая всѣ книги, какія попадались подъ руку.

Сынъ нижняго чина, Морозовъ самыми условіями своего званія подчиненъ былъ необходимости поступить въ военную службу и 13 лѣтъ уже былъ помѣщенъ въ учебный морской рабочій экипажъ, въ кантонисты. Тутъ тоже предстояла ему тяжелая школа: фельдфебель, унтеръ-офицерь и ефрейторы, по всегдашней привычкѣ, учили дѣтей не столько словами, сколько кулаками, старшие товарищи сначала также обижали бѣднаго новичка, пока онъ самъ не привыкъ къ школьнымъ порядкамъ; сверхъ того, постоянное фронтовое ученье часто давало поводъ фельдфебелю избить учениковъ за неправильное вытягиваніе носка и часто отнимало у нихъ даже часы, назначенные для отдыха; самое книжное ученье у нихъ шло больше только для виду. Морозовъ говорить о немъ такъ: «у насъ преподавали много предметовъ, но настоящаго толку намъ не давали; что самъ поймешь, бывало, то и ладно, а переспрашиватъ не смѣй».

Приготовляясь быть писаремъ, Морозовъ, къ сожалѣнію, не старался учиться никакому мастерству: хотя и назначали его, по очереди съ другими, въ котельную мастерскую, но это было противъ желанія мальчика, которому не нравилась эта грязная работа и грубый костюмъ; онъ занимался тамъ срочное время съ отвращеніемъ и, конечно, изъ этого ничего не вышло, хотя и нѣть основанія думать, чтобы изъ Морозова, съ его трудолюбиемъ, не вышелъ п хорошій ремесленникъ, если-бы, обративъ вообще его вниманіе на необходимость такихъ занатій, ближайшій выборъ мастерства предоставили уже ему самому.

Ученье Морозова кончилось тѣмъ, что послѣ безуспѣшной попытки сдѣлаться писаремъ, онъ помѣщенъ былъ, по просьбѣ матери, наборнымъ ученикомъ въ морскую типографію. Это было счастливымъ обстоятельствомъ для мальчика, потому что его еще не успѣли совсѣмъ забить въ кантонистахъ и что у него теперь оставалось свободное время для другихъ дѣлъ, и, наконецъ, потому, что самая работа, хотя по вѣнчности, все таки сближала его съ книгами, которыми, при незнаніи никакого мастерства, ему и слѣдовало больше заниматься.

Тѣмъ не менѣе, положеніе Морозова въ типографія было хорошо только сравнительно: жалованья сначала ему совсѣмъ не давали, а потомъ назначали по сорока копѣекъ въ мѣсяцъ. Несмотря на то, Морозовъ работалъ очень усердно, нетерпѣливо желая быть въ состояніи оказывать помощь своей матери. Черезъ годъ онъ уже такъ привыкъ къ своему дѣлу, что могъ брать на себя и частныя занятія такого же рода. Пятнадцати лѣтъ отъ рода, Морозовъ работалъ неутомимо: съ 10 часовъ утра до 4 дня былъ на службѣ въ типографіи, а съ ранняго утра до 10 и послѣ 4 до вечера работалъ въ частной типографіи, гдѣ ему случалось преимущественно заниматься наборомъ книгъ, присылаемыхъ отъ частныхъ лицъ; такъ напримѣрь Морозовъ упоминаетъ о книжкѣ «Курсъ скорописи», которую онъ набиралъ всю и посредствомъ этого познакомился съ ея авторомъ. Работая въ типографіи, онъ внимательно присматривался въ корректурныхъ листахъ къ грамматическимъ ошибкамъ, что отчасти замѣняло ему недостатокъ знанія грамматики. Но Морозовъ все-таки былъ недоволенъ занятіемъ наборщика: не любя эту «неопрятную», какъ онъ выражался, обязанность, онъ все старался сдѣлаться писаремъ; для приготовленія къ этому званію, онъ даже, при первой возможности, сталъ тщательно учиться у особаго руководителя искусству писать красиво крупнымъ и мелкимъ почеркомъ, и наконецъ желаніе его исполнилось, хотя

и тутъ сначала Морозову пришлось нѣсколько времени ожидать настоящей писарской вакансіи и, при занятії безъ жалованья, не оставить работы въ типографіи, которая впрочемъ, въ скромъ времени и прекратилась, по недостатку материаловъ для занятій. Въ это время семейство Морозова поражено было еще домашними несчастіями: старшая сестра его и мужъ ея умерли одинъ за другимъ; потери эти, не говоря уже о нравственной сторонѣ, тяжело отозвались и на финансовыхъ средствахъ семьи. Теперь единственной поддержкой ея оставался самъ Морозовъ. Крайне стѣсняясь въ средствахъ существованія, онъ обратился тогда съ просьбою о какой-нибудь письменной работе къ автору «Курса скорописи», который зналъ его съ хорошей стороны еще наборщикомъ. Работа сначала была дана Морозову въ видѣ испытанія, и когда онъ успешно исполнилъ ее, тогда получилъ уже опредѣленныя, помѣсячные занятія, съ небольшой платой.

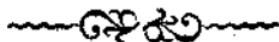
Между тѣмъ открылась вакансія писаря въ Гидрографическомъ Департаментѣ, и напѣ Морозовъ наконецъ вполнѣ достигъ цѣли своихъ желаній — онъ былъ опредѣленъ на эту должность съ жалованьемъ по 4 р. 20 к. въ мѣсяцъ — сумма не особенно значительная, но Морозову, послѣ 40-копѣчного жалованья, она конечно должна была показаться большой. Изъ собственныхъ словъ Морозова о его опредѣленіи видно, какое высокое понятіе онъ имѣлъ о «службѣ правдою», безъ взятокъ, безъ всякихъ окольныхъ путей.

Описаніемъ своего положенія писаремъ Морозовъ заключаетъ свою автобіографію: обстановка его еще скудная, «частенько», по словамъ его, «приходится нуждаться», но онъ уже доволенъ своею участью, сравнивая ее съ прежнею. Послѣдніе годы онъ трудился неутомимо въ той сферѣ, въ которую былъ поставленъ; занимаясь, кроме обычныхъ писарскихъ дѣлъ, еще какими-нибудь частными работами и умѣя своею честностью и трудолюбиемъ заслужить довѣ-

ре, онъ находилъ время еще учить другихъ: такъ онъ выучилъ читать и писать шестилѣтнюю дѣвочку, мать которой, вместо платы, учила щить сестру Морозова.

Этотъ труженикъ, какъ мы сказали, былъ доволенъ своимъ положенiemъ: «Богъ вѣсть», — говорилъ онъ, — «что было бы со мной при достаткѣ, а теперь я не забываюсь: нужда поддерживаетъ дѣятельность». Въ другомъ мѣстѣ, говоря о своей ранней рабочей жизни, о раннемъ горѣ, Морозовъ замѣчаетъ: «странны, во всемъ я вижу надь собою раннюю пору: судьба не по лѣтамъ съ меня спрашивала, не по силамъ испытывала, и чѣмъ все это кончится, Богъ вѣсть?» Кончилось это тѣмъ, что Морозовъ умеръ въ чахоткѣ; за нимъ послѣдовали сестра и мать, для которыхъ онъ трудился...

Несмотря на такой печальный исходъ, жизнь и дѣятельность Морозова могутъ служить для каждого благопріятнымъ примѣромъ и хорошимъ возбужденiemъ къ труду: этотъ скромный писарь, пройдя чрезъ разнородныя тяжкія испытанія, не потерялъ духа, не «сбылся съ круга», но усерднымъ трудомъ составилъ себѣ сравнительно хорошее положеніе, о чемъ онъ и самъ упоминаетъ въ концѣ своей автобіографіи; путемъ труда онъ дошелъ до сознанія справедливости избранного пути и, слѣдовательно, до самоуваженія. Такое сознаніе само по себѣ уже составляетъ награду для человѣка, а будучи распространено, тѣмъ же путемъ, въ массахъ, послужить источникомъ дальнѣйшихъ трудовъ, изъ которыхъ непосредственно является уже и материальное благосостояніе.

ГЛАВА XI.

УДОБСТВА И ТРУДНОСТИ. ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВѢКА.

Удобства новѣйшаго времени.—Человѣкъ-механикъ.—Слова Рескина.—Механический путь къ прогрессу.—Механическое воспитаніе.—Начинка людей знаніемъ.—Знаніе, обращаемое въ увеселеніе.—Забавы.—Чтеніе романовъ.—Погоня за удовольствіемъ.—Бенжаменъ Констанъ.—Августинъ Тьерри.—Кольриджъ и Соутъ.—Робертъ Николь.—Польза трудностей.—Мендельсонъ.—Опытность, извлекаемая изъ встрѣчи съ трудностью.—Счастіе и несчастіе.—Трудность—самая лучшая школа.—Диараэли, Гепри Клей, Курранъ.—Профессыры Муррей и Муръ.—Вильямъ Чэмберсъ.—Вильямъ Гоббетъ.—Самуэль Ромилъ.—Джонъ Лейденъ.—Профессыръ Ли.—Знаменитости, происшедшія изъ «малоспособныхъ».—Барроу, Свифтъ, Чальмерсъ, Шериданъ, Скотть, Чаттертонъ, Говардъ и другіе.—Различіе между дѣтьми состоитъ только въ энергичности.—Успѣхъ въ жизни зависитъ отъ усердія къ труду.

Отличительную черту нашего времени составляютъ необыкновенное удобство сообщеній между людьми и легкость распространенія знаній между ними: относительно быстроты путешествій, усовершенствованій печати, легкости телеграфныхъ и почтовыхъ сообщеній нашъ вѣкъ имѣть исоспоримое первенство передъ всякимъ другимъ. Пуды за пудами бумаги—результаты машиннаго труда, выходя съ фабрикъ, постоянно превращаются, посредствомъ другихъ машинъ, въ печатныя книги и газеты, расходящіяся по

всём направлениемъ за баснословно дешевую цѣну; при видѣ всего этого, мы привыкли поздравлять себя съ такимъ удивительнымъ «прогрессомъ нашего вѣка». Если для прогресса достаточно силы паровой и разныхъ другихъ машинъ, то нашъ прогрессъ действительно можно было бы назвать быстрымъ. Но надоѣло еще посмотретьъ, въ самомъ ли дѣлѣ то огромное количество печатнаго материала, какое постоянно находится въ обращеніи, расчитано на умственное и нравственное улучшеніе людей, дѣйствительно ли принципы ихъ дѣятельности выше и чище тѣхъ, какие существовали въ Англіи во времена сравнительно отдаленныя,—въ тѣ времена, когда книги были явленіемъ, гораздо болѣе рѣдкимъ, чѣмъ нынѣ, но когда онѣ и болѣе цѣнились,—въ тотъ вѣкъ, напримѣръ, когда жили и писали Шекспиръ, Мильтонъ, Бэконъ и Йеремія Тейлоръ. Быть можетъ окажется, что хотя размноженіе книгъ и газетъ, посредствомъ печатной и паровой машинъ, сопровождалось несомнѣнными выгодами для человѣческаго развитія, но легкость распространенія свѣдѣній, произошедшая такимъ образомъ, не вполнѣ свободна и отъ некоторой примѣси зла. Правда, она доставляетъ безпримѣрныя до сихъ поръ удобства научиться многому безъ большихъ усилий съ нашей стороны, но не должно забывать, что такой путь исколко не служить къ развитію глубины и силы мышленія, а напротивъ укореняетъ въ человѣкѣ привычку къ поверхностному взгляду на вещи; есть основаніе опасаться, что читатели, увлекаясь разнообразiemъ умственной пищи, предлагаемой имъ громаднымъ количествомъ книгъ, не будутъ въ состояніи ни одинъ предметъ изучить основательно.

Обладая даже всѣми удобствами для независимаго саморазвитія, мы все-таки должны остерегаться, чтобы наша жизнь, подобно литературѣ, не сдѣлалась механической. Поводомъ къ этому опасенію служить постоянное увеличеніе въ мануфактурныхъ округахъ такихъ рабочихъ, которые большую часть времени ежедневно должны прово-

дить въ наблюденіи за дѣйствіемъ прядильныхъ и крутильныхъ машинъ.

Вѣроятнымъ результатомъ этого явленія будетъ превращеніе живого существа въ человѣческую машину, почти столь же безличную, какъ и тѣ машины, за которыми этотъ человѣкъ наблюдаетъ. Вотъ одинъ изъ недостатковъ новѣйшей цивилизациіи,—недостатокъ, съ каждымъ днемъ больше и больше оказывающій гибельное дѣйствіе на народъ и, къ несчастію, до сихъ поръ очень мало обращающей на себя вниманіе. Совершенствуя наши машины, мы часто забываемъ, что самый лучшій рабочій материалъ находится въ самихъ людяхъ, а между тѣмъ для обработки и усовершенствованія этого материала мы еще далеко не сдѣлали всего этого отъ насъ зависящаго, или, лучше сказать, сдѣлали, сравнительно, очень мало. Рескинъ, говоря о раздѣленіи труда, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «собственно говоря, у насъ раздѣляется не трудъ, но сами люди трудящіеся. Они какъ бы дѣлятся на части, жизнь каждого человѣка раздробляется на самые мелкие клочки, такъ что та незначительная доля умственныхъ способностей, какая оставлена отдельному лицу, считается недостаточною даже для производства, напримѣръ, цѣлой булавки или цѣлаго гвоздя, но должна обращаться вся на выдѣлку конца булавки или головки гвоздя. Конечно, выдѣлка множества булавокъ въ одинъ день—дѣло само по себѣ хорошее и успѣха его надобно желать; но если бы мы только могли видѣть, какая мелочная работа употребляется для полировки ихъ оконечностей, такъ что эту отдѣлку нужно разсматривать въ сильное увеличительное стекло, чтобы различить что-нибудь; и если бы притомъ мы вспомнили, что такой механический и вмѣстѣ съ тѣмъ мелочной трудъ долженъ выполняться однѣми и тѣми же человѣческими силами, то убѣдились бы, что это раздѣленіе труда заключаетъ въ себѣ несомнѣнныи вредъ. Громкій голосъ, раздающійся изъ всѣхъ нашихъ мануфактурныхъ городовъ и за-

глашающій собою даже шумъ изъ фабрикъ и заводовъ, постоянно напоминаетъ намъ, что мы отѣлываемъ, совершенствуемъ тамъ все, *кромъ самого человѣка*; мы бѣлимъ свои матеріи, закаляемъ сталь, рафинируемъ сахаръ, изготавляемъ формы для посуды,—но заботу о томъ, чтобы просвѣтить, подкрепить, усовершенствовать или сдѣлать настоящимъ человѣкомъ хотя одно живое существо, стичаемъ совершенно лишнею: это никогда не входить въ наши планы, это несомнѣнно съ нашими *денежными расчетами*.

Общеупотребительные средства, предлагавшіяся для противодѣйствія соціальнымъ и политическимъ дѣствіямъ, также сильно отзываются механическими тенденціями. Есть у насъ и нравственная философія, которая предлагаетъ измѣрять наши головы циркулемъ и, подведя ариѳметический итогъ нашимъ наклонностямъ, чувствамъ и умственнымъ способностямъ, опредѣлить такимъ образомъ, къ какому житейскому положенію мы назначены или какому нравственному лѣченію должны быть подвергнуты. Есть соціальные реформаторы, которые хотѣли бы выстроить насъ въ параллелограммы и довести до совершенства посредствомъ отреченія отъ всякой надежды, борьбы, препятствій, отъ всего того, что до сихъ поръ способствовало формировкѣ человѣка. Пускаются въ ходъ планы избавленія насъ отъ политического безчестія разными ариѳметическими и механическими средствами, которые здѣсь нѣть надобности обсуждать.

Механическое совершенствованіе нашихъ школъ также обѣщаетъ дойти до того, что мы въ непродолжительномъ времени, подобно китайцамъ, будемъ обладать воспитаніемъ весьма высокаго полета, но совершенно лишеннымъ положительныхъ результатовъ. Операциія заполненія памяти фактами и формулами, выученными наизусть, болѣе и болѣе входить въ употребленіе между учащимися, но навыкъ къ самостоятельному мышленію, стремленіе идти по собственной дорогѣ не только не поощряется, но часто тщательно

заглушается. Легкость, съ какою молодые люди этимъ путемъ пріобрѣтаютъ знанія, можетъ повести развѣ только къ простому набиванію ими памяти, во не имѣютъ ничего общаго съ воспитаніемъ. Эта процедура наполняетъ мозгъ, но не оплодотворяетъ его. Она можетъ служить только временнымъ средствомъ и дѣйствительно ненадолго какъ будто бы изощряетъ умъ, но, не имѣя твердой и болѣе высокой цѣли, кроме простого знанія, она и не можетъ принести человѣку никакой прочной пользы. Быстрота, съ которой молодые люди пріобрѣтаютъ свѣдѣнія о разнообразныхъ предметахъ, дѣлаетъ ихъ вообще нетребовательными и недалекими въ области знанія и часто доводить ихъ до преждевременного равнодушія къ нему. Они читаютъ много книгъ, знакомятся со многими науками, но, къ несчастію, подчиняются самой плачевной индифферентности; безъ компаса, безъ якоря эти люди мѣняютъ свое направлениe, смотря по направленію вѣтра въ данное время; они не лишены способности пониманія, но никогда не принимаютъ дѣятельного участія въ данномъ предметѣ; умъ ихъ, какъ зеркало, способенъ отражать на себѣ всякия идеи, но также, подобно зеркалу, не долго удерживаетъ получаемыя впечатлѣнія. Такія лица не рѣшаются ни на какое дѣйствіе, не имѣютъ желаній ни составлять себѣ убѣжденій, ни дѣлать выводовъ: дѣятельность ихъ воли представляется какъ бы прерванною, самая воля находится въ усыплѣніи или въ болѣзненномъ оцѣпленіи. Знаніе, въ подобныхъ случаяхъ, служить только источникомъ преходящаго удовольствія,— оно дѣлается ощущеніемъ, не болѣе; а въ дѣйствительности является даже простымъ эпикурействомъ человѣческаго ума,—эпикурействомъ, конечно, не разсудочнымъ, но чувственнымъ. Лучшая сторона человѣческой натуры, та, которая развивается самостоятельными усилиями и независимою дѣятельностью, спитъ въ этихъ людяхъ глубокимъ сномъ и часто можетъ быть пробуждена только подъ влияніемъ внезаднаго бѣствія или страданія, которыя въ

подобныхъ случаяхъ являются уже настоящимъ благодѣліемъ.

Прямымъ слѣдствиемъ привычки къ легкому чтенію является мавія «дѣлать пріятными» самыи путь къ знанію; поэтому книги, развлекающія читателей и виѣшнимъ образомъ возбуждающія въ нихъ вниманіе, считаются однимъ изъ лучшихъ средствъ къ укрѣплению въ людяхъ званій и къ развитію любви къ чтенію. Наши книги и періодическія изданія должны быть въ высшей степени пріятными, забавными, интересными. У насъ уже была комическая грамматика и исторія; нельзя терять надежды, что мы дождемся наконецъ комического Эвклида и комического молитвенника. Солидныхъ предметовъ вообще избѣгаютъ, и книги, требующія внимательнаго изученія, лежать нетронутыми на полкахъ книжныхъ лавокъ. Дугласъ Джеррольдъ, въ одинъ изъ припадковъ мрачнаго расположенія духа, такимъ образомъ отозвался объ этомъ направлениі: «Я убѣжденъ, что сѣть наконецъ утомится (такова, по крайней мѣрѣ, моя надежда) этимъ постояннымъ подниманіемъ на смѣхъ всего безъ разбора. Жизнь имѣеть все-таки въ себѣ серьезную сторону; она не можетъ служить всегда только комической лѣтописью человѣчества, хотя есть люди, я увѣренъ, которые взялись бы написать даже пародію на «Проповѣдь на горѣ». Докторъ Арнольдъ, обсуждая то же самое зло, замѣтилъ: «Ребячество, даже въ дѣтяхъ съ хорошими способностями, кажется мнѣ большимъ недостаткомъ; и не знаю, чему другому можно приписать его, какъ не тому, что ребенокъ читаетъ много забавныхъ книгъ, разгорячающихъ его воображеніе. Такія книги совершенно удовлетворяютъ всѣмъ умственнымъ потребностямъ мальчика, вообще рѣдко значительнымъ, и притупляютъ его способности не только къ постоянному труду,—что, сравнительно съ людьми взрослыми, еще было бы извинительно,—но лишаютъ вкуса и къ дѣйствительно хорошимъ произведеніямъ литературы и даже отнимаютъ восприимчивость къ исторіи и поэзіи». Джонъ

Стерлингъ о томъ же предметѣ сказаљ: «періодическія изданія и романы — для всѣхъ вообще людей, а въ особенности для тѣхъ, которыхъ умъ еще не укрѣпился, еще находится въ процессѣ броженія, — составляютъ новую и очень дѣйствительную замѣну извѣстныхъ египетскихъ казией, поражая, какъ черви, здоровую воду и опустошаю наши жилища».

Привыкнувъ пріобрѣтать знанія подъ видомъ удовольствія, молодые люди отступаютъ отъ такого занятія, которое потребуетъ отъ нихъ собственнаго труда и изученія. Занимаясь наукой и усвоивая себѣ плоды ея пополамъ съ развлечениемъ, они не задумываются обратить то и другое въ настоящее развлеченіе, а между тѣмъ привычка къ разсвѣянности, вкоренившись въ нихъ, непремѣнно произведетъ современемъ изнуряющее вліяніе на ихъ умъ и характеръ. Романъ — это любимое препровожденіе времени для человѣка беззаботнаго и лѣниваго. Чтеніе хорошей книги — плода вдохновенія геніального писателя, какъ отдыхъ отъ трудовъ и серьезныхъ занятій, составляеть высокое умственное наслажденіе; къ такимъ образцовымъ произведеніямъ литературы всякаго рода читатели, старые и молодые, привлекаются какъ бы какимъ-то могучимъ инстинктомъ, и мы, конечно, не противъ умѣренного пользованія этимъ удовольствіемъ. Но дѣлать чтеніе, подобно некоторымъ людямъ, своей исключительной умственной пищей, поглощать всю дрянь, которую наполнены полки библіотекъ, посвящать большую часть свободнаго времени изученію тѣхъ пошлыхъ картинъ человѣческой жизни, какія изображаются во многихъ книгахъ — это хуже простой траты времени, это положительно вредно. Постоянныи читатель романовъ до того предается разнымъ поддѣльнымъ чувствованіямъ, что часто раскручиваетъ дать ложное направление или совсѣмъ уничтожить и свои нормальные, естественные ощущенія. Такъ, напримеръ, жалость, возбуждаемая при чтеніи какимъ-нибудь вымыщеніемъ страданіемъ, не ведетъ ви къ такому со-

ответственному действію; чувствительность, которую она производить, не влечеть за собою не только самоотверженія, но даже ни малѣйшаго беспокойства, такъ что человѣкъ, которому случается слишкомъ часто умиляться надъ вымыщленными бѣдствіями, дѣлается, наконецъ, нечувствительнымъ къ бѣдствіямъ ближнихъ, встрѣчающимся въ действительности. Восприимчивость характера такимъ образомъ постепенно сглаживается у этого человѣка, а вмѣсть съ тѣмъ незамѣтно теряется и самая жизненность его натуры. Неронъ любитъ самую вѣжную музыку, а Робеспьеръ находилъ удовольствіе въ чтеніи рассказовъ о любви и ласкахъ, такъ что въ жизни этихъ обоихъ людей проявлялись, какъ говорить Монтень, «opinions super-célestes et moeurs souterraines», т. е. «надзвѣздные мысли и подземный нравъ». «Наслажденіе въ чтеніи картинами добродѣтели», говорить епископъ Ботлеръ, «еще очень далеко отстоитъ отъ действительной привычки къnimъ у того человѣка, который рисуетъ себѣ такія картины; занятіе это можетъ даже дать уму совершенно противоположное направление, постепенно дѣлая его нечувствительнымъ къ изображаемому предмету».

Удовольствія вообще благотворны для человѣка, когда онъ имъ предается умѣренно,—но излишekъ въ этомъ отношеніи развращаетъ всю человѣческую натуру, и его-то слѣдуетъ особенно остерегаться. Противъ известной сентенціи: «трудъ безъ развлеченія притупляетъ человѣка»—можно возразить, что одно развлеченіе безъ труда неизбѣжно производить еще худшія послѣдствія. Для молодого человѣка нѣть ничего вреднѣе безраздѣльного увлеченія удовольствіями. Лучшія свойства его натуры мельчаютъ, обыкновенные развлеченія теряютъ цѣну, стремленіе къ наслажденіямъ повышеннымъ истощается, и результатомъ всего этого, при столкновеніи съ действительнымъ трудомъ и съ требованіями жизни, является неохота и даже положительное отвращеніе къ дѣлу. Какъ ребенокъ бросаетъ

свои изломанные игрушки, такъ и человѣкъ, пресыщенный жизнью, отворачивается отъ удовольствій, потерявшихъ для него цѣну, а если безпорядочная жизнь вошла уже у него въ привычку, то слѣдствіемъ этого бываетъ совершенное лишеніе способности къ наслажденію. «Широкія натуры» скоро растрачиваются и истощаютъ свои силы до такой степени, что даже возможность истиннаго счастья для нихъ исчезаетъ. Развившись насильственно, они уже неспособны и къ дальнѣйшему нормальному умственному и нравственному развитію. Человѣкъ, безплодно употребившій свою молодость на удовольствія, заслуживаетъ сожалѣнія въ такой же степени, какъ дитя, въ которомъ нѣтъ простоты, какъ девушка, потерявшая невинность, или какъ мальчикъ, не внушающій къ себѣ довѣрія. Между людьми, молодость которыхъ была заинтина порочными удовольствіями, мы чаще всего встрѣчаемъ то преобладаніе скептицизма, склонности къ неумѣстной насыщенности и эгоизма, которые служатъ признакомъ испорченной натуры; обративъ во зло свои молодыя силы, растративъ попусту цветущую пору жизни, эти люди стараются въ отчаяніи добить также и остальную часть ея. Если такое несчастное направленіе укоренилось въ характерѣ, то его уже очень трудно исправить, потому что привычки, пріобрѣтенныя въ молодости, связываютъ человѣка на всю жизнь, какъ бы магнитною цѣпью. «On ne jette point l'ancre dans le fleuve de la vie», «въ потокѣ жизни не бросаютъ якоря»—удачно выразился одинъ стариинный французскій писатель, описывая ту жизненную пору, которая соединяетъ юность съ зрѣлымъ возрастомъ и даетъ возможность объяснять привычки послѣдняго склонностями первой. Нерѣдко то, что мы сбѣмъ подъ видомъ пшеницы, при жатвѣ оказывается плевелами. Юношеская невоздержность скоро опредѣляетъ судьбу человѣка. Но самимъ худшимъ изъ ея послѣдствій должно назвать еще не столько разстройство здоровья, сколько то нравственное пятно, которое она оставляетъ на

нашемъ характерѣ даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Безпутный юноша непремѣнно дѣлается и дурнымъ человѣкомъ; часто съ лѣтами онъ уже не имѣеть силы обратиться на хороший путь, хотя бы и желалъ этого. Если въ такомъ случаѣ и возможно еще лечение, то оно должно основываться на привитіи уму яснаго сознанія долга и на направленіи его къ энергичному занятію дѣлами, действительно полезными. Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ французовъ, съ точки зрѣнія умственныхъ способностей, былъ Бенжаменъ Констанъ; оттѣнъ человѣкъ, при обыкновенномъ уровнѣ занятій и при постоянномъ надзорѣ за своими поступками, могъ бы совершилъ много великихъ дѣлъ; а между тѣмъ онъ въ двадцать лѣтъ былъ уже то, что французы называютъ *blasé*, онъ уже скучалъ жизнью, и остальные годы ея были для него годами мучительной тоски. Онъ предпринималъ такъ много дѣлъ, которыхъ никогда не оканчивалъ, что получалъ отъ людей, знавшихъ его, название «непостоянного Констана»¹⁾. Это былъ краснорѣчивый и блестящій писатель; онъ ласкалъ себя честолюбивой надеждой создать много такихъ произведеній, «которымъ не выпадаетъ на долю въ свѣтѣ безвременная кончина». Но, проповѣдуя высокія мысли, Констанъ, къ несчастію, вѣль совершенно несоответственную имъ жизнь, и вся возвышенность идей, проводимыхъ въ его сочиненіяхъ, никакъ не оправдываетъ дурныхъ сторонъ его жизни. Приготовляя сочиненіе о религії, онъ ежедневно посѣщалъ игорные дома и вѣль недостойную интригу въ то время, когда писалъ своего «Адольфа». При всей своей обширной умственной силѣ, Констанъ былъ бессиленъ, потому что не вѣрилъ въ добродѣтель. «Э!—говорилъ онъ,—что такое значитъ честь и достоинство! Чѣмъ дольше я живу, тѣмъ яснѣе вижу, что это пустыя слова». Это былъ вопль человѣка погибшаго. Констанъ самъ называлъ себя «прахомъ и пепломъ». «Я

¹⁾ Игра словъ: «Constant est inconstant». Примѣч. перев.

прохожу чрезъ жизнь,—говориль онъ,—въ сопровождениі бѣдности и скучи». Онъ сильно желаль обладать энергию Вольтера, желаль этой энергіи даже больше, чѣмъ геніальности знаменитаго философа. У Констана именно недоставало силы въ стремлениі къ цѣли, онъ ограничивался только намѣреніями, которые не переходили въ дѣйствія; жизнь его, преждевременно истощенная, потеряла всю свою цѣльность. Констанъ говориль о самомъ себѣ, какъ о человѣкѣ, одна нога котораго, не имѣя твердой опоры, висить на воздухѣ. Онъ самъ соглашался, что не имѣть никакихъ принциповъ и лишенъ нравственной твердости. Поэтому, при всѣхъ своихъ блестящихъ талантахъ, онъ ничего не умѣль сдѣлать и, проживъ много лѣтъ самою несчастною жизнью, умеръ истомленный и измученный бѣдностью.

Жизнь Августина Тье́ри, — автора исторіи завоеванія Англіи Норманнами, — составляетъ поразительный контрастъ съ жизнью Констана. Вся его дѣятельность представляетъ превосходный примѣръ усерднаго труда, саморазвитія и неутомимой преданности науки. Отъ постоянныхъ занятій онъ потерялъ врѣніе, утратилъ здоровье, но до конца жизни сохранилъ непоколебимую любовь къ правдѣ. Будучи уже такъ слабъ, что безъ посторонней помощи, подобно ребенку, не могъ двигаться съ мѣста на мѣсто, Тье́ри все-таки не упалъ духомъ; слѣпой и беспомощный, онъ заключилъ свою литературную карьеру слѣдующими благородными словами: «Если справедливо мое мнѣніе, что интересъ науки долженъ быть поставленъ въ числѣ великихъ національныхъ интересовъ, то я принесъ на жертву своему отечеству все, что можетъ дать солдатъ, изувѣченный на полѣ битвы. Какова бы ни была судьба моихъ трудовъ, но самый примѣръ, я надѣюсь, будетъ не потерянъ; я хотѣлъ бы, чтобы онъ послужилъ къ пораженію той нравственной слабости, которая составляетъ болезнь нашего нынѣшняго поколѣнія; я желалъ бы, чтобы мой

примѣръ вывелъ на прямую дорогу хотя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ изнеможенныхъ нравственно людей, которые жалуются на недостатокъ вѣры, которые не знаютъ, что имъ дѣлать, и безуспѣшно ищутъ вездѣ предметъ для поклоненія и удивленія. Зачѣмъ говорить съ такою горечью, что міръ, въ настоящемъ своемъ видѣ, недостаточно даетъ воздуха для легкихъ, что въ немъ нѣтъ занятія для всѣхъ людей? Развѣ въ предѣлахъ того же міра нѣть области спокойнаго и серьезнаго ученія, и развѣ это убѣжище отъ всѣхъ несчастій, эта надежда каждого изъ насъ, не всѣмъ равно доступна? Съ ней черные дни можно миновать, не чувствуя ихъ бремени. Каждый человѣкъ можетъ устраивать свою судьбу по своему желанію и каждый можетъ проводить жизнь достойнымъ образомъ. Это самое я и дѣлалъ и сталъ бы дѣлать опять, если бы мнѣ приходилось начинать снова жизнь; я выбралъ бы именно тотъ путь, который привелъ меня къ настоящему положенію. Слѣпой, обремененный безнадежными и почти безпрерывными страданіями, я могу смѣло увѣритъ въ истинѣ сказанныхъ словъ, и справедливость ихъ, конечно, не будетъ заподозрѣна. Есть на свѣтѣ одинъ предметъ, который стоитъ выше всякихъ материальныхъ удовольствій, выше богатства, выше самого здоровья—это преданность наукѣ.

Кольриджъ во многихъ отношеніяхъ былъ похожъ на Констана. Одаренный такими же блестящими способностями, онъ былъ также неустойчивъ въ стремлениія къ цѣли. При огромныхъ умственныхъ дарованіяхъ, ему недоставало способности къ труду: къ усерднымъ занятіямъ онъ не имѣлъ никакой склонности. Кольриджу недоставало также сознанія того наслажденія, какое человѣкъ находитъ въ независимости; онъ вовсе не считалъ униженіемъ оставить жену и дѣтей жить на счетъ трудовъ благороднаго Соути, между тѣмъ какъ самъ, занимаясь объясненіемъ своимъ ученикамъ высшихъ началь философіи, пренебрегалъ тѣмъ честнымъ трудомъ, которому отдаются человѣческія силы,

посреди лондонского шума и смрада. Владѣлъ прибылью и почетною должностю, Кольриджъ предпочиталъ все таки пользоваться милостью отъ своихъ друзей; проводя самыя высокія философскія идеи, онъ въ своей жизни выходилъ до такого униженія, передъ которымъ ощущали бы многое изъ простыхъ рабочихъ. Совершенно иного характера былъ Соути: неутомимый труженикъ, онъ не уставалъ усердно работать надъ тѣми занятіями, какія избирали самъ, не избѣгая притомъ заказной работы, часто скучной и отвратительной, но, кроме того, безпрерывно и съ величайшимъ усердіемъ собирая и накопляя знанія, единственно изъ любви къ нимъ. Каждый день, каждый часъ имѣть у него опредѣленное назначеніе: по условіямъ съ издателями, требовалось аккуратное выполненіе заказовъ, а между тѣмъ нужно было заботиться о должномъ поддержаніи большого семейства (въ составъ котораго входили одно время жена и дѣти Кольриджа), такъ что перо Соути почти ни минуты не оставалось въ праздности. «Мои средства,— говорилъ онъ самъ,— такъ же широки, какъ большая дорога; всѣ способы удовлетворенія моихъ жизненныхъ потребностей заключаются въ чернильницѣ».

Робертъ Николль, прочтя «Воспоминанія Кольриджа», такъ писалъ своему другу: «Какой могучій умъ потерялъ въ этомъ человѣкѣ потому только, что недоставало вебольшой доли энергіи, небольшой рѣшимости!» Самъ Николль былъ честный и смѣлый человѣкъ, угасшій въ молодыхъ лѣтахъ, но успѣвшій уже выдержать борьбу съ разными житейскими невзгодами. Еще въ началѣ своей трудовой жизни, занимаясь скромнымъ ремесломъ книгопродавца, онъ вынужденъ былъ сдѣлать долгъ въ 20 фунтовъ, но и эта небольшая сумма, по его словамъ, лежала на немъ такимъ тяжелымъ гнетомъ, какъ мельничный жерновъ, «и если бы только удалось заплатить этотъ долгъ, Николль никогда больше въ жизни не сталъ бы брать въ займы». Въ письмѣ къ матери въ это же время Николль просилъ ее

не бояться за него. «Я чувствую, — писал онъ, — что съ каждымъ днемъ во мнѣ прибавляется и силы и довѣрія къ себѣ; чѣмъ больше я думаю и разсуждаю, — а мое занятіе теперь состоить не въ чтеніи, а именно въ размышленіи — тѣмъ больше удостовѣряюсь, что, независимо отъ степени моего богатства, я весомѣнно становлюсь умнѣе, чему, конечно, придаю гораздо больше цѣны, чѣмъ самому богатству. Я пріобрѣлъ такую смѣлость, что, кажется, могу безбоязненно стать лицомъ къ лицу съ тяжелымъ трудомъ, съ бѣдностью и съ другими житейскими невзгодами, которыхъ такъ боятся люди, и думаю, что не потеряю при этомъ ни уваженія къ самому себѣ, ни довѣрія къ высокому назначению человѣка, ни надежды на Бога. Есть одна цѣль, достижение которой покупается цѣнною тяжелаго умственнаго труда и борьбы; но если человѣкъ разъ достигъ этой цѣли, то уже можетъ спокойно смотрѣть около себя, какъ путникъ, добравшись до вершины горы и наслаждаясь солнечнымъ свѣтомъ, смотрѣть на бури, свидѣнія которыхъ подъ нимъ. Я не могу еще сказать, что уже достигъ этой цѣли въ моей жизни, но чувствую, что съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приближаюсь къ ней».

Должнаго развитія человѣкъ никогда не достигнетъ путь различныхъ удобствъ и недѣятельного спокойствія; къ этой цѣли скорѣе можно приблизиться трудностями, для преодолѣнія которыхъ нужны собственные усилия. Можетъ быть нѣтъ такого жизненнаго положенія, въ которомъ не предстояла бы встрѣча и борьба съ различными затруднѣніями, на пути къ каждому, хотя бы самому незначительному, успѣху. Сверхъ того, эти препятствія служать намъ самыми лучшими наставниками, и ошибки часто надѣляютъ насъ превосходною опытностью. Чарльзъ Джемсъ Фоксъ обыкновенно говорилъ, что онъ вообще гораздо больше ожидаетъ отъ того человѣка, который сначала потерпѣлъ неудачу и, несмотря на нее, все-таки продолжалъ свое дѣло, чѣмъ отъ такого, который привыкъ къ успѣху

и поэтому не встрѣчать надобности прилагать въ дѣлу особое стараніе. «Все это прекрасно, — говорилъ Фоксъ, когда ему разсказывали, что какой-нибудь молодой ораторъ имѣлъ блестящій успѣхъ въ своей первоначальной парламентской рѣчи; — этотъ молодой человѣкъ можетъ продолжать свою карьеру такъ же, какъ началъ, а можетъ быть и удовольствуется первымъ триумфомъ; но показа мнѣ такого человѣка, который сначала потерпѣлъ неудачу, но все-таки продолжалъ действовать, и я увѣренъ, что онъ окажется лучше многихъ изъ тѣхъ, которымъ съ первого раза посчастливилось».

Неудача даетъ намъ также гораздо большие опытности, чѣмъ успѣхъ. Она показываетъ намъ, чего именно не должно дѣлать, а посредствомъ этой отрицательной стороны дѣйствія мы нерѣдко доходимъ до положительной, т. е. до открытія того, что дѣлать слѣдуетъ, такъ что человѣкъ, который никогда не ошибался, по всейѣ вѣроятности, никогда не былъ въ состояніи и сдѣлать какое бы то ни было открытіе. Горнъ Тукъ говорилъ, что при занятіяхъ философіей онъ всего лучше знакомился съ предметомъ именно тогда, когда ему случалось сбиваться съ прямого пути. Одна изъ великихъ паслѣдователей въ области медицины рассказывала, что когда среди своихъ изысканій онъ встрѣчалъ препятствіе, повидимому непреодолимое, такъ большую частью тогда онъ былъ близокъ къ какому-нибудь новому открытію. Вообще все великое, — мысли, открытія, изобрѣтенія, — часто зарождалось посреди лишеній, обдумывалось нерѣдко среди дурныхъ обстоятельствъ и, наконецъ, укрѣплялось съ помощью неудачъ.

Люди, которые чувствуютъ въ себѣ сплѣ, должны бояться не столько встрѣчи съ противными мнѣніями, сколько излишнихъ похвалъ и слишкомъ дружеской критики. Менѣдельсонъ, входя въ оркестръ, при первомъ исполненіи въ Бирмингемѣ своего «Илі», сказалъ съ улыбкой одному изъ своихъ друзей-критиковъ: «вонзайте въ меня

скорѣе вамъ жало! Говорите мнѣ не о тѣхъ мѣстахъ, которыя вамъ нравятся, но о тѣхъ, которыя не понравились».

Замѣчено также, и совершенно справедливо, что пораженіе, какъ средство очищающее, даетъ полководцу большиіе силы, чѣмъ побѣда. Вашингтонъ гораздо болѣе терялъ битвъ, чѣмъ выигрывалъ, но въ результатѣ успѣхъ оказался все-таки на его сторонѣ. Римляне въ своихъ самыхъ побѣдоносныхъ кампаніяхъ почти постоянно начинали съ неудачь. Моро товарищи сравнивали съ барабаномъ, который слышенъ только тогда, когда его бьютъ. Военный геній Веллингтона усовершенствовался въ борьбѣ съ трудностями, повидимому самыми неодолимыми; а между тѣмъ эти трудности послужили только къ укрѣплению его характера и къ болѣе яркой обрисовкѣ его великихъ качествъ, не только какъ полководца, но и вообще какъ человѣка. Такимъ же образомъ искусный морякъ пріобрѣтаетъ самую лучшую опытность въ своемъ дѣлѣ именно среди бурь и непогодъ, въ которыхъ онъ пріучается имѣть довѣrie къ своимъ силамъ, укрѣпляетъ свое мужество и пріобрѣтаетъ навыкъ къ стойкости и дисциплинѣ.

Тотъ путь развитія, который доставляется намъ школою нужды и лишений, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ тяжелымъ; но онъ же долженъ быть признанъ самымъ лучшимъ. Когда испосыпается на насъ несчастье, мы естественно стараемся его избѣгнуть, но если оно уже наступило, то мы должны терпѣливо и мужественно переносить его. Несчастье даетъ намъ возможность сознать скрытую въ насъ силу и вызываетъ къ жизни всю энергию, какою мы надѣлены отъ природы; такъ душистые растенія испускаютъ самый лучший ароматъ только при сильномъ треніи. «Скорбь», говорить старинная пословица, «есть путь, ведущій къ небу». По мнѣнію Рихтера, горе, причинляемое намъ бѣдностью, можно сравнить съ болью, ощущаемою при прокалываніи ушей у женщинъ, «которая потомъ въ эту же самую рану привѣшиваютъ драгоцѣнныя

украшениія». Опытъ показываетъ, что благотворная школа несчастья сильнымъ натурамъ внушаетъ и развиваетъ чувство самосохраненія. Многіе люди способны мужественно выносить лишенія и терпѣливо бороться съ несчастьемъ, но оказываются совершенно безсильными предъ тѣми опасностями, какія представляютъ счастье, такъ что нерѣдко для поддержанія себя при хорошихъ обстоятельствахъ человѣкъ нуждается въ большей твердости и силѣ характера, нежели такая нужна при дурныхъ. Конечно, на благородныя натуры счастье производить оживляющее и согрѣвающее вліяніе, но человѣка низкаго и раболѣпнаго оно оставляетъ такимъ же византии; все измѣненіе въ его нравственныхъ качествахъ ограничивается замѣною раболѣпія надменностью. Подобные люди отъ счастливаго оборота дѣлъ становятся только черствыми; между тѣмъ какъ на людей рѣшительныхъ, но добрыхъ, такая перемѣна производить укрепляющее вліяніе. Слишкомъ большое количество жизненныхъ удобствъ, спокойствія и вообще благосостоянія не всегда приносить человѣку пользу, потому что устраиваетъ отъ него то благотворное возбужденіе къ труду, которое преимущественно необходимо для дѣйствительной выработки человѣка. «Несчастіе», по словамъ Борка, «это—суровый наставникъ, назначенный намъ по верховному по-велѣнію попечительного Отца, который знаетъ и любить насъ лучше, чѣмъ мы сами. Самая борьба, которую намъ приходится выдерживать, укрепляетъ у насъ мускулы и изощряетъ ловкость, такъ что противникъ становится нашимъ помощникомъ». Если бы не было необходимости бороться съ различными затрудненіями, то самая жизнь была бы, конечно, легче, но люди сдѣлались бы хуже, потому что испытанія, при извлечениіи изъ нихъ, должныхъ уроковъ, воспитываютъ характеръ человѣка и учать его самодѣятельности, самая большая лишенія часто даютъ намъ лишь благодѣтельный урокъ, хотя мы не всегда имть умѣемъ пользоваться. Храбрый Годсонъ, будучи несправ-

ведливо лишенъ своей должности въ индѣйской арміи и обременяеый, кромѣ того, незаслуженными упреками и клеветою, сохраниалъ однако-жъ настолько спокойствіе и присутствіе духа, что говорилъ своему другу: «я стараюсь смѣло смотрѣть въ глаза самому худшему изъ тѣхъ несчастій, какія меня ожидаютъ, подобно тому, какъ спокойно ждалъ бы въ полѣ встрѣчи съ непріятелемъ; я стараюсь дѣлать назначеннное мнѣ дѣло съ полною готовностью и прилагаю къ нему, какъ прежде, все умѣнья, какимъ только могу располагать, въ томъ убѣжденіи, что всѣмъ этимъ несчастьямъ есть причина, что добросовѣстное исполненіе самыхъ непріятныхъ обязанностей влечетъ за собой вознагражденіе, а если бы даже и не было такого вознагражденія, то все-таки — обязанность остается обязанностью».

Борьбу съ трудностями, встрѣчаемыми на жизненномъ пути, должно, въ большей части слушаешь, непремѣнно выдерживать стойко; добиться успѣха безъ борьбы — почти все равно, что достигнуть его безъ славы. Нѣть трудностей — нѣть и успѣха; если не за что бороться, то нечего и достигать. Трудности могутъ запугать только человѣка слабаго, но на отважного и рѣшительнаго онѣ производятъ благодѣтельное, возбуждающее вліяніе. Вся житейская опытность показываетъ, что большую часть препятствій на пути человѣческаго прогресса можно уничтожить постоянствомъ въ добрыхъ поступкахъ, честною и ревностною дѣятельностью и стойкостью въ трудѣ, а больше всего твердою рѣшимостью преодолѣть затрудненія и мужественно воспротивиться несчастью.

Какъ для націй, такъ и для отдельныхъ лицъ школа несчастія, какъ мы уже говорили, доставляетъ возможность къ самой лучшей выработкѣ характера. Въ самомъ дѣлѣ, исторія всѣхъ затрудненій, какія встрѣчались людямъ на пути къ развитію, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіей всѣхъ великихъ дѣлъ, какія когда-либо совершались. Трудно вы-

разить, какъ много съверные народы обязаны своимъ ственимъ условиямъ, въ какія они были поставлены суровому и измѣнчивому климату и бесплодности физической природы: влекутъ за собою постоянство такими препятствіями и трудностями, о которыхъ тѣли южныхъ странъ не имѣютъ понятія. И это зомъ легко можетъ быть, что ловкость и трезвость англичанъ долженъ былъ напрягать для изучения отечественной почвѣ различныхъ чужеземныхъ способствовали большей выработкѣ и развитію лицъ, составляющихъ англійскую націю.

При встрѣчѣ съ трудностью, каждый человѣкъ выказываетъ и хорошую, и дурную его характера. Такая встрѣча укрѣпляетъ его должное направление его дѣятельности и ободриваетъ новыхъ усилий, подобно тому, какъ бѣговая ученная скакать на гору, взбѣгааетъ на нее, на всякаго затрудненія. Путь къ успѣху кругъ этого именно и доказываетъ энергію тѣхъ, достигнувшихъ его конца. Опытъ научаетъ человѣка нѣть преграды борьбою съ ними; какою нѣжкою шелку, дѣлается крапива, если схватить ее рукою, и какимъ могучимъ побужденіемъ ствленію предположенной цѣли служитъ нравственное вѣрованіе въ томъ, что мы можемъ и хотимъ ей

Такимъ образомъ, препятствія часто падаютъ передъ твердою рѣшимостью преодолѣть ихъ: случаихъ изъ десяти, они исчезаютъ, когда смѣло пойдетъ къ нимъ навстрѣчу. Подобно какъ боятся яркаго свѣта. То, что издали представляется недолимымъ препятствіемъ, что заграждаетъ путь страшной опасностью, какъ какая-нибудь цѣль, — то, при болѣе внимательномъ осмотрѣ, оказывается удобополнимымъ, и передъ нами, наконецъ, путь чрезъ горыя стремнины, открываются тракти

и узкия и затруднительныя для прохода, но все-таки прежде нами незамѣченныя.

Чтобы прийти къ увѣренности, что мы можемъ исполнить извѣстное дѣло, должно только попытаться,—каждый человѣкъ о степени своей способности къ труду можетъ судить не иначе, какъ по тѣмъ результатамъ, какіе получены отъ приложенія его силъ къ дѣлу. Къ сожалѣнію, люди обыкновенно не дѣлаютъ такихъ опытовъ надъ собой до тѣхъ поръ, пока не бываются вынуждены къ тому обстоятельствами. «Еслибы я могъ сдѣлать то и то», вздыхаетъ унылый юноша, думая, что такихъ словъ уже достаточно для оправданія его бездѣйствія; но можно положительно сказать, что подобный человѣкъ никогда ничего не сдѣлаетъ, если будетъ ограничиваться бесплодными желаніями и сожалѣніями. Желаніе тогда хорошо, когда оно переходитъ потомъ въ рѣшимость и, наконецъ, осуществляется въ дѣйствіи; одна энергичная попытка лучше бесплодныхъ стремленій. Это-то несчастное «если»,—этотъ ропотъ предполагаемаго безсилія и безнадежности,—часто затрудняютъ и даже устраниютъ возможность не только самого дѣла, но даже и попытки къ нему. «Трудности», сказаль лордъ Мандгорстъ, «создаются для того, чтобы ихъ преодолѣвать». Встуپайте съ нами въ борьбу съ первой же встрѣчи; изъ нѣсколькихъ такихъ встречъ вы пріобрѣтете уже нѣкоторую силу, а постоянныя усилия, направленныя къ одной цѣли, окончательно укрѣпятъ васъ. Такимъ путемъ, умственныя и нравственные качества человѣка получать должное развитіе и пріобрѣтутъ свободу для такой широкой дѣятельности, какая почти непонятна людямъ, не испытавшимъ подобной школы.

Все, чему мы обучаемся въ училищахъ, можно подвести подъ одну главную цѣль, которая состоить въ искусствѣ торжествовать надъ каждымъ затрудненіемъ, а справившись съ однимъ, мы естественно пролагаемъ себѣ путь къ испроверженію всѣхъ другихъ. Предметы, которые съ пер-

заго взгляда кажутся имъющими сравнительно малое зна-
ченіе въ дѣлѣ воспитанія,—какъ, напримѣръ, изученіе мертвыхъ языковъ, математики,—на самомъ дѣлѣ представляютъ большую практическую важность, не столько по тѣмъ свѣ-
дѣніямъ, какія мы извлекаемъ изъ занятій ими, сколько вслѣдствіе того развитія нашихъ способностей, которому они содѣйствуютъ. Стараніе изучить эти науки выказы-
ваетъ усиленную работу нашего мозга и такимъ образомъ разви-
ваетъ способность къ занятію, которая иначе находилась бы въ усыплении. Переходя отъ одного предмета къ другому, человѣкъ продолжаетъ работать надъ самимъ со-
бой цѣлую жизнь, потому что встреча съ трудностями кон-
чается только вмѣстѣ съ самою жизнью или, по крайней мѣрѣ, съ поступательнымъ ея движеніемъ. Потворство ма-
лодушному отношенію къ встречающимся намъ трудностямъ никогда не помогало восторжествовать надъ ними и, на-
вѣрное, никогда не поможетъ. Д'Аламберъ далъ прекрас-
ный советъ студенту, который жаловался на неуспѣхъ за-
нятій математикой: «продолжайте, молодой человѣкъ, и увѣ-
ренность и сила придутъ къ вамъ сами».

Начало трудно въ каждомъ дѣлѣ, даже въ такомъ пу-
стомъ, какъ, напримѣръ, прогулка. Танцовщица, выдѣлы-
вающая пируэтъ, скрипачъ, играющій сонату,—пріобрѣ-
таютъ свое искусство путемъ терпѣливаго упражненія въ немъ и неизбѣжно терпятъ сначала много неудачъ. Джо-
шуа Рейнольдсъ, на вопросъ сколько времени онъ рисовалъ одну изъ своихъ картинъ, отвѣчалъ: «всю жизньъ». Ораторъ,
изливающій на своихъ слушателей потоки блестящихъ мыс-
лей съ видимою легкостью, достигаетъ этой удивительной способности посредствомъ терпѣливаго и упорнаго труда,
послѣ многихъ упражненій и, какъ Дизраэли, часто послѣ горькихъ разочарованій. Американскій ораторъ Генри Клей,
обращаясь съ совѣтами къ молодымъ людямъ, такъ описы-
валъ тайну своего успѣха въ ораторскомъ искусстве. «Я
обязанъ своею удачею въ жизни, — сказалъ онъ,—главнымъ

образомъ тому обстоятельству, что на 28 году отъ роду началъ, и продолжалъ потомъ въ теченіе нѣсколькохъ лѣтъ, —ежедневно читать и рассказывать содержаніе какой-нибудь исторической и ученой книги. Этими трудами я занимался около застѣяннаго поля, иногда въ лѣсу, а нерѣдко въ какомъ-нибудь отдаленномъ сараѣ, гдѣ лошадь и волъ были моими единственными слушателями. Этому-то безпрерывному упражненію въ трудахъ я обязанъ развитіемъ того чувства, которое постоянно заставляло меня двигаться впередъ и дало направление и опредѣленную форму всей моей послѣдующей судьбѣ».

Курранъ, ирландскій ораторъ, въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ сильный недостатокъ въ произношеніи, такъ что школьные товарищи называли его «Курранъ-заика». Принявшись изучать право и еще не избавившись отъ своего недостатка, онъ долженъ былъ однажды вынести сильное оскорблѣніе своего самолюбія со стороны одного изъ членовъ ораторскаго собранія, въ которомъ присутствовалъ; этотъ человѣкъ назвалъ Куррана «нѣмымъ араторомъ», потому что онъ, вставъ, чтобы говорить, обыкновенно съ первого раза не могъ произнести ни слова. На смѣшка возбудила энергію Куррана, и онъ отвѣтилъ своему противнику блестящую рѣчью. Случайно открывъ въ себѣ, такимъ образомъ, даръ краснорѣчія, онъ нашелъ силы продолжать свои занятія съ болѣшею энергию и смѣлостью. Онъ исправлялъ свое произношеніе, читая вслухъ, выразительно и съ разстановкой лучшія произведения литературы, по нѣсколько часовъ каждый день; при этомъ онъ изучалъ передъ зеркаломъ движенія своего лица и старался усвоить такую жестикулацию, какая была присущна его фігурамъ, нѣсколько неуклюжей и неграціозной. При занятіяхъ правомъ Курранъ задавалъ самому себѣ примѣрные процессы и говорилъ по нимъ рѣчи такъ, какъ будто бы обращался къ присяжнымъ. Курранъ при начачѣ своей карьеры обладалъ тѣмъ качествомъ, которое, по мнѣнію лорда Эльдона, у хо-

рошаго адвоката должно быть впереди всѣхъ другихъ свойствъ: это качество состоить въ томъ, чтобы «не имѣть ни одного шиллинга». Намъ нѣтъ надобности описывать, какъ трудолюбіе, энергія и таланты Куррана увѣличались полнымъ успѣхомъ. Усердно работая на адвокатскомъ по-прищѣ, но все еще встрѣчая недовѣріе въ своемъ оратор-скомъ собраніи, онъ однажды сдѣлалъ слѣдующее мастер-ское возраженіе судью Робинсону. Разбирая какой-то юри-дической вопросъ, Курранъ замѣтилъ, что «онъ никогда ни въ одной книжѣ своей библіотеки не встрѣчалъ такого за-кона, который бы былъ разъясненъ благороднымъ лордомъ». «Это можетъ быть, сэръ,—вразбрѣлъ судья преарітельво:— но я боюсь, что ваша библіотека очень мала». Благород-ный лордъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ аноним-ныхъ политическихъ памфлетовъ, отличительной чертой кото-рыхъ была необыкновенная рѣзкость и догматизмъ выраже-ній. Курранъ, разсерженный этимъ намекомъ на его стѣснен-ные обстоятельства, вразбрѣлъ: «Это правда, милордъ, я бѣ-денъ, и обстоятельства значительно сокращаютъ размѣры моей библіотеки; число моихъ книгъ невелико, но онѣ от-личаются хорошимъ выборомъ и прочитываются какъ слѣ-дуетъ. Я приготовлялся къ своей высокой профессії, изу-чая лишь немногія книги, и думаю, что такой путь лучше, чѣмъ изданіе множества дурныхъ сочиненій. Я не сты-жуясь своей бѣдности; скорѣе стыдился бы богатства, если бы унизился до пріобрѣтенія его нечестными путями. Если я не достигну знаменитости, то все-таки останусь всегда честнымъ; если бы я когда-нибудь стала поступать иначе и возвысился дурными путями, то такимъ образомъ, какъ показываютъ многие примѣры, сдѣлался бы только болѣе за-мѣтнымъ и, слѣдовательно, скорѣе навлекъ бы на себя об-щее презрѣніе».

Изъ всего сказаннаго нами видно, что самыи лучшимъ воспитаніемъ обладаютъ тѣ люди, которые умѣютъ выка-зать наибольшую рѣшительность при встрѣчѣ съ затруд-

неніями и которые въ дѣлѣ саморазвитія не останавливаются ни передъ какимъ препятствіемъ, не отступаютъ назадъ ни въ какомъ случаѣ, хотя бы имъ пришлось бороться даже съ крайнею степенью бѣдности. Извѣстный лингвистъ, профессоръ Муррэй, научился читать, марава буквы на старой папкѣ концомъ обожженного вересковаго стебля. Отецъ его, бѣдный пастухъ, имѣть только одну книгу—дешевый краткій катехизисъ, но и тотъ, какъ слишкомъ цѣнныій для ежедневнаго употребленія, аккуратно хранился въ шкафу, откуда вынимался только по воскреснымъ днямъ. Другой профессоръ, Муръ, въ молодыхъ лѣтахъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ купить «Principia» Ньютона, а между тѣмъ эта книга нужна была ему для занятій; чтобы помочь горю, онъ доставалъ ее гдѣ-то и самъ всю спасаль. Много было бѣдныхъ учащихся молодыхъ людей, которые, зарабатывая ежедневнымъ трудомъ свое пропитаніе, могли только урывками ловить себѣ знанія, какъ птицы собираютъ кормъ зимой, когда поля покрыты снѣгомъ; несмотря на то, они мужественно продолжали учиться, ведя постоянную борьбу съ жизнью, и наконецъ достигали успѣха. Извѣстный писатель Вильямъ Чэмберсъ такъ описывалъ въ Эдинбургѣ, въ собраніи молодыхъ людей, скромное начало своей дѣятельности: «Своимъ воспитаніемъ,—сказалъ онъ,—я обязанъ самому себѣ. Первоначальное обученіе я получилъ въ одной изъ бѣдныхъ приходскихъ школъ Шотландіи; потомъ такимъ же бѣднякомъ отправился въ Эдинбургъ, и тамъ уже, послѣ дневной работы, посвящалъ вечернее время своему умственному развитію. Отъ 7 или 8 часовъ утра до 9 или 10 вечера я находился у книгопродавца, къ которому поступилъ для работы, а потомъ уже нѣсколько часовъ, отнятыхъ у сна, посвящалъ ученью. Романовъ, конечно, я не читалъ; все мое вниманіе было обращено на изученіе естественныхъ наукъ и другихъ полезныхъ предметовъ. Въ это же время я самоучкой выучился французскому языку. Смотря на прошлое съ большимъ удовольствиемъ, я почти

жалю, что не могу начать снова ту же жизнь, полную постоянныхъ заботъ. Я получалъ больше удовольствія, когда жилъ и учился въ Эдинбургѣ на чердакѣ, часто не имѣя въ карманѣ шестипенсовой монеты, чѣмъ теперь когда пользуюсь всѣми жизненными удобствами».

Приведемъ еще интересный разсказъ Вильяма Коббета о томъ, какъ онъ учился англійской грамматикѣ; эта исторія можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и любопытнымъ примѣромъ твердости духа въ борьбѣ съ несчастіемъ. «Я началъ учиться грамматикѣ,—рассказывалъ онъ,—когда былъ солдатомъ и получалъ шесть пенсовъ въ день. Мѣстомъ моего ученья была моя солдатская постель, ранецъ замѣнялъ книжный шкафъ, доска, лежавшая у меня на колѣняхъ, была моимъ письменнымъ столомъ, а между тѣмъ на весь этотъ трудъ я употребилъ только годъ времени. У меня не было денегъ на покупку свѣчей или масла, такъ что зимой я рѣдко могъ пользоваться по вечерамъ освѣщеніемъ, кромѣ общаго огня, и, однако-жъ, умѣль извлекать пользу и изъ этого. И если при такихъ обстоятельствахъ, не имѣя ни одного родственника или друга, который бы могъ дать мнѣ совѣтъ или ободрить меня, я все-таки выполнилъ задуманное предпріятіе; то можетъ-ли быть какое-нибудь извиненіе молодому человѣку, если онъ не успѣваетъ въ своихъ занятіяхъ, какъ-бы онъ ни былъ бѣденъ, обремененъ посторонней работой или стѣсненъ помѣщеніемъ и разными другими условіями? Для покупки пера или бумаги я долженъ былъ отказывать себѣ въ пищѣ, хотя уже часто бывалъ въ изнеможеніи отъ голода. У меня не было ни минуты времени, которую бы я могъ назвать безраздѣльно-своей; читать и писать я долженъ былъ среди говора, смѣха, пѣнія, свиста и крика по крайней мѣрѣ десятка людей, беззаботныхъ вообще, а въ это именно время совершенно свободныхъ отъ всякаго контроля. Не смотрите легко на тѣ фартиги, которые я долженъ былъ удѣлять отъ времени до времени на чернила, перья и бумагу. Фартиги

эти составляли для меня тогда большую сумму. Тогда, какъ и теперь, я былъ большого роста, обладалъ прекраснымъ здоровьемъ и дѣлалъ много движенія, а между тѣмъ на каждого изъ насъ, за всѣми рыночными расходами, приходилось денегъ только по два пенса въ недѣлю. Помню, какъ однажды, сдѣлавъ всѣ необходимые расходы, я рѣшился употребить оставшуюся монету полпенни на покупку селедки на слѣдующее утро; но, осмотрѣвъ ночью свои карманы, я убѣдился, что отложенная монета потеряна. Голодный до послѣдней степени, я заплакалъ, какъ дитя! Поэтому-то еще разъ спрашиваю, кто будетъ отговариваться невозможностью исполнить какое-нибудь дѣло, когда я, при подобныхъ обстоятельствахъ, все-таки боролся съ нуждой и успешно кончилъ предпринятый мною трудъ?»

Совершенно другой человѣкъ былъ Самуэль Ромилль, хотя и онъ неутомимо и дѣятельно заботился о своемъ развитіи. Сынъ ювелира, происходившаго отъ французскаго эмигранта, онъ получилъ въ дѣтствѣ скучное воспитаніе, но устранилъ всѣ происходившія отъ этого невыгоды непослабными усилиями, направленными къ самоусовершенствованію. «Я рѣшился,—говорить онъ въ своей автобиографіи,—на 16 году отъ рожденія серьезно изучать латинский языкъ, изъ котораго въ то время зналъ только нѣкоторыя главнышия правила грамматики. Въ продолженіе 3 или 4 лѣтъ, посвященныхъ на это занятіе, я читалъ почти каждого латинскаго прозаика, исключая тѣхъ, которые писали о техническихъ предметахъ. Я изучилъ знаменитѣйшія рѣчи Цицерона, переводилъ Гомера и перечитывалъ другихъ классиковъ по нѣсколько разъ». Ромилль изучалъ также географію, естественную исторію, философию и достаточно усвоилъ себѣ обыкновенные научные познанія. Шестнадцати лѣтъ отъ сдѣлался клеркомъ, работалъ сильно, потомъ былъ допущенъ къ адвокатурѣ, и наконецъ труды его увѣнчались успѣхомъ. При министерствѣ Фокса, въ 1806 г., Ромилль достигъ званія генераль-прокурора и не-

утомимою дѣятельностью быстро прокладывалъ себѣ путь къ знаменитости въ своей профессії. При всемъ томъ онъ постоянно тревожился сомнѣніями относительно способности своей достойно удовлетворять требованіямъ того званія, которое носилъ, это вынуждало его постоянно заниматься, чтобы, по возможности, устранить предполагаемое зло. Автобіографія Ромилли представляетъ много поучительныхъ фактovъ и заслуживаетъ полного вниманія.

Вальтеръ-Скоттъ обыкновенно приводилъ въ примѣръ замѣчательнаго постоянства въ трудахъ своего молодого друга Джона Лейдена. Сынъ пастуха въ одной изъ дикихъ долинъ горной Шотландіи, этотъ человѣкъ можетъ служить прекраснымъ образцомъ самовоспитанія. Подобно многимъ шотландскимъ пастухамъ, какъ, напримѣръ, Гогту, который научился писать, копируя буквы печатной книги въ то время, когда пасъ свои стада на холмѣ, подобно Муррею, Фергусону и иѣкоторымъ другимъ, Лейденъ рано почувствовалъажду къ знанію. Будучи еще бѣднымъ босоногимъ мальчикомъ, онъ каждый день дѣлалъ отъ 8 до 9 миль чрезъ болота, ходя въ маленькую деревенскую школу въ Кирктоунѣ, гдѣ учился читать. Этимъ ограничились полученнное имъ въ дѣтствѣ воспитаніе; остальное онъ уже пріобрѣлъ самъ вслѣдствіи. Лейденъ отправился въ Эдинбургъ и тамъ сталъ посещать гимназію, хладнокровно относясь къ крайней бѣдности, въ которой жилъ. Кроме того, его часто видали въ книжной лавкѣ Арчібальда Констебля, впослѣдствіи известнаго издателя. Онъ проводилъ цѣлые часы въ этой лавкѣ, сидя на лѣстницѣ съ фоліантомъ въ рукахъ и забывая о скучномъ обѣдѣ, состоявшемъ изъ хлѣба и воды, который ожидалъ его въ убогомъ жилищѣ. Чтеніемъ были поглощены всѣ его мысли и желанія. На 18 году отъ роду Лейденъ уже удивлялъ всѣхъ эдинбургскихъ профессоровъ основательнымъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ и огромною массою пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній. Желая поступить на какую-нибудь гражданскую должность въ Индіи,

онъ сначала потерпѣлъ неудачу, но потомъ узналъ, что есть мѣсто помощника медика. Такъ какъ Лейденъ вовсе не зналъ медицины, то ему пришлось начать изученіе этой науки съ самаго начала.

Узнавъ, что срокъ для этого назначенъ шестимѣсячный, онъ неустранимъ принялъ за дѣло, хотя оно при обыкновенныхъ обстоятельствахъ потребовало бы непремѣнно трехъ лѣтъ, и съ честью получилъ то званіе, котораго добивался. Съ помощью Скотта и еще нѣсколькихъ друзей, Лейденъ отправился въ Индію, издавъ въ свѣтъ свою прекрасную поэму «Сцены дѣтства». Въ Индіи онъ подавалъ большія надежды въ ученомъ отношеніи, но, къ несчастію, преждевременно умеръ отъ свирѣпствовавшей тамъ лихорадки.

Въ новѣйшее время такой же замѣчательный примѣръ громадной силы труда, направленного къ достижению почетнаго литературнаго положенія, представляетъ камбриджскій профессоръ-ориенталистъ Ли. Первоначальное воспитаніе Ли получилось въ школѣ для бѣдныхъ въ Логнорѣ, близъ Шресбери, но успѣхи его тамъ были такъ слабы, что учитель призналъ Ли однимъ изъ самыхъ тупыхъ мальчиковъ, какихъ ему когда-либо приходилось видѣть. Ли поступилъ въ ученье къ плотнику и занимался этимъ ремесломъ до того времени, пока не вышелъ изъ молодыхъ лѣтъ. Чтобы занять чѣмъ-нибудь свои досуги, онъ началъ читать; при чтеніи встрѣчаясь въ нѣкоторыхъ книгахъ латинскія цитаты, и ему хотѣлось знать ихъ значеніе. Для этой цѣли онъ купилъ латинскую грамматику и, занимаясь рано утромъ и поздно вечеромъ, успѣлъ выучиться латинскому языку до истеченія срока своего ученья у плотника. Такимъ же образомъ, увидѣвъ однажды списокъ съ греческаго Евангелия, Ли вознамѣрился изучать греческій языкъ, продалъ нѣкоторые изъ своихъ латинскихъ книгъ, купилъ греческія и скоро успѣлъ исполнить свое желаніе. Потомъ, также безъ вся资料ного учителя, безъ особой надежды на славу

или вознаграждение, Ли сталъ учиться еврейскому языку и разнымъ другимъ восточнымъ нарѣчіямъ. Но тяжелые труды начали вредно отзываться на его здоровье; зрѣніе его, разстроенное продолжительными ночныхъ занятіями, стало слабѣть. Тогда Ли на время оставилъ свои книжныя занятія и поправилъ здоровье, занимаясь исключительно плотвичнымъ дѣломъ. Успѣвая и въ этой дѣятельности, онъ улучшилъ свои средства до того, что на 28 году отъ роду могъ уже жениться. Рѣшившись посвятить всѣ свой силы поддержанію семейства, онъ долженъ былъ отказывать себѣ въ роскоши научныхъ занятій, и поэтому, продалъ всѣ свои книги. Ли продолжалъ бы заниматься плотничнымъ ремесломъ всю жизнь, еслибы не сгорѣлъ случайно ящикъ съ инструментами, которыми онъ работалъ, и еслибы вслѣдствіе этого ему и его семейству не стала грозить крайняя бѣдность. Такъ какъ купить новые инструменты Ли былъ не въ состояніи, то ему пришло на мысль заняться обученіемъ дѣтей грамотѣ, тѣмъ болѣе, что эта работа требовала самыхъ малыхъ денежныхъ средствъ. Новые занятія сначала шли у него не совсѣмъ удачно, потому что хотя Ли зналъ многіе иностранные языки, но имѣть весьма недостаточное общее образованіе. Обладая решительнымъ характеромъ, Ли однако ревностно принялъ за дѣло и выучился писать и ариометрикѣ, такъ что могъ уже преподавать эти предметы дѣтямъ. Его непренужденный, простой и прекрасный характеръ постепенно пріобрѣталь ему друзей, и молва о познаніяхъ «ученаго плотника» распространилась въ окрестностяхъ. Сосѣдній пасторъ, докторъ Скоттъ, досталъ ему мѣсто учителя въ приходской школѣ въ Шресбери и представилъ его одному извѣстному въ то время ученому ориенталисту. Друзья снабдили Ли книгами, и онъ постепенно ознакомился съ арабскимъ, персидскимъ и индостанскимъ языками. Продолжая съ успѣхомъ заниматься этими предметами, Ли состоялъ въ то же время на постоянной службѣ въ мѣстной милиціи графства.

Наконецъ, покровитель его, докторъ Скоттъ, доставилъ Ли возможность поступить въ Кембриджскій университетъ; Ли прошелъ тамъ учебный курсъ, причемъ отличался познаніями въ математикѣ, и когда открылась вакансія профессора арабскаго и еврейскаго языковъ, ему удалось занять это мѣсто. Сверхъ исполненія своихъ профессорскихъ обязанностей, Ли добровольно употреблялъ значительное время на обученіе миссіонеровъ, которые отправлялись проповѣдывать Евангеліе восточнымъ племенамъ на ихъ собственномъ языкѣ. Ли также перевелъ Евангеліе на нѣсколько азіатскихъ языковъ; изучивъ новозеландское нарѣчіе, онъ составилъ для него грамматику и лексиконъ и вручилъ ихъ двумъ новозеландскимъ вождямъ, находившимся тогда въ Англіи. Эти книги теперь постоянно употребляются въ новозеландскихъ школахъ. Такова, вкратцѣ, замѣчательная дѣятельность Самуила Ли, жизнь которого представляется, между дѣятелями литературы и науки, далеко не единственный примѣръ могущества личного труда въ дѣлѣ саморазвитія.

Можно бы привести нѣсколько имёнъ, еще болѣе знаменитыхъ, для доказательства справедливости извѣстнаго афоризма, который говоритъ, что «учиться никогда не поздно». Люди, твердо рѣшившіеся заняться своимъ научнымъ развитіемъ, могутъ сдѣлать многое, хотя бы даже они привались за дѣло и въ преклонныхъ лѣтахъ. Такъ Генри Спельманъ началъ заниматься науками не прежде пятидесяти лѣтъ отъ роду. Франклінъ въ такомъ же возрастѣ впервые сталъ изучать естественную философию. Драйденъ и Скоттъ получили литературную извѣстность на сороковомъ году, Боккачіо 35 лѣтъ вступилъ на литературное поприще, а Альфieri 46 лѣтъ началъ учиться греческому языку. Докторъ Арнольдъ въ пожилыхъ лѣтахъ выучился по-нѣмецки, желая въ подлинникѣ читать Нібура; подобнымъ же образомъ Джемсъ Уаттъ, будучи сорока лѣтъ и работая въ Гласго надъ выдѣлкою инструментовъ, учился

французскому, немецкому и итальянскому языкамъ, чтобы быть въ состояніи читать на этихъ языкахъ хорошія сочиненія по части механики. Робертъ Галль, уже старикъ, найденъ былъ однажды лежащимъ въ своей квартирѣ на полу въ крайнемъ изнеможеніи отъ чрезмѣрныхъ трудовъ по изученію итальянскаго языка, предпринятыму имъ съ цѣлью обсудить правильность сравненія, сдѣланнаго Маколеемъ, между Мильтономъ и Данте. Гендель до 48 лѣтъ не издавалъ въ свѣтъ ни одного изъ своихъ великихъ твореній. Короче, можно привести сотни примѣровъ такихъ людей, которые избрали себѣ совершенно новый путь и стали съ успѣхомъ изучать новые предметы въ лѣтахъ, говоря сравнительно, весьма зрѣлыхъ. Только люди беззаботные и лѣнивые могутъ говорить: «я слишкомъ старъ для ученья».

Повторимъ опять то, что мы уже говорили, именно, что первенство и руководящая роль въ обществѣ принадлежитъ вовсе не гениальнымъ людямъ, но людямъ стойкимъ, решительнымъ и неутомимымъ. Несмотря на многіе любопытные рассказы о дѣятствіи великихъ людей, мы признаемъ, что раннее развитіе умственныхъ способностей въ ребенкѣ не можетъ служить признакомъ дѣйствительной высоты ума того же человѣка, когда онъ достигнетъ зрѣлыхъ лѣтъ. Такая склонность съ одинаковымъ основаніемъ можетъ служить и признакомъ умственной силы, и указаніемъ на болѣзненное развитіе организма. Что же выходитъ изъ всѣхъ этихъ «замѣчательно способныхъ дѣтей»? Куда идутъ всѣ бойкіе мальчики, получающіе первыя награды въ училищахъ? Прослѣдите ихъ жизнь, и вы увидите, что тупыя дѣти, которыхъ въ школѣ всегда считались послѣдними, въ жизни часто опережали даровитыхъ. Бойкіе мальчики получаютъ награды при ученьѣ, но эти награды рѣдко идутъ имъ на пользу, потому что даются только за живость и быстроту соображенія. Награждать должно, прежде всего, самостоятельный трудъ, борьбу съ

препятствіями и послушаніе; поощреніе заслуживаетъ больше всѣхъ другихъ тотъ человѣкъ, который прилагаетъ къ дѣлу всѣ свои силы, хотя бы онъ былъ одаренъ отъ природы и посредственными способностями.

Можно бы было написать интересную главу о тѣхъ субъектахъ, которые въ дѣтствѣ были чрезвычайно тупыми мальчиками, но, достигнувъ зрѣлаго возраста, дѣлались людьми знаменитыми. Приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ примѣровъ: живописецъ Шетро ди-Кортоне въ дѣтскихъ лѣтахъ былъ такъ непонятливъ, что получилъ прозваніе «ослиной головы». Ньютонъ въ училищѣ сначала былъ въ числѣ послѣднихъ учениковъ и считался тупымъ. Однажды мальчикъ, сидѣвшій выше его, ударилъ Ньютона, и тотъ впервые показалъ свою смѣлость, вызвалъ обидчика на единоборство и поколотилъ его. Ньютонъ, рѣшившись превзойти своего противника и въ ученьѣ, началъ ревностно заниматься и вскорѣ достигъ первого мѣста въ классѣ. Многіе изъ знаменитыхъ англійскихъ богослововъ также не показывали въ дѣтствѣ ранняго развитія. Исаакъ Барроу въ школѣ отличался только сильной комплекціей, воинственными привычками и необыкновенной лѣнностью; этимъ онъ такъ печалилъ своихъ родителей, что отецъ его обыкновенно говорилъ: «если Богу угодно взять которагонибудь изъ нашихъ дѣтей, то я надѣюсь, что это будетъ Исаакъ, который менѣе всѣхъ подаетъ надежды». Сѣть, одинъ изъ величайшихъ англійскихъ писателей, «оборвался» въ Дублинскомъ университѣтѣ и только уже потомъ въ Оксфордѣ возстановилъ свою репутацію. Извѣстные ученые Чальмерсъ и Кука учились оба въ приходской школѣ въ Сентъ-Андрью; они были такими тупыми и непонятливыми мальчиками, что учитель, потерявъ терпѣніе, отослалъ ихъ обоихъ изъ школы, какъ безнадежно-глупыхъ.

Знаменитый Шерidanъ въ дѣтствѣ показывалъ такой недостатокъ способностей, что матерью былъ отрекомендо-

ванъ своему отекуну также въ качествѣ неисправимо-
тупого мальчика. Такимъ же былъ и Вальтеръ-Скоттъ, пока-
зывавшій всегда гораздо больше способностей къ различ-
нымъ кулачнымъ подвигамъ, чѣмъ къ ученью. Въ Эдин-
бургскомъ университѣтѣ профессоръ Дальзель произнесъ
ему такой приговоръ: «тупымъ онъ былъ, тупымъ же и
останется».

Чаттертонъ былъ возвращенъ изъ школы къ матери
съ объясненіемъ, что «это такой глупецъ, изъ которого
никогда ничего не выйдетъ».

Поэтъ Бернардъ, въ дѣтскихъ лѣтахъ, былъ способенъ
только къ тѣлеснымъ упражненіямъ. Гольдсмітъ самъ го-
ворилъ о себѣ, какъ о растеніи, которое поздно распу-
стилось. Альфieri оставилъ училище съ такими же по-
знаніями, съ какими поступилъ въ него и не начинай
своихъ трудовъ, которыми впослѣдствіи прославился, до
того времени, пока не обѣхалъ половину Европы. Ро-
бертъ Клейвъ въ молодости былъ, по меньшей мѣрѣ,
неучемъ, если не совершеннымъ негодяемъ; но всегда,
даже въ дурныхъ поступкахъ, выказывалъ большую
энергію. Семейство Клейва, желавшее отъ него изба-
виться, отправило молодого человѣка въ Мадрасъ, гдѣ онъ
впослѣдствіи положилъ основаніе британскому могуществу
въ Индіи. Филантропъ Джонъ Говардъ, подобно Клейву,
представляетъ примѣръ знаменитаго невѣжды, который не
могъ ничему научиться въ теченіе семилѣтняго пребыванія
въ школѣ. Стефенсонъ въ молодости не отличался ничѣмъ,
кромѣ ловкости въ физическихъ упражненіяхъ и всегдаши-
ней внимательности къ своему дѣлу. Не менѣе знамени-
тый Гемфри Дэви въ дѣствѣ ничѣмъ не отличался отъ
всѣхъ другихъ мальчиковъ; учитель его Кардью впослѣд-
ствіи такъ говорилъ о своемъ ученикѣ:

«Когда Дэви учился у меня, я не могъ замѣтить въ
немъ тѣхъ способностей, которыми онъ такъ просла-
вился».

Самъ Дэви считалъ особенно счастливымъ для себя обстоятельствомъ то, что ему предоставлено было «такъ много наслаждаться праздностью въ школѣ».

Уатъ, вопреки многимъ рассказамъ о его раннихъ способностяхъ, былъ въ школѣ плохимъ ученикомъ, но обладалъ терпѣніемъ и настойчивостью въ трудахъ, и посредствомъ этихъ качествъ, а также тщательно развитой способности къ изобрѣтеніямъ, онъ усовершенствовалъ свою паровую машину.

Сказанное докторомъ Арнольдомъ о мальчикахъ совершенно справедливо и въ приложеніи къ взрослымъ; именно, что различие между людьми состоить не столько въ талантахъ, сколько въ энергіи. Если разъ человѣкъ усвоилъ себѣ стойкость въ трудахъ, то постоянная энергичность скоро становится для него уже обыкновеннымъ качествомъ. Малоспособный человѣкъ, при усердной работе и неутомимомъ приложении, непремѣнно опередить самаго способнаго, но лишенаго этихъ свойствъ. Медленное, но вѣрное движение всегда одерживаетъ верхъ; этимъ постоянствомъ въ трудахъ объясняется то, что часто въ дѣйствительной жизни люди занимаютъ обратное положеніе противъ того, которое занимали въ школѣ; интересно замѣтать, какъ мальчики, очень способные, дѣлаются вслѣдствіи самыми обыкновенными людьми; тогда какъ другіе, которые считались окончательно тупыми и не подавали никакихъ надеждъ, — развиваясь медленно, но постоянно и вѣрно,—заняли передовое положеніе въ обществѣ. Съ однимъ изъ такихъ «ступицъ» авторъ настоящей книги учился въ одномъ классѣ училища. Наставники, одинъ за другимъ, употребляли всѣ свои силы, чтобы заставить этого мальчика учиться, но безуспѣшно. Тѣлесныя наказанія, дурацкій колпакъ, ласки, самыя сильныя убѣжденія — оказались равно бесполезны. Иногда пытались ставить его во главѣ класса, и интересно было видѣть, съ какой быстротой онъ опускался опять къ заднему концу его, подобно куску свинца, пропускаемому

чрезъ ртуть. Мальчикъ многими наставниками объявленъ былъ неизлечимымъ глупцомъ; одинъ даже назвалъ его «олухомъ, достойнымъ изумлениія». Однако-жъ, этотъ неисправимый невѣжда, какъ ни медленно подвигалось его развитіе, имѣлъ въ себѣ что-то въ родѣ пассивной энергіи въ стремлениіи къ цѣли,—энергіи, которая усиливалась по мѣрѣ физического развитія молодого человѣка; и, странно, по вступленіи въ действительную жизнь, онъ скоро опередилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ школьныхъ товарищевъ, а огромное число ихъ оставилъ далеко позади. Въ послѣдній разъ, когда авторъ настоящей книги слышалъ о немъ, онъ былъ уже главнымъ судьею въ своемъ родномъ городѣ. Такъ черепаха, направившись по прямой дорогѣ, будетъ имѣть первенство надъ лошадью, которая скакетъ по ложному пути. Важно не то, быстрыя ли способности показываетъ человѣкъ или медленныя, важно, чтобы онъ былъ приложенъ. Быстрота можетъ иногда быть недостаткомъ, если мальчикъ, который съ готовностью учится, такъ-же легко и бываетъ выученное; она вредна и потому, что онъ уже не видитъ надобности развивать въ себѣ прилежаніе и постоянство въ труда, а между тѣмъ эти качества помогаютъ въ занятіяхъ людямъ, даже, сравнительно, малоспособнымъ, и вообще по опыту признаны существенной принадлежностью правильной формировки человѣческаго характера. Дэви сказалъ: «настоящимъ положеніемъ я обязанъ самому себѣ»; и вѣрность основного принципа, вложеннаго въ эти слова, получила уже всеобщее признаніе.

Самое лучшее развитіе достигается не столько учениемъ въ школахъ или гимназіяхъ, сколько нашимъ собственнымъ приложеннымъ самовоспитаніемъ въ зрѣломъ возрастѣ. Поэтому родителя не должны спѣшить развивать способности своихъ дѣтей. Пусть они ограничиваются только наблюденіемъ и терпѣливымъ ожиданіемъ, предоставляя дѣло развитія хорошему примѣру и постепенному навыку, оставленное довершить Провидѣніе. Пусть они только смотрятъ,

чтобы молодой человѣкъ, свободнымъ упражненіемъ своихъ физическихъ силъ, получилъ хороший запасъ здоровья; пусть выведутъ его на путь саморазвитія, заботливо разовьютъ въ немъ привычку къ труду и прилежанію,— и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, если только основаніе будетъ положено хорошее, человѣкъ этотъ уже будетъ имѣть всѣ средства къ здоровому и успешному воспитанію себя собственными силами.

ГЛАВА XII.

ЗНАЧЕНИЕ ПРИМЪРА ВЪ ДѢЛЪ САМОРАЗВИТИЯ.

Примѣръ—лучшій наставникъ.—Вліяніе, производимое поступками однихъ людей на другихъ.—Примѣръ родителей.—Нѣть дѣйствія безъ послѣдствій.—Отвѣтственность человѣка.—Каждый человѣкъ обязанъ подавать хороший примѣръ.—Больше дѣла—меньше толковъ.—Мистрисъ Чизгольмъ.—Докторъ Геери и Джонъ Паундсъ.—Невидимое дѣйствіе примѣра.—Образцы поведенія.—Польза отъ хорошаго общества.—Мнѣніе объ этомъ Френсиса Горнера.—Маркизъ Ландоунъ и Мальзербъ.—Фоуелль Бекстонъ и семейство Герней.—Джонъ Стерлингъ и его вліяніе на окружающихъ.—Вліяніе художниковъ другъ на друга.—Храбрый воодушевляетъ робкаго.—Польза біографій.—Ромпли, Франклінъ, Дрю, Альфieri, Лойола, Горнеръ, Рейнольдсъ.—Примѣры искренней охоты къ труду.—Вліяніе на окружающихъ доктора Арнольда.—Судьба Джона Синклера.

Къ числу самыхъ лучшихъ наставниковъ при воспитаніи человѣка должно отнести примѣръ, хотя онъ дѣйствуетъ и безъ посредства слова; это практическая школа человѣчества, и результаты ея воспитанія оказываются еще удачнѣе тѣхъ, какие достигаются съ помощью словеснаго обучения.

Наставленіе и хорошій совѣтъ, конечно, могутъ оказывать людямъ, большую услугу, но безъ примѣра слова не произведутъ глубокаго впечатленія. Извѣстная сентенція, часто повторяемая нами: «дѣлай такъ, какъ я говорю, а

не такъ, какъ дѣлаю», достигаетъ въ жизни совершенно противоположнаго результата. Всѣ люди болѣе расположены усвоивать себѣ то, что видѣли, чѣмъ то, что слышали: глазъ всегда передаетъ впечатлѣніе сильнѣе, нежели ухо, и то, что мы видѣли, удерживается въ нась сильнѣе, чѣмъ то, что слышали или читали. Вотъ поэтому-то въ ранней юности примѣръ такъ важенъ. Дѣти безсознательно подражаютъ дѣйствіямъ окружающихъ лицъ и нечувствительно становятся похожими на нихъ, подобно наскокомому, принимающему цветъ того листа, который служить ему пигмей.

Какое-бы ви давала направленіе дѣтямъ школа, во примѣры, которые они видѣли въ семье, всегда вліяютъ сильнѣе на развитіе дѣтскаго характера; такъ велико значеніе домашняго воспитанія. Семью можно сравнивать съ зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ понятія цѣлаго общества; въ ней танцуютъ зародыши національнаго характера; и изъ этого источника, будетъ-ли онъ чистъ или зараженъ, проистекаютъ и соответствующія занятія, правила и привычки, какія въ данное время господствуютъ въ народѣ.

Домашній очагъ воспитываетъ цѣлую націю. Общественное мнѣніе и филантропическая склонности народа рождаются въ семье. «Любя семью, мы любимъ общество», — говорить Боркъ.

Выходя изъ этого маленькаго центра, человѣческія симпатіи могутъ распространяться все больше и больше, пока, наконецъ, не будутъ обнимать цѣлый свѣтъ; потому что истинная филантропія, подобно милосердію, начинается въ семействѣ, но не ограничивается его предѣлами.

Самые, повидимому, незначительные поступки, повторяясь ежедневно, могутъ оказывать вліяніе на развитіе характера дѣтей въ хорошую или дурную сторону; характеръ родителей, такимъ образомъ, постоянно повторяется въ ихъ дѣтяхъ, и эти послѣдніяскорѣ забываютъ все, чему они учились съ чужихъ словъ, чѣмъ тѣ примѣры трудолюбія, самообладанія, любви, послушанія, какіе они ежедневно

видѣли въ своеемъ семействѣ; примѣры эти живутъ и дѣйствуютъ въ нихъ, когда все другое уже давно забыто. Каждой-нибудь ничтожный и безсознательный поступокъ родителей западаетъ въ умъ ребенка и кладетъ неизгладимую печать на его развивающейся характеръ, и кто можетъ опредѣлить, отъ какихъ дурныхъ поступковъ иногда удерживаетъ дѣтей мысль о хорошихъ родителяхъ, память которыхъ они не рѣшаются оскорбить какимъ-нибудь нечестивымъ дѣломъ? Такое важное влияніе на человѣческій характеръ имѣютъ иногда вещи, съ первого взгляда самыя незначительныя.

«Подѣлуй моей матери,—сказалъ Весть,—сдѣлалъ меня художникомъ». Отъ первоначального направленія, какое человѣкъ получилъ въ дѣствѣ, зависитъ счастье и успѣхъ его въ дальнѣйшей жизни. Фоуелль Бекстонъ, занимая блестящее положеніе въ свѣтѣ, писалъ своей матери: «Я чувствую постоянно, въ сношеніяхъ съ людьми, благодѣтельныя слѣдствія тѣхъ основныхъ началъ, которыя вами были въ меня вложены». Онъ также съ благодарностью вспоминалъ объ одномъ незначительномъ лицѣ, Абраамѣ Пластовѣ, смотрителѣ за дичью, съ которымъ онъ въ дѣствѣ игралъ, и который, не умѣя ни читать, ни писать, обладалъ однако-жъ здравымъ смысломъ и природнымъ остроуміемъ. «Лучшимъ достоинствомъ этого человѣка,—говорить Бекстонъ,—была его неподкупная честность. Никогда не говорилъ онъ и не дѣлалъ ничего такого, чего-бы не могла одобрить его мать. Понятія его были такъ чисты и честны, что влияніе ихъ могло-бы сравниться только съ влияніемъ, производимымъ чтеніемъ Сенеки и Цицерона. Таковъ былъ мой первый учитель, и я долженъ прибавить, что онъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ, какихъ я когда-нибудь зналъ».

Мистрисъ Шиммелль Пенинкъ въ преклонныхъ лѣтахъ любила вспоминать о томъ влияніи, какое имѣла ея мать на окружающее общество. «Какъ только входила она въ комнату,—говорить дочь,—каждый чувствовалъ себя свободнѣе

и веселѣе, въ ел присутствіи я совсѣмъ преображалась, такъ вѣлко было ея нравственное вліяніе и такъ важень вообще для дѣтей примѣръ родителей». Лучшая система родительскихъ наставлений, безъ сомнѣнія, та, которую можно выразить однимъ словомъ: «совершенствуяся самъ». Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то торжественное и страшное въ той мысли, что нѣть дѣйствія, которое не влекло бы за собою послѣдствій, часто совершенно непредвидѣнныхъ. Каждый поступокъ, каждая мысль, хорошая и дурная, приноситъ свой плодъ, и нѣть такой незначительной личности, которая бы не распространяла около себя благотворного или дурного примѣра; въ этомъ, можно смыло сказать, выражается безсмертіе души человѣческой. Всѣ мы зависимъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ прошедшаго, подъ вліяніемъ котораго развились, и, въ свою очередь, сами приготавляемъ новое поколѣніе.

Живущій въ данное время человѣкъ есть продуктъ, который зародился и созрѣлъ съ помощью культуры предшествующихъ вѣковъ. Человѣкъ не умираетъ совершенно, хотя тѣло его и превращается въ прахъ и пыль, но хорошия или дурныя дѣла его приносятъ свой плодъ, вліяющій на развитіе грядущаго поколѣнія. Вотъ въ чёмъ состоить величайшая ответственность человѣка.

Вообще каждый нашъ поступокъ и каждое произнесенное слово, точно такъ-же, какъ и все видѣнное и слышанное нами, имѣютъ вліяніе не только на нашу собственную жизнь, но и на все общество. Мы, конечно, не могли бы и не умѣли бы собственными усилиями направлять наше вліяніе, если бы оно не дѣйствовало само собой на окружающихъ насъ; такъ, часто мы замѣчаемъ, что повидимому самая незначительная личность собственнымъ добрымъ примѣромъ производить глубокое впечатлѣніе на людей, знаяшихъ ее, и такимъ образомъ завѣщаетъ имъ простое, но безцѣнное наставленіе. На какомъ бы ограниченномъ поприщѣ ни дѣйствовалъ человѣкъ, онъ всегда

можетъ принести пользу, подобно солнцу, освѣщающему какъ большія поля, такъ и маленькие холмики. Честный человѣкъ можетъ развиться всегда и везде: какъ во дворцѣ, такъ и въ хижинѣ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Самая обыкновенная мастерская можетъ быть разсадникомъ трудолюбія, нравственности, стремленія къ познанію, съ одной стороны, или же праздности, лѣноты и разврата — съ другой. Все это зависитъ отъ личности самихъ людей, которые составляютъ эту мастерскую, и отъ умѣнія ихъ пользоваться обстоятельствами для своего усовершенствованія. Честная жизнь и правдивый характеръ родителей составляютъ самое лучшее наслѣдіе не только для дѣтей ихъ, но и для цѣлаго свѣта, потому что такая жизнь, за-ключая въ себѣ уроки хорошихъ поступковъ и примѣры порицанія дурныхъ, служитъ такимъ образомъ источникомъ самого драгоцѣннаго богатства — добродѣтели. Счастливъ тотъ, кто, подобно Попе, можетъ сказать такъ: «Я думаю, довольно и того, что мои родители ни разу не заставляли меня краснѣть за нихъ и что ихъ сынъ никогда не заставлялъ ихъ пролить ни одной слезы».

Мы говорили выше, что слова, не подкрепленныя примѣромъ, ни къ чему не ведутъ; здѣсь кстати приведемъ по этому поводу справедливое замѣчаніе г-жи Чизгольмъ въ письмѣ къ г-жѣ Стоу. «По моему мнѣнію,—говорить она,—если мы желаемъ, чтобы известное дѣло было сдѣлано, то мы должны сами показать примѣръ такого дѣла». Если бы люди захотѣли следовать этому правилу, то многіе не ограничивались бы одними словами, и меныше бы встрѣчалось лицъ, дѣятельныхъ только въ разговорахъ. Самый полезный труженикъ не тотъ, кто говоритъ краснорѣчиво, или проводить возвышенныя мысли, а тотъ, чья дѣятельность наиболѣе даетъ хорошихъ результатовъ. Люди, истинно любящіе человѣчество, всегда найдутъ возможность сдѣлать что-нибудь въ его пользу, несмотря ни на какія препятствія, и не смущаясь тѣмъ, что сами стоять на низ-

кой ступени въ обществѣ. Вотъ что говорить докторъ Гесри объ одномъ подобномъ дѣятелѣ, жизнь которого послужила ему примѣромъ. «Мнѣ пришлось однажды случайно увидѣть незатѣливую картину, которая произвела на меня неотразимое впечатлѣніе. Картина эта представляла жилице починщика старой обуви. Лицо самого сапожника выражало твердость и добродушіе; онъ сидѣлъ, окруженній оборванными дѣтьми, съ работой въ рукахъ и училь ихъ. Вниманіе мое было сильно возбуждено; я подошелъ ближе къ картинѣ и прочелъ, что учитель этотъ былъ бѣдный сапожникъ Джонъ Паундсъ, въ потѣ лица зарабатывавшій себѣ кусокъ хлѣба и въ то-же время находившій возможность учить дѣтей, брошенныхъ обществомъ на произволъ судьбы, и такимъ образомъ спасшій ихъ отъ нищеты и разрата. Мнѣ стало стыдно за себя, когда я вспомнилъ, что могъ бы сдѣлать и какъ мало сдѣлалъ. Тогда я сказалъ своему спутнику, и теперь не раскаиваюсь въ своихъ словахъ: «Человѣкъ этотъ заслуживаетъ величайшей чести, какая когда-либо воздавалась кому въ Британіи». Я прослѣдилъ его жизнь и нашелъ, что ученіе Спасителя о любви къ ближнему нашло въ немъ истиннаго послѣдователя. Джонъ Паундсъ, для привлеченія бѣдныхъ дѣтей къ ученью, никогда не употреблялъ насильственныхъ средствъ, но иногда прибѣгалъ къ хитрости, показывая имъ горячій картофель, до котораго ирландцы вообще величайшиe охотники. Этотъ бѣдный, темный человѣкъ заслуживаетъ, по моему мнѣнію, большаго уваженія, чѣмъ многіе герои, дѣятельность которыхъ воспѣта поэтами, и дляувѣченія славы которыхъ воздвигаются памятники». Невозможно опредѣлить, гдѣ и когда можетъ встрѣтиться добрый примѣръ. Иногда одинъ взглядъ на честнаго и неутомимаго труженика, работающаго на самомъ скромномъ по-прищѣ, можетъ быть полезенъ людямъ, которые трудятся для болѣе высокихъ цѣлей. Мы слышали объ одномъ молодомъ лекарѣ, впавшемъ въ отчаяніе отъ неимѣнія практи-

тики; но одинъ ничтожный случай пробудилъ въ немъ энергию къ труду. Возвращаясь домой часто очень поздно, онъ не разъ видѣлъ въ одномъ окнѣ свѣтъ далеко за полночь. На вопросъ свой, кто живетъ въ этомъ домѣ, онъ получилъ отвѣтъ, что тамъ обитаютъ двѣ девушки-портнихи, принужденныя работать день и ночь, чтобы не впасть въ нищету, такъ какъ отецъ ихъ былъ дурного поведенія. Слова эти произвели на молодого медика сильное впечатлѣніе, и всякий разъ, какъ ему приходилось жаловаться на судьбу, мысль о неутомимыхъ труженицахъ подкрѣпляла и ободряла его.

Такимъ образомъ этотъ случайный хороший примѣръ сообщилъ молодому человѣку мужество, котораго ему до тѣхъ поръ недоставало.

Хорошіе примѣры играютъ не меньшую роль при развитіи характера; мы безсознательно формируемся въ нравственномъ отношеніи по тѣмъ образцамъ, какіе настѣ окруждаютъ. Безспорно, что хорошія правила, какія намъ предаются, чрезвычайно полезны, но хорошия образцы еще полезнѣе, потому что они сообщаютъ намъ наглядно и практическую мудрость, и знанія, тогда какъ дурной примѣръ разрушаетъ то, что создано хорошимъ совѣтомъ. Вотъ почему должно выбирать съ большою осторожностью товарищей, особенно молодымъ людямъ, которые, какъ бы повинуясь какой-то могущественной силѣ, незамѣтно усваиваютъ себѣ наклонности другъ друга.

Эджвортъ такъ твердо былъ въ этомъ убѣжденіѣ, что предпочиталъ лучше оставаться совсѣмъ безъ общества, чѣмъ вращаться въ кругу дурныхъ людей. То-же самое писаль Коллингвудъ одному своему молодому другу: «держись того правила, что лучше быть одинокимъ, чѣмъ окруженнымъ дурной компанией».

Петеръ Лели увѣрялъ, что каждый разъ, какъ онъ внимательно смотрѣлъ на дурную картину, недостатки ея отражались на его собственныхъ рисункахъ. Подобно этому,

если мы часто будемъ встречаться съ дурными людьми, то постепенно пріобрѣтимъ и ихъ привычки.

Поэтому для молодыхъ людей необходимо такое общество, которое бы стояло выше ихъ по развитію. Френсисъ Горнеръ, описывая, какую пользу онъ извлекъ изъ прямыхъ личныхъ сношений съ честными и образованными людьми, говорилъ: «я не колеблясь могу заявить, что больше выигралъ въ умственномъ развитіи отъ этихъ людей, чѣмъ отъ книгъ». Лордъ Шельбурнъ (впослѣдствіи маркизъ Лансдоунъ) въ молодости посѣщалъ почтенаго Мальзерба, который произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе, что много лѣтъ спустя онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этомъ знакомствѣ, говоря: «я много путешествовалъ и много видѣлъ людей, но никто не производилъ на меня такого вліянія, и я увѣренъ, что всякий разъ, какъ мнѣ приходилось сдѣлать что-нибудь хорошее, то этимъ обязаю одушевлявшему меня воспоминанію о Мальзербѣ». То-же самое говоритъ Фоуелль Бекстонъ о семействѣ Герней, въ которомъ онъ часто бывалъ въ юности и которое пробудило въ немъ стремленіе къ самоусовершенствованію.

Сообщеніе съ хорошими людьми всегда ведеть къ благотворнымъ послѣдствіямъ; примѣромъ этому можетъ служить Джонъ Стерлингъ. Всѣ, знаящіе этого человѣка, утверждали, что онъ производилъ необыкновенно благодѣтельное вліяніе на тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ непосредственные сношения. Одинъ изъ такихъ очевидцевъ, Треичъ, говорилъ, что, встрѣчаясь часто съ этой благородною личностью, онъ чувствовалъ, что самъ дѣжался лучше и благороднѣе. Вотъ какъ могущественно дѣйствуетъ примѣръ одного человѣка на умственное и нравственное развитіе окружающихъ его людей.

Артисты, художники также нуждаются въ хорошихъ образцахъ, помогающихъ имъ своимъ вліяніемъ совершенствоваться. Геній Гайдна былъ пробужденъ Гейделемъ. «Его музыка, — говорить Гайднъ, — дѣйствуетъ подобно громовому

удару; каждая нота этой музыки производить глубокое впечатлѣніе; не слышавъ Генделя, я никогда не написалъ бы «Сотвореніе міра»; онъ вызвалъ во мнѣ страсть и призваніе къ искусству». Скарлатти былъ другимъ поклонникомъ Генделя: онъ сопровождалъ геніального композитора по всей Италии и жалѣлъ только о томъ, что не могъ какъ слѣдуетъ выразить ему свое удивленіе. Истинные художники не за-видуютъ величию своихъ собратій, но всегда събѣшать честно и откровенно признать его: такъ Бетховенъ восхищался музыкой Херубини, а въ Шубертѣ признавалъ священный огонь—геніальность.

Норткотъ питалъ такое удивленіе къ Рейнольдсу, что однажды въ молодыхъ лѣтахъ, когда знаменитый художникъ присутствовалъ на митингѣ въ Девоншире, почитатель его пробрался сквозь толпу для того только, чтобы дотронуться до его платья; «такъ велико было мое увлеченіе его геніемъ»—объяснялъ свой поступокъ Норткотъ.

Примѣръ храбрости дѣйствуетъ заразительно; подъ предводительствомъ героя воодушевляются даже люди робкіе, и уже одно воспоминаніе о доблестныхъ личностяхъ нерѣдко пробуждаетъ мужество. Циска, предводитель богемцевъ, за-вѣщалъ сдѣлать изъ своей кожи барабанъ, чтобы воспоминаніемъ о себѣ поддерживать воинскія доблести своихъ со-отечественниковъ. Когда умеръ Скандербегъ, эпирской связь, то турки выразили желаніе имѣть его кости, чтобы каждый изъ ихъ воиновъ могъ носить на сердцѣ часть этихъ костей для возбужденія храбрости, подобной той, какую онъ самъ выказывалъ неоднократно въ битвахъ.

Біографія должна знакомить насъ съ развитіемъ характера данного лица; она можетъ принести наибольшую пользу тогда, когда ясно представляеть хорошія стороны этого характера, могущія послужить примѣромъ читателямъ. Такъ знакомство съ жизнеописаніями нашихъ предковъ можетъ принести намъ пользу въ томъ отношеніи, что, зная ихъ дѣйствія, мы станемъ изучать ихъ и затѣмъ усвоимъ

бѣ тѣ, которые достойны подражанія. Человѣкъ, биографъ котораго разсказываетъ о поступкахъ возвышенныхъ, какъ-бы завѣщаетъ потомству неисчерпаемый источникъ бра, потому что его дѣятельность можетъ послужить образцомъ для будущаго поколѣнія. Чтеніе подобнаго жизнеописанія поведетъ къ желанію подражать, т. е. обновить себѣ описанный характеръ, разработать и усовершенствовать его; такая книга—безцѣнное сокровище и, какъ говорить Мильтонъ, подобна сильному духу, способному подушевить бренное тѣло.

Хорошая биографія никогда не перестаетъ оказывать на читателей вліяніе, возвышающее ихъ духъ и могущество, направляющее ихъ къ добру. Такъ, напримѣръ, ни одинъ молодой человѣкъ не прочтеть жизнеописанія Бекстона или Арнольда, не почувствовавъ благотворной перемѣны умъ и сердцѣ и живительной крѣпости въ своихъ лучшихъ намѣреніяхъ. Жизнь Бекстона или Арнольда возбудить въ человѣка упованіе на свои силы, разъяснить ему то, чѣмъ онъ долженъ быть и что долженъ совершить,—вращить его надежды и возвысить цѣль его жизни. Иногда человѣкъ узнаетъ себя въ биографіи, подобно Корреджіо, который пробудился при созерцаніи произведеній Никель-Анджео. «А я, я—тоже художникъ!»—воскликнулъ онъ.

Самуилъ Ромилы въ своей автобиографіи говоритъ, что а него произвело огромное вліяніе жизнеописаніе знаменитаго французскаго канцлера Дагессо. «Мы случайно опались сочиненія Томаса, — говоритъ онъ, — и я былъ пораженъ его похвальнымъ словомъ Дагессо; жизнь этого очтенного государственного человѣка возвудила во миѣ естолюбіе и указала моему воображенію новый путь къ лавѣ».

Франклінъ приписывалъ то отличіе, какого достигъ въ жизни, и вообще все, что онъ сдѣлалъ полезнаго, вліянію генія «Очерковъ полезнаго труда» Еаттонъ Мэсера. Книга

эта распространилась еще при жизни автора, производя вездѣ неоспоримо доброе вліяніе. Самуилъ Дрью утверждаетъ, что всегда старался направить свою жизнь, а въ особенности усвоить навыкъ къ труду, по образцу Бенжамена Франклина. Такимъ образомъ, нельзя даже приблизительно опредѣлить, куда можетъ проникнуть хороший примѣръ и гдѣ онъ оканчивается, если только дѣйствіе его можетъ когда-нибудь кончиться. Прослѣдивъ внимательно исторію всѣхъ странъ, мы увидимъ, что вездѣ хорошій примѣръ одного лица сильно дѣйствуетъ на цѣлое общество. Какъ въ жизни мы должны искать хорошаго общества, такъ и въ литературѣ необходимо выбирать только тѣ книги, которые способствуютъ развитію нашего характера и образованію нашего ума. «Въ литературѣ,—говоритъ лордъ Дудтей,—я ограничиваюсь чтеніемъ только тѣхъ сочиненій, которые миѣ уже давно знакомы, и которыхъ хотѣль-бы изучить еще лучше, потому что я замѣчалъ не разъ, что несравненно полезнѣе, и даже пріятнѣе, просматривать вновь знакомую книгу, чѣмъ читать новое сочиненіе въ первый разъ».

Иногда книга, заключающая въ себѣ описание благородной дѣятельности, случайно попадетъ въ руки человѣка, взявшагося за чтеніе для препровожденія времени, и дѣйствуетъ на него такъ сильно, что пробуждаетъ въ немъ силы, до тѣхъ поръ дремавшія. Такъ въ Альфери проснулась страсть къ литературѣ послѣ чтенія Плутарха. Лойола, когда еще былъ солдатомъ, получилъ рану въ битвѣ при Пампелунѣ и, лежа во время болѣзни, попросилъ для развлеченія какую-нибудь книгу; ему дали «Житія Святыхъ»; это чтеніе до того его поразило, что Лойола рѣшился поступить въ монастырь. Подобнымъ же образомъ Лютеръ былъ побужденъ къ предпринятію своихъ великихъ трудовъ чтеніемъ «Жизни и сочиненій Иоанна Гусса». Знаменитый миссіонеръ Вилліамъ Кэри также впервые былъ наведенъ на мысль о своей дѣятельности подъ впечатлѣніемъ чтенія

чутештвій капитана Кука. Френсис Горнеръ имѣлъ привычку отмѣтить въ своемъ дневнике тѣ книги, которыя наиболѣе способствовали его развитію. Къ числу такихъ книгъ принадлежали рѣчи и сочиненія Бэкона, похвальное слово Галлеру, Кондорсе и «Разсужденія Рейнольдса». «Чтеніе этихъ сочиненій, портреты описанныхъ въ нихъ личностей наполняли меня энтузіазмомъ,—говорить Горнеръ;—особенно похвального слова Галлеру я никогда не могъ читать безъ внутренняго волненія, не знаю было-ли то восхищеніе, честолюбіе или отчаяніе». Говоря о рѣчахъ Рейнольдса, Горнеръ утверждалъ, «что только эти рѣчи вмѣстѣ съ сочиненіями Бэкона, могущественно побуждали меня къ саморазвитію». Горнеръ, кажется, былъ первымъ гениальнымъ человѣкомъ, рѣшившимся указать миру путь, которымъ достигается величие. Онъ глубоко вѣрилъ въ силу человѣческаго труда, проводя ту идею, что гений есть качество, скорѣе приобрѣтаемое, чѣмъ врожденное, и что самымъ побудительнымъ средствомъ къ дѣятельности можно назвать возвышенное и страстное удивленіе къ истинному превосходству. Замѣчательно, что самъ Рейнольдсъ приписывалъ свое первое побужденіе къ изученію искусства чтенію Ричардсонова описанія великихъ художниковъ. Гейдонъ, въ свою очередь, воодушевился примѣромъ Рейнольдса. Такъ, славная дѣятельность одного человѣка возбуждаетъ къ труду другихъ людей, а тѣ, въ свою очередь, всегда находятъ послѣдователей. Вотъ въ чёмъ состоить могущество примѣра, возбуждающее удивленіе и подражаніе и поддѣрживающее собою истинную аристократію ума.

Для успешнаго труда необходимо хорошее расположение духа и искренняя охота работать; это до такой степени важное условіе, что безъ него невозможенъ успехъ. Желаніе трудиться отгоняетъ бесплодныя мечты, одушевляетъ умъ и помогаетъ преодолѣвать препятствія, которыя ни только не приводятъ въ уныніе, а напротивъ внушаютъ большое мужество, и такимъ образомъ человѣкъ при-

обрѣтаетъ счастливую склонность къ самоулучшению, благопріятствующую всякаго рода успѣху. Дѣятельный умъ — въ то же время и самый могущій и счастливый; потому что онъ охотно работаетъ самъ и возбуждаетъ къ тому же другихъ. Подобный умъ сообщаетъ особенное достоинство даже простому дѣлу. Наиболѣе полезенъ тотъ трудъ, который былъ исполненъ охотно, отъ всего сердца. Юмъ говорилъ, что онъ лучше желаетъ обладать живымъ умомъ, чѣмъ сотнею тысячъ годового дохода, соединенного съ постоянной хандрой. Гренвиль Шарпъ, послѣ огромныхъ своихъ трудовъ на пользу невольниковъ, любилъ, въ видѣ отдыхновенія, принимать участіе въ увеселеніяхъ, даже самъ игралъ въ концертахъ въ домѣ своего брата, а въ воскресенье вечеромъ, при исполненіи ораторій Генделя, былъ въ ливавры. Фоуелль Бекстонъ тоже постоянно обладалъ ясностью духа: онъ въ особенности любилъ полевые игры, разъѣзжалъ верхомъ со своими дѣтьми и вообще умѣшивался въ домашнія ихъ забавы.

Докторъ Арнольдъ, дѣятель на другомъ поприщѣ, также извѣстенъ своею охотою къ труду. Онъ училъ и воспитывалъ юношество съ величайшею любовью къ своему дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ изъ его біографіи, какой удивительный духъ оживлялъ учениковъ подъ его руководствомъ. Онъ умѣлъ внушить имъ, что долгъ человѣка — трудиться, и что счастіе состоить въ сознаніи исполненія долга. Невозможно описать благотворное влияніе, какое сообщалъ онъ молодымъ людямъ, и тѣ честныя мысли, какія онъ возбуждалъ въ нихъ: за это онъ пользовался отъ своихъ учениковъ глубокимъ почтеніемъ и искреннею привязанностью. Арнольдъ всегда говорилъ, что быть полезнымъ, значитъ быть счастливымъ. Онъ уважалъ равно всякой полезный трудъ и твердо былъ убѣжденъ, что долгъ и назначеніе человѣка на землѣ состоять въ труде и въ разработкѣ своихъ способностей. Всѣ эти понятія онъ подтверждалъ собственнымъ примѣромъ и никогда не показывалъ

пристрасія къ какому-нибудь отдельному занятію или увлеченія одною известною отраслью знанія, — словомъ, въ немъ не было односторонности. Однимъ изъ многихъ замѣчательныхъ людей, воспитанныхъ Арнольдомъ для общественной дѣятельности, былъ доблестный Годсонъ, который много лѣтъ спустя писалъ изъ Индіи о своемъ славномъ учителѣ слѣдующее: «Вліяніе его такъ прочно и продолжительно, что я постоянно чувствовалъ на себѣ его даже въ Индіи; больше этого я уже не могу ничего сказать».

Судьба Джона Синклера, въ высшей степени трудолюбиваго и энергического человѣка, представляетъ лучшій примѣръ того благотворнаго вліянія, какое онъ оказывалъ на своихъ подчиненныхъ, сосѣдей и соотечественниковъ; по мнѣнію аббата Грекуара, это былъ самый неутомимый труженикъ въ Европѣ. Онъ происходилъ изъ благороднаго семейства, жившаго въ одномъ отдаленномъ графствѣ, куда не проникли даже и признаки цивилизациіи. Отецъ Джона умеръ еще въ то время, когда ему было только шестнадцать лѣтъ, следовательно, забота о всемъ семействѣ лежала на немъ, а въ восемнадцать лѣтъ онъ принялъся за улучшенія на своей родинѣ, которые распространялись въ послѣдствіи и по всей Шотландіи.

Въ то время земледѣліе въ графствѣ Кеснесъ было въ самомъ жалкомъ положеніи: поля не обрабатывались, земля не производила ничего, немногочисленные фермеры были такъ бѣдны, что едва были въ состояніи содержать лошадь и выстроить себѣ самый скромный уголъ, на женщинахъ лежали трудныя работы и ношеніе тяжестей. Когда у крестьянки околовала лошадь, то онъ старался замѣнить ее дешевымъ средствомъ — женитьбой, такъ какъ женщина работала вмѣсто лошади. Въ этомъ графствѣ не было ни дорогъ, ни мостовъ, и путешественники должны были непрерывно переправляться черезъ реки вбродъ. Главная дорога въ Кеснесъ лежала по окраинамъ крутой горы, надъ моремъ. Мор-

лодой Джонъ рѣшился провести новую дорогу, но его на-
мѣреніе было встрѣчено недовѣріемъ и насмѣшками. Не-
смотря, однако-жъ, на такое недоброжелательство, онъ со-
бралъ пятьсотъ человѣкъ и въ одно лѣтнєе утро принялъ
за работу, воодушевляя работниковъ собственнымъ примѣ-
ромъ, и въ самое короткое время дорога, по которой едва
могла протащиться овца, сдѣлалась настолько удобною,
что по ней можно былоѣхать на лошадяхъ и въ колес-
номъ экипажѣ; дорога эта имѣла семь миль длины. Такое
трудолюбіе и энергія побѣдили предразсудки, такъ что не-
много спустя Синклеръ уже безпрепятственно приступилъ
къ устройству новыхъ дорогъ, мельницъ, мостовъ, къ
осушкѣ и къ обработкѣ обширныхъ земель своей родины.
Онъ ввелъ новый способъ пахать и жать, и для поощре-
нія раздавалъ небольшія награды наиболѣе отличившимся
въ этомъ труде. Такимъ образомъ пробудилъ онъ своихъ
соотечественниковъ и заставилъ ихъ жить новою жизнью.
Синклеръ достигъ того, что графство Кэнсексъ, изъ страны
бѣдной и неплодотворной, превратилось въ образецъ благо-
устройства въ отношеніи земледѣлія, путей сообщенія и
рыбнаго промысла. До него въ Кэнсексъ почту приносили
пѣшкомъ разъ въ недѣлю, а Синклеръ устроилъ такъ, что
ее стали привозить ежедневно. Его удивительная предпріим-
чивость вошла даже въ пословицу.

Кругъ благотворной дѣятельности Синклера постепенно
расширялся. Обращая серьезное вниманіе на главный про-
дуктъ своей родины—шерсть, онъ нашелъ въ ней много
недостатковъ и рѣшился, во что бы то ни стало, улучшить
это производство. Для этой цѣли онъ основалъ общество
обработки шерсти и вынискалъ на свой счетъ 800 штукъ
овецъ. Результатомъ его трудовъ была знаменитая шотланд-
ская порода шевіотовъ, возможности разведенія которой
прежде не допускали фермеры; однако Синклеръ въ теченіе
несколькихъ лѣтъ развелъ этихъ великолѣбныхъ животныхъ
до 300,000 штукъ. Тогда шотландскія земли, считавшіяся

самыми непроизводительными, стали давать громадные доходы. Происхождение Синклера давало ему возможность действовать съ такою же пользою и на другой аренѣ. Онъ не пренебрѣгъ этимъ случаемъ и 30 лѣтъ вступалъ въ парламентъ. Здѣсь Питтъ, замѣтивъ его стремленіе къ полезнымъ нововведеніямъ, предложилъ ему свое содѣйствіе. Другой человѣкъ, можетъ быть, воспользовался бы этимъ только въ свою пользу, но Джонъ Синклеръ не домогался почестей и просилъ содѣйствія ministra къ учрежденію національного комитета земледѣлія. Противъ такого предположенія Артуръ Юнгъ возразилъ: «комитетъ этотъ учредится развѣ только на лунѣ», но Синклеръ не унывалъ и усердно принялся за работу. Въ скоромъ времени общество замѣтило его труды, за него было большинство голосовъ въ парламентѣ: комитетъ учредился, а его назначили президентомъ. Послѣдствія трудовъ Синклера не нуждаются въ восхваленіяхъ; достаточно будетъ сказать, что большая часть земель соединенного королевства была спасена имъ отъ безплодія. Не менѣе обращалъ онъ вниманія на рыбный промыселъ, который, развившись уже впослѣдствіи, несомнѣнно обязанъ ему своимъ началомъ.

Синклеръ прилагалъ свою энергию ко всякой работе, возбуждалъ лѣнивыхъ, поощрялъ дѣятельныхъ, обнадѣживалъ унывающихъ; словомъ, работалъ со всеми. Когда грозила война съ Франціей, онъ предложилъ Питту составить полкъ солдатъ въ своемъ собственномъ имѣніи. Отправившись на сѣверъ, онъ собралъ тамъ батальонъ въ 600 человѣкъ, который увеличился послѣ до 1,000; и надо замѣтить, что это добровольное войско было воодушевлено тѣмъ же благороднымъ и патріотическимъ духомъ, какимъ обладалъ и самъ предводитель. Командуя своимъ полкомъ при Абердинѣ, онъ считался въ то же время директоромъ Шотландскаго банка, предсѣдателемъ Британскаго общества обработки шерсти, городскимъ главою г. Вика, директоромъ Британскаго общества рыболовства, начальни-

комъ казначейства, представителемъ графства Кэнсексъ въ парламентѣ и, наконецъ, президентомъ комитета земледѣлія. Несмотря, однако, на свои многочисленныя и важныя занятія, Синклеръ находилъ еще время писать сочиненія, упрочившія его извѣстность. Рушъ, американскій посланникъ, по прѣѣздѣ въ Англію, обратился къ Коку Гольгаму съ просьбой указать ему лучшее сочиненіе о земледѣліи; тотъ указалъ ему на сочиненіе Джона Синклера. Когда Рушъ спросилъ, какое лучшее сочиненіе по финансовому вопросу, то получилъ также указаніе на книгу Джона Синклера о государственныхъ доходахъ. Но величайшимъ произведениемъ этого писателя, способнымъ увлечь и возбудить каждого къ дѣятельности, должны быть признаны его «Статистическая свѣдѣнія о Шотландіи». Это превосходное сочиненіе, заключающееся въ двадцати двухъ томахъ, составляетъ самый лучшій трудъ въ своемъ родѣ изъ всѣхъ когда-либо появлявшихся. Синклеръ работалъ надъ нимъ восемь лѣтъ, не оставляя въ то же время и другихъ своихъ занятій. Въ каждомъ смѣломъ предпліятіи онъ не искалъ почестей или собственной выгоды, а заботился единственно о томъ, чтобы оно принесло пользу отечеству. Онъ также старался о доставленіи большихъ выгодъ дѣтямъ духовныхъ лицъ. Его сочиненіе по этому вопросу повело къ многочисленнымъ преобразованіямъ: къ уничтоженію многихъ притѣснительныхъ феодальныхъ правъ, къ увеличенію окладовъ жалованья школьнаго учителямъ и духовенству во многихъ приходахъ, а земледѣліе, благодаря его трудамъ, усовершенствовалось въ Шотландіи до такой степени, что стало считаться образцовымъ. Затѣмъ Синклеръ изъявилъ желаніе собрать и опубликовать подобная-же статистическая свѣдѣнія объ Англіи, и уже приступилъ къ этому труду, но, къ несчастію, архіепископъ Кентербэрійскій запретилъ ему вмѣщиваться въ дѣла духовенства. Дѣятельность Синклера особенно была замѣчательна во время торгового кризиса, послѣдовавшаго за войной 1793 года, когда многіе

богатые дома въ Гласго и Манчестерѣ обанкротились вслѣдствіе потери кредита. Повидимому, наступилъ тяжкій періодъ для промышленного и торгового класса, но Джонъ Синклеръ вызвался содѣствовать устраненію зла, испросивъ, въ качествѣ начальника казначейства, согласіе парламента на выдачу ссуды въ пять миллионовъ купцамъ, наиболѣе нуждающимся и заслушивающимъ довѣрія.

Предложеніе его было одобрено поздно вечеромъ, а на утро, во избѣженіе официальныхъ оторочекъ, онъ отправился самъ въ Сити и раздалъ 70,000 наиболѣе нуждающимся, подъ своею отвѣтственностью. Тамъ онъ встрѣтился съ Питтомъ, который сказалъ ему съ сожалѣніемъ, что невозможно скоро помочь пострадавшимъ, потому что «деньги не вырастаютъ въ одинъ день». «Они выросли въ Лондонѣ въ одну ночь!»—вразбрѣлъ Синклеръ съ восторгомъ, и впослѣдовѣніи, вспоминая объ этомъ, прибавлялъ съ улыбкою: «Я смутилъ Питта моимъ отвѣтомъ». Такимъ образомъ, этотъ энергическій и въ высшей степени полезный труженикъ представляетъ собою великий примѣръ для всѣхъ людей. Всю жизнь онъ заботился о пользѣ ближнихъ и самъ пріобрѣлъ—не богатство, но нечто лучшее—счастіе и сознаніе исполненія долга. Однако, онъ не забывалъ и о своемъ семействѣ, и дѣти его, сыновья и дочери, выросли достойными своего славнаго отца. Они служили ему лучшимъ утѣшениемъ въ глубокой старости, и ни одинъ изъ его семи сыновей ни разу не огорчилъ его ни дѣломъ, ни словомъ.

ГЛАВА XIII.

ХАРАКТЕРЪ.

Лучшее достояніе человѣка заключается въ нравственныхъ его качествахъ.—Описаніе характера Френсиса Горнера.—Франклинь.—Характеръ есть сила. — Его возвышенныя свойства. — Правила жизни Эрекина. — Необходимость высокой жизненной цѣли. — Нравдивость. — Слова Веллингтона о характерѣ Роберта Пilla. — «Будьте на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ кажетесь». — Честность въ образѣ дѣйствій. — Сэръ Ральфъ Аберкромби. — Характеристика, данная Фуллеромъ сэру Френсису Дрэку.

Нравственные свойства человѣка, его доброе имя—составляютъ вѣнецъ и славу его жизни и драгоцѣнѣйшее достояніе человѣческой натуры вообще; хороший характеръ возвышаетъ насъ какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ общественномъ мнѣніи, и сообщаетъ человѣку достоинство во всякомъ положеніи, занимаемомъ имъ въ обществѣ. Характеръ обладаетъ большимъ могуществомъ, чѣмъ самое богатство, и доставляетъ своему обладателю всѣ почести, не возбуждая однако-жъ ни въ комъ завистливыхъ чувствъ. Составляя результатъ испытанной честности, прямоты и твердости, человѣческій характеръ никогда не теряетъ своего значенія, потому что эти качества, болѣе всякихъ другихъ, внушаютъ къ себѣ общественное довѣріе и уваженіе.

Въ хорошихъ нравственныхъ качествахъ выражается вся лучшая сторона человѣческой натуры. Они служатъ какъ бы воплощеніемъ идеи нравственного порядка въ дан-

ной человѣческой личности. Люди, обладающіе твердыми нравственными правилами, не только являются представителями общественного сознанія, но, сверхъ того, въ каждомъ благоустроенному государствѣ составляютъ его лучшую движущую силу, такъ какъ и вообще тѣ или другія нравственные свойства людей управляютъ цѣлымъ свѣтомъ. Даже на войнѣ, по словамъ Наполеона, нравственный элементъ относится къ физическому, какъ десять къ одному. Внутренняя сила народовъ, ихъ промышленное развитіе и цивилизациѣ — все зависить отъ свойствъ характера отдельныхъ лицъ. На этомъ же основаніи покоятся и вся гражданская безопасность, потому что законы и учрежденія — не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе и проявленіе того же личнаго характера. На беспристрастномъ судѣ природы, какъ отдельные лица, такъ и націи, даже цѣлые поколѣнія, получаютъ ровно столько, сколько заслуживаютъ, не болѣе.

Человѣкъ, обладающій даже сравнительно малымъ образованіемъ, незначительными способностями и ничтожными материальными средствами, но имѣющій высокія нравственные достоинства, всегда будетъ оказывать влияніе на окружающихъ, въ какое бы общественное положеніе онъ ни былъ поставленъ, гдѣ бы ни находился, въ мастерской или въ конторѣ, на рынкѣ или въ сенатѣ. Каннингъ очень основательно писалъ объ этомъ въ 1801 году. «Я могу достигнуть власти только посредствомъ нравственныхъ качествъ, иного пути я не хочу и выбирать, и питая твердую увѣренность, что хотя этотъ путь, быть можетъ, и не самый скорый, но зато самый вѣрный». Людямъ талантливымъ мы удивляемся, но чтобы питать полное довѣріе къnimъ, одного таланта еще недостаточно. Поэтому лордъ Джонъ Россель однажды совершенно справедливо замѣтилъ: «англійскія партіи всегда ищутъ помощи людей геніальныхъ, но въ руководители избираютъ исключительно людей съ хорошими нравственными качествами». Яркимъ примѣромъ

этого служитъ дѣятельность Френсиса Горнера, о которомъ Сидней Смитъ сказалъ, что десять заповѣдей какъ бы запечатлены на его лицѣ. «Исторія жизни этого человѣка,— говорить лордъ Кокбернъ,— имѣеть значеніе для всѣхъ молодыхъ людей въ слѣдующемъ отношеніи. Горнеръ умеръ тридцати восьми лѣтъ отъ рода, обладая большими общественнымъ влияніемъ, чѣмъ какое когда-либо доставалось на долю частнаго человѣка; онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, любовью, довѣріемъ; кончину его оплакивали всѣ, кромѣ низкихъ или безсердечныхъ людей. Больше почетей никогда не воздавалось въ парламентѣ при смерти какого-либо изъ его членовъ. Какимъ же образомъ все это было достигнуто? Знатнымъ происхожденіемъ? Но Горнеръ былъ сынъ єдинбургскаго купца. Богатствомъ? Ни онъ и никто другой изъ его родныхъ никогда не имѣли лишняго пенса. Почетною должностью? Но Горнеръ занималъ на короткое время всего только одну должность, и притомъ не имѣвшую особаго значенія и съ самыми маленькими жалованьемъ. Талантами? Они были не блестящи, и Горнеръ никогда не былъ гениемъ. Осторожный и разсудительный, онъ всегда стремился только къ тому, чтобы быть честнымъ человѣкомъ. Краснорѣчіемъ? Онъ всегда говорилъ спокойно, просто, безъ всякихъ ораторскихъ приемовъ, которые въ состояніи увлекать или приводить въ ужасъ слушателей. Все, чѣмъ онъ пользовался, было достигнуто простымъ, здравымъ смысломъ, трудолюбіемъ, хорошими правилами и добрымъ сердцемъ: это такія качества, которые могутъ быть приобрѣты каждымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Горнеръ возвысился благодаря своей силѣ характера, которая однако-жъ не была его природнымъ достояніемъ, а сформировалась впослѣдствіи сама собою. Въ палатѣ общины было много людей, обладавшихъ гораздо большими способностями и краснорѣчіемъ, но никто не превосходилъ Горнера въ умѣніи соединить эти качества съ нравственными достоинствами. Онъ былъ живымъ

доказательствомъ того, чего можно достичнуть съ умѣренными способностями, безъ всякой другой помощи, кромѣ образования и доброты сердца — доказательствомъ успѣха, какой можно пріобрѣсти даже среди постояннаго соперничества и зависти, которыми мы окружены въ общественной жизни».

Франклінъ также приписывалъ весь свой успѣхъ на поприщѣ общественной дѣятельности не талантамъ или дару слова, — и тѣмъ, и другимъ онъ обладалъ лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, — но именно своей извѣстной честности характера. «По этой причинѣ,— говорилъ онъ,— я имѣлъ такой вѣсъ въ кругу моихъ согражданъ. Я былъ дурнымъ ораторомъ, не обладалъ краснорѣчiemъ, всегда долго колебался въ выборѣ словъ, даже въ языкѣ моемъ были неправильности; но, несмотря на все это, я всегда достигалъ своей цѣли». Довѣrie, питаемое къ извѣстному человѣку на основаніи его нравственныхъ качествъ, одинаково какъ въ высокомъ общественномъ положеніи, такъ и въ самомъ скромномъ. Объ Александрѣ I, Русскомъ Императорѣ, говорили, что его личный характеръ стоить конституціи. Во время войны Франды, Монтень, одинъ изъ всѣхъ французскихъ дворянъ, держаль ворота своего замка незапертыми; личные свойства этого человѣка охраняли его отъ всякой опасности вѣтрате, чѣмъ цѣлый полкъ конницы.

Говорятъ, что знаніе есть сила, но съ большею справедливостью можно сказать, что необходимымъ условиемъ силы служатъ нравственные качества. Умъ безъ сердца, талантливость безъ нравственности, искусства въ занятіи безъ доброты характера, — всѣ эти способности, пожалуй, могутъ быть названы въ своемъ родѣ силою, но такою, которая обращена на зло. Конечно, мы можемъ извлекать изъ нихъ урокъ или забаву для себя, но питать къ нимъ удивленіе столь же трудно, какъ, напримѣръ, трудно любоваться ловкостью мошенника или искусствомъ разбойника на большой дорогѣ въ ихъ подвигахъ.

Правдавость, честность и доброта составляют существенное условие хорошего человеческого характера, а въ соединеніи съ твердостью воли эти качества сообщаютъ человѣку непреодолимую силу, которая проявляется и въ положительной полезной дѣятельности, и въ энергическомъ сопротивлениі злу, и въ крѣпкой устойчивости при всякихъ затрудненіяхъ и несчастіяхъ. Когда Стефанъ Колонна попалъ въ руки своихъ враговъ, они спросили его съ насмѣшкой: «гдѣ же твоя сила?» «Здѣсь», гордо отвѣчалъ онъ, показывая на сердце. Характеръ человѣка честнаго съ полнымъ блескомъ выказывается въ несчастіи, потому что, лишившись всего, онъ только въ нравственной чистотѣ можетъ находить себѣ опору и мужество.

Правила нравственности, принятыя лордомъ Эрскиномъ —человѣкомъ съ безукоризненными принципами и строгой приверженностью къ истинѣ,—достойны того, чтобы молодые люди съ ними ознакомились. «Первымъ моимъ урокомъ и наставлениемъ въ юности было,—говоритъ онъ,—всегда дѣлать то, что моя совѣсть признавала обязанностью, а остальное предоставлять уже Провидѣнію. Я сохранилъ память объ этихъ родительскихъ совѣтахъ до могилы. До сихъ поръ я постоянно слѣдовалъ имъ, и не могу сказать, чтобы такое послушаніе было только временной жертвой съ моей стороны. Напротивъ, я нашелъ, что этотъ путь ведетъ къ счастью, и непремѣнно укажу его-же и моимъ дѣтямъ, какъ лучшее пособіе при ихъ занятіяхъ».

Къ обладанію хорошей нравственностью, какъ къ одной изъ высшихъ жизненныхъ цѣлей, долженъ стремиться каждый человѣкъ. Уже самое усиленіе упрочить за собой нужные для этого качества честными путями послужить человѣку благодѣтельнымъ возбужденіемъ къ дѣйствію, а по мѣрѣ улучшениія образа мыслей, это возбужденіе будетъ укрѣпляться и оживляться. Высокая программа жизни полезна, во всякомъ случаѣ, даже тогда, когда мы и не въ состояніи осуществить ее на дѣлѣ. «Молодые люди,—гово-

ворить Дизраэли, — которые не смотрять вверхъ, неизбѣжно будуть смотрѣть внизъ; духъ, который не паритъ высоко, предназначенъ къ тому, чтобы присмыкаться».

Человѣкъ, обладающій возвышеннымъ образомъ мыслей и такимъ-же планомъ дѣятельности будетъ и на дѣлѣ лучше того, который этого ничего не имѣть. Тотъ, кто старается достигнуть самыхъ высокихъ результатовъ, непремѣнно подвинется къ цѣли, стоящей во всякомъ случаѣ впереди того пункта, отъ которого онъ отправился, — и хотя достигнутая цѣль можетъ не соотвѣтствовать предположенной сначала, но самое усиліе подняться уже будетъ для человѣка въ высшей степени благотворно.

Хотя въ истинныхъ свойствахъ характера извѣстнаго человѣка и трудно ошибиться, но бываютъ все-таки поддѣлки подъ нравственное достопріенство человѣческой личности. Такъ какъ это достопріенство должно имѣть большую цѣну въ ходѣ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ, то некоторые лица принимаютъ на себя маску людей благородныхъ, чтобы съ помощью ея лучше обмануть простяковъ. Такъ полковникъ Чартрайсъ сказалъ одному человѣку, извѣстному своею честностью: «Я согласился-бы заплатить тысячу фунтовъ за ваше имя». — «Почему такъ?» — «Потому, что черезъ него я пріобрѣль-бы десять тысячъ», — былъ отвѣтъ.

Отраженіемъ хорошаго характера въ жизни служить правдивость въ словахъ и въ дѣлахъ, а самой выдающейся чертой его должно признать постоянную приверженность къ истинѣ. Такъ, напримѣръ, вотъ отзывъ Веллингтона о характерѣ Роберта Пиля, произнесенный чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти этого знаменитаго государственнаго человѣка и принадлежащій къ числу лучшихъ описаній его характера: «Благородные лорды, — сказалъ Веллингтонъ, — конечно, всѣ знаютъ высокій и почтенный характеръ покойнаго сэра Роберта Пиля. Я долгое время дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нимъ на общественномъ попришѣ и пользовался

его частной дружбой. Въ теченіе всего моего знакомства съ нимъ, я никогда не зналъ другого человѣка, на честность и справедливость котораго можно-бы было положиться больше, чѣмъ это было по отношенію къ Пилю, и ни въ комъ я ни видѣлъ болѣе неизмѣнного желанія возвысить службу обществу. Въ продолженіе всего периода времени моихъ сношеній съ нимъ, не было примѣра, въ которомъ бы онъ не выказалъ сильнейшей привязанности къ правдѣ, и я никогда не встрѣчалъ даже самаго ничтожнаго предлога къ подозрѣнію, чтобы Пиль утверждалъ что-нибудь, не будучи уверенъ въ справедливости своихъ словъ». Этако высокая справедливость Роберта Пиля и была, безъ сомнѣнія, причиной не малой доли его значенія и силы.

Существенное условіе возвышенности характера составляетъ честность какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ. Человѣкъ долженъ въ дѣйствительности быть тѣмъ, чѣмъ онъ кажется или къ чему стремится. Когда одинъ американскій джентльменъ написалъ Гренвилю Шарпу, что изъ уваженія къ его высокимъ достоинствамъ онъ назвалъ своего сына его именемъ, Шарпъ отвѣчалъ: «я долженъ просить васъ научить вашего сына любимому правилу того семейства, имя котораго вы ему дали: «стараитесь быть на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ желалъ-бы казаться». Этому правилу, по словамъ моего отца, слѣдовалъ уже *его* отецъ, главной чертой котораго была искренность, составляющая отличительное свойство прямодушнаго и честнаго человѣка, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни». Каждый человѣкъ, уважающій себя и дорожающій уваженіемъ другихъ, будетъ приводить это правило въ дѣйствіе, дѣлая честно то дѣло, которое предназначилъ себѣ заранѣе,—прилагая къ работѣ все свое усердіе, не пренебрегая ничѣмъ, но гордясь только своею честностью и справедливостью. Люди у которыхъ дѣйствія противорѣчатъ словамъ, не внушаютъ къ себѣ никакого уваженія, словамъ ихъ придается очень малый вѣсъ; даже правда, произнесенная ими, дѣлается похожею на ложь.

Человѣкъ обладающій неподдѣльными нравственными качествами, поступаетъ всегда правдиво, не придавая значенія тому, приходится ли ему дѣйствовать тайно или на виду у людей.

Самымъ лучшимъ правиломъ для человѣка истинно-благородного должна быть, кромѣ того, внимательность къ чувствамъ другихъ людей,—внимательность, простирающаяся, на подчиненныхъ столько-же, какъ и на равныхъ себѣ, и соединенная съ уваженіемъ къ сознанію ими собственного человѣческаго достоинства. Такой человѣкъ скорѣе самъ перенесеть маленькую обиду, нежели, чрезъ истолкованіе въ дурную сторону поступковъ другого лица, станетъ подвергаться риску совершить большую несправедливость. Онъ будетъ терпѣливо относиться къ слабостямъ, ошибкамъ и заблужденіямъ тѣхъ людей, жизнь которыхъ представляла менѣе благопріятныхъ условій, чѣмъ у него самого. Сострадательный даже къ животнымъ, такой человѣкъ не хвастается ни своимъ богатствомъ, ни силою, ни дарованіями, и не любить оказывать людямъ милости съ покровительственнымъ видомъ. Лордъ Чатамъ говорить, что отличительная черта джентльмена состоить въ предпочтеніи другихъ самому себѣ въ ежедневныхъ текущихъ житейскихъ дѣлахъ. Въ примѣръ уваженія къ чужому праву, которое составляетъ, какъ мы сказали, отличительную черту благородного характера, мы можемъ привести разскѣзъ о храбромъ Ральфѣ Аберкромби. Смертельно раненый въ битвѣ при Абукирѣ, этотъ генераль былъ отнесенъ въ носилкахъ на корабль, и, для облегченія его страданій, ему подложили подъ голову солдатское одѣяло, что дѣйствительно уменьшило боль. Онъ спросилъ, что это такое, и, получивъ отвѣтъ, продолжалъ, приподнимаясь съ мѣста: «Чье это одѣяло?» — Одного изъ нашихъ солдатъ, — отвѣчали ему. «Я желаю знать имя того человѣка, которому оно принадлежитъ». — Это одѣяло Дункана Роя, рядового 42-го полка. — «Прошу распорядиться, чтобы Дунканъ Рой получилъ

свое одѣяло обратно въ ту-же ночь». Такимъ образомъ, даже для облегченія своихъ предсмертныхъ страданій, Аберкромби не хотѣлъ лишить солдата принадлежавшаго этому послѣднему одѣяла ни на одну ночь. Такого-же рода случай представляется намъ въ примѣръ умирающаго Сиднея, который въ битвѣ при Зутфенѣ передалъ солдату свой стаканъ воды.

Фуллеръ, описывая нравственныя ~~честства~~ качества адмирала Френсиса Дрэка, слѣдующимъ образомъ въ немногихъ словахъ изобразилъ главныя черты характера настоящаго джентльмена и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельного человека: «безукоризненный въ образѣ жизни, справедливый въ поступкахъ, правдивый въ словахъ, снисходительный къ людямъ, которые стояли ниже его, ненавидѣвший праздность болѣе всего на свѣтѣ,—онъ никогда не полагался на другихъ, особенно въ важныхъ дѣлахъ, какъ-бы эти другие люди ни были сведущи и честны. Пренебрегая опасностями, онъ не отказывался ни отъ какого труда; напротивъ, онъ привыкъ всегда быть первымъ во всякомъ дѣлѣ, въ которомъ требовалась мужество, знаніе и трудъ».

ОГЛАВЛЕНИЕ

САМОДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. ПЕРЕВОДЪ СЪ ДОПОЛНЕНИЯМИ Н. КУТЕЙНИКОВА.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Самодѣятельность национальная и личная	1
II. Промышленные дѣятели, изобрѣтатели и производители	62
III. Усердіе и стойкость въ работѣ, какъ необходимыя условія успѣха	113
IV. Внѣшняя помощь и случай. Научныя занятія	147
V. Труженики въ области искусства	200
VI. Трудъ и дворянство	240
VII. Энергія и храбрость	258
VIII. Качества дѣлового человѣка	314
IX. Деньги, правильное и неправильное употребленіе ихъ	338
X. Саморазвитіе	363
XI. Удобства и трудности. Вліяніе на развитіе человѣка	420
XII. Значеніе примера въ дѣлѣ саморазвитія	456
XIII. Характеръ	474